
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА
ДЖЕК УИЛЬЯМСОН
ДЕСЯТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА
Rovena

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН

ДЕСЯТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

TALLINN "MELOR"
1994

И /АНГ/

ЭЛИТАРНАЯ СЕРИЯ. Издается с 1990 года.

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериал «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом.

Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН.
"Десятые звездные войны". Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: "Мелор", 1994, 448 стр. ил. /"Библиотека кримин. и прикл. романа". Выпуск 18/.

В "Десятых звездных войнах" мы не можем не познакомить Вас с творчеством Джека Уильямсона, написавшего один из шедевров мировой боевой фантастики о космических приключениях знаменитого Жиля Хабибула и его друзей. Все четыре боевика представляемых в данной книге объединены одними героями и представляют собой единый сериал.

... Лишь одна молодая девушка знает тайну АККА - драгоценности, которой обладает человечество. Темные силы предпринимают постоянные попытки похитить девушку и любой ценой выведать у нее тайну с целью установления диктата или уничтожения Зеленого Холла - резиденции Совета объединенных планет. День и ночь охраняет девушку специальное подразделение Легиона Пространства, в которое направляется Джон Стар - двадцатилетний юноша после окончания Академии Легиона...

ИТАК. КОСМИЧЕСКИЕ СХВАТКИ ЖИЛЯ ХАБИБУЛА И ЕГО ДРУЗЕЙ В СУПЕРСЕРИАЛЕ "ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ"...

Е $\frac{470310100-008}{8У3/03/-94}$

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-87005-008-1

© «MELOR», 1994г.

ПЕРВАЯ ВОЙНА ЖИЛЯ ХАБИБУЛА

МАРСИАНСКАЯ КРЕПОСТЬ

— Жду ваших приказаний, майор Стелл.

Джон Стар, стройный и подтянутый в новой форме Легиона, стоял перед столом, за которым сидел и поигрывал серебрянной моделью космического крейсера сухощавый, седовласый офицер. Джон ощущал проницательный взгляд майора, который пристально рассматривал его.

Напрягшись он старался выдержать этот пронизывающий взгляд, сгорая от желания узнать, каково будет его первое назначение.

— Джон Ульмар, готовы ли вы к выполнению первого приказа Легиона и к тому, чтобы, как это положено, ставить долг превыше всего?

— Да, сэр. Я считаю, что готов.

— Я тоже надеюсь на это, Джон Ульмар.

Итак, Джон Стар был известен ранее как Джон Ульмар. "Стар" — это титул, знак различия, данный ему позднее Зеленым Холлом. Всем следует называть его Джон Стар согласно Эдикту Зеленого Холла.

Этот день был одним из первых в тридцатом столетии, был самым главным, самым волнующим днем за все двадцать один год его жизни. Он означал конец пятилетнему упорному обучению в Академии Легиона на острове Каталины. Сейчас все церемонии были завершены. Вот-вот должна была начаться жизнь в Легионе.

Он напряженно размышлял: куда ему предстоит отправиться. В космические пустыни на каком-нибудь крейсере Патруля? На изолированный пост в страшных джунглях Венеры? Или, быть может, в охрану Зеленого Холла? Он с трудом скрывал нарастающее беспокойство.

— Джон Ульмар,— сказал, наконец, майор Стелл с неторопливостью, доводящей до безумия,— я надеюсь, вы понимаете, что такое долг?

— Надеюсь, сэр.

— Потому что,— столь же медленно продолжал офицер,— вам предстоит задание особой важности.

— Какое же, сэр?

Он не мог совладать с желанием побыстрее удовлетворить свое распаленное любопытство. Однако майор Стелл не собирался спешить. Его пронзительные глаза продолжали безжалостно разглядывать Джона, а тонкие пальцы по-прежнему вертели игрушечный крейсер на столе.

— Джон Ульмар, такое задание, как ваше, прежде поручалось лишь бывалым, отборным ветеранам Легиона. То, что выбор пал на вас, должен признать, удивило меня. Отсутствие опыта — это, определенно, недостаток.

— Надеюсь, не очень значительный, сэр...

Почему он не переходит к делу?

— Приказ о вашем назначении, Джон Ульмар, исходит непосредственно от командора Ульмара. Случайно, вы не родственник командиру Легиона и его племяннику, Эрику Ульмару, исследователю?

— Да, сэр. Дальний.

— Это объясняет причину выбора. Но, если вы не справитесь с заданием, Джон Ульмар, не надейтесь, что положение командора спасет вас от неприятностей.

— Конечно, сэр! Разумеется!

Сколько времени он еще будет испытывать его терпение?

— Служба, которая вам поручается, Джон Ульмар, мало кому известна. В сущности, она секретна. Но крайне важно, чтобы она была поручена солдату Легиона. Вы будете отвечать непосредственно перед Зеленым Холлом. Могу вас заверить, любой промах, даже малейший, повлечет за собой разжалование и суровое наказание.

— Да, сэр.

Так что же это?

— Джон Ульмар, вы когда-нибудь слышали об АККА?

— АККА? По-моему, нет, сэр.

— АККА — это символ.

— Да, сэр. И что это означает?

Наконец-то! Неужели он сейчас узнает?

— Люди отдавали свои жизни, чтобы узнать это, Джон Ульмар. И люди умирали потому, что знали об этом. Лишь один человек в Системе знает в точности, что означают эти четыре буквы. Этот человек — молодая женщина. И самая важная обязанность Легиона — охранять ее.

— Да, сэр. И что это означает?

— Дело в том, Джон Ульмар, что АККА — самая драгоценная вещь, которой обладает человечество. Мне нет нужды говорить вам, что это значит. Потеря ее или, потеря этой молодой женщины, которая знает, что такое АККА, будет означать беспрецедентное бедствие для человечества.

— Да, сэр.— Ожидание было мучительным.

— Я не могу представить себе службы более важной, чем вступление в ряды тех немногих опытных людей, которые охраняют девушку. И бо-

лее тяжелой службы! Ибо об существовании АККА известно людям, готовым на все, и они знают, что обладание ей позволит им установить диктат над Зеленым Холлом — или уничтожить его.

— Да, сэр. Где эта девушка?

— Никакой риск, никакие трудности не могут отучить их от попыток захватить эту девушку и узнать у нее секрет. Вы должны быть постоянно начеку, постоянно готовы защитить ее от любого насилия. Девушка и АККА должны быть спасены любой ценой.

Информацию о девушке вы не получите, пока не окажетесь в космосе. Опасность, что вы не удержите ее, вольно или невольно, слишком велика. Безопасность девушки зависит от того, насколько секретно ее местонахождение. Если о нем станет известно, весь Легион будет не в состоянии защитить ее.

Вы направляетесь, Джон Ульмар, на охрану АККА. Вам надлежит немедленно доложить об этом Зеленому Холлу, а именно, капитану Эрику Ульмару, перейти под его начало.

— Под начало Эрика Ульмара!

Он был изумлен и переполнен радостью, узнав, что будет служить у этого известнейшего исследователя космоса, своего родственника, только что возвратившегося из отчаянной смелости путешествия за пределы Системы, на далекую неведомую планету Убегающей Звезды Барнарда.

— Да, Джон Ульмар, и я надеюсь, что вы не забудете о чрезвычайной важности этого поручения, прежде чем вы... Впрочем, у меня все.

Понятное дело, сердце Джона Стара с болью переносило расставание со старым корпусом Академии, прощание с одноклассниками. Но, тем не менее, боль была не столь уж острой, потому что он сгорал от нетерпения. Впереди лежала тайна, обещание волнующей встречи с родственником. Будучи по природе своей оптимистом, он не обратил внимание на мрачные намеки майора Стелла о возможной неудаче.

В полдень этого дня из иллюминаторов снижающегося стратолета он впервые увидел Зеленый Холл — резиденцию Верховного Совета объединенных планет.

Словно гигантский изумруд, он мерцал темным огнем на выжженной солнцем вершине столовой горы в Нью-Мексико — величественное колдовство, чудо из зеленого прозрачного стекла. Квадратная центральная башня поднималась на три тысячи футов, увенчанная посадочной площадкой на которую спускался стратолет. Четыре огромных крыла с колоннами простирались на добрую милю по роскошным ухоженным паркам. Драгоценный бриллиант в пустыне, под зубчатой, в милю высотой, стеной Сан-Диаса.

Джон Ульмар был как на иголках, и ему не терпелось увидеть Эрика Ульмара, который был сейчас в полном расцвете своей славы после совершенной под его началом первой удачной экспедиции за пределы Системы — если можно было назвать успешной эту экспедицию, в

результате которой на Землю вернулось около четверти ее членов, и большинство из них умирало от страшной болезни, искажавшей саму форму человеческого тела.

Присутствовали в истории этого путешествия темные, а то и безмолвные главы. Однако общественность, и Джон Стар в ее числе, игнорировала их. Эрик Ульмар был осыпан почестями, в то время как большинство его спутников лежали забытые в госпитальных палатах, бредя ужасами той далекой зловещей планеты, а их тела гнили самым немыслимым образом, и тут бессильна была помочь и понять что-либо медицинская наука.

Джон Стар нашел Эрика Ульмара в личном его кабинете в просторном Зеленом Холле. Тот ждал его. Длинные золотистые волосы и изящное тело делали юного офицера почти женственно привлекательным. Горящие глаза и надменное выражение выдавали в нем страсть и незаурядную гордость. Скошенный подбородок и нерешительный рот открывали фатальный недостаток этого человека.

— Джон Ульмар, я считаю вас моим родственником.

— Я тоже так считаю, сэр,— сказал Джон Стар, скрывая разочарование, которое пробилось даже сквозь восхищение. Он стоял — весь внимание,— в то время как высокомерные глаза Эрика Ульмара настырно рассматривали его длинное тело, жесткое и умелое после пяти изнурительных лет в Академии.

— Адам Ульмар — мой дядя. Он повлиял на то, что я выбрал тебя. Я надеюсь, что ты будешь служить мне верно.

— Конечно, сэр. Кроме того, что вы мой родственник, вы мой начальник по Легиону.

Эрик Ульмар улыбнулся, на секунду его лицо стало почти привлекательным, несмотря на вялость и гордыню.

— Уверен, что мы поладим,— сказал он.— Но я могу попросить тебя о чисто родственных услугах, чего не сделал бы, если бы ты был просто моим подчиненным.

Джон Стар подумал о том, что это могли быть за услуги. Он не мог привыкнуть к мысли, что Эрик Ульмар оказался не таким, каким он представлял себе героя космических исследований. Что-то в нем вызывало смутное недоверие, хотя этот человек был его идолом.

— Ты готов отправиться на наш пост?

— Конечно.

— Тогда мы немедленно поднимемся на крейсер.

— Мы покидаем Землю?

— Для твоей же пользы будет лучше,— сказал Эрик Ульмар с резким начальственным оттенком в голосе,— если ты будешь повиноваться приказам и не будешь задавать вопросов.

Лифт поднял их в сверкающую путаницу посадочной площадки. Там их ждал "Скорпион", новый скоростной крейсер, сужающийся к одному

концу цилиндр длиной добрую сотню футов, весь серебряно-белый, если не считать черных дюз.

В воздушном шлюзе их встретили два легионера и вошли вместе с ними на борт. Варс — длинный, сильный, с крысиным лицом; Кимплен — высокий, с жестокими глазами и волчьим обликом. Оба значительно старше Джона Стара, оба, как он вскоре узнал, ветераны межзвездной экспедиции — в числе тех немногих, кто избежал таинственного заболевания,— они выразили в отношении его неопытности начальственное сочувствие, что было ему неприятно. Странно, подумал он, что люди их типа были избраны для стражи бесценного АККА. Он бы, подумал он, не доверил ни одному из них расплатиться за него в ресторане.

"Скорпион" был загружен провизией, заправлен топливом, имел экипаж из десяти человек, находившихся на своих постах. Воздушный шлюз был быстро задраен, дюзы начали источать голубоватое пламя, и корабль умчался сквозь атмосферу навстречу свободе космоса.

Через тысячу миль, когда они благополучно оказались в стылом, испещренном звездами вакууме пространства, пилот выключил двигатели. По приказу Эрика Ульмара он направил нос крейсера в сторону далекой красной искорки Марса и включил геодиновые генераторы. Тихо гудя, их мощные поля вступили во взаимодействие с кривизной самого пространства, и геодины — точнее говоря, электромагнитные геодезические отражатели — повели "Скорпион" за сотни миллионов миль к Марсу, с ускорением и конечной скоростью, которые некогда человеческая наука объявила невозможными.

Забыв о неприятном чувстве недоверия к Варсу и Кимплену, Джон Стар наслаждался путешествием. Вечные чудеса космоса развлекали его долгими часами. Эбеновые небеса; замерзшие крапинки звезд, разноцветные, неподвижные; серебрянные облака туманностей; божественное солнце, голубое, с крыльями огненно-красной короны.

Трижды в узкой каюте был накрыт стол. Двенадцать часов спустя геодины, слишком мощные для безопасного маневра близ планет, были остановлены. "Скорпион" падал, полыхая вспышками дюз, к ночной стороне планеты Марс.

Стоя возле навигатора, Эрик Ульмар читал ему указания из личного меморандума. Во всем путешествии присутствовала атмосфера тайны, загадочной безотлагательности, вызова, брошенного неведомым угрозам, что крайне интриговало Джона Стара. И все же, он чувствовал, что что-то идет не так, и это ощущение не оставляло его.

Они приземлились в каменистой марсианской пустыне, по-видимому, далеко от города либо обитаемого плодородного "канала". Поблизости в звездном свете возвышались приземистые темные холмы. Джон Стар, Эрик Ульмар, крысоликий Варс и Кимплен с волчьим обликом высадились; рядом с ними был выгружен скудный багаж и небольшая груда припасов.

Из тьмы неожиданно вышли четверо легионеров — часть стражи, понял Джон Стар, которую они должны сменить. Четверо зашли на борт, после чего их старший обменялся какими-то документами с Эриком Ульмаром, и люк лязгнул за ними. Из дюз ударили голубые струи пламени. "Скорпион" с ревом умчался, превратившись в мерцающую синюю комету, и вскоре затерялся среди ярких звезд марсианского неба.

Джон Стар и остальные ждали в пустыне наступления дня. Солнце вспыхнуло неожиданно, ослепительное и голубое, после непродолжительной желтой зари, залив красный ландшафт жаркими лучами.

Древняя планета под фиолетовым зенитом, с лимонно-зелеными горизонтами выглядела заброшенной и покинутой. По безлюдным пространствам охряного песка рядами шли полумесяцы дюн. Грубые зубчатые гряды красных вулканических скал выпирали из желтого песка, словно обломанные клыки. Одинокие валуны, источенные безжалостным, переносимым ветром песком, походили на карикатурных злых чудовищ. Над равниной сгрудились холмы. Низкие, старые, изрытые эрозией безвременных лет, как и все возвышенности умирающего Марса. Монументальные массивы красного камня, разбитые красно-черные палисады каменных колонн. Неровные трещины. На вершине холма распростерся древний полуразрушенный город. Массивные стены цеплялись за кромки обрывов, тут и там их перемежали квадратные высокие башни. Все это было из красного вулканического камня, характерного для марсианской пустыни, и все медленно превращалось в тлен.

Джон Стар знал, что крепость датируется покорением жутких кремниево-панцирных марсиан. Должно быть, ее покинули полных три столетия назад. Однако сейчас она не пустовала. Когда они поднялись к воротам, их встретил часовой, очень толстый приземистый синеносый мужчина в форме Легиона, лениво развалившийся на кушетке под теплым солнцем. Он изучил документы Эрика Ульмара внимательным взглядом рыбьих глаз.

— Ага, так вы, значит, сменная стража,— засопел он.— Смерть моя, до чего же редко видим мы здесь живое существо. Проходите. Капитан Стан у себя в квартире за двором.

За осыпающимися красными стенами они обнаружили большой открытый двор, окруженный галереей. На него открывалось множество дверей и окон. В маленьком саду с красными цветами играл крошечный фонтан. За ним находился теннисный корт, в котором при их появлении торопливо исчезли мужчина и очаровательная девушка. При виде девушки сердце Джона Стара возбужденно подпрыгнуло. Он мгновенно понял, что она — хранительница таинственного АККА. Это та девушка, которую ему поручили охранять. Вспоминая предупреждение майора Стелла о том, что отчаянный враг готов захватить ее, Джон Стар испытал прикосновение предчувствия. Старый форт не представлял собой укрепление, это был не более чем кров. И вскоре он обнаружил, что его охраняют всего лишь восемь человек, как ему и было сказано. Вооружены

они были лишь ручными протонными иглами. Говоря откровенно, тайна была их единственной защитой. Тайна и секретное оружие девушки. Если эти враги откроют, что она здесь, и пошлют современный вооруженный корабль...

В этот день он ничего больше не узнал. Эрик Ульмар, Варс и Кимплен не были общительны. Четверо оставшихся из старой стражи человек почему-то соблюдали дистанцию, были осторожны в разговорах и явно держались настороже. Они были заняты переносом припасов с места посадки "Скорпиона". Видимо, это была провизия на многие оставшиеся месяцы. За час до темноты Джон Стар находился в собственной, предоставленной ему комнате, выходившей на старый двор; здесь он и услышал тревогу.

— Ракета! Ракета! Снижается чужой корабль!

Выбежав во двор, он увидел среди звезд зеленоватое пламя. Он услышал тонкий свист, который перерос в пронзительный визг, отчего он едва не оглох. Пламя, выросшее до огромных размеров, исчезло за восточной стеной, визг неожиданно прекратился. Он почувствовал под ногами резкий толчок.

— Большой корабль!— закричал часовой.— Он опустился так близко, что встряхнул холм. Его дюзы горели зеленым. Я такого никогда не видел!

А не может ли быть, подумал Джон Стар, и сердце его при этой мысли почему-то замерло, что таинственные враги девушки прознали о том, где она находится? Что этот корабль прибыл за ней?

Капитан Стан, командир крошечного гарнизона, явно испытывал те же предчувствия. Стареющий маленький человек, очень взволнованный, он собрал всех легионеров и поставил их на старые стены с ручными протонными ружьями. Три часа Джон Стар провел, глядя в бойницу. Ничего не происходило. В полночь его сменили.

Старый офицер, однако, был по-прежнему встревожен прибытием незнакомого корабля. Он приказал троим людям из его подразделения — Джею Каламу, Халу Самду, Жилю Хабибуле оставаться на страже. От него Джону Стару передалось чувство страха и неумолимого рока, которые с тех пор стали его спутниками на многие мрачные и зловещие годы.

ВИД НА УБИЙСТВО

Внезапно Джон Стар обнаружил, что сидит на своей койке и глядит в открытое окно, за которым располагался большой двор. Разбудила его не боевая тревога. Хуже того — озноб инстинктивного страха, интуитивный ужас. Глаз! Должно быть, это был глаз, глядевший на него. Однако он был в длину целый фут, овальный и выпуклый, без белка. Его окаймляли тонкие, отороченные черным мембраны. Он был пурпурный и сиял во тьме, как гигантский люминисцентный колодец. Что-то в нем было невообразимо злобное. Один взгляд на него вызывал ледяной первобытный ужас. Один лишь краткий миг смотрел на него глаз с невообразимой злобой, затем исчез.

Дрожа, он слез с кровати, чтобы поднять тревогу. Но испытанное потрясение заставило его усомниться в своих чувствах. Когда он услышал во дворе крик часового, как будто ничего не случилось, он решил, что виденное им — не более чем ночной кошмар. Он не был подвержен ночным кошмарам, однако, в конце концов, он ничего не слышал, да и сам глаз исчез при первом взгляде на него. Это совершенно невозможно: ни одно существо в Системе не имело глаза длиной в фут, даже морские ящеры Венеры. Он вновь улегся на кровать и попытался уснуть. Безуспешно, потому что образ этого ужасного глаза не оставлял его. Он встал до рассвета, горя желанием узнать о чужом корабле. Пройдя мимо усталых часовых, он поднялся по спиральной лестнице в старую северную башню и взглянул на зловещий ландшафт как раз в тот момент, когда солнце внезапно взмыло над горизонтом.

Дюны желтого песка, расколотые, донельзя выветренные скалы, и ничего больше. Но полуобрушенные стены на востоке застилали вид. Корабль, возможно, находился за ними. Любопытство возросло. Если это дружественный корабль Легиона, почему огонь его дюз был зеленым? Если там были враги, почему они еще не ударили?

Он повернулся и перед ним оказалась девушка — та, которую он мельком заметил на теннисном корте и предположил, что она хранительница АККА. Он опять обратил внимание, что она очень привлекательна. Красивая, стройная, прекрасного телосложения. Холодные серые глаза, умные и честные, коричневые волосы с глянцем, которые в свете солнца горели волшебным пламенем. На ней была обычная белая туника, грудь ее вздымалась от бега за ним по ступенькам.

Его удивило, что хранительница АККА столь молода и симпатична.

— О... о, доброе утро.— Он испытывал смущение, поскольку кадеты Легиона уделяют очень мало времени изучению правил хорошего тона, и все же он был восхищен и готов услужить ей.

— Он, должно быть, очень близко!— сбивчиво крикнула она. Голос ее, как он заметил, был восхитителен и тревожен.

Наверное за стенами.

— И я так думаю.— Ее серые глаза быстро изучили его, взвесили — тепло, как ему показалось, с одобрением. Внезапно она произнесла, снизив тон:

— Я хочу поговорить с вами.

— Я весьма польщен.— Он улыбнулся.

— Прошу вас быть серьезным,— настойчиво сказала она.— Вы верны? Вы верны Легиону? Зеленому Холлу? Человечеству?

— Ну, конечно же, а что?

— Я верю вам,— прошептала она. Серые глаза ее по-прежнему очень настойчиво смотрели ему в лицо.— Я верю, что вы верны нам.

— А почему вы сомневаетесь?

— Я вам скажу,— произнесла она быстро.— Однако вы должны держать это при себе. Каждое слово. Даже вашему офицеру, капитану Ульмару, ни слова.

Ее лицо, когда она произнесла это, исказила неприязнь, если не ненависть.

— Как скажете, хотя я и не понимаю...

— Я должна вам довериться. Во-первых, вы знаете, зачем вы здесь?

— Мне приказано охранять девушку, которой известен некий секрет.

— Эта девушка — я.— Голос ее зазвучал более спокойно, более уверенно.— Я сама не имею ценности. Но тайна, АККА,— это самое ценное и самое опасное в Системе. Я должна сообщить вам чуть больше того, что, как мне кажется, вам известно. Потому что АККА — это страшная опасность. Вы должны помочь нам спасти ее.

Затем она тихо задала вопрос, который выглядел странным:

— Вы, надеюсь, знаете историю старых войн между Пурпурными и Зелеными?

— Думаю, что да. Пурпур был цветом императоров, зеленый — фракции, ведомой учеными исследователями, которые восстали и восстановили демократию Зеленого Холла. Последний император, Адам III, низложен двести лет назад.

— Вы знаете, почему он низложен?

— Нет. Нет, в книгах об этом не говорится. Однако хотелось бы узнать...

— Я должна вам сказать. Это важно. Как вы знаете, императоры наслаждались деспотическим правлением. Они были необычайно богаты: они водили личные космические флотилии и они владели целыми планетами. Они правили с железной жестокостью. Враги, которых они не ликвидировали, отправлялись на Плутон.

Мой предок, Чарльз Антар, был выслан только за то, что проповедуя свободу в речах и исследованиях, доверился человеку, которого считал

другом. Он был физиком в Системе. Он провел четырнадцать лет в холодных застенках на Черной Планете.

На Плутоне он совершил научное открытие: теория, которую он разработал в своем поселении, была чисто математическая. На это ему потребовалось девять лет. Затем его друзья-узники контрабандой доставили ему материалы для постройки разработанного им аппарата. Аппарат был очень прост, но на то, чтобы собрать части, потребовалось пять лет.

Затем, когда он собрал аппарат, он уничтожил стражу. Сидя у себя в камере, он заставил Адама III выполнять его приказы. Если бы император отказался, Чарльз Антар уничтожил бы солнечную систему.

С тех пор его открытие служило Зеленому Холлу. Оно было столь опасным, что двое людей одновременно не могли быть в него посвящены. С этой целью для его обозначения стали использовать аббревиатуру.

Она показала ему татуировку на белой ладони — "АККА".

— И вы теперь в опасности?— прошептал Джон Стар.

— Да,— сказала она.— Видите ли, Пурпурные не утратили своего богатства и влияния, и они всегда лелеяли планы восстановления Империи. Ужасная власть АККА — это единственное, что препятствует осуществлению их замыслов. Им нужна эта тайна, однако Зеленому Холлу всегда удавалось хранить ее, посвящая лишь потомков Чарльза Антара.

Мое имя Аладори Антар. Я получила секрет от моего отца шесть лет назад перед его смертью. Мне пришлось поступиться той жизнью, которую я для себя планировала, и дать очень суровое обещание.

Пурпурные, конечно же, с самого начала знали об АККА. Они постоянно затевают интриги, идут на взятки и убийства, лишь бы завладеть этим. Если это удастся, они воцарятся навсегда. А сейчас, я думаю, Эрик Ульмар пришел именно за этим.

— Вы должны верить Эрику!— запротестовал Джон Стар.— Как же так, он же известный исследователь и племянник командира Легиона.

— Поэтому-то я и думаю, что он предатель.

— Но почему, я не понимаю?

— Ульмар,— сказала она,— это семейное имя императоров. Я знаю, что Эрик Ульмар — прямой потомок, претендент на трон. Я не верю ни ему, ни его дядюшке, пройдохе и интригану.

— Адам Ульмар — пройдоха и интриган?— Джон Стар был в ярости.— Вы так назвали командира?

— Да, назвала. Я думаю, что он воспользовался своим богатством и влиянием, чтобы стать командиром. Так он смог докопаться, где я скрываюсь. Он послал сюда Эрика. Этот корабль, прибывший ночью, привез подкрепление изменнику. И это способ бежать со мной вместе.

— Невозможно!— прохрипел Джон Стар.— Ну, быть может, Варс, ну Кимплен. Но не Эрик.

— Он — главный.— В голосе ее звучала холодная уверенность.— Ночью Эрик Ульмар тайком выбрался из форта. Он отсутствовал два часа. Я думаю, что он отправился к кораблю, к своим союзникам.

— Эрик Ульмар — герой и офицер Легиона.

— Я не могу доверять человеку по фамилии Ульмар!

— Моя фамилия тоже Ульмар!

— Ваша фамилия... Ульмар?..— потрясенно прошептала она.— Вы род...

— Да,— сказал он.— Родственник. Своим направлением сюда я обязан великодушию командира.

— Теперь я вижу,— горько сказала она,— зачем вы здесь.

— Вы ошибаетесь насчет Эрика,— настаивал он.

— Но помните,— бешенно хлестнула она,— что вы — предатель Зеленого Холла. Что вы уничтожаете свободу и счастье.

Сказав это, она повернулась и побежала по старым каменным ступеням. Он посмотрел ей вслед, не дыша и не в силах сосредоточиться. Хотя он и защищал Эрика, он не мог справиться с сомнением. Варсу и Кимплену он глубоко не доверял. И его тревожила близость чужого корабля. И сейчас он очень сожалел, что лишился доверия Аладори Антар.

Теперь ее, быть может, будет труднее защищать, и, кроме того, она ему нравилась!

Эрик Ульмар встретил его, когда он вернулся во двор, и сказал с мрачной сардонической улыбкой:

— Похоже, Джон, что капитан Стан ночью был убит. Мы только что нашли его труп в комнате.

ТРОЕ ИЗ ЛЕГИОНА

— Видимо, задушен,— сказал Эрик Ульмар, указывая на пурпурную отметину. Обстановка в квартире была по-солдатски аскетичной. Мертвый командир лежал лицом вверх на узкой кушетке, члены его окоченели в агонии, тонкое лицо искажено, глаза выпучены, рот обезображен жуткой гримасой ужаса и боли.

Склонившись над телом, Джон Стар обнаружил и другие странные следы. Кожа в некоторых местах была сухой, затвердевшей в необычную зеленоватую чешую.

— Взгляните на это,— сказал он.— Похоже на химический ожог. И эта ссадина — она не могла быть сделана человеческой рукой. Может быть, веревка?

— Так ты, выходит, еще и детектив?— резко отозвался Эрик Ульмар, не переставая начальственно улыбаться.— Я должен предупредить тебя, что любопытство — очень опасная штука. Но что ты надумал?

— Сегодня ночью я видел нечто... очень страшное. Я дремал до последнего момента, что вижу кошмар. Огромный пурпурный глаз, глядевший в мое окно со двора. Должно быть, шириной в фут. Это было зло в чистом виде. Должно быть, кто-то приходил во двор. Он глядел в мое окно. Он убил капитана. И оставил эти следы. Эта отметина на горле — человеческая рука не могла сделать ее.

— Непохоже, чтобы космос влиял на тебя благотворно, а Джон?— В голосе Эрика Ульмара, кроме иронии, казалось, звучала резкая нотка раздражения.— Как бы там ни было, а это произошло, когда на часах была старая стража. Я собираюсь изолировать их для допроса.

Его узкое лицо было холодным.

— Джон, ты арестуешь Калама, Самду и Хабибулу и запрешь их в старом тюремном помещении под северной башней.

— Арестовать их? Вы уверены, сэр, что это нужно сделать прежде, чем они получат право рассказать?..

— Ты злоупотребляешь нашим родством, Джон. Прошу помнить, что я твой начальник. А теперь, к тому же, и единственный офицер, поскольку капитан Стан мертв.

Он отмел сомнения. Аладори, должно быть, ошибалась.

— Вот ключи от старой тюрьмы.

Каждый из людей, которых он должен был арестовать, занимал отдельную комнату, выходившую во двор. Джон Стар постучал в первую комнату, и ее открыл весьма элегантный темноволосый легионер, которого он перед этим видел на теннисном корте с Аладори Антар.

Джей Калам был в халате и в шлепанцах. Его мрачноватое задумчивое лицо было усталым. Тем не менее, он улыбнулся, вежливо, но безмолвно пригласил его войти и указал на кресла. Это была комната культурного человека, обставленная скромно, однако с большим вкусом. Старомодная мебель, несколько прекрасных картин. Ящик с лабораторной утварью. Оптифон, который наполнял комнату нежной музыкой. Его стереоскопическая видеопанель сияла цветом и движением пьесы. Джей Калам вернулся в кресло, снова занявшись созерцанием драмы.

Джону Стару неприятно было арестовывать такого человека за убийство, но он относился к своим обязанностям с большой ответственностью. Он должен повиноваться своему начальнику.

— Прошу прощения,— начал он. Джей Калам остановил его едва заметным жестом.

— Пожалуйста, подождите. Это скоро кончится.

Не в силах отказать в такой просьбе, Джон Стар сидел, пока действие не закончилось, и Джей Калам обернулся к нему с мрачноватой улыбкой, сдержанный, однако внимательный.

— Спасибо, что подождали. Это новая запись, пришедшая на "Скорпионе". Я не мог справиться с желанием посмотреть ее, прежде чем лягу спать. Но что вам угодно?

— Мне очень жаль,— начал Джон Стар. Он помолчал, подбирая слова, затем, видя, что надо делать дело, быстро добавил:

— Простите, но капитан Ульмар приказал мне взять вас под стражу.

В темных глазах промелькнуло удивление. Была в них и боль, словно он увидел нечто страшное.

— Могу я спросить, почему?— Голос был тихим и равнодушным.

— Капитан Стан был убит ночью.

Джей Калам быстро встал, однако не утратил самообладания.

— Убит?— спокойно переспросил он некоторое время спустя.— Я понимаю. И вы отведете меня к Ульмару?

— В камеру. Я сожалею.

На миг Джону Стару показалось, что безоружный человек постарается напасть на него. Он отступил, положив руку на протонный пистолет.

Но Джей Калам не напал. На его лице появилась напряженная ироническая улыбка, совсем невеселая, и он сказал:

— Я пойду с вами. Погодите, я возьму кое-что из одежды. Старые подземелья, как известно, не всегда комфортабельны.

Джон Стар улыбнулся, не убирая руки от иглы.

Пройдя через двор, они спустились по спиральной лестнице в зал, высеченный в красной вулканической породе. Карманным фонарем Джон Стар осветил изъеденную коррозией металлическую дверь. Он попробовал открыть ее ключами, которые дал ему Эрик Ульмар, и не сумел.

— Я могу открыть,— предложил арестованный.

Джон Стар дал ему ключ. После недолгой возни тот открыл дверь, со скрипом повернув ключ, и шагнул в кромешную тьму.

— Я очень сожалею,— извинился Джон Стар,— это неприятное место, как я вижу. Но приказ...

— Пустяки,— быстро проговорил Джей Калам.— Однако, пожалуйста помните об одном.— Он был серьезен.— Вы — солдат Легиона.

Джон Стар запер дверь и отправился за Халом Самду. К его изумлению, этот человек встретил его в форме генерала Легиона с полным комплектом наград, предусмотренных за героизм и служебную доблесть. Белый шелк, золотой галун, алый плюмаж — роскошь была просто ослепительной.

— Он прибыл со "Скорпионом",— сообщил Хал Самду.— Очень неплох, как думаете? Хотя в плечах не совсем в пору.

— Я удивлен, что вижу вас в форме генерала.

— Разумеется,— сказал Хал Самду серьезно.— Я не ношу его на глазах у публики. Пока. Однако я заказал его на случай повышения.

— Мне очень жаль,— сказал Джон Стар,— но мне приказано взять вас под стражу.

— Арестовать меня?— Широкое красное лицо выразило откровенное изумление.— За что?

— Капитан Стан убит.

— Капитан убит?— Он глядел с полным непониманием, которое вскоре сменилось гневом.— Вы думаете, это я?

Огромные кулаки сжались. Однако Джон Стар шагнул в сторону и выхватил протонный пистолет.

— Стоять! Я всего лишь выполняю приказ!

— Ну что ж...— Большие руки раскрылись и конвульсивно сжались. Хал Самду взглянул на наведенную иглу, и Джон Стар увидел в его глазах презрение к опасности. Но он остановился.

— Ну что ж,— повторил он,— если это не ваша вина, то я пойду.

Третий человек, Жиль Хабибула, не открыл дверь, когда Джон Стар постучал, а просто крикнул, что бы он входил. Могучий синеносый часовой, которого вчера видел Джон, он сейчас сидел, расстегнув для удобства форму, за столом, заставленным бутылками и тарелками.

— О, входи, входи, дружище!— воскликнул он.— Мне тут смертельно захотелось вспомнить вкус ленча, прежде чем лечь спать. Чертовски отвратительную ночь провели мы, ожидая в холодке неприятностей. Однако подсаживайся и перекуси со мной. Мы получили со "Скорпиона" свежие припасы. Это все же основная замена тем смертельным синтетическим пайкам. Натуральная ветчина, засахаренная слива и старый датский сыр. Но ухаживай за собой сам, дружище.

Он кивнул на стол, на котором, по мнению Джона Стара, хватило бы еды на шестерых голодных мужчин.

— Нет, спасибо. Я пришел...

— Если не хочешь есть, то уж выпьешь-то ты в любом случае. Тебе смертельно повезло, дружище, насчет питья. Да, этот форт много лет назад покинули, но погреба оставили полными. Оно прекрасно сохранилось, это замечательное вино. Я отважусь заявить, что оно самое лучшее в Системе. Там был полный погреб, когда я его нашел. А...

— Я должен сказать вам, что у меня есть приказ взять вас под стражу.

— Арестовать? Но чем, парень, провинился старый Жиль Хабибула? Я никому не причинял вреда, во всяком случае, здесь, на Марсе.

— Ночью был убит капитан Стан. Вы будете допрошены.

— Ты не шутишь над старым бедным Жилем?

— Нет, разумеется.

— Убит! Я говорил ему, что он должен был со мной выпить. Он вел спартанскую жизнь, дружище... Ах, должно быть, это ужасно, когда тебя ждет такой конец. Но ты же не думаешь, что это сделал я, дружок?

— Я, разумеется, не думаю. Однако мне приказано запереть вас в камеру.

— Эти старые подземелья смертельно холодные и сырые, дружище.

— Мне приказано...

— Я пойду с тобой, дружище. Убери руку со своего протонного пистолета. Старый Жиль Хабибула никому не станет причинять неприятности. Пойдем. Но можно ли мне перед этим слегка подкрепиться и допить вино?

Чем-то Джону Стару понравился Жиль Хабибула при всей его грубоватости. Поэтому он уселся и смотрел, пока блюда не опустели вместе с тремя бутылками вина, после чего они вместе спустились в подземелье.

Аладори Антар встретила его, когда он вернулся во двор. На лице ее была тень тревоги и беспокойства.

— Джон Ульмар,— приветствовала она его, скривившись при этой фамилии,— где трое моих верных людей?

— Я запер Самду, Камала и Хабибулу в старой тюрьме.

Лицо ее побелело от страха.

— Вы что, думаете, что они убийцы?

— Нет, я весьма сомневаюсь в их вине.

— Тогда почему вы их заперли?

— Я выполнял приказ.

— Вы что, не видите, что вы наделали? Мои верные стражники либо убиты, либо заперты. Я в руках Ульмара. И он — настойщий убийца! АККА предана!

— Эрик Ульмар — убийца? Вы несправедливы!

— Пойдемте, я покажу вам его, убийцу. Он только что выбрался из форта. Он возвращается на корабль, который приземлился вчера ночью, к своим дружкам-предателям.

— Вы ошибаетесь!

— Конечно. Пойдем!— требовательно вскричала она.— Не верьте ему!— Она быстро провела его вдоль бастионов и парапетов к восточному краю старой крепости, на платформу башни.

— Взгляните, там корабль! Я не понимаю, откуда он взялся. И Эрик Ульмар, этот ваш герой Легиона!

Источенные временем укрепления и красные валуны заканчивались у подножия холма, сменяясь мертвенно-бледной равниной. А там, невдалеке, располагался чужой корабль. Джон Стар ничего подобного раньше не видел. Он был колоссален, настолько огромен, что парализовал разум. Громадный и чужой, весь блестящий, весь из вороненого металла.

Обычный космический корабль Системы — веретенообразной формы, аккуратно заостренный на конце. Все такие корабли имеют зеркальное серебряное покрытие, чтобы снижать в космосе радиацию и поглощение. Все они сравнительно невелики, самый крупнейший не достигает в длину четырех футов. Эта же машина создавала впечатление паучьего переплетения частей, стволов, соединительных поверхностей, огромных крыловидных лопастей, массивных, состыкованных металлических ярусов — все это соединялось с корпусом, имеющим форму гигантского черного шара. Он был невероятно огромен. Металлические полозья, на

которых он покоился, уходили на добрые полмили в глубь красной пустыни: сфера была тысяча футов в диаметре.

— Корабль!— прошептала девушка.— И Эрик Ульмар — предатель!

Она показала, и Джон Стар увидел крошечную фигуру человека, бредущего вниз по склону. Он казался крошечным насекомым в тени этой машины. Такой огромный, чужой и умопомрачительно черный.

— Теперь вы верите?

— Что-то происходит,— согласился он, помедлив.— Что-то... я пойду за ним. Я верну его, заставлю его рассказать, что происходит. Пусть даже он мой начальник...

Он бесстрашно помчался по лестнице из старой башни.

"ДА, ДЖОН, Я ПРЕДАТЕЛЬ!"

Черная масса чужого летательного аппарата заполняла небо на востоке, центральный шар возвышался, подобно темной луне, опустившейся в красной пустыне. Полмили черных полозьев, лежащих на обломках валунов, раздавленных ими, были похожи на высокие металлические стены. В тени этого невиданного механизма человек, шедший впереди, казался крошечным атомом. Находясь на полпути к черному корпусу, почти под темным крылом, которое заполняло одну восьмую неба, он все еще не оглядывался.

Джон Стар был в сорока футах от него и дышал с таким трудом, что боялся, что будет услышан.

Он выхватил свой протонный пистолет и закричал:

— Стой! Я хочу поговорить с тобой!

Эрик Ульмар остановился, изумленно оглянувшись. Он сделал слабое движение, словно желал выдернуть из кобуры свой собственный пистолет, однако остановился, увидев лицо Джона Стара.

— Иди сюда!— приказал Джон Стар.

Он подождал, контролируя дыхание и пытаясь умерить нервное дрожание оружия, пока его знаменитый родственник медленно возвращался с явно выраженным раздражением на узком вялом и красивом лице.

— Да, Джон.— Эрик Ульмар терпеливо и покровительственно улыбнулся.— Ты опять превышаешь служебные полномочия. Боюсь, ты слишком старателен, чтобы стать удачливым легионером. Моему дядюшке будет очень жаль услышать о твоей оплошности.

— Эрик,— сказал Джон Стар, слегка удивленный собственным спокойствием,— я хочу задать тебе несколько вопросов. Если мне не понравятся ответы, я боюсь, что буду вынужден убить тебя.

На девичьем страстном лице Эрика Ульмара вспыхнуло бешенство.

— Джон, за это ты пойдешь под трибунал.

— Возможно. Однако сейчас я хочу узнать, откуда прибыл этот корабль и что ты здесь делаешь.

— Откуда мне знать? Ничего подобного в Системе еще не видели. Достаточно любопытства, Джон, чтобы я оказался здесь.

Эрик Ульмар коснулся своей круглой золотистой голосовым и язвительно улыбнулся.

— Я боюсь, Эрик, что ты замыслил предать Зеленый Холл,— тихо сказал Джон Стар.— Я думаю, тебе известно, откуда этот аппарат и почему убит капитан Стан. Пока ты не убедишь меня, что я ошибаюсь, я буду готов убить тебя, освободить троих запертых мной людей и защищать девушку. Что ты на это скажешь?

Эрик Ульмар взглянул на огромную черную лопасть над ним и вновь улыбнулся, почему-то не теряя присутствия духа.

— Да, Джон,— произнес он отчетливо,— я предатель!

— Эй!— Джон Стар был поражен и разгневан.— Ты признаешь это?

— Разумеется,— был ответ.— Я никогда ничего иного и не замышлял. Если ты называешь предательством стремление вернуть принадлежащее мне по праву... Я полагаю, ты даже не знаешь, что в твоих жилах течет кровь императоров. Похоже, ты получил недостаточное образование. Но так оно и есть.

Я — полноправный Император Солнца, Джон. В самое кратчайшее время я снова верну трон. Как принц крови, я надеюсь, что ты займешь под моим началом высокий пост. Однако, боюсь, Джон, что ты будешь обойден наградами революции. Ты слишком независим.

— Что ты задумал?— спросил Джон Стар.— И откуда взялся этот аппарат?

Он не сводил взгляда и угрожающе нацеленного оружия с противника.

— Этот корабль прибыл с одной из планет Звезды Барнарда, Джон. Я думаю, ты слышал о тех умирающих людях, которых мы привезли из экспедиции. Слышал, о чем они бормотали. Они не безумны, как о них думали. Большая часть того, о чем они говорят, существует в действительности. Это как раз то, что поможет мне сокрушить Зеленый Холл, Джон.

— Ты привел назад союзников?

Эрик Ульмар иронично улыбнулся, услышав в его голосе ужас:

— Да. Видишь ли, хозяева найденной нами планеты — они столь же разумны, как и люди, хотя и не столь человечны. Дело в том, что они нуждаются в железе. На их планете оно не встречается, и потому они

платят за него большую цену. Оно нужно для магнитных инструментов, электрического оборудования и тысячи прочих мелочей. Поэтому я заключил с ними Союз, Джон...

Они послали этот корабль, погрузив на него кое-что из своего оружия. У них есть боевые машины, которые удивят тебя, Джон. Их научные достижения просто замечательны. Они послали этот корабль, чтобы помочь свергнуть Зеленый Холл и восстановить Империю. В награду им было обещано, что их корабль будет нагружен железом.

Железо дешево, мы это сделаем. Но я все же думаю, что мы их истребим после того, как завладеем АККА, и Пурпурный Холл будет благополучно править опять. Они не слишком приятные партнеры. Хуже, чем ты можешь представить.

— Те безумные люди?

— Да, Джон, я уверен, нам придется уничтожить их после того, как мы получим секретное оружие. Девушка должна была сказать тебе об АККА, Джон.

— Она сказала! И я думал... я верил тебе, Эрик.

— Выходит, она уже подозревает! Тогда мы должны заковать ее в цепи прежде, чем она получит шанс использовать АККА. Однако, я полагаю, Варс и Кимплен уже позаботились о ней.

— Ты — предатель!— воскликнул Джон Стар.

— Конечно, Джон. Мы заберем ее. Я полагаю, нам придется убить ее после того, как она выдаст нам свой маленький секрет. И очень плохо, что она такая красотка.

Джон Стар стоял неподвижно, не веря собственным ушам, и Эрик Ульмар улыбнулся.

— Я предатель, Джон, если пользоваться твоим определением. Но ты — нечто хуже. Ты дурак, Джон. Я привез тебя с собой, потому что мне нужен был надежный человек для пополнения стражи и потому что мой дядя настаивал, чтобы тебе предоставили в жизни шанс. Похоже, он был слишком хорошего мнения о твоих способностях.

Внезапно Эрик Ульмар разразился пронзительным девичьим хихиканьем.

— Ты дурак, Джон! Если ты хочешь знать, какой ты большой дурак, только взгляни вверх!

И благородная золотистая голова иронично дернулась.

Джон Стар не сводил с него взгляда, ожидая подвоха, могущего отвлечь его.

Едва взглянув вверх, он понял, что ему угрожает. В пятидесяти футах над ним висело нечто, похожее на гондолу. Машина из ярко-черного металла, подвешенная на тросах к огромному суставчатому стволу, который вытянулся из чрева летательного аппарата, внутри которого виднелись титанические черные механизмы.

В гондоле он мельком заметил нечто. Черные борта не позволяли видеть это ясно. Однако то немногое, что он увидел, заставило кровь за-

стыть в жилах. Вдоль позвоночника побежали мурашки, по телу как бы пошел электрический ток. Дыхание стало прерывистым, сердце стучало, все тело напряглось и дрожало. Один лишь взгляд на это нечто пробудил все его инстинкты самосохранения — само присутствие этого поднимало в душе первобытный ужас.

И все же под тенью огромной черной машины он мало что увидел. Выпуклая темная поверхность, прозрачно-зеленая, скользкая, пульсирующая слизнеобразной жизнью. Поверхность тела чего-то огромного и совершенно чужого.

Он увидел, что из-за бортов на него зловеще глядит глаз. Длинный, овальный, блестящий. Колодец холодного пурпурного пламени, замутненного древней мудростью, вкупе с чистым злом. И это было все.

Выпуклая, колышащаяся поверхность. И этот пурпурный глаз. Он не мог больше смотреть. Но этого было достаточно, чтобы в нем проснулись все реакции первобытного страха.

Страх заставил его онеметь. Он остановил его дыхание и задержал сердцебиение. Он всыпал в его глотку пыль ужаса. Он омыл его члены ледяным потом. Наконец, Джон освободился от оцепенения и вскинул оружие. Однако то, что находилось в гондоле, ударило первым. Из борта машины вырвался красноватый газ. Что-то ударило его по плечу. Всего лишь холодное дыхание. А потом красное землетрясение невыносимой боли швырнуло его на песок. Черное забвение принесло избавление от боли.

Когда сознание вернулось, он с трудом сел. Он был буквально растоптан, все тело дрожало, было мокрым от пота. Рука и плечо были парализованы и горели от страшной боли. Ничего не соображая, наполовину ослепший, он огляделся.

Эрик Ульмар исчез, и он сразу же обнаружил, что не видит черной гандолы. Но циклопический корабль по-прежнему чудовищно возвышался на фоне зеленоватого марсианского неба. Он рассматривал путаницу лопастей, ярусов и труб, пока наконец не увидел качающегося механизма. Титанический кран протянулся к самому форту. Механизм как раз поднялся над красными стенами, когда он обнаружил его. Тросы быстро втянулись. Ствол длинной в милю телескопически сложился, и огромное отверстие в черном сферическом корпусе, поглотило гондолу. Должно быть, они забрали Эрика Ульмара и затем вернулись в форт, чтобы взять на борт Варса и Кимплена с Аладори. Девушку, подумал он, и сердце его защемило, уже затащили во вражескую машину.

В самое ближайшее время она поднялась. Пелена зеленого пламени вырвалась из пещероподобных дюз. Вытянулись бескрайние эбеновые крылья, чтобы опираться на разреженную атмосферу Марса. Земля задрожала под ним, когда черные полозья подняли свою ношу над каменистой пустыней. Чудовищная злая птица-машина грозно поднималась в зеленоватом небе в фиолетовый зенит.

Грохот подъема ударил его, вверг в бушующее море песка. Жаркий ветер преисподней взметнул вверх занавеси желтого песка, осушил его пот, ослепил и опалил его. Он следил, как корабль превратился в уродливое черное насекомое. Зеленое пламя померкло. Чем дальше, тем менее различим он становился и, наконец, исчез.

Он лежал на песке, в отчаянии и боли, кляня себя за глупость. Подняться он смог лишь вечером, все еще очень слабый. Его рука и плечо были непонятным образом обожжены, словно его облили какой-то едкой жидкостью. Кожа была жесткая, покрытая зеленоватой твердой чешуей.

На трупе капитана Стана были те же следы. И глаз того зеленого колышащегося монстра — этот был тот же самый кошмар, который он видел в свое окно. Да, это нечто из корабля убило Стана.

Ведомый слабой искоркой иррациональной надежды, он вскарабкался по склону холма в старый форт, чтобы обыскать обитаемые помещения. Там было тихо и совершенно пусто. Аладори, разумеется, исчезла, и АККА была похищена. Аладори, такая нежная и красивая, была в руках Эрика Ульмара и тех чудовищных существ с темной планеты Звезды Барнарда.

Лишь дикая злость на себя не позволила ему сдаться. Восхищение знаменитым родственником слишком долго ослепляло его. Неправильно понятый долг легионера привел его к этой ошибке. Сам того не желая, он помог предать Зеленый Холл и Легион.

"ПУРПУРНАЯ МЕЧТА"

— О, дружище, наконец-то ты подумал и о нас,— засопел из мрака за решеткой старой тюрьмы Жиль Хабибула.— Мы уже бог знает сколько времени торчим здесь, взаперти, в смертельно холодной и темной камере. Мои старые кости болят от этой несчастной сырости. К тому же, дружище, я жутко проголодался. Как могли вы запереть нас на столь долгий срок, не оставив даже жалкого кусочка еды? Неужели ты, дружище, никогда не испытывал грызущего чувства голода?

Джон Стар отомкнул скрипучую ржавую дверь. Единственное, что он мог сделать, чтобы хоть частично исправить беды, нанесенные предателем-родственником. Хотя, самое главное, спасение Аладори и ее могущественной тайны было всего лишь надеждой.

— Дружище, не мог бы ты принести нам супчику?— ныл старый легионер.— И бутылочку старого винца из погреба? Чтобы хоть немного оживить нас и дать нам сил выносить лишения.

— Я собираюсь выпустить вас,— сказал Джон Стар и добавил с горечью: — Это все, что я могу сделать, чтобы хоть немного уменьшить последствия собственной глупости.

— Дружище, ты должен помочь нам выползти к солнышку. Не забудь, что мы смертельно ослабели. И проголодались. Ни крошки не ели с тех пор, как ты нас запер. Ни маковой росинки. Мы заживо гнили в подземелье все эти смертельные недели. Ах, и тратили свое великолепное искусство на попытки открыть замок, разрушенный коварной ржавчиной.

— Недели? Это было меньше десяти часов назад. Я позволил вам съесть весь завтрак, а там было еды на целый полк.

— Не мучьте меня своими шутками. Я превратился от истощения в жалкий мешок с костями. Во имя жизни, дружище, помогите старому Жилю Хабибуле выйти к свету и дайте ему капелькой вина согреть бедную старую кровушку.

Наконец, старый засов соскочил, и Жиль Хабибула, качаясь, вышел. За ним выбрался Хал Самду, и третьим, осторожно ступая, шагал Джей Калам.

— Мы свободны?— спросил последний.

— Да,— сказал Джон Стар.— Это все, что я могу сделать. Я был полным идиотом. Никогда мне не искупить вину в том, что я помог Эрику Ульмару осуществить его план. Хотя и собираюсь посвятить этому всю свою жизнь.

— Что произошло?— В голосе Джея Калама звучала тревога.

— Как и предполагала Аладори, Эрик Ульмар был предателем. После того, как я запер вас троих, путь перед ним был открыт. Корабль, тот, что приземлился вчера ночью, прибыл с планеты Звезды Барнарда. Чудовищные существа на его борту — союзники Эрика. Это одно из них убило капитана Стана. Эрик пообещал им корабль, груженный железом, в награду за их участие. Железо у них ценится. Корабль увез Эрика и Аладори. Меня вывели из строя. Я только сейчас смог ходить.

— Это Пурпурные?

— Да. Как и думала Аладори. В их намерения входит восстановление Империи, и Эрик будет на троне.

Они вышли во двор, ярко освещенный полуденным солнцем. Жиль Хабибула стоял, вытянув перед собой толстые руки, и глядел в изумлении. Он помял пальцами тяжелую челюсть, похлопал себя по выпуклому брюху.

— Во имя жизни, дружище,— прохрипел он.— Скажи мне, это не шутка? Неужели это тот самый смертельный день? А как же голодовка? Мои несчастные сапоги!

— Забудь о своем чреве, Жиль!— закричал Хал Самду, медлительный и спокойный великан. Он повернулся к Джону Стару, разгневанный, с красным лицом.

— Этот Эрик Ульмар.— Он тяжело дышал, не в силах совладать с гневом.— Он забрал Аладори, ты говоришь?

— Да. Я не знаю куда.

— Мы выясним, куда. И вернем ее. А Эрика Ульмара...

— Конечно.— Это был тихий и спокойный голос Джея Калама.— Конечно, мы попытаемся спасти ее. Безопасность Системы требует этого, если не говорить о том, что мы в долгу перед Аладори. Первое, что от нас потребуется,— это выяснить, где она,— что будет непросто.

— Мы должны выбраться отсюда,— сказал Джон Стар.— Здесь есть радио?

— Маленький ультракороткий передатчик.

— Мы должны сообщить немедленно в штаб Легиона.

Джолн Стар поморщился и горько добавил:

— Да, конечно, сообщить, какого дурака сделал из меня Эрик Ульмар.

— Не из тебя одного,— спокойно возразил Джей Калам.— Иначе он сюда не попал бы. Ты мало что мог сделать. Единственная твоя вина — выполнение приказов. Забудь свои печали, давай исправлять причиненный ущерб.

— Пошли. Мы пошлем сообщение на базу, если они не разбили передатчик перед уходом.

Однако, маленький передатчик, помещавшийся в небольшой комнате в башне, был тщательно и полностью уничтожен. Лампы разбиты, конденсаторы превращены в бесформенный металл, батареи выпотрошены, провода разрезаны на кусочки.

— Разрушен,— сказал он.

— Мы должны его отремонтировать!— закричал Джон Стар.

Но при всем своем оптимизме он вскоре должен был признать невозможность этой задачи.

— Тут делать нечего. Но кое-что должно быть. Корабль обеспечения.

— Не вернется в течение года. Он приходит редко, чтобы не привлекать внимания,— сказал Джей Калам.

— Но если наша станция будет хранить молчание, неужели они ничего не заподозрят?

— Мы связываемся только в крайних случаях. Передатчиком мы практически никогда не пользуемся. Сигналы можно перехватить, и станцию запеленговать. Мы полагались на абсолютную секретность, а также на саму АККА. И, конечно, Аладори не держала свое оружие наготове, опасаясь, что оно может быть выкрадено. Что и дало на этот раз возможность предателям захватить ее. Мы не были готовы к измене.

— А можно пройти пешком?

— Невозможно. В пустыне нет воды. Это одно из самых изолированных мест на Марсе. Нам не нужны были случайные посетители.

— Но должно же быть кое-что...

— Мы должны поесть, дружище,— настаивал Жиль Хабибула.— Пусть это даже самый смертельный день. Ничто так не ускоряет работу ума, как добрая еда. Хороший ужин, дружище, с бутылочкой старого вина, и ты вызволишь нас отсюда в эту же несчастную ночь.

И, действительно, когда он выпил бокал вина из замечательного погреба старого форта, на него нахлынуло вдохновение.

— У нас есть фонари!— вскричал он.— Мы должны установить их на полную мощность. Ничего, если в этом случае они скоро погаснут. Пошлем сигнал бедствия. На темном фоне пустыни он будет хорошо виден из космоса.

— Попробуем,— согласился Джек Калам.— Может быть, заметят. Если даже не с крейсера Легиона, то все равно можно будет передать это сообщение по любой рации.

— Ага, дружище, что я тебе говорил! Что тебе говорил бедный старый Жиль Хабибула? Разве капелька вина не обострила твой ум?

Когда зеленое свечение погасло и холодная чистая марсианская ночь опустилась на красный ландшафт, Джон Стар стоял наготове на платформе северной башни, и его карманный фонарь был у него в руке. Несколько витков были убраны, чтобы в тысячу раз увеличить его яркость.

Он светил им в испещренную звездами ночь, снова и снова посылая кодированные сигналы бедствия. Фонарь обжигал ладони, и, когда электроды догорали, перегруженные витки погасли. Однако наготове с другим фонарем стоял Джей Калам, и его фонарь вспыхнул в ту же секунду. Он посылал безмолвный призыв о помощи.

Сейчас ему казалось невероятным, что сегодня утром на этой платформе рядом с ним стояла Аладори. Невероятным, ибо сейчас она затерялась где-то в черном водовороте космоса, возможно, в десяти миллионах миль от него. В сердце сидела боль. Он опять рисовал в воображении, как она стоит — стройная, изящная, ясно очерченная. Глаза серьезные, холодные сырые. Коричнево-золотистые волосы горят на солнце. Его решимость освободить ее была бы не меньшей, если бы она была просто частицей человечества, а не хранительницей бесценного сокровища Системы.

Спустя долгое время после полуночи погас последний фонарь. Затем до лимонно-зеленого рассвета они ждали на платформе, вглядываясь в испятнанный звездами пурпур, с вожделением ожидая, когда голубые сполохи дюз сообщат о появлении спускающегося корабля. Однако они не видели ничего, кроме слабо различимой искорки Фобоса, поднимающейся на западе и быстро переползающей к востоку.

Жиль Хабибула был рядом с ними. Он лежал на спине, мирно похрапывая. Он проснулся с рассветом и спустился на кухню. Неожиданно он закричал, что завтрак готов. Остальные уже были готовы в отчаянии покинуть башню, когда услышали рев дюз приземляющегося корабля.

Длинный серебристый корабль, стрела белого пламени в утреннем солнце, опускающаяся над фортом, выталкивала перед собой голубое пламя дюз.

— Крейсер Легиона!— воскликнул Джон Стар.— Новейший, самый быстрый тип.

Его голубые глаза, прищурившись, смотрели на корабль. Хал Самду прочитал на борту название:

— "Пурпурная"... что-то вроде "Пурпурная Мечта".

— "Пурпурная Мечта"?— эхом отозвался Джей Калам.— Это флагман флота Легиона. Это корабль самого командора.

— Корабль командора?— эхом повторил Джон Стар, сразу упав духом.— Я боюсь, что он не принесет нам ничего хорошего. Командор Адам Ульмар — дядя Эрика, подлинный лидер Пурпурных. Это Адам Ульмар послал Эрика в звездную экспедицию и это Адам Ульмар нашел Аладори в ее убежище и назвал Эрика командиром ее стражи. Боюсь, что от командира Легиона нам нельзя ожидать ничего, кроме неприятностей.

ВАКАНТНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Четверо вышли из старых ворот. Жиль Хабибула поглощал припасы, рассованные по карманам. Они спустились по красному каменистому склону к "Пурпурной Мечте", располагавшейся посреди дюн желтой пустыни.

Офицер, человек слишком старый для своего ранга, худой и порывистый, с челюстью, похожей на капкан, появился в открытом шлюзе.

— Это вы посылали сигнал бедствия?

— Мы,— сказал Джон Стар.

— В чем ваша проблема?

— Мы должны покинуть это место. Нам необходимо немедленно явиться с сообщением в Зеленый Холл.

— Каким именно сообщением?

— Это конфиденциально.

— Конфиденциально?— медленно повторил офицер, глядя вниз водянистыми глазами.— Тогда поднимайтесь на борт, в мою каюту.

Они поднялись по трапу и прошли за ним по узкой палубе в его каюту. Закрыв дверь, он повернулся к ним с явно раздраженным видом.

— Вам совершенно нечего от меня скрывать. Я капитан Мадлок. Я пользуюсь полным доверием командора Ульмара. Я знаю, что вы были отправлены сюда на охрану бесценного сокровища. Что у вас произошло?

Все хранили молчание. Джей Калам имел привычку выжидать. Хал Самду был немногоречив. Жиль Хабибула был слишком осторожен. Джон Стар горько произнес:

— Это сокровище потеряно!

— Потеряно?— рявкнул Мадлок.— Вы потеряли АККА?

Джон мрачно кивнул. Сердце его ныло.

— Сюда был подослан предатель.

— Меня не интересует алиби. Вы признаете, что не оправдали наше доверие?

— Похищена Аладори Антар,— жестко сказал Стар. Резкое лицо Мадлока заставило его вспомнить лекции по воинской вежливости.— Я полагаю, сэр, что эти новости следует сообщить в Зеленый Холл.

В голосе Мадлока звенел металл:

— Я сделаю все необходимые сообщения.

— Сэр, поиски надо начинать немедленно,— настойчиво сказал Джон Стар.

— Я не принимаю от вас приказов, многоуважаемый. И я немедленно отправлю вас четверых к командору Ульмару, на его базу на Фобосе. И вы сообщите ему о своем провале.

— Сэр, нельзя ли мне вернуться на несколько минут?— попросил Жиль Хабибула.

— Для чего?

— Всего лишь несколько жалких ящиков старого винца.

— Что?— изумился Мадлок.— Винца? Мы отправляемся немедленно.

— Я прошу прощения сэр,— хмуро вмешался Джей Калам.— Наша миссия представляет нам особое положение в Легионе, невзирая на военный ранг. Мы не находимся под вашим командованием.

— Ваши сигналы были замечены в личной обсерватории командора Ульмара на Фобосе,— рявкнул Мадлок.— Предположив, и не без основания, что вы не оправдали нашего доверия и потеряли АККА, он послал меня, чтобы доставить вас в Пурпурный Холл. Я полагаю, что вы должны подчиниться командиру Легиона. Мы отправляемся через двадцать минут.

Джон Стар слышал о резиденции Ульмара на Фобосе, ибо знаменитая роскошь Пурпурного Холла славилась по всей Системе. Ближняя к Марсу луна, кусок скалы менее двадцати миль в диаметре, всегда, по праву освоителей, принадлежал Ульмарам. Оборудовав пустынную каменистую поверхность искусственными гравитационными системами, синтетической атмосферой и морями, искусственной воды, вырастив леса на почве, изготовленной из химических веществ и дезинтегрирован-

ного камня, планетарные инженеры превратили его в замечательную личную резиденцию.

У себя в резиденции Адам Ульмар, приобретя архитектурные проекты Зеленого Холла, а именно колоссального здания конгресса солнечной системы, повторил его до последней комнаты. Однако в основании оно было на дюйм шире, и использовалось при его постройке не зеленое, а пурпурное стекло.

"Пурпурная Мечта" опустилась на посадочную площадку на верхушке титанической квадратной башни. Джон Стар увидел крыши огромных крыльев здания, блестящую пурпурную поверхность, простирающуюся над яркой зеленью газона и сада. Далее — леса и холмы крошечного мира, казалось, обрывались с завораживающей внезапностью. Так что он чувствовал себя так неуютно, словно находился на вершине зеленого шара, плывущего в звездной, пурпурно-синей бездне.

Они спустились на лифте на три тысячи футов в сопровождении Мадлока и полдюжины бдительных, вооруженных мужчин с крейсера и прошли в удивительную комнату. Скопированная с Зала Совета Зеленого Холла, она была площадью в 500 квадратных футов и имела форму грандиозного купола. Галереи и стены с колоннами освещались разноцветными лампами, подчеркивающими эффект огромного пространства и роскоши. В центре зала, сгруппировавшись на участке, казавшемся крошечным, располагалась тысяча кресел, такие же как в Зале Совета Зеленого Холла. Над ними, на высоком помосте, стоял величественный трон из пурпурного стекла под балдахином. На его сиденье лежала старая корона и скипетр императоров в ожидании. Они прошли, изумленные и очарованные, под шепчущими сводами, обошли помост. За троном они проследовали в маленькую комнату, охраняемую стражниками. Здесь, за простым столом, сидел Адам Ульмар, командир Легиона, хозяин всей этой роскоши, несметных богатств и обладатель власти, которую они ему предоставляли.

Адам Ульмар, хотя в два раза старше Эрика Ульмара и в два раза превосходящий его весом, был столь же красив, как и его племянник. Прямой, с квадратными плечами, он носил обычную форму Легиона без знаков отличия. В лице, его была спокойная сила, нос крупный, рот мягкий. Глубоко посаженные синие глаза контрастировали довольно резко с девичьей вялостью узкого лица Эрика. Его длинные волосы, почти белые, были для него почти такой же характерной чертой, как и золотистые волнистые локоны для Эрика.

Джон Стар, к своему удивлению, почувствовал немедленную приязнь к этому человеку одной с ним крови, столь щедрого к своему неведомому родственнику, но теперь, похоже, предателю Легиона, которым он командовал.

— Командор, это люди,— кратко сообщил Малок,— которые потеряли АККА.

Адам Ульмар взглянул на них без удивления, на его выразительном лице блуждала слабая улыбка.

— Так это вы охраняли Аладори Антар?— спросил он, голос его был хорошо поставлен и приятен.— Ваши имена?

Джон Стар назвал своих спутников.

— А я Джон Ульмар.

Вновь улыбнувшись, Адам Ульмар встал из-за стола.

— Джон Ульмар? Надо думать, мой родственник?

— Я тоже так считаю.

Он стоял, не улыбаясь.

Адам Ульмар обошел вокруг стола, чтобы приветствовать его с теплой вежливостью.

— Мы поговорим наедине, Джон,— сказал он и кивнул Мадлоку, который удалился вместе с остальными.

После этого он повернулся к Джону Стару и сказал радушно:

— Приветствую тебя, Джон. Мне бы хотелось встретиться с тобой пораньше и при иных обстоятельствах. Академия Легиона дала тебе замечательную характеристику. Я задумал для тебя карьеру тоже замечательную.

Джон Стар, оставшись стоять с напряженным лицом, сказал жестоко:

— Надо думать, мне следует поблагодарить вас, командор Ульмар, за мое образование и направление в Легион. Несколько дней назад я сделал бы это с большой радостью. Сейчас же мне кажется, что меня обманули и превратили в инструмент.

— Я бы не сказал этого, Джон,— мягко возразил Адам Ульмар.— Это верно, что события пошли не так, как я запланировал. Эрик взял на себя слишком многое. Однако я направил тебя под его непосредственное начало. Я собирался...

— Под начало Эрика!— горячо воскликнул Джон Стар.— Предателя! А я-то просто боготворил его, не зная, кто он. Выполняя его приказы, я предал Легион и Зеленый Холл.

— Предатель — слишком грубое слово, Джон, для политических разногласий.

— Политические разногласия!— Голос Джона Стара срывался от ярости.— Вы признаете, что нарушили свой долг офицера Легиона? Вы, сам командир Легиона?

Адам Ульмар тепло улыбался ему, его это забавляло.

— Разве ты не понимаешь, Джон, что я — самый богатый человек в Системе? Что я — самый могущественный и влиятельный? Разве тебе не приходит в голову, что быть сторонником Пурпурного Холла гораздо выгоднее, чем поддерживать демократию?

— Вы пытаетесь, сэр, сделать из меня предателя?

— Прошу тебя, Джон, не применяй этого слова. Форма правления, за которую я стою, санкционирована историей гораздо раньше, нежели твои глупые идеи о равенстве и демократии. И, в конце концов, Джон,

ты же Ульмар. Если ты поймешь свое преимущество, я смогу дать тебе богатство, положение и власть, чего ты от своей нынешней непрактичной демократии никогда не добьешься.

— Я этого не пойму.

Джон Стар по-прежнему стоял, напрягшись, перед столом. Адам Ульмар подошел к нему и настойчиво взял его за руку.

— Джон,— сказал он.— Ты мне нравишься. Даже когда ты был очень маленьким — я не думаю, что ты помнишь, что мы встречались,— ты проявлял качества, которые мне по душе. Твоя храбрость и эта упрямая целеустремленность, которая нам сейчас так мешает,— это то, чем не может похвастаться мой племянник.

Я заинтересован в твоей карьере. Я участвовал в ней гораздо больше, чем ты думаешь. Твое продвижение в Академии, все, что ты сделал, было под моим пристальным наблюдением.

У меня нет сына, Джон. А семья Ульмаров не очень велика. Только Эрик, сын моего несчастного старшего брата, ты и я. Эрик на двенадцать лет старше тебя, Джон. Он, был избалован в детстве. Ему всегда говорили, что однажды он может стать императором. Он испортился. И мне не совсем нравятся результаты, Джон. Эрик слаб. Он твердолоб и коварен. Этот союз с существами планеты Убегающей Звезды — это прием труса. Он пошел на него без моего согласия. Потому что боялся, что мои планы восстания потерпят провал.

Мне крайне не нравится результат, Джон.

Что же касается тебя, то я устроил тебя в Академию, не сообщая тебе о своем высоком положении. Я хотел, чтобы ты научился полагаться на себя, выработал характер, уверенность и храбрость.

Последнее событие, Джон, было чем-то вроде проверки. И оно доказало, надо думать, что ты обладаешь всем, на что я рассчитывал. Кроме того, ты мне нравишься.

— Да,— сказал холодно Джон Стар и замолчал.

— Империя будет восстановлена. Ничто не сможет остановить нас, Джон. Зеленый Холл обречен. Однако я не хочу ставить на это место слабого человека. Ульмары — старая фамилия, гордая фамилия, Джон. Наши предки заплатили за Империю кровью, трудом и мозгами. Я не хочу, чтобы наше имя было опозорено, а такой человек, как Эрик, может опозорить его.

— Вы хотите сказать...— закричал пораженный Джон Стар.— Вы хотите сказать, что я...

— Именно, мой мальчик.— Адам Ульмар улыбался, его приятное гордое выразительное лицо светилось надеждой.— Я не хочу, чтобы Эрик Ульмар был Императором Солнца, когда Зеленый Холл будет низложен. Новым императором будешь ты.

Джон Стар стоял, не шевелясь, молча глядя в красивое сильное лицо с короной белоснежных волос.

— Да, ты будешь императором, Джон,— мягко повторил Адам Ульмар, ласково улыбаясь.— Ты подходишь гораздо лучше, чем Эрик, ты на прямом пути к цели. Я получил подтверждение.

Джон Стар встряхнул руками и сделал шаг назад, недоверчиво смеясь.

— В чем дело, Джон?— Высокий командор выглядел глубоко удивленным.— Ты не...

— Нет!— Джон справился с дыханием и добавил решительно:— Я не хочу быть императором. Если бы даже я стал императором, я бы отрекся. Я бы восстановил Зеленый Холл.

Адам Ульмар медленно вернулся за стол и тяжело, устало сел. Долгое время он безмолвно сидел, глядя на напряженную решительную фигуру Джона Стара в хмурой задумчивости.

— Я вижу,— сказал он наконец,— что ты серьезен. Неудачный результат твоего обучения, чего я не мог предвидеть. Я думаю, что сейчас тебя слишком поздно изменять.

— Я уверен в этом.

Адам Ульмар снова задумался, и затем, когда он вдруг встал, его длинное лицо стало властным и решительным.

— Я надеюсь, ты понимаешь ситуацию, Джон... Наши замыслы будут осуществлены. Если не ты, то Эрик будет Императором Солнца. Возможно, прислушиваясь к моим советам, он будет править не слишком плохо. В любом случае, Зеленый Холл обречен. Я думаю, что ты, со своими дурацкими убеждениями, будешь против нас?

— Да,— тепло пообещал Джон Стар.— Я ни на что другое не надеюсь, только на срыв ваших подлых планов.

Адам Ульмар кивнул. Какой-то миг казалось, что он улыбается.

— Я знаю это.— В его печальном язвительном голосе отчетливо звучала фамильная гордость.— И это означает, Джон Ульмар,— я буду столь же честен с тобой, как и ты со мной — это означает, что ты должен провести всю свою жизнь в заключении, иначе будет необходимо тебя убить. Я слишком уверен в твоих способностях и целеустремленности, чтобы оставить тебя на свободе.

— Спасибо,— сказал Джон Стар голосом более теплым, чем ему бы хотелось.

Что-то смягчило гордую властность на лице старого командора.

— Так до свидания, Джон. Мне жаль, что нам приходится расставаться именно так.

Он положил ладонь на плечо Джона, и на лице его было сочувствие, когда тот невольно вздрогнул от боли.

— Ты нездоров?

— Какое-то оружие с черного корабля. Оно делает зеленые ожоги.

— А, красный газ!— Неожиданно командор стал очень хмур.— Приоткрой тунику, дай мне взглянуть. Похоже, что это некий аэробный вирус. Хотя отчеты, привезенные экспедицией, неполны и крайне запу-

таны. Его воздействие очень неприятно, однако мои эксперты в области планетарной медицины научились с ним бороться. Повернись-ка, дай я еще раз посмотрю... Ты должен немедленно лечь в госпиталь. И я думаю, мы сможем тебя вылечить.

— Спасибо,— сказал Джон Стар менее угрюмо. Ибо он слышал ужасные рассказы о несчастных людях, заживо гниющих в ужасных мучениях от такого газа.

— Мне жаль, мой мальчик, что я ничего другого уже не смогу для тебя сделать. Я очень сожалею, что ты предпочел заключение после госпиталя, а не пустующий трон императора.

ЗОВ СВЫШЕ ЖИЛЯ ХАБИБУЛЫ

В госпитальной палате, в южном крыле колоссального Пурпурного Холла, грубоватый немногословный доктор промыл рану Джона Стара голубым, слегка люминесцирующим раствором, наложил густой слой мази, перевязал и отправил его в постель. Двумя днями позже старая кожа стала отваливаться жестокими зеленоватыми чешуйками, оставляя под собой новую здоровую плоть.

— Хорошо,— сказал лаконично врач, придя осмотреть его.— Даже шрама не осталось. Тебе повезло.

Джон Стар применил один из приемов, которым он научился в Академии. Он вышел из палаты в одежде доктора, оставив его с кляпом во рту, связанного, разъяренного, но невредимого.

Четверо в форме Легиона встретили его за дверью. Они были вооружены, ничуть не удивились и даже соблюдали вежливость.

— Прошу сюда, Джон Ульмар, если вы уже готовы отправиться в тюрьму.

Джон Стар молча кивнул, напряженно улыбаясь.

Тюрьмой служило просторное кубическое помещение над северным крылом Пурпурного Холла. Стены его были из белого металла, блестящего и непробиваемого. Тройные двери были массивными, каждая представляла собой отодвигавшуюся броневую плиту. В узких коридорах между ними находились стражники. Механизм позволял открываться одновременно только одной двери, так что две другие постоянно преграждали путь к свободе.

Тюремный блок располагался в центре громадной комнаты — двойной ряд больших железных клетей, разделенных листовым металлом. В каждой камере были жесткие узкие нары, рассчитана такая камера была

только на одного человека. Один стражник находился на часах, постоянно обходя вокруг блока.

Джон Стар, запертый в одиночестве, удрученно бросился на нары. Сердце его искало путь к свободе, ибо Легион под началом Адама Ульмара не предпримет никаких попыток спасти Аладори. Зеленый Холл, с горечью подумал он, не будет даже информирован об утрате АККА. Но как бежать, как покинуть запертую камеру? Как обмануть часового, вооруженного только дубинкой на тот случай, если кому-нибудь из узников удастся его обезоружить? Как пройти через три двери со стражниками между ними? Как пробраться по бесконечному коридору Пурпурного Холла, надежной крепости? Как, наконец, покинуть крошечную планету, ставшую личной империей Адама Ульмара, охраняемой его верными сподвижниками? Как совершить невозможное? В соседней камере кто-то льстиво заговорил:

— О, друг, неужели в тебе нет сердца? Нас посадили в эту зловещую камеру на хлеб и воду. Неужели у тебя сердце из камня, приятель? Ведь ты же можешь принести нам что-нибудь еще на ужин, какой-нибудь вкусный кусочек, чтобы пробудить наш аппетит к тюремному пайку, скажем, толстую отбивную с грибным соусом и по мясному пирогу для каждого из нас. Только для аппетита!

— Для аппетита, мешок с салом?— откликнулся добродушный часовой, проходя мимо.— Ты ешь столько, что хватило бы семерым.

— Конечно,— заныл голос вновь,— что еще может делать человек, заслуженный старый солдат Легиона, гниющий заживо в этом черном подземелье, обвиненный в убийстве, измене долгу и бог знает еще в каких преступлениях, которые он не совершал. Поэтому иди, приятель, и принеси мне бутылочку вина. Одну лишь жалкую бутылочку. Оно слегка согреет бедного старого солдата, окоченевшего среди этих железных стен. Оно поможет мне забыть о трибунале и о камере смертников после вынесения приговора. Ведь, видит бог, они хотят убить всех нас троих. Как ты можешь быть таким бессердечным, дружище? Как ты можешь отказать в капельке счастья человеку, уже обреченному и почти покойнику? Иди, во имя жизни. Ах, друг, только одну бутылочку для бедного, голодного, избитого, проклятого, старого Жиля Хабибулы!

— Хватит! Молчать! Я уже принес тебе сегодня все, что можно! Ты уже вылакал сегодня шесть бутылок. Начальник тюрьмы говорит — хватит. Мне еще никогда не приходилось слышать о подобной мягкости. Лишь благодаря особому разрешению командора тебе вообще разрешается пить. И больше никаких разговоров, таковы правила.

Джон Стар был рад, что опять слышит своих спутников, хотя то, что они дожидаются суда, было плохой новостью. Адам Ульмар, видимо, будет безжалостен к этим верным людям, чье единственное преступление заключается в том, что они знали об его измене.

Он удрученно лежал на узких нарах, как вдруг услышал тихий стук по металлической переборке над головой, который враз вытащил его из апатии.

Поскольку буквы выстукивались легионерским кодом, он понял:

— К-Т-О?

Он быстро и осторожно ответил:

— Д-Ж-У-Л-Ь-М-А-Р.

— Д-Ж К-А-Л-А-М.

Он подождал, пока часовой снова пройдет мимо, и отстукал:

— Б-Е-Ж-А-Т-Ь.

— Е-С-Т-Ь Ш-А-Н-С.

— К-А-К?

— Д-У-Б-И-Н-К-А С-Т-Р-А-Ж-Н-И-К-А.

Уже большую часть дня и ночи Джон Стар смотрел на эту дубинку, которая проплывала за его решеткой через равные промежутки времени. Обычный 18-дюймовый деревянный стержень с резной рукояткой, обмотанный для тяжести зеленой проволокой. Он не мог понять, как ее можно использовать, однако, очевидно, она входила в некий план, возникший в отточенном, аналитическом уме Джея Калама.

Каждый стражник был заперт в большом помещении вместе с ними на четыре часа и обходил блок через каждые 15 минут, докладывая по переговорному устройству. Привычки часовых различались. Первый, добродушный мужчина, из осторожности носил дубинку не в той руке, что была ближе к узникам. Другой ходил в удалении и был недостижим. Третий был не столь осторожен и дубинку на кожаном темляке перекидывал с одной руки на другую. Однажды Джон Стар заметил, как он сделал это всего лишь в футе от его решетки. Напрягшись, он ждал, когда это повторится. Но его шанс еще не пришел.

Снова добродушный человек. И опять осторожный. Затем вновь тот, у которого дубинка болталась свободно.

Джон Стар ждал в течение часа, растянувшись на нарах, с мрачным выражением на лице, машинально выдергивая нитки из одеяла, и шанс представился. Каждое движение он продумал и прогнал у себя в голове. Он приготовился. Тренированное тело двигалось с легкостью и быстротой. Он беззвучно прыгнул, когда дубинка качнулась. Рука проскользнула между прутьями решетки. Сильные пальцы сомкнулись вокруг дерева. Он прижал колено и плечо к решетке, рука пошла назад. Все это произошло еще до того, как стражник смог повернуть голову. Кожаный темляк на запястье притянул его к решетке камеры, череп ударился о прутья. Он тихо упал. Джон Стар снял темляк с его обессилевшей руки и прошептал:

— Джей, дубинка у меня.

— Я надеялся, что тебе удастся,— тихо и быстро прошептал Джей Калам из камеры справа от него.— Будь любезен, передай ее Жилю.

— Сюда, дружище.— Слева послышалось жуткое сопение.— Побыстрей, во имя жизни!

Он сунул дубинку за решетку и почувствовал, как пальцы Жиля Хабибулы схватились за нее.

— Мне обыскать стражника?— прошептал он.

— У него нет ключей,— сказал Джей Калам.— Они знали, что это могло случиться. Надо положиться на Жиля.

— Мой отец был изобретатель замков,— послышалось сопение из камеры слева.— Мне было знамение свыше. Жиль Хабибула не всегда был старым увечным солдатом Легиона. В свои лучшие годы...— Голос затих. Джон Стар взял себя в руки и стал молча ждать. Больше ничего не оставалось делать. В соседней камере Жиль Хабибула занимался делом. Ясно слышалось его тяжелое дыхание. Время от времени Джон Стар слышал жуткое бормотание:

— Смертельные минуты!.. Эта проклятая проволока!.. Во имя жизни!.. О, бедный старый Жиль!

— Поторопись, Жиль — подал голос Хал Самду из камеры позади.— Поторопись.

Слышны были тихие лязгающие звуки.

— У нас еще пять минут.— Голос Джея Калама был тих.— Потом стражник должен доложить.

Часовой застонал. Джон Стар молча отправил его в беспамятство при помощи приема, которому научился в Академии,— одного короткого удара ребром ладони.

Дверь распахнулась. Он вышел к Жилю Хабибуле. Приземистое и массивное тело старого легионера, казалось, дрожало от возбуждения, однако толстые руки были необычно уверенны и тверды, хотя он лихорадочно возился с дверью Джея Калама, вскрывая ее с помощью куска проволоки, изогнутой, зеленой, из оплетки дубинки.

— Бедный старый Жиль не всегда был ленивым и бесполезным солдатом Легиона, парень,— отвлеченно сопел он.— Все было не так, когда он был молод и силен, прежде чем с ним случилась смертельная беда на Венере и ему пришлось вступить в этот жалкий Легион...

Дверь выпустила Джея Калама, следующая дала свободу Халу Самду.

Не дыша, Джон Стар прошептал:

— Что теперь?

У них было четыре минуты, затем стражнику надо было докладывать. Огромная комната, в которой находился блок камер, имела массивные металлические стены, и окна в ней отсутствовали. Выход был только один, и между тремя запертыми дверями в коридорах ждали вооруженные люди.

— Вверх,— сказал, как обычно настойчиво, Джей Калам.— На крышу блока.

Джон Стар подтянулся на решетках. Остальные быстро последовали за ним. Жиль Хабибула пыхтел, сверху ему помогал Джон Стар, а снизу его поддерживал Хал Самду. Они забрались на металлическую сеть, которая покрывала второй ряд камер. Белый металлический потолок был в пятнадцати футах над ними.

— Вентилятор!— прошептал Джей Калам.

Он указал на тяжелую металлическую решетку в потолке, из которой к ним нисходил прохладный поток.— Твоя очередь, Хал. Если и суждено тебе когда-нибудь применить свою силу, то именно сейчас.

— Поднимите меня!— потребовал гигант, вскинув огромные руки. Они подняли его. Пыхтящий Жиль Хабибула и Джей Калам стояли на сетке. Джон Стар, самый легкий из них, стоял у них на плечах, а огромный Хал Самду стоял на плечах у него. Решетка вентилятора была прочна, хотя ее и вставили туда, куда беглецы, по их мнению, не могли бы добраться. Огромные руки Хала Самду сомкнулись на прутьях. Он напрягся. Дыхание было коротким, прерывистым.

— Я не могу,— простонал он.— Не этим путем.

— У нас одна минута,— мягко сказал ему Джей Калам.

Гигант приподнялся на плечах Джона Стара и сложился пополам, упершись ногами по обе стороны решетки и вися на руках.

— Держи его!— воскликнул Джон Стар. Хал Самду напрягся, упираясь ногами в потолок. Лопнувший металл поддался. Он упал головой вниз с 15-футовой высоты, держа в руках вырванную решетку. Наверху развернулась черная шахта, из нее изливался поток холодного воздуха.

Трое успели подхватить его на руки. Со стороны двери в большое помещение послышался воющий звук. Механизм замка открывал внутреннюю перегородку. Через несколько секунд войдут стражники, чтобы выяснить, почему молчит переговорное устройство.

— Ты первый, Джон,— сказал Джей Калам.— Ты самый легкий. Поможешь нам.

Они подняли его к отверстию. Он уперся коленями в край и свесился, вытянув руки.

Жиль Хабибула, сопя, полез первым, поддерживаемый снизу. Затем Хал Самду, спустивший Джона Стара, как живую веревку, чтобы Джей Калам мог ухватить его за руки.

— Эй!— прозвучал приказ из открытой двери.— Ни с места, или мы будем стрелять.

Они карабкались вверх, в чрево темной вентиляционной шахты. Опять прозвучала отрывистая команда.

Заряд протонного пистолета осветил темную шахту яркой вспышкой и разбросал горящий металл под ними. Искры ослепили их, жаля электрическими уколами. Они ползли в изогнутом черном пространстве.

СО СМЕРТЬЮ ЗА СПИНОЙ

Горизонтальный проход, по которому они двигались, был из тяжелого листового металла, квадратного сечения, не более трех футов в высоту.

— Смертельно темно, как в кишке у кита,— сказал Жиль Хабибула.

Они ползли все вчетвером, стукаясь о заклепки и выпирающие части головами и конечностями. Впереди был Жиль Хабибула, за ним — Джей Калам и Хал Самду, и Джон Стар двигался последним. Стража, должно быть, замешкалась, разыскивая лестницу,— побег через вентиляционную систему застал из врасплох. Во всяком случае, погони поначалу слышно не было. Все четверо протискивались в узком пространстве, сильный ветер обдувал их. Жиль Хабибула пыхтел, как двигатель.

— Если это боковое ответвление,— задыхался Джей Калам,— мы должны повернуть лицом к ветру. Он поведет нас к отверстию, в которое поступает воздух. Надо будет пройти через вентиляторы воздухозаборников. Если мы заблудимся, они выловят нас как крыс.

Он замолчал. Ветер внезапно перестал дуть в лицо.

— Они вырубили вентиляторы,— прошептал он.— Теперь мы не сможем идти на воздушный поток.

— Я слышу голоса,— прошептал Джон Стар.— Позади. Идут за нами.

— Во имя сладкой жизни,— засопел Жиль Хабибула чуть позже.— Смертельная стена! Я врезался в нее своей старой головой!

— Пошли,— сказал настойчиво Джей Калам за его спиной.— Наощупь,— добавил он.— Здесь должен быть путь.

— Моя жалкая голова! О да, путь здесь есть. Два пути. Мы подошли к другой галерее. Направо или налево?

— Пусть нас ведет слепой шанс, раз уж они остановили вентиляторы. Направо.

Они заторопились один за другим, опираясь на руки и разбитые колени.

Послышался крик со стороны Жиля Хабибулы:

— Моя смертельная жизнь! Жуткая шахта! Я в нее наполовину провалился. Во имя жизни, не давите так! Я цепляюсь за край!

— Должно быть, колодец, ведущий вниз. Боюсь, мы повернули не туда — воздухозаборник должен быть выше. Однако поворачивать поздно. Пощупай на ощупь. Тут должны быть скобы — лестница на случай, если шахтам потребуется прочистка.

— О да, ты прав, Джей. Я нашел их, и до чего же они хлипкие для такого мужчины, как я! Ах, Джей, я лучше бы остался в камере, пусть

бы они меня пытали, мучили голодом и делали с моим бедным старым телом все, что хотели, судили, запирали в камеру смертников. Джей, Жиль Хабибула слишком стар, слишком болен и ленив, чтобы бегать по черным крысиным норам на четвереньках и карабкаться во тьме вверх и вниз по хлипким лесенкам. Он вам не жалкая обезьянка.

И, тем не менее, он вмиг скользнул через край. Он уже грохотал вниз по темному трапу, остальные — за ним, улавливая его фразы сквозь прерывистое дыхание.

— Фу,— просопел он вдруг.— Боюсь, это все. Я добрался до дна. Пути нет, кроме тонких труб, через которые и крысе не пролезть.

Дрожащими кровоточащими пальцами они ощупывали поверхность, но не находили ответвления, достаточно большого для человека.

— Надо было свернуть налево,— сказал Джей Калам.

— Мы должны вернуться!— воскликнул Джон Стар.— Если мы поспешим, то, может быть, справимся с ними.

Теперь он уже мчался вперед вверх по трапу. Он достиг горизонтального прохода и двинулся по нему, не обращая внимания на ушибы и ссадины. Хал Самду наступал ему на пятки. Джей Калам тоже отставал ненамного. Жиль Хабибула, тяжело и прерывисто дыша, окликнул их издали:

— Ради драгоценной жизни, вы не можете покинуть бедного старого Жиля. Подождите меня, ребята! Джей, Хал, вы не можете оставить своего бедного товарища на голод, пытки и смерть. Обождите одну лишь секундочку. Дайте бедному истощенному Жилю Хабибуле глотнуть хоть немножко воздуха.

Джон Стар увидел впереди на стене белый луч карманного фонаря. Выходит, преследователи только что приблизились к перекрестку. Он пополз, отчаянно стремясь встретить их первым. Свет падал из ответвления на стену ярким пятном. Он сориентировался на него и стал ждать, скорчившись за углом, стараясь дышать как можно тише. Сзади подошел Хал Самду, и он предостерег гиганта, нажав ему на ногу подошвой. Далеко позади он услышал жалобные призывы Жиля Хабибулы:

— Всего лишь одну жалкую секундочку, ради самой сладкой жизни. Ах, бедный солдат, больной и измученный, заключенный и обвиненный как самый последний предатель, брошен своими товарищами и заперт в этой вонючей дыре, как подыхающая крыса.

Фонарь вновь блеснул, на этот раз близко. Из бокового туннеля показался шедший первым человек. Джон Стар схватил его за вытянутую руку и вытащил из-за металлического угла.

Бой шел в полной темноте, потому что упавший фонарик погас. Свирепый бой: неизвестный стражник сражался за свою жизнь, Джон Стар — более чем за свою. И краткий — все было кончено прежде, чем следующий человек дошел до перекрестка.

Академия Легиона многому научила Джона Стара — он знал каждую слабую точку человеческого организма. Он знал, как выкручивать

конечности, чтобы они ломались, знал захваты, парализующие нерв, знал броски, убивающие противника с помощью его же силы. Он был легок, однако легионерские тренировки сделали его жестоким и быстрым, и сейчас он имел все шансы на победу в схватке с другими легионерами.

Его противник пытался первым использовать тяжелый маленький протонный пистолет, находившийся у него в правой руке. Но обнаружил, что рука сломана в запястье. Тогда левой рукой он ударил во тьму, и собственный удар швырнул его на стену шахты. Он рванулся, пытаясь ударить назад, и сломал себе шею.

С этим все было кончено. Когда следующий человек включил фонарик, чтобы посмотреть, как проходит бой, Джон Стар уже держал протонный пистолет, выроненный первым стражником, наведя его прямо на туннель. Тонкая ищущая струя чистой электроэнергии — протонная вспышка жгла металл, воспламеняла горючее, разрезала плоть. Это узкий убийственный меч мощного фиолетового излучения, а не игрушка.

На все ушли секунды. У других людей было похожее оружие и тоже наготове, однако они вынуждены были мгновение помедлить, чтобы найти цель. Джон Стар не медлил. И пятеро человек погибли в шахте: трое от непосредственного контакта с лучом, двоих других убил разряд ионизированного воздуха. Протонный пистолет был не игрушкой. И Джон Стар сильно надавил на спуск, опорожнив одним выстрелом весь магазин.

Столь быстрая расправа вызвала у Джона Стара тошноту. Это был первый тест на те смертельные виды искусства, которым его обучали,— никогда прежде он не убивал человека. Его мутило. Он почувствовал слабость.

— Джон?— неуверенно прошептал Хал Самду.

— Я... со мной все в порядке.— Он попытался взять себя в руки. Выбора не было. Если бы ему пришлось убивать снова, он сделал бы это... "Несколько жизней,— сказал он себе мрачно,— ничто по сравнению с безопасностью Зеленого Холла. Или,— прошептала вторая часть его "я",— с безопасностью Аладори".

Он неуверенно наклонился над выроненным фонариком.

— Стражники... они все мертвы,— хмуро прошептал он.— Я убил их всех.

— У тебя протонный пистолет?— Хал Самду сам не сознавал своего страха.

— Мертвы!— Но вопрос вернул его в действительность.

— Да. Хотя он бесполезен, пока я не найду запасного магазина.

Заставив себя, он обыскал ближайшее к нему тело и не нашел запасного магазина, затем двинулся к тем, кого убил луч.

Джей Калам встал.

— Ты применил протонный пистолет на полную мощность? Тогда бесполезно искать запасной магазин или вообще что-нибудь электрическое все выгорело.

Он нашел второй протонный пистолет — полурасплавленный, дымящийся горелой изоляцией, он был настолько горяч, что жег пальцы.

Вдалеке, в стороне, где находилась тюрьма, послышалась команда. Они увидели отблески мерцающего света.

— Опять идут. Мы должны идти. На этот раз налево.

Жиль Хабибула с шумом поднялся. Он наткнулся на Джея Калама и засопел:

— Пора бы отдохнуть! Я потерял десять смертельных футов уже, шныряя по этим грязным и бесконечным крысиным норам. И я запарился, как...

— Пошли,— коротко позвал Хал Самду.— Ты еще больше запаришься, когда протонный разряд угодит тебе в корму.

Они двигались, отчаянные, исцарапанные, хватая ртами воздух, но без оружия, если не считать бесполезного протонного пистолета. Бежали все вчетвером, болезненно натыкаясь на выступы и углы.

— Играем в глупую игру в кошки-мышки,— хныкал Жиль Хабибула.

Джон Стар, шедший впереди, внезапно окликнул их:

— Вторая шахта — большая. Ведет и вверх, и вниз.

— Тогда вверх,— сказал Джей Калам.— Воздухозаборник должен быть над нами. Вероятно, на крыше.

Они поднимались по шатким металлическим скобам в тесной темной трубе.

— Крыша,— сказал внезапно Джон Стар.— Можем ли мы подняться на посадочную площадку на башне? На ней корабли.

— Возможно,— сказал Джей Калам.— Однако надо пройти мимо вентиляторов. Это довольно просто, если они остановлены. Но на посадочной площадке стража, а у нас нет оружия.

Они поднимались по бесчисленным скобам в непроглядной мгле. Дыхание давалось с болью. Мускулы скрипели и дрожали. Ободранные руки оставляли на металле кровавые следы.

Жиль Хабибула, плетясь в отдалении, шумно пыхтел, и все же ему хватало дыхания для жалоб:

— Ах, бедный старый Жиль умирает, хочет пить. Ну хоть один жалкий глоточек винца! Его несчастное горло стало сухим как кожа. Бедный старый Жиль! Ленивый старый больной Жиль Хабибула. Ему этого не вынести. Все вверх и вверх, и скоро почувствуешь, как превращаешься в смертельную механическую обезьяну.

— Я считал скобы,— сказал, наконец, тихо Джей Калам, прерывая молчание с невероятным мучительным усилием.— Мы должны быть в башне.

Поток воздуха неожиданно обрушился на них, обдувая шахту.

— Снова вентиляторы! Интересно, почему?..

Вскоре он узнал, почему. Дующий сверху ветер усилился. Он превратился в злобный ураган. Он выл в ушах демоническими голосами. Он срывал с тел одежду. Он хлестал их когтистыми руками, наносил жестокие удары.

— Пытаются...— кричал Джей Калам, перекрывая его рев,— сбросить нас с лестницы. Вверх, остановить вентиляторы.— Ветер уносил его слова.

Джон Стар поднимался под безжалостными ударами воющего ветра, сражаясь с рвущими его демоническими когтями. Слабые металлические скобы дрожали, прогибаясь под его тяжестью. Медленно, мучительно он выигрывал у быстрого потока сантиметры. Наконец, в ушах раздался другой звук, громче визжавшего воздуха. Гул шестеренок, урчание огромных лопастей. Гудение перегруженных вентиляторов во тьме.

Медленно, дюйм за дюймом, карабкался он вверх, на вершину лестницы, на широкую платформу с вибрирующими металлическими перилами. Там он остановился, чтобы сыграть со смертью.

Где-то над ним рыскали огромные крылья, и он знал, что они не задержатся, даже если расколют ему череп и расплещут мозги.

Он осторожно двинулся, нащупывая путь. Он уже вышел из главного воздушного потока, поэтому мог двигаться с большей легкостью. Хотя внезапные порывы еще набрасывались на него: это были руки демона, дергающие его к невидимым лопастям. Он двигался на шум шестеренок. Он осторожно изучил пальцами каркас вибрирующей машины. Он пытался представить в уме ее образ. Наконец, он нашел край вращающейся оси и медленно, осторожно ударил тяжелым маленьким пистолетом три раза подряд, но тщетно...

Металлические зубья вырвали пистолет из его руки. Бурчание сменилось гневным рыком. Шестеренки ревели и завывали. Они жевали металл и злобно выплевывали осколки. И они сломались. Перегруженный металл кратко и яростно взревел. Затем — тишина. Покой. Невидимые урчащие лопасти замедлились и остановились. Демонический воздух стал недвижим. Джон Стар стоял безмолвно, тяжело дыша, давая отдых дрожащим мускулам; тем временем остальные поднялись к нему.

— Теперь в воздухозаборник,— тихо и требовательно сказал Джей Калам.— Прежде, чем они придут сюда.

— Подождите жалкую секундочку,— засопел Жиль Хабибула, хватая ртом воздух.— Ради самой сладкой жизни, неужели вы не можете подождать ленивого старого солдата, карабкающегося словно белка в колесе?

Они вновь поднимались, карабкаясь по огромному неподвижному лезвию лопасти, по массивной безжизненной оси. Они бежали по огромному горизонтальному тоннелю воздухозаборника и вышли на дно другой вертикальной шахты.

— Свет!— воскликнул Джон Стар.— Небо!

Квадратное отверстие на верху шахты светилось, как кусок сала. Хотя это было не небо, а всего лишь нижняя поверхность посадочной площадки.

Вверх по последней короткой лестнице, и вот, наконец, они стоят на крыше. Плоская, выложенная пурпурным стеклом огромная крыша была усеяна отверстиями других вентиляционных шахт и загромождена гигантскими опорами, поддерживающими огромную платформу взлетной площадки еще в ста футах выше.

— Они узнают, что мы здесь,— тихо напомнил Джей Калам.— Нельзя терять времени.

Они подбежали к краю крыши и снова стали карабкаться по диагональной решетке огромной вертикальной конструкции. Последние пять футов вокруг края гигантской металлической конструкции Джон Стар прошел в одиночестве.

Цепляясь, словно муха, он осторожно перевалился через край грандиозного плоского стола. Всего лишь в двухстах футах от него находился нос "Пурпурной Мечты". Стройная яркая стрела — флагман — сияла под маленьким солнцем, жарко горевшим под прозрачной атмосферой Фобоса.

"Пурпурная Мечта"! Всего лишь в тридцати ярдах были свобода и безопасность, возможность поиска Аладори. Щеголеватая, красивая, новейшая, лучшая, быстрейшая! Лучший крейсер флота Легиона. Великолепная надежда. И напрасная. Воздушный шлюз был задраен, сверкающий корпус непроницаем. В линии возле нее стояли наготове двенадцать вооруженных легионеров. Что за безумие — пытаться вчетвером захватить ее!

Четверо избитых, измученных, ободранных, безоружных беглецов против тысяч, гонящихся за ними. Что за безумие — пытаться схватить крейсер, самую мощную боевую машину в Системе!

Джон Стар знал, что это безумие. И все же отважился составить план.

ПЛАН

Он спустился обратно, к остальным, к холодному сосредоточенному Джею Каламу, порывистому молчаливому Халу Самду, хныкающему, скулящему Жилю Хабибуле.

— "Пурпурная Мечта" на месте. Люк направлен в нашу сторону и задраен. На страже — дюжина человек. Однако, мне кажется, у нас есть выход.

— Какой?

Он объяснил, и Джей Калам кивнул, тихо задав несколько вопросов.

— Попытаемся. Ничего другого не остается.

Они вновь спустились на крышу, причем Жиль Хабибула горько жаловался при каждом новом усилии. Они пробежали по диагонали по пурпурным стеклянным черепицам, среди путаницы опор и устало взобрались на платформу за "Пурпурной Мечтой".

Опять Джон Стар взглянул сверху вниз на поверхность крыши.

Ни часовых, ни погони сейчас уже не было видно. Этот титанический подъем в шахте, причем по последней тысяче ступенек против ураганного ветра, бегство через лезвие лопасти вентилятора — все это не должно было вязаться с планами преследователей.

Плоская платформа. Бок "Пурпурной Мечты" в пятидесяти футах, сверкающая округлость обшивки. Пурпурно-синее небо над ними и вдали.

— Пошли,— прошептал он.— Все чисто.

Через несколько секунд он перебрался через край, хотя даже для его тренированного тела это было крайне тяжело. Хал Самду с его помощью перебрался уже быстрее. Жиль Хабибула, взгромоздясь на край, рыхлый, зеленолицый, взглянул вниз с трехтысячефутовой высоты на пурпурные крыши зданий и зеленую выпуклость крошечной планеты, и ему вдруг неожиданно стало крайне плохо...

— Тошнит!— застонал он.— Смертельно тошнит, умираю. Держи меня, дружище! Потому что бедный Жиль слабеет и умирает. И он чувствует, что падает с этого жалкого спутника!

При всей своей скорости и боевой мощи "Пурпурная Мечта" была небольшой, сто двадцать футов в длину, тридцать футов в наибольшем диаметре. И все же непросто было пробираться незамеченными и неуслышанными на ее верх, как требовал план Джона Стара.

Они пробежали под защитой ее коротких острых дюз и подняли Джона Стара. И он снова помог остальным подняться. От дюз они начали медленный и опасный путь вперед и вверх по корпусу корабля.

Однажды Жиль Хабибула сорвался. Он начал скользить по полированной обшивке, хрипя от ужаса. Джон Стар и Хал Самду

поймали его, втянули наверх. Наконец, они были в безопасности на середине корабля.

Там они лежали и ждали.

Поначалу они были рады, что им представилась возможность отдохнуть по-человечески. Однако солнце падало прямо на них, проникая сквозь тонкую атмосферу Фобоса,— слепящее, яркое и жуткое. Оно отражалось от обшивки корабля. Они потели, задыхались от жары, и жажда приступила к пытке. Они не отваживались двигаться, они могли лишь ждать. И положение у них было угрожающее.

От корабля, разумеется, они не были видны. Но яркая металлическая платформа просматривалась издали, она блестела и лучилась теплом. Любой случайный наблюдатель мог легко заметить их на крейсере.

Вероятно, они лежали на плоской серебряной жаровне часа два, и вдруг внизу раздался звонок, и напряженный, взволнованный голос произнес:

— С поручением от командора. Он прибудет на борт через пять минут. Крейсер должен быть готов к немедленному отбытию.

— У нас задраен люк, свяжитесь с капитаном Мадлоком.

— Не знаете, где он может быть?

— Я думаю, он ушел до тех пор, пока эти беглые заключенные не будут пойманы.

— Говорят, это легионеры.— Один — старый, преступник. А все они отчаянные ребята. Очень опасные.

— Я слышал, они прячутся в вентиляционных шахтах.

— Не вините командора за то, что он улетает. Если этим людям удалось вырваться из-под ареста...

— Они уже убили в шахтах шестерых.

— Я слышал — двенадцать, причем их собственным оружием.

Звук торопливых шагов по ступенькам от лифта. Звонкое лязганье металла, и огромный нагруженный люк опустился, образовав крошечную площадку под воздушным шлюзом. Шаги по трапу, затем — внутри корабля. Наконец, хриплый приказ:

— Все в порядке. Задраить люки!

Джон Стар быстро покатился по корпусу и первым соскользнул на маленькую платформу — люк. Удар потряс его, однако он удержал дыхание и метнулся в шлюз. Следом за ним там оказался Хал Самду, затем — Джей Калам; Жиль Хабибула, при его комплекции, немного отстал.

В борьбе, которая последовала затем, они имели преимущество полной внезапности. Первый человек, занимавшийся управлением механизмами люков, не был даже вооружен. Он поперхнулся воздухом, увидев Джона Стара. Лицо его тотчас побледнело от ужаса, ибо новая репутация четверки попала на борт раньше их. И он попытался бежать.

Джон Стар поймал его. Резкий удар в солнечное сплетение, удар плоской стороной ладони возле уха. Тот рухнул, безвольный и тихий.

Жиль Хабибула, сопя, перешагнул через край люка, и Джон Стар закричал ему:

— Закрывай люки!

Как только воздушный шлюз был задраен, он знал, что "Пурпурная Мечта" надежно защищена от внезапной опасности.

Перед ним появилось двое людей в форме, тяжело дышавшие, изумленные. Они попытались схватиться за оружие. Первый из них встретился с кулаком Хала Самду, треснулся спиной о перегородку и медленно соскользнул на палубу. Протонный пистолет, крутясь, стал падать, и Джей Калам подхватил его как раз вовремя, чтобы встретить третьего нападающего в зеленой форме Легиона.

Джон Стар быстро справился с собственным противником. Они оба имели легионерскую подготовку, но Джон Стар дрался за АККА и Аладори. Противник схватился за пистолет и зашатался — рука его была вывернута, спина сломана. Джон Стар повернулся и встретил капитана Мадлока, только что вышедшего из-за угла.

Мадлок отпрянул, съежившись и рыча, протонный пистолет уже был у него в руке. Однако Джон Стар опять опередил его, быть может, на сотую долю секунды, но этого было достаточно. Белое лезвие электрического пламени вырвалось из ствола, и у "Пурпурной Мечты" появился новый командир.

Теперь они разделились. Жиль Хабибула остался охранять воздушный шлюз. Хал Самду побежал в направлении кают экипажа, в сторону носа. Джей Калам бросился вниз, в отделение генераторов. Джон Стар помчался вперед, к каюте командора и навигационной рубке.

Их все еще превосходили в отношении двое к одному — ведь состав "Пурпурной Мечты" были двенадцать человек. Такого экипажа было вполне достаточно, поскольку корабль почти полностью управлялся автоматическими механизмами, и люди требовались лишь для инспекции и навигации. Однако на этот раз уже и думать было нельзя о преимуществе внезапности.

Джон Стар встретил всего двух человек. Навигатор вышел из рубки с протонным пистолетом в руке. Он увидел Джона Стара и попытался выстрелить. Но его не подстегивала необходимость вернуть, и безотлагательно, АККА. Он опоздал на две тысячные доли секунды, и этого было достаточно.

Джон Стар распахнул дверь с табличкой "КОМАНДОР" и увидел Адама Ульмара в его каюте — тот натягивал куртку, которую носил на борту.

Долгую секунду высокий беловолосый властелин "Пурпурной Мечты" и Пурпурного Холла стоял совершенно неподвижно, не дыша, глядя на грозную иглу протонного пистолета. Его красивое лицо застыло, и на нем абсолютно отсутствовало какое-либо выражение. Внезапно он вздохнул. Куртка выпала из его рук. Он тяжело уселся в единственное кресло.

— Ну что ж, Джон, ты меня удивил,— сказал он, коротко и хрипло рассмеявшись.— Я учту, что ты слишком опасен, чтобы оставлять тебя в живых. Я этого не ожидал. Однако на всякий случай решил убраться отсюда.

— Я рад, что вы цените свою жизнь,— резко ответил Джон Стар.— Потому что я намерен поторговаться с вами за нее.

Адам Ульмар улыбнулся успокаивающе, он старался снова взять себя в руки. Это вновь был бывалый старый властитель Пурпурного Холла.

— У тебя преимущество, Джон. Твои люди, надо думать, завладели крейсером?

— Мне тоже так представляется.

— Что ж, это добавляет к твоему длинному списку преступлений еще и пиратство. Теперь за тобой будет охотиться весь флот Легиона.

— Я знаю. Но это не спасет вашей жизни. Так будем торговаться?

— Чего ты хочешь, Джон?

— Информации. Я хочу знать все об Аладори Антар.

Адам Ульмар облегченно улыбнулся и сказал более свободно:

— Это вполне приемлемо. Обещай мне жизнь, и я все расскажу, хотя не думай, что информация принесет тебе удовлетворение.

— Итак?

— Мне кое-что самому не нравится, Джон. Я хотел, чтобы ее доставили сюда, в Пурпурный Холл. Я думаю, что Эрик уже слишком доверился своим чужакам-союзникам. Видишь ли, она не расположена говорить. Ее трудно убедить, не рискуя убить ее и ее тайну. А нам все еще приходится иметь дело с некоторыми стоеросовыми болванами из Легиона, вроде тебя, Джон, верными Зеленому Холлу.

— Но где она?

— Ее взяли на корабль медузиан и везут к Убегающей Звезде.

— Только не туда!— судорожно произнес он.— Даже Эрик не смеет...

— Да, Джон,— трезво подтвердил знаменитый родственник.— Я не думаю, то этот факт покажется тебе приятным.

— Мы последуем за ней!

— Да, Джон. Я верю, что ты пойдешь на это.— В голосе Адама Ульмара послышалось чуть ли не восхищение.— Однако тебе не следует надеяться на успех.

— Почему?

— Наши союзники, Джон,— это совершенно иная раса. Они существуют дольше, чем человеческая раса. Я их не люблю, говоря откровенно, мне уже приходилось с ними встречаться. Я не одобряю этот союз. И я не одобряю похищения ими девушки. Я не настолько доверяю им в отличие от Эрика.

Они, как ты понимаешь, совершенно не имеют в себе ничего человеческого — да и не похожи ни на одну жизненную форму в Системе,

хотя Эрик и зовет их медузианами. У них извращенная психология. Неприятная. Если честно, то я их боюсь.

Но они имеют науку, они способны, развиты. Они обладают накопленными знаниями — сколько веков на это ушло, я не имею представления. Злобные, они располагают великолепными мозгами, холодными, бесчувственным разумом. Они больше похожи на машины, чем на живых существ. Они берут все, что хотят, и очень эффективно, без человеческих предрассудков.

Поэтому я думаю, Джон, что они способны на своей планете охранять девушку и заставить ее выдать тайну. Они установили всевозможные защитные устройства, чтобы охранять свой чужеродный мир. Это пояс зла — о нем до сих пор бормочут уцелевшие безумцы из экспедиции Эрика.

И если даже я, благодаря тебе, Джон, останусь здесь беспомощным, наши планы будут осуществляться и дальше. Медузиане вернутся. Легион справится с ними — наша организация Пурпурных уже контролирует это дело. Зеленый Холл будет сметен — у медузиан замечательное оружие. И Эрик займет трон.

Трон, который мог быть твоим, Джон.

ПРОЩАЙ, СОЛНЦЕ!

Жиль Хабибула издал странные звуки. Он кашлял, хрипел, плевался. Изо рта его вылетали куски пищи. Его лицо, за исключением пурпурного протуберанца носа, покрылось болезненной зеленоватой белизной. Толстые руки дрожали, когда он вскидывал большую бутыль вина и прочищал голосовые связки, чтобы вернуть себе связную речь.

— Моя милая жизнь!— бормотал он, выкатывая рыбьи глаза и озирая носовую рубку.— Моя смертельная жизнь! Нам туда не добраться!

— Возможно, мы и не доберемся,— трезво согласился Джон Стар.— Шансы против нас, я полагаю, сто к одному. Однако мы попытаемся.

— Проклятие моим костям! Нам туда не добраться, приятель. Это за пределами Системы — шесть световых лет, а то и больше. Это ужасное расстояние, если потребуется шесть световых лет полного одиночества, чтобы пройти его. Ах, и там подстерегает тысяча опасностей, одна жизнь знает, каких. Я смелый человек — вы все знаете, что добрый старый Жиль Хабибула достаточно смел, чтобы иметь дело с любой обыденной опасностью. Но этого нам не осилить. Из всех роковых экс-

педиций, которые отправлялись за пределы нашей драгоценной Системы, только одна вернулась назад.

Внезапно на геодезическом экране-карте замерцал крошечный огонек красного цвета. Предупреждающе зазвенел звонок.

— Крейсер Легиона,— заключил Джей Калам вполголоса.— Движется наперехват "Пурпурной Мечте". А теперь их уже пять. Охота на пиратов всегда была популярным спортом в Легионе.

— Ближайший в десяти тысячах миль от нас,— добавил Джон Стар, взглянув на диски.— Хотя, вероятно, они не заметят нас, пока нам не удастся починить генераторы и начать движение.

— К Убегающей Звезде!— продолжал сопеть Жиль Хабибула.— Во имя сладкой жизни, к темному и зловещему миру зеленых медузиан. Экспедиция Легиона состояла из пяти прекрасных боевых кораблей. Лучшее, что могла построить Система. С полными комплектами обученных экипажей. И посмотрите, что вернулось назад спустя бесконечный год.

Один потрепанный корабль! И люди на нем, большинство из них жалкие бормочущие психи, они лепечут о вещах, от которых кровь стынет в жилах,— об ужасах, с которыми они встретились на мрачной и грозной планете под злым солнцем. И с тех пор они гниют от некоего страшного вируса, неизвестного докторам: плоть их смертных тел становится зеленой и отваливается.

Смертельные ужасы! И ты хочешь, чтобы мы отправились туда, на жалком и одиноком маленьком корабле, у которого уже повреждены геодины. Нас всего четверо против целой планеты, изобилующей зелеными и подлыми монстрами!

Ты не должен требовать, чтобы старый Жиль Хабибула отправлялся туда, парень. Бедный старый Жиль, полумертвый от шныряния, как загнанная крыса, по вентиляционным трубам Пурпурного Холла. Старый Жиль слишком слаб для этого. Если вы, трое идиотов, хотите отправиться навстречу смерти в безумии и воплях ужаса, то почему бы вам не высадить старого бедного Жиля на Марсе?

— Чтобы тебя судили и казнили за пиратство?— спросил Джон Стар, мрачно ухмыляясь.

— Не шути со старым Жилем, парень! Он тебе не чванливый пират с окровавленными руками. Старый Жиль — он всего лишь...

— За нами охотится весь Легион, Жиль,— тихо вмешался Джей Калам.— С той самой минуты, когда мы захватили "Пурпурную Мечту". Агенты Легиона сразу же до тебя доберутся, даже спрятаться не успеешь!

— Во имя жизни, Джей, не говори так! Я не подумал об этом. Но мы теперь проклятые пираты, и против нас каждый честный солдат. Ах, все теперь будут смотреть на нас в ужасе и искать пути разделаться с нами.

Его рыбьи глаза блестели от слез, сопящий голос, прерывался:

— Бедный старый Жиль Хабибула, состарившийся на верной службе Легиону, не имеет теперь даже жалкого местечка на какой-нибудь планете, чтобы обрести там покой. Его гонят сквозь черные и стылые глубины космоса, изгоняют из Системы, которой он отдал все свои годы и силу. Его гонят на планету, кишащую зелеными нечеловеческими чудовищами. Ах, я, бедный! Неблагодарная Система пожалеет, что была несправедлива к этому смертельному герою!

Он вытер слезы, затем встряхнул бутыль.

Он воспользовался возможностью заглянуть в кладовые сразу же, как только они захватили корабль. Его вместительные карманы были набиты пакетами с синтетическими легионерскими пайками, сладостями, кусками ветчины, которые сейчас вновь плыли в его рот, и поток их прерывался лишь подносимой с той же целью винной бутылью.

"Пурпурная Мечта" дрейфовала в космосе на расстоянии ста тысяч миль от огромного рыжевато-коричневого охряного шара Марса. Крошечный Фобос затерялся среди миллионов разноцветных точек, которыми пестрила черная сфера ожидающего их космоса. Они застыли, выключив огни и сигналы, беспомощные, и флот Легиона алчно охотился за ними.

Командор Адам Ульмар был благополучно заперт в каюте, остальных своих пленников они выпустили через воздушный шлюз, и они, подталкиваемые энергией из дюз, отчалили от посадочной площадки Пурпурного Холма. Джон Стар уже чувствовал себя в объятиях свободы.

Однако затем умирающий инженер, верный традициям Легиона, нажал на кнопку и спалил геодиновый блок. Генераторы отказали, дюзы были неспособны двигать корабль через враждебные и гигантские просторы, и они вчетвером собрались на совещание.

— Она в руках этих чудовищ?— Огромный Хал Самду опять задал этот вопрос, сжав большие кулаки.— Этих чудовищ, о которых говорили безумные ветераны Эрика?

— Да. Кроме того, я думаю, что эти создания мало чем напоминают людей.

— Если позаботиться,— вмешался Джей Калам,— об организации...

— О, вот оно, это слово,— прервал его Жиль Хабибула.— Организация. Регулярность. Четырехразовое питание горячей пищей, которая тут же стынет, двенадцать часов крепкого сна. Организация, хотя всякий человек тут и там может найти лазейку, чтобы перехватить кусочек чего-нибудь холодного или глотнуть винца между трапезами.

— Существует проблема навигации,— продолжал Джей Калам.— Кое-что, конечно же, я умею, но...— Он с сомнением огляделся, посмотрел на стены рубки, на которых размещалось сложное оборудование — телескопические перископы, геодезические курсопрокладчики, отражатели метеоритов, включатели дюз, управление геодинами, гирос-

копические космические компаса, радары, термальные и магнитные детекторы, звездные карты, планетарные карты, вычислители положения, скорости и гравитации, измерители атмосферного состава и температуры, все приборы для непростого бизнеса — безопасного путешествия от планеты к планете.

— Я могу управлять им,— сказал Джон Стар.— Тогда нам нужен инженер, чтобы отремонтировать геодины. Мы должны каким-то образом починить их, чтобы управлять ими.

Жиль Хабибула крякнул, что-то пробормотал, однако вслух ничего не сказал.

— Все в порядке, Жиль. Я забыл, что ты — квалифицированный техник.

Тот глотнул, встряхнул бутыль. К нему снова вернулся голос:

— О, сладкая жизнь! Да, я могу управлять вашими драгоценными геодинами. Жиль Хабибула умеет драться, когда борьба необходима, пусть он и стар, ленив и слаб. И, по мне, нет человека смелее старого доброго Жиля. Вы все знаете это. Но если бы у меня был выбор, то тут я всегда готов предпочесть эти несчастные генераторы. Это безопаснее. А осторожность — не что иное, как достоинство мудрых.

— Ты можешь заменить сгоревший блок?

— О да, я могу заменить его,— пообещал новый инженер.— Однако его будет трудно синхронизировать с остальными. Эти блоки подгоняются во время монтажа: когда один выходит из равновесия, то всей системой, смертельно трудно бывает управлять. Но я сделаю все, от меня зависящее.

— И, Хал,— подхватил Джей Калам,— ты был протонным стрелком. Ты можешь управлять большой протонной иглой в том случае, если на нас наткнется Легион. Хотя лучше нам не ввязываться в драку, поскольку нас всего четверо на поврежденном корабле.

— Да, это я могу,— медленно кивнул огромный Хал Самду. Его красное лицо было серьезным.— Я могу.

— Остаешься ты, Джей,— сказал Джон Стар.— Нам нужно, чтобы ты сделал как раз то, что делаешь сейчас. Планировал, организовывал. Ты будешь нашим командиром.

— Нет.— Он пустился было в серьезные объяснения, однако Хал Самду и Жиль Хабибула присоединили свои голоса. И Джей Калам стал командиром "Пурпурной Мечты".

Новый начальник отдал первые приказания — немедленно, в той же спокойной и серьезной манере, что и всегда:

— Тогда, Жиль, пожалуйста, приведи геодины в действие как можно быстрее. Единственный наш шанс — убраться отсюда подальше, прежде чем один из их кораблей поймает нас в поисковый луч и вызовет флот себе на подмогу.

— Очень хорошо, сэр.— Жиль Хабибула откинул голову, держа бутыль, пока последняя капля не выкатилась из нее, затем озабоченно отдал честь и вышел из рубки.

— Джон, ты будешь прокладывать наш курс. Прежде всего, нам надо перегнать окружившие нас корабли. Мы будем держаться над поясом астероидов, подальше от Юпитера и Урана с их легионерскими базами. Мы не можем рисковать встречей с флотом. И как только ты сможем вырваться за пределы поисковых лучей, направимся к Плутону.

— Очень хорошо.

— Хал, будь любезен, проверь большую протонную пушку. Она должна быть наготове. Хотя мы не можем рисковать, вступая в драку.

— Да, Джей.

— А я буду нести вахту.

— А сколько их сейчас?— спросил Джей Калам несколько часами позже. Они по-прежнему беспомощно дрейфовали на экране курсо-прпокладчика, Джон Стар медленно ответил:

— Семь. И мне кажется, Джей, что они нашли нас.

— Неужели?

Он мгновенно проверил все приборы и, наконец, согласился, в голосе его было опасение:

— Да. Они нас обнаружили. Они движутся все семеро.

Джей Калам произнес в переговорное устройство:

— Хал, приготовься действовать. Да, семь крейсеров Легиона, все направляются к нам.

Он сообщил их местонахождение.

— Жиль, как геодины? Еще не готовы? И ты не можешь положиться на поставленный блок? Они нас видят. И мы должны двигаться. Или сейчас, или никогда.

Через несколько минут в зоне поражения, или почти в зоне поражения, протонного выстрела показался ближайший крейсер. Джей Калам произнес в переговорное устройство приказ, и язык ослепляющего фиолетового пламени метнулся из огромной иглы, находящейся во вращающейся башенке над ними.

— Он пятится,— прошептал Джон Стар. Глаза его бегали, глядя в телеперископ.— Он ждет остальных. Но вскоре они все будут достаточно близко для боя.

— О, Джей, мы можем попытаться,— прошептал в динамике тонкий и дрожащий голос Жиля Хабибулы.— Хотя этот сломанный блок может выкинуть любое коленце.

Джей Калам резко кивнул, и Джон Стар повернулся к клавиатуре. Сильное музыкальное гудение геодинов заполнило звучной песней весь корабль. Он медленно перевел их на максимальную тягу. Звук стал тоньше, отчетливее, пока не превратился в вибрирующее завывание, потрясшее каждого члена экипажа.

— Двинулись!— воскликнул он с энтузиазмом. Глаза его следили за дисками, за красными искорками, светившимися на экране курсопрокладчика. Он увидел, что "Пурпурная Мечта" движется все быстрее, прочь из центра вражеского кольца. Его сердце вторило гулу генераторов. Он почти ощущал силу геодинов.

— Уходим!— крикнул он.— К Убегающей Звезде!— Голос его упал: в чистый звук генераторов вмешалась другая нота — хриплая, рвущая нервы вибрация. Из динамика донесся тонкий, металлический, испуганный голос Жиля Хабибулы:

— О, эти подлые генераторы! Я переставил блок. Однако они разбалансированы. Они не синхронизированы. Эта коварная осцилляция уползает. Она пожирает тягу! И наш смертельный корабль может разнести на кусочки.

— Мы теряем скорость,— озабоченно сообщил Джон Стар.— Корабли Легиона догоняют.

— Жиль, прошу тебя, отладь их!— взмолился в переговорное устройство Джей Калам.— Все зависит от тебя.

Жиль Хабибула старался. Чистая песнь энергии возвращалась и прерывалась вновь. "Пурпурная Мечта" ускоряла свой бег, увеличивая разрыв между собой и семью преследователями, когда геодины гудели чисто и отчетливо, однако всегда теряла скорость, чуть ли не пятясь назад, когда возвращалась резкая отвратительная вибрация.

Джон долго и раздраженно вглядывался в свои приборы.

— Мы не уходим и не приближаемся к ним,— заключил он наконец.— Мы можем двигаться так и дальше, пока с генераторами не случилось ничего похуже. Хотя нам от них так просто не уйти. Если они последуют за нами, то... Но, в любом случае, можно сказать Солнцу и Системе "до свидания".

— Нет,— тихо возразил Джей Калам.— Мы еще не готовы.

— Почему?— спросил Джон Стар.

— У нас должно быть не больше топлива для путешествия к Звезде Барнарда. Это же шесть световых лет туда и обратно. У нас каждый фут корабельного пространства должен быть заполнен запасными платами и геодиновыми генераторами. И, конечно, мы должны обеспечить припасы для себя — продукты и кислород.

Джон Стар медленно кивнул.

— Я знал, что нам нужен капитан. Где?..

— Мы должны приземлиться на какую-нибудь из баз Легиона и запастись необходимым.

— На базе Легиона? И это когда за нами гонится весь флот Легиона, как за пиратами? Да они же поставили на ноги все пограничные силы Системы.

— Будем садиться,— с обычной своей тихой вдумчивостью сказал Джей Калам,— на базе, что на спутнике Плутона. Она дальше всего по нашему курсу, и это самая изолированная станция Легиона в Системе.

— Однако, даже в этом случае, она вооружена и предупреждена.

— Несомненно. Но мы должны получить припасы. Мы теперь пираты... Мы возьмем то, что нам нужно.

Пять дней длился полет к Плутону, самому дальнему посту Системы. Это было так далеко, что даже Солнце отсюда казалось лишь яркой звездой. День здесь всегда был сумрачным.

Пять дней на полной тяге геодинов, чьи силовые поля боролись с кривизной самого пространства, разрывая ее, так что они вели свой корабль, грубо говоря, не сквозь пространство, а вокруг него, и поэтому огромные жуткие ускорения не доставляли неудобств команде, а скорость корабля намного превосходила скорость света.

Видимая скорость, поспешил бы добавить математик, как если бы корабль шел по кругу. Однако как ускорение, так и скорость следовало отсчитывать, как если бы корабль шел по прямой.

Жиль Хабибула нянчился с непослушными генераторами с удивительной заботливостью и энергией. Его толстые руки оказались способны на поразительную деликатность и сноровку. Он обладал огромным уважением к усиливающемуся натиску легионерских крейсеров, с их стремлением надлежащим образом покарать пиратов, если удастся, немедленно уничтожить "Пурпурную Мечту" и всех, находящихся на ее борту, яростной вспышкой протонных разрядов.

Он регулировал поврежденный блок, пока тот не стал работать как следует. Уже по часу песнь генераторов была чистой и отчетливой. Но всегда в конце вторгалась разрушительная вибрация. Один за другим патрульные крейсера дальнего действия присоединялись к флоту и вот уже шестнадцать кораблей гнались за "Пурпурной Мечтой". Однако, мало-помалу, оставались позади, пока, находясь возле Плутона, Джон Стар не установил, что они оторвались почти на пять часов.

Это означало, что они имели пять часов, чтобы высадиться на вражеской базе, справиться с обслугой и вынудить ее доставить на борт около двадцати тонн припасов, и благополучно уйти в пространство.

В эти дни полета Джон Стар часто замечал, что задумывается об Аладори Антар, и в этих мыслях были нежная музыка и резкая боль. Хотя он знал ее всего один день, воспоминания приносили ему сияние радости и горькую боль, когда он думал о людях — предателях и полузнакомых чудовищных созданиях, которые держали ее у себя в плену.

"Пурпурная Мечта" спускалась на спутник Плутона. Сам Плутон, черная планета, представлял собой голые скалы и древний лед, убийственный холод и одиночество. Единственными людьми, населявшими его, были несколько суровых шахтеров, по большей части потомков политзаключенных, высланных сюда Империей, одиноких отшельников, нашедших пристанище в вечной ночи.

Цербер, спутник Плутона, был крошечной каменистой планетой, еще более пустынной и жестокой по отношению к человеку, чем черная

планета. Мертвый спутник, он никогда не был обитаем. Других жителей, кроме экипажа уединенной станции Легиона, на нем не было. У Джона Стара были более чем веские основания ожидать, что находившееся на Плутоне подразделения флота Легиона, предупреждено и ожидает их. Однако посадочное поле, когда они спускались, было пустынным. Появилась надежда, что злая паутина измены Адама Ульмара еще не распространилась так далеко.

Станция на Цербере представляла собой квадратной поле, выровненное, лежащее между темными острыми утесами. Светящиеся красным рефлекторы, располагающиеся по периметру, излучали достаточно тепла, чтобы воздух не смерзался в снег. В длинном приземистом здании, построенном из изоляционных блоков и покрытом белым металлом, находились бараки и хранилища. Силовая установка, которая вырабатывала энергию для борьбы с враждебным холодом, должно быть, находилась где-то под землей. Паукообразная станция и башня ультракоротковолновой радиостанции поднимались из черной поверхности за строением. Дальше была лишь мрачная пустыня. Изломанные, уродливые зубья гор, разверстые пасти кратеров, изъеденные, потрескавшиеся и разорванные камни и слой льда, старого как камень — все навеки мертвое.

В форме, принадлежащей ранее капитану Мадлоку, Джон Стар вышел в разреженную и с неприятным запахом атмосферу, на маленькую площадку, образованную опустившимися наружным люком. С трудом сохраняя спокойствие, он подождал, пока, с видимой неторопливостью, к нему приблизятся два человека, вышедших из длинного низкого строения.

— Приветствую, станция Цербер,— обратился он к ним, стараясь выглядеть как можно более официально.

— Салют, "Пурпурная Мечта",— с сомнением отозвался один из них — очень низкий, очень лысый человек, к тому же очень толстый и с очень красным лицом. Внешность его свидетельствовала о беззаботной неопрятности, что иногда случается на изолированных постах. Он выглядел так, подумал Джон Стар, словно вывалил на свой китель весь обед целиком. На нем были выцветшие знаки отличия лейтенанта Легиона.

— Я капитан Джон Ульмар,— кратко сказал Джон Стар.— "Пурпурной Мечте" нужны припасы. Капитан Джей Калам произведет реквизицию. Припасы должны быть погружены немедленно.

Коротышка прищурился, подозрительно скривившись.

— Джон Ульмар?— Голос у него оказался насморочным.— И капитан Калам, да? Командуете "Пурпурной Мечтой", да?— На его грязном, в желтых пятнах лице было злобное и хитрое выражение. Джон Стар посмотрел на эту продувную бестию и вдруг понял, что перед ним один из людей Адама Ульмара, а значит, паутина неожиданного предательства в Легионе достигла даже этого холодного забытого камня.

— Именно.— Блеф был единственным путем.— Мы выполняем крайней безотлагательную миссию и должны получить припасы немедленно.

— Я лейтенант Нана, комендант станции.— В хмуром голосе отсутствовала воинская вежливость. С нескрываемой злобой Нана добавил:— Специальные приказы в моем сейфе говорят о том, что "Пурпурная Мечта" находится под командованием капитана Мадлока и командора Адама Ульмара. Она внесена в реестр как флагман командора...

Джон Стар даже не сделал паузы, чтобы подумать, что это за игра. Если его предупредили, то странно, что он вышел встречать их с миром. На неукрепленной вспомогательной станции Цербер не было признаков оружия, достаточно сильного, чтобы противостоять "Пурпурной Мечте". Если он получил предупреждение...— однако на раздумья не было времени.

— Произошла смена командования,— кратко информировал его Джон Стар.— Теперь кораблем командует капитан Калам.

Возле него появился Джей Калам, тоже в трофейной форме. Он выдвинул трап, и Джей Калам, коротко рявкнув, протянул документ.

— Приступаем к реквизиции, лейтенант!

Подняв взгляд на нижнюю орудийную башенку корабля, Джон Стар сделал быстрое движение рукой. Длинная протонная пушка корабля мгновенно взметнулась над их головами и развернулась в сторону длинного белого строения. Хал Самду был на посту.

Маленькими, налитыми кровью глазами Нана взглянул на иглу. Его неумытое лицо не выразило ни удивления, ни особой тревоги. Прищурившись, он взглянул на Джона Стара с мрачной враждебностью, а потом небрежно принял список.

— Шестнадцать тонн катодных плат?— Его изумление было неподдельным.— Всего лишь для одного корабля?

— Шестнадцать тонн!— рявкнул Джон Стар.— Немедленно!

— Невозможно.— Нана опять скривился, посмотрел на протонную пушку и пробормотал:

— Я не выдам их вам, не связавшись предварительно со штаб-квартирой Легиона для подтверждения приказа.

— У нас на это нет времени. Наша миссия крайне безотлагательна.

Нана равнодушно пожал плечами.

— Я комендант станции Цербер,— прорычал он.— И я не привык получать приказы от...— Он сделал паузу, и красные глаза его сощурились.— От пиратов...

— В таком случае,— сказал Джей Калам,— советую привыкнуть.

Нана яростно потряс кулаком, и Джей Калам махнул Халу Самду.

Огромная игла над их головами выпустила в сторону радиобашни ослепляющую струю пламени. Башня мгновенно превратилась в горящие руины, и Нана тут же задрожал. Немытое лицо

побелело, исказилось ужасом и выглядело теперь более покладистым, чем прежде.

— Очень хорошо,— прошептал он хрипло.— Я выполню ваши требования.

— Иди с ним, капитан Ульмар,— сказал Джей Калам.— Смотри, чтобы он не ошибался и не тянул.

Нана жаловался, что в его распоряжении нет нужных припасов. Большинство его людей слишком больны, чтобы помогать при погрузке. Краны и погрузчики в нерабочем состоянии. Он сделал все возможное, понял Джон Стар, чтобы протянуть время, пока не прибудут шестнадцать крейсеров Легиона. И все же четыре часа спустя, под жестоким надзором Джона Стара и под угрозой протонной пушки, все катодные платы были переправлены на борт.

Благополучно загружены были баллоны с кислородом, а также все съестные припасы и вино, которое добавил в список необходимого Жиль Хабибула. Оставалось лишь погрузить черные бочки с топливом для корабля, сваленные под воздушным шлюзом, и в запасе был всего час, прежде чем их догонят корабли преследования. И тут Джон Стар заметил злобное удовлетворение в красных свиных глазах Нана, что усугубило его тревогу.

Затем из люка появился Джей, спрыгнул с площадки и побежал по полю.

— Пора уходить, Джон.— Голос его был тихим, требовательным.

— Почему? У нас еще целый час.

Джей Калам взглянул на любопытных, глазевших людей, собравшихся грузить топливо для корабля, и сказал тише:

— Телескопы обнаружили еще один корабль, Джон. Направляется сюда с Плутона.

— Так вот какую игру вел Нана!— мрачно кивнул Джон Стар.— Маленький сюрприз для нас. Ну что ж, нам все равно нужно топливо. Попробуем обогнать дружков Нана.

Вытянутое темное лицо Джея Калама было сумрачным.

— Это не крейсер Легиона, Джон. Он движется намного быстрее.— Под его спокойствием Джон Стар разглядел глубокую встревоженность.— Я никогда ничего подобного не видел. Корабль, словно черный паук, и какие-то штуки образуют пояс вокруг корпуса.

Джон Стар почувствовал, как его сердце сжал холодный ужас.

— Медузиане!— прохрипел он.— Это корабль такой же, как тот, что забрал Аладори. Должно быть, Нана послал им весть. Я не знаю, какое оружие может быть у них на борту...

— Мы должны улетать,— оборвал его Джей Калам.— Мы не должны рисковать.

— А топливо для корабля?

— Оставим! На борт!

Они побежали по трапу. Лейтенант Нана смотрел им вслед сквозь прищур красных глаз и что-то бормотал своим людям насчет цилиндров. Все они отступили в сторону длинного металлического строения с поспешностью, которая казалась зловещей. Воздушный шлюз был задраен. Под пальцами Джона Стара быстро утопали кнопки. Из дюз должно было вырваться голубое пламя и помчать их в космос, однако "Пурпурная Мечта" оставалась неподвижной. Удивленный и разочарованный, он снова набрал код зажигания, но ничего не случилось.

— Нас что-то держит!— Он торопливо просмотрел показания всех приборов.— Магнитное поле!— воскликнул он.— Взгляни на индикаторы. Поле ужасной силы... Но как?.. Я не понимаю...

— Магнитная ловушка,— сказал Джей Калам.— Наш друг Нана каким-то образом переместил магниты поближе к кораблю. Корпус у нас не магнитный, однако поле удерживает механизм зажигания и геодины. Он пытается задержать нас, пока не придут корабли, и...

— Тогда,— вмешался Джон Стар,— мы должны остановить динамомашины.

— Хал!— произнес Джей Калам в переговорное устройство.— Уничтожить здание!

Язык ревущего фиолетового пламени вновь метнулся от блестящей иглы. Он прошил длинное низкое металлическое здание насквозь и оставил сплюснутую груду дымящегося металла и битого кирпича, снесенную с фундамента яростным ударом выстрела.

— Двинулись!

Опять Джон Стар попробовал включить дюзы. Снова ответом ему было лишь молчание.

— Магниты держат нас по-прежнему. Динамо-машины, должно быть, размещены под землей, куда не достать нашим выстрелам.

— Тогда я доберусь туда!— воскликнул Джон Стар.— Открой люк!

Он схватил два протонных пистолета и засунул их за пояс рядом с двумя другими. Затем он выскочил из рубки.

— Подожди,— окликнул Джей Калам.— Что?..

Но тот уже исчез. Джей Калам прикоснулся к панели, открывая перед ним люк. Джон Стар спрыгнул на поле и побежал через дымящиеся развалины длинного здания. Он обыскивал обнаженный фундамент до тех пор, пока не нашел лестницу в шахте, пробитой в темной породе и слое древнего льда. Он спрыгнул на ступеньки, держа наготове протонные пистолеты, и помчался, перепрыгивая через дымящиеся груды раскаленного металла. В глубине холодной коры Цербера, в сотне футов под поверхностью, перед ним возникла тяжелая металлическая дверь. Он направил на нее протонный пистолет, поставив его на полную мощность. Луч пламени врезался в металл. Он перепрыгнул через упавшую дверь и оказался в длинном, тускло освещенном зале. Он услышал стучащие перед ним механизмы, гудящие динамомашины. Однако его остановила вторая дверь. Он попытался выстрелить, но

ничего не вышло. Разрядник был истощен первым мощным выстрелом. Прежде, чем он успел навести второй пистолет, из крошечной амбразуры к нему метнулся луч пламени.

Он мгновенно упал под этим клинком убийственного огня, растянувшись на животе. Еще не успев осознать, что он сумел избежать смертоносного луча, он почувствовал, как разряд заставил онеметь его члены. Но в тот же миг ответил его пистолет, и оплавленные обломки двери упали на человека, стоявшего за нею. Вновь оказавшись на ногах, он метнулся в дверной проем, и, не обращая внимания на пульсирующую боль в плече, отшвырнул разряженный пистолет и выхватил из-за пояса два оставшихся.

Перед ним была квадратная комната, облицованная камнем. В центре ее гудели огромные динамо-машины. Вокруг них, словно окаменев, стояли пятеро мужчин, и лишь рука лейтенанта Нана машинально искала оружие.

Оба пистолета Джона Стара выстрелили в механизмы.

Безоружный, однако уверенный, что динамо-машины разбиты, он швырнул разряженные пистолеты в злобные моргающие глаза Нана и помчался назад, в зал, а затем вверх по лестнице, надеясь, что их изумление даст ему время подняться на борт. Так и случилось. Опять лязгнул люк воздушного шлюза. Дюзы омыли черные камни ревущих голубым пламенем, и "Пурпурная Мечта" взмыла вверх с искореженной поверхностью спутника Плутона.

"Наконец-то",— со свирепой радостью подумал Джон Стар. Наконец-то они летят к далекой Звезде Барнарда, на помощь Аладори.

— Мы слишком долго медлили,— прошептал Джей Калам.— Боюсь, слишком долго. Боюсь, этот черный корабль-паук подобрался слишком близко. Мы вряд ли сможем бежать от него.

КОСМИЧЕСКИЙ УРАГАН

Цербер, спутник Плутона, превратился в холодную серую искру и исчез. Сама черная планета была проглочена бесконечной чернотой бездны, а блестящая звезда, бывшая Солнцем, начала таять и замерцала в созвездии Орион.

Они достигли скорости света. Солнце и звезды позади были видны лишь как лучи, которые они обгоняли; их улавливали и отражали лишь линзы и призмы телеперископов для корректировки искажения скорости.

Жиль Хабибула отныне жил в генераторном отсеке. Под опекой его толстых и необычайно надежных рук геодины работали почти идеально. Зловещее рычание разрушительной вибрации не бывало слышно в течение многих часов. И "Пурпурная Мечта" двигалась. Крошечные миры людей оставались позади. Впереди появились звезды созвездий Змея, но даже сверхмощные телескопы не могли рассмотреть далекую точку Звезды Барнарда: она была столь тускла, что лишь при многократном увеличении ее можно было увидеть с Земли. И только из возбужденные умы могли нарисовать картину уединенного злобного мира, куда была унесена Аладори.

Они летели день за днем на пределе скорости, и черный космический корабль следовал за ними. Излучаемый им свет не мог обогнать их. Телескопам не удавалось конкретно обрисовать его чудовищную паучью форму. Лишь экран геодезического курсопрокладчика выдавал его. Поскольку механизм курсопрокладчика регистрировал, причем мгновенно, пройденный маршрут.

Джон Стар умолял Жиля Хабибулу выжать побольше мощности из перегруженных геодинов и смотрел на тусклую красную искорку на экранах. Сейчас она казалась неподвижной. Как бы ни работали геодины, хорошо или плохо, дистанция никогда не менялась.

— Они играют с нами,— тяжело пробормотал он однажды.— Не имеет значения, с какой скоростью мы двигаемся, мы и дюйма не выиграли. Они нас преследуют.

Даже в спокойствии Джея Калама чувствовалась встревоженность.

— Они смогут догнать нас, когда пожелают. Или, быть может, если у них достаточно хорошо поставлена связь, они просто отправят сигнал своим друзьям на родину, чтобы те подготовили встречу.

— Непонятно, почему они не нападают на нас.

— Возможно, чтобы понять наши замыслы, или, что больше похоже, они надеются вернуть командора живым и здоровым.

Ибо Адам Ульмар, благородный философичный узник, не испытывающий явного раскаяния в содеянном, все еще находился взаперти. Он попросил бумагу и теперь был занят написанием мемуаров своей долгой карьеры, коим предстояло занять достойное место в архивах Пурпурного Холла.

Джон Стар, на этот раз с надеждой, прошептал:

— Если они не нападут, то, может быть, нам удастся их переиграть.

Джей Калам медленно покачал темной головой.

— Я не вижу способа.

Они уходили вдаль, в испещренную звездами тьму космического пространства. Все четверо едва с ног не падали от недосыпания и напряжения. Лишь Джей Калам выглядел почти не изменившимся: всегда уравновешенный, хладнокровный, всегда серьезный и приятный в общении. Лицо Джона Стара стало белым, глаза нетерпеливо горели. Хал Самду стал нервным и раздражительным и часто бормотал что-то про

себя. Он сжимал огромные и бесполезные сейчас кулаки и временами высматривал воображаемых врагов.

Даже Жиль Хабибула — невероятно!— потерял в весе столько, что под запавшими пустыми глазами у него образовались мешки.

День ото дня Солнце становилось все меньше, пока не превратилось в карлика по сравнению с Бетельгейзе и Ригелем, тусклую белую звезду, затерявшуюся среди отступающих красот Ориона. В телеперископах появилась и стала расти Звезда Барнарда.

Убегающая Звезда! Красная, тусклая, умирающая звезда-карлик, уходящая к северу из созвездий Змеи и Скорпиона, окрещенная давным-давно "Убегающей Звездой Барнарда" своим первооткрывателем за необычное движение. Это была ближайшая звезда в северном небе и ближайшая, у которой имелась обитаемая планета.

Обитаемая — так сообщалось в цензурированных и фрагментарных докладах Эрика Ульмара. Однако безумные уцелевшие члены экспедиции, гниющие в охраняемых госпитальных палатах от заразы, которую специалисты Легиона в планетарной медицине не могли ни понять, ни лечить, визжали и бормотали о жутких владениях полуневедомого ужаса. Правителями планеты были чудовищные медузиане, и они имели мало терпимости по отношению к человеку.

Однажды Джон Стар увидел это древнее выгоревшее солнце, глаз тусклого красного зла, в телеперископе. Гипнотический взгляд вернул его к мысли об Аладори, заключенной на этой окутанной ужасом планете. Казалось, он видит ее чистые честные серые глаза, искаженные страхом, наполненные душераздирающим ужасом. В нем поднялся холодный и беспомощный гнев.

Он вздрогнул, когда Джей Калам произнес:

— Выгляни. Впереди зеленая тень!

Даже в его сдержанном тихом голосе были напряжение и страх перед неведомым космосом.

Телеперископы показывали впереди зловещую и прозрачную тень, которая быстро росла. Она светилась тускло-зеленым от ионизированных газов туманности, и темные распростертые крылья затмевали звезды Змеи и медленно росли, скрывая созвездия Змеи и даже Скорпиона.

Джон Стар увеличил умножение телеперископа, пока не смог увидеть безобразную ползущую массу, состоящую из огромных вихрящихся потоков и гневных струй странной материи и странной энергии, кипящей изнутри.

— Незарегистрированная туманность,— прошептал он наконец.— Нам лучше повернуть.

Первобытные жители Земли, глядевшие на звезды, когда-то дивились этим темным облакам на небосводе. Бороздившие космос более поздние предки иногда гибли в них. Однако даже сейчас они были малоизучены, и все гордые космонавты держались подальше от этих мальстримов огня и космической ярости.

Будучи в Академии Легиона, Джон Стар слушал лекции по астрофизике, посвященные интранебулярной динамике. Он знал хорошо разработанные теории, о контрпространстве, о кривизне вселенной, о псевдогравитации и отрицательной энтропии. Туманность, согласно теории, представляла собой круговорот планет и солнц, и даже будущих галактик; иногда в ее аномальных контрпространствах нарушался второй закон термодинамики, и радиация оказывалась в ловушке в загадочных глубинах, каким-то образом восстанавливаясь в материю. Финальным назначением туманностей было стяжение самой разбегающейся вселенной. Так считали выдающиеся астрофизики — но они никогда не отваживались приблизиться к сверхъестественному темному неистовству такого космического шторма.

Джон Стар сглотнул, и голос его был слабым от ужаса:

— Мы подошли слишком близко, я изменяю курс.

— Нет,— тихо возразил Джей Калам.— Иди прямо на нее.

— Да?— Удивленный, стянутый ужасом, он повиновался.

Лежащая впереди масса отразилась на детекторах гравитации. Им пришлось снизить скорость до скорости света, так что поисковые лучи могли предохранять их от столкновения. А странное облако росло.

В космических масштабах оно могло выглядеть совсем незначительным, таким крошечным, что земные астрономы не заметили и не зарегистрировали его. Его огромные и малоизвестные силы не могли представлять угрозы для Системы, ибо природа контрпространств не вызывала пульсации солнечных гравитационных полей. В галактических масштабах это была лишь крошечная щепотка занятной пыли.

По человеческим меркам она была достаточно огромной и смертоносной.

Ее огромные, тускло сияющие темные руки протянулись к звездам впереди. Телеперископы начали выделять ужасные детали: черные пылевые облака, вихрящиеся потоки острых метеоритных обломков, темные знамена прозрачных газов, колышемые яростными ветрами полуизученных космических сил, гневно сияющие призрачно-зеленым светом ионизации.

Джон Стар стоял, закоченев от страха, и чувствовал струйки ледяного пота. Однако он держал курс на туманность, и вот уже они оказались не более чем в тысяче миль от немного сияющего зеленоватого потока, который, казалось, вытягивался к ним, словно чудовищный псевдопод.

— Если она нас захватит...— Горло перехватило, и ему пришлось сглотнуть.— Эти метеоритные потоки — там несутся крутящиеся валуны! А смерчи светящихся газов! Внутри неизвестные силы!— Он вытер пот с напряженного белого лица.— Я не думаю, что мы проживем хотя бы пять секунд.

Но Джей Калам тихо сказал ему:

— Держись чуть поближе...

— Да?— хрипло пробормотал Джон Стар.— Зачем?

Джей Калам молча показал на красную забытую искорку у них за спиной, которая отмечала на экране положение черного корабля. Она явно подползла, сокращая расстояние, которое до последнего времени оставалось неизменным.

Джон Стар задержал вздох.

— Выходит, они пытаются нас догнать?

— Не просто пытаются,— тихо напомнил Джей Калам.— Я полагаю, они боятся, что мы хотим оторваться на краю туманности. Держись чуть поближе.

Он снова коснулся управления жестокими и холодными пальцами. Убегающий корабль прибавил скорости, направляясь к манящим облакам тусклого зеленого пламени и тьмы. Это была космическая буря, самая настоящая, ибо безумные ветры невидимых сил рвали и скручивали черную пыль и сияющий газ в несущиеся струи и дикие вихри, и протягивающиеся щупальца, которые, казалось, хлестали и били в первобытном неистовстве.

— Держись чуть ближе,— тихо настаивал Джей Калам.— И мы скоро узнаем, как высоко они ценят жизнь командора Ульмара.

Джон Стар вновь занялся управлением, а потом повернул телеперископ на черный корабль за кормой — теперь, когда они настолько замедлили ход, их достигал даже обычный свет. Колоссальное сооружение, чужое, как и зеленые, мокро колышащиеся монстры, составляющие его экипаж. Со всеми своими лопастями, перемычками и ярусами, окружавшими шаровидный корпус, оно походило на черного летящего паука. Главные крылья были куда-то убраны, но некоторые лопасти поменьше слегка двигались снова и снова, словно воздействуя на какую-то невидимую среду для управления полетом. Возможно, предположил он, они использовали давление радиации.

Корабль рос в линзах — темный и страшный, как бушующий впереди шторм.

— Они не могут напасть!— Джон Стар сглотнул, чтобы увлажнить горло.— У нас на борту командор Ульмар!

Джей Калам тихо прошептал:

— Попытайся подойти еще чуть-чуть поближе.

Джон Стар вновь прикоснулся к управлению, и сердце его заныло.

Чистая песнь геодинов звучала как флейта; казалось, он чувствовал, как они несут его впереди. Но вдруг вернулась рычащая вибрация неотлаженных блоков. Скорость опять упала, а красная искорка на экране, казалось, вот-вот должна была соприкоснуться с ними.

В отчаянии и страхе Джон Стар вел больной крейсер ближе к бушующей стене зеленого пламени, пыли и битых камней, и Джей Калам смотрел на звезды. Вдруг он произнес:

— Я боюсь, что командор уже не спасет нас. Они чем-то стреляют.

Из чрева черного корабля-паука вылетел маленький шар влажно-белого цвета. Он последовал за ними более быстро, чем их могли нести

разлаженные геодины. Они следили в линзы, застыв от нового приступа изумления и неодолимого страха, потому что это было совершенно необъяснимо.

Опалесцирующий шар. Джон Стар знал, что это была не материя, потому что ни один материальный снаряд не мог быть послан за ними с такой скоростью, пусть даже они едва ковыляют. Это был вращающийся шар молочного пламени, сияющий радужными переливами. Он катился вслед за ними. Он скрыл черный корабль. Он скрыл пояс яркого Ориона. Он заполнил вакуум, как только что родившаяся звезда.

За ними неслась горящая звезда!

Это было совершенно фантастично. Однако она росла в пространстве, и раскаленное изображение в линзах уже жгло глаза. И она не переставала светиться, напротив, становилась все более яркой.

И она гналась за ними! Она притягивала их!

"Пурпурная Мечта" вздрогнула, потянулась к ней.

Внезапная слабость, непереносимая тошнота охватила Джона Стара. Он зашатался, отступил от управления и вцепился в перила. Он повис на них — его тошнило и трясло, а корабль, беспомощно вращаясь, летел в объятия догоняющей звезды.

Они летели в сторону слепящего радужного свечения. Мрачный, со сжатыми челюстями, Джон Стар старался не давать вращаться пораженному кораблю, еле-еле добравшись до пульта управления, и обнаружил, что геодины полностью бездействуют.

Корабль падал.

К ним тянулись радужные моря, огромные, как поверхность самого Солнца. Гневные пламенные протуберанцы тянулись, чтобы разорвать их. И затем это исчезло.

Белый огонь взрыва едва не ослепил их и исчез, как проколотый пузырь. Тошнота покинула Джона Стара. Пространство позади опять было черным, и вскоре пораженные глаза смогли разглядеть величественный пояс Ориона. Песнь геодинов зазвучала снова, и корабль повиновался управлению.

Джон Стар слабо вытер лицо.

— Никогда ничего подобного... не испытывал,— прошептал он,— словно сам космос... провалился под нами.

— Я полагаю, это нечто вроде водоворота дезинтеграции,— тихо прокомментировал Джей Калам.— Такие вещи упоминались в тайных докладах экспедиции Ульмара, потому-то и послали Аладори в форт на Марсе. Только намек — они были осторожны и старались не сказать слишком много. Однако упоминания о энергетических вихревых орудиях имелись — это ужасная вещь, она искажает координаты пространства, дестабилизирует всю материю, растет за счет аннигилированных атомов, и притягивает к себе новые порции материи. Что-то вроде псевдомолнца.

Джон Стар, потрясенный, кивнул.

— Должно быть, это оно и было,— сказал он.— Искаженное пространство, видимо, заставило геодины отказать.— Он тяжело вздохнул.— Нам с ними нельзя воевать протонной пушкой, если они способны бросать солнца.

— Да,— тихо сказал Джей Калам.— Я вижу один возможный путь — идти прямо в туманность.

— В эту бурю!— Джон Стар моргнул.— Да корабль и минуту там не протянет.

— Минута — долгое время, Джон,— мягко сказал ему Джей Калам.— Они собираются произвести второй выстрел.

— Второй...

Пересохшее горло не дало договорить.

— Иди прямо,— сказал Джей Калам.— Я не думаю, что они последуют за нами.

На мгновение его рассудок возмутился. Он стоял, застыв у пульта управления, глядя на гневные знамена бурной туманности. Одно болезненное мгновение — и затем он справился с собой. Он принял опасность и повернул "Пурпурную Звезду" в манящее облако тусклого зеленого пламени и тьмы.

За кормой выросла тьма. Вновь из чрева корабля-паука вылетел молочный шар и разросся в псевдосолнце всепожирающего атомного огня.

Опять крейсер вздрогнул и завертелся с отказавшими геодинами, беспомощный в жадных объятиях. Снова Джон Стар почувствовал тошноту. Однако внезапный поворот спас их. Вращающийся шар, простирающий к ним опаловые щупальца, пролетел совсем рядом и разорвался вдали. Освобожденные геодины вновь запели, и корабль рванулся вперед, в ближайший бушующий рукав туманности, навстречу таинственным и неистовым силам.

Джону Стару приходилось слушать теоретические выкладки. Теоретики утверждали, что все позитивно-энтропические процессы могут быть приостановлены и обращены в искривленной вселенной контрпространств туманностей. Это означало, что турбины не могли выработать энергии, а геодины не могли дать тягу. Это означало, что дюзы не могли испускать пламя. Это означало, что кораблю не на чем лететь. Это означало, что стрелки часов и хронометров побегут назад, а человеческие машины, весьма возможно, остановятся.

Так говорили теоретики-астрофизики. Но никто из них не бывал внутри туманности, не наблюдал рождения материи. Лишь двое или трое отважных космонавтов когда-то решили изучить туманность, находившуюся на пути к Проксиме Центавра, и уже не вернулись.

Джон Стар опять справился с дыханием и постарался настроиться на встречу с неожиданностями.

Силовые поля метеоритных отражателей могли защищать от носящихся по туманности обломков, если их масса не будет слишком

велика, если они не будут слишком многочисленны и слишком быстры. В остальном жизнь корабля зависела от сноровки пилота.

Повинуясь быстрым пальцам, бегающим по клавиатуре, "Пурпурная Мечта" искала тропку среди кружащегося ветра багровых рукавов. Были ли теоретики правы или нет, но он знал, что кораблю не уцелеть в центре туманности. Чтобы их уничтожить, достаточно обычного булыжника. Загадочное лоно миров, а может быть, заурядная горсть космической пыли, может быть их могилой.

Пальцы касались клавиатуры, и крейсер вращался, нырял, танцуя среди черной и сияющей смерти. Он находил прорехи в занавесях пыли. Он уворачивался от зеленых хватающих рук, он проскальзывал между реками несущихся камней. Он уклонялся от объятий туманности и, как живой, боролся за свою жизнь. Словно откуда-то издали Джон Стар услышал тихий голос Джея Калама:

— Хорошая работа, Джон. Не думаю, что они идут за нами.

И "Пурпурная Мечта" металась в лабиринте туманности.

Внезапно перед ними возникли стены зеленого пламени; течение вынесло черные облака пыли, из которых высунулись обнаженные клыки черных камней. Подобно урагану, малоизвестные силы космической бури трепали и рвали корабль. Джон Стар заподозрил, что силы эти родственны губительным солнечным пятнам, а также смертоносным псевдосолнцам медузиан. То вправо, то влево, то вверх, то вниз вел он корабль, ныряя между этими клыками. Радар и термальные отражатели постоянно и бесполезно гудели, и он отключил их. Сейчас им могли помочь только человеческое искусство и быстрота.

На миг ему показалось, что они вырвались на свободу. Тьма впереди больше не содержала смертоносной пыли, это была лишь застывшая тьма открытого пространства. Сквозь сверхъестественное зеленое сияние он увидел красное пятно Антареса, и затем геодины снова отказали.

Четкое гудение генераторов вдруг прервалось, сменившись проклятой, раздирающей душу вибрацией. Драгоценный момент был упущен. Черный иззубренный кусок скалы, быть может, обломок планеты, внезапно предстал перед ними. Пальцы Джона Стара упали на клавиатуру, однако разлаженный корабль отказался повиноваться.

Когтистый камень прошел перед экранами. Он ударил в корпус со звоном, прозвучавшим словно колокол рока. Потом наступила тишина.

Джон Стар прислушался. Он не слышал геодинов, но и не было ни шипения, ни рева уходящего воздуха. Он понял, что корпус выдержал. Затем корабль начал вращаться. Резкое пятно Антареса вдруг исчезло, и прореха в туманности закрылась.

Тот же ветер, что вращал булыжники, подхватил их. Он потащил их назад, к загадочному сердцу туманности. Джон Стар пытался определить направление и с ужасом смотрел на хронометры. Хотя он знал, что человеческий организм должен перестать функционировать почти в тот же

миг, прежде чем аномальные силы контрпространства пошлют время вспять.

— Жиль.— Это был Джей Калам, совершенно спокойный, и он говорил в переговорное устройство:— Нам нужна тяга!

И голос Жиля Хабибулы отозвался из динамика из панели. Он был жалобен и косноязычен.

— Во имя сладкой жизни, Джей, не трогай меня больше. Потому что, Джей, старый бедный Жиль болен. Его голова не может устоять перед этим мерзким вращением, а его драгоценные геодины больше никогда не будут действовать. Пусть они покоятся в мире, Джей.

И безумный ветер энергии омыл их. Джон Стар торопливо изучал окружающие их скалы и не получал никакой информации. Ни магнитные силы, ни гравитация. Должно быть, это были некие другие, свойственные туманности силы. Здесь, на неведомой границе пространства и контрпространства, думал он, даже столь знакомые термины, как магнетизм и гравитация, уже не имели смысла. Он взглянул на хронометр, со страхом ожидая, когда тот двинется вспять, и зная, что умрет прежде, чем это случится. Больше ничего не оставалось.

— О, моя бедная старая голова,— послышалось слабое усталое нытье Жиля Хабибулы.— Мне смертельно плохо, я кручусь как жалкий волчок. О, бедный старый Жиль болен, болен, болен...

Однако звук геодинов вернулся. Поначалу это было всего лишь смутное урчание.

— Болен, болен, болен!— хныкал Жиль Хабибула.— О, бедный старый солдат Легиона, изгнанный из драгоценной Системы по лживому обвинению в коварной измене, погибает, словно пес, в смертельной дыре пространства. Больной и... ого!

Геодины внезапно зазвучали ясно и ровно.

"Пурпурная Мечта" снова ожила. Джон Стар вывел ее из свирепого засасывающего потока. Он провел ее сквозь облако несущихся камней и направил в облако зеленоватого газа; и впереди вновь оказалась брешь.

Тьма космоса, и яркий Антарес.

Они вышли из последнего разреженного потока в чистую тьму космоса. Впереди был холодный бриллиантовый блеск звезд, и зеленоватый дым туманности скоро замерцал позади. В огромных космических масштабах это была лишь искорка вдали.

— Спасены!— воскликнул Джон Стар.— Спасены,— повторил он и улыбнулся неторопливой ироничной улыбкой.— А вот и Звезда Барнарда.

В телеперископ Джон обнаружил Убегающую Звезду. Это был красный и зловещий глаз, следивший за их приближением холодно, с откровенной угрозой.

— Да, теперь мы уже в достаточной безопасности,— мрачновато улыбнулся Джей Калам.— Мы ушли от этого корабля-паука. Я думаю,

мы сможем теперь добраться до планеты. Если преодолеем барьер, который медузиане поставили для ее защиты.

Джон Стар лишь устало, отсутствующе, взглянул на него. Об этом поясе охранения кое-что говорилось в секретных документах, поступивших на Марс, к Аладори.

— Мы знаем немного,— пояснил Джей Калам.— Командор Ульмар позволил ей узнать очень мало, чтобы она не заподозрила его в измене. Возможно, нам он расскажет побольше. Но я полагаю, что медузиане очень эффективно защищают свою планету.

Он вновь хмуро улыбнулся.

— В любом случае, Джон, пока мы в безопасности.

ПОЯС СМЕРТИ

Они отправились в каземат крейсера.

— Здравствуй Джон,— добродушно обратился к нему Адам Ульмар сквозь решетку крошечной камеры. Старый основатель Пурпурного Холла, командир Легиона и предатель человечества сидел на краю узкой койки, занятый своими мемуарами.— Одну минуту, Джон.— Он неторопливо закончил предложение, отложил рукопись и встал перед ними. Высокий, благородный, государственный деятель. Лицо, словно высеченное, красивая голова с аккуратно причесанными волосами была опущена, но в его лице не было и следа вины.

— Рад вам, джентльмены,— улыбнулся он, и в красивых голубых глазах его была искорка иронии.— У меня слишком редко бывают гости. Входите. Похоже, погода снаружи неважная, судя по кораблю.

— Однако впереди будет погода еще похуже,— сказал Джон Стар.— Мне так это представляется из всего, что я слышал о Поясе Опасности.

Фраза эта оказала на Адама Ульмара совершенно неожиданный эффект. С лица его исчезло выражение иронии, и на нем застыла жесткая маска. За маской Джон Стар уловил нечто вроде концентрации. Руки Ульмара побелели, стиснув прутья решетки. Он переводил взгляд с одного на другого, и прежде, чем он смог заговорить, прошло несколько секунд.

— Пояс...— Он сглотнул.— Вы хотите сказать, что мы на границах Звезды Барнарда?

— Мы идем за Аладори,— резко ответил Джон Стар.— Я знаю, что экспедиция Эрика сообщала в некоей барьерной зоне вокруг планеты медузиан. Мы хотим знать, что это такое и как пройти через нее живыми.

На лице Адама Ульмара углубились резкие морщины, и цвет покинул его. Глаза его потемнели и как бы увеличились в размере.

— Я не знаю, что она из себя представляет.— Голос его был медленным и слабым от ужаса.— Я не знаю.

— Вы должны знать!— Голос Джона Стара изменился.— Вы получили полное сообщение, не обработанное цензурой. Эрик должен был все вам рассказать. Сообщите же нам!

Адам Ульмар медленно покачал головой.

— Эрик не знал,— сказал он.— Даже после того, как медузиане согласились нам помогать в обмен на груз железа, они ничего ему об этом не сказали. Все, что я знаю,— это то, что они сделали с кораблями его экспедиции, когда они впервые попытались высадиться.

— И что же?

— Достаточно,— сказал Адам Ульмар.— Его эскадра приблизилась к барьерной зоне, не получив предупреждения об опасности. К счастью, Эрик оказался в должной степени смышлен, чтобы остаться на флагмане в тылу. Только два первых корабля вошли в зону. Они так и не вернулись.

Какая сила образует барьер, его люди так и не смогли установить. Они предположили, что это, возможно, лучистая энергия, но даже если так, то она отличается от гамма-излучения или любой иной известной нам космической радиации. Экипажи двух кораблей не имели времени, чтобы что-нибудь сообщить. Корабли вышли из-под контроля. Наблюдатели на других кораблях сообщили, что они, похоже, даже дезинтегрированы. Позднее в верхних слоях планетарной атмосферы были замечены некоторые метеоритные следы, и это было все.

Остаток его эскадры Эрик держал за пределами барьера, пока не установил радио— и телесвязь с медузианами, что заняло значительное время. Впоследствии несколько кораблей было пропущено для посещения планеты и выпущено обратно. Очевидно, они могут по своему желанию убирать барьер. Джон Стар мрачно взглянул на него.

— Что еще вам известно?— спросил он.— Люди, которые высаживались, что-нибудь узнали?

Старик, находившийся по ту сторону решетки, выдавил болезненную улыбку.

— Большинство из них уже больше никогда не сможет сказать, что они узнали.— В его тусклом голосе было эхо ужаса.— Это те, что вернулись, чтобы умереть с расстроенными мозгами, если они вообще вернулись. Видишь ли, в атмосфере планеты есть нечто очень нехорошее для плоти и разума человека. Вирус, вторичная радиация, наведенная лучами барьера, а может быть, токсичная эманация от тел самих медузиан. Эти ученые так и не смогли договориться между собой. Однако

они доказали, что люди не могут жить там. Последствия крайне различны и временами появляются не очень скоро. Но болезнь, когда она приходит, всегда внезапна и ужасна.

— Спасибо, командор,— сказал Джей Калам, и они повернулись.

— Подождите!— послышался дрожащий голос.— Вы...надеюсь, не собираетесь входить в Пояс?

— Мы пойдем через него,— заверил его Джон Стар.— Мы попытаемся пройти через него на очень высокой скорости.

— Расчет на внезапность,— добавил Джей Калам.— Прежде чем радиация, если она вообще есть, сможет оказать воздействие.

Выпрямившись, сжав белые и дрожащие руки на решетке, старый Адам Ульмар разглядывал оба лица. Его бледные губы кривились. Наконец он склонил голову, слегка пожал плечами и заговорил:

— Я сомневаюсь, что тебя можно переубедить, Джон. Ты — крови Ульмаров и не отступаешь перед опасностью. Я верю, что ты действительно попытаешься пройти через этот Пояс. Я верю, что ты готов сесть на эту планету, чего не сделал даже Эрик.

— Да,— сказал Джон Стар.

— Я верю в это.— Белая, четко очерченная голова медленно кивнула, и слабая горделивая искорка опять вернулась в испуганные глаза.— Я восхищаюсь твоим решением, Джон. Во всяком случае, ты умрешь смертью Ульмара. А сейчас, Джон, у меня есть последняя просьба, с твоего позволения.

— Что вам угодно, командор?— В собственном голосе Джон Стар неожиданно услышал уважение и нечто похожее на теплоту.

— В моей каюте, в столе, есть секретное отделение,— таинственно заговорил бледный старик.— Я скажу, как тебе найти его. Там находится маленькая капсула с ядом.

Джон Стар покачал головой.

— Мы на это не пойдем.

— Мы родственники, Джон.— Голос Адама Ульмара звучал надтреснуто, с мольбой.— Невзирая на наши политические разногласия, ты должен помнить, что некогда я оказал тебе услугу. Я заплатил за твое обучение и устроил тебя в Легион. Неужели я прошу в ответ слишком многого? Несколько капель эфтаназии.

— Боюсь, что да,— сказал Джон Стар.— Потому что я думаю, что нам от вас снова потребуется информация, когда придется иметь дело с медузианами.

— Нет, Джон!— Старик всхлипнул. Глаза его были дикими, крайне испуганными.— Прошу тебя, Джон. Ты не можешь жалеть для меня смерти...

— Мы обязаны принести вам капсулу, командор,— Джей Калам взглянул на него с мрачной улыбкой,— лишь для того, чтобы посмотреть, что вы будете делать. Потому что вы переиграли свою роль.

Адам Ульмар ответил ему трезвой улыбкой. Стиснутые ладони отпустили прутья, а сгорбленные плечи распрямились.

— Я пытался убедить вас вернуться,— признался он.— Я не нуждаюсь в яде: я знаю, что смерть в Поясе гораздо быстрее, чем может желать человек.— Голос его был напряженным и настойчивым.— Однако, каждое мое слово — правда. Вам не сесть живым или, если вы и приземлитесь, вам самим понадобится этот маленький пузырек, чтобы избежать безумия и боли. Тем хуже для вас, джентльмены!

Он отпустил их, небрежно махнув ладонью, и вернулся к бумагам, лежащим на узкой койке.

"Пурпурная Мечта" шла дальше. Справа от нее пылала Звезда Барнарда. Гладкая идеальная сфера, резко контрастирующая с черным вакуумом. Карлик типа "М", невообразимо старый, столь далеко зашедший в звездном умирании, что их глаза могли смотреть на него без помощи фильтров поверх линз. Но кроваво-красные лучи воздействовали на мозг; они словно ощущали роковое угрожающее касание. Прямо перед ними находилась его единственная планета, тусклый и жуткий полумесяц, омываемые зловещим алым светом. Мир чудовищных медузиан, черного корабля-паука, дожидающегося пояса зла.

Корабль шел вперед, геодины пели отчетливо и чисто. Джон Стар и Джей Калам стояли перед телеперископами, высматривая первые признаки опасности. Красная и облачная планета кружилась впереди.

Ее ночная сторона была совершенно черная — круглое пятно среди звезд. Дневная сторона была вся изуродована, походила на уродливое зловещее лезвие, запятнанное кровью, покрытое темной ржавчиной. Ее орбита проходила вблизи умирающего карлика. И Джон Стар осознал, насколько она огромна. Во много раз больше Земли.

Джей Калам глубоко, благоговейно вздохнул.

— Крепости,— прошептал он.— Станции, которые создают барьер. Вот что это такое. Пояс спутников.

Джон Стар обнаружил их. Тусклые и крошечные полумесяцы, красные, как и сама, чудовищная планета. Он обнаружил их три, на одной орбите поверх туманной атмосферы огромного мира; их должно было быть шесть, решил он, отделенных друг от друга шестьюдесятью градусами.

Кольцо спутников-крепостей! Сам барьер — наверняка неизвестный вид радиации, однако идеальная позиция этих сателлитов доказывает достаточно высокий уровень науки враждебных медузиан. Взгляд Джона Стара вернулся назад на самый большой туманный полумесяц.

— Аладори там!

Его слова прерывались невыразимым ужасом. Ее прячут и стерегут где-то на этой планете, защищенной спутниками-крепостями. И пытаются, наверное, выудить секрет АККА.

— Мы должны пройти, Джей.

— Да, мы должны.

И Джей Калам стал отдавать тихие команды в микрофон.

— Смерть моя!— послышался из динамика тонкий хнычущий голос.— Во имя драгоценной жизни, неужели мы даже секундочку не передохнем? Неужели мы, как последние идиоты, помчимся навстречу новым коварным опасностям, не сделав даже жалкой передышки? Неужели, Джей, ты не дашь нам даже секундочку, всего лишь одной драгоценной секундочки, чтобы слегка перекусить?

— Давай всю возможную тягу, Жиль,— прервал его Джей Калам.— Потому что сейчас мы как раз приближаемся к барьерной зоне и зависим от неожиданности и скорости.

— Жизнь моя дорогая!— поперхнулся воздухом Жиль Хабибула.— Только не в эту коварную штуку, которую называют Поясом Опасности!

— Да, Жиль,— сказал Джей Калам.— Мы намерены попробовать пройти между двумя из этих крепостей и надеемся, что их лучи нам не помешают.

— Жизнь моя сладкая, не надо!— хныкал Жиль Хабибула.— Дай нам время Джей, для одного-единственного глоточка винца. Не можешь же ты быть таким бессердечным, Джей, по отношению к старому солдату Легиона. Пожалей ничтожный избитый человеческий скелет, Джей, едва стоящий на ногах после того, как он денно и нощно поддерживал жизнь в своих драгоценных геодинах и превратился от голода в кожу и кости. Не надо, Джей, пожалей бедного и старого...

Но Джон Стар больше его не слушал.

Сосредоточившись у контроля, едва слыша, он заставил "Пурпурную Мечту" нырнуть к огромному зловещему полумесяцу, нацеливаясь как раз между двумя черными крошечными лунами. И тотчас он узрел нечто ужасное. Хотя сателлиты-крепости не выпускали ни метательных снарядов, ни видимых лучей, однако он увидел, что что-то происходит с кораблем и им самим.

Металлические панели и пластины приборов перед ним вдруг засветились. Его кожа засияла. Яркие частицы плясали в воздухе, кружились в разноцветном хороводе. Сам металл корабля, похоже, испарялся, превращаясь в радужный туман, так же как и его тело!

Затем он почувствовал ее — пелену слепящей боли.

На миг он поддался агонии, тошноте и слабости, глаза его закрылись. Он попытался взять себя в руки и неуверенно приблизился к Джею Каламу, который представлял собой яркий спектр, заключенный в великолепную оболочку из тумана растворяющихся радуг.

— Что...— Его хрипящий голос был слабым и придушенным, и боль сжимала его зубы.— Что это?

— Радиация...— Яркий спектр говорил тонким от боли голосом.— Должно быть, разрушаются молекулярные связи. Ионизированные атомы отскакивают... Все тает, превращаясь в атомный туман... Молеку-

лярный распад... Наши нервы уничтожаются... Сколько это может...— Голос затих. Красная боль заполнила мозг Джона Стара. Каждый орган и каждая клеточка визжали от боли. Даже клетки мозга, казалось, протестовали против этого разгула с трудом выносимой боли, которая с каждой секундой усиливалась.

Он был слеп от боли. Боль ревела в ушах. Раскаленные до красна иглы боли пронизывали каждую частичку его тела. Но он по-прежнему боролся, чтобы держать себя в руках. Он застыл над контролем управления и вел крейсер вниз.

Сквозь боль, грохотавшую в ушах, он услышал, как гул перегруженных гедионов сменился грубой вибрацией. Это безобразное рычание усилилось, и вскоре затрясся весь корабль. Это стало ужасным. Он думал, что может не выдержать корпус.

Однако вибрация внезапно прекратилась. Геодины полностью отказали. Но мгновение было упущено — они не прошли сквозь Пояс Опасности.

В наступившей тишине он услышал, как кричит в своей камере Адам Ульмар.

— Дезинтеграция...— послышался слабый хриплый голос Джея Калама.— Мы становимся невидимы!

Он увидел, что твердый металл механизмов, окружавших его, становится жутко, невероятно полупрозрачным, словно намереваясь полностью раствориться в мерцающем тумане, который, все уплотняясь, клубился вокруг.

Он увидел сквозь дымку сверкающих, как алмазы, частиц Джея Калама — на самом деле это был призрак.

Эта сияющая спектральная фигура была уже полупрозрачна, сквозь очертания плоти виднелись, как тени, кости. От него яростно шел дым. Он больше не походил на человека; это была жуткая гибель, расплавление и превращение в ничто.

И все же он сохранял сознание, рассудок и волю.

Он издал сухой и слабый звук:

— Дюзы!

Джон Стар знал, что тоже превратился в тающий призрак. Каждый атом его тела пылал невыносимой болью. Красная агония ослепляла его, визжала в ушах, заставляла неметь тело. Тем не менее, он двинулся, прежде чем она одолела его полностью.

Он дотянулся до клавиатуры включения дюз.

Он распростерся над панелью управления, слабый и дрожащий. Измученное тело обмякло, истекало потом. Он подтянулся, сознавая, что его страшная агонизирующая прозрачность исчезла. Он увидел Джея Калама, слабого и белого, увидел за его спиной несколько мерцающих алмазных частичек, по-прежнему плавающих в воздухе.

— Дюзы,— прошептал Джей Калам, его голос был очень тихим, хотя и серьезным и внушительным, как всегда.— Дюзы нас пронесли.

— Пронесли!— Голос Джона Стара был как сухой хриплый кашель.— Сквозь Пояс?

— Да, и мы падаем на поверхность планеты.

Джон попытался взять себя в руки.

— Выходит, нам нужно снизить скорость перед приземлением.

— Жиль,— позвал Джей Калам в переговорное устройство.— Геодины...

— Не трогайте меня больше,— послышался жалкий и слабый протест.— Бедный старый Жиль умирает, умирает! Ах, эта коварная боль! И генераторы повреждены, сгорели! Их разрушила эта жуткая вибрация! Их некогда уже не отремонтировать — тут не поможет даже редкое и совершенное искусство Жиля Хабибулы. Ах, бедный старый Жиль, даже уникальное умение и гениальность не спасут его больше. Он обречен и умирает вдали от дома!

— Не говори так, Жиль,— вмешался Джон Стар.— Ты можешь их наладить!

— Нет, Джон, с ними все кончено, говорю тебе. Они сгорели.

— Это правда,— сказал Джей Калам.— Они сгорели. Геодины прекратили существовать. У нас остались только дюзы, чтобы не разбиться в прах.

Джон Стар мрачно приковылял к клавиатуре управления, бормоча:

— Вот когда нам нужно топливо, оставленное на спутнике Плутона.

ЗВЕЗДА-КОРСАР

Беспорядочно вращаясь, "Пурпурная Мечта" неслась к огромной распростершейся желто-красной планете, и дюзы посылали вперед пламя на полной мощности, чтобы выправить полет — если только можно выправить полет во время катастрофы.

Джей Калам, мрачно-серьезный, смотрел, как Джон Стар быстро считывает данные с приборов, переправляет их в компьютеры и вводит новый код.

— Что ты обнаружил?

— Близко,— медленно сказал, наконец, Джон Стар.— Слишком близко. И тут, почти одновременно, произойдут три события: скорость будет погашена, мы достигнем планеты, и у нас кончится топливо.

Однако поверхность скрыта под плотной атмосферой. Я не могу сказать, насколько она далеко. Если слишком близко, мы разобьемся прež-

де, чем погасим скорость. Если слишком далеко, будем падать дальше, а топлива не останется. Или в самый раз, или никак.

— Тогда,— сказал Джей Калам,— будем ждать. Как долго?

— Через два часа на полной тяге резервуары опустеют.

Джем Калам кивнул своей длинной серьезной головой, медленно поворачиваясь к телеперископу. Спустя мгновение он вдруг напрягся и повернулся показать на новую красную искорку, которая незамеченной вползла на экран.

— Еще один черный корабль,— заявил он.— Вылетел, чтобы посмотреть на обломки, когда мы врежемся, надо думать. Должно быть, они нас засекли, когда мы проходили мимо крепостей-спутников.

Джон Стар посмотрел на собственный прибор — чудовищная громада черного сияющего металла, черные лопасти двигались странно и медленно вокруг обширного черного брюха корпуса. Корабль был невысоко над нами и неторопливо двигался следом, не делая враждебных движений.

— Идет, чтобы посмотреть, как мы врежемся,— пробормотал он.— Или чтобы подобрать нас, если мы уцелеем.

— Я пойду к командору Ульмару,— сказал вдруг Джей Калам.— Я хочу позволить ему связаться с ними. Мы очень мало что можем потерять, а выиграть можем все. Возможно, сможем выкупить Аладори. Что бы ни запросил Ульмар, система сможет ему предоставить, чтобы спасти ее и АККА.

Джон Стар кивнул — возможно, это был шанс. Джей Калам привел на мостик Адама Ульмара. Высокий командор был все еще бледен и дрожал после перехода через радиационный барьер, но его жестокое лицо улыбалось.

— Поздравляю, Джон! Я не думал, что ты сможешь нас провести.

Джей Калам сказал ему суровым сдержанным голосом:

— Я хочу позволить вам говорить, командор. Я даю вам шанс спасти свою жизнь, а также спасти Аладори и ее тайну для Зеленого Холла. И я уверен, что Зеленый Холл согласится с любым необходимым выкупом. И я обещаю вам, если вы поможете нам благополучно вернуть Аладори в Систему, что выпущу вас на свободу.

— Спасибо, Калам.— Белая, четко очерченная голова слегка и полуиронично кивнула.— Благодарю за столь трогательное доверие ко мне. Это верно, что я не хочу умирать, и верно, что Эрик очень глупо спутал планы задуманного мною предприятия. Эта девушка вовсе не должна была оказаться здесь.

— В таком случае, делайте то, что я вам сказал:

Джон Стар внимательно посмотрел на гордое лицо с темными кругами под глазами, выглядевшее, тем не менее, благородным. При всей ненависти к тому, что делал его родственник, он увидел на этом лице уверенность, волю и силу.

— Я сделаю все, что смогу.

— Очень хорошо,— сказал Джей Калам.— Вы можете связаться с ними отсюда, с борта?

— С помощью коротковолнового передатчика,— сказал командор.— Видите ли, медузиане нечувствительны к звуку: хотя люди Эрика назвали их именем земных студенистообразных, однако они ни на что в Системе не похожи. Они общаются непосредственно короткими радиоволнами. Я знаю код, разработанный людьми Эрика,— я общался из Пурпурного Холла с агентами, которых они заслали в Систему.

— Действуйте,— сказал Джей Калам.— Пусть этот корабль даст соединительный трос, прежде чем мы рухнем. Пусть они доставят к нам на борт в целости и сохранности Аладори и дадут нам все, что понадобится для ремонта геодинов. И пусть откроют барьер, чтобы мы смогли уйти,— не думаю, что мы сможем пережить еще один прорыв. Пообещайте, что хотите, но вам лучше быть убедительным.

— Я сделаю все, что смогу.

И Адам Ульмар уселся за компактную панель корабельного передатчика. Лицо его было серьезным и напряженным. Он быстро нашел нужную частоту, потом начал произносить звуки вместо слов — неприятное урчание, свист и щелчки.

Ответ, неожиданно раздавшийся из приемника, все же был для них странным. Голоса медузиан представляли собой пронзительный шепот, сухой и злобный, столь омерзительно-неземной, что Джон Стар, прислушиваясь, задрожал от озноба и невыносимого ужаса.

Адам Ульмар тоже, видимо, обнаружил нечто ужасное в услышанном. Длинная челюсть его отвисла от удивления. Он вдруг задрожал, красивое лицо его побелело и покрылось жемчужными каплями пота. Неподвижные глаза стали темными, блестящими.

Он опять начал произносить в передатчик тихие пронзительные звуки, и в горле у него так пересохло, что он едва мог говорить. Из приемника послышался сухой скрип. Он долго прислушивался, глядя в никуда. Наконец, чужие звуки умолкли. Он механически потянулся белой дрожащей рукой к выключателю и поднялся на одеревеневших ногах.

— Что это было?— выдохнул Джон Стар.— Что они сказали?

— Ничего хорошего,— равнодушно ответил Адам Ульмар. Он вцепился в поручни, чтобы устоять на ногах.— Худшее, что могло произойти. Случилось то, чего я боялся с того самого мига, когда услышал о дурацком союзе Эрика.

Его большие глаза глядели на динамик, ничего не видя.

— Что случилось?— настойчиво спросил Джон Стар.

Адам Ульмар потер дрожащей рукой покрытый потом лоб.

— Я не могу решиться сказать тебе, Джон. Потому что ты будешь винить меня за это. И, мне кажется, я и впрямь виноват. Это я послал

сюда Эрика с экспедицией, и он получил шанс стать героем. Эрик Второй!— Он невесело ухмыльнулся.— Да, я виноват.

— Но что они сказали?

Его стеклянные глаза с немой мольбой взглянули в лицо Джона Стара.

— Пожалуйста, не думай, Джон, что это я задумал! Однако медузиане, похоже, провели Эрика и всех остальных. Они пообещали нам восстановить Империю в обмен на корабль, груженный железом. Но сейчас, по всей вероятности, они намерены получить куда больше.

Его сильное тело вздрогнуло.

— Они только что рассказали мне кое-что из своей истории, чего не знал Эрик, и это история в подлинном смысле слова. Они стары, Джон. Солнце у них старое. Их раса на этой призрачной планете состарилась прежде, чем родилась Земля. Они очень стары, Джон, однако они не намерены умирать.

Удивительное движение Звезды Барнарда, как они мне сказали,— это дело их рук. Поскольку минеральные ресурсы их планеты были использованы очень давно, они стали посещать другие миры. Двигаясь через галактику, они жили тем, что опустошали планеты, мимо которых проходили, и кое-где основывали колонии, что, как они мне сказали, ждет и Землю.— Он медленно и слабо кивнул белой головой.— Прошу тебя, Джон,— прошептал он,— не думай, что это когда-либо входило в мои планы.

Джон Стар и Джей Калам лишились голоса от потрясения. Это было немыслимо. Но Джон Стар знал, что это правда. Логика говорила, что медузиане вряд ли ввяжутся в межзвездную войну из-за единственного корабля, груженного железом, а Адам Ульмар привел сейчас причину, куда более убедительную.

В уме Джона Стара возникла картина обреченного человечества. Система не сможет бороться с наукой, которая строит эти черные паучьи корабли пространства и вооружает их искусственными атомными солнцами. С планетой, которая группирует другие планеты в пояс искусственных спутников и ведет звезду, словно красного корсара, по галактике.

— Нет, у Системы не было шанса — тем более, что Легион Пространства уже предан его собственным командиром и АККА в руках чудовищного врага.

— Прошу тебя, Джон!— Надтреснутый голос Адама Ульмара был тонок, в нем была мольба.— Прошу, не думай, что я замыслил все это. А сейчас, если ты не возражаешь, я действительно нуждаюсь в капсуле, что в моем столе.

Джон Стар медленно прошептал:

— Вы не получите легкую смерть.

— Нет, командор,— хмуро сказал Джей Калам.— Вы должны жить, по крайней мере, какое-то время. Если мы уцелеем при посадке,

вам, возможно, предоставится шанс исправить кое-что из того, что сделано вами.

Он отвел спотыкающегося узника обратно в камеру.

Дюзы по-прежнему ревели. "Пурпурная Мечта" падала. Предназначенные только для осторожных маневров при взлете и посадке, дюзы никогда не получали задачи, подобной этой. Торможение при такой скорости, при которой удалось благополучно пройти сквозь радиационный барьер,— это была работа для геодинов. Однако геодины были испорчены.

Джон Стар застыл возле пульта управления, выжимая последние крохи энергии из последних капель топлива, пытаясь вовремя остановить крейсер.

Черный корабль-паук падал вслед за ними. Медузиане, несомненно, следили: им было любопытно понаблюдать эффект воздействия излучения барьера на корабль. И, конечно же, они были наготове с каким-нибудь новым оружием, если эти сумасшедшие пришельцы переживут посадку.

Красный туман сомкнулся вокруг "Пурпурной Мечты". Черный корабль следовал за ними, превратившись в огромную смутную тень в сумерках. Все остальное исчезло, и крейсер по-прежнему падал к невидимой планете, скрытой за светящимися красными облаками. Рев дюз прервался, возобновился, потом прекратился окончательно.

— Топливо кончилось,— прошептал Джон Стар.— Мы падаем. И ничего больше сделать нельзя.

Стиснув кулаки в бессильной ярости, он вглядывался в густой светящийся красный туман. Напряженные глаза выделили поверхность, нечто смутное и блестящее. На поверхности, готовой встретить их, играли вспышки.

— Море,— прошептал он.— Мы снижаемся к...

Паника прервала его слова, он услышал голос Джея Калама, тихий и мягкий даже в последние мгновения их падения.

— В любом случае, мы добрались до планеты, на которой находится Аладори.

В ПУЧИНАХ НЕВЕДОМОГО ОКЕАНА

— Выходит, мы шлепнулись на дно смертельного моря?— заключил Жиль Хабибула. Настроение его не повысилось. Он говорил голосом здорового ухоженного кота, недовольного тем, что его таскают за хвост.

Джон Стар молча кивнул, и тот горько продолжал:

— Двадцать долгих верных лет я прослужил в Легионе с того злого дня на Венере, когда...

Он замолчал, вращая рыбьими глазами, и Джон Стар спросил:

— Как это тебя угораздило вступить в Легион?

— Двадцать лет, дружище, старый Жиль прослужил в Легионе, стойкий и верный человек. И, да, во имя доброй жизни, столь бравый солдат всю свою жизнь.

— Да, я знаю. Но...

— Старый Жиль оставил прошлое позади, дружище.— Голос его снова стал отчетливо-жалобным.— Он полностью оправдал себя, как отважный герой! И взгляни на него сейчас, пожалей его жалкие кости!

Его назвали коварным пиратом, чего вот уже двадцать долгих лет он не делал, потому что двадцать долгих лет он был благородным воином Легиона. О, да, дружище, взгляни на старого Жиля Хабибулу.

Голос его прервался. Огромная слеза затрепетала в углу рыбьего глаза, помедлила, словно убоявшись гигантского красного носа, решилась и потекла вниз.

— Взгляни на бедного старика Жиля. Его выгнали, как собаку, из собственной родной Системы. Его травят, как кролика, в межзвездном пространстве. Он заброшен на эту планету призрачных опасностей и ползучих ужасов. И теперь ему предстоит провести последние безрадостные дни, погибая на дне желтого моря. Бедный Жиль Хабибула! За эти годы он ослабел, устал, и серые седые волосы увенчали его старую голову. Он стал больным и ленивым. Он был забыт и выслан на уединенный, заброшенный крошечный пост на Марсе.

А теперь он в ловушке и погибает на дне ужасного желтого моря. Так где же драгоценная справедливость, парень?

Он спрятал свое большое лицо в ладонях и затрясся в рыданиях, чем-то напоминая агонизирующего загарпуненного кита. Однако это длилось недолго. Он выпрямился и вытер глаза обратной стороной толстой ладони.

— В любом случае, дружище,— засопел он устало,— не выпить ли нам по капельке винца, чтобы забыть ужасные беды, обрушившиеся на

нас? Кстати, я тут припас ящик консервированного сыра, который нашел на складах.

И я расскажу тебе, дружище, о тех временах на Венере. Это было смелое приключение — если бы я только не наступил во тьме на коварную лампу, ибо тогда бедный старый Жиль был умен и проворен, как ты, дружище.

— Нет, не сможем сдвинуть корабль,— ответил Джон Стар чуть позже, стоя в рубке возле Калама.— Хотя он лежит в неглубоком месте — согласно измерителям давления, он менее чем в ста футах от поверхности.

— Но нам не поднять его на поверхность?

— Нет. Геодины отказали, топливо для дюз кончилось. Если бы у нас были те бочки, которые мы оставили на спутнике Плутона! А корпус слишком тяжел и не держится на плаву. Он не предназначен для навигации.

— Выходит,— заключил Джей Калам, рассудительно-хмурый, хотя и со спокойной решительностью, которая значила больше, чем крайнее неистовство кого-то другого,— что мы не сможем подняться. Это не так плохо, если учесть, что мы живы и находимся на той же планете, что и Аладори.

— Нет,— с той же решительностью сказал Джон Стар.— Если бы только мы могли выручить ее и выиграть время, чтобы достать материалы и построить АККА, мы бы показали этим медузианам.

— Это-то мы и должны сделать, а значит, и будем делать.

— А теперь,— добавил он,— надо поговорить с Адамом Ульмаром.

Когда они пришли к старику, он сидел, бледный и измученный, на койке, не в силах оправиться от переговоров с медузианами. Царственная гордость Пурпурного Холла покинула его. Он невидяще глядел в стену, трясущиеся губы шевелились. Вначале он не заметил их. Джон услышал голос:

— Изменник! Предатель человечества!

— Адам Ульмар,— обратился к нему Джон Стар, разрываемый на части жалостью и презрением к потрясенному человеку, взиравшему на них с невыразимым ужасом.— Вы готовы помочь нам, чтобы попытаться исправить причиненное вами зло?

Слабое мерцание заинтересованности и надежды вернулось в мутные, искаженные мукой глаза, однако командир Легиона кивнул.

— Я помогу.— Голос был жалок, безжизнен.— Я сделаю все, что могу. Но уже слишком поздно. Слишком поздно.

— Нет!— крикнул Джон Стар.— Еще не слишком поздно!

Адам Ульмар неуверенно встал на ноги, гордое лицо его было искажено.

— Я помогу. Но что можно сделать?

— Мы намерены найти Аладори и освободить ее. Потом она сможет разделаться с медузинами с помощью АККА.

Он уселся. Его голос звучал устало и горько:

— Вы дураки. Находитесь в поврежденном корабле на дне моря. Аладори заключена в хорошо охраняемой крепости, куда не проникнут даже флотилии Легиона, если медузиане еще не выпытали ее тайну и не разделались с ней. Вы полнейшие идиоты — хотя и не такие, как я...

— Расскажите нам все, что вы знаете о планете,— сказал Джей Калам.— География ее континентов. И о медузинах. Их оружие, цивилизация, и где, скорее всего они содержат Аладори.

Адам Ульмар посмотрел на них с апатичным отчаянием.

— Я расскажу вам то немногое, что знаю, хотя это и не принесет пользы. Как вы знаете, сам я никогда здесь не был. Я располагаю лишь отчетами, доставленными экспедицией Эрика.

Эта планета значительно крупнее Земли. В диаметре она приблизительно в три раза больше. Вращается она медленно, день ее равен приблизительно пятнадцати земным. Ночи ужасны. Длятся неделями и крайне холодны. Карлик, как вам известно, не дает много тепла.

Взгляд его медленно ушел в сторону.

Джон Стар подстегнул его:

— Континенты?

— Континент всего один, большой, равный по площади поверхности Земли. Вдоль одного побережья — полоса странных джунглей, диких и смертоносных. По словам Эрика, они растут с поразительной быстротой в течение долгого дня и кишат свирепой неземной жизнью.

Вдоль восточного побережья за джунглями возвышается горная гряда, более отвесная, говорил Эрик, чем любая в Системе. Запад гряды — огромное высокое плато, безжизненное, изрезанное дикими каньонами. Далее — долина большой реки, которая протекает почти по всему континенту.

У медузиан остался единственный город — на этой умирающей планете трудно поддерживать жизнь, и большинство их мигрировало на другие завоеванные миры. Как они хотят поступить и в нашем случае. Этот город находится где-то на реке. Точнее я не могу сказать.

— Аладори?— порывисто спросил Джон Стар.

— Она, несомненно, должна находиться в городе. Эрик говорил, что это совершенно изумительное место, огромное по человеческим масштабам. Весь город выстроен из черного металла и окружен стенами в добрую милю высотой. Они ограждают его от страшных джунглей. В центре — огромная крепость, гигантская башня из черного металла. Скорее всего, они держат ее там, под охраной оружия, способного аннигилировать все флотилии Системы в одно мгновение.

— Вы знаете еще что-нибудь?— допытывался Джей Калам.

Взгляд загнанных глаз опять был направлен в пустоту.

— Нет, больше ничего.

— Очнитесь! Думайте! Вся Система на кону!

Тот заговорил:

— Нет... да, я вспомнил еще одно, хотя нет особого смысла говорить вам об этом. Атмосфера...

— Что — атмосфера?..

— Вы видели, что она красноватая?

— Да. Что, она не годится для дыхания?

— Она содержит кислород. Вы сможете дышать. Однако в ней содержится красный газ. Для медузиан он безвреден, но не годится для людей. Это растительный органический газ, как они сказали мне во время переговоров. Они вырабатывают его для исправления климата, чтобы снизить тепловые потери по ночам. Они намерены заполнить им, без сомнения, и атмосферу Земли. Однако он плохо действует на людей.

Он заставил себя собраться с мыслями.

— Ты помнишь, что ранило тебя в плечо, Джон? Это было вызвано красным газом, выплеснутым на тебя в жидком виде. Медузиане уже выяснили, как он действует на человеческие организмы. Люди из экспедиции Эрика...

Стройный старик вздрогнул.

— Они заболели потому, что дышали в этой атмосфере. Поначалу она не сказывалась на них, если не считать легких неудобств. Но позже начались умственные расстройства. Стала гнить плоть. И была сильная боль. Потом...

— После того, как я обжегся на Марсе, ваши врачи меня выходили,— сказал вдруг Джон Стар.— Чем они пользовались?

— Мы выработали формулу нейтрализатора... Однако у нас на борту нет ингредиентов.

— Несмотря на это, мы сможем прожить некоторое время?

— Какое-то время,— эхом отозвался старик.— Индивидуальные реакции различаются, но обычно самое худшее случается через несколько месяцев.

— Тогда это не играет важной роли.

— Нет,— довольно хмуро и выразительно произнес Адам Ульмар.— Нет, вы погибнете, если сможете покинуть корабль, и способов для этого, самых быстрых, будет миллион. Жизнь, видите ли, очень стара на этой планете. Борьба за существование здесь очень свирепа. В результате чего флора и фауна ведут с медузианами борьбу за существование. За пределами корабля вам не выжить.

— Однако мы намерены попытаться,— заверил его Джей Калам.

— "Пурпурная Мечта",— заявил Джон Стар чуть позже, когда они все впятером собрались на узкой палубе возле воздушного шлюза,— лежит на дне неглубокого моря. Здесь всего лишь восемьдесят футов глубины. Мы не можем сдвинуть корабль, но мы можем выбраться.

— Выбраться?— эхом откликнулся Хал Самду.— Как?

— Через воздушный шлюз. Мы выплывем на поверхность и попытаемся добраться вплавь. Раз глубина всего лишь восемьдесят футов, то вполне возможно, что мы на отмели какого-нибудь побережья. Мы сможем выбраться на него и вынести с собой груз оружия и припасов.

— Мы смогли бы здесь прожить, на борту. Воздуха и припасов достаточно. А снаружи, быть может, мы проживем всего лишь несколько минут. Мы не сможем достичь поверхности, а если и достигнем, то лишь затем, чтобы встретиться с опасностями в мире, где даже воздух — медленный яд.

— Мой драгоценный глаз!— вмешался Жиль Хабибула.— Мы здесь, в злом и жутком море, на этом дне, мы все постепенно вымрем от истощения. И этого еще недостаточно! Ты хочешь, чтобы мы всплыли со дна этого коварного желтого моря, будто смертельные рыбы?

— Именно,— согласился Джон Стар.

— Ты хочешь, чтобы бедный старик Жиль утонул как безмозглая крыса, когда здесь у него в изобилии припасов и вина! Бедный старик Жиль Хабибула.

— Дурак ты, Джон,— мрачно и свирепо произнес Адам Ульмар.— Тебе никогда не выбраться на берег. Ты не слышал рассказов, привезенных людьми Эрика Ульмара. Ты не знаешь той жизни, как растительной, так и животной, что в течение длинных красных дней ведет здесь борьбу за существование. Как ты намерен пережить ночь? Ты рожден в ласковом мире, Джон. Тебе не дано будет уцелеть здесь.

— Любой из вас, кто пожелает, может остаться на борту,— тихо прервал Джей Калам.— Джон идет. И я. Хал?

— Конечно, я пойду,— откликнулся гигант, краснея от гнева.— Вы что думаете, я оставлю Аладори этим монстрам?

— Конечно, нет, Хал. А ты, Жиль?

Рыбьи глаза Жиля Хабибулы яростно вращались. Он спазматически вздрагивал. Пот бежал по его лицу. С невероятным усилием он произнес сухим голосом:

— Смерть моя! Вы что, хотите уйти и оставить бедного больного старого Жиля Хабибулу здесь, чтобы он голодал и гнил на дне этого злобного моря? Во имя драгоценной жизни!— конвульсивно прохрипел он.— Я пойду. Однако старый Жиль должен отведать вкус пищи, чтобы его изнуренные старые кости обрели силу, и хлебнуть винца, чтобы успокоить измотанные, измученные нервы.

Он неуверенно поплелся к трюму.

— А вы, командор?— настойчиво спросил Джей Калам.— Вы пойдете?

— Нет...— Адам Ульмар покачала головой.— В этом нет смысла. Я знаю, что естественный отбор привел к появлению как на суше, так и в этих морях весьма удачных жизненных форм.

Четверо вошли в воздушный шлюз и приготовили большие, непроницаемые для воды свертки с одеждой, протонными пистолетами, не-

сколькими фунтами концентрированной пищи и, по настоянию Жиля Хабибулы, бутылкой вина. Они задраили внутренний люк, и Джон Стар открыл дверь, ведущую наружу. Мощный поток воды рванулся в камеру, заполняя ее, обдавая ледяным холодом тела людей, выталкивая воздух кверху. Их сжали безжалостные тиски давления. Поток прекратился, когда вода была уже вровень с плечами. Джон Стар вращал штурвал наружного люка, но армированная дверь сопротивлялась.

— Заклинило!— прохрипел он.— Мы должны попробовать вручную.

— Дай мне!— крикнул Хал Самду, рывками пробираясь вперед в ледяной воде. Голос его в плотном воздухе был необычайно пронзительным. Он привалился спиной к металлическому люку, напрягся. Боль от усилий превратила его лицо в страшную маску. Дышал он быстро, хрипло и прерывисто.

Джон Стар и Джей Калам помогали ему, все они боролись с люком в холодной воде, достигшей уже подбородков, стараясь сдерживать дыхание в холодном спертом воздухе.

Люк неожиданно поддался. Поток воды опрокинул их. Воздух пузырями стал вырываться наружу. Они наполнили легкие в замкнутом воздушном кармане, подтянулись к отверстию и, отчаянно барахтаясь, поплыли к поверхности.

Темная вода, от которой немело тело, сокрушающе давила на них. Джон Стар сражался с безжалостным, казалось, неодолимым давлением. Он чувствовал, как свирепые тиски опустошают измученные легкие. Он рвался вверх, сквозь мрачную бесконечность времени. Затем, на удивление, неожиданно, он вынырнул на поверхность желтого моря и стал хватать ртом воздух.

Плоская блестящая маслянистая красно-желтая поверхность моря под холодным красным небом простиралась в смутную красную даль. Море поднималось и опускалось длинными медленными волнами.

Вначале он был один. Вдруг рядом с ним взметнулась голова Джея Калама, задыхающаяся, мокрая. Затем рыжеволосая голова Хала Самду. Они ждали, не в силах говорить, пытаясь отдышаться. Они ждали долго, и наконец вынырнула голова Жиля Хабибулы — лысина с реденькой прядкой седых волос.

Они держались на плаву в желтом море и дышали глубоко и благодарно, забыв о том, что с каждым вдохом глотают медленный яд.

Пустынная равнина моря простиралась вдаль. Безмолвная и безжизненная. Небо — огромный, зловещий, снижающийся к горизонту купол. На большой высоте пылал в небе неописуемо огромный красный диск. Умирающий карлик, состарившийся еще тогда, когда Земля лишь зарождалась,— он, казалось, был слишком холоден, чтобы согреть их.

— Следующая наша проблема,— задыхаясь, произнес Джон Стар,— берег...

— Сверток...— пробормотал Хал Самду,— с пистолетами. Не всплыл...

Действительно, он не появился.

— Моя жалкая бутылочка вина!— захныкал Жиль Хабибула.

Затем все они замолчали. Огромное невидимое тело всплыло рядом с ними на поверхность и погрузилось обратно.

ЧЕРЕЗ КОНТИНЕНТ

Держась на плаву в месте всплытия, затаив дыхание, они ждали появления драгоценного свертка, в котором находилось их оружие, а также бутылка вина для Жиля. Другие свертки, с одеждой и продуктами, также пропали.

— Они не всплыли,— наконец, в отчаянии заключил Джей Калам.— Или застряли в люке.

— Или их проглотили,— засопел Жиль Хабибула.— Вон тот монстр, что так страшно плескался, он и проглотил. Ах, мое драгоценное вино...

— А где берег?— требовательно спросил Хал Самду.

Во все стороны от их колышащихся, словно поплавки, голов простиралось маслянистое, покрытое невысокими волнами желтое море, нигде не нарушаемое сушей. Гнетуще нависало сумеречное небо, туманом висел ядовитый красный газ. Вдали над морем пылало зловещее солнце, кроваво-красный шар. Легкий бриз коснулся их лиц, столь слабый, что едва пошевелил желтую поверхность.

— У нас два возможных проводника,— сказал Джей Калам, держась на плаву с помощью медленных, неторопливых движений.— Солнце и ветер...

— Как?

— Солнце невысоко, однако оно поднимается. Значит, там восток. Это говорит нам о направлении. А что касается ветра, то это явно морской бриз с побережья большого континента, о котором говорил Адам Ульмар. В это утреннее время ветер должен дуть с моря, потому что воздух над сушей нагревается и поднимается.

— Так что же, поплывем по ветру к западу?

— Я думаю, что это наш наилучший шанс, хотя базироваться приходится на весьма неполных астрономических и географических

знаниях о планете. Слишком плохо, что мы хотя бы мельком не заметили континент сквозь туман, когда падали. Весьма может оказаться, что мы вовсе не возле берега, а просто на каком-нибудь мелководье. Но я думаю, что наш лучший шанс — плыть по ветру.

Они отвернулись от красного солнца. Джон Стар поплыл уверенно, не затрачивая усилий. Хал Самду разрезал воду медленными мощными гребками. Джей Калам плыл расчетливо и бесшумно. Жиль Хабибула пыхтел, барахтался, расплескивая воду и слегка отставая.

Казалось, прошли часы, прежде чем он захрипел:

— Во имя сладкой жизни, давайте немножко отдохнем. Что за смертельная спешка?

— Можем отдохнуть,— согласился Джей Калам.— Берег может находиться в двух милях или в двух тысячах.

Они отдохнули некоторое время, потом вновь, с усталой расчетливостью, поплыли.

Поначалу они не ощущали ничего необычного в воздухе. Однако Джон Стар вдруг заметил, что ноздри и глаза его раздражены и что-то давит на натруженные легкие. Он заметил, что покашливает, и вдруг услышал, что остальные тоже кашляют. Тут же ему в голову пришли мысли о неприятной судьбе людей Эрика Ульмара, но он хранил молчание.

Заговорил Жиль Хабибула:

— Этот красный и ужасный воздух! Он меня в гроб вгонит. Бедный старый Жиль! Мало того, что он рухнул в неведомое море на чужой чудовищной планете и погибает, плавая, как несчастная крыса, в банке со сгущенкой! Ох, смерть моя! Этого недостаточно. Он должен быть отравлен этим коварным газом, который сделает из него смертельного неистового маньяка, и потом злая зеленая проказа пожрет всю его плоть со старых бедных костей. Бедный старый солдат!

В этот миг грандиозный плеск прервал его меланхоличное сопение. Огромное тело, черное и блестящее, взмыло рядом с ним над желтой поверхностью и тут же нырнуло обратно.

— Мои жалкие кости!— прохрипел он.— Какой-то ужасный кит приплыл проглотить всех нас!

Отнюдь не обрадованные тем, что привлекли внимание неведомого обитателя желтого моря, они поплыли быстрее, пока существо не появилось опять прямо перед ними.

— Не будем выматываться,— послышался сквозь жуткий плеск спокойный голос Джея Калама.— Нам от него не оторваться. Однако, возможно, он не нападет.

Жиль Хабибула внезапно захныкал:

— Снова чудовищный ужас!

Они увидели изогнутый саблевидный черный плавник, который вспорол черную поверхность неподалеку. Он поплыл к ним, описал вок-

руг них полную окружность и затем исчез, чтобы появиться вновь и сделать еще один круг.

— Он описывает вокруг нас идеальный круг,— засопел Жиль Хабибула.— А потом, несомненно, последует кошмарный пир.

— Смотрите, впереди!— закричал вдруг Хал Самду.— Плывет что-то черное!

Джон Стар вскоре обнаружил это — длинный черный предмет, едва возвышающийся над водой, по-прежнему окутанной красно-желтым туманом.

— Не могу сказать, что это. Возможно, бревно. Или что-нибудь другое, плавающее.

— Мой смертный глаз!— взвизгнул Жиль Хабибула и вдруг яростно забился в воде с багровым лицом, отчаянно хватая ртом воздух.

— В чем дело, Жиль?

— Какой-то ужасный монстр дотронулся до моих жалких пяток.

Он опять по-собачьи поплыл к далекому предмету. Джон Стар почувствовал резко болезненное прикосновение к бедру. Он увидел, как по воде расплывается его собственная кровь.

— Кто-то только что откусил от меня кусочек.

— Должно быть, он нас только пока изучает. Потом он выяснит, что мы не опасны.

— Там, впереди, бревно!— закричал Хал Самду.

— Тогда мы должны добраться до него и залезть... пока эти жуткие существа не сожрали нас заживо!— воскликнул Жиль Хабибула.

Из последних сил они заставляли двигаться усталые мускулы. Джон Стар хватал ртом воздух. Каждый вдох сопровождался болью. Каждый медленный гребок требовал усилия воли. Он знал, что остальные также близки к истощению. На некрасивом красном лице Хала Самда было свирепое выражение. Джей Калам был бел и мокр. Жиль Хабибула задыхался и отчаянно хлопал по воде, лицо его было пурпурным.

Желтая поверхность некоторое время была ровной, затем черный саблевидный плавник вернулся. Он описал в воде аккуратную кривую и направился прямо к Джону Стару.

Он ждал, пока тот не приблизится. Затем стал держаться, кричать, пинать ногами. Его голая нога болезненно прошлась по жесткой чешуе. Плавник повернулся и исчез. Некоторое время поверхность опять была спокойной. Они плыли через силу, словно вдыхая мучительное пламя, каждый гребок отзывался болью. Черное бревно приблизилось — огромный черный цилиндр в сотню футов длиной, покрытый бугристой чешуйчатой корой. На его верхней части, у конца, они увидели любопытный зеленый нарост. Впереди что-то снова плеснулось. Кривой черный плавник молча проплыл между ними и бревном. Они плыли, теряя энергию при каждом отчаянном гребке. Изогнутая грубая поверхность была над ними. Джон Стар был уже на пределе сил, однако боролся за

жизнь, и вдруг он почувствовал, как в его лодыжку вцепились острые зубы. Свирепые клещи потащили его, задыхающегося, под воду... Он сложился пополам, дергаясь, вцепившись руками в твердое, покрытое режущейся чешуей тело, пиная его свободной ногой. Руки обнаружили что-то мягкое, похожее на глаз. Пальцы вцепились в него, раздирая и выковыривая. Существо вырывалось под ним, яростно сопротивлялось, изворачивалось. Лодыжка оказалась на свободе. Он, теряя сознание, рванулся к поверхности. Голова оказалась над желтой водой, и он, потерев глаза, увидел, что кривой черный плавник несется прямо на него. Затем гигантская рука Хала Самду схватила его за плечо и дернула вверх.

Он увидел, что сидит вместе с остальными на огромном черном цилиндре бревна.

— Мой смертный глаз!— засопел Жиль Хабибула.— Это была коварная, убийственная...

Он замолчал, дыхание у него перехватило, рыбьи глаза выпучились. Джей Калам заключил:

— У нас на борту компаньон.

Джон Стар увидел то, что ранее показалось ему зеленоватым наростом на противоположном конце бревна. Гигантская масса зеленоватой просвечивающейся студневидной органики, которая, наверное, весила несколько тонн. Существо вцепилось в черную кору пучком бесформенных щупалец. Постепенно, с помощью неведомых чужеродных чувств оно узнало об их близости. Из бесформенного тела на глазах у перепуганных зрителей потекли полужидкие струи. Оно расширялось, неудержимо передвигаясь по бревну в их сторону.

— Что это за страшная штука? Видимо, гигантская амеба,— сказал Джей калам.— Ищет обед.

— И найдет,— заключил Джон Стар,— если такой темп сохранится и дальше, примерно через полчаса.

Четверо мужчин, обнаженных, измотанных и беззащитных, сидели на краю бревна, видя, как тонкие зеленые руки вытягиваются и медленные потоки полузагустевшего студня плывут, чтобы пожрать их. Сама же огромная туша вдруг оказалась значительно ближе. Каково будет, когда они окажутся у нее внутри? Каково быть схваченными бесформенными ползучими руками, затянутыми в живую прозрачную массу, дюйм за дюймом заглоченными и переваренными? Джон Стар задержал дыхание, и попытался стряхнуть гипноз ужаса, и в отчаянии огляделся. Небо было зловеще-красным. Ярко-красный, громадный злобный диск пылал низко над горизонтом. Ветер, дующий от него, рябил поверхность желтого моря. Желтые горизонты таяли в красноватом тумане. Вокруг бревна бесконечными кругами скользил черный саблевидный плавник. Колоссальная амеба достигла середины бревна.

— Когда она доберется сюда,— озабоченно предложил Джон Стар,— мы сможем нырнуть и доплыть до противоположного конца.

— И нас заживо проглотят в смертельной воде!— трагически предсказал Жиль Хабибула.— Старый Жиль намерен остаться здесь и посмотреть, что его будет есть.

— Я полагаю,— сказал Джей Калам,— что ветер несет нас к берегу. И он должен быть неподалеку, иначе откуда же бревно.

Ползучий ужас был уже в трех четвертях пути, когда остроглазый Хал Самду закричал:

— Берег! Я вижу землю!

Вдали, над дымным красным горизонтом, над плоской поверхностью желтого моря возвышалась низкая темная линия.

— Но до нее еще мили,— сказал Джон Стар.— Мы должны пройти мимо этого монстра, иначе...

— Мы должны перевернуть бревно,— предложил Джей Калам,— раскачав его, и перебежать на тот конец, пока наш приятель-пассажир будет под водой.

— И, возможно, самим попасть на обед к этим коварным существам в воде, когда оно перевернется.

Однако они встали, осторожно балансируя на грубой коре, и по команде Джея Калама принялись раскачивать бревно из стороны в сторону. Поначалу их движения не оказали видимого воздействия. Гигантская амёба продолжала свой неторопливый путь. Тем не менее, под их учетверенным весом бревно начало лениво качаться, с каждым разом все больше, влажная кора была скользкой. Жиль Хабибула поскользнулся и захрипел от ужаса. Джон Стар вытащил его обратно.

— Проклятие моим костям! Бедный старый Жиль — не обезьянка, дружище!

Черный плавник приблизился. Рыбьи глаза Жиля при виде его закатились. Ближайшая тянущаяся рука бесформенного текучего живого студня была всего в пяти футах от них, когда бревно миновало точку равновесия. Оно вдруг перевернулось, и им пришлось отчаянно карабкаться вверх на руках и коленях.

— Пошли!— выдохнул Джей Калам.

Помогая друг другу, они неуверенно пробирались по влажной поверхности к другому концу. Но огромная масса голодной протоплазмы снова появилась на бревне, зеленая и мокрая. Ее чувства каким-то образом улавливали их. Она поползла к ним вновь.

Дважды они повторяли этот неуклюжий маневр, прежде чем бревно коснулось дна. Впереди лежал черный мир, зловещий и странный.

Впереди, на голом берегу, покрытом черным песком, располагались черные лужи. За широкой полосой черного песка поднимались поразительные джунгли — темная страна шипов, прямые, мертвенно-черные колючки, пылающие бесчисленными огромными фиолетовыми цветами, усаженные тысячами зазубренных и острых иголок, непроницаемый барьер переплетенных мечей не менее ста футов в высоту.

Над мрачными джунглями шипов возвышалась горная гряда: огромные пики, один гигантский вал за другим, величественные, уходящие в небеса массивы скал, обнаженных, сумрачных и безжизненно-черных. Последняя мрачная стена протягивала свой заостренный край в малиновое зловещее небо и обрывалась на полпути к зениту.

Черный песок, черные шипастые джунгли, черная стена кошмарных скал под алым небом. Мир перед ними был покрыт тенями зловещей недоброжелательности. Сердце при виде него застывало от безымянного ужаса.

— На берег!— громко воскликнул Джон Стар, и они с плеском помчались по мелководью, помахав на прощание амебе.

— Да, мы на берегу,— согласился Джей Калам.— Но, видишь ли, на восточном побережье. Город медузиан, по словам командира, где-то на западном берегу. Это значит, что нам предстоит пройти через все эти джунгли, горы и через весь континент.

— О да, впереди черный континент, полный смертельных ужасов,— заныл Жиль Хабибула.— А мы не имеем оружия, мы голые, как жалкие младенцы. Ни кусочка еды. Бедный старый Жиль, обреченный голодать на чужих берегах злого моря.

СКВОЗЬ ДЖУНГЛИ

— Оружие,— начал Джей Калам,— это первое, что нам необходимо раздобыть.

Джон Стар затаил дыхание от боли, словно что-то вонзилось в его ногу, и прервал его с улыбкой:

— Для начала кое-что есть. Край как лезвие.

Он поднял то, на что наступил,— большую черную раковину с закругленным краем. Джей Калам внимательно рассмотрел ее.

— Годится,— сказал он.— Лезвие что надо.

Когда они шли по берегу, он подыскал для каждого из спутников по раковине. Жиль Хабибула взял свою раковину разочарованно.

— О, во имя жизни, Джей! Ты надеешься, что я этой хрупкой штучкой смогу прорубиться сквозь страшные клинки и штыки, которые ждут нас впереди, ждут, чтобы нарезать из нас кровавых ремней?

И он указал на черные шипастые джунгли.

— Итак, мы вооружены,— сказал Джей Калам.— При первой же возможности вырежем по копью.

Они приблизились к черному, в фиолетовых цветах, барьеру из шипов, игл и кривых колючек. Многие из лезвий были длиной до десяти футов. Тесно растущие стволы казались твердыми и острыми как стальные клинки. Для них, голых и со столь чувствительными телами, нелегко было пробираться между стволами; не более просто было вырезать и обтесать твердые, как железо, стебли с помощью раковин.

Прошли тягучие часы, прежде чем каждый из них получил по десятифутовому копью и короткому трехгранному кривому, как клык, кинжалу. Хал Самду вырезал себе также большую дубину из куска плавника.

— Ах, а теперь нам предстоит пересечь целый ужасный континент босыми, жалкими ногами,— начал Жиль Хабибула, бросив жалобный взгляд на желтое море, и вдруг его рыбьи глаза кое-что заметили. Он тяжело побежал обратно к берегу, пока они работали.

— Наша одежда!— обрадовался Джон Стар.— И настоящие пистолеты!

— И моя несчастная бутылочка вина!— засопел Жиль Хабибула, деловито распаковывая свертки на песке.

Однако надежды на оружие не оправдались. Свертки промокли, одежда вымокла, еда по большей части испортилась, тонкий механизм протонных пистолетов оказался бесполезен после контакта с коррозийной желтой водой.

Лишь бутылка вина была совершенно невредима. Жиль Хабибула подержал ее против красного солнца, изучая счастливыми рыбьими глазами.

— Открой!— предложил Хал Самду.— Нам нужно что-нибудь.

Жиль Хабибула жалобно сглотнул и медленно покачал головой.

— О нет, Хал,— печально сказал он.— Когда она опустеет, больше вина не будет. Ни одной драгоценной капельки вина на всем континенте. О нет, ее нужно сохранить до той минуты, когда оно действительно понадобится.

Он поставил ее мягко и осторожно на черный песок.

Оставив в покое бесполезные протонные пистолеты, они доели то, что оставалось от еды, и с облегчением натянули полусырую одежду. Даже под постоянным обогревом близкого солнца и покрывалом поглощающего тепло красного газа атмосфера была далека от тропической.

Джон Стар грубо перебинтовал раны на бедре и лодыжке, которые появились по пути к берегу. Жиль Хабибула сунул бутылку вина в один из своих внушительных карманов, аккуратно обернув ее предварительно куском ткани, и они углубились в джунгли.

Толстые мясистые стебли теснились вокруг них, переплетаясь над головами в непроницаемый покров, нацеливаясь острыми, как нож, кривыми, как клык, лезвиями. Плотная шипастая крыша полностью

скрывала зловещее небо. Лишь призрачный, цвета крови сумрак просачивался сквозь плотную крышу джунглей.

С бесконечными предосторожностями они пробирались в переплетении лезвий, однако это помогало им плохо. Страдала одежда: каждый из них вскоре оказался покрыт десятками крошечных порезов, которые болезненно зудели от растительного яда. И вскоре они встретили опасность более внушительную.

— Одно хорошо,— заметил Джей Калам.— Если шипы ранят нас, то они могут ранить также любого врага... Ого!

Короткий пронзительный крик прервал его рассудительный голос. Джон Стар повернулся и увидел, что его уносит с земли длинная пурпурная веревка. Свисая из зловещего сумрака, она дважды обернулась вокруг его тела, прижалась плоским концом с круглой присоской к горлу. Свирепо отбиваясь, он все же был беспомощным в стягивающем, шириной в дюйм, щупальце. Оно быстро уносило его в переплетение черных шипов.

Джон Стар бросился за ним, подняв кинжал, однако уже не мог дотянуться.

— Подбрось меня, Хал!— задыхаясь, крикнул он.

Гигант схватил его за колено и бедро и могучим рывком подкинул к освещенным красным светом основаниям шипов. Одной рукой он ухватился за сегмент грубого пурпурного каната. Тот немедленно подтянулся, слегка приподняв его, и забросил петлю на его тело.

Повиснув на одной руке, он вонзил в него над плечом Джея Калама кинжал, зажатый в свободной руке. Твердая пурпурная кожа поддалась. Прозрачная фиолетовая жидкость потекла по его руке. Сок это или кровь — он не знал. Внутри же твердые волокна создавали слой, который разрезать было не так-то просто.

Петля, яростно сопротивляясь, скользнула по его плечам.

— Спасибо, Джон,— слабо прошептал Джей Калам, не поддавшийся, однако, панике.— Но старайся освободиться, пока можешь.

Джон Стар молча резал веревку.

Внезапно в текущей жидкости появился красный цвет. Он понял, что это кровь Джея Калама.

Пурпурный канат спазматически сжался с болезненной, ломающей кости силой.

— Слишком... слишком поздно... Прости, Джон!

Лицо Джея Калама обмякло.

Джон Стар сделал последнее, яростное усилие, когда невыносимое давление выжало воздух из легких с долгим болезненным хрипом. Живой канат распался и они упали.

Следующей, что понял Джон Стар,— это то, что они находятся за пределами джунглей. Он лежал на спине, на небольшой ровной площадке, покрытой каким-то красивым растительным ковром, блестящим, с металлическим отливом. Внизу, поверх черных шипастых джунглей, он

разглядел маслянисто-желтое море, блестящую золотую простыню под низким и хмурым солнцем.

Над ним высилась черная гряда гор. Огромные пологие склоны были усеяны титаническими черными валунами и разбросанными иззубренными агатово-черными обломками. Острые циклопические пики образовывали барьер за барьером. И последняя зубчатая темная линия пиков упиралась в красное и туманное небо.

Джей Калам лежал рядом с ним на голубой траве, не приходя в сознание. Хал Самду и Жиль Хабибула были заняты разведением костерка у небольшого, плещущего потока, который пересекал площадку. Он с удивлением уловил запах готовящейся пищи.

— Что случилось?— спросил он и, преодолевая боль, уселся. Тело ныло от горящих ран, оставленных шипами джунглей.

— Ага, вот и ты, дружище, оказывается, пробудился, наконец,— ласково засопел Жиль Хабибула.— Да, дружище, Хал и бедный старик Жиль Хабибула вытащили вас обоих из смертельных джунглей, после того, как вы оба упали, обмотанные этими злобными щупальцами. Это было недалеко. Здесь, в долине, Хал швырнул свое копье в пасущееся на голубой траве маленькое существо, а я высек камнями искры и развел огонь.

Вот в чем дело, дружище. Вы выбрались из джунглей. Однако нам предстоит подняться, когда ты и Джей сможете двигаться, на эти смертельные горы и одна жизнь знает, какие жуткие кошмары лежат по ту сторону.

Ах, будь эта коварная пурпурная веревка чуть покрепче...

Смерть моя, дружище, эта жизнь слишком трудна для старого солдата, как Жиль Хабибула, который вполне заслужил, чтобы сидеть где-нибудь в мягком удобном кресле и прихлебывать винцо, чтобы сбросить со своего драгоценного старого сердца бремя грехов.

Он скосил свой рыбий глаз на сверток в кармане.

— Ах, да, одна смертельная бутылочка у меня есть. Но она должна дождаться своего часа, когда она действительно понадобится. Он придет, и достаточно скоро, на этом континенте коварных ползучих ужасов!

Когда Джей Калам и Джон Стар оказались способными двигаться, начали карабкаться на горный барьер, пробираясь через нагромождения колоссальных черных валунов. Они ползли вверх по отвесным каменистым склонам. Они преодолевали гряду за грядой и каждый раз встречали впереди еще более труднопроходимый склон.

Огромное алое солнце, которое служило им компасом, постепенно двигалось по мрачному пурпурному небу, всю долгую неделю их продвижения. Они часто голодали, часто испытывали жажду и постоянно — смертельную усталость. Воздух становился разряженнее и холоднее по мере подъема, и постепенно они перестали согреваться, что очень быстро привело к изнеможению.

Иногда они убивали маленьких животных, щиплющих голубую траву, и жарили их на привалах. Они пили из ледяных горных ручьев. Они мало спали, даже под светом солнца, и один из них постоянно был на страже.

— Мы должны идти,— все время настаивал Джей Калам.— Ночь не должна застать нас здесь. Это будет неделя тьмы и жуткого холода. Нам здесь ее не пережить.

Однако закат почти наступил, когда они преодолевали последнюю преграду. Они посмотрели на огромное плато, безжизненное, насколько хватало глаз, черное, мрачное, пустынное. Оно было загромождено черными камнями, вырванными и сброшенными сюда во время древнего вулканического катаклизма. Совершенно черная пустыня. В темнеющем небе висело гаснущее солнце, его зловещий диск уже был обкусан клыками черных утесов.

— Мы здесь, наверное, умрем,— сказал Джей Калам.— Но мы должны идти.

И они пошли, не в силах надышаться разряженным горным воздухом, а красный диск солнца медленно поглощался западным горизонтом, и холод усиливался.

НОЧЬ И ГОРОД РОКА

Часами, торопясь, они шли по черному плато, и все новые грозные предвестники надвигающейся ночи появлялись на небе. Перед ними опускался огромный купол солнца. Затем он исчез. В разлитых малиновых сумерках они вышли на край бездны.

Отвесные стены уходили вниз на добрую тысячу футов. Величественная расщелина пересекала плато, огромный, с отвесными стенами каньон, заполненный красным хмурым диском.

— Река,— показал Джей Калам,— а вдоль нее лес. Это означает, что там есть топливо, а может быть, и еда. Мы должны найти в обрыве пещеру. Нам надо спуститься.

— Спуститься?— фыркнул Жиль Хабибула.— Как заправские смертельные мухи?

Однако они нашли склон, выглядевший менее грозным. Джон Стар пошел впереди, перебираясь через груды осыпавшихся колоссальных черных камней, съезжая по россыпям, карабкаясь и спрыгивая с отдельных особо крупных обломков. Все они покрылись шрамами и ссадинами. Все они не жалели сил, ибо страшная ночь наступала быстро.

Лишь далекое малиновое сияние освещало небо между стенами каньона, когда, наконец, они достигли полоски черного леса на дне. Они тряслись от холода, ледяные кристаллы уже затягивали реку.

Пока остальные собирали хворост среди колючих деревьев, Жиль Хабибула развел огонь.

— Мы должны найти укрытие,— сказал Джей Калам.— Иначе мы не сможем здесь выжить.

С помощью факелов они осмотрели нависающую стену каньона. Джон Стар наткнулся на круглый, восемь футов в диаметре, туннель. Он закричал остальным и вошел, держа в одной руке пылающий факел, в другой копье. В воздухе остро пахло шерстью, и на песочном полу он обнаружил большие незнакомые следы. В конце туннеля была двадцатифутовая зала.

— То, что нужно!— воскликнул он, встречая на выходе остальных.— Какое-то существо пользовалось ею, однако теперь оно ушло. Мы можем наносить сюда хвороста, а затем закрыть вход.

— Смерть моя!— закричал Жиль Хабибула, осторожно шедший в хвосте.— Мы нарушили границы, и сюда направляется законный владелец.

Они услышали треск среди деревьев, словно кто-то поднимался от реки. Свет факела сверкнул в семи огромных желто-зеленых глазах, отразился алым от близко посаженной чешуи, от страшных клыков.

Зверь заметил их у входа в туннель. У них не было времени, чтобы выбрать — сражаться или нет. Джон Стар, Джей Калам и Хал Самду уперли черные длинные копья в землю, чтобы встретить нападающего. Жиль Хабибула заорал и спрятался за ними, подняв факел.

— Я буду вам светить!

Речное чудовище, которым оно, видимо, было днем, желало провести жуткую ночь в замороженном состоянии. Оно было похоже на змею, огромное как слон, покрытое твердой красной чешуей. Оно имело бесчисленное количество сегментов, а передний был вооружен жуткими бивнями.

Джон Стар направил острие упертого в землю копья прямо в бок бронированного рыла. С визгливым зловонным выдохом существо вздернуло голову, расколов древко о потолок. Черный язык, утыканный жесткими иглами, метнулся к нему. Он увернулся слишком поздно. Язык обхватил его за плечи, пронзив одежду и плоть, и потянул его, вертящегося, к чернозубым распахнутым челюстям.

Он ударил факелом по семи глазам, которыми была усажена бронированная голова, а потом ткнул факелом в жаркую разверстую пасть.

Монстр опять заорал. Язык заметался, бросая его из стороны в сторону по туннелю. Он потащил его снова, бесчувственного, истекающего кровью, парализованного, в черное зловонное горло.

За ним метнулось копье Хала Самду, глубоко вонзившись в неба разверстой пасти. Джон Стар едва замечал гигантскую дубину, обрушивающую гигантские удары на семь глаз и бронированную голову. Затем он увидел смыкающиеся черные клыки.

Когда он пришел в себя, плечо было перевязано. Он лежал у огня в пещере. Остальные были заняты тем, что носили хворост. Огромные куски мяса из гигантской туши лежали у входа.

— Снаружи, ужасно холодно, дружище,— информировал его Жиль Хабибула.— Кругом снег, и в каньоне ревет злобный буран. Река уже подо льдом. Бедный старый Жиль слишком слаб для такой жизни, помилуй боже его дорогие старые кости. Убивать чудовищ-драконов в дебрях мира, где людям ни в коем случае нельзя находиться.

Даже пока они сидели в пещере у огня, долгая ночь дотягивалась до них жестокими пальцами. Когда, наконец, после долгой мрачной битвы с безжалостным холодом они вышли вновь наружу, то увидели, что река течет быстро и свободно, пополненная талым снегом. Она поднялась почти до входа в пещеру.

— Нам нужно построить плот,— сказал Джей Калам.— И плыть по реке до города медузиан.

С помощью импровизированного инструмента они торопливо прилаживали друг к другу бревна. Медленное солнце уже достигало зенита, когда они спустили неуклюжее судно в ревущий поток, чтобы начать путешествие к черному и неведомому городу на западном побережье.

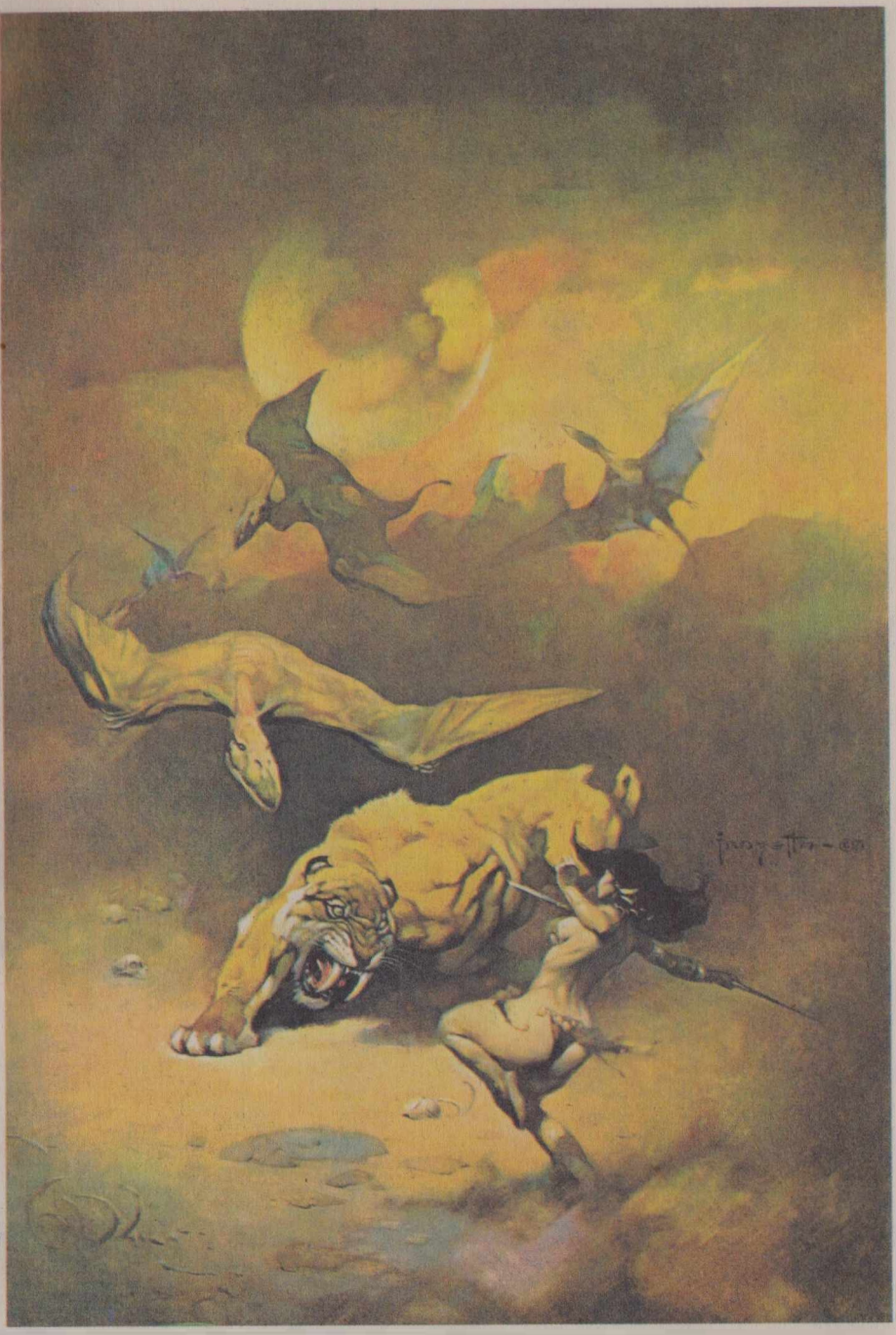
Четыре плота, смонтированные тяжкими трудами, они потеряли. Два разбились о камни, оставив их выбираться по мере сил из ледяных струй на берег. Один был поврежден зеленым ящероподобным водным животным. Еще один они покинули в последний момент, прежде чем он рухнул с огромного водопада.

Последствия красного газа в атмосфере были не столь внезапны и жестоки, как боялся Джон Стар. У всех развился кашель, но и только. Он начал подозревать, что Адам Ульмар преувеличил опасность.

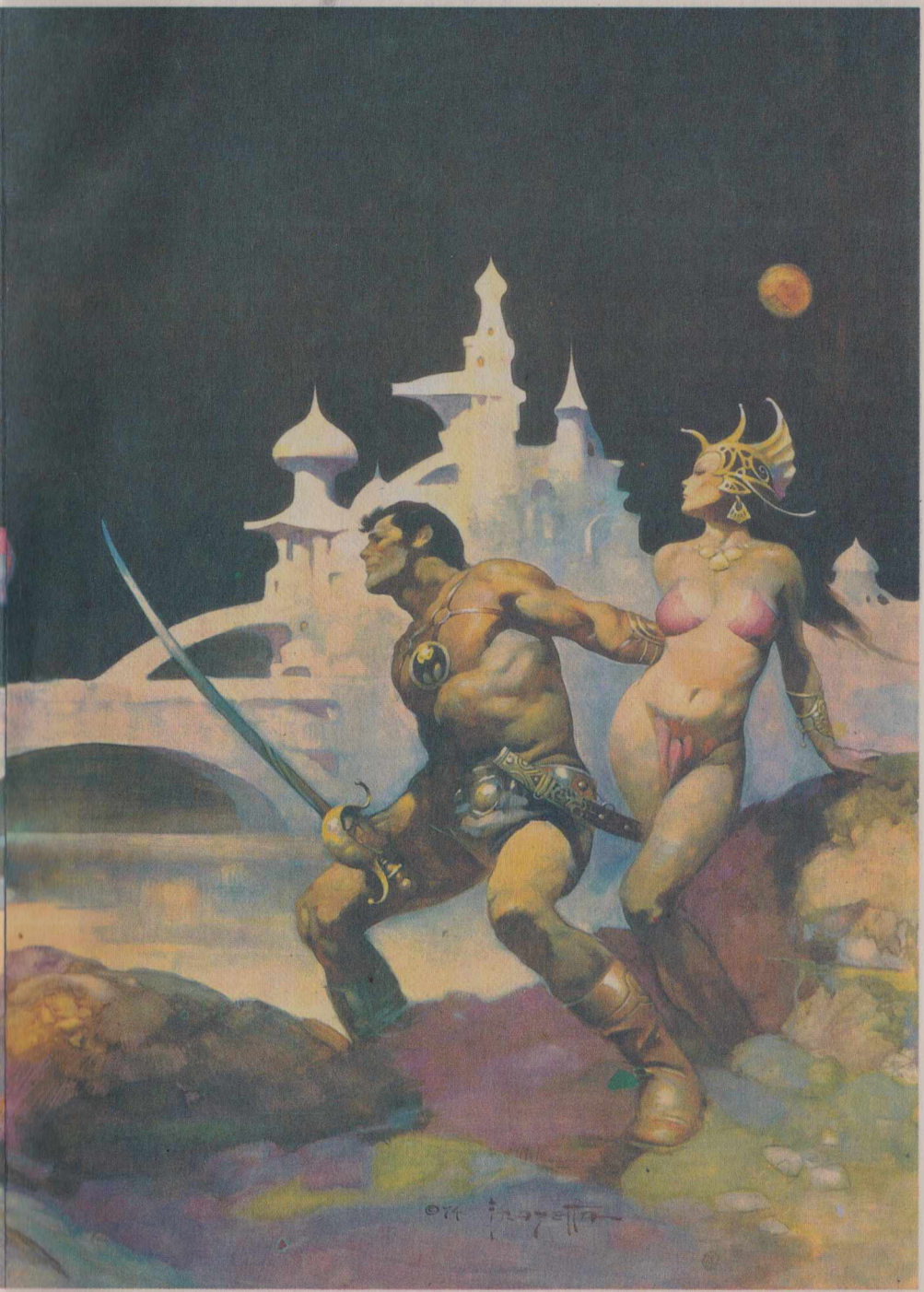
Дни длиной в неделю сменялись снежными свирепохолодными ночами, когда они вытаскивали плот и выходили на берег — сражаться за еду и тепло.

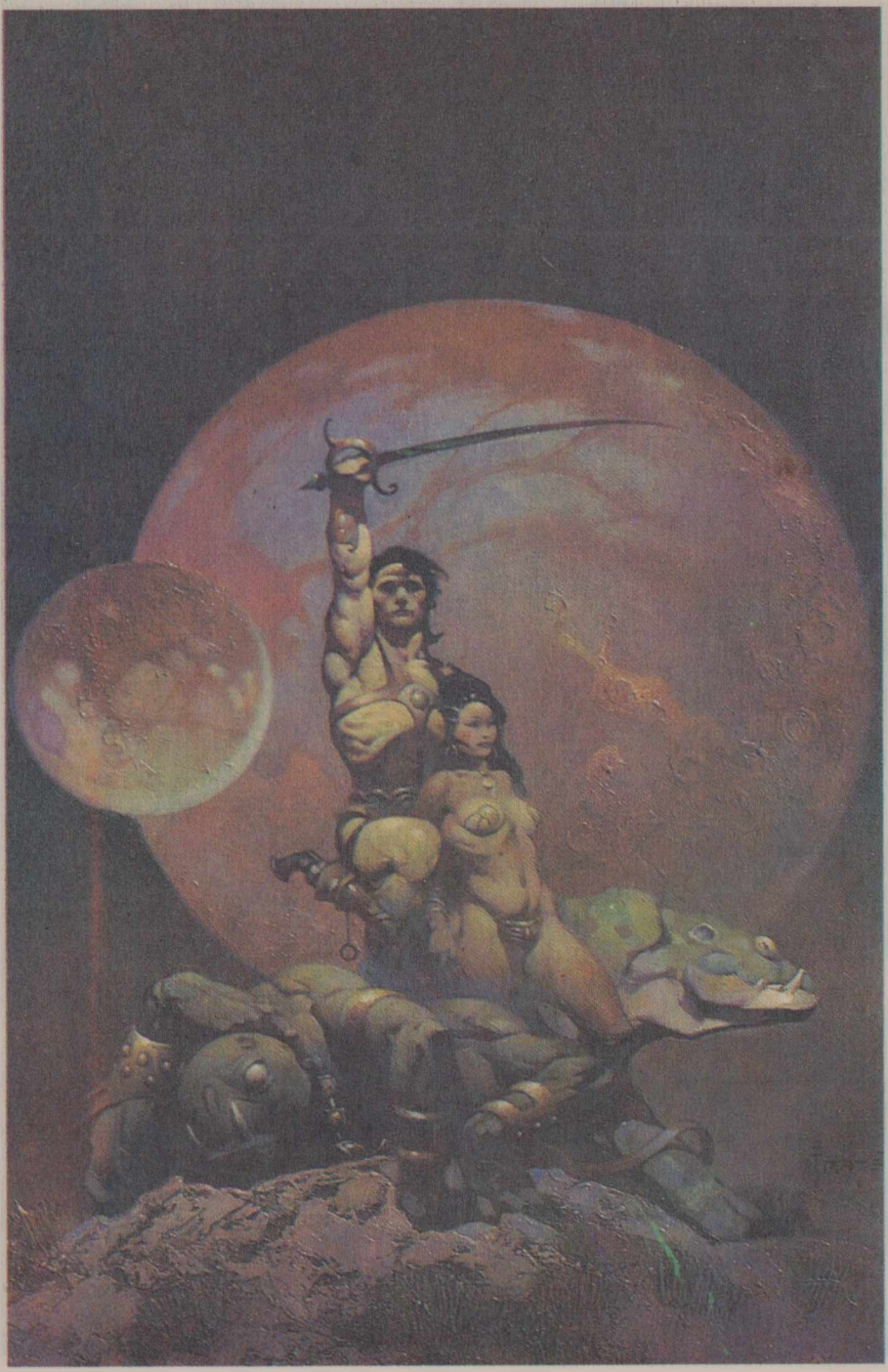
Ниже грохочущего водопада каньон превратился в циклопическое ущелье, река бежала между черными бескрайними стенами в вечном красном сумраке. Затем они выбрались в более полноводный поток, который понес их прочь от гор по бесконечной равнине. В течение вечных дней они плыли между низкими каемками черной растительности — растениями, которые погибали во время страшных ночей и удивительно быстро росли днем.

Река становилась шире, глубже. Желтые струи неслись быстрее. Зловещие грозные джунгли вдоль берегов разрастались все выше, животная

жизнь в воде, джунглях и воздухе становилась все крупнее и агрессивнее. С помощью огня, лука и кулака им много раз приходилось драться за владение плотом. Они превратились в четверых худых жестких мужчин — даже Жиль Хабибула представлял собой кожу и кости и постоянно жалобно протестовал. Черные от пребывания под открытым солнцем, истрепанные, неухоженные, косматые, покрытые множеством ран. Однако они приобрели железную выносливость, опять обрели храбрость и полностью доверяли друг другу.

Сквозь все преграды Жиль Хабибула пронес бутылку вина. Он защищал ее, когда на лагерь напало огромное летучее существо с блестящими крыльями, подобными сапфировым простыням. Существо это пыталось добраться до их тел смертоносным хлещущим жалом. Он нырял за нею, когда зеленое речное существо разрушило плот. Много раз он поднимал ее к малиновым небесам, глядя с тоскливым ожиданием в рыбьих глазах.

— О, жизнь моя милая, да сейчас каждый глоток ее на вес золота!— сопел он жалобно.— Но, когда оно кончится, больше не будет — ни капельки вина на всем этом злом континенте. Нет, я должен сохранить его до того времени, когда оно действительно понадобится.

Однажды они плыли, держась середины реки, уже большой, могучей желтой артерии шириной в десять миль. Вдоль берегов высились жуткие стены черных джунглей. Барьеры фиолетовых шипов с цветами, оплетенных смертоносными пурпурными лианами. Участки высоченного тростника, который хлестал все движущееся подобно живым мечам. Гигантские деревья, покрытые черным мхом, который был кровососущей смертью. Над джунглями нависало низкое сумрачное небо, красное солнце зловеще торчало на западе.

Хал Самду, который стоял впередсмотрящим, вдруг заорал:

— Город, вот он!

Он возвышался, словно еще одна черная гора, смутный в красном сумраке, настолько колоссальный, что не хотелось верить глазам. Его гладкие стены поднимались над джунглями, уходили в бесконечность, а на них опирались эбеновые башни, вздымавшиеся ввысь. Черный метрополис, спроектированный безумцами и построенный гигантами.

Благоговейный страх, душезавораживающее изумление охватили четырех потрепанных мужчин на плоту, глядевших на город, ради которого им пришлось пересечь бездну космоса и свирепый континент. Они задрали головы, ошеломленно глядя на титанические механизмы, располагающиеся на стенах.

— Аладори,— пробормотал наконец Хал Самду.— Она там.

— Так считает Адам Ульмар,— сказал Джей Калам.— В этой самой высокой центральной башне. Видите ее? Она едва видна в красном небе, она высится над остальными.

— Да, я ее вижу. Но как нам туда добраться?

— Что толку от моей дубины против механизмов на стенах? Мы не более чем муравьи!

— О, вот правильное слово, Хал! Мы — ничто иное, как ничтожные ползучие муравьи. А что до меня, то мне кажется, эти коварные стены в высоту не меньше мили, а эти злые башни и ужасные механизмы поднимаются над ними на добрые полмили. Ничто, как глупые маленькие муравьи! Разве что... крошечные муравьишки могут подниматься на стены!

Остальные хранили молчание. Они смотрели поверх желтого ревущего покрова воды, поверх темного барьера джунглей на черную, невообразимую массу города, высящуюся против неба. Джей Калам был серьезен и задумчив. Джон Стар рисовал в воображении девушку Аладори, как в тот раз, когда он видел ее — серые глаза сдержанно-холодные, волосы — солнечное сияние в коричнево-красно-золотых тонах. Неужели эта тихая свежая красота все еще существует, подумал он, взаперти среди этой массы зловещего металла!?

Могучий поток нес их. За поворотом они увидели нижнюю часть черных стен, круто поднимающихся над желтой рекой. Вздымающийся вверх на целую милю, вертикальный несокрушимый барьер из черного металла.

Проходили часы, и желтая река несла их. Город прорезался в сумрачном тумане, все более жуткий. Он заполнил половину красного неба, отливая черным металлом. Титанические механизмы, увенчивающие его, хмуро смотрели вниз, грозя неведомой смертью. Физически ощутимая атмосфера ужаса висела над неземным метрополисом, чувство злой власти и враждебной силы, древней мудрости и чудовищной науки, родившейся еще до того, как появилась Земля.

Четыре оборванных существа на плоту глядели на эти стены с безнадежным ужасом. Их умы парализовала одна лишь мысль о том, что, если их жалкие умы не спасут заключенную здесь девушку, создатели этой горы черного металла отдадут человечество его року.

Поначалу город казался необитаемым — мрачный некрополь, слишком старый для какой-либо жизни. Однако внезапно они заметили над стенами движение. Черный корабль-паук простер титанические лопасти и медленно поднялся с высокой площадки, чтобы исчезнуть в красном небе на востоке.

— Мы должны замаскироваться,— сказал Джей Калам.— Они могут наблюдать.

Он велел остальным укрыть плот под сломанными ветвями, чтобы походить на плавник, и река несла их к могучей стене. Они смотрели вверх в благоговейном молчании, когда Хал Самду закричал:

— Смотрите! Они движутся над стенами!

И остальные ясно различили существа, которые двигались, казавшиеся маленькими с расстояния во много миль. Древние хозяева этой старой планеты.

Джон Стар мельком видел на Марсе одного из медузиан. То создание в гондоле, свисавшей с черного корабля, чье оружие сбило его с ног.

Выпуклая зеленоватая поверхность, влажно дышащая. Огромный овальный глаз, светящийся и пурпурный. Но эти были первыми, которых он увидел целиком. Они дрейфовали над стеной, словно маленькие зеленые аэростаты. Глаза их были крошечными темными точками в выпуклых боках. Каждый медузианин имел по четыре глаза, размещенные по кругу на равном расстоянии друг от друга. От нижнего круглого глаза, словно веревки, предназначенные для передвижения аэростата, свисал пучок черных хлыстоподобных щупалец.

Джон Стар увидел сверхъестественное сходство с куполовидными, обладающими пучками щупалец существами, благодаря которым эти создания приобрели имя медузиан.

Издалека они не выглядели внушительно. Была в них некоторая гротескность, медлительность, неуклюжесть. Они не казались разумными, хотя в том, как они двигались, явно по собственной воле перемещаясь над черными стенами, были сила и тайна, вызывающие уважение. Сознание того факта, что они были строителями этого черного метрополиса, давало основание для благоговения и ужаса.

Плот плыл, пока не оказался в тени черной стены. Гладкий металл круто уходил к зениту, скрывая механизмы и парящих медузиан. Плот врезался в твердый металл в том месте, где он поднимался из воды. Затем бурлящий поток оттащил его назад.

— Надо высадиться,— сказал Джей Калам,— на краю джунглей, у стены.

Они разбросали маскировочные ветки и ухватились за длинные шесты. Они старались подтолкнуть плот к берегу в том месте, где река поворачивала вспять от металлической твердыни.

ЖИЛЬ ХАБИБУЛА И ЧЕРНАЯ НАПАСТЬ

Они покинули плот, когда тот коснулся дна, прихватив с собой лишь свое грубое оружие, а Жиль Хабибула свою бесценную бутылку вина. Хал Самду стоял на мелководье, сомкнув гигантскую ладонь на дубине и глядя на темную преграду, роняющую тень на черные джунгли. Глядел, беспомощно качая головой.

— Как?..

— Найдется способ,— пообещал Джей Калам, хотя даже его уверенности, похоже, слегка поубыло.— Прежде всего надо пойти через джунгли.

Они атаковали живую стену, вступив в схватку со смертью, подстерегающей за ней. Острые, как когти, отравленные шипы. Кровососущий мох. Свернувшиеся щупальца пурпурных лиан. Цветы со смертоносным запахом. Животная смерть, которая подползала, набрасывалась и налетала. Однако четверым мужчинам уже довелось пройти суровую школу, с этими джунглями они имели дело на равных. С дюжину часов плавания в засасывающей грязи или в рубке смертоносных лиан, или в ползании между частоколом ядовитых шипов, или в отпугивании поднятым кинжалом или нацеленным копьем голодных существ, которые выскакивали из зарослей, поднимались из грязи или падали сверху, и они вышли с берега реки на возвышенность, а Жиль Хабибула по-прежнему нес свою бутылку вина.

Поблизости, справа от них, высилась стена, крутая и черная, могучая, уходившая на милю вверх. Равнина, на которой они оказались, простиралась влево, покрытая местами травой с красивыми листочками, отливающими металлической яркой голубизной. В туманной дали она постепенно переходила в голубые холмы. От голубых холмов к черному городу шел акведук.

Задумчивые глаза Джея Калама изучали прямой канал из гладкого черного металла длиной во много миль, который проходил от холмов к черному городу по древним, высоко поднятым аркам.

— Один шанс,— сказал он серьезно.— Надо попробовать.

Они зашли в джунгли, чтобы скрыться из виду, прошли двадцать миль и поднялись на голубые холмы. Там они поели, поспали, но оставалось еще много часов до заката, когда они оказались на огромной дамбе из черного металла под резервуаром.

Поблизости не было охранников, однако они пробирались по дамбе очень осторожно. Они быстро вскарабкались на мокрые стены и через ограждение из черного металла, наконец, выбрались на край незакры-

того сверху канала. Внизу ревел холодный чистый поток из трехфутовой ширины резервуара, темный и глубокий.

— Вода,— лаконично заключил Джей Калам,— подается в город.

Он нырнул. Остальные последовали за ним, оставив все, кроме шипов-кинжалов.

Чистый ледяной поток нес их по черному каналу. Могучая дамба осталась позади, стены города приближались, готовясь встретить их. Они держались на плаву в несущем их желтом потоке и старались сохранить дыхание.

Впереди, в черной стене, появилась крошечная арка. Она становилась все больше и внезапно поглотила их. Они оказались в ревущей мгле. Арка обрамляла кусочек малинового неба, быстро уменьшавшийся. Затем быстрый поток нес их в полной темноте.

В ушах барабанил гром, все усиливающийся и оглушающий.

— Водопад,— предупредил Джей Калам. Крик его был унесен прочь. Они влетели в круговорот бушующей воды. Ревущие струи терзали их, безжалостное течение тащило на дно. Свирепые водовороты вращали их среди душившей пены. И все это в ревущем мраке.

Джон Стар хватал ртом воздух, задыхаясь в ревущей пене. Он боролся с водоворотом, утягивающим его вниз. Непреодолимое давление сокрушало тело. Он чувствовал боль удушья. Он отчаянно пытался выплыть, а дикая вода издевалась над ним. Она выбрасывала его вверх и опять вытаскивала вниз.

Когда он вынырнул во второй раз, он сумел остаться на плаву. Он поплыл прочь из хаоса водопада. Он выплыл в огромный пещероподобный резервуар, совершенно темный. О его огромных размерах он мог догадываться лишь по грохоту, отражающемуся от потолка.

Плывя, он кричал и услышал, как с несомненной радостью плаксиво засопел Жиль Хабибула:

— О, дружище, ты выходит, вынес все это! Это было ужасное время, дружок! Страшное дело, дружище, нырять среди этих ужасных водопадов в коварной тьме.

Но я все же сохранил мою драгоценную бутылочку винца!

Потом их окликнул Хал Самду, чуть позже они наткнулись на Джея Калама. Все они поплыли прочь от грохота и, наконец, оказались у края резервуара. Он был скользкий, металлический, недоступный для подъема.

— Ах, теперь мы должны утонуть, как столь многие котята в жалком ведре!— захныкал Жиль Хабибула.— После всех этих жутких напастей, которые мы претерпели!

Они плыли вдоль скользкой стены, пока не наткнулись вслепую на большой металлический буй с прочной цепью над ним. Должно быть, сказал Джей Калам, это был механизм, который измерял уровень воды в резервуаре. Они пролезли вверх по цепи.

Наконец, она привела их, измученных, с кровоточащими руками, к огромному барабану, на который была намотана. Здесь они увидели незначительный просвет и поползли к нему по огромной оси барабана, мокрой, скользкой от сконденсированной влаги.

Пробираясь по уходящему, казалось, в бесконечность валу, они обнаружили маленькую круглую дыру в крыше резервуара... Должно быть она была оставлена для ремонта. Они пролезли сквозь нее. Жиль Хабибула застрял и оставался там, пока остальные не вытащили его, и здесь, на крыше резервуара, они уже оказались, несомненно, в городе.

Они стояли на нижнем краю конической черной металлической крыши, на головокружительной высоте в две тысячи футов, и склон был чрезмерно крут. Стоя здесь, на опасном краю, Джон Стар испытал умопомрачительный шок, порожденный кошмарной непривычностью окружающего. Он стоял в замешательстве. Здания, башни, трубы, резервуары — все это возвышалось над ним, словно черный фантастический лес напротив мертвенно-бледного неба, завораживающе-колоссальный. Самые высокие строения тянулись, как он установил, на две мили в высоту. Если этот черный метрополис чудовищных медузиан имел порядок либо планировку, то он не мог уловить ничего из этого. Черная стена окружала правильный многоугольник, невообразимо и полностью сбивало с толку.

Там не было улиц, лишь разверстые пещероподобные бездны между гороподобными черными строениями. Медузианам не нужны были улицы. Они не ходили, они летали! Двери открывались в пустое пространство не ниже, чем в десяти тысячах футов от поверхности. Громадные черные здания не имели единой высоты и формы. Некоторые были квадратными, некоторые — цилиндрическими или куполообразными, некоторые — террасовидными, некоторые, подобно резервуару, на котором они стояли,— крутосклонными. Повсюду среди них находились удивительные машины невообразимого предназначения, за исключением тех, что явно были летательными аппаратами или межзвездными кораблями, причаленными к посадочным площадкам,— но все черные, уродливые, колоссальные. Страшный инструментарий науки, более старой, чем жизнь на Земле.

Четверо мужчин стояли некоторое время в полном замешательстве, забыв об осторожности.

— Проклятие моим драгоценным глазам!— простонал Жиль Хабибула.— Ни улиц, ни земли, ни ярусов — лишь путаница коварного черного металла. Мы не сможем сдвинуться с места, пока не раздобудем какие-нибудь жалкие крылья.

— Должно быть, это центральная башня,— сказал Джей Калам.— Черный форт, о котором говорил командор Ульмар. До него еще мили.— Он показал на зловещее внушительное строение, что высилось в красноватой и сумрачной дали словно гора черного чужеродного металла, на посадочных площадках которой находились колоссальные корабли-

пауки и огромные машины непонятного назначения, выпирающие из ее хмурых стен.

Устало и безнадежно он покачал головой.

— Надо вернуться,— прошептал он,— и спрятаться до заката.

— Или эти чудовища,— пообещал Жиль Хабибула,— увидят...

— Одно, по-моему,— вмешался Джон Стар,— уже увидело.

Пожалуй, сотни хозяев города были видны им с того момента, как они поднялись на крышу. Зеленоватые полусферические купола плыли над черным металлом, темные щупальца трепетали. Все они были далеко и казались незначительными по сравнению с плодами своих трудов. Однако сейчас один из них внезапно поднялся над острием конической крыши.

Жиль Хабибула нырнул в дыру, через которую они вылезли. Он застрял. Прежде чем остальные успели помочь ему, медузианин оказался у них над головами.

Размеры его были поразительными. Те, что парили вдали, по сравнению с ним выглядели крошечными. Зеленый купол, влажный и медленно пульсирующий, был в длину двадцать футов. Висящие щупальца были в два раза длиннее. Он был бесконечно ужасным. Огромный сгусток, желевидный и скользкий, прозрачный, зеленый. Пучки свисающих щупальцев, медленно извивающихся, сильных и очень красивых, несомненно, с точки зрения их владельца.

Глаза Горгоны!

Вытянутые овальные колодцы пурпурного пламени. Во весь глаз зрачок, окаймленный мохнатой черной мембраной. Озера холодной и безжалостной мудрости, состарившейся еще тогда, когда Земля была молодой.

Джон Стар вообще-то не превратился в камень, хотя первобытный ужас при этом пурпурном взгляде парализовал его члены резким холодом, замедлил сердцебиение, покрыл его потом. Онемев от страха, они стояли неподвижно, а щупальца обвивались вокруг них, вырывали шипы-кинжалы из бесчувственных рук и выдергивали Жиля Хабибулу, словно пробку из бутылки. Они были подняты и слабо сопротивлялись в жестких тонких щупальцах.

— Мое смертельное вино!— задыхался Жиль Хабибула.

Бутылка выпала из его кармана. Словно сливовая косточка, она полетела в бездну. Ей предстояло падать две тысячи футов.

— Моя несчастная бутылочка вина!— И он захныкал в кольцах щупальцев.

Движимое неизвестной им силой, непонятно как преодолевая гравитацию, существо взмыло вместе с ними над титаническим черным беспорядком города и полетело в направлении — Джон Стар отметил это с мрачным удовлетворением — черной цитадели.

Они боролись с ужасом, парализовавшим их.

— Что-то с мозгом,— прохрипел Джей Калам, когда их уносили.— Эта сила, о которой мы не подозревали, заставляет чувствовать собственное ничтожество.

Существо принесло их к громадному зданию, влетело в открывшиеся над пустотой двери в пяти тысячах футов над землей. Оно пронесло их через колоссальный, освещенный зеленый холл, сунуло в прямоугольное отверстие в полу и бесцеремонно выронило.

Ползая в комнате площадью двадцать квадратных футов, с черными стенами, они обнаружили подле себя человека. Или то, что когда-то было человеком. Изнуренный, оборванный, он спал лицом вниз, глубоко, с хрипом, дыша. Джон Стар, после того, как медузианин скрылся за отверстием, закрывшимся наверху, потряс его.

Немой лихорадочный ужас загорелся в красных глазах на бледном изнуренном лице.

Он испустил пронзительный хриплый визг болезненного ужаса и вцепился в диком безумном страхе в руку Джона Стара, а сам Джон закричал, ибо этим существом был Эрик Ульмар, красивый надменный офицер, который намеревался стать императором Системы, а стал этим скорченным жалким ничтожеством.

— Пощади меня! Пощади меня!— Голос его был тоньше и пронзительнее, чем обычный человеческий.— Я сделаю, что ты попросишь. Я сделаю все на свете! Я заставлю ее выдать тайну. Я убью ее, если захочешь. Однако я не могу оставаться здесь больше. Выпусти меня!

— Мы не причиним тебе вреда.— Джон Стар попытался успокоить дрожащую тварь, закашлявшуюся от собственных криков.— Мы люди. Мы тебе не повредим. Я Джон Ульмар, ты меня знаешь.

— Джон Ульмар?— Красные лихорадочные глаза уставились на него, и в них внезапно появилась яростная надежда.— О да, ты Джон.

Дрожащая тварь, внезапно всхлипнув, вцепилась в его плечо.

— Медузиане!— в этом вопле была сверхчеловеческая обида.— Они нас провели! Они уничтожат человечество!

Они бомбят Систему красным газом, который пожирает человеческие тала и сводит с ума. Они уничтожают человечество.

— Аладори?— спросил Джон Стар.— Где она?

— Они заставили меня пытать ее,— хныкал жалобный дикий голос.— Им нужна ее тайна. Им нужна АККА! Однако она не сказала! И они не хотят подарить мне смерть, пока она не скажет! Они не дают мне умереть!— взвизгнул он.— Они не дают мне умереть!

Но, когда она скажет, они убьют всех нас.

В ЛОВУШКЕ

— Моя несчастная бутылочка вина!— жалобно хныкал Жиль Хабибула.— Я вынес ее с утонувшего крейсера. Я пронес ее сквозь шипастые джунгли. Я перенес ее через высокие горы. Целый месяц я берег ее на плоту. Я рисковал своей смертельной жизнью, чтобы спасти ее, сражаясь с коварным летучим чудовищем. Я нырял за нею в ужасные пучины желтой реки. Я чуть не утонул с нею в водопаде за акведуком.

Единственная бутылочка вина на всем этом черном и чудовищном континенте!

Рыбьи глаза заволокло туманом, а туман уступил место дождю слез. Он опустился на металлический пол камеры, словно подкошенный.

— Бедный старый Жиль Хабибула, одинокий, брошенный, преданный старый солдат Легиона! Обвиненный в пиратстве, преследуемый, словно крыса, за пределами своей родной Системы, пойманный, словно смертельная крыса, в коварную мышеловку, чтобы подвергнуться пыткам и быть убитым чудовищем черной звезды.

И, о, господи, даже этого недостаточно! Я пронес эту бутылочку сквозь омерзительные пучины бед и лишений. Я держал ее против света очень много раз, о том знает сладкая жизнь, и старый мой рот увлажнялся. Всегда я берег ее на случай большой нужды. Да-да, именно для такого случая смертельной необходимости, как сейчас.

И она упала! Упала с двух тысяч ужасных футов. Каждая ее драгоценная капелька! Пропала! Ах, бедный Жиль Хабибула!

Голос его прерывался катаклизмами печали, землетрясениями вздохов и бурями слез.

Джон Стар снова допросил Эрика Ульмара. Он заснул, этот измученный человеческий обломок. Его тощее изнуренное тело было полностью измотано взрывом истерии. Когда он проснулся, он был спокоен и, погрузившись в апатию, говорил хмурым усталым голосом:

— Медузиане намерены оставить эту планету. Они долго боролись, чтобы поддержать жизнь в своем родном городе. И они делали чудеса. Создали красный газ, чтобы удержать атмосферу от замерзания, и грабили другие миры, чтобы возместить истощенные собственные ресурсы. Но теперь они вступают в финальную битву, потому что умирающая планета притягивается к гаснущей звезде.

Даже им не остановить ее. Им приходится уходить.

— Они уже основали форпост в Системе, ты говоришь?

— Да,— продолжал он с безжизненной монотонностью.— Они уже покорили земную Луну. Они генерируют на ней новую атмосферу, заполняя ее красным ядовитым газом, и они строят на ней крепость из чер-

ного сплава, который они используют вместо железа. Там будет база против Земли.

— Но Легион?!

— Конечно, Легион Пространства уничтожен. Последние дезорганизованные остатки его были распылены в тщетной атаке на Луну. Зеленый Холл тоже прекратил существование. В Системе не осталось организации. Ей нечем защищаться. Из форта на Луне медузиане несут гибель всей человеческой расе.

Они обстреливают огромными снарядами, заполненными красным газом, Землю и все остальные человеческие планеты. Постепенно концентрация газа в атмосфере увеличивается. Вскоре люди повсюду будут безумны и начнут заживо гнить.

Я знаю, что лишь немногие из медузиан отправились в Систему, однако их огромный флот уже сформирован и оснащен, и готов нести мигрирующие орды, которым предстоит оккупировать наши покоренные планеты.

В поведении Эрика Ульмара произошла перемена. В начале голос его представлял тонкий истерический визг. Теперь же можно было расслышать мрачные тона. Лицо его по-прежнему хранило былую красоту под золотистыми волосами, хотя, измученное, морщинистое, грязное, оно стало теперь опустошающе-спокойным. Он говорил о планах медузиан с равнодушием, почти механически, словно судьба Системы его больше не касалась.

— А Аладори?— спросил Джон Стар.— Где она?

— Она заперта в соседней камере, рядом с нами.

— Рядом с нами!— выдохнул Хал Самду, хрипя от радости.— Так близко!

— Но ты говорил, что подвергли...— Джон Стар не мог сдержать болезненного вздоха и гнева в голосе,— подвергли пыткам?..

— Медузиане хотят знать ее тайну,— последовал безжизненный невыразительный ответ.— Им нужны чертежи АККА. Поскольку они не могут общаться с ней непосредственно — она не знает кода,— ведь они заставляют меня пробовать вытянуть из нее секрет. Однако она не сказала.

Мы использовали различные способы.— Голос его стал тихим.— Запугивание, гипноз, боль.— Но она не сказала...

— Ты...— прохрипел Хал Самду,— ты... зверь... трус...

Он бросился к нему через всю камеру, яростно стиснув громадные кулаки.

Эрик Ульмар метнулся прочь, заорав:

— Не надо! Не подпускайте его ко мне! Я не виноват. Они пытали меня! Я не выдержал! Они пытали меня! Они не дают мне умереть!

— Хал!— серьезно запротестовал Джей Калам.—Это ничего не изменит. Мы должны узнать то, что он сможет нам рассказать.

— Но он...— задыхался гигант,— он пытал Аладори.

— Я знаю, Хал,— вздохнул Джон Стар, удерживая его за руку, хотя и сам разделял его свирепый импульс уничтожить это уже нечеловеческое существо.— То, что он расскажет, может помочь нам спасти ее.

Он повернулся к Эрику Ульмару.

— Ты говоришь, в соседней камере? Здесь есть стража?

— Не давайте ему прикасаться ко мне!— последовало жалкое безжизненное хныканье.— Да, один из медузиан всегда дежурит в большом холле наверху.

— Если мы сможем пройти мимо стражника, отсюда есть выход?

— Ты имеешь ввиду выход в город?

— Да,— произнес Джей Калам, и в его тихом спокойном голосе была удивительная уверенность.— Мы намерены бежать. Ты поможешь нам вывести ее из города и смонтировать ее оружие. Затем медузианам придется подчиниться нам, если мы не решим стереть этот город с лица планеты.

— Нет, вам никогда не выбраться из города,— тихо ответило забитое существо.— Вам не выбраться из холла. Он открывается в шахту глубиной в милю. Это просто голая крутая стена за дверью. Даже если вы спуститесь, вам не пройти через город. У медузиан нет улиц. Они летают.

Однако об этом бесполезно даже говорить. Вам ни за что не выбраться из камеры. Даже Аладори вы не сможете выпустить. Скользящие решетки заперты. Вы — безоружные узники, а еще надеетесь выкрасть что-нибудь у медузиан, стерегущих свою самую мощную твердыню.

Голос его утонул в мрачном сожалении.

Беспокойный, словно пойманный в капкан зверь, Джон Стар осмотрел помещение.

Пустая металлическая камера, квадратная с небольшой площадью. В десяти футах над головой было прямоугольное отверстие, через которое их сюда бросили, забранное скользящей решеткой с мелкими ячейками. Из тусклого просторного холла наверху сквозь решетку просачивался зеленый свет. Глаза его, искавшие какое-либо оружие или просто что-нибудь, что могло бы помочь им бежать, не обнаружили в камере ничего, что можно было бы сдвинуть. Это была просто кубическая коробка из неизменного черного сплава.

Хал Самду бегал рысью взад-вперед по твердому голому полу, глаза его, горящие как у загнанного зверя, иногда свирепо смотрели на Эрика Ульмара.

— Вам никогда не выбраться из этой камеры,— настаивал ровный нечеловеческий голос,— потому что вскоре вас убьют. Они вернутся, чтобы заставить меня вновь попытаться получить чертежи от Аладори. Она скажет на это раз. Они приготовили луч, который жжет, причиняя боль как от контакта с огнем, и при этом убивает очень нескоро. Но как только она расскажет, они обязательно нас прикончат. Они обещали подарить мне смерть, когда она признается.

— Тогда,— яростно пробормотал Дон Стар,— мы должны выбраться.

Хал Самду ударил кулаками в черную стену. Стена ответила тяжелой глухой вибрацией, меланхоличным рокотом рока. Он стер кровь с суставов.

— Вам не выбраться,— ныл Эрик.— Замок...

— Один из нас обладает известной сноровкой,— сказал Джей Калам.— Жиль, ты должен открыть решетку.

Жиль Хабибула стал на ноги в углу камеры, вытирая слезы с рыбьих глаз.

— О да,— простонал он более легким тоном.— Один из нас обладает известной сноровкой.— Случилось так, что его отец конструировал замки, однако даже ему потребовались годы упорных упражнений, чтобы превратить увлечение в искусство.

Жалкая сноровка! О, драгоценная жизнь знает, что ей никогда не воздавалось должное. О, я, несчастный! Менее достойные, чем я, люди добивались богатства, почестей и известности, не обладая и половиной моего гения и десятой долей навыка. И этот талант, и это огромное количество затраченных усилий принесли бедному старому Жилю Хабибуле лишь забвение, бедность и неблагодарность.

Смерть моя! Не будь этой сноровки, я ни за что не оказался бы здесь, не гнил бы в руках бесчисленного множества жутких чудовищ, готовящих мне пытку или смерть! О нет! Если бы не это дело на Венере двадцать лет назад, я бы ни за что не оказался в Легионе. Именно сноровка и соблазнила меня... Она, да еще известность одного погреба с вином...

Бедный старый Жиль, приведенный своим гением к болезням, истощению и смерти.

— Но сейчас появился шанс возместить эти потери с помощью твоего искусства. Ты можешь открыть замок?— спросил Джон Стар.

— О, дружище! Зачем ты ко мне так несправедлив? Будь я художником, поэтом, жалким музыкантом, ты ни за что бы ни стал усомняться в силе моего искусства. При моем гении она прогремела бы в системе от края и до края. О, дружище, такова выходит моя горькая участь!

Раз уж даже ты, дружище, усомнился в моем гении.

Огромные слезы брызнули на нос.

— Давай, Жиль!— закричал Джей Калам.— Покажи ему!

Они втроем подняли Жиля Хабибулу, что на этот раз оказалось гораздо проще, нежели в предыдущие. Так что он смог добраться до железного забрала в десяти футах над полом.

Он посмотрел на черный ящичек замка, ощупал его необычайно уверенными, необычайно деликатными пальцами. Он прислонился ухом к замку, постучал по нему, сунул руку сквозь решетку и, прислушиваясь, что-то сдвинул.

— Мои смертельные глаза,— наконец, жалобно вздохнув, сказал он.— Я никогда не встречал столь хитроумного замка. Он комбинированный. Ящичек удивительно крепок, и некуда вставить инструмент, чтобы проверить его, и эта коварная штука вместо цилиндров содержит рычаги. Никогда не встречал такого замка в Системе.

Он опять внимательно прислушался к слабому щелканью в замке, прижимая подушечки пальцев то тут, то там, выявляя где вибрация выдает внутренний механизм.

— Проклятие моим бедным старым костям!— пробормотал он.— Умнейшая, новейшая идея! Если бы я смог вернуться в Систему, патенты на нее дали бы мне те известность и благополучие, которых я был незаслуженно лишен. Это замок, который способен бросить вызов гению даже Жиля Хабибулы.

Внезапно он судорожно вздохнул.

— Опустите меня! Приближается ужасное чудовище!

Они опустили его на пол. Наверху, над решеткой, появилась огромная зеленая полусфера. Грубая масса блестящей скользкой просвечивающей плоти. Пульсирующе-странной, замедленной жизни. Огромный овальный глаз уставился на них со столь жуткой силой, что Джон Стар почувствовал себя так, будто он читает у них в умах.

Темное щупальце уронило сквозь зарешеченное отверстие четыре небольших коричневых кирпичика. Эрик Ульмар, мгновенно, выйдя из апатии, схватил один из них и яростно вгрызся в него.

— Пища,— пробормотал он набитым ртом.— Это все, что они нам дают.

Джон Стар нашел один из кирпичиков — темный влажный студень. Он имел странный неприятный запах и был безвкусен.

— Еда!— захныкал Жиль Хабибула, надкусив другой кирпичик.— О, ради доброй жизни, если они называют это пищей, я прежде съем мои жалкие ботинки, как уже сделал это в тюрьме на Марсе.

— Мы должны это съесть,— сказал Джей Калам.— Даже если это неудобоваримо. Нам нужны силы.

Зеленоватая трепещущая масса их тюремщика вдруг отплыла прочь от решетки. Они подняли Жиля Хабибулу, чтобы тот возобновил борьбу с замком. Он что-то раздраженно бормотал время от времени. Дыхание, ввиду усилий, перешло в медленные вздохи. На лице выступил пот, мерцающий в тусклом зеленом свете, что просачивался сквозь решетку.

Наконец, послышался громкий щелчок. Он снова вздохнул и поднял нос к прутьям решетки. Затем он потряс головой и торопливо прошептал:

— Во имя жизни, отпустите меня!

— Ты не можешь открыть?— спросил в отчаянии Джон Стар.

— А, дружище, ты по-прежнему сомневаешься?— Он печально вздохнул.— Вот она цена, которую человек должен заплатить за драгоценную искру гения. Не было еще замка, который не смог открыть

Жиль Хабибула. Хотя жизнь знает, что многие честолюбивые взломщики пытались это сделать.

— Так что же, он открыт?

— Ах, да. Засовы только что отошли. Решетка свободна. Но я еще ее не отодвинул.

— Почему?

— Потому что это жуткий летучий монстр поджидает в холле! По-прежнему висит поверх странного сооружения на треножнике. Его злые черные глаза заметят любое наше движение.

— Треножник?— взвизгнул Эрик Ульмар, и в голосе его был новый оттенок панической истерии.— Треножник? Значит, это машина, которую они используют для общения. Они принесли ее снова, чтобы заставить меня выпытать секрет у Аладори. Они убьют нас всех, как только она расскажет...

УЖАС В ХОЛЛЕ

— Поднимите меня,— сказал Джон Стар, и огромные руки Хала Самду подняли его. Сквозь квадратные металлические ячейки решетки он разглядел стены и потолок обширного холла, слишком широкого и высокого по человеческим меркам. Сделанные из мертвого черного металла, они освещались маленькими зелеными шарами, висящими посередине потолка. Медузианин был на виду и висел чуть сбоку от камеры. Выпуклая огромная полусфера зеленоватой плоти, склизкой, полупрозрачной, медленно пульсирующей. Овальные, длиной в фут, пурпурные глаза, слегка выпуклые, гипнотические и злые. Длинные щупальца трепетали, словно змеи Горгоны. Рядом стоял механизм на треножнике. Три тяжелые заостренные ноги, поддерживающие небольшой ящик, от которого висящие провода шли к маленьким приспособлениям, представляющим собой, видимо, электроды и микрофон для улавливания голоса Эрика и телепатических вибраций медузиан.

Вздохнув, гигант опустил его.

— Есть шанс,— прошептал он,— если поблизости нет других и если мы будем действовать достаточно быстро.

Он рассказал о том, что увидел, и изложил свой план. Джей Калам серьезно, одобрительно кивнул. Детали они обсуждали торопливым шепотом, вплоть до малейшего движения.

Затем Джей Калам дал команду, и Хал Самду вновь резко поднял Джона Стара. На этот раз он ухватился за решетку, быстро и бесшумно отодвинул ее, и спустя мгновение стоял в холле. Не теряя ни секунды, он бросился к треножнику.

Тем временем Джей Калам пробирался сквозь отверстие, катапультированный руками гиганта, и помогал подняться Халу Самду.

Спустя мгновение после того, как решетка открылась, три человека стояли рядом с нею и в бешеной спешке расчленяли треногу. Однако стороживший медузианин уже зашевелился. Зеленый купол медленно поплыл к ним, тонкие черные придатки извивались как гневные опасные змеи. Хал Самду разломал коммуникатор. Одну тяжелую острую ногу он вручил Джону Стару, другую — Джею Каламу. Третью, с оставшимся на ней черным ящиком, он взял сам, чтобы использовать как огромную металлическую палицу.

Нацелив острую ногу, словно пику, Джон Стар сделал выпад в пурпурный глаз. Его окатило инстинктивным страхом, тем самым парализующим страхом, что дважды уже поражал его при виде светящихся глаз Горгоны, пробуждающим древнюю реакцию первобытного ужаса. Он ощутил ледяной страх, от которого волосы встали дыбом и появились льдинки внезапного пота. Что-то перехватило сердце и дыхание, что-то заморозило мускулы.

Неподвижность, вызванная инстинктивным ужасом, выработанная, должно быть, неким древним прародителем, который понимал, видимо, что не двигаться безопаснее. Полезная, быть может, для существа, слишком маленького, чтобы сражаться, и слишком медлительного, чтобы убегать. Но сейчас губительная. Он знал, что она уже наступает. Он готовил себя к встрече с ней. Он должен был заставить мозг управлять телом, а не вековой давности инстинкт.

Мгновение это длилось с ним, всего лишь мгновение. Затем онемевшее тело ответило отчаянно взывавшим нервам. Он бросился вперед, размахивая металлическим острием. Однако медузианин в полной мере воспользовался этой заминкой. Черный хлыст-щупальце, тонкий как его палец, но жесткий, безжалостно-прочный, захлестнул его шею. Он сжался с яростной удушающей силой.

Несмотря на это, он провел выпад. Преодолевая слепящую боль вокруг горла, он собрал буквально каждый атом своего тела и рванулся вперед, ударив пикой. Острие достигло глаза, проникло через его прозрачную наружную оболочку и глубоко вошло в зловещий колодец зрачка между краями черной мембраны. Страшный пузырь прозрачного студня лопнул, из него забила черная кровь. И огромный купол опустился, неподвижный и опасный более, чем когда-либо.

Внезапно усилив жуткое давление на его гортань, щупальце дернуло с такой силой, что едва не сломало позвоночник, и потом ударило его, ошеломленного и ослепшего, о металлический пол.

Усилием воли, не обращая внимания на опасность и физическую боль, он заставил себя прийти в сознание. Он вцепился в свое оружие. Однако прежде, чем он смог что-либо увидеть, он уже встал на ноги, хоть и шатаясь. Он едва различал удары дубиной Хала Самду — сильные мягкие удары о бескостную податливую плоть. Затем к нему вернулось зрение. Он увидел великана, чьи голова и плечи возвышались над массой черных и разгневанных змей. Хал Самду сиял бронзовым отливом от пота, и мускулы бугрились узлами, когда он взмахивал своей металлической палицей.

Он увидел, как Джей Калам, как только что он сам, вонзает острие в глубину пурпурного глаза. Увидел, как его мгновенно захлестывают разъяренные черные кнуты, сдавившие его тело, скрутившие и свирепо бросившие его на пол.

Тогда он опять, спотыкаясь, бросился вперед. Черные щупальца ухватили его под колени прежде, чем он вышел на дистанцию для удара. Они стягивали его с безжалостной силой, раскручивали, чтобы снова швырнуть на пол. Огромный злорадный пурпурный глаз появился перед ним, когда он взлетел вверх,— один из двух, что оставались у этого существа. Он был слишком далек, чтобы до него можно было дотянуться. Однако Джон Стар швырнул свое оружие, глубоко вонзив его в сияющую мишень, изо всех сил крутнувшись всем телом.

Змеевидное щупальце выронило его, чтобы вцепиться в пику. На четвереньках он подполз к Джею Каламу, который лежал без движения и стонал. Рядом с ним было его оружие. Джон Стар вцепился в него и поднялся, выпрямившись прямо над существом, окруженном агонизирующими придатками.

В нижней поверхности полусферы, в кругу зеленой трепещущей плоти, он увидел любопытный орган. Круглый участок, шириной в три фута, слегка выпуклый, сияющий мягким золотистым отливом.

Свет колебался, ритмично пульсировал, скользкая плоть регулярно выпячивалась. Мгновенно интуитивно решив, что этот орган может быть жизненно важен, он нанес по нему удар. Почувствовав нападение, существо попыталось избежать его. Оглушенный Хал Самду был сбит с ног. Метнулись черные змеи. Щупальца захлестнулись вокруг талии и яростно сдавили. Оружие, которое ранее Джон Стар вонзил в глаз, теперь было схвачено в тонкие кольца. Оно метнулось к нему и ударило по голове, причинив слепящую боль. Он вонзил пику. Острие пронзило золотистый трепещущий круг — желтоватый свет тут же погас, и медузианин упал мягкой горой зеленоватой плоти. Лишь благодаря отчаянному броску он успел выскочить из-под него, однако под тушей остались ноги.

Светящийся орган, как он догадался позднее, являлся причиной замечательной локомоции медузианина. Возможно, он испускал некую лучистую силу, которая поднимала медузианина и позволяла ему

управлять полетом. Возможно, это давало некий необъяснимый способ для изменения кривизны пространства.

Он наполовину лежал под тушей, не в силах высвободиться самостоятельно. Существо еще не было полностью мертвым. Издыхающие змеи хлестали по нему в бессильной агонии.

Первым поднялся Хал Самду и завершил битву несколькими могучими ударами дубины, а потом вытащил из-под медузианина Джона Стара.

Секунду они стояли, разглядывая трепещущую груду скользкой зеленоватой протоплазмы, высоченную, как Хал Самду. По-прежнему извиваясь, словно пытаясь отползти от края тела, билось щупальце. Три невидящих глаза грозно смотрели в пустоту.

Каким бы оно ни было ужасным, оба вдруг почувствовали импульс жалости при виде явной боли. Ибо такие люди, как они, были стойкими перед лицом любого врага, возможно, с той поры, когда родились планеты Солнца. Смерть же всегда в чем-то ужасна.

— Оно пытало ее,— судорожно вздохнул Хал Самду.— Оно заслужило смерти.

Они отвернулись от медузианина, чтобы поднять Джея Калама, который уже пришел в сознание и пытался сесть.

— Я всего лишь был оглушен,— пробормотал он.— Как с ним, покончено? Хорошо. Надо идти за Аладори. Прежде, чем придут остальные. Если он вызвал помощь. Хал, пожалуйста, помоги Жилю и Ульмару выбраться из камеры. Нужно действовать... быстро.

Он опять упал. Джон Стар видел, что он получил очень жесткий удар, когда щупальца швырнули его вниз. Красивое лицо было худым и искаженным болью, серьезные глаза закрылись. Он лежал несколько секунд, затем прошептал:

— Джон, найди ее. Я справлюсь. Надо действовать быстро.

Джон Стар оставил его лежать. Он обошел вокруг зеленой смерти и обнаружил в полу еще одно зарешеченное отверстие. Он рухнул на колени, вглядываясь во тьму, но почти ничего не увидел в зеленых лучах, что просачивались сквозь ячейки решетки. Наконец, он различил едва заметные очертания фигуры, спавшей на темном полу.

— Аладори!— позвал он.— Аладори Антар!

Смутно видневшаяся фигура не пошевелилась. Он слышал тихое дыхание. Ему показалось странным, что она может спать мирно, как дитя, когда судьба Системы зависит от хранимой ею тайны.

— Аладори!— позвал он громче.— Проснись!

Она быстро поднялась. Ровный голос ее говорил о полном самообладании, хотя и звучал глуховато от тяжелой апатии:

— Да. Кто ты, там?

— Джон Ульмар и твои...

— Джон Ульмар!— Низкий усталый голос, холодный от страха, прервал его.— Я полагаю, ты пришел помочь своему трусливому

родственнику выпытать у меня секрет АККА? Предупреждаю, что ты должен быть готов к разочарованию. Не вся человеческая раса относится к вашей трусливой породе. Делай, что хочешь, а я буду хранить тайну до самой смерти, а она, я думаю, не задержится.

— Нет, Аладори,— произнес он потрясенно, больно уколотый горечью в ее голосе.— Нет, Аладори, не надо так думать. Мы пришли...

— Джон Ульмар!— Ее голос, жесткий до презрения, опять прервал его.

Тогда возле решетки опустились Жиль Хабибула и Хал Самду.

— Проклятие моим глазам, девочка! В страшные времена приходится старому Жилю слышать твой голосок. В смертельные времена, как дела, малышка?

В безголосом крике, что прорвался из тьмы сквозь ячейки решетки, было невыразимое облегчение, неописуемая радость, принесшие в сердце Джона Стара пульсирующую боль. Любые презрительные интонации исчезли — остался лишь чистый восторг, трепетный, полный.

— О да, девочка, это Жиль Хабибула. Старый Жиль Хабибула, прошедший коварный и тяжкий путь, чтобы вытащить тебя на свободу. Лишь подожди несколько секундочек, и он поладит с этим коварным замком.

Он уже стоял на коленях возле решетки, и ловкие пальцы изучали и ощупывали, сдвигая маленькие рычажки, выступающие из ящичка.

— Аладори!— воскликнул Хал Самду со странной тоскливой серьезностью в скрипучем голосе.— Аладори, они причинили тебе вред?

— Хал!— послышался ее радостный, дрожащий крик.— Хал, ты тоже здесь?

— Конечно! Ты думала, я не приду?

— Хал!— вновь радостно всхлипнула она.— А где Джей?

— Он...— начал Джон Стар, и тут рядом с ним послышался хмурый слабый голос Джея Калама:

— Здесь, Аладори, к твоим услугам.

Он наклонился к краю решетки и улегся рядом с ней, по-прежнему слабый и бледный от боли, однако, улыбающийся.

— Я так рада!— послышался из тьмы ее голос, прерываемый всхлипываниями.— Я рада и знала, что вы попытаетесь. Но это было так далеко! И план хитроумный, такой дьявольский...

— Ах, девочка, не надо плакать,— попросил Жиль Хабибула.— Сейчас все в полном порядке. Старый Жиль откроет эту дверь, и ты опять выйдешь навстречу драгоценному свету дня, девочка.

Джон Стар вдруг почувствовал, что что-то не так. Он быстро оглядел длинный с высокими стенами черный холл. Огромная туша мертвого медузианина лежала неподвижно, змеевидные щупальца выпрямились и застыли. В тусклом зеленом свете не оставалось ничего движущегося, ничего враждебного. И все же что-то было не в порядке.

Внезапно он понял.

— Эрик Ульмар!— вскрикнул он.— Вы помогли ему выбраться из камеры?

— О да, дружище,— засопел Жиль Хабибула.— Мы не могли оставить его на муки этим коварным тварям.

— Конечно,— пробормотал Хал Самду.— Где?..

— Он ушел,— прошептал Джон Стар.— Ушел. Он трус и предатель. Он ушел, чтобы поднять тревогу.

КРАСНАЯ БУРЯ НА ЗАКАТЕ

— Ага, готово,— засопел Жиль Хабибула.— Девочка, ты готова выходить?

Замок щелкнул. Он отодвинул решетку.

— Пожалуйста, спустись, Джон,— сказал Джей Калам.— Помоги ей.

Джон Стар пролез в отверстие, повис на руках и легко спрыгнул на пол камеры рядом с Аладори. Ее серые глаза с сомнением посмотрели на него, во мраке они были зелеными.

— Джон Ульмар,— спросила она с менее презрительной неприязнью в голосе,— ты пришел с ними?

— Аладори!— взмолился он.— Ты должна мне доверять!

— Я говорила тебе однажды,— сказала она холодно,— что никогда не поверю человеку по фамилии Ульмар. Это было в тот день, когда ты запер моих верных друзей, выдав меня своему родственнику-предателю.

— Я знаю,— горько прошептал он.— Я был болван, инструмент. Но пошли, я тебя подниму.

— Я была дура, что доверилась Ульмару.

— Пошли, у нас нет времени!

— Ты, должно быть, умнее, чем Эрик, если влез в доверие к моим верным людям. Эх вы, Пурпурные... Джон Ульмар, ты хочешь угодить им и медузианам одновременно?

— Не надо!..— Это был болезненный крик.

— Пожалуйста, побыстрее,— поторопил сверху Джей Калам.

Она подошла к нему, затем с сомнением остановилась. Джон Стар обхватил рукой ее стройное тело, поднял ее ноги и бросил прямо в протянутые руки Хала Самду. Затем прыгнул сам и ухватился за них.

Они стояли в пещерообразном холле, крошечные в этом безмолвном пространстве.

Джон Стар видел теперь, что Аладори стала худой и бледной, ее бескровное лицо было стянуто тревогой и недоеданием. Серые глаза горели слишком ярким огнем и были окружены синими тенями. Ее испуганный крик при виде огромной горы мертвого медузианина показал, что ее нервы натянуты до предела. Тем не менее, ее подтянутая фигура говорила о смелости, решительности, гордой целеустремленности. Пытки ее не сломили.

— Мы здесь, Аладори,— сказал Джей Калам.— Однако, у нас нет корабля. Нет даже способов выбраться из города. И нет надлежащего оружия. Мы зависим от тебя, от АККА.

На ее измученное лицо тенью легло разочарование.

— В таком случае, я боюсь,— сказала она,— что вы напрасно принесли в жертву свои жизни.

— Почему?— спросил Джей Калам с нехорошим предчувствием.— Ты не можешь смонтировать оружие?

Она устало покачала головой.

— Сейчас, боюсь, нет. Каким бы оно ни было простым, мне нужны определенные материалы, и немного времени, чтобы собрать его и наладить.

— У нас есть та штука, которой они пользовались для общения с Эриком Ульмаром.— Он показал на палицу Хала Самду.— Она, правда, сильно повреждена. Она работала на основе электроэнергии. Я думаю, это что-то вроде радио. Тут должны быть провода, изоляции, может быть, батареи.

Она снова покачала головой.

— Это может сгодиться,— признала она,— но я боюсь, что на сборку и подгонку частей уйдет слишком много времени. Эти существа нас скоро найдут.

— Мы ее возьмем с собой.

Хал Самду отсоединил остатки ног треножника от черного ящика и привязал его к себе соединительными проводами.

— Мы должны что-то делать!— вскричал Джон Стар.— Именно сейчас! Эрик, должно быть, побежал поднимать тревогу. Мы должны как-нибудь выбраться из города.

— Аладори, ты знаешь путь?— согласился Джей Калам.

— Нет, этот путь, через холл, ведет в большую мастерскую, по-моему, лабораторию. Там их всегда множество за работой. Эрик, я полагаю, побежал туда, чтобы предупредить их. Второй конец — здесь. Высота в милю. Отсюда не выбраться без крыльев.

— Тут должна быть...— пробормотал Джей Калам,— я помню, водосточная труба. Что-то вроде этого. Мы должны посмотреть.

Они пробежали триста футов к огромной двери в конце холла, к гигантской скользящей решетке из массивных прутьев, скрещенных и

близко расположенных друг от друга, с большим замком. Сквозь эту решетку они вновь увидели черный метрополис. Над ним бушевала буря.

Возвышающиеся горы черного, как смоль, металла, фантастические, колоссальные машины невообразимого назначения, нагроможденные в титанические кучи, без видимого человеческому глазу порядка, без закономерностей в форме, размерах, позиции. И никаких улиц — одни лишь бездны, и двери открывались в необъятное пространство.

А сейчас город окатывало дикой яростью. Четверо мужчин пережили другие бури на пути через черный континент. Каждый раз в конце дня, длящегося неделю, когда быстрое остывание воздуха вызывало внезапные колебания в атмосфере. Однако эта буря была просто бешеной. Было почти темно. Мертвенный покров алого сумрака окатывал кошмарные массивы города. Визжал ветер. Желтый дождь падал в ущелья между строениями. Даже сквозь решетку он достигал их и хлестал ледяными бичами. Слепящие молнии постоянно вспыхивали над головой, безжалостно вонзая мечи в черные здания, что высились как гиганты. За дверью была пропасть глубиной в милю, окруженная черными, неправильной формы зданиями. Джон Стар не видел смысла в том, чтобы покинуть этот мокрый, омываемый потоками этаж.

Аладори инстинктивно попятилась от холодного дождя, что проникал сквозь решетку, от зловещего сияния неба и жуткого грохота ветра и грома. Жиль Хабибула торопливо отступил, бормоча:

— Смерть моя, я никогда такого не видел!

— Замок, Жиль!— потребовал Джей Калам.

— Пожалей мои кости, Джей,— провыл он сквозь рев стихии.— Нам нельзя туда. В этот коварный шторм, в эту страшную шахту в милю глубиной.

— Прошу тебя!

— Ну что ж, если хочешь, Джей. На этот раз будет проще.

Его проворные уверенные пальцы стали манипулировать с рычажками замка, на этот раз более спокойнее, привычнее. Почти тут же замок щелкнул. Четверо мужчин навалились на прутья и сдвинули решетку.

Пошатываясь под ветром и дождем, хлеставшими с умноженной силой, они вглядывались через квадратный металлический проем. Гладкая черная стена отвесно обрывалась вниз, и ее омывал дождь. Сопротивляясь воющим порывам, Джей Калам показал, крича сквозь рев бури:

— Водосток!

Они увидели его рядом, в десяти футах. Огромная, квадратного сечения труба, через небольшие интервалы прикрепленная металлическими скобами к стене. Она уходила прямиком на дно шахты,

превращаясь в тонкую черную линию и, наконец, теряясь в красноватом мерцающем тумане внизу:

— Скобы!

Скорее по движению его губ, чем по звуку, они понимали его слова.

— Лестница! Слишком большое расстояние. Форма неудобная. Но мы можем спуститься.

— Пожалей мои кости!— взвыл Жиль Хабибула.— Мы не сможем этого сделать, Джей. В такую ужасную бурю не сможем. Нам даже не добраться до этих ужасных скоб. Бедный старый Жиль!

— Джон!— Губы Джея Калама задвигались, на лице было вопросительное выражение.

— Я попытаюсь!— закричал тот.

Он был самым легким, самым быстрым из четверых. Он мог сделать то, что остальным было не под силу. Он кивнул Халу Самду, мрачно улыбаясь. Руки гиганта обхватили его, подняли над бездной, где были яростный дождь и свирепый ветер. Он протянул руки, схватился пальцами за край металлической скобы. И оказался во власти урагана. Тот поднял его над пропастью. Пальцы напряглись. Мускулы затрещали. Плечи напружинились. Однако он висел.

Безжалостный порыв отпустил его, оставил висеть на скобе, мокрого, задыхающегося под ревущим дождем. Он попробовал скобы и обнаружил, что они пригодны, хотя и с трудом, в качестве лестницы. Он кивнул остальным.

Затем он выпрямился, стоя на одной ноге. Второе колено он просунул под верхнюю скобу и стал ждать, протянув руки. Джей Калам свесился, и он поймал его и помог перебраться повыше. Потом — Жиль Хабибула, задыхающийся, с зеленым лицом. И Аладори, сказавшая презрительным глухим голосом:

— Спасибо, Джон Ульмар,— когда он схватил ее в свои объятия.

Затем Хал Самду передал ноги треножника, которые они засунули за пояса. Стоя на узком карнизе, он задвинул скользящую решетку до щелканья замка, надеясь сбить преследователей с толку. Потом он прыгнул под слепящим дождем, и Джон Стар, вытянувшись, поймал его.

Его огромный вес был слишком велик для Джона Стара, тем более в его скрюченном небезопасном положении. Бешеный нисходящий порыв сделал его еще более опасным. Джон Стар почувствовал, вцепившись в мокрые руки гиганта, что его тело разрывается пополам. Но он держал. Хал Самду освободил одну руку, поймал скобу и оказался в безопасности. И они начали спуск по водосточной трубе.

Крепежные скобы размещены были неудобно, спускаться по ним целую милю — нелегко. Дождь сыпал слепящими, перехватывающими дыхание порывами, небо ревело, и безжалостный ветер рвал их. Все они уже были наполовину истощены. Однако мысль о неизбежном преследовании подталкивала их к безрассудной спешке. Только одно

преимущество, подумал Джон Стар, давал им дождь — он заставил медузиан, висевших ранее над зданиями и машинами, укрыться. Видимо, опасности случайного обнаружения прежде, чем начнется погоня, не было. Но за это преимущество они платили в борьбе с ветром и дождем слишком дорогой ценой.

Пожалуй, они были на полпути вниз, когда с Аладори случился обморок.

Джон Стар, находившийся как раз над ней, присматривал за ней, опасаясь, что она сорвется с мокрых скоб. Он поймал ее. Он держал ее, пока она не ожила и не стала резко протестовать, утверждая, что опять способна спускаться. Тогда Хал Самду поднял ее на плечи, велел вцепиться покрепче, и они снова полезли вниз.

Дно гигантской бездны становилось все более различимым в тумане падающей воды. Огромная квадратная шахта на добрую тысячу футов в поперечнике. Черные сплошные стены огромных зданий окружали ее, и не было ни одной щели. Дно было заполнено желтой дождевой водой. Вся вода на планете выглядела желтой, потому что в ней был растворен красный органический газ.

Разочарованно озирая залитое дно, Джон Стар не видел возможного пути для бегства. Разве что они вновь поднимутся по какой-нибудь другой водосточной трубе. А они были слишком близки к истощению, чтобы совершить такой подъем, разве что он мог обещать спасение. Хлещущий дождь внезапно ослабел, когда они были уже возле дна. Мертвенное красное небо слегка прояснилось. Холодный ветер хлестал с меньшей яростью. Нога Джона Стара едва коснулась холодной воды на дне, когда Жиль Хабибула предупреждающе прохрипел:

— Мой смертельный глаз! Злые медузиане летят, чтобы забрать нас!

Взглянув вверх, он увидел зеленоватые, с черными щупальцами летучие купола, выплывающие один за другим из холла, который они покинули, и быстро падающие вниз.

ЖЕЛТАЯ ПАСТЬ УЖАСА

К тому времени, как остальные заканчивали рядом с ним спуск, Джон Стар в отчаянии озирался, выискивая возможности бегства из шахты. Перед ним лежала поверхность желтой дождевой воды площадью в тысячу квадратных футов. Над ней с каждой стороны возвышалась блестящая черная стена огромного здания, самое низкое из которых было выше гордого Пурпурного Холла. Здесь и там в стенах виднелись высокие двери, однако ни до одной из них не мог добраться никто, за исключением летающего существа. На фоне красного маленького квадрата неба над бездной плавно спускались преследователи-медузиане — маленькие зеленоватые диски на алом фоне.

— Пути нет!— пробормотал он Джею Каламу, с плеском спрыгнувшему рядом с ним.— На этот раз нет. Я думаю, они теперь убьют нас.

— Но путь есть,— сказал быстро и напряженно Джей Калам.— Если у нас хватит времени. Небезопасный. Неприятный. Это мрачный, отчаянный шаг. Однако это лучше, чем ждать, когда они нас прикончат. Пошли!— воскликнул он, когда Жиль Хабибула последним соскользнул, стеная и дрожа, в холодную воду.— Нельзя терять времени.

— Куда?— спросил Хал Самду, шагая рядом с ним по желтой воде. Аладори все еще сидела у него на спине, устало вцепившись.— Тут нет пути.

— Дождевая вода,— кратко пояснил Джей Калам,— она ухитряется найти выход.

Он бежал, расплескивая воду и показывая путь к отверстию для стока воды. Желтый водоворот десяти футов в поперечнике ревел над тяжелой металлической решеткой.

— Мои несчастные смертельные глаза!— просопел Жиль Хабибула.— Мы что, должны нырнуть в жалкую канализацию?

— Должны,— заверил его Джей Калам,— или будем ждать, когда нас убьют медузиане.

— Пожалей мои дорогие старые кости!— взвыл Жиль Хабибула.— Быть засосанным в пучину и утопленным как жалкая крыса! И чтобы потом вынесло в желтую реку, где, знает сладкая жизнь, тебя разорвут и проглотят коварные твари.

Ах, Джей, это смертельно злой день!

— Мы должны поднять решетку, если сможем.

Хал Самду отпустил Аладори, и та неуверенно выпрямилась, дрожа и озираясь.

Едва удерживаясь на ногах в кружащейся желтой воде, четверка собралась возле края круглой решетки, вцепилась в нее, напрягая мускулы. Она не двинулась.

— Смертельная петля!— воскликнул Жиль Хабибула, ощупывая край.

Пошатываясь в безумном потоке, бившем по ногам, Хал Самду стучал по петле и расшатывал ее одной из ног треножника. Джон Стар взглянул в квадрат лилового неба и увидел черные круги медузиан. Они уже были больше и находились на полпути вниз.

Гигант бил и расшатывал петлю, однако тщетно. Джон Стар попытался помочь ему, и Джон Калам вместе с ним. Бешеный поток желтой воды бурлил над петлей, сводя на нет их усилия. Даже не давая устоять на ногах.

— Это Эрик Ульмар предупредил их,— сказала Аладори, и в голове ее были лед и глубокое презрение.— Он на одном из них. Я вижу, как он показывает на нас.

Они возобновили попытки сбить петлю своими неуклюжими инструментами, тяжело дыша, слишком занятые даже для того, чтобы посматривать навстречу приближающейся смерти. Наконец, изогнутый металл сломался.

— Начали!— пробормотал Хал Самду.

Они снова схватились за решетку, поднимая ее. Под их объединенными усилиями решетка слегка приподнялась и снова опустилась под давлением ревущего течения. Они попробовали опять. Жиль Хабибула задыхался побагровев. Огромные мускулы Хала Самду вспучились, дрожа от напряжения. Даже Аладори попытался помочь, но решетка не поднималась.

Медузиане снижались. Бросив на них взгляд, Джон Стар увидел целую стаю. Некоторые несли черные устройства, должно быть, оружие. Один — Эрика Ульмара, сидящего и жестикулярующего в черном сплетении змей.

— Мы должны поднять!

Они попытались снова, в новом положении. Решетка вдруг поддалась, оказавшись неожиданно легкой под потоками бушующей воды.

Перед ними разверзся открытый колодец, и он был восемь футов в поперечнике. Бушующая вода бросилась в него со всех сторон, не образовав даже бреши. Это была желтая воронка с краями. Грозный, яростный глухой рев бешенного напора воды поднялась над нею.

Джон Стар помедлил, гляди в свирепую желтую пасть с болезненной тошнотой. Казалось самоубийственным нырять в этот водоворот, позволить засосать себя бурой глотке, беспомощно крутиться в канализации, биться о стены и, наконец, оказаться среди ужасов огромной реки.

И Аладори! Это было невозможно.

— Мы не можем,— закричал он Джею Каламу, перекрывая рев.— Мы не можем бросить ее туда.

— Смерть моя!— хрипло выдохнул Жиль Хабибула. Цвет его лица сменился мертвенно-бледным, с нездоровой зеленью.— Это смерть. Коварная завывающая гибель и жуткое удушье!

Джей Калам взглянул на опускающихся медузиан, которые были уже близко, на их черное оружие и на Эрика Ульмара, висящего в колыбели из змей. Он мрачно взглянул на Аладори. На лице его был безмолвный вопрос.

Она посмотрела вверх, и на бледном лице появилось презрение. Серые глаза, холодные и уверенные, хотя и слишком яркие и в тенях усталости, оглядели четверых мужчин и обратились к грохочущему водопаду. Она помедлила. Затем странно улыбнулась. Она сделала едва заметный жест прощания и нырнула в желтую ревущую воронку.

Джон Стар был поражен внезапностью, с какой она прыгнула, и холодной безрассудной смелостью девушки. Прошло мгновение, прежде чем он оправился, отбросил собственный ужас перед этой алчной воющей пастью. Он отшвырнул свое импровизированное оружие и прыгнул за ней.

Пролетев двадцать футов в пенном желтом водовороте, он нырнул в поток.

Сумрачное красное свечение мгновенно погасло. Под черным городом, в кромешной тьме, его крутило как щепку. Спустя немного времени, ему удалось вырваться на поверхность. Дождь шел в полную силу, так что все было залито водой. Он ободрал руку о край трубы, однако смог вдохнуть скверного зловонного воздуха. Он снова набрал воздуха и закричал: "Аладори!", но тут же осознал тщетность этой попытки. В этом ревущем потоке она бы ничего не услышала. Да если бы и услышала, что толку?

Поток внезапно повернул, и за углом он едва не задохнулся в комьях пены.

Вновь, спустя бесконечное время ожидания, борьбы за то, чтобы удержаться на плаву, вдохнув, когда это было вохможно, он оказался в глубоком быстром потоке. Здесь водоотвод был заполнен целиком. Яростная вода плескалась и пенилась под самым верхом. Ему редко удавалось найти открытое пространство, чтобы наполнить легкие воздухом. Его толкало дальше и дальше, пока он не почувствовал, что не может больше бороться со свирепым потоком, пока усталое, израненное тело не запросило пощады, пока легкие не завизжали, требуя чистого воздуха, а не густой вони в пенных карманах грохочущего потока.

Он подумал, что нельзя упускать следующий момент, когда перед ним опять окажется широкий канал. Поток затянул его снова. Казалось, прошли часы, пока он, преодолевая боль, раздирающую легкие,

стремился подняться на поверхность, и он вынырнул, чтобы оказаться рядом с металлом. Воздуха здесь не было. Каким-то образом он не позволял воде попасть в измученные легкие. Бедная Аладори! Неужели она тоже переносит все это? А трое остальных? Если они нырнули прежде, чем опустились медузиане, смогут ли они выжить?

Внезапно он оказался во власти дикой, яростно ревущей пены. Его вновь затянуло, и жестокий вес воды сдавил грудь. Устало пытаясь подняться на поверхность, едва живой, чтобы чувствовать победу, он увидел свет.

Он прорвался сквозь желтую пену, благодарно глотнул чистого живительного воздуха открытого пространства, совершенно не думая о красном, медленно убивающем газе, что содержался в нем.

Вверху, с одной стороны, было мрачное небо, и там бушевала буря. С другой стороны была металлическая стена черного метрополиса в мимлю высотой. Его выбросила в волны желтой реки. Кипящей, изборожденный легкими линиями пены, испещренной воронками водоворотов, поток несся вдаль, шириной в десять миль, столь обширный, что низкая темная линия джунглей на дальнем берегу почти целиком терялась в густых темных сумерках.

Позади, на многие мили, он омывал основание могучей стены, пока не достигал незабываемого барьера черных шипастых джунглей. Он уже в течении месяцев путешествовал по желтой реке. Он научился встречать тысячи опасностей. Но тогда с ним находились остальные, тогда он был на плоту, тогда они были вооружены против яростной реки, неба и джунглей.

Он безуспешно озирался в поисках Аладори. Когда он восстановил дыхание, то стал выкрикивать имя. Однако издавал лишь тонкие бесполезные звуки. Голос его был слабым, хриплым и тонул в шуме реки. Поток ревел, встречаясь на выходе из дренажной системы с водами реки. Но внезапно он увидел ее в сотне ярдов ниже по течению. Голова ее была совсем крошечной и подпрыгивала, как поплавок, над кипящей желтой поверхностью. Он понял, что тело ее слишком маленькое, слишком хрупкое и слишком усталое, чтобы долго бороться со свирепой рекой. Он неуклюже поплыл к ней, полумертвый от усталости. Бурлящий поток нес ее от него. Он уносил ее все дальше и быстрее, чем Джон Стар мог плыть. Дикие волны издевались над ним, а он, близкий к безумию, ревел проклятия, словно имел дело со злобным разумным существом. Она увидела его. Из последних сил она поплыла навстречу ему через желтую пену. Их несло в тени под стеной. Иногда он оглядывался, надеясь, что кто-нибудь из остальных выбрался живым, однако никого не видел. Аладори скрылась из глаз, когда он был менее чем в дюжине футов от нее, затянутая безжалостным течением. Она появилась снова, когда он уже был готов нырнуть за ней, беспомощно барахтаясь в капризной реке.

Он поймал ее руку и положил на свое плечо.

— Держись!— прохрипел он. И добавил с последней мрачной искоркой воодушевления: — Если только можешь доверять Ульмару.

Коротко, призрачно ухмыльнувшись, она вцепилась в него.

Желтая бурлящая пена несла их вдоль могучих стен к речному берегу. Там ждали шипастые джунгли.

ТВАРЬ

Позднее Джон Стар не мог восстановить в памяти свое пребывание в реке. Окончательно выдохшийся, далеко перейдя за пределы невыносимого, он больше напоминал машину, чем человека. Каким-то образом он удерживал себя и Аладори на плаву. Но это было все, что он помнил.

Ощущуние грунта под ногами привело его в себя. Он пополз из желтой воды к краю широкого гладкого пляжа из черного песка, волоча за собой бесчувственную девушку.

За черной песчаной полосой шириной в триста ярдов высились джунгли. Барьер из черных переплетенных мечей, он отталкивающе высился на фоне малинового неба. Он пестрил огромными яркими цветами, огненно-фиолетовыми красками, придававшими ему некую ужасную высоту. И там во многих обличиях таилась смерть. Открытый пляж, как знал Джон Стар, не был пригоден для жизни человека. Существовала угроза из воды, из леса и с воздуха. Однако он почти утратил чувство опасности. Благополучно вытащив измученную девушку с желтого мелководья под сомнительное укрытие, образованное большим количеством плавника, зацепившегося за корягу, полузасыпанную песком, он рухнул рядом с ней на песок. И здесь усталость взяла свое.

Проснувшись, он уже знал, что драгоценные часы упущены. Огромный диск красного солнца был уже наполовину скрыт за краем джунглей. Воздух был ледяным жутким напоминанием о наступлении ночи.

Аладори лежала рядом с ним на черном песке и спала. Взглянув на ее стройное беззащитное тело, на медленно вздымающуюся грудь, он почувствовал ноющую боль внутри себя. Сколько раз, подумал он, пока они лежали здесь, проплывала в желтой потоке или выглядывала из стены шипов смерть, и грозила из жизням, и АККА, и надежде человечества.

Он попытался сесть и едва не задохнулся от боли. Каждый мускул тела яростно протестовал. Тем не менее, он заставил себя выпрямиться, размял нывшие члены, пока к ним не вернулась некоторая подвижность, и неуверенно поднялся на ноги.

Вначале он поднял спящую Аладори и отнес ее на возвышение на берегу, подальше от невидимых опасностей, что могли напасть на них с мелководья. Соорудив хрупкое укрытие из плавника, чтобы спрятаться, и найдя тяжелую дубину, он стал ждать, сидя подле девушки, когда она проснется.

Он устало озирал рыжевато-коричневую реку, бегущую вдаль, пока еще была видна в сумраке далекая темная стена джунглей. Он осматривал голое пространство темного песка, черный шипастый барьер за ним и валы черного метрополиса, вздымающегося на мили над рекой, едва видимые над джунглями. Но опасность пришла с темного неба, скользя на безмолвных крыльях.

Тварь была уже низко, когда он ее увидел. Она нырнула к спящей девушке, лежащей под маленьким навесом из плавника. Чем-то она напоминала стрекозу, выросшую до чудовищных размеров. У нее были четыре тонких крыла до тридцати футов в размахе. Он увидел, что она похожа на существо, с которым Жиль Хабибула однажды сразился за свою бутылку вина. У него перехватило дыхание при виде этой чужой и зловещей красоты.

Хрупкие крылья были голубыми и просвечивали. Они мерцали как темные пластики сапфира. По ним проходила паутинка красных прожилков. Заостренное тело было черным, странно и удивительно усеянное яркими желтыми пятнами. Один-единственный огромный глаз был похож на полированную ямшу. Единственная пара конечностей застыла под ним. Жестокие черные когти, выпущенные, чтобы схватить тело девушки. А тонкий желтый хвост наподобие скорпионьего, был вооружен огромным желтым шипом и вытянут для удара.

Джон Стар мгновенно вскочил, замахнувшись дубиной на яшмово-черный глаз, однако блестящие крылья чуть встрепенулись, и тварь взмыла вверх. Вместо девушки она напала на него. Его удар прошел мимо единственного глаза. Тонкий безжалостный ланцет жала устремился прямо на него.

Он бросился вниз, взмахнув дубиной, чтобы отбить ядовитый шип. Он почувствовал удар, когда дубина встретилась с хлестнувшим хвостом. Ядовитое острие оказалось чуть отведенным в сторону, хотя все же коснулось плеча, вызвав вспышку слепящей боли.

Мгновенно вскочив на ноги, почти ослепнув от раздирающей боли, он едва различил, как тварь поднимается, разворачивается и опять скользит к нему на просвечивающих сине-алых крыльях. Она снова спикировала, выпустив когти. На этот раз, как он заметил, заостренный хвост бессильно висел. Дубина сломала его.

Шатаясь от боли, он вновь нацелил удар в яркий агатовый глаз, и на этот раз существо не упорхнуло. Оно бросилось прямо на него, растопырив желтые когти. В последнее мгновение, почти теряя сознание от боли, вызванной ядом, он понял, что когти должны вонзиться в него.

Он яростно боролся, чтобы удержать ускользающее сознание. Каждую унцию силы он вложил в тяжелый обломок дерева, чувствуя, как тот сокрушает огромный черный мерцающий диск. Затем чувства растворились в нахлынувшей боли.

Он смутно понимал, что тварь уже не летает над ним. Он осознавал, что она катается по песку, сжимая в когтях его тело. Последний удар оказался фатальным.

Наконец, борьба утихла. Мертвая тварь рухнула на него. Желтые когти даже в смерти были глубоко всажены в его руку и плечо. Преодолевая слепящую боль, он один за другим распрямил пальцем когти и поднялся на ноги, слабея от мук и кровотечения.

Даже мертвая, тварь была красива. Целехонькие узкие крылья, распростертые на черном песке, казались пластиками сапфира в рубиновых прожилках. Лишь красновато-желтые когти и сломанное жало выглядели устрашающими, а также голова, разбитая последним ударом.

Он склонился над нею, слишком слабый даже для того, чтобы поднять дубину. Он рухнул возле Аладори, по-прежнему тихо дышавшей в мертвом от изнуренности сне, ничего не знавшей о сражении, которое только что произошло рядом. Погрузившись в апатию, вызванную новой усталостью и болью, он поначалу даже не пошевелился, когда увидел три крошечные фигуры, устало бредущие по черному берегу в туманной красной дали.

Трое странных жестких мужчин — каждый из них загорелый и потрепанный — были прикрыты лишь несколькими клочками одежды. Бородатые, длинноволосые, косматые люди. У каждого была дубина или копье-шип. Глубоко запавшие сияющие глаза вглядывались по сторонам с явной тревогой. Словно трое первобытных людей, охотящихся в тени древних джунглей: примитивные звери, осторожные и опасные.

Странно было думать о них как об уцелевших из сокрушенного и преданного Легиона Пространства, последних бойцах некогда гордой Системы, одиночках, оставшихся тогда, чтобы защитить ее от науки чужой звезды. Неужели эти косматые звери смогут выиграть межзвездную войну?

Наконец, Джону Стару удалось подняться, закричать и помахать. Его увидели и поспешили к нему по берегу.

Хал Самду все еще нес черный механизм с треноги, привязанный к его огромным плечам соединительными проводами. Он нырнул вместе с ним в канализацию, тонул с ним, боролся с желтой водой.

— Аладори?— Джону Стару хватило энергии лишь для одного слова, жеста.

Гигант опустился рядом с нею в тревоге, но затем лицо его прояснилось.

— Ты вынес ее?— прохрипел он.— И убил вот это?

Джон Стар смог лишь кивнуть. Глаза его были закрыты, однако он знал, что Джей Калам и Жиль Хабибула уже подошли. Он услышал, как последний слабо хнычет:

— Ах, драгоценная жизнь! Это было злое время, ужасное время! Нас промыло сквозь вонючую клоаку, как отбросы, и выбросило умирать среди коварных ужасов жуткой реки. Ах, бедный старый Жиль Хабибула! Это был смертельно злой день...

Голос его изменился.

— Ах, девочка. Девочка не пострадала. И этот коварный скверный монстр... Должно быть, это Джон убил его... Ах, бедный старый Жиль знает, каково было тебе, парень. Смертельно горькие мы пережили времена!

Голос его снова воспрянул.

— Эта мертвая тварь... Ее мясо вполне пригодно в пищу. Она в точности такая же, с которой я с таким смертельным трудом сражался за мою бутылочку вина,— а ведь я его так и не отведал! Надо развести огонь. Я ужасно ослаб от голода. Ах, бедный старый Жиль, умирающий от голода...

Джон Стар во второй раз провалился в беспробудный сон.

Когда он проснулся, было холоднее. Тело его онемело и закостенело, хотя рядом с ним горел жаркий костерок из плавника. Наступила жуткая ночь: гневный солнечный диск полностью исчез, небо представляло собой низкий купол гибельных дымчатых сумерек. Над рекой дул по направлению к джунглям пронзительный ветер.

У огня находились Жиль Хабибула — он жарил на вертеле мясо, нарезаннное с мертвой летучей твари.Джон Стар почувствовал сосущий голод — это запах мяса, должно быть, разбудил его. И он сразу стал есть.

Джей Калам и Хал Самду находились рядом с Аладори, отделенные от него костром. Небольшой механизм, который гигант принес в такую даль, они разобрали. Детали его лежали перед ними на плоском обломке дерева. Витки проволоки, странные детали и кусочки пластика.

Он поспешно встал, несмотря на онемение во всем теле, и быстро приблизился к ним. Сосредоточенные, они не подняли глаз. Пред Аладори находилось маленькое странное устройство, смонтированное из черных металлических частей и из грубо обструганных кусочков дерева. Она ощупывала последние кусочки металла один за другим, отказываясь от каждого с безнадежным качанием головы.

— Ты собрала его?— нетерпеливо спросил Джон Стар.— АККА?

— Она пробует,— отвлеченно вздохнул Джей Калам.

Джон Стар взглянул поверх черных джунглей на башни и машины черного метрополиса, что высились в красных сумерках. Он почувствовал явную невозможность того, что грубое маленькое устройство, лежащее на песке, может причинить какие-нибудь повреждения этим колоссальным стенам.

— Мне нужно железо,— сказала Аладори.— Крошечный кусочек железа размером с гвоздь. Он мне нужен, как магнитный элемент. Кроме того, здесь есть все, что мне нужно.

Она разочарованно положила маленький прибор на песок.

— Мы могли бы найти руду,— сказал Джон Стар.— Построить печь, выплавить железо.

Джей Калам устало и мрачно покачал головой.

— Мы этого не можем сделать. Железа на планете нет. Как ты понимаешь, медузиане сначала пообещали Пурпурным помочь в завоевании Системы всего лишь за один груженный железом корабль. Пока мы странствовали, я не заметил ни следа выхода железных соединений.

— Выходит, мы не сможем смонтировать оружие,— медленно произнесла Аладори.— Здесь нам не смонтировать. Если бы мы только смогли вернуться в Систему!

— Наш корабль лежит поврежденный где-то на дне моря.

Онемев от отчаяния, они стояли и дрожали под холодным ветром, дующим через реку. Они смотрели поверх темных шипастых джунглей на стены, башни и непостижимого назначения механизмы темного метрополиса. Состарившийся задолго до зарождения человечества, он, видимо, будет стоять и после того, как исчезнет последний человек.

Вдруг над этими старыми стенами и башнями вспыхнуло зеленое пламя. Они увидели, как поднимаются титанические машины — черные корабли-пауки, межзвездные суда медузиан. поднимался чудовищный рой, и грохот пышущих зеленых дюз катился над джунглями и рекой, исчезая в кроваво-красном небе...

— Флот!— прошептала Аладори.— Он летит в Систему со всеми их орудиями. Они оккупируют наши планеты. Флот уже ушел! Если бы мы нашли кусочек железа... однако, уже слишком поздно. Мы проиграли.

КРЫЛЬЯ НАД СТЕНАМИ

— И ведь все, что нужно,— это железа с ноготок!— прокомментировал Жиль Хабибула голосом, который мог бы смягчить сердце железной статуи.— Ах, я, бедный! Неужели отсутствие жалкого ногтя может так много значить!

Он сидел, нахохлившись, на черном песке — глыба сплошного огорчения,— осторожно держа в руках деревянную палочку с куском дымящегося мяса над огнем.

— Бедный старый Жиль Хабибула! Ах, зачем ему довелось видеть такой жуткий день! Лучше, о, знает сладкая жизнь, гораздо лучше, если

бы он умер еще жалким ребенком. Лучше бы закон пошел жестоким безжалостным путем тогда, на Венере.

Жуткая это награда, о, жизнь моя дорогая, очень жуткая награда за двадцать лет верной службы в Легионе. Обвинен в мерзком пиратстве. Заключен. Подвергнут голоду и пыткам. И, да, изгнан из своей родной Системы на этот ужасный мир страшных чудовищ.

Отравлен самим здешним воздухом, обречен завывать в безумии и умирать от медленного зеленого гниения. Затравлен миллионом смертельных монстров. Вынужден бежать, как крыса, через коварный черный город. Плыть, как жалкая крыса, в зловонной канализации! А теперь оказаться лицом к лицу с ужасной смертью в холодной и жуткой ночи. И единственная бутылочка вина на всем континенте разбилась прежде, чем удалось попробовать его вкус! Смерть моя! Это больше, чем может вынести человек. Смертельно много, знает сладкая жизнь, для бедного старого солдата Легиона, больного, ленивого и слабого, у которого на глазах пропало его вино!

А теперь из-за какого-то гвоздя пропадает вся Система! Из-за отсутствия одного драгоценного кусочка железа все человечество обречено на смерть под натиском чудовищных медузиан! Ах, знает дорогая жизнь,— это смертельно злые времена! Смертельно горькие времена! Бедный старый Жиль Хабибула...

От костра послышался треск, поднялся клуб горького дыма. Он вдруг выпрямился и вскочил с финальным криком:

— Ах, я бедный! Беда никогда не ходит одна! Теперь даже это смертельное мясо сгорело!

И он вернулся к яркокрылой твари, которую убил Джон Стар, чтобы вырезать новый кусок мяса.

Возле мерцающих сапфиро-рубиновых крыльев, лежащих забытыми на черном песке, опустошенно стояли остальные, дрожа от усиливающегося холода под ветром, что дул из сгущающихся красных сумерек, со стороны речного берега, на котором они стояли, измученные и утратившие надежды, к стенам и башням, и машинам черного метрополиса, что грозно высился на фоне темнеющего алого неба над темными шипастыми джунглями.

Беспредельное чувство неудачи, неизбежного рака, победившего их и все человечество, гнетуще давило на них, отчаяние держало их в гнетущем молчании.

Пристальные синие глаза над рыжей бородой Хала Самду заметили черный космический корабль, колосальный корабль-паук медузиан, несущийся на призрачных зеленых струях. Он двигался к зловещим стенам над желтой рекой. Хал показал, медленно проведя за ним рукой.

— Это...— закричал вдруг Джон Стар, и сердце в его груди вдруг болезненно подпрыгнуло.— Под ним... неужели это...

— Да,— хмуро произнес Джей Калам.— "Пурпурная Мечта".

— Ваш корабль!— воскликнула Аладори.

— Наш корабль. Мы оставили его разбитым на дне желтого моря с Адамом Ульмаром на борту.

— Адам Ульмар.— В голосе ее появилось презрение.— Значит, он вернулся к союзникам.

Она странно посмотрела на Джона Стара.

— Похоже,— признал он,— что он так поступил.

Он мог связаться с медузианами по радио. Должно быть, он вызвал их и добился, чтобы они подняли корабль и помогли его отремонтировать.

Они смотрели на "Пурпурную Мечту", летящую под огромными черными лопастями корабля медузиан, на ее крошечную торпедовидную фигуру, не более чем серебрянную пылинку. По мере того, как она приближалась к черному городу, из дюз стало бить голубое пламя, и она начала снижаться на фоне красного неба.

В это время вторая огромная машина висела рядом с нею на зеленых крыльях отдаленного грома. "Пурпурная Мечта" замедлила скорость и приземлилась на башню над черной стеной, сводя их с ума своей открытостью. Черный корабль приземлился неподалеку.

Несколько мгновений они смотрели на все это и молчали — настолько сильным было их отчаяние.

— Мы должны захватить этот корабль,— прошептал наконец Джей Калам.

— Он может отнести нас в Систему,— едва слышно вздохнула Аладори.— Мы найдем там железо. Мы сможем построить АККА. Мы сможем спасти последние остатки человечества.

— Мы можем попытаться,— согласился Джей Калам.— Конечно, они будут преследовать нас отсюда. Со своим оружием, которое бросает пылающие солнца. Пояс Опасности все еще висит над ними — надо будет опять прорываться через него. А флот вторжения уже сторожит нашу Систему. И эти орды в крепости на Луне...— прошептал он.— Однако мы можем попытаться.

— Но как?— хрипло произнес Хал Самду.

— Это первый вопрос. До корабля отсюда несколько миль джунглей. Он на вершине гладкой стены в милю высотой. И рядом с ним черный корабль, наверняка на страже. Как?

Глаза его обратились к Джону Стару, который неотрывно смотрел на крылья убитой им твари, блестевшие рядом на черном песке.

— В чем дело, Джон?— настойчиво спросил он, и голос его был странно напряженным.— Ты смотришь...

— Никто не доберется туда иначе, как по воздуху,— медленно, отсутсвующе произнес Джон Стар.— Однако, мне кажется... мне кажется, я нашел способ.

— Ты имеешь в виду полет?

Джей Калам пристально всматривался в его странное жесткое лицо; дивясь, он взглянул на длинные блестящие крылья, на которые смотрел Джон Стар, на сапфировые листы в рубиновых прожилках.

— Да. Я привык летать,— сказал Джон Стар.— В Академии Легиона. Планеризм. Однажды я выиграл годовой чемпионат в Академии.

— Ты хочешь построить планер?

— Это возможно, я в этом уверен. Крылья достаточно длинные. Прочные. Тело твари больше, чем мое. А ветер дул через реку в сторону джунглей и стен. Должны быть восходящие потоки.

— Здесь его крылья. Однако остальное...

— Понадобится немногое. Крылья уже готовы. Нужны будут постромки, чтобы связать их вместе, но можно нарезать лиан в джунглях. И сплести волоконные веревки.

— Времени осталось немного.

— Да. Скоро будет слишком холодно, чтобы работать. Всего лишь несколько часов. И у нас нет ни укрытия, ни оружия. Нам не пережить эту ночь. Нет, Джей, похоже, это единственный выход.

— Да!— сказал внезапно Джей Калам, соглашаясь с этой идеей.— Да, мы попытаемся. Но это отчаянное предприятие, Джон. Ты это понимаешь? Аппарат будет ненадежен, если он вообще сможет летать. Есть опасность, что тебя обнаружат. Трудность в том, чтобы попасть на борт, а там нужно будет справиться с Адамом Ульмаром одним кинжалом-шипом. Даже если ты проникнешь к управлению, на страже корабль-паук.

— Я знаю,— рассудительно сказал Джон Стар.— Однако, похоже, это единственный выход.

Они приступили к работе перед лицом весьма внушительных обстоятельств и опасностей, делая невозможное. Поначалу отыскали инструменты — острые раковины, камни, которые могли бы служить ножами и молотками, твердые, как железо, шипы джунглей.

Измерив яркие крылья, Джон Стар напряг память, вспоминая все, что он знал о конструировании планеров, помечая угольком от костра в нужных местах.

Затем, в усиливающемся холоде и тьме, обложившись блестящими крыльями, распорками и креплениями, изготовленными из древесины джунглей, плетеным волокнистым канатом и прочими деревянными деталями, он работал час за часом, собирая планер, в то время как четверо остальных обшаривали берег и джунгли в поисках материалов.

Они не отдыхали, пока не был закончен этот простенький аппарат, хрупкий и легкий. Всего лишь четыре ярких крыла, связанные вместе волокнитыми веревками, которыми планер должен был крепиться к телу Джона Стара. Они привязали к нему планер, и он несколько раз пробежал под холодным ветром по черному песку, пробуя балансировку.

Он сунул за пояс два кинжала-шипа и прикрепил рядом с собой к раме длинное копье. Он пробежал по песку, остальные натянули вервку. Он поднялся и обрезал ее.

Странный летательный аппарат неуверенно пошел вверх, качнулся и нырнул к песку. Отчаянным поворотом всего тела он выправил полет

— единственное, чем он мог управлять, был его собственный вес. И он поднялся в сильном потоке, что проходил над джунглями.

Он взглянул вниз, на крошечную группу — троих потрепанных мужчин и усталую девушку, пославших вместе с ним свои надежды.

Четыре маленькие фигурки и чуждых красных сумерках. Он помахал рукой, они помахали в ответ.

Он поднимался с тревожной болью в сердце. Он не мог их подвести, иначе они, определенно, погибнут, если он не захватит корабль. Джей, Хал, Жиль и Аладри. Он не мог позволить им умереть, пусть даже их спасение не будет означать спасение человечества. А теперь он летел над черными шипами. Плохо, если он здесь упадет. Когда он нашел время оглянуться снова, четверка уже потерялась в тени за кромкой джунглей.

Прежняя сноровка возвращалась быстро. Вновь пришло знакомое воодушевление пологого восходящего полета; даже трудности управления рискованным аппаратом доставляли радость, даже опасность черных шипастых джунглей.

Держась на восходящих потоках над краем джунглей, он уверенно летел вверх по реке, к черным и могучим стенам, смутно выступающим в сгущающемся красном мраке. "Пурпурная Мечта" была уже не видна. Поначалу он сомневался в хрупкой машине, но вскоре летел все увереннее, опасаясь лишь случайностей или того, что его обнаружат медузиане. Но затем пришла неожиданная угроза.

Над черным лесом взлетело, планируя, другое существо, такое же, как то, у которого он позаимствовал крылья. Оно обошло его покругу, поднялось над ним, потом оно опять нырнуло к нему, держа наготове жало и когти, и он понял, что оно намерено напасть.

Он закричал на него и слабо помахал руками. Поначалу тварь, казалось, встревожилась, однако затем нырнула снова, ближе, чем прежде.

Он высвободил черное копье застывшими от холода руками и выставил его перед собой. Тварь спикировала в последний раз, изогнув изящное жало и выпустив желтые когти. Она неслась прямо на него. Он встретил ее открыто, направив копье в единственный черный глаз.

Острие угодило в цель. Но падающее тело врезалось в хрупкий летательный аппарат с такой силой, что заставило его хлипкий каркас затрещать. Потеряв устойчивость, Джон Стар скользнул к джунглям вслед за телом падающей твари.

Восстановив равновесие уже тогда, когда отчетливо были видны шипы, он поднялся вновь. Однако связанный лианой каркас был разболтан при ударе. Он потрескивал и тревожно постанывал во время подъема, и полет был еще неувереннее, еще опаснее, чем раньше.

Но, наконец, он вошел в сильный порывистый поток, который поднимался над стенами черного города. Его понесло вверх. Каждый миг он боялся, что увидит, как складываются яркие крылья, и тело его по спирали упадет в желтую реку.

Так он долетел до уровня башни. Он различил "Пурпурную Мечту", крошечную серебристую искорку, лежащую на огромной черной платформе в тени сторожившего ее корабля-паука. За нею простирался кошмарный город; машины на высоких платформах располагались как армия черных гигантов, затаившихся в сумраке.

Он взмыл над посадочной площадкой и стал снижаться.

Воздушный поток нес его слишком быстро, едва не сбросив через стену в город, планер трещал и трепетал. Тело его было медлительным и дрожало от пронизывающей стужи, но онемело и не повиновалось.

Но ноги коснулись черного металла в тени "Пурпурной Мечты". Он высвободился из упряжки и отделил друг от друга яркие крылья. Он молча побежал к воздушному шлюзу, с кинжалом в руке, готовый к неожиданным опасностям.

ПРЕДАТЕЛЬ МЕНЯЕТ ЛИЦО

К его облегчению, воздушный шлюз был открыт, и вспомогательный трап спущен на вспомогательную платформу. Он мгновенно взлетел по ступенькам, пересек открытый люк и помчался по длинной узкой палубе, обогнул угол и оказался в каюте, где встретился лицом к лицу с Адамом Ульмаром.

Когда несколько месяцев назад они расстались на дне желтого моря, Адам Ульмар выглядел измученным, разбитым, раздавленным открытием, что его дело предано медузианами, он был надломлен сознанием того, что невольно предал человечество.

Сейчас он был иным.

Всегда высокий, внушительный в фигуре, он был еще более упрям, уверен, решителен. Свежевыбритый, с причесанными и блестящими белыми волосами, в опрятной форме Легиона, он встретил Джона Стара с ласковой улыбкой гостеприимства на благородном лице.

— О! О, Джон! Ты меня удивил. Хотя я и надеялся...

Он шагнул вперед, протянул в привествии холеную руку. И Джон Стар бросился ему навстречу, угрожая его горлу кинжалом-шипом.

— Ни с места!— хрипло прошептал он.— Ни звука!

Он почувствовал разницу между ними. Он представлял собой странную фигуру и знал об этом — почерневшую от солнца, жесткую от испытаний, полуобнаженную с косматой головой и многомесячной растительностью на лице. Он должен был более походить на зверя, чем на человека. На нелепого зверя, встретившегося с лощеным, уверенным, властным человеком.

— Адам Ульмар,— яростно вздохнул он опять.— Я пришел убить тебя. Я думаю, ты заслужил смерть. У тебя есть что сказать?

Он ждал, дрожащий и закоченевший от холода. Вдруг он испугался, что не сможет ударить этого добродушного улыбчивого человека, чья персона вызывала неожиданное благоволение и гордость родства с ним, несмотря на его черную измену.

— Джон,— запротестовал тот неожиданно настойчивым и убедительным голосом.— Ты недопонял. Я действительно в восторге, что ты пришел. Некоторое время назад мой злосчастный племянник сказал, что ты был здесь и утонул в канализации. Зная тебя и твоих спутников, я слабо верил в вашу гибель. Я все еще надеялся, что смогу чем-нибудь помочь вам.

— Помочь!— хриплым эхом отозвался Джон Стар, не отводя кинжала от горла Адама Ульмара.— Помочь! И это говорит тот, кто ответственен за все наши беды!

— Я очень хочу оказать тебе помощь, мой мальчик, потому что понимаю свою вину. Это верно, что у нас различные политические взгляды. Однако я никогда не желал помогать медузианам в колонизации наших планет. У меня нет иных целей, кроме как исправить то, что уже сделано.

— Как это?— спросил Джон Стар с болезненным страхом, что этот ровный уверенный голос ничего не оставит от его решительности и потом передаст его снова.

Адам Ульмар жестом обвел корабль.

— Кое-что я уже сделал. Ты должен это признать. Крейсер поднят и отремонтирован; я надеялся, что он сможет переправить АККА обратно в Систему для предотвращения всеобщего бедствия.

— Но его подняли медузиане.

— Конечно. Они меня провели, и теперь был мой ход. Я связался с ними и предложил к ним присоединиться. Я согласился помогать им своим военным искусством в завоевании Системы. И я попросил их поднять "Пурпурную Мечту" и отремонтировать ее под моим руководством.

Они подняли крейсер и достаточно хорошо его отремонтировали, однако, я боюсь, что они мне не верят, как и Пурпурные не верили им. Черный корабль, что снаружи, сторожит меня денно и нощно. Ты знаешь, какое на нем вооружение — пушки, что стреляют атомными солнцами.

— Ты видел Эрика?— подозрительно спросил Джон Стар.— Он с тобой?

— Нет, Джон. Он уже не со мной. Он рассказал, как медузиане заставили его силой выпытывать у девушки ее тайну. Он рассказал мне все о вашем прибытии и о бегстве. И он рассказал, что у вас был шанс уйти, и надеялся заслужить их расположение.

— Трусливая бестия!— пробормотал Джон Стар.— Где он?

Адам Ульмар кивнул. На его красивом лице появилась тень боли.

— Именно таким он и был, Джон. Трусом. Хотя его имя и было Ульмар. Жалкий трус. Он первым пошел на дурацкий союз с медузианами, потому что он был трус, потому что он боялся поверить в мои планы революции.

Я знал, Джон, что я совершил ошибку. Я знал, что не Эрика, а тебя следовало бы сделать императором. Но и сейчас это не было бы слишком поздно, если бы только ты за это взялся.

— Но я не возьмусь!

— Да, не возьмешься. И, может быть, ты прав. Я теряю веру в аристократию. Наш род стар, Джон, наша кровь — лучшая в Системе. Хотя Эрик — презренный дурак. А трое мужчин с тобой — обычные солдаты Легиона — отлиты из настоящего металла.

Мне было нелегко измениться, Джон. Однако на дне желтого моря у меня было время подумать. И я изменился. Отныне я буду поддерживать Зеленый Холл.

— Да?— В голосе Джона Стара откровенно звучал скептицизм.— Но ответь на мой вопрос. Где Эрик? Вы оба...

— Эрик никогда больше не предаст человечество, Джон.— Голос был резок от боли.— Когда я узнал, что он послал за вами медузиан, когда вы бежали, я убил его.— Он сморщился.— Он был моей крови, и я убил его. Я сломал ему шею собственными руками.

— Ты убил... Эрика?

Джон Стар очень медленно прошептал эти слова, и глаза его изумленно смотрели на лицо Адама Ульмара, искаженное болью.

— Да, Джон. И вместе с ним убил часть себя, ибо я любил его. Любил его! Отныне ты — наследник Пурпурного Холла!

— Погоди!— яростно рявкнул Джон Стар, еще сильнее прижимая кинжал и всматриваясь в благородное, с тенью боли лицо.

— Да-да, Джон.

Сложив руки на груди и улыбаясь, Адам Ульмар, привалившись к стене, глядел на него.

— Ты мне не веришь, Джон. Ты не можешь, после всего, что случилось. Ну что же, ты действуй — вонзай свое оружие, если чувствуешь, что можешь. Я не буду защищаться. И, даже умирая, я буду гордиться, что твое имя Ульмар.

Джон Стар замахнулся своим грубым оружием. Он вглядывался в красивые чистые глаза. Они не моргали. Они смотрели иронично. Он не мог убить человека! Хотя сомнение по-прежнему царило в его сердце, он опустил черное лезвие-шип.

— Я рад, что ты не ударил, Джон,— сказал Адам Ульмар, вновь улыбаясь.— Потому что решил, видимо, что я тебе понадоблюсь. Хотя мы и имеем отремонтированный крейсер, впереди серьезные препятствия.

Здесь на страже черный корабль. Если мы уйдем от него, за нами будет послан весь флот. И над нами Пояс Опасности — я недавно слышал, что он слабее над полюсами планеты, однако даже там это весьма эффективный барьер.

Если даже каким-то чудом мы вернемся в Систему, человечество уже раздавлено, дезорганизовано. Мы не получим помощи, на нас даже могут напасть жалкие остатки человечества, обезумевшие от красного газа.

Нам придется иметь дело со всем их флотом и черной крепостью на Луне, откуда они обстреливают Систему красным газом. Эрик говорил, что они разобрали все свои газовые фабрики месяц назад и переправили их на Луну. Вот, наверное, почему концентрация красного газа здесь уменьшилась.

Возможно, Джон, уже слишком поздно... Может быть, мы единственные выжившие, и у нас самих есть шанс прожить дольше. Если мы намерены попытаться, у нас очень мало времени.

— Я поверю тебе, Адам,— сказал Джон Стар, пытаясь отбросить терзающие его сомнения. Он быстро добавил: — Мы должны взять на борт Аладори и остальных. Они у реки, без крова и одежды и без настоящего оружия. Они скоро умрут в этой ночи.

— Двигаться отсюда, когда нас сторожит черный корабль,— запротестовал Адам Ульмар,— было бы самоубийством. Надо подождать удобного случая...

— Мы не можем ждать!— Голос его был хриплым от отчаяния.— У нас есть протонная пушка. Если мы ударим неожиданно...

Адам Ульмар покачал головой.

— Они сняли иглу, Джон. Убрали. Крейсер обезоружен. Они убрали даже стойки со стрелковым оружием. Твой шип — единственное наше оружие против солнц, которыми они швыряются.

Дэон Стар сжал челюсти.

— Тогда выход один,— мрачно пробормотал он.— Двигаться так быстро, чтобы у них осталось очень мало времени для удара.

— Как это?

— Мы можем стартовать на геодинах.

— На геодинах!— Это был сдавленный крик— Их нельзя использовать без риска в атмосфере. Мы сожжем корпус трением! Или врежемся в землю, как метеор.

— Мы пойдем на геодинах,— хрипло сказал Джон Стар.— Я — пилот. Ты можешь управлять генераторами?

Адам Ульмар странно посмотрел на него, затем улыбнулся, взял Джона Стара за руку и быстро пожал ее.

— Очень хорошо, Джон. Я могу управлять геодинами. Мы пойдем на геодинах... Хотел бы я, чтобы ты был моим племянником.

Джон Стар почувствовал ответное чувство, сменившееся некоторым сомнением, которое отказывалось уходить. Так много было доверия этому высокому командиру, такими бедственными оказались последствия его измены.

Они разошлись. В маленькой рубке Джон Стар быстро осмотрел ряды знакомых приборов, он быстро проверил их один за другим. Он обратил

внимание, что все железо было заменено другими металлами. Однако, похоже, все было готово к работе. Он посмотрел в телескоп.

Сторожевой корабль медузиан располагался рядом с ними, одна из огромных странных лопастей простиралась вверх. Против красноватого свечения на туманном западе она выглядела зловещей и гигантской; корабль казался похожим на некоего гибридного паука, разросшегося до циклопических размеров.

Низкая чистая музыка геодиновых генераторов стала внятной и усилилась до отчетливого звона. Из динамика послышалася резкий голос Адама Ульмара:

— Генераторы готовы, сэр, и на полной тяге.

Краткая хмурая улыбка Джоан Стара при слове "сэр" сменилась опять выражением острого недоверия. Он быстро установил направление на берег реки, составляя план того, что необходимо было сделать. При малейшей ошибке должна была последовать мгновенная аннигиляция.

Положив пальцы на клавиатуру управления, он всматривался в телескоп.

Затем он вспомнил о воздушном шлюзе и нажал на кнопку, которая его закрывала. Это действие, он знал, могло их выдать. Но он не мог оставить его открытым, потому что сопротивление воздуха тут же разрушило бы его.

Он в напряжении ожидал — одну секунду, две, три, — когда заработают моторы люка. Из огромного черного шара вражеского корабля внезапно выдвинулся длинный черный конус. Он стал поворачиваться в их сторону. Оружие!

Четыре! Пять! Он услышал лязганье закрывшегося люка и нажал на клавиатуру. Платформа башни и черный корабль вдруг исчезли. И, хотя невообразимая сила в равной степени действовала на весь корабль, ощутимого шока не было. Геодины понесли их прочь со скоростью, недоступной подсчету. Вокруг завертелись малиновые тусклые сумерки. Их встретила черная тень.

Двигаясь со скоростью, соответствующей этому отчаянно опасному положению, пальцы Джона Стара быстро метались по клавиатуре. Годы тренировок сейчас должны были оправдать себя. Обучаясь в Академии, он часто представлял себе подобные случаи, отчасти мечтая о них, отчасти боясь.

Спустя мгновение ускорения он убавил за следующую долю секунды тягу геодинов, уменьшив невообразимую скорость.

И "Пурпурная Мечта", мгновенно пролетев через черную стену, с ужасной скоростью понеслась к плоской желтой реке. Ее корпус светился от трения о воздух. Он судорожно врубил дюзы, чтобы уменьшить скорость в оставшееся время перед приземлением.

Отчаянная игра, игра с самой кривизной пространства, в атмосфере планеты. Человеческая отвага и человеческое искусство против

титанических сил. Бешенный восторг наполнил его. Он победит, если дюзы вовремя остановят корабль.

Светящийся корабль летел к темному песчаному берегу. К берегу замерзающей реки. В последнее мгновение дюзы загрохотали на полную мощность, затем последовал тяжелый удар о песок. Корабль зарылся в него, и от раскаленного докрасна корпуса повалил пар.

Пока́, и в самый недолгий срок, они были спасены.

Спасены, пока медузиане не смогут атаковать.

Раскаленный люк распахнулся. Четверо пассажиров поднялись на борт — полуголые изнеможденные люди. Полумертвые от усталости, закостеневшие от холода. За ними лязгнул люк. "Пурпурная Мечта" снова загрохотала, голубые снаряды стали лизать черный песок.

Мгновенно вырубились геодины, и корабль рванулся с совершенно невообразимой скоростью в тусклые красные сумерки.

Джон Стар испытал мгновение яростного торжества, прежде чем вспомнил о поясе спутников-крепостей над головой. Вспомнил о шести световых годах межзвездного пространства впереди, вспомнил о флотилиях медузиан, стерегущих Систему, и об оккупационных силах, ожидающих в новой черной цитадели на Луне.

Позади он увидел черные машины, возвышающиеся над стенами и башнями кошмарного метрополиса. На струях зеленого пламени вдогонку поднималась целая стая кораблей-пауков. Более чем достаточно превосходящее "Пурпурную Мечту" в скорости, вооруженные оружиями, что стреляли солнцами аннигиляционного атомного огня.

ШУТКА

Красный туман над головой таял. "Пурпурная Мечта" рвалась вверх, на свободу пространства, где ее светящийся корпус мог бы остыть. Планета уплывала, превратившись в огромный бесформенный полумесяц тусклого зловещего оранжево-красного цвета.

С нее поднялся рой кораблей-пауков. Безрассудный старт крейсера оставил их слишком далеко позади, чтобы они смогли воспользоваться *своим страшным оружием.*

Впереди лежал Пояс Опасности, пояс зла.

Зловещая сеть невидимых лучей распространялась от шести движущихся крепостей. Могущественные тайны древней науки. Грозные зоны невидимой радиации, что сокрушали молекулярные связи, застав-

ляя прочный механизм и человеческие тела растворяться туманом свободных атомов.

Вспомнив новую информацию Адама Ульмара о том, что они слабее на полюсах, Джон Стар положил курс на север. Он вел корабль на пределе действия геодинов, уже испытывая тошноту от страха перед барьером, тошноту при мысли о том, что предстоит пережить Аладори. Однако выбора не было.

"Пурпурная мечта" вонзилась в стену невидимой радиации. Джон Стар был на мостике один.

Неожиданно из его тела пошел кружащийся огненный туман, от панелей и приборов — тоже. Туман возбужденных либо ионизированных атомов, пляшущих точек радужного света. Острая раздирающая боль пронзила тело, завижжала в ушах, запылала перед глазами. Атом за атомом корабль и его тело растворялись. Ослабев от боли, он пытался удержаться в сознании, удержать дрожащий крейсер в узком проходе относительной интерференции волн над полюсом. Тело его, все более светящееся и прозрачное, корчилось в световой агонии. Красное пламя выжигало сам мозг.

Часть его вдруг была поражена внезапным смехом — странным, хриплым и диким. Безумным смехом, лунатическим. Смех потряс его тошнотой нового ужаса, ибо он знал, что смеется сам.

Он только что придумал ужасную шутку.

Подобно тем, кто уцелел из первой экспедиции, здоровая часть его знала, что он сходит с ума! Долгое пребывание в красном газе климатического контроля наконец подействовало на него. Сходит с ума! И обречен на смерть от медленного зеленого гниения. Он смеялся. Смеялся над чудовищной шуткой. Шуткой была смерть Системы от безумия и зеленой проказы.

И, между прочим, смерть тех, кто пытался спасти человечество от этой медленной гибели — жуткая шутка. Но зато ужасно смешная.

Миллионы, да что там, биллионы людей смеялись глупо, бессмысленно над тем, как их плоть превращается в зеленую гниль и отваливается, а те, кто задумал их спасти, умрут самыми первыми. Что за космическая шутка! Люди смеются перед лицом красной боли. Мужчины и женщины смеются, в то время как их плоть становится зеленой! Смеются, а тело их распадается, а они смеются до смерти.

Что за вселенская шутка!

Его рука соскользнула с клавиатуры. Он сложился пополам от смеха.

Могли ли медузиане оценить юмор ситуации, когда дождем сыпали на планеты бомбы с красным газом? Или их чудовищная раса слишком стара для смеха? Или они разучились смеяться еще до того, как родилась Земля? Или эти зеленые податливые тела никогда не знали смеха? Надо спросить Адама Ульмара. Надо связаться с медузианами. Надо выяснить.

Он мог рассказать им эту шутку. Космическую шутку. Вся раса смеется, умирая.

Он попытался встать, однако смех не дал ему подняться. Он потер ладони одна об другую. Они были сухими, бумажными. На коже уже формировалась чешуя. Кожа будет отвалиться, а кости станут голыми. Он сам шутка! Что за шутка!

Он лежал на полу и смеялся!

Затем пришло смутное понимание того, что он должен что-то делать. В мозгу вспыхнуло красное пламя. Его рвало от слабости. И тут были остальные. Остальные? Да, Джей, Хал, и Жиль. И Аладори! Он не мог их подвести. Но что именно надо делать?

Надо вести крейсер — смутно припомнил он. Через Пояс Опасности. Потом невыносимая боль пройдет. Она покинет и остальных. Аладори! Такая красивая, такая усталая. Он не должен позволить, чтобы она вытерпела такое.

Он боролся со смехом.

Он пытался забыть о шутке. Он бился с болью, пожирающей нервы. Он неуклюже потащился к пульту управления.

Надо провести "Пурпурную Мечту" сквозь радиационный барьер. Он смотрел сквозь радужный туман на полупрозрачные приборы. Он нажимал на клавиши сияющими руками. Он вновь и вновь содрогался от смеха.

Наконец, он понял, что барьер остался позади. Красная боль растаяла, свечение оставило приборы, пляшущий радужный блеск постепенно покинул воздух. Тем не менее, он по-прежнему всхлипывал от смеха.

Наконец, на мостик пришел Джей Калам, изнуренный, бледный от боли, однако спокойный и решительный. После того, как они миновали барьер, он успел побриться и найти новую форму. Он опять был опрятен, чист и серьезен.

— Хорошо сработано, Джон,— сказал он тихо.— Я пока буду на мостике. Я только что говорил с командиром о наших шансах обогнать преследующий флот. Он утверждает, что...

Джон Стар отчаянно пытался слушать и понимать то, что говорил Джей Калам, а также старался хранить молчание. Но шутка, она была ужасно смешная. Он снова разразился безумным смехом, и дикий порыв хохота бросил его на палубу.

Он должен попытаться рассказать Джею Каламу о шутке. Джей Калам ее оценит. Потому что он тоже очень скоро будет смеяться, а его тело превращаться в зеленую гниль.

Однако сквозь смех он ничего не мог сказать.

— Джон!— услышал он испуганный крик Джея Калама.— В чем дело? Ты нездоров?

Джей Калам помог ему подняться на ноги, он держал его, пока тот не смог прекратить смеяться и вытереть слезы.

— Шутка!— прохрипел он.— Роскошнейшая шутка! Люди смеются, умирая!

— Джон! Джон!— Голос его был слаб от невыразимого ужаса.— Джон, что случилось?

Надо было что-то сказать Джею еще. Что-то, что не было бы таким смешным. Он вновь затрясся от смеха и всхлипываний.

— Джей,— сказал он наконец,— я схожу с ума. Это красный газ. Я чувствую его на коже и не могу прекратить смеяться, хотя понимаю, что это на самом деле не смешно. Ты должен взять управление. И пусть Хал запрет меня в камере.

— Зачем?

— Пожалуйста, заприте меня! Я могу причинить вред даже Аладори... И спасайте Систему!

Смех вернулся. Он повис на шее Джея Калама, хныча:

— Подожди немного, Джей! Я расскажу тебе шутку. Такую смешную-смешную! Миллионы людей смеются и одновременно умирают. Даже маленькие дети смеются, а плоть у них гниет. Это самая замечательная шутка, Джей. Космическая шутка над всей человеческой расой.

Смех одолел его. Содрогаясь, он рухнул на пол.

Следующее, что он осознал, это то, что привязан к койке в каюте, а Жиль Хабибула промывает его тело бледным светящимся голубым раствором, очевидно, тем самым, которым пользовался немногословный врач Адама Ульмара в Пурпурном Холле, очень давно, когда он получил ожог красным газом.

— Жиль,— прошептал он, и голос его был хриплым и тихим.

— Да, дружище,— засоле, улыбаясь, Жиль Хабибула.— Ты меня, наконец-то узнал, дружище. Смертельные времена мы из-за тебя пережили. Не смейся больше, обещай старому Жилю.

— Смеяться? Над чем я не должен смеяться?

Он смутно припомнил некую замечательную шутку, но что это была за шутка, он не мог сказать.

— Ни над чем, дружище,— с облегчением выдохнул Жиль.— Все это пустяки. И ты опять станешь на свои жалкие ноги, дружище, к тому времени, когда мы прибудем в Систему.

— В Систему? Да, я понимаю. А что, Джей считает, что мы можем уйти от черного флота?

— Ах, дружище, мы давно от него оторвались. Мы подлетели поближе к красному карлику. Они не смогли последовать за нами. Его гравитационное поле остановило у них механизмы управления. Некоторые из них упали на него. Как мы прошли — смертельно близко! Ах, коварную борьбу нам пришлось вести с ними, чтобы оторваться , дружище!

— Так значит, я смеялся? Вспомнил! Я думал, что меня прикончит красный газ. Однако теперь это не кажется таким смешным. Я что, снова здоров, Жиль?

— О, да, похоже, дружище. Адам Ульмар дал нам этот раствор. Эти твари сделали его по рецепту, который он им дал, пока ремонтировал

корабль. Он нейтрализует газ. Если им не дышать смертельно долго. Жуткие зеленые чешуйки несколько дней назад осыпались с твоей кожи. Но мы боялись, что ты...

— А кто-нибудь из остальных?

— Да, дружище.— Сопящий голос упал.— Наша драгоценная девочка...

— Аладори?— В голосе Джона Стара хрипло звучала боль.— Все остальные этого избежали?

— Мы воспользовались этим раствором. Это случилось, когда ты, дружище, вел нас через жуткий Пояс опасности. Похоже, это шок от излучения.

— Что с ней?

— Не знаю, дружище.— Он покачал головой.— Злая зелень уже вся очистилась с ее драгоценной кожи, однако она по-прежнему сама не своя. Она лежит, как лежал ты, в мертвом трансе, и нам ее не разбудить. Она смертельно устала и ослабела. Ты же видел, как ей досталось!

Ах, дружище, это плохо, смертельно плохо! Если она не проснется, она не сможет смонтировать это смертельное оружие. И вся наша возня окажется напрасной. Ах, что за коварные времена! Я люблю эту девочку, дружище. Знает жизнь, как мне не хотелось бы видеть ее смерть!

— Я...я...— прошептал Джон Стар в агонии отчаяния и страха.— Я тоже люблю ее, Жиль.

И он всхлипнул.

Когда они добрались до дальних пределов Системы, прошли мимо Плутона и Нептуна, Джон Стар опять смог вернуться на мостик. Все знакомые планеты, которые они видели в телеперископ, были окутаны жутким красным туманом. Даже Земля была тусклой зловещей малиновой искоркой.

— Красная,— прошептал Джей Калам. В его безжизненном голосе был ужас.— Воздух каждой планеты полон красного газа. Я боюсь, мы слишком опоздали, Джон.

— Даже если бы и не опоздали,— горько прошептал Джон Стар.— Аладори не лучше.

— В любом случае,мы сядем на Землю, найдем кусок железа. И будем ждать. Возможно, она проснется до того, как умрет последний человек.— Возможно. Хотя Жиль говорит, что пульс у нее...— Он замолчал, потом яростно пробормотал:— Она не может умереть, Джей, не может!

Они проскользнули пятью днями позже мимо Луны, направляясь к Земле. Аладори по-прежнему лежала без сознания. Ее сильное сердце и дыхание невероятно замедлилось. Хрупкое тело, ослабевшее от истощения, плена и пыток, от многомесячного выдыхания красного газа, отчаянного боролась за жизнь. Остальные следили за ней, содержали ее в тепле. Они промывали ее слабое тело нейтрализирующим раствором, помогали ей глотнуть воды, когда она была в состоянии. Больше ничего они сделать не могли.

Луна представляла собой красный угрожающий мир. Джон Стар смотрел на нее в телеперископ.

Нагие еще до рождения человека горы ее были теперь окружены смертельным пурпурным газом. Новые человеческие города представляли собой груды безжизненных руин. На голом лавовом плато он увидел город медузиан.

Неземная цитадель! Реплика черного метрополиса на собственном обреченном спутнике. Зловещие стены и башни из черного высокопрочного сплава, усеянные фантастическими черными машинами — инструментами науки, пережившей бесчисленные века, покорившей многие миры.

— Их орды ждут там,— мрачно сказал Джей Калам.— Вырабатывают красный газ. Бомбардируют планеты снарядами с ним. И там размещен флот вторжения. Если они нас обнаружат...

Его голос затих. Он увидел то, что в этот миг потрясло и Джона Стара. Яркую вспышку зеленого холодного пламени над черной посадочной площадкой. Поднимался черный корабль, чтобы следовать за ними к Земле.

— Возможно, уже обнаружили. Однако у нас есть время, чтобы опуститься раньше и найти кусок железа.

— Но Аладори по-ппрежнему в этом жутком трансе. Пока она не проснулась и не смонтировала АККА, у нас нет оружия.

Они понеслись вниз, в сторону красной туманной Земли, со страхом глядя на черный корабль-паук, несущийся за ними под малиновой Луной.

ЗЕЛЕНЫЙ ЗВЕРЬ

"Пурпурная Мечта" опускалась в атмосфере Земли, которая приобрела теперь ядовитую красноватую дымку, на западе Северной Америки на площадку возле Зеленого Холла, на коричневый участок под зубчатым, в милю высотой, Сан-Диасом.

Джон Стар сам добровольно вызвался покинуть крейсер и поискать железо. На борту корабля, с тех пор, как они вернулись, железа не было. Космический корабль был немагнитным, поскольку магнитные поля интерферировали с геодинами. И медузиане, восстанавливая корабль, сняли с него все немногие детали из железа и стали.

— Принеси его,— сказал Джей Калам и дал ему старый кинжал-шип.— И будь осторожен, если встретишь людей. Они будут безумны и опасны. И торопись. Мы должны раздобыть железо и побыстрее удрать куда-нибудь, прежде чем придет черный корабль. Надо спрятаться и ждать пробуждения Аладори.

Выпрыгнув из воздушного шлюза, Джон Стар с ужасом смотрел на то, что осталось от гордой и величественной столицы Системы.

Небо было затуманено алой дымкой, сквозь которую кроваво-красным злым светом пылало полуденное солнце. Под этим смертоносным свечением голые места и зубчатые горы выглядели чужими и мрачными, и невероятно одинокими.

Зеленый Холл был разрушен огромным снарядом с Луны.

На краю площадки, где некогда был широкий ухоженный газон, разверзся рваный кратер, окаймленный сырой изодранной скалой. За воронкой находились колоссальные развалины зданий. Гора битого и изумрудного стекла, из которой торчали ржавые прутья стального каркаса. Мгновение он не двигался, пораженный ужасом. Затем, вспомнив о необходимости спешить, он бросился вперед сквозь ряды кустов, мимо голых скелетов деревьев, погибших, должно быть, от жидкого газа, по мертвым газонам, заваленным камнями, прилетевшими из кратера, и осколками зеленого стекла.

Странно, заметил он вскоре, как трудно оказалось найти хотя бы с ноготь железа в этом месте. Он находил многочисленные металлические предметы: бронзовое основание лампы, маленькую статуэтку, отлитую из свинца, разбитый алюминиевый остов аэросаней. Даже огромная стальная балка свисала со здания, разумеется, слишком тяжелая для переноски.

Он спешил, отчаянно выискивая на пострадавшей земле кусочек железа, достаточно маленький для транспортировки, время от времени бросая испуганные взгляды на малиновое небо. Если медузиане заметили их, если черный корабль шел до того, чтобы напасть...

Он обогнул большую груду битого зеленого стекла и оказался лицом к лицу с зеленым ужасом.

Это был человек. Огромный человек. Должно быть, он пережил дни ужаса благодаря грубой силе. Примерно семи футов ростом, полуобнаженный, полуоблаченный в лохмотья, жалкие остатки формы Легионера, формы стража Зеленого Холла. Кожа его представляла собой массу кровоточащих язв, усеянных и покрытых жесткой зеленой чешуей. Окаймленные красные глаза, затуманенные зеленью, смотрели с ужасного лица, едва видя его. С обнаженными клыками, что скалились в зияющей красной пасти, этот человек казался химерой.

При виде человека-зверя, скорченного, оскаленного, рычащего, он почувствовал тошноту. Ибо это значило больше, чем судьба одного человека. Он олицетворял собой обреченность всего человечества, гибель его под натиском старейшей и более жизнеспособной расы, мудрой, смелой расы, много раз жестоко проверенной на живучесть. Он невольно вскрикнул при виде этого зеленого рокового зверя. Затем, осознав опасность, он попробовал ускользнуть. Но зверь уже знал о нем. Он издал странный полуголосовой вопросительный звук — хриплый, однотонный и пронзительный, ибо голосовые связки, очевидно, уже раз-

ложились. Туманные глаза в красных кольцах всмотрелись и обнаружили его. Зверь пошел, отступаясь и волоча ноги.

— Ни с места!— резко вскричал Джон Стар. В голосе его была паника.

Эффект от этой резкой команды был странным, так как волочащая ноги тварь внезапно проявила военную дисциплину. Она жестко подняла невообразимую зеленую лапу, отдавая честь. Однако это была не более чем механическая реакция, оставшаяся от забытой человеческой сущности. Она снова вернулась в прежнюю позу и неуклюже побрела к нему.

— Внимание!— закричал он.— Стой!

На мгновение зверь замедлил движение, затем пошел вперед быстрее. Бессвязные, протестующие звуки изливались из безгубого рта. И Джон Стар стоял, ослабев от ужаса и пытаясь понять эти крики, пока они не сменились внезапно страшными животными и зверь не перешел на неуклюжий отступающий бег.

Он понял, что зверь облюбовал его к себе в пищу.

Он быстро огляделся в поисках пути к спасению. С волной тошноты он понял, что попал в ловушку. Животная хитрость еще не исчезла. За спиной у него возвышались горы зеленого битого стекла. Надо было встречать опасность лицом к лицу.

Да, у него был черный шип. Однако он знал, что не настолько силен и едва оправился от долгой болезни. А этот дикий завывающий зверь, видимо, в два раза превосходил его весом. Очевидно, зеленая гниль еще не убавила у него сил.

Когда они схватились, он надеялся, что приемы рукопашного боя, усвоенные в Академии Легиона, восполнят недостающие силы. Но, когда когтистая, в зеленой чешуе лапа схватила запястье руки, в которой был кинжал, в настоящий жесткий захват, он сразу понял, что перед ним действительно бывший легионер. Безумный мозг еще не забыл, как надо бороться.

Кинжал выпал из парализованной руки. Вонючие зеленые руки сдавили его в сокрушительных объятьях. Затем тварь применила еще один прием — колено в спину, другое вокруг бедра. Плечи изгибаются, изгибаются, пока не сломается хребет. Он безуспешно боролся в безжалостном захвате, ослепший от боли и страха. Твердые зеленые чешуйки царапали тело, запах гниения вызывал тошноту. Он слабел и чувствовал, как уплывает сознание.

Обнаженные клыки впились в плечо. Тварь испустила злобный вой. Она была голодна.

Отчаяние вернуло ему хладнокровие и выдержку. Сквозь туман боли он вновь почувствовал себя в Академии. Он ощутил запах пота, кожи и втертого спирта. Он услышал скучный носовой монотонный голос инструктора:

— Изогнись всем телом, так, вдави локоть в солнечное сплетение, так, руку просунь сюда, так, теперь сомкни ноги и поворачивайся.

Он сделал так, как шептал в памяти сухой старый голос, едва сознавая, где он находится, едва понимая, что лишь так сможет избавиться от мучительной боли и получить свободу для поисков кусочка железа.

Раздался треск!

Он медленно поднялся возле дрожащей массы зеленоватой гнили. Он побрел вокруг руин разрушенного Зеленого Холла, осматривая изрытую землю. Надо спешить. Если прилетит черный корабль... Его внимание привлекла детская игрушка. Маленький сломанный детский паровозик, которому уже не бегать по тоненьким рельсам. Однако, возможно, ему удастся спасти Систему.

Он выломал из него ось, убедился, что она из славного серого железа и поспешил обратно к крейсеру.

Взобравшись на груду битого зеленого стекла, он оглянулся и увидел черный корабль-паук. Тот несся в красном туманном небе. Он был уже очень близко.

Перейдя на спотыкающийся усталый бег, Джон Стар приблизился к "Пурпурной Мечте". Крошечная серебристая торпеда-пигмей в тени огромного, с черными лопастями аппарата, спускающегося над темным Сан-Диасом на жарких зеленых струях. Он был над кратером, в четверти мили от них.

В сердце, как игла, колола боль истощения. Он безнадежно бежал, спотыкаясь. Крейсер был безоружен. Оружие черного корабля могло аннигилировать его в один миг.

На бегу он различил маленькую группу, появившуюся на опущенном люке воздушного шлюза и торопливо опускающую на трап. Джей Калам, Хал Самду, Жиль Хабибула — он узнал их — несли неподвижное тело Аладори.

Люк закрылся над ними. Адам Ульмар не появился.

Они побежали прочь от крейсера! Очевидно, он готовился к старту, и возле управления был Адам Ульмар. Но зачем?

Продолжая бежать, Джон Стар вспомнил свои старые сомнения. Неужели его знаменитый родственник опять сменил курс? Неужели он высадил остальных, чтобы вернуться к медузианам?

Джон Стар не мог поверить в это. Адам Ульмар был невинным. Но...

Затем "Пурпурная Мечта" тронулась с места. Она бросилась вперед с такой стартовой скоростью, какой он никогда не видел. Она помчалась так быстро, что он на миг потерял ее из виду. Он увидел ее снова — она неслась к кораблю-пауку, и корпус ее уже светился.

Когда он понял, что движет ее не сравнительно слабая сила дюз, а ужасная мощь геодинов, она врезалась в круглое черное брюхо вражеского корабля со вспышкой слепящего света.

Горящий черный захватчик падал с красного неба с неожиданной неторопливостью. Он врезался в пустынные темные склоны Сан-Диаса, покатился по ним, по-прежнему похожий на чудовищного паука, но уже в медленной агонии смерти.

Застарелые сомнения Джона Стара исчезли.

— Ты теперь последний, Ульмар,— приветствовал его Джей Калам. В его голосе было новое мрачноватое уважение.— Адам Ульмар сказал, что должен возвратить долг, и велел мне, чтобы я сказал тебе, Джон Ульмар, что он надеется, ты будешь счастлив в Пурпурном Холле.

Джон Стар опустился на колени возле неподвижной белолицей девушки и в тревоге прошептал:

— Аладори? Как она?

— Ах, дружище,— пробормотал печально Жиль Забибула, поправляя подушку под ее головой.— Похоже, ей не лучше. Не лучше! Этот тот же злобный транс, в котором она провела эти смертельные недели! Она может никогда не проснуться. Ах, бедная девочка!

Из рыбьего глаза выкатилась слеза.

Они попытались устроить ее поудобнее под маленьким кровом, сооруженным из ветвей расщепленного дерева. Они нашли грубые дубины, чтобы защитить ее от зеленых тварей. Хал Самду и Жиль Хибибула отправились на поиски еды и воды. Они вернулись в тусклых малиновых сумерках с пустыми руками.

— Смерть моя!— ныл Жиль Хабибула.— Мы потерялись в ужасной пустыне, в мертвых руинах, без продуктов и воды для себя и для девочки! Ах, я, несчастный! И жуткие воющие твари рыщут вокруг нас и охотятся за жалкой человечиной! Ах, что за коварные времена!

В алом закате взошла Луна — огромный кроваво-красный шар над рваными стенами Сан-Диаса. И они увидели на ее пятнистом и зловещем лике гроздь маленьких черных пятнышек, растущих, расширяющихся. Маленькая стая черных насекомых, которые уверенно и зловеще становились большими.

— С Луны идет флот,— прошептал Джей Калам.— Так как один корабль не вернулся, целый флот кораблей-пауков идет, чтобы убедиться в нашей гибели. Они будут здесь через час.

АЛАДОРИ

— Она должна проснуться,— прошептал Джон Стар.— Или никогда больше не проснется.

— Боюсь, что так и будет,— согласился Джей Калам.— Мне представляется, что они разрушат все плато этими атомными снарядами. Для уверенности, что мы им больше не помешаем. Однако у нас нет другого выхода.

— Она должна проснуться!— опять пробормотал Джон Стар. С неожиданной решительностью он поднял Аладори. Тело ее было вялым, безвольным. Глаза закрыты, бледные полные губы слегка раскрыты, прекрасная кожа очень белая. Он едва чувствовал ее пульс. Дыхание было очень медленным. Она была в глубокой коме и пребывала в ней очень долго.

Такая красивая и такая неподвижная! Он сильно сжал ее в объятиях, с вызовом глядя на зловещую, в красных и черных пятнах Луну. Она не может умереть! Она была его! Навсегда его! Такая теплая, такая дорогая! Он не мог дать ей умереть!

Нет! Нет! Она должна проснуться и воспользоваться своими знаниями для монтирования оружия и уничтожения угрозы с этой красной Луны. Он должен разбудить ее, чтобы она была с ним навсегда!

Он бессознательно шептал ей это. И теперь, в отчаянном призыве, он говорил громче. Он взывал к ней без особой надежды, пытаясь проникнуть сквозь кому, чтобы внушить ей отчаянную необходимость проснуться.

— Аладори! Аладори! Ты должна проснуться! Ты должна! Ты должна! Медузиане идут, Аладори, чтобы убить нас опаловыми солнцами. Ты должна проснуться, Аладори, чтобы смонтировать оружие. Ты должна проснуться, Аладори, чтобы спасти то, что осталось от Системы. Ты не можешь умереть, Аладори, не можешь, потому что я люблю тебя!

Он уже верил, что его призыв проник в спящий разум. Возможно, уже проник, или, возможно, как предположил бы ученый-медик, это была раздражающая стимуляция красного газа за пределами "Пурпурной Мечты". Это несущественно.

Она слабо чихнула и тихо прошептала.

— Да, Джон, я тоже люблю тебя.

Он едва не выронил ее, и она проснулась окончательно, с тревожным испугом глядя на окружающее.

— Где мы, Джон?— прошептала она.— Не на этой планете?

Она в ужасе уставилась на красную луну в красном небе.

— Нет, мы на Земле. Ты можешь побыстрее закончить оружие до прихода медузиан? Мы принесли детали, которые ты подготовила у реки.

Она встала, изумленно оглядываясь, неуверенно цепляясь за руку Джона Стара.

— Неужели это Земля, Джон, под этим ужасным небом? А это Луна?

— Да. А эти черные пятнышки — корабли-пауки медузиан. Они идут, чтобы убить нас.

— Ах, девочка проснулась!— радостно засопел Жиль Хабибула. И Джей Калам торопливо приблизился к ней с маленьким незаконченным прибором, который Аладори смонтировала на другой планете и который был бесполезен без кусочка железа.

— Ты можешь его закончить?— спросил он, становясь спокойным и серьезным.— Побыстрее? Прежде, чем они придут?

— Да, Джей,— сказала она так же спокойно, похоже оправившись от первого потрясения.— Если мы найдем кусочек железа...

Джон Стар достал сломанную ось от игрушечного паровозика. Она взяла ее в нетерпеливые пальцы и быстро осмотрела.

— Да, Джон, это сгодится.

Закат на западе был красным. Опускалась призрачная ночь. Под красной взошедшей луной четверо стояли вокруг Аладори и ее оружия в напряженном ожидании и страхе. Они были одни на плато, застывшем в жутком свете. За ними находился разрушенный Зеленый Холл, страшный скелет погубленных человеческих надежд, жуткий и спокойный на фоне зловещего сияния. Перед ними пологим склоном уходило к зубчатому Сан-Диасу плато под зловещей луной.

Над ними повисла тишина. Благоговейная тишина мира, преданного и погубленного. Лишь одно нарушало ее — жуткий надрывный вой боли и ужаса в руинах.

— Что это?— дрожа, прошептала девушка.

Это было уже что-то нечеловеческое, столкнувшееся с другим голодным зверем. Джон Стар знал это, но не сказал ничего. Аладори занималась оружием. Крошечная вещь, она выглядела довольно простой, очень грубой и совершенно бесполезной. Части ее крепились к узкой дощечке, водруженной на грубую треногу, так что прибор можно было поворачивать и нацеливать.

Джон Стар осмотрел его и совершенно ничего в нем не понял. Он вновь подивился его простоте. Неужели, подумал он, такая штука может противостоять ужасной древней науке медузиан? Две маленькие металлические пластины с отверстиями, так что можно было смотреть сквозь их центры. Проволочная спираль между ними, соединяющая их. Одна из пластин имеет желоб, в котором скользит кусочек железа. Их можно соединить маленькими винтиками. Грубый выключатель — возможно, чтобы переключать ток к противоположной пластине, поскольку иных источников питания видно не было.

И это все.

Аладори поставила винтики, куда следовало. Затем она нагнулась, вглядываясь сквозь крошечные отверстия в пластинах на красную луну и на черные пятнышки вражеских кораблей. Она прикоснулась к выключателю и выпрямилась, глядя вдаль с сосредоточенным любопытством на бледном лице.

Джон Стар смутно ожидая от аппарата каких-либо проявлений деятельности, возможно, необычных лучей. Однако ничего подобного не было. Даже искорки не проскочило, когда замкнулась цепь.

В какой-то миг показалось, что он, возможно, по-прежнему безумен. Совершенно невероятно, чтобы такой крошечный и такой простой, что сделать его по силам и ребенку, прибор мог сразить медузиан. Могучие победители неведомых планет из неведомых веков. Что им может грозить?

— А оно не...— прошептал он нерешительно.

— Подожди,— сказал Аладори. Голос ее был совершенно спокоен, без следа слабости или усталости. Как и в ее лице, в нем было что-то странное. Сосредоточенность. Холодная бесстрастная властность. Он был абсолютно уверенным. Без страха, без ненависти, без восторга. Он был похож на голос богини.

Джон Стар невольно сделал шаг назад.

Они ждали, глядя на крошечные черные пятна, летящие и растущие на фоне зловещей Луны. Возможно, они ждали секунд пять. И черный флот исчез. Не было ни взрыва, ни пламени, ни дыма, ни видимых разрушений. Флот попросту растворился. Они напряглись, утратив способность дышать от внезапного облегчения.

Аладори пошевелилась, прикоснувшись к винтикам и к выключателю.

— Подождите,— сказала она еще раз, и голос ее был по-прежнему ужасно, божественно спокоен.— Через двадцать секунд... Луна...

Они глядели на красную и грозную Луну. На спутник Земли в течение тысячелетий, юную, вероятно, по сравнению с медузианами. А теперь — базу их оккупационных сил, дожидающихся захвата планет.

Почти не отдавая себе отчета, Джон Стар считал секунды, затаив дыхание, глядя на красное лицо рока. Теперь не человеческого, а самих медузиан.

— 18... 19... 20...

Ничего не случилось. Сминающий дыхание, ломающий душу миг сомнений. Затем красное свечение в небе погасло.

Луна исчезла.

— Медузиане,— прошептал Джей Калам.— Медузиане исчезли.— Он словно уверял себя в невозможном.

Долгий миг тишины, и он прошептал еще раз:

— Исчезли! Больше они никогда не отважатся.

— Я ничего не вижу!— закричал Джон Стар.— Как они...

— Аннигилированы,— сказала Аладори необычайно серьезно.— Даже материи, из которой они состояли, в нашей вселенной больше не существует. Нас не существует больше в том пространстве и времени, которые мы знаем.

— Но как?..

— Это моя тайна. Я никому и никогда не скажу, кроме избранных, которых будут ее хранить после меня.

— Смерть моя!— засопел Жиль Хабибула.— Ах, наконец-то злосчастная Система спасена. Ах, жизнь, моя милая! Как все-таки отчаянно трудно было ее спасти. Ты должна быть осторожна, девочка, чтобы опять не попасть во вражеские руки. В своей сладкой жизни старому Жилю никогда больше не удастся пройти через все это. Ах, я, несчастный! И мы остались посреди пустыни, в полной тьме, и даже Луна больше никогда не поднимется.

Голос его срывался от напряжения, не покидавшего их.

— Джон!— прошептала Аладори — это больше не был голос богини. Серьезность исчезла. Теперь это был человеческий, слабый и дрожащий зов. Джон Стар нашел ее во тьме. Он усадил ее, и она заплакала на его плече счастливыми слезами облегчения.

— Ах, девочка!— застонал Жиль Хабибула.— Подходящая у тебя причина плакать. Мы все еще настрадаемся без смертельного кусочка пищи.

"Зеленый Защитник", новейший крейсер Легиона Пространства, примерно год спустя прилетел в форт на Фобосе. Хотя снаряд с красным газом попал на этот крошечный спутник Марса, огромное здание не пострадало. Нейтрализирующий раствор был представлен тем, кто получил какой-нибудь вред. Он также был распылен и связал красный газ в безобидные окислы, пока темное небо крошечного мира не оказалось очищенным от последних остатков красного.

Крейсер опустился на посадочную площадку, которая увенчивала центральную пурпурную башню. Новый командор сошел с трапа, и Джон Стар нетерпеливо двинулся к нему навстречу. Поздоровавшись, они помолчали, глядя на роскошную зеленую окружающую местность на крошечной планете, печально вспоминая минувшие события, когда они были здесь вместе и похитили "Пурпурную Мечту".

— Не осталось ни следа вторжения,— заметил Джей Калам.

— Да, командор,— ответил Джон Стар, едва заметно улыбаясь при этом слове.— Во всей вселенной ни одного случая безумия, оставленного без лечебного вмешательства. Я знаю. И красный газ исчез из воздуха. Это уже история.

— Замечательное государство, Джон.— Глаза Джея Калама рассматривали с восхищением густо-зеленый покатый ландшафт.— Мне кажется, лучшее в Системе.

Лицо Джона Стара затуманилось.

— Мне пришлось взять на себя эту ответственность.— Голос его был почти горек.— Но мне бы хотелось быть в Легионе, Джей. Вместе с Халом и Жилем. Хотелось бы снова оказаться в гвардии Аладори.

Джей Калам улыбнулся.

— Ты влюблен в нее, Джон?

Он кивнул.

— Был... Да и сейчас влюблен. Я надеялся, до той ночи, когда она применила АККА. Тогда я понял, какой же я был дурак. Она богиня, Джей. Кроме тайны, у нее могущество и ответственность. В ту ночь я увидел, что у нее не может быть времени для... для любви.

Джей Калам по-прежнему серьезно улыбался.

— А тебе когда-нибудь приходило в голову, Джон, что она всего лишь девушка? Хотя, быть может, это интересно — уничтожить планеты, однако она не может делать этого постоянно. Она рискует остаться в одиночестве.

— Конечно,— устало признал Джон Стар,— у нее должны быть другие интересы. Но она была... просто богиня! Я не мог ее спросить. Как бы там ни было, я никогда не смогу добиться ее.

— Почему ты так думаешь, Джон?

— Есть одна причина. Мое имя Ульмар. Я не мог просить ее забыть об этом.

— Но имя может тебя больше не беспокоить, Джон. Зеленый Холл, узнав о твоей доблестной службе, официально изменил твое имя на Джон Стар. Мы для этого и прилетели, чтобы сказать тебе об этом.

— Да?— прохрипел он.

И тут из воздушного шлюза вышла Аладори, а за ней Жиль Хабибула и Хал Самду. Лицо ее было сдержанным, глаза холодными и серьезными, и солнечный свет создавал чудеса — рыжие, золотые и коричные — в ее волосах. Она вопросительно и насмешливо посмотрела на Джона Стара.

— Поскольку Пурпурный Холл наша самая надежная крепость в Системе,— поспешно пояснил Джей Калам,— Зеленый Холл просит тебя принять ответственность за охрану Аладори Антар.

— Если пожелаешь, Джон Ульмар,— мерцая глазами, добавила девушка.

У него пересохло в горле. Он искал в золотистом тумане слова и, наконец, с усилием пробормотал их:

— Я желаю. Однако меня зовут, мне кажется, Джон Стар.

Серьезная, если не считать глаз, она сказала:

— Я буду называть тебя Джон Ульмар.

— Но ты говорила...

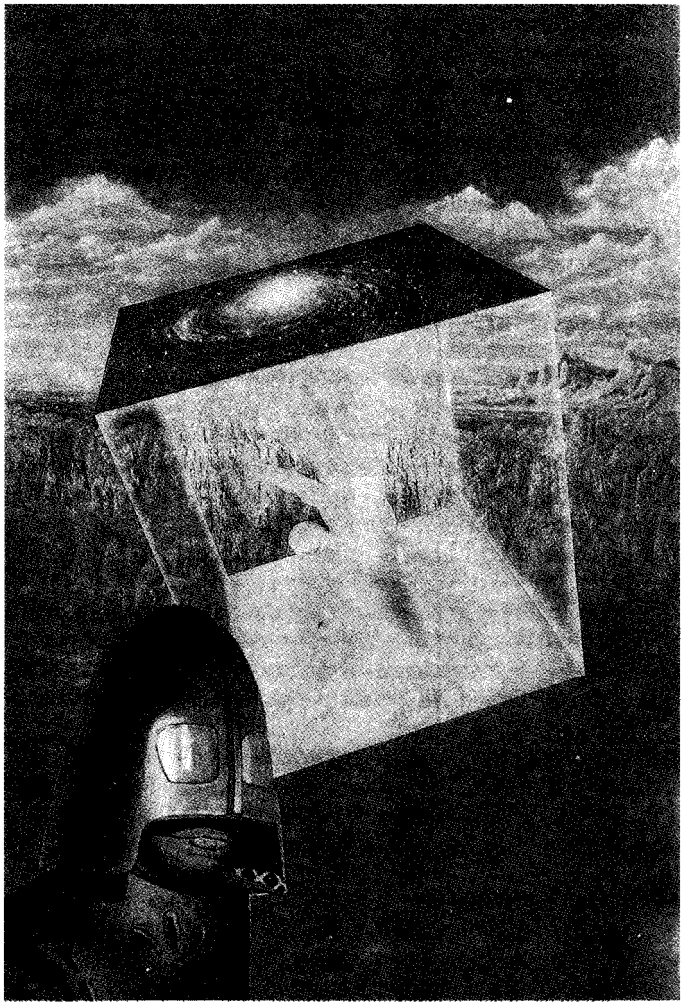
— Я передумала. Я доверяю только Ульмару. Более того...

Она внезапно оказалась слишком занята, чтобы закончить фразу.

— Ах, я, несчастный!— заключил Жиль Хабибула, с одобрением глядя на парочку.

— Это ясно, что нам здесь рады, особенно девушке! Смертельно ясно! Ах, и для бедного старого солдата Легиона это местечко, кажется, вполне подходит, чтобы провести в мире оставшиеся годы. Кухня и погреб построены здесь пропорционально всему зданию. Ах, Хал, может, ты забудешь о своей драгоценной гордости за все эти медали и украшения, которыми обвешал тебя Джей с тех пор, как Зеленый Холл сделал его командиром Легиона? Если бы ты это сделал, мы смогли бы поискать где-нибудь смертельный кусочек еды.

ВТОРАЯ ВОЙНА ЖИЛЯ ХАБИБУЛА

УЗНИК ФОБОСА

Фобос вращался одновременно с Землей, ибо древние покорители этого спутника Марса изменили скорость его обращения соответственно своим имперским интересам. Они покрыли этот мертвый камень живой зеленью, окутали искусственным воздухом и правили планетами из его дворца, словно плененными островами.

Однако их гордые космические флотилии были разбиты и забыты задолго до этих лет середины тринадцатого столетия. Все человеческие острова вокруг Солнца вновь были свободны, и самый молодой наследник увядшей памяти утраченной Империи был неустанным узником в грандиозном Пурпурном Холле.

Ночь уже сменялась зловещей зарей, и длинный полумесяц Марса поднимался, словно окрашенный кровью серп, на фоне солнца. В его красноватом свечении отодвинулась стеклянная дверь, и он вышел в высокий центральный пилон, в обширный сад на крыше западного крыла.

Стройный молодой человек был одет в зеленую форму Легиона Пространства, без знаков различий и служебных украшений. С беспокойным выражением на юношеском лице он остановился, чтобы осмотреть темное небо на западе. Вслед за ним в дверь проскочил другой человек в зеленом.

— Боб Стар! Где?.. А, приятель, вот ты где!— Старый солдат пространства был приземист, лыс и толст, и китель его был увешан знаками отличия долгой карьеры, но сейчас не застегнут в спешке.— Неужели ты не мог подождать секундочку старого Жиля Хабибулу?

— Прости, Жиль.— Боб Стар быстро повернулся назад, и его тонкое, опаленное солнцем лицо потеплело от улыбки, причиной которой стал запыхавшийся, взъерошенный телохранитель.— Я попытался проскользнуть сюда, чтобы лишь разок взглянуть на небо. Неужели ты должен следить за каждым моим шагом?

— Ты же знаешь, что должен,— пропыхтел толстяк.— Хал и я получили приказание твоего отца охранять твою жизнь ежесекундно. А великий Джон Стар — офицер, который требует дисциплины.

— Великий Джон Стар!— На миг горечь обострила голос молодого человека, когда он увидел на лице собеседника выражение безоговорочной преданности.— Я допускаю, что мой отец действительно велик.— Он рассудительно кивнул.— Я знаю, что он герой жуткой войны и владелец Фобоса, а также муж моей матери.

Но почему он содержит меня под охраной, как преступника?

— Прошу тебя, парень.— Жиль Хабибула, переваливаясь с ноги на ногу, подошел к нему, обходя кустарник, из которого и состоял этот сад на удаленном от Земли камне. Кустарник был привезен с родной планеты и аккуратно посажен здесь.— Быть может, твой отец и строже, чем старый Жиль Хабибула, однако он всего лишь пытается сделать из тебя солдата. И ты знаешь, почему тебя надо охранять.

— Ради моей же безопасности.— Его плечо раздраженно поднялось.— Так сказал отец. Но я закончил Академию Легиона с достаточно высокими оценками. Я научился сражаться. Почему он не доверит мне защиту собственной жизни, как и всем прочим?

— Но ставка больше, чем твоя жизнь, дружище.— Жиль Хабибула быстро оглядел голые стены и отвел его чуть дальше от двери.— И грозит тебе больше, чем сыну Джона Стара. Для нас с Халом не секрет, что Совет выбрал тебя в качестве наследника материнского сокровища.

На загорелом лице Боба Стара отразилось понимание.

— Ты имеешь в виду АККА?— Голос его понизился в благоговении, когда он заговорил о великой тайне, известной под этим кратким символом. Самое драгоценное имущество объединенных человеческих планет, это было оружие для самого отчаянного случая, могущества столь огромного, что каждый законный хранитель его приносил клятву передать его только наследнику.

— Таковы твои будущие обязанности, дружище,— сочувственно вздохнул старик.— Самое благородное назначение, о котором может мечтать человек,— быть единственным носителем великого оружия, как твоя драгоценная мать. И охраняют тебя по приказу Совета с того дня, когда тебя выбрали. Мы с Халом горды служить тебе. Что в этом плохого?

— Однако сейчас я не храню никаких тайн,— снова запротестовал он.— Никаких, за исключением того, что мать передаст мне АККА, когда врачи скажут, что для нее это больше небезопасно — а это, я надеюсь, случится лет через двадцать, не раньше. Неужели все это время я проведу в заточении?

— Быть может, приказ действительно излишне крут,— сочувственно кивнул лысый старик,— но что в нем неприятного? Что касается Фобоса — это просто кусочек рая. Мы имеем все удобства величайшего дворца в Системе. Не говоря уже о привилегии благородного погреба,

наполненного известнейшими винами. Скажи мне, что в этом смертельного плохого?

— Вообще-то ничего.— Пальцы Боба Стара нервно поднялись, чтобы прикоснуться к шраму на лбу, бледному треугольнику, которого не коснулся загар.— Я понимаю, что обладание АККА — великая честь, хотя я не хочу этого. Однако сегодня ночью я не спал и размышлял о многом.

— Твоя голова?— Жиль Хабибула заметил его пальцы у лба.— Не в ней ли дело, дружище? Что, этот старый шрам вновь причиняет тебе боль?

Боб Стар, не отдавая себе отчета, опустил руку, и лицо его стало жестким. Старая боль не возвращалась — но только потому, что не было случая. Природа и последствия старой травмы были его тайной, охраняемой столь же тщательно, как он намеревался охранять и оружие, называемое АККА. Губы его молча сжались.

— Всего лишь плохое настроение. Я знаю, как с этим бороться!— Жиль Хабибула взглянул на него с надеждой.— Блюдо с ветчиной, мясом и яйцами, со свежим черным хлебом и кофейником, чтобы все это прошло получше. А после, может быть, яблочный пирог. Ты сегодня встал смертельно рано и вытащил бедного старого солдата из постели, даже не дав ему перекусить. Вернемся к завтраку!

— Позже, Жиль.— Боб Стар говорил отсутствующе, глядя в черное небо.— Сначала я хочу кое-что увидеть.

— Что бы ты ни искал там, это не следует делать на пустой желудок.— С неожиданной тревогой старый солдат стал смотреть в мрачное небо, и лицо его выглядело сейчас очень старым.— Но в чем дело, дружище? Ты слишком юн, чтобы выглядеть таким мрачным.

— Я не мог заснуть.— Боб Стар по-прежнему глядел в небо.— Я не знаю даже, почему. Однако окна у меня были открыты, и, пока я лежал там, я увидел вдруг что-то вреди звезд.

— Что, дружище?— Сопящий голос Жиля Хабибулы зазвучал неожиданно внимательно.— Что ты там увидел?

— Всего лишь крошечную зеленоватую искорку,— медленно сказал Боб Стар.— В созвездии Девы, близ Виндемиатрикса. Не знаю даже, почему, но это подействовало мне на нервы. Она исчезла из виду, когда Марс стал подниматься. Я не знаю, что это было, однако хотел бы взглянуть с помощью телескопа.

Он пошел в направлении сияющего купола маленькой обсерватории, которую установил в конце сада — так, чтобы можно было наблюдать за звездами при посредстве электронных отражателей и собственного неутомимого ума, невзирая на заключение.

— Подожди, дружище.— Голос толстяка прозвучал острее.— Ты же не мог вытянуть бедного старого солдата Легиона из его жалкого сна для того, чтобы взглянуть на звезду?

— Но это не просто звезда.— Он повернулся к Жилю Хабибуле с хмурым выражением человека, которого вырвали из задумчивости.— Потому что несколько ночей назад ее там не было — я осматривал случайно тот же самый сектор неба, искал астероид, который, казалось, сбился с курса. Это не может быть новая — не с этим странным, бледно-зеленым цветом.

— Забудь об этом, парень,— настойчиво засопел старый легионер.— Любая звезда покажется коварной, если не позавтракать.

— Я не знаю, что и думать.— Боб Стар с тяжелым чувством покачал головой.— Этот объект, когда я лежу и смотрю на него, притягивает меня. Он похож на глаз, глядящий на тебя. Он заставляет меня... бояться!— Он вздрогнул — через крышу потянуло ветром.— Я не знаю, почему, однако я действительно боюсь.

— Боишься?— Жиль Хабибула обратил на светлеющее небо торопливый рыбий взгляд.— Я не вижу, чего тут бояться. Мы же не трусы, парень. Ни ты, ни я. И уж особенно, когда в нас плещутся соответствующие напитки.

— Возможно, это комета.— По-прежнему хмурясь, Боб Стар повернулся к обсерватории.— Похоже на нее — я видел короткий след слабого туманного зеленого свечения, что не бывает у звезд.

Он неуютно пожал плечами.

— Но, в таком случае, будь это комета, ее давно заметили бы большие обсерватории. Этого не случилось — я прочитал все астрономические сообщения, делать-то больше нечего! Я не могу представить, что это, однако хочу взглянуть.

— Не надо, парень!— Сопящий голос обострился, и в нем была удивительная настойчивость.— Не надо шутить с судьбой.

— В чем дело?— Он резко взглянул на лицо старика, казавшееся побледневшим.— Что с тобой?

— Я уже имел неприятности, и они мне не понравились,— печально кивнул Жиль Хабибула.— Я знаю, что последний год был мирным, с тех пор как мы с Халом вернулись с тобой с Земли. Ах, счастливое время — работы немного, брюхо полное, сна вволю. А ведь мне пришлось пережить такое, от чего у тебя кровь застыла бы в жилах.

Боб Стар удивленно взглянул на него.

— Я знавал смертельные времена, которые некоторые называют приключениями,— грустно продолжал он.— Я был с твоим отцом, с командором Каламом и Халом Самду двадцать с лишним лет назад, когда мы отправились к Убегающей Звезде, чтобы сражаться с кровавыми медузианами за твою дорогую мать и ее драгоценный секрет.

— Я знаю,— кивнул Боб Стар.— Вы четверо были героями, которые спасли оружие моей матери и спасли человеческие планеты. Но что тут общего с крапинкой зеленого тумана в небе?

— Только то, что с меня достаточно,— сказал старик.— Слушай парень, слово доброго совета. Героизм доставляет чертовские неудобства.

Забудь об этой чудовищной комете. Она может подождать, пока мои старые кости лягут на отдых, вместо того, чтобы в последние дни тревожить меня такими жуткими разговорами.

Он покачал головой.

— Бедный старый Жиль! Стоит ему усесться с бутылочкой вина в дрожащих пальцах, протянуть ноги у огня и приготовиться отойти к последнему жалкому сну, как появляется эта жуткая комета, чтобы разбудить его угрозой очередной звездной войны. Ах, во имя дорогой жизни...

— Звездная война!— Боб Стар схватил старика за рыхлую руку.— Значит, опасность не просто воображаемая!— Пальцы его сжались.— И ты знал о зеленой комете... Сколько времени?

Старик скривился и покачал головой.

— Нет, нет, парень,— пробормотал он поспешно.— Тут, на Фобосе, тревожиться не о чем. Просто ты смертельно рано вытащил меня из сна. Мои старые мозги еще слишком разомлевшие и ленивые. Не следует, дружище, обращать слишком много внимания на болтовню видавшего виды ветерана Легиона.

— Что ты знаешь о комете?

— Прошу тебя, парень! Я ничего не знаю! Во имя жизни...

— Слишком поздно, Жиль.— Его пальцы сжались крепче.— Ты уже сказал слишком многое. Если не хочешь рассказать, в чем дело, и почему это скрывается от меня, я буду задавать неудобные вопросы.

— Прекрати, дружище!— застонал старик.— Не надо трясти меня, как подыхающую крысу.

Затаив дух в ожидании, Боб Стар отпустил его руку.

— Слушок в Легионе. У меня нет секретов от Совета, парень. И, между прочим, твой собственный отец велел нам держать это от тебя в секрете. Ты же не позволишь, чтобы старый Жиль проронил об этом хотя бы словечко?

— Мой собственный отец!— в голосе Боба Стара опять появилась горечь.— Он думает, что я слабак и трус.

— Нет, дружище,— пробормотал Жиль Хабибула.— Он просто боится, что тебя это тревожит, а также что это повлечет за собой смертельный шок, которого для тебя будет слишком много.

— Он мне не доверяет,— прошептал Боб Стар.— Однако расскажи мне об этой комете. В чем тут дело?

— Ты обещаешь дружище, не говорить ему?

— Обещаю,— сказал Боб Стар.— Выкладывай.

Старый солдат осторожно отвел его по траве, где под укрытием росли белые франшипаны. Он тревожно поглядел на высокую крышу, на могучую центральную башню Пурпурного Холла, которая ожила в солнечном свете.

— Впервые эту страшную штуку увидели десять недель назад.— Его гнусавый голос превратился в шипящий шепот.— Ее засекла большая наружная обсерватория на станции Контр-Сатурн. Она двигалась в сторону солнечной системы со скоростью, от которой астрономы просто обалдели.

Он схватил руку Боба Стара.

— Но ты помнишь, парень? Не выдавай Жиля за то, что он распустил, свой глупый язык. Твой отец — жестокий человек. Хотя мы с ним и товарищи по великому путешествию к Убегающей Звезде. Ты помнишь?

— Я держу слово,— сказал Боб Стар.— Но что тревожного в этой комете?

— Она не похожа на другие,— сказал старик.— Это не какое-нибудь хрупкое создание из гальки и ионизированного газа, и оно больше, чем любая другая комета. Астрономы не знают, что это такое. Однако оно двенадцать миллионов миль в длину, дружище, вообрази себе! Чужеродное тело, несомое среди звезд космическим течением.

Боб Стар в изумлении шагнул назад.

— Понятно,— произнес он хрипло.— А что еще?

— Астрономы рвут на себе волосы, парень. Так сказал нам твой отец. Потому что эта штука нарушила все их расчеты. Движение ее совсем неправильное. Когда притяжение солнца должно было увеличить ее скорость, она остановилась!

Затуманенные, окаймленные красные глаза старика быстро оглядели сад, темное небо и торопливо вернулись к Бобу Стару. Того просто потрясло, что Жиль Хабибула напуган.

— Что же ее остановило?

— Об этом не знает никто в Системе.— Скрипучий голос стал тише.— Сейчас она просто висит сама по себе! До нее пять биллионов миль — далеко за Плутоном. Это не движение кометы, Боб. Так может остановиться только космический корабль — если ты можешь представить себе космический корабль двенадцати миллионов миль в длину.

— Что еще?— Боб Стар стоял в напряжении — страх в нем смешался с возбуждением.— Что случилось потом?

— Это все, что я знаю. Еще, правда, то, что Совет встревожен. Тут их винить не за что! Затем-то и отозвали твоего отца на Землю, чтобы он встретился с ними в Зеленом Холле. Они установили цензуру на любые новости о комете — словно людям не может повредить военный секрет!

— Интересно, что они задумали?

— Это совершенно секретно, но мне известны слухи, которые ходят в Легионе.— Старик подозрительно оглянулся и осмотрелся.— Я полагаю, ты слышал о "Непобедимом"?

— Новый боевой корабль?

— Величайший корабль из построенных когда-либо Системой.— В голосе Жиля Хабибулы внезапно зазвучала гордость.— Тысяча футов в длину, вооружен вихревой пушкой — великое новое оружие, с помощью которой мы выиграли войну со Стивеном Орко. Почти такая же страшная штука, как секретное оружие твоей матери.

— Я знаю,— нетерпеливо прошептал Боб Стар.— Дальше.

— Я не храню особых тайн, парень,— проскрипел старый голос.— Все, что я знаю,— это слухи в Легионе. Однако я слышал, что на "Непобедимом" находится экспедиция, которая должна выяснить, что внутри этого зеленого облака движет кометой, как кораблем.

Толстые пальцы вцепились в рукав Боба Стара.

— Ты помнишь, парень?— взмолился Жиль Хабибула.— Ты не расскажешь своему отцу?

Боб Стар стоял очень прямой в своей форме без знаков отличия, его темная голова, открытая холодному и далекому солнцу, высилась теперь под тающим полумесяцем Марса. Пальцы правой руки поглаживали, как они делали часто, треугольный шрам на лбу. Загорелое лицо было озабоченным.

— Не волнуйся, Жиль,— сказал он тихо.— Я не скажу.

И вдруг он взорвался:

— Итак, мой отец велел тебе скрывать это от меня? Он боялся, что я не перенесу шока? А почему он не прикажет тебе баюкать меня на руках?

ХРАНИТЕЛЬ МИРА

Боб Стар снова спешил к куполу обсерватории. Жиль Хабибула торопливо переваливался следом, вглядываясь в черное небо и вздрагивая при каждом шорохе ветра в черепицах, словно его рыбьи глаза уже увидели некоего неприятного посетителя, спускающегося с кометы на крышу.

Возле маленького купола Боб Стар помедлил. Он стоял у края крыши, возле низкого парапета из стекла пурпурного цвета. Вдали, под ним, простирался Фобос — маленькая луна, столь крошечная и угловатая, что казалось одиноким горным пиком под дворцом, плывущим в пространстве, оторванным от своего мира. Хотя она была зеленой от посаженных лесов и сияла искусственными озерами.

Он мог припомнить те времена, когда она для него была достаточно большой и красивой, чарующая победа планетарных инженеров,— ее

узкие аллеи были полны любых нужных ему приключений. Но это было в детстве, прежде чем его отправили в Академию Легиона. Сейчас она была для него лишь местом заключения.

Жиль Хабибула уселся на солнышке на скамейку. Он порылся в карманах расстегнутой формы и нашел небольшую пустую фляжку с мерной шкалой на боку. Он подержал ее против солнечного света, и глаза его хмуро взирали на единственную капельку любимого вина.

— Давай, давай, парень,— печально прошептал он.— Если тебе так уж необходимо глядеть в призрачное лицо смерти. Бедный старый Жиль подождет тебя. Он уже ни для чего не пригоден — может разве что жарить свои больные кости на солнце.

В прохладном сумраке обсерватории Боб Стар сел за телескоп. Его механизмы тихо гудели, быстро отвечая на его прикосновения. Огромная труба вращалась, обыскивая пространство фотоэлектрическим глазом, и бледный электронный луч пробегал по вогнутому экрану.

Боб Стар склонился к экрану. Это был колодец тьмы. В нем плясали белые точки. Он знал, что самая яркая — троекратно увеличенная звезда Виндемиатрикс. Поблизости от нее он обнаружил пятно бледно-зеленого цвета, странно размытое.

Он увеличил электронное умножение. Виндемиатрикс и дальние звезды выскользнули из поля зрения. Комета висела в одиночестве и быстро росла. Форма ее была удивительной — необычно совершенный эллипсоид. Он подумал, что она похожа на зеленоватый футбольный мяч, заброшенный в Систему из ночи космоса. Но кем?

— Двенадцать миллионов миль в длину,— хрипло пробормотал он.— Это значит, что это не может быть твердой материей. При такой низкой плотности оно должно быть полым. Но что внутри?

Воспользовавшись лучевыми фильтрами и спектроскопом, поставленным на полную мощность, он попытался проникнуть под смутную зеленоватую вуаль — безуспешно. Он вскочил на ноги и выключил прибор, беспокойно щелкнув пальцами. Он вышел наружу, туда, где сидел Жиль Хабибула.

— Бесполезно,— пробормотал он.— Я обнаружил облако вокруг нее, однако вглубь заглянуть не удалось.

Он вновь вздрогнул. Ибо никогда не приходилось видеть ничего столь же сверхъестественного и столь же непонятно-ужасного. Комета угрожала проклятиями тайн темных межзвездных пространств, из которых она явилась, и сама ее огромная величина гнетуще действовала на разум. Это было нечто вне мерок и масштабов человека, как человек непостижим для микроскопических инфузорий, кишащих в водяной капле.

— Ну что ж, парень, ты посмотрел на нее.— Жиль Хабибула радостно вскочил на ноги.— Лучшие астрономы в Системе не сделали ничего большего. Давай поедим прежде, чем нас постигнет кара.

Боб Стар молча кивнул. Его разум был по-прежнему отвлечен и не реагировал ни на что. Он находился на полпути назад по крыше, когда старый солдат вдруг остановился, так неожиданно показав на запад, как будто увидел саму комету.

Повернувшись, Боб Стар увидел белую стрелу, из которой вырывалось бледно-голубое пламя. Она двигалась по дуге над ржавым полумесяцем Марса и все увеличивалась в небе. В воздухе раздался хрустящий шепот. Черепица затряслась над волной звука. Серебряное веретено промелькнуло над голой, так близко, что он смог различить черные пятна наблюдательных портов и узнать "Звезду-Фантом".

— Мой отец.— Он почувствовал, как крыша слегка дрожит при спуске корабля на огромную площадку, что венчала центральную башню.— Он знает все о комете и о том, что предпринимает Зеленый Холл.

— Твоя мать ждет в Яшмовой Комнате,— сказал Бобу Стару стражник в коридоре.— Пришло ультракоротковолновое сообщение от Джона Стара. Он идет, чтобы встретить ее там.

Яшмовая Комната была огромной, ее высокие стены были облицованы яшмово-зеленым стеклом и полированным серебром. С двух сторон огромные окна выходили на темно-зеленый и ярко-серебряный ландшафт спутника. Пол и массивная меблировка из венерианского красного дерева и отливали рубиново-красным.

Его мать, та, что прежде была Аладори Антар, сидела в огромном кресле, которое делало ее совершенно крошечной. Когда он вошел, она подняла на него глаза, и быстрая улыбка согнала тень тревоги с ее лица. Он подумал было, насколько серьезны должны были ее мысли, но она сказала только:

— Ты рано встал, сынок.

Он задержался возле дверей, чувствуя себя болезненно-неуклюже. Она была очень красивой, и он знал, что она старается быть доброй. И все же, когда все напоминало ему о ее великой ответственности, она становилась личностью, слишком возвышенной и знаменитой, чтобы быть его матерью. Он нервно спросил:

— Отец идет сюда?

— Он только что приземлился.— Радость сделала ее опять человечной. Ему захотелось подбежать и обнять ее. Глаза его почему-то наполнились слезами. Он импульсивно двинулся к ней, однако услышал.

— Твой отец послал весточку с просьбой ждать его здесь, одной. Пожалуй, тебе лучше выйти, Боб, всего лишь на несколько минут.

Это остановило его. Он стоял, глядя на нее. Пальцы его свирепо скручивали полу кителя. Ткань выскользнула из пальцев, и он невидяще уставился в пол.

— Что случилось, Боб?— Покинув подобное трону кресло, мать быстро направилась к нему.— Что-нибудь не так? Почему ты так странно смотришь?

Она ласково взяла его за руку.

— Ты дрожишь. Ты болен?

Он затряс головой, гневно моргая сквозь слезы.

— Я не болен,— хрипло пробормотал он.— Если бы только ты не обращалась со мной так!

— Боб!— Ее лицо стало огорченным.— Я не хотела показаться недоброй...

— Ты слишком добра!— оборвал он ее грубо.— Но я хочу, чтобы мне доверяли. Я хочу иметь возможность жить, как мне хочется,— даже если это означает возможность погибнуть. Я не могу оставаться здесь взаперти, когда в мире происходят события.— Он сдержал всхлипывание.— Если ты хочешь быть действительно доброй, отправь меня исследовать комету на "Непобедимом".

Она быстро шагнула назад, внезапно побледнев.

— Я не знаю, как ты узнал...— Мгновение она молчала, потом печально покачала головой.— Я сожалею, Боб,— сказала она.— Я не представляла, что именно ты чувствуешь. Мы с Джоном очень горды, что тебя выбрали следующим Хранителем Мира.— Она вопросительно посмотрела на него.— Разве это не обещает тебе вволю опасностей?

— Но как я могу научиться противостоять опасностям?— устало спросил он.— Если ты и отец нянчитесь со мной, как с ребенком. Сторожите как заключенного!

— Надеюсь, мы не слишком тебя ограждаем.— Пододвинувшись к нему ближе, она, казалось, выжидала.— Есть... есть кое-что, что мне следовало бы рассказать тебе, Боб.

Он напрягся, внезапно уловив серьезность в ее голосе.

— Тебе известно, Боб, что в Академии ты получил блестящие отзывы — мы с твоим отцом очень горды этим. Только один студент закончил ее с более высокой оценкой. Это был Стивен Орко.

Он сморщился при этом имени, и пальцы его инстинктивно поползли к шраму на лбу.

— Когда ты обучался, Боб, командор сказал нам, что встревожен насчет тебя. Он думал, что ты слишком перенапрягся, пытаясь обогнать Орко. Он показал нам доклад медиков. Они сходились во мнении, что ты близок к нервному срыву, и порекомендовали для тебя год полного отдыха, прежде чем ты снова будешь привлечен к какой-нибудь службе. Он предупредил, чтобы мы ничего не говорили тебе о докладе, пока тебе не будет лучше.

Она обнадеживающе улыбнулась.

— Я уверена, что сейчас с тобой все в порядке,— сказала она.— Но ты здесь именно поэтому.

Боб Стар смотрел мимо нее, на окно и близкий изломанный горизонт.

— Мне повредило не то, что я перетрудился,— тихо прошептал он.— Это был Стивен Орко...

Однако мать уже не слышала его. Он повернулся и увидел, что в комнату вошел отец. Джон Стар четким шагом шел по широкому красному полу, стройный и подтянутый, и, как всегда, в зеленой форме Легиона.

Крепкий и изящный, он выглядел ненамного старше, чем его сын. Он сразу направился к Аладори, почтил ее кратким солдатским поцелуем и вручил ей тяжелый запечатанный пакет.

— Дорогая, это приказ Зеленого Холла, Совета.— Серьезный, сосредоточенный, он повернулся к сыну.— Роберт,— сказал он,— я хочу поговорить с твоей матерью наедине.

Боб Стар стоял безмолвно. Яшмово-зеленые стены были холодны как лед. Красный пол — самая страшная пустота. Колени его были готовы вот-вот подогнуться, и удержаться ему было не за что.

— Прошу вас, сэр... Пересохшее горло перехватило.

— Пусть он останется, Джон,— быстро сказала мать.

— Если это о комете,— хрипло пробормотал он,— то я уже видел ее.

— Да, о комете.— Джон Стар взглянул на Аладори и коротко кивнул. Ты можешь сесть, Роберт.

Он с благодарностью рухнул в огромное кресло и вцепился в красное дерево, пытаясь унять дрожь в руках. Он увидел, что большие глаза матери медленно поднялись на Джона Стара от листа, который она вытащила из пакета. Ее лицо побелело от небывалого огорчения.

— Джон.— Ее голос был очень тих.— Это приказ уничтожить объект в Вирго с помощью АККА.

Джон Стар по-военному четко кивнул.

— Резолюция уничтожить кометарный объект была одобрена Советом восемь часов назад,— сказал он быстро.— Я доставил тебе приказ на полной скорости "Звезды-Фантома" — рекордный перелет.

Большие серые глаза на миг задержались на лице Джона Стара.

— Джон,— очень тихо сказала его мать,— ты знаешь, о чем ты просишь меня?

— Конечно.— Джон Стар поглядел на нее раздраженно.— Я выступил перед Советом, требуя действий. Отказ был вполне возможен. Имели место сентиментальные возражения.

— Возможно, я сентиментальна,— сказала она,— однако я не хочу уничтожать объект, пока у нас есть время. Потому что это нечто совершенно чудесное, настолько чудесное, что никто из наших ученых не отважится сказать, что это такое.

Она быстро подошла к нему.

— Не можем же мы вычеркнуть его из существования, не выяснив даже, что это такое?

— Можем и должны.— Все еще стоя, Джон Стар потянулся всем телом.— Подумай об аргументах в пользу уничтожения неизвестного объекта и о существах, которые, похоже, оперируют им как кораблем.

Репортеры уже подобрали для них словечко, прежде чем мы установили цензуру. Кометчики!

Их наука, скорее всего, намного опережает нашу, разве что они вряд ли обладают твоим оружием. И враждебность их настолько же несомненна, как и их могущество.

В голосе Джона Стара послышался ораторский звон, словно он цитировал свое выступление перед Советом.

На Земле и повсюду в Системе закон выживания заставляет даже наиболее близкие и родственные жизненные формы убивать друг друга. Кометчики не могут быть нашими родственниками, поскольку они — явно успешная и эгоистичная жизненная форма, какими бы они ни выглядели.

Аладори покачала головой.

— Я не уверена в твоей логичности.

— Сентименталисты в Совете пытались поставить ее под сомнение,— ответил Джон Стар.— По счастью, кометчики уже предоставили нам самое убедительное доказательство своих враждебных намерений.

Он драматично помолчал, и Аладори тихо спросила:

— Какое именно, Джон?

— Они уже посетили большинство наших планет.

— Люди,— спросил Боб Стар,— действительно их видели?

— Не точно.— Джон Стар не отвел взгляда от жены.— Существа с кометы являются, или делают себя такими на случай визитов, невидимыми. Но они оставляют достаточно следов.

Аладори быстро спросила:

— Что они сделали?

— Они прибыли в какой-то массивной машине, силовые поля которой были достаточно для того, чтобы нарушить нашу ультракоротковолновую связь. Очевидно, первой их целью было разведать нашу оборону — невидимый корабль уже приземлялся возле некоторых из баз Легиона. На Земле двадцать четыре часа назад налетчики уничтожили четырех охранников, причем ужасным оружием. Они проникли в запертое подземелье, которое мы считали неприступным. Они скрылись с драгоценным военным секретом.

Джон Стар быстро подошел ближе к жене. Внезапно оказалось, что он уже не солдат и не оратор, а только человек, умоляюще говорящий.

— Прошу тебя, дорогая!— прошептал он.— Я знаю, что ты имеешь право наложить вето на первый приказ. И я знаю о той страшной ответственности, которую ты несешь. Думаю, я понимаю твои чувства. Но эта опасность слишком велика и вот-вот готова осуществиться. Откуда мы знаем, может быть, один из невидимых кометчиков находится сейчас рядом с нами, в этой самой комнате.

Он быстро оглядел яшмово-серебряное помещение. Боль сделала белым его длинное лицо, и на глазах засверкали слезы. Он импульсивно обнял Аладори. Боб Стар быстро отошел, изумленный: он почти забыл, что его отец — человек, а не только солдат.

— Это надо сделать, дорогая,— молил он,— ради тебя и ради меня!

Аладори хмуро раздвинула его руки.

— Что это за секрет,— спросила она,— который выкрали кометчики?

Джон Стар повернулся и взглянул на сына. Губы его были плотно сжаты. Он медленно кивнул, словно признал за Бобом право находиться здесь.

— Они узнали,— сказал он,— что человек по имени Меррин жив.

Боб Стар увидел, как новый прилив печали смыл краску с лица матери. Он заметил слабое потрясенное движение головы. Голос, когда она заговорила, казался странно спокойным:

— Это все меняет, если они знают о Меррине. Это не оставляет нам выбора.— Она напряженно кивнула.— Если они докопались до... этого, они просто должны быть уничтожены.

РЫЧАГ И СИЛА

Боб Стар стоял и смотрел на мать, хмурясь от раздиравших его вопросов. С лица ее не сходило острое сожаление о том, что ей предстояло сделать. Она быстро отвернулась от него и от отца. Она склонилась над меленьким столом полированного венерианского красного дерева, занявшись с несколькими маленькими предметами, снятыми ею с себя: часами, ручкой и механическим карандашом, металлическим украшением с платья, железным ключом.

— Мне уйти?— прошептал он.

Она поглядела на него, хмуро улыбнувшись.

— Можешь оставаться,— сказала она.— Придет день, и ты станешь Хранителем Мира. Хотя здесь мало что можно увидеть.— Она поглядела на безвредные, казалось бы, предметы на столике.— Ты можешь смотреть тысячу раз, однако так и не узнаешь тайны,— добавила она,— потому что управление АККА более чем наполовину психическое.

Она снова была занята. Со сноровкой, говорившей о долгой практике, она отвинтила колпачок с авторучки и, сняв два крошечных первичных диска с нижней части корпуса часов, соединила их с ней.

К механическому карандашу, рабочие части которого послужили прекрасными креплениями, она присоединила меленькие, странного вида сооружение. Платиновая цепочка украшения, видимо, служила электрическим проводником, а кнопка авторучки могла действовать как выключатель.

Боб Стар посмотрел на все это и недоверчиво прошептал:

— Эта маленькая штуковина...— это все?

— Это все, что ты видишь.— Ее прекрасные глаза вновь взглянули на него, брови нахмурились под тяжестью задачи.— Это маленькое устройство — всего лишь рычаг. Сила, которая его приводит в движение,— психическая. Принцип, по которому это действует...— Она сжала бледные губы.— Принцип — секрет.

Боб покачал головой, глядя на меленький прибор.

— Ты хочешь сказать, что уничтожила Луну, когда пришельцы из космоса построили на ней крепость, с помощью вот этого?

— С рычагом подобного рода.— Она посмотрела на Джона Стара, и он благоговейно улыбнулся ей, словно они опять пережили то страшное мгновение.— Я сделала его из механизма медузиан, обломка разрушенного Зеленого Холла и сломанной игрушки.

Боб Стар, изумленный, придвинулся ближе.

— Кажется невозможным, что ты можешь уничтожить что-либо такое огромное, как комета, с помощью этой штучки.

— Размеры не имеют значения,— ответила она тихо.— Как и расстояние. Это маленькое устройство, которое ты видишь,— всего лишь рычаг, не забывай, посредством которого сила может быть приложена к любому объекту во вселенной.— Она взглянула вверх, все еще хмурясь.— Эффект — фундаментальное, абсолютное изменение кривизны пространства, что приводит материю и энергию к невозможному абсурду.

Боб Стар мгновение молчал, не двигаясь и не дыша. Он откинулся в кресле, изумленно вздрагивая и глядя на хмуро улыбающуюся женщину. Она не была больше его матерью, а кем-то странным и ужасным, как, наверное, сами кометчики. Лицо ее светилось тихой бесстрастной сосредоточенностью.

— Мама... мама,— прошептала он хрипло,— ты словно... словно богиня.

Казалось странным, что она услышала его, будучи совершенно отвлечена. Однако она повернулась к нему и сказала:

— Быть богиней, Боб,— это одиночество.

Она отвела глаза. Несколько секунд она работала молча, устанавливая устройство. Но неожиданно она опять оторвалась от него, чтобы взглянуть на сына.

— Боб, есть еще одна вещь, которую ты должен знать, поскольку ты избран следующим Хранителем. Причина того, что Хранитель должен быть только один,— причина и того, что тайна должна быть тайной

и для тебя, до тех пор, пока врачи не решат, что я больше для этой цели не гожусь.

Он кивнул, затаив дыхание и ожидая.

— Пользуясь тем же термином, скажу, что здесь только один принцип.

— Что?— У него перехватило дыхание.— Я не понимаю.

— Принцип только один. Это не буквальное утверждение, однако точка опоры только одна, и это все, что я могу тебе сейчас сказать. Ты должен понять лишь одно: если два человека знают тайну и пытаются одновременно применить свои рычаги, ни у одного из них не получится. Если бы мы с тобой независимо друг от друга попытались это сделать, то ни у тебя, ни у меня не было бы успеха.

— Я понял.— Побуждаемый, внезапным позывом, он быстро двинулся к ней.

— Что с тобой?— резко спросила она.— Ты мне скажешь потом.

— Тебе плохо, мама?

— Ничего болезненного.— Серые глаза снова поднялись, блестя сосредоточенностью, которой он не мог понять.— Ты поймешь, что знаниями нельзя разбрасываться там, где это может быть небезопасно.

— Ты хочешь сказать...— Он знал, что она имела в виду, но неожиданно не смог сказать этих слов.— Ты боишься??

Она медленно покачала головой. К его изумлению, она улыбнулась.

— И не думала,— тихо прошептала она.— И ты не будешь, после того, как побудешь с мое Хранителем Мира. Я думаю, что сегодня обязанности Хранителя Мира могут показаться тебе страшным наказанием. Однако наступит время, когда ты увидишь, что есть самое почетное, и великое вознаграждение за нашу особую службу.

— Я... я этого не увижу.— Ожидающие его обязанности вокруг показались ему огромными и страшными, и он вновь почувствовал себя ничтожеством.— Но... я прошу прощения, мама.— Он протянул руку, чтобы коснуться ее руки.— Я прошу прощения, что был вспыльчив и вынудил тебя оставить меня здесь.

Она взяла его за руку и сочувственно пожала ее, и затем опять быстро отошла к похожему на игрушку устройству на столике, которое было рычагом для превращения целых планет в ничего. Когда он увидел выражение на ее лице — тихую властность, почти святость и согласие принять в качестве награды саму смерть, собственные его волнения показались ему детскими. Она закончила работу и, выпрямившись, взглянула в лицо Джону Стару.

— Готово,— сказала она.

— Так используй его.

Она взяла маленькое устройство и понесла его к огромному западному окну. Последовав за ней, Боб Стар трясся от страха. Он облизал губы и хрипло прошептал:

— А можно его применять внутри здания? И найти комету без телескопа?

— Я могу.— Она хмуро оглянулась.— Рычагом управляет психическая сила. Опасность не грозит никому, только объекту, против которого она направлена. А от телескопа мало толку, потому что свет слишком медлительный, чтобы показать правильное местонахождение цели. То, что я называю точкой опоры, находится за пределами пространства и времени.

Она повернулась, чтобы поднять маленькое устройство. Красивые руки были белыми от напряжение и, тем не менее, уверенными. Казалось, она вглядывалась в отверстие в двух крошечных металлических дисках, хотя комета сейчас, днем, была невидима для глаз Боба Стара. Палец ее уже двигался, чтобы коснуться выключателя, когда Джон Стар подскочил и схватил ее за руку.

— Подожди!— прохрипел он.

За их спинами Боб Стар увидел в небе бледное пятно голубого пламени. Он услышал шепот и громоподобный рев дюз. Воздух ожил дрожащим звуком, и он заметил гору белого металла, сверкающую за окном. Затем красный пол вздрогнул, и дюзы неожиданно затихли.

— Это "Непобедимый"!— В наступившей тишине голос Джона Стара показался неожиданно слабым и далеким.— Должно быть, командир Калам последовал за мной, и я не могу представить, зачем.— Он медленно повернулся от окна к Аладори.— Думаю, нужно подождать, пока мы узнаем.

Боб Стар подбежал к ним. За окном, в тысяче футов внизу и на расстоянии мили от них, находился огромный корабль — слишком большой для посадки на башню. Он вынужден был опуститься в лесу — деревья вокруг него были вырваны с корнями и горели, подожженные огнем из дюз. Даже с этой высоты он казался в буквальном смысле непобедимым, и его блеск вызывал у зрителей гордость за Легион и человечество. Это была самая величественная машина, сделанная когда-либо людьми. Геодиновый двигатель позволял ему достигать звезд. Новые рефлекторы делали несокрушимым его корпус. Могущественное оружие — атомная вихревая пушка — могло распылять целые планеты.

Из корпуса у него на глазах вылетел реактивный самолет и быстро достиг площадки на башне. Глаза его матери, светясь надеждой, следили за ним.

— Должно быть, это Джей,— прошептала она.— Мы должны подождать.

Она опустила устройство, которое перед этим нацеливала на комету, и Боб Стар отвернулся от могучего "Непобедимого", чтобы взглянуть на прибор еще раз.

— Оно такое маленькое,— запротестовал он.— И собрано из таких привычных вещей! Оно выглядит совершенно незначительным

рядом с "Непобедимым". Будто ничего на самом деле уничтожить не может.

— Это только рычаг.— Она подняла его на маленькой ладошке. Должно быть, она увидела благоговейное удивление в его глазах, потому что тихо добавила:— Я ношу его разобранным, а детали замаскированными — на всякий случай. Но, даже если собранный аппарат попадет во враждебные руки, опасности не будет. Не манипулирование устройством причиняет эффект, а знание — точки опоры и силы.

Боб Стар повернулся, быстро отдав честь, когда в комнату вошел Джей Калам. Как ни странно, командир Легиона, которым он был вот уж почти двадцать лет, выглядел еще менее по-солдатски, чем Джон Стар. Он был строен, смугл и высок, без единого признака военной жестокости в выправке. Зеленая с золотым форма была достаточно поношенной, однако никому бы не удалось обнаружить в ней признаки, позволяющие усомниться в джентльменстве и вышколенности владельца.

— Джон!— заговорил он от двери быстро и настойчиво.— Аладори! Вы уже уничтожили объект в Вирго?

— Еще нет,— прошептал она.— Еще бы секунду, но мы увидели твои дюзы...

— Тогда не надо.— Тонкое лицо его расслабилось, и он облегченно вздохнул. Он направился к ним, уже чуть-чуть улыбаясь.— Я боюсь, что прибуду сюда слишком поздно. Совет изменил приказ.

— Что?— В голосе Джона Стара был звон битого стекла.— Почему?

Высокий мужчина вытащил из кармана кителя второй пухлый конверт и с серьезным видом вручил его Аладори. Она торопливо открыла его, и ее серые глаза вновь улыбнулись, когда она прочла документ.

— Я рада, что ты здесь, Джей,— прошептала она тихо.— Ты спас меня от убийства... чего-то чудесного.

— Что случилось?— Губы Джона Стара были жесткими, узкое лицо бледно и решительно.— Почему изменен приказ?

Мрачноватый командир Легиона спокойно повернулся к нему.

— Джон,— сказал он,— ты знаешь, что Совет разделился при обсуждении предложения об уничтожении кометарного объекта. Сам я был против, потому что это уничтожило бы что-то большее, нежели комета. После твоего отбытия я получил разрешение выступить перед Советом, прося о более сдержанной политике...

— Но... Джей!— Голос Джона Стара прозвучал резко.— Мы уже знаем, что кометчики враждебны. Мы знаем, что они пронюхали о Меррине. Каждое мгновение существования кометы увеличивает угрозу. Она должна быть уничтожена!

Высокий командор покачал головой.

— Мне известны твои аргументы,— Джон,— сказал он медленно.— И мы все признаем, что ситуация крайне серьезная. Мы должны принять надлежащие меры для безопасности Системы. Однако мы еще не удовлетворены и не должны аннигилировать объект, не разобравшись даже, что он из себя представляет. Пока является фактом только то, что кометчики разведут наши военные сооружения, и весьма возможно, что они пытаются защитить себя от поспешного использования такого оружия, как у Аладори. Из того, что мы знаем, их цель в приближении к Системе может оказаться совершенно мирной.

— Джей, ты пацифист в душе.— Сдерживаемый гнев потрескивал в голосе Джона Стара.— Тебе нечего делать в Легионе!

— Я не хочу нести вину за гибель неизвестного мира,— тихо ответил Джей Калам.— Не хочу уничтожить его в припадке паники. Мое дело в Легионе — защита цивилизации, а что она без справедливости и милосердия? Если мы бессмысленно уничтожим комету, я буду чувствовать, что сами мы заслуживаем такую же судьбу.

Как бы там ни было, Джон, я смог убедить нескольких членов Совета, что им не следует особенно увлекаться твоими военными речами. Первым побуждением было отозвать тебя ультракоротковолновым сообщением, но я указал на возможность того, что кометчики способны перехватить и расшифровать приказ. Здесь я видел реальную опасность, потому что я был способен почувствовать вес твоих аргументов. Джон, хотя сам я предпочитаю сдержанность. Ты опередил меня всего лишь на два часа, и я решил, что смогу обогнать тебя на "Непобедимом". Кажется, мы чуть не опоздали.

— Ты еще пожалеешь, что не опоздал.— Лицо Джона Стара было бледным и напряженным, а голос звучал хрипло, резко и страшно.— И Система пожалеет.— Он холодно кивнул на документ, принесенный Джеем Каламом.— Эта бумага — смертный приговор человечеству.

В Яшмовой Комнате повисла зловещая тишина. Наконец. Аладори молча повернулась к столу красного дерева и стала разбирать свое безвредное на вид оружие.

— Я надеюсь, ты ошибаешься, Джон,— сказал Джей Калам.

— Я не ошибаюсь,— бесцветно ответил Джон Стар.— Я не испытываю желания быть жестоким без нужды. Однако мой долг — беречь Хранителя Мира. И я не могу позволять ошибочным эмоциям становиться на моем пути. Я знаю точно, Джей: спасая комету, ты убиваешь Систему.

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ МЕРРИН

На какое-то время в Яшмовой Комнате воцарилась жуткая напряженная неподвижность. Джон Стар стоял недвижимо и одиноко на огромном красном полу, и бледное лицо его казалось маской смерти. Что-то заставило остальных отойти от него.

Боб Стар Услышал, как у отца внезапно перехватило дыхание, и увидел в его глазах влажное мерцание. Стражник Хранителя внезапно превратился в мужчину, защищающего свою жену. Он подошел к Аладори, обнял ее рукой за талию и повернулся, печально взглянув на командира Легиона.

— Ну что ж, Джей.— Голос его был сух и тверд.— Если мы не можем разрушить комету, то что же мы намерены делать?

— Зеленый Холл распорядился предоставить это дело мне,— сказал Джей Калам.— Я тщательно обдумал ситуацию, пока мы летели с Земли. Я разработал план, который мне кажется безопасным.

— Да?— Джон Стар стоял в мрачном ожидании.

— Мы должны делать три дела,— сказал разборчиво долговязый командор.— Мы должны защищать Хранителя. Мы должны охранять заключенного, известного под именем Меррин. И мы должны узнать как можно быстрее, представляет ли существование кометы действительную опасность для Системы.

Первая задача — это твои обязанности, Джон.

Джон Стар молча кивнул, крепче обняв Аладори.

— Но я сомневаюсь, что здесь, в Пурпурном Холле, она будет отныне в безопасности,— добавил Джей Калам.— Фобос хорошо защищен, однако так же обстояло и с подземельем в Зеленом Холле, на которое напали кометчики. При своей невидимости, они вполне могут высадиться и незамеченными пройти в здание. Останки людей, охранявших подземелье, говорят о том, что они имеют незнакомое и страшное оружие.

— Мне это хорошо известно.

— В таком случае я предлагаю тебе увезти отсюда Аладори на "Звезде-Фантоме", и немедленно. И не желаю знать, куда. Можешь выбрать место по своему усмотрению. Держи это в секрете. Можешь послать какому-нибудь члену Совета необходимую информацию о том, как выходить с тобой на связь, если будет необходимость использовать АККА,— пусть это будет простой набор кодовых сигналов в ультракоротковолновом диапазоне, лишь бы этого хватило.

— Да, Сэр.— Джон Стар четко отдал честь.

— Охрана человека по имени Меррин,— продолжал отчетливо Джей Калам,— вполне может быть поручена Легиону, за одним исключением. Я намерен обратиться к твоему сыну, чтобы он пополнил стражу.

Он повернулся к Бобу Стару, внимательно взглянув на него.

— Ты готов, Боб, принять на себя очень важное и ответственное поручение, в интересах Легиона и Системы?

— Да... да, сэр!— Боб Стар попытался ответить твердо, однако не смог сдержать в голосе радостной нотки. Он вздрогнул от огорчения, когда его отец быстро возразил.

— Роберт еще не готов к несению службы,— сказал Джон Стар.— Я планирую забрать его с нами на "Звезде-Фантоме".

— Нет!— задохнулся Боб Стар.— Прошу... я хочу что-нибудь сделать.

Джон Стар лишь пожал плечами на это, но Аладори схватила его за руку.

— Мы говорили с Бобом, Джон,— быстро сказала она.— Он чувствует, что мы слишком его бережем, и мне кажется, что он прав. Я думаю, что ему действительно нужен шанс показать себя.

— Спасибо, мама!— прошептал Боб Стар и повернулся к хмурому командору.— Прошу вас... я хочу попытаться... сделать все, что могу.

— От тебя и потребуется все, что ты можешь.— И Джей Калам повернулся к Джону Стару.— Джон,— сказал он тихо.— Для этой службы я должен призвать твоего сына. Никто больше не подойдет. Помнишь приговор по делу Юпитерианского Мятежа? Тогда было дано определенное обещание. И я намерен хранить честь Легиона даже в такие времена, как сейчас.

Джон Стар медленно повернулся к сыну. Тяжело посмотрел на него. Боб Стар заметил на его лице вопросительное выражение, но, наконец, он кивнул, не спросив.

Он резко повернулся к Джею Каламу.

— Да, я полагаю, мы должны держать слово.— Голос его был холодным и хриплым.— Можешь отдать Роберту необходимые распоряжения.

Боб Стар почувствовал боль в горле. Он хотел поблагодарить отца, однако хмурое выражение лица Джона Стара отбило у него охоту говорить. Он импульсивно поднял руку в воинском салюте, и Джон Стар четко отдал честь в ответ.

— Что касается третьей проблемы, то я намерен сам посетить объект в Вирго на "Непобедимом". Мы будем поддерживать контакт с Зеленым Холлом, пока будет возможно, на ультракоротковолновом луче. Я намерен открыть подлинную природу объекта и цели его загадочного движения. Я надеюсь выяснить, что на самом деле он настолько опасен, как тебе кажется.

Джон Стар быстро пошел вперед и пожал руку командора. Казалось, он сглотнул и тут же сказал:

— Джей!

— Я весьма надеюсь увидеть тебя опять, Джон,— буднично сказал Джей Калам.— Если, однако, мы не возвратимся, то, по-моему, будет разумно уничтожить объект. Я предполагаю затратить пять дней на путь туда и пять дней на возвращение. Дай нам еще два дня. Если мы не возвратимся через двенадцать дней, Джон, можешь считать нас пропавшими и забыть мои возражения против уничтожения объекта.

Он помолчал, повернувшись к Бобу Стару.

— Боб, ты полетишь с нами на "Непобедимом" к месту заключения человека, известного под именем Меррин. В пути у тебя будет время выяснить подробности и великую важность этого задания. Мы убываем немедленно, можешь попрощаться.

Затаив дыхание, Боб Стар повернулся к матери.

Отец отвел командора в сторону.

— Джей, я уже решил, где будет наше новое убежище. Мы покинем Фобос через два часа. Что касается связи...

Из осторожности Джон Стар стал говорить тише.

Женщина, которая была Хранителем Мира, быстро направилась к сыну. При виде этой высокой красавицы сердце его охватила горечь, а нежная мягкость голоса вернула ему все горько-сладкие воспоминания детства. Она взяла обе его руки и притянула его к себе с порывистой дрожью. Она любовно оглядела его с головы до ног, и он увидел, как на ее глазах появились слезы.

— Боб,— вздохнула она,— поцелуй свою мать. Ты не целовал меня, Боб, с того дня, когда отправлялся в Академию,— вот уже девять лет. И мне кажется...— Чистый голос задрожал.— Я боюсь, Боб, что мы уже никогда не окажемся вместе.

Он поцеловал ее. Внезапно жестокое напряжение отпустило его грудь. Ее слезы тревоги и одиночества смешались с его слезами.

— Моя прекрасная, прекрасная мать!— прошептал он. Затем он отодвинулся и с тяжелым чувством посмотрел на нее.— Но ты же не хотела уничтожать комету,— сказал он быстро.— Мне кажется, что ты не боишься даже умереть.

— Что?— Она пожала плечами.— Однако я хотела... я почти хотела, чтобы командор Калам приземлился на полминуты позже. Потому что я все же боюсь, что прав твой отец.

— Почему?

Она мгновение стояла молча с выражением ледяного страха на лице.

— Джей расскажет тебе о человеке, которого мы зовем Меррин,— сказала она быстро.— Я видела его только один раз. Уже после того, как он стал пленником Легиона. Он был заперт и под хорошей охраной. И все же, почему-то он был ужасен.

Она стояла, глядя на яшмово-серебряную стену; глаза ее были неподвижны и мрачны, словно разум ее видел что-то более тревожное.

— Это был гигант, Боб.— В голосе ее была дрожь ужаса.— В нем было что-то величественное, и жуткая сила. Он был беспомощным узником, и, тем не менее, его лицо светилось непокоренной силой. Он был похож... на какое-то сверхчеловеческое существо.

Она схватила Боба за руку. Ее сильная рука дрожала.

— Он выглядел сверхчеловеком — бессмертным, почти непобедимым и совершенно презирающим человечество. Разум его был столь же мощным, как и могущественное тело — однако чувства были не совсем человеческими. Ты бы мог им восхищаться. Но и бояться его. Я не знаю даже, почему, потому что он может уже больше причинить вреда.

Он не говорил со мной, Боб. Он просто повернулся на миг, чтобы взглянуть на меня, когда его вели к камере. Он делал очень маленькие шаги, потому что ноги его были в железных кандалах. Голубые глаза горели и были холодны как лед. Они были непокорны и совершенно безрассудны.

Он засмеялся на ходу, увидев меня. В нем не было надломленности и никогда не будет. Ты должен хорошо стеречь его, Боб. Потому что вместе с ним ты будешь охранять жизнь и счастье всех честных людей.

Изумленный и испуганный, он прошептал:

— Я буду.

— Пошли, Боб,— сказал Джей Калам.— Пора идти.

Он обнял мать.

— Я люблю тебя, Боб,— вздохнула она.— И я очень боюсь!— Ее легкое крепкое тело дрожало.— Будь осторожен, сынок. Не дай вырваться человеку по имени Меррин.

— До свидания, Роберт,— отец пожал мне руку и сказал с неожиданным трепетом чувства в голосе,— что бы ни случилось, ты не должен забывать, что ты теперь офицер и находишься на службе в Легионе Пространства.

— Да, сэр.— Боба Стара снова удивил невысказанный вопрос в глазах отца, и он не смог ответить на него.— Я не забуду.

Он вышел из Яшмовой Комнаты вместе с командором Каламом и внезапно остановился, увидев Жиля Хабибулу, сидевшего в полусне в кресле в широком коридоре.

— А мои телохранители?— быстро спросил он.— Они полетят?

Темное лицо командора потеплело, согретое старыми воспоминаниями.

— Жиль и Хал?— Он быстро кивнул.— Это хорошие люди. Мы, как тебе известно, когда-то служили вместе. Бери их на борт.

На "Непобедимом" позади штурманской каюты была задраенная дверь, которая вела в длинный салон, присутствие которого на боевом корабле удивило Боба Стара. Золотистый свет из скрытых источников падал на роскошный мех тяжелых шкур. Цвета бледной слоновой кости стены были увешаны дорогими гобеленами с Титана. Массивная

мебель, черная с серебром, была роскошно-проста. Длинные книжные стеллажи и оптифон с высокими ячейками для музыкальных записей и драм нескольких планет выдавали эстетические наклонности хозяина комнаты.

"Непобедимый" плыл прочь от Солнца, прочь от желто-красного Марса и зеленоватой крапинки Фобоса. Гудящие геодины — электромагнитные геодезические дефлекторы на языке инженеров — действовали над переносом каждого атома корабля, груза и экипажа из координат привычного четырехмерного пространства, так что корабль двигался, огибая пространство-время, а не напрямик.

В этом скрытом салоне, однако, даже вибрирующий стон геодинов не был слышен, словно они находились в ином пространстве. Ничто не рождало даже малейшего чувства огромной скорости и ускорения корабля. Резкость охлажденного искусственного воздуха напоминала весну в лесах далекой Земли.

— Садись, Боб.— Джей Калам кивнул на огромное кресло, но Боб Стар чувствовал себя слишком напряженным и взволнованным, чтобы сесть.— Я хочу рассказать тебе об узнике, которого мы зовем Меррин, и о несчастливых обстоятельствах, которые заставили нас возложить на тебя эти обязанности.

— Этот человек...— Боб Стар пытался выглядеть спокойно, однако сухой голос дрожал и выдавал его.— Этот человек, которого вы зовете Меррин... Это не... Это не Стивен Орко?

На длинном лице командира появилась тень встревоженного изумления.

— Это первейший секрет Легиона!— Тихий голос звучал напряженно, а темные глаза пристально вглядывались.— Тайна, которую ты не имел права знать до сегодняшнего дня. Как ты узнал?

— В Яшмовой Комнате, когда мать описала мне заключенного,— сказал Боб Стар.— Я знал Стивена Орко и знал, что похожего на него быть не может. Но я думал...— Голос его сел, и пальцы бессознательно приблизились к бледному треугольному шраму на лбу.— Я думал, что он мертв.

— Я рад, что ты узнал именно так.— Похоже, командир успокоился.— Потому что Стивен Орко мертв и похоронен для всех, кроме нескольких доверенных.— Лицо его вновь помрачнело.— Когда ты с ним познакомился?

— Девять лет назад.— Голос Боба Стара звучал хрипло.— На Земле, в Академии. Он был в секции выпускников во время моего первого семестра. Красивый, блестящий. Поначалу он мне понравился. Однако потом...

Он вдруг замолчал. Лицо его было бледным и твердым.

— Что случилось, Боб?— В голосе удивленного Джея Калама послышалось сочувствие.— Вы поссорились?

— Это было наше дело.— Боб Стар холодно кивнул.— Несколько лет я мечтал найти его после окончания учебы и уладить эту проблему. Но потом, в Юпитерианском Мятеже, он показал Легиону, кто он на самом деле. И мне кажется, что он заслужил смерть за измену.— Он пристально посмотрел на высокого командора.— Каков был приговор?

— Ты можешь прочесть его в деле,— тихо сказал командор.— Однако сначала ты должен рассказать мне о себе и о Стивене Орко.

— Я не могу.— Боба Стара охватила паника.— Я никому не говорил, даже родителям.

— Я должен знать,— тихо настаивал Джей Калам.— Потому что твое назначение может оказаться последствием этого инцидента — что бы это ни было.

Боб Стар мгновение глядел на Джея Калама. В лице его была давняя горечь. Он кивнул.

— Вам известно о традициях дедовщины в Академии?

— Офицеры всегда относились к этому терпимо,— сказал Джей Калам.— Считается, что это неплохо для дисциплины.

— Может быть, в обычных случаях.— Боб Стар беспокойно пожал плечами, словно пытаясь стряхнуть старую горечь.— В общем, вы знаете правило, что каждый кадет должен выполнять по одному приказанию от каждого парня из выпускной секции?

Командор спокойно кивнул.

— Я не думаю, чтобы в обычных случаях это было плохо,— продолжал Боб Стар.— Выпускники обучаются быть офицерами, а новички обучаются дисциплине. Команды обычно безвредны, и я полагаю, что обычай так же способствует товариществу, как и дисциплине.

В его голосе задрожало жестокое чувство.

— Но Стивен Орко не был обычным студентом. Великан. Он выглядел чертовски привлекательно — огромный такой атлет. Волосы у него были рыжие как пламя. Глаза особые — яркие, холодные, голубые, и всегда светились злобой. Инструкторы обычно говорили, что он самый выдающийся кадет в Академии.

Прищуренные глаза Боба Стара смотрели мимо Джея Калама на темные участки бесценных гобеленов с Титана. Боль старой раны заставила его забыть благоговение перед высоким командором. Слова вылетали быстро, твердые как ледяные осколки.

— Настоящих друзей, по-моему, у Стивена Орко не было. Все парни в душе боялись его. Хотя он был довольно популярен. Эта замечательная сила и злобное коварство причиняли неудобство его врагам. Более того, он даже как-то очаровывал своей злобой.

Он был прирожденным лидером. Безрассудная смелость дополнялась в нем необычными способностями. И он имел честолюбие, чтобы развивать способности. Он пытался преуспеть во всем, и обычно с успехом. Мне казалось, что он относится с ревнивой нетерпимостью к любому

сопернику. Он никого не любил. Он был совершенно эгоистичен в дружбе.

Меня он возненавидел с первого дня.

Командор был слегка удивлен.

— Ты знаешь, почему?

— Полагаю, ревность,— сказал Боб Стар.— Он знал, что я наследник Джона Стара. Он предположил, что я выбран для того, чтобы занять материнское место Хранителя Мира.— Он покачал головой.— Другой причины быть не может.

— Он тебя третировал?

— С первого дня.— Нервные пальцы Боба Стара ощупывали шрам.— Он вредил мне везде, где мог. Он стремился не дать мне выигрывать награды — наверное, хотел помешать получить нужную Хранителю квалификацию. Он до печенок достал меня своими жестокими практическими шутками. До самого выпуска он портил мне кровь.

Он грустно помолчал, кусая дрожащую губу.

— Я пытался забыть, что он со мной сделал,— прошептал он.— Однако была одна вещь...

— Да,— подтолкнул его командор,— что именно?

— Это случилось однажды ночью, как раз перед окончанием семестра,— начал он внезапно, на одном дыхании.— Я гулял по лагерю один — я вымотался после первых экзаменов по геодезической навигации и был расстроен, потому что кто-то залил чернилами мой конспект и законченную курсовую работу на столе — я полагаю, что за это ответственен Стивен Орко, хотя я так и не смог выяснить это определенно.

В общем, я встретил его в темноте вместе с троицей его дружков. Или, пожалуй, мне не следует называть их дружками — они держались его из страха, а не из уважения. Они остановили меня. Стивен Орко спросил, готов ли я выполнить его традиционный приказ. Я ответил: нет. Он повернулся к остальным. Я услышал, как остальные захихикали, затем он подошел ко мне и отдал свой приказ.

Боб Стар замолчал, побледнев.

— Что это был за приказ?

— Он приказал повторить вслед за ним одно утверждение. Грязное. Он хотел, чтобы я сказал, что я не сын Джона Стара. Он хотел, чтобы я сказал, что неизвестный родственник моего отца, Эрик Претендент, был любовником моей матери и я сын этого предателя. Он хотел, чтобы я сказал, что я слабак и трус, неспособный быть Хранителем. Он хотел, чтобы я поклялся честью будущего офицера Легиона, что эта чудовищная ложь — правда. Конечно, я не стал этого делать.— Тихий голос Боба Стара стал крепнуть и хрипнуть от вернувшейся боли.— Один из его друзей воз-

разил, что традиция не дает ему права заходить так далеко, но одного взгляда Орко было достаточно, чтобы он замолчал.

Мы были поблизости от академического музея. Он был закрыт и темен. Однако один из них проводил исследования хранившегося там старого оружия и имел ключ. Орко велел ему открыть заднюю дверь, и меня втащили в здание.

Они затолкали меня в маленькую подвальную комнату, где им не могли помешать, потому что у меня все же были друзья, несмотря на Орко. Со мной делали разные вещи, но я не говорил. Страшная гордыня Стивена Орко холодно горела в его глазах. Я думаю, что мое упорство его злило, если вы можете это представить.

Он перепробовал все обычные пытки и стал придумывать новые. Он был смышлен и питал пристрастие к такой работе. Даже после того, как трое его приятелей были напуганы, он не согласился отпустить меня.

Наконец, он послал одного из них взломать витрину и принести ржавый инструмент пыток, имевший происхождение из времен догнивания Империи, когда демократы, Зеленые, вот-вот уже должны были свергнуть разложившихся Пурпурных. Устройство было создано для того, чтобы ломать политических заключенных. Оно называлось Железный Исповедник.

— Вот как?— Командор вдруг пристально посмотрел на бледный шрам темными встревоженными глазами.— Мне кажется, что я вспомнил эту витрину. Там вроде бы есть какой-то шлем?

— Широкое железное кольцо, которое одевается на голову,— придушенно сказал Боб Стар.— И нечто вроде трехгранного лезвия, которое вдавливается через отверстие в обруче, когда подтягиваются винты, в скальп или в череп жертвы.

Мне кажется, Стивен Орко тем самым выказывал свою зависть. Он не мог простить, что я вышел из старой императорской семьи. Будь он сыном Джона Стара или Претендента, я думаю, он затеял бы попытку восстановить Империю. Как бы там ни было, он назвал это орудие пытки пурпурной короной, и я видел, с какой свирепой яростью он надевал ее на меня.

Джей Калам по-прежнему смотрел на шрам.

— Он посмел... сделать это?

— Он велел своим приятелям держать меня,— сказал Боб Стар.— Он надел обруч мне на голову и затягивал винты, пока я не почувствовал, как по лицу бежит кровь. Он продолжал приказывать мне повторить эту мерзкую ложь. Я по-прежнему молчал, и молчание мое бесило его.

Железный Исповедник — не просто обруч и лезвие. Там есть еще одна часть, которая была сломана перед тем, как орудие принесли а музей. Орко ремонтировал ее, пока его дружки удерживали меня с лезвием на черепе. Я не знаю точно, что это было или как это действовало — в то время я не мог уделить много внимания механическим деталям.

Однако Орко сказал, что там применялась сверхзвуковая вибрация, регулируемая для стимуляции болевых центров мозга. Оно выглядело как радиоусилитель. От него к трехгранному лезвию шел кабель. Действие его сводилось к тому, что голос превращался в ощущение непереносимой боли.

Стивен Орко стоял передо мной, держа устройство. В комнате было темно, но я видел его лицо в сиянии металлических трубок устройства. Волосы горели, словно огонь, голубые глаза были триумфальными, насмешливыми и ужасными. Он заговорил в маленький микрофон, и тот превращал его голос в огромные волны красной муки, бьющие в мозг.

Это было невыносимо. Но я совершенно измучился, пытаясь вырваться. Остальные были люди рослыми, тренированными атлетами. Я же был двенадцати лет, ослаб от потери крови, почти терял сознание от боли. Я ничего не мог сделать.

Орко все говорил, постепенно вращая тумблеры гнусного устройства, увеличивая интенсивность боли. Железный Исповедник был изобретен в моей собственной семье, говорил он, чтобы заставлять отрекаться врагов. Он гарантировал, по его словам, что кто угодно отречется от чего угодно.

Он сказал, что устройство основано на тайных принципах политического обращения, поначалу открытых партией под названием Красные более тысячи лет назад. Усиленные ультразвуковые вибрации о лезвия могли уничтожить синапсы моего мозга, говорил он, сломать волю и подтвердить правдивость того, что он мне говорил.

И я тогда очень боялся, что закричу. Однако внезапно даже с этим криком в черепе и его голосом, горящим, как пламя, в моем мозгу, я почувствовал себя достаточно сильным. Я почувствовал, что ему меня ни за что не одолеть. Я взглянул на него и сказал, что пусть он делает любые мерзости, и пообещал убить его, как только смогу.

Кажется, это лишь разожгло его ярость. Он опять усилил боль вибрации и сказал, что будет увеличивать ее до тех пор, пока я не стану бояться вообще кого-нибудь убивать. Затем он повторил эту мерзкую ложь и все повторял приказ, чтобы я поклялся, что это правда.

— Скажи, щенок!— орал он на меня, и голос его, дрожащий от ярости, превращался в чистую боль, идущую от лезвия в мой мозг. Затем он подкручивал усилитель.— Скажи, щенок!

Я не сказал ничего, во всяком случае, до тех пор, пока был в сознании. Но я не уверен в том, что произошло в конце. Это было как в кошмаре. Темная комната, и его лицо — гордое, яростное и угрожающее в слабом сиянии света, и голос, красной мукой стучавший в мозгу.

— Скажи, щенок!

— Я знаю, что, в конце концов, устройство ослабило мою волю. И я, должно быть, все-таки сдался. Боюсь, что так и было.— Боб Стар мгновение стоял, дрожа, стиснув небольшие кулаки.— Я не знаю, что

произошло,— сказал он хрипло.— Однако сомневаюсь, что Стивен Орко отступился прежде, чем я заговорил.

Следующее, что я помню,— постель в изоляторе, повязку на голове и сестру, делающую мне укол обезболивающего. Она сказала, что Стивен Орко и его друзья принесли меня сюда на заре. Они сообщили, что нашли меня бредущим по берегу, под утесом, с разбитой головой.

Я всем сказал, что упал в темноте и случайно получил травму.

— Почему ты это сделал?— Джей Калам удивленно и неодобрительно покачал головой.— Стивена Орко наказали бы и уволили бы из Легиона. Он мог бы не получить возможности ввязаться в Юпитерианский Мятеж.

— Это была наша ссора,— хрипло прошептал Боб Стар.— Даже сейчас в моем мозгу горит вибрирующая боль, и я хочу убить его, если смогу.— Он покачал головой и снова неуверенно пробормотал:— Если смогу.

— Это почему?— Командор долго, встревожено поглядел на него.— Предположим, что твой долг — убить Стивена Орко, и он у тебя в руках. Неужели ты этого не сделаешь?

— Я не знаю точно.— Боб Стар вновь вздрогнул.— Я не могу вспомнить, что происходило в конце: сдался я или нет. Он пообещал сломать меня, сделать так, что я никогда никого не смогу убить. Боюсь... боюсь, что так он и сделал. Потому что я думаю, что мой мозг поврежден ультразвуковой вибрацией, или что там было. У меня в голове осталась пульсирующая боль. Маленький молоточек красной боли, стучащей днем и ночью. За девять лет он не исчез.

Лицо Боба Стара было белым, и струйки пота исчертили его лоб.

— Я не был трусом до той ночи,— хрипло прошептал он.— Я не был ничтожеством, которое он хотел из меня сделать.— Он рухнул вдруг в большое кресло, жалко глядя на Джея Калама.— Но сейчас, командор, я не знаю.

ЧЕСТЬ ЛЕГИОНА

Высокий командор некоторое время стоял, почесывая длинными пальцами острый выступ челюсти и изучающе глядя на Боба Стара.

— Я рад, что ты мне об этом рассказал,— сказал он наконец, и голос его был тих и очень серьезен.— Я знаю, что ты чувствуешь, потому что когда-то я тоже думал, что убить человека для меня невозможно.— Темные глаза на мгновение приоткрылись, и лицо обрело резкость, словно

к нему вернулось воспоминание боли.— Однако иногда это необходимо. Я научился этому очень давно и очень давно понял, что могу это сделать.

Он вдруг шагнул вперед.

— И ты должен, Боб. Можешь и должен. Дело обстоит так, что весьма возможно, что убить Стивена Орко Будет твоим долгом.

Эти тихо произнесенные слова выдернули Боба Стара из кресла.

— Как так, командор?— Он дрожал и пытался справиться с дыханием.— Я бы все, что угодно, отдал за эту возможность.— Что-то изменилось в его голове, что-то заставило его прикусить губу.— Но я боюсь... боюсь, что не смогу.

Тихо прозвенел гонг. Массивная дверь открылась, впустив глубокий вибрирующий звук геодинов, на которых шел боевой корабль. Вошел стюард, вкатив маленький столик на колесах. Он отдал честь.

— Завтрак, командор,— объявил он.— На двоих.

Джей Калам молча кивнул, отпуская его. Тяжелая дверь закрылась, и снова стало казаться, что длинный, со стенами цвета слоновой кости салон где-то вдали от корабля.

— Что обусловило мой специальный долг убить Стивена Орко?— спросил шепотом Боб Стар.— И как случилось, что он все еще жив после того, как прошло столько много времени после объявления, что казнь состоялась?

— Стечение обстоятельств.— Джей Калам встал, хмурясь, игнорируя накрытый столик, оставленный стюардом.— Несчастливые последствия Юпитерианского Мятежа. Вся история этого восстания никогда полностью не публиковалась, однако сейчас я расскажу тебе ее — чтобы ты мог понять особенный статус Стивена Орко и крайнюю необходимость твоих нынешних обязанностей.

Боб Стар кивнул. Он слушал, затаив дыхание.

— Орко с самого начала был для нас загадкой,— мрачно продолжал командор.— Многие люди считали, что в нем есть что-то нечеловеческое. Может быть, так оно и есть. Наши следователи вели работу с того момента, как он стал предателем, и все же ничего не узнали об его происхождении.

— Но я помню его родителей,— вмешался Боб Стар.— Они посещали его в Академии незадолго до... той ночи.— Он вновь обнаружил, что держится за шрам, и опустил руки.— Он устраивал в их честь вечеринку. Он пригласил всех моих друзей, и они оставили меня.

— Это лишь приемные родители. Приемный отец, Эдвард Орко, похоже, нашел его, когда тот был всего лишь ребенком, при особых обстоятельствах. Орко был преуспевающим промышленником. Он имел обширные владения среди астероидов. Он держал дом на Палладе. Наши люди выяснили то, что мы знаем теперь о нахождении Орко, от его старых слуг.

Это случилось около тридцати лет назад. Орко путешествовал к Марсу на космической яхте. Он и его жена посетили некоторые из их вла-

дений, разбросанных на малых астероидах, и отправились на Марс провести сезон отдыха. Путь завел их далеко от обычных космических линий.

Примерно в сорока миллионах миль от Марса их навигатор обнаружил необычный объект, дрейфующий в космосе. Его засекли метеоритные детекторы, однако это был не обычный метеорит. Доклад навигатора настолько заинтересовал Орко, что он повернул назад, чтобы исследовать объект. Это оказался цилиндр из магниево-литиевого сплава восьми футов в длину. Он имел тщательно подогнанный винтовой колпак, запечатанный в нескольких местах черных сургучом. На каждой печати был занятный алый символ: витой крест — крукс анзата, древний символ жизни — над скрещенными костями.

Орко вышел в космическом скафандре для изучения объекта. Он решил взять его на борт, в воздушный шлюз, и открыть. Жена возражала. Скрещенные кости, настаивала она, означают опасность. Форма и размеры объекта напоминали гроб, и она предположила, что там может находиться умерший от какой-нибудь заразы человек.

Но Эдвард Орко был человеком твердым. И неудивительно — кто бы еще на дальней границе смог добиться удачи? А его любопытство основательно разгорелось. В конце концов, цилиндр был затащен в воздушный шлюз. Потом, когда никто из экипажа не вызвался добровольцем, он заперся в отсеке с цилиндром сам. Он вскрыл печати и отвинтил колпак.

Стенки цилиндра были толстыми и тщательно изолированными от космического холода. Внутри он был заполнен резервуарами с кислородом, водой и жидкой пищей. Там были нагреватели и термостаты, и конденсаторы для осушения воздуха. Короче говоря, это был маленький космический корабль, только без двигателя.

Среди аппаратуры в чем-то вроде колыбели лежал Стивен Орко. Рыжеволосый младенец возрастом меньше года. Он был голым и ничего не говорило об его личности. И уж очевидно, что он ничего не мог рассказать о своей истории. Эдвард Орко постоянно затребовал информацию, обещая большое вознаграждение, однако ничего стоящего не получил.

Стивен Орко имел, так сказать, несколько необычную внешность. Один взгляд больших голубых глаз завоевал сердце бездетной супруги Эдварда Орко. Чета усыновила младенца. Они дали ему все преимущества, которые позволяло их богатство, даже добились его приема в Академию.

— Его собственные способности вполне позволили бы ему обойтись своими силами,— вмешался Боб Стар.— Он мог получить любое образование, какое бы захотел.

— Как бы там ни было,— продолжал Джей Калам,— он закончил учебу с высшими почестями. Он отправился на службу и быстро стал делать карьеру, соответствующую его способностями. Через

четыре года он уже имел под началом собственный корабль. Еще меньше чем через два года он получил назначение командиром Юпитерианского Патруля.

Я надеюсь, что ты знаешь, что спутники Юпитера населены по большей части беглыми Пурпурными — врагами демократического Зеленого Холла. Они переселились туда после того, как была свергнута Империя, два столетия назад.

— Я знаю,— согласился Боб Стар.— Мой дед родился на Каллиосто.

— Через год он вступил в командование Патрулем,— продолжал командор.— Мы вначале получили ультракоротковолновые сообщения от Стивена Орко о том, что он замечает неожиданные волнения среди Пурпурных. Однако он утверждал, что держит ситуацию в руках и не просит подкреплений.

Несколько недель мы бездействовали, пока группа беженцев не прибыла на Цереру на космической яхте с информацией о том, что Стивен Орко сам является вдохновителем мятежа, и о боях, которые начались, когда его заговорщики напали на патрульных. Гражданские сторонники Зеленого Холла систематически умерщвлялись.

Я отозвал все, какие возможно, корабли Легиона к окрестностям Марса, даже с Меркурия и Контр-Сатурна...

— Я помню, как нам рассказывали об этом в классе, в Академии,— сказал Боб Стар.— Я не видел Стивена Орко с того времени, когда он меня пытал. Я пытался поступить во флот, но рапорт принят не был.

— Твой отец просил меня игнорировать его,— сказал Джей Калам.— Я не знал того, что ты мне только что рассказал, иначе ты получил бы шанс добраться до этого человека. Потому что это был самый серьезный кризис для Легиона с тех пор, как Эрик Претендент привел тех чудовищ-захватчиков с Убегающей Звезды, чтобы они помогли ему восстановить Империю.

Как только флот собрался в окрестностях Марса, я взял твою мать на флагман. Доклады, поступающие со спутников Юпитера, уже дали мне понять, что нам понадобится ее оружие.

Наш полет не встречал препятствий. Мы добрались до Каллиосто, не встретив никаких враждебных действий, и я послал ультракоротковолновое сообщение, взывая к рассудку осажденных. Ответом было что-то похожее на солнце, выпущенное по нам из крепости над городом Лел.

— Солнечная пушка?— прошептал Боб Стар.— Вы знаете, до меня доходили слухи, несмотря на цензуру и на то, что отец старался меня оградить.

— Корреспонденты называли их так,— кивнул Джей Калам.— Это оружие на той же основе, что применяли против нас более двадцати лет назад монстры с Убегающей Звезды. Энергетический вихрь, искажающий координаты времени и пространства и делающий все тяжелые

элементы такими же нестабильными, как плутоний, и создающий неодолимое притяжение для другой материи в ужасный водоворот атомной аннигиляции.

Темное лицо стало жестким.

— Стивен Орко, как ты и говорил, был очень умен. Он построил эту страшную машину на основе обрывков информации, полученных беглецами-каллистяными от существ Убегающей Звезды, когда еще Пурпурные во главе с Эриком были с ними в союзе. Но каким-то образом он увеличил ее дальнобойность и мощь. Первый выстрел уничтожил два наших лучших корабля. Я тут же увидел, что оружие Орко может достать до любой планеты в Системе.

Твоя мать уже собрала свое секретное оружие. Поскольку полного уничтожения мне не хотелось, я попросил ее стереть с поверхности спутника город Лел с внешними укреплениями.

Ты видел устройство в мирное время, Боб, в Яшмовой Комнате. Мать, должно быть, говорила тебе, что его действие не зрелищно. Я не был удивлен, когда она начала действовать, и ничего, казалось, не случилось. Однако я увидел ее выражение изумленного ужаса, когда мгновением позже она обернулась ко мне.

— Не работает!— прошептала она.

Однако взгляда на экран телеперископа было достаточно, чтобы увидеть, что фортификация Лела осталась неизменной. Мне удалось даже увеличить изображение настолько, что стала видна сама атомная пушка — колоссальная скелетовидная труба из металлических дуг, установленная на горной вершине возле города.

Пока я смотрел, к нам устремился второй вихрь. Что-то вроде спиральной туманности в миниатюре, в которой бешено взрывались метеоры и корабли, словно превращаясь в чистый плутоний. Второй выстрел уничтожил еще три крейсера, и твоя мать сразу поняла, что мы должны отступать.

Кто-то другой, сказала она, добрался до принципа АККА. Она попыталась объяснить, не компрометируя своей тайны, что оружие использует единственную нестабильность во вселенной, причем второй хозяин этого устройства способен предотвратить его использование первым.

Боб Стар кивнул.

— Она говорила мне о точке опоры,— сказал он.— Устройство, которое она собирает,— это рычаг, а ум подразумевает силу, но точка опоры только одна.— У него резко перехватило дыхание.— Неужели Стивен Орко... открыл это?

Командор печально кивнул.

— Неудача твоей матери обуславливалась, по ее словам, тем, что против нас стоял другой хозяин АККА. Ее оружие больше не будет действовать, пока жив этот второй человек или пока у него не отберут этот аппарат.

Разумеется, твоя мать была способна не дать Орко использовать против нас эту тайну, однако сама по себе атомная пушка могла уничтожить наш флот. Уходя, мы потеряли еще шесть кораблей. Вслед нам полетела триумфальное послание Орко.

Послание состояло из оскорбительных фраз. Он предполагал, что твоя мать уже поняла, что он тоже является владельцем АККА. Он требовал, чтобы Зеленый Холл признал в нем верховного правителя Юпитерианской Империи.

Но даже этого было недостаточно для удовлетворения имперских амбиций Орко. Он потребовал торговых прав и концессий на каждой планете, и снятия ограничения на мощь и силу Легиона. Было ясно, что он намерен завладеть всей Системой.

Джей Калам стоял во весь рост, напрягшись, посреди роскоши огромной безмолвной комнаты в летящем корабле. Длинное лицо его было мрачным. Темные глаза прищурены. Вибрирующий звон тихого голоса казался Бобу Стару затихающим эхом величественных подвигов.

— Мы были разбиты,— сказал он тихо,— однако не уничтожены. Легион никогда не был уничтожен, Боб. Ты должен помнить это.

— Да, сэр.— Боб Стар инстинктивно встал и вытянулся.

— Пока политиканы в Совете тянули время и спорили, как ответить на ультиматум Орко, мы принялись строить свою атомную пушку. Мы имели результаты спектрографических наблюдений за теми выпущенными солнцами и несколько намеков, которые твой отец получил из личных документов Претендента в библиотеке Пурпурного Холла.

Эта информация была неполна и отчасти неточна. Но твой отец высказал замечательное предположение, что деформации пространства-времени увеличивают нестабильность атомов. Я сделал, что смог. Однако именно твоя мать, с помощью, может быть, собственной секретной науки, показала нам, как контролировать движение и рост полей нестабильности.

Мы построили и установили на Церере атомную пушку, во всем равную той, что стояла на Каллисто. Стивен Орко организовал свою Империю в большой спешке рассылал ультиматумы, потому что думал, что мы находимся полностью под его контролем. Успешное возведение атомной пушки на Церере было сюрпризом, который и послужил его разгрому.

Ни одно из этих орудий не могло уничтожить другое, потому что контрольные поля каждого защищали его от выстрелов противника. Орудие Стивена Орко было достаточно мощным, чтобы, имей он время, распылить все планеты в Системе. Один выстрел с Каллисто превращал десять тысяч квадратных миль на Меркурии в дымящуюся радиоактивную лаву.

Но наше орудие было столь же эффективным. Стереть жизнь со спутников Юпитера было проще, чем со всех других планет Системы. Мы должны были закончить первыми. И Стивен Орко, как ты сказал, был замечательно сообразительным человеком. Он тут же понял, что проиграл. Он был слишком умен, чтобы вести безнадежную борьбу. Он немедленно запросил пощады, когда наш первый вихрь обрушился на Каллисто.

Однако он потребовал, чтобы мы гарантировали ему жизнь. Он потребовал от каждого члена Зеленого Холла лично и от меня, за Легион, клятвы, что он будет защищен от любых покушений. Он сделал странное исключение. Боб, в отношении тебя. До сегодняшнего дня я не мог понять, почему.

Боб Стар подался вперед, чтобы хрипло спросить:

— Что это за исключение?

— Думаю, я могу вспомнить его слова,— сказал Джей Калам. Вот что он сказал: "Оставь Роберта Стара. Он и я уже сделали все необходимое для защиты моей жизни. Если у этого щенка не слаба кишка меня убить, пусть он это сделает".

Это заявление заставило Боба Стара дернуться вперед. Он дрожал. Тонкое лицо его напряглось, ногти глубоко вонзились в ладони. Треугольный шрам на лбу побелел.

— Его надо убить,— хрипло прошептал он.— Но я боюсь... боюсь, что не смогу этого сделать.— Рот его чуть приоткрылся, и он стоял, вытирая пот с бледного лица.— Я не могу вспомнить всего, что случилось, однако знаю, что Железный Исповедник что-то сделал с моим мозгом. Орко говорил, что намерен сломать меня. И я боюсь... боюсь...

— И я тоже,— печально улыбнулся командор.— Но мы — солдаты Легиона.— Мгновение он молчал, темное лицо его было резким и серьезным.— Клятвы офицера Легиона редко нарушаются, разве что такими, как Претендент или сам Орко.

Темные глаза посмотрели на Боба Стара.

— Но поскольку он сделал это издевательское исключение относительно тебя, Боб, то для наших интересов необходимо им воспользоваться. Пойми, я не приказываю убить его. Все, что я намерен сделать — это удержать его в заключении, и ты волен предпринимать относительно его любые действия, какие сочтешь нужными. Ты получаешь приказ не дать Орко бежать.

— Да, командор.— Боб Стар облизал губы.— Я... я понял.

— Очень жаль, что нам приходится щадить жизнь предателя,— с сожалением нахмурился Джей Калам.— Твой отец был против этого. Я настоял, чтобы Совет согласился с этим, потому что это могло спасти миллиарды жизней.

Быть может, выглядит удивительным, что Орко доверился Легиону, но он, очевидно, знает наши понятия о чести, хотя и презирает их, думая о собственной карьере. Тем не менее, все было улажено, и он стал нашим

узником — самым опасным человеком, которого нам когда-либо приходилось содержать под замком.

— Так оно и есть.— Боб Стар быстро шагнул назад.— Если он знает секрет моей матери!

— Он под хорошей охраной,— продолжал Джей Калам.— Мы объявили, что он осужден и наказан, чтобы обескуражить возможных спасителей. В потайном месте мы построили надежнейшую крепость, которую только могли создать наши инженеры. Он содержится там под именем Меррин, мертвый для всего мира.

Но не,— тихо добавил командор,— для кометчиков.

— Да?— спросил Боб Стар.— Это почему?

— Существа с кометарного объекта открыли, что Стивен Орко жив,— хладнокровно сказал Джей Калам.— Именно по этой причине твоему отцу и было приказано немедленно уничтожить комету.

— Но как...— Боб Стар сглотнул, чтобы прочистить горло.— Как они разузнали?

— Точная информация о Стивене Орко, в том числе, о месте его заключения, хранилась в подземелье Зеленого Холла. Подземелье считалось недосягаемым и всегда охранялось верными людьми.

Однако невидимки с кометы проскользнули в здание. Они убили четырех часовых, причем неизвестным оружием. Они взломали замки, которые проверил и не смог открыть сам Жиль Хабибула. Они выкрали все документы, касающиеся Стивена Орко.

— Если они выпустят его...— Боб Стар покачал головой. Лицо его было серым от раздумий.— Я даже не хочу об этом думать. Стивен Орко не станет хранить верность человечеству. Если кометчики станут нашими врагами, он охотно присоединится к ним.

— В это трудно поверить.— Командор поднял голову, хмуро улыбаясь.— В любом случае, я надеюсь, что кометчики встретят нас как друзей. Если им не удастся расшифровать наш жест приветствия, вспомни о долге.— Голос его стал тверд.— Не дай Орко бежать.

Боб Стар утонул в огромном кресле, дрожа. Тонкое лицо превратилось в маску боли, и шрам от Железного Исповедника был мертвенно-бледен. Искаженные мукой глаза с мольбой глядели на Джея Калама.

— Я попытаюсь,— жалко прошептал он.— Однако я... боюсь...

ДЕВУШКА В СТЕНЕ

"Непобедимый" снижался над южным полюсом Нептуна. Восьмая планета была огромным и негостеприимным миром бледных сумерек и суровой ночи. Огромные сооружения планетарных инженеров, возводившихся в течение долгих веков, уже очистили ядовитый воздух от метана и аммиака, выработали достаточно чистого кислорода, чтобы поддерживать человеческую жизнь, и на много градусов повысили температуру поверхности. Над большими залежами полезных ископаемых в экваториальных зонах были построены города, но гигантский полярный континент еще не был готов к колонизации. Застывшие пустоши, большие, чем вся Земля, покрытые замерзшими бесконечными болотами. Они были обозначены на межпланетных картах так: "Необитаемо и опасно". "Избегать посадок".

Несмотря на это предубеждение, "Непобедимый" приземлился в трех градусах от полюса. Боб Стар и его двое телохранителей спустили трап на темную застывшую равнину. Уже дрожа, они спустились с корабля бегом. Позади загрохотали дюзы. Они упали ничком, чтобы укрыться от жаркого урагана струй. Корабль поднялся и исчез в облачных зеленоватых сумерках, унося Джея Калама навстречу кометчикам с миссией доброй воли.

Из туманной тьмы вышло подразделение легионеров.

Они проверили всех троих, рассмотрели их удостоверения и проводили их к крепость, стоявшую на низком и пустынном холме. Они уже почти поднялись на него, прежде чем Боб Стар смог что-нибудь увидеть. Внезапно над ним в зеленоватом сумраке нависла массивная стена.

— Стена кольцевой формы, сэр,— сообщил ему офицер стражи с благоговейным уважением к подписи Джея Калама на его бумагах.— Внутри круглое поле, на котором сейчас находятся четыре наших крейсера. Однако тюрьму вы даже не увидите. Это закрытый цилиндр из пердьюрита. Камера Меррина в тысяче футов под поверхностью.

Гигантская бронированная дверь пропустила их в стофутовую толщину стены. Боб Стар немедленно спросил, чтобы ему показали узника. И наконец его повели мимо удивительно длинных пердьюритовых стен коридоров, через огромные цилиндрические двери, которые тщательно закрывались за ним, по скрытым лифтам, мимо хмурых бдительных стражников в сторожевых витрилитовых полусферах, и он увидел человека, которого должен был убить.

Огромная дверь пропустила его в маленькую квадратную комнату, где стояли двое часовых. Противоположная стена представляла собой толстый сияющий лист витрилита. За этой непроницаемой прозрачной стеной находилась камера Стивена Орко.

Заключенный сидел в большом кресле и читал. В одной из своих больших рук он держал стакан с красным напитком, и его красивое тело выглядело расслабленным в зеленом халате. Боб Стар увидел красивое лицо и легкую улыбку, наползающую на широкий женственный рот.

— Это Меррин, сэр,— сказал офицер.— Он был закрыт витрилитовой стеной два года назад, при завершении строительства тюрьмы. Никто с ним до сих пор не разговаривал. Камера звуконепроницаема, и охранникам приказано игнорировать любые сигналы, которые он подаст. Все металлические предметы у него забрали. Воздух, вода и жидкая пища поступают к нему по скрытым трубам из другой комнаты, в которую имеет доступ только начальник...

Он замолчал, чтобы показать маленькую красную кнопку на серой рядом с ним.

— Я должен предупредить вас, сэр. К этой кнопке нельзя прикасаться. Она соединена с клапаном, который может наполнить комнату смертельным газом. В наши обязанности входит защищать его жизнь, доверенную Легиону.

Боб Стар едва слышал его последние слова сквозь внезапный звон в ушах. Его тело вдруг покрыл холодный пот. Он качался от тошноты и слабости. Маленький красный диск глазел на него, как зловещее око.

Он должен был всего лишь коснуться ее. И только.

И обида девяти лет исчезнет. Невыносимое пламя погаснет в нем. Даже эта старая боль, чувствовал он, уйдет, и Система будет освобождена от злого гения Стивена Орко...

Он сознавал, что узник видит его. Голубые глаза, холодные и горящие безрассудством, оторвались от книги. Благородное лицо иронично улыбнулось. Стивен Орко встал и подошел к призрачной несокрушимой стене. Он показал на красную кнопку и насмешливо похлопал себя по ноге. Полные губы изобразили ироничное беззвучное приветствие.

Боб Стар вдруг почувствовал желание поговорить с ним. Это была их первая встреча с той ночи пыток. Он пытался надеяться, что вцепившийся в него ужас рано или поздно растает, что исчезнет иллюзия боли, когда он встретится со Стивеном Орко при новых обстоятельствах.

— Да,— сказал офицер,— телефон здесь есть, однако об его предназначении забыли.

— Всем известно, какие мне даны указания,— сказал Боб Стар.— Мне необходимо поговорить с Меррином.

После переговоров с комендантом он получил разрешение. Боб Стар остался один в прозрачный серой комнате. Магнитный динамик ухнул, и затем он услышал чистый густой баритон Стивена Орко:

— Приветствую, Боб! Меня забавляют твои попытки прикоснуться к красной кнопке.

Боб Стар почувствовал, как его лицо стало жестоким.

— Смейся, если хочешь,— пробормотал он хрипло.— Однако я смогу это сделать, если надо.

— Если хочешь, попытайся снова.— Издевательский смех Орко громко раскатывался из динамика.— Нет, тебе ни за что этого не сделать, Боб. Не сделать с тех пор, как ты пообщался с Железным Исповедником — я слишком много раз видел, что ультразвуковые волны делают с мозгом и той штукой, что зовется храбростью. Я никогда не буду бояться, что ты сможешь меня убить. И никто другой не посмеет, я уверен, из-за этого дурацкого кодекса, которого придерживается Легион.

Задрожав от внезапного приступа омерзения, Боб Стар отчаянно повернулся к кнопке. Он мрачно повернулся к кнопке. Он мрачно потянулся к ней, однако старый страх завопил в нем: "Ты не сможешь!" Руку охватила немота. Он отошел назад, шатаясь, плечи его поникли. Слезы затуманили глаза. Руки безвольно повисли.

— Я действительно рад тебя видеть,— громыхал голос Стивена Орко.— Потому что ты, должно быть, послан сюда в глупой надежде, что можешь меня уничтожить. Это означает, что эти фантастические меры предосторожности сочтены неадекватными. Отсюда я делаю вывод, что снаружи у меня появился мощный союзник и что я могу питать надежду на скорое освобождение.

— Нет, если только я смогу помешать этому!

— Не сможешь Боб! Я тебя одолел.— Боб Стар был изумлен и сбит с толку той кипучей ненавистью, которая вдруг прорвалась сквозь маску иронии.— Я сломал тебя навсегда!

Голос Орко внезапно стал тише. Он говорил с придыханием, все более скрипуче, переполненный чудовищной ненавистью:

— Когда я впервые услышал о твоем существовании, еще будучи ребенком, я испытал просто-таки бешенство при мысли, что совершенно неспособный ни на что слабак, благодаря чистой случайности, однажды может стать самым могущественным из людей. А я в то же время буду ничем. И я решил, еще до того, как увидел благородного ребенка из Пурпурного Холла, раздавить тебя и присвоить все твое наследство.

Стивен Орко помолчал. Широкий рот его скривился вдруг в сверкающую удовлетворенную улыбку, и голос его вновь был легок, когда он заключил:

— Тебя было несложно сломать, Боб. Железный Исповедник убил в тебе все опаснее в ту же ночь. Я признаю, что позднее меня беспокоили вопросы этики, но время вскоре ответило на них. Подумай так: один из нас имеет АККА, которое ему дали, второй смог открыть его собственными силами. Кто его больше заслуживает?

— Владение АККА — не просто утеха для эгоиста,— хрипло ответил Боб Стар.— Это сложнейшая задача, она забирает всю жизнь, и в конце концов, требует смерти Хранителя. Но как... ты его открыл?

Узник покровительственно улыбнулся.

— Я расскажу тебе, Боб,— сказал он спокойно.— Однако только для того, чтобы заявить свои права на него и подчеркнуть полную справедливость моих действий. Я должен заметить, кстати, что не намеревался позволять этой тайне стать для меня каким-нибудь бременем. Твоя беда, Боб, что ты просто недостаточно большой для такой работы.

Он насмешливо покачал головой, видя, как бессильно дрожит Боб Стар.

— Как бы там ни было,— легко продолжал он.— Я просто следовал методам исследований, которые мог предложить себе любой разумный индивидуум. Я тщательно собирал данные, сформулировывал гипотезы экспериментальным путем и, наконец, пришел к удовлетворительному заключению.

Еще когда я был в Академии, я нашел тайный проход в закрытую почти для всех библиотеку и прочел все существующие доклады об использовании АККА, со времени его создания великим предком твоей матери, Чарльзом Антаром, когда он сам был узником, охраняемым почти также, как я теперь.

Последняя запись о применении оружия относилась ко времени уничтожения старого спутника Земли — после того, как он был захвачен и укреплен ни о чем не подозревающими союзниками Претендента. На яхте моего приемного отца я обыскал орбиту исчезнувшего спутника. Наконец, после долгих поисков, я нашел три металлические пуговицы.

Не больше, чем кончик моего большого пальца — это было все, что осталось от Луны. Очень скоро я понял, что мне бы повезло и тогда, если бы я нашел один-единственный атом. Только потому, что твоя мать работала в спешке, наспех собранным инструментом, аннигиляция тяжелых инструментов произошла не полностью.

Несколько месяцев напряженной работы в лаборатории, которую финансировал отец, открыли мне природу воздействия АККА на эти металлические образцы. Связать причину, со следствием — это уже вопрос математической логики. Осталось лишь проверить альтернативные гипотезы и построить действующую модель — и тайна была моя.

Узник помолчал, опять улыбнувшись.

— Ты не согласен со мной, Боб, что такие способности заслуживают награду? Определенно, я — самый одаренный из людей логика уверяет меня, что, в таком случае, я их полноправный правитель. И я стал бы им, Боб, если бы не одна оплошность.

Боб Стар хрипло прошептал:

— Какая?

— Я не смог убить твою мать.— Стивен Орко беззаботно пожал плечами.— Беда в том, что я не увидел, пока не стало слишком поздно, единственного ограничения этого оружия. Я не пытался использовать его, пока сама она не пыталась. Это была неудача для нас обоих, и эта

оплошность привела меня сюда. Однако она не повторится, если у меня появится новый шанс.

Он зловеще хихикнул.

— Я не боюсь сказать тебе об этом,— добавил он нежно,— потому что знаю, что ты не станешь трогать красную кнопку, даже для того, чтобы спасти жизнь собственной материи.

Боб Стар знал теперь, что ему надо делать, но все же не мог — в любом другом случае, однако не сейчас. Он устало дал сигнал стражникам, и телефон разъединили. Узник снова оказался запечатан в безмолвной гробнице, и он остался один в маленькой внешней комнате, хмуро решив оставаться здесь, пока не сможет нажать на кнопку или пока надобность в этом не отпадет.

Стивен Орко тихо вернулся в кресло к своей книге. Он расслабился в зеленом халате, потягивая напиток и явно не принимая во внимание никаких опасностей для своей жизни. Дважды Боб покидал твердую скамью, на которой сидел, пытаясь притронуться к кнопке.

Этот простой акт казался невозможным. Попытки не приводили ни к чему, только усилили нестихаемую пульсацию в голове, и он слабел от дурноты. Он отступал на время, в отчаянии надеясь, что стимуляция экстремального случая побудит его на это действие, если ситуация станет критической.

Он безнадежно отступал к скамье.

Внезапно, когда он сидел, глаза его раскрылись. Дыхание прервалось, и длинные пальцы сжались в кулаки. Он подался вперед, уставясь на серую твердую стену. Ему показалось, что ее поверхность начинает покрываться смутными движущимися тенями.

Массивная дверь по-прежнему была закрыта за спиной. Тревожные сигналы молчали. Лист витрилита была по-прежнему непроницаем, и гигант в кресле за ним не обращал на него внимания. Не было ни намека на присутствие другого человека — некому было отбрасывать на стены ползущие тени. Он смотрел на них, не дыша.

На сером фоне замерцал смутный синий крут. В нем метались призрачные тени. Внезапно, словно некая трехмерная проекция собралась в фокус, твердая броня стены растаяла, сменившись изумительной сценой.

Он смотрел в странную комнату, утопавшую, словно глубокая ниша, в стене подвала. Ее поверхность была покрыта завивавшимися спиралью кривыми линиями, и цвет их был совершенно черным, и усеяны были эти линии маленькими блестящими голубыми кристалликами, узорчатыми как снежинки.

В этой полости в стене на многоугольном пьедестале; голубом и прозрачном, стояла девушка. Где-то внутри этого огромного сапфирового многоугольника горело нестойкое пламя, и смутные отблески танцевали на крошечных снéжинках.

Сверхъестественно живая на фоне этой спиральной раковины и синего огня, девушка стояла и глядела на него. Выражение ее лица было отчаянным — можно сказать, это был мучительный порыв. Одна красивая рука была вытянута вперед и приподнята, словно в жесте предупреждения об опасности. Бледный овал лица искажен ожиданием опасности, яркие губы раскрыты, словно хотели сказать какое-то предупреждающее слово.

Она повернулась, чтобы показать через прозрачную стену на Стивена Орко, который сидел, погрузившись в книгу и питье. Не сводя изумительных золотых глаз с Боба Стара, она настойчиво показывала на красную кнопку, которую он никак не мог нажать.

Он опять двинулся к ней, и снова в нем поднялась вся боль Железного Исповедника и остановила его. Он безнадежно отвернулся от девушки, чувствуя себя ничтожеством. Она явно хотела, чтобы он убил Стивена Орко,— и он подумал внезапно, что эта искаженная паникой красота — не более чем галлюцинация, оживший символ его бессильного отчаяния.

Она увидела, как он повернулся, и на лицо его набежала трагическая тень печали. В золотистых глазах погас свет. Белые суставы пальцев поднялись ко рту в жесте полного отчаяния. Затем она вздрогнула, словно услышав некий безмолвный голос. Она задрожала, вновь предложив ему нажать на красную кнопку, безнадежно и отчаянно. Потом, когда настойчиво мольба на ее лице сменилась печалью, в голубом пьедестале взорвалась бомба холодного пламени. Сапфировые блестки хрустальным инеем заплясали на спиральных стенах. Голубое свечение наполнило нишу и медленно погасло. Темные тени сгустились и не спеша растворились.

Серая стена опять стала сплошной.

И Боб Стар снова остался один. Он покачивался, дрожа, слезы поражения и отчаяния наполнили глаза. Он покачал головой и резко взглянул на Стивена Орко, который отставил пустой стакан и по-прежнему глядел в книгу.

В мозгу Боба Стара бушевало смятение. Неужели она был реальна? Все прежние сомнения поднялись сомнения поднялись в нем в тот последний момент его бесплодной попытки и ее печального ухода, однако теперь в нем молотом стучал вопрос. Живой человек... здесь? Или только мучительная проекция собственных невыносимых тягот?

Он вскочил, услышав, как раскалывается собственная тишина в комнате. Рядом из динамика послышалась команда:

— Экстренная ситуация! Запереть все выходы! Находиться...— Голос непонятно почему прерывался кашлем.— Быстро!— Теперь это был прерывистый шепот.— Невидимки... Я не вижу...

Теперь Боб Стар судорожно вздохнул. Он должен действовать или предаст Легион. Сопротивляясь немоте во всем теле, он повернулся к серой стене. Кнопка мигнула ему — красный издевательский глаз. Он

сознавал, что Стивен Орко отложил книгу и глядит на него, откровенно забавляясь.

Он заставлял себя сделать еще один шаг. Внезапно он облился потом. В ушах вновь ревело. Это усилие опять бросило его в объятия Железного Исповедника. Он снова почувствовал давление холодной стали вокруг головы и жесткий напор трехгранного лезвия, и жаркую боль невыносимой вибрации. Он увидел во тьме комнаты бешеное лицо Стивена Орко и услышал усиленный голос, свирепый и превращающийся в невыносимую боль:

— Что, не нравится, щенок? В таком случае, тебе лучше передумать. Потому что ничего ты с этим уже не сделаешь. Сейчас я сделаю так, что ты никого уже не сможешь убить. Эта машина сильнее, чем чья-либо воля. Когда она тебя сломает, ты останешься сломанным. Даже если ты и не был до сих пор ничтожным трусом — будешь.

Ты не сможешь убить меня. Ты не сможешь...

Эти слова вновь и вновь эхом отзывались в его мозгу — постгипнотический эффект. Он не мог убить — но он должен! Образ испуганный девушки в стене снова вернулся, и он сделал еще один неуверенный шаг к проклятой кнопке.

Однако он все равно не мог убить...

Что-то случилось, с освещением в комнате. Лампы стали зелеными. Или, вернее, это зеленый свет проникал сквозь массивную дверь за стеной. Критическая ситуация. Он должен действовать, и осталось всего два шага...

Зеленоватый туман заполнил комнату, быстро поднимаясь против витрилитового барьера, который отделял его от Стивена Орко,— или так было только в его глазах? Серые стены расплывались и ему показалось, что они намерены раствориться и открыть ему новую неожиданную картину.

В коже возник странный зуд. Что-то заставило онеметь все его ощущения. Немота охватила все его члены. Он яростно выбросил руку к красной кнопке, или только попытался? У него больше не было руки. Тьма аннигилировала все. Он не почувствовал, когда упал на пол.

ЗВЕРЬ ТУМАНОВ

Боба Стара привел в чувство приглушенный рев дюз снижающегося корабля. Пронизывающий холод заставил онеметь его напряженные конечности, и глаза открылись навстречу гнетущим зеленым сумеркам. Он увидел, что лежит на замерзшей земле, все еще скованный зудящим параличом, который лишил его сознания.

Пытаясь собраться с чувствами, он огорченно пытался вспомнить, что пробел в сознании содержал что-то немыслимо ужасное. Наверное, мозг не справился с этим и отринул для сохранения рассудка.

Спустя мгновение, однако, тошнотворный факт собственной неудачи вернулся. Отчаяние смыло все остальные полувоспоминания, и он опять на время погрузился в безнадежную и сокрушенную апатию, пока усиливающийся рев дюз и стал настолько громким, что он уже не мог его игнорировать. Вдохнув ледяной воздух, он с трудом уселся. Он был изумлен, обнаружив, что находится на самом краешке манящей бездны. Плоское и пустое лицо Нептуна было изуродовано не более чем в двенадцати футах от того места, где находился он, жутким провалом зеленоватой тьмы. Он, похоже, не имел ни противоположной стены, ни дна. Он отполз от него, собрав все свои силы.

Хруст под чьей-то ногой подхлестнул его нервы. Он мгновенно повернулся и затем ухмыльнулся с потрясенным облегчением, увидев двух своих телохранителей, благополучно выбравшихся из этой неописуемой бездны и глядящих на смутное голубое мерцание в облачной тьме над головами.

— Эй!— громыхнул Хал Самду.— Это корабль.

— И во время же мы спасены!— прохрипел Жиль Хабибула.— Знает дорогая жизнь, мы достаточно долго ждали, погибая в этой коварной стуже.

— Жиль,— позвал возбужденно Боб Стар.— Как вы здесь оказались? И что это за провал?

— Ах, парень.— Толстяк подошел к нему, колыхаясь при ходьбе, стараясь не приближаться к жуткой бездне и, тем не менее, с облегчением вздыхая.— Мы думали, ты так и не очнешься, прежде чем умрешь от холода.

Гигантская сила Хала Самду подняла его на ноги. Слабо вцепившись в двоих мужчин, он почувствовал, что Жиль Хабибула рыдает от радости.

— Долго мы ждали, дружище. Смертельно долго...

— Провал? Он пустым взглядом посмотрел на него, в то время как Жиль Хабибула оттаскивал его подальше от края.— Где мы?

— Это то, что осталось от тюрьмы.— Голос старого солдата был тонок от страха.— После того, как нападавшие забрали узника, с неба

ударил красный свет — там, должно быть, находился их невидимый корабль. Стены под ним превратились в ничто. Сама земля превращалась в красное пламя и исчезла. Ах, дружище, этот жуткий провал — все, что осталось от тюрьмы, гарнизона и крейсеров Легиона, стоявших за стеной. Я не понимаю...

— Так он сбежал!

Боб Стар тяжело повернулся к этой чудовищной бездне, чувствуя себя слишком слабым даже для того, чтобы броситься в нее. Он подвел Легион, и последствия этого парализовали его мозг. Теперь ничто не имело значения. Он был пуст, равнодушен и глаза его глядели на судорожные всплески пламени, вырывающегося в облаках из дюз.

— Он садится поблизости!— просопел Жиль Хабибула с благодарностью.— Кометчики бежали с узником, а все остальные погибли, но мы, *по крайней мере, спасены.*

— Скажи мне,— настойчиво прошептал Боб Стар,— как вам удалось выбраться?

— Нам и не удалось, парень,— ответил Жиль Хабибула.— Это узник пощадил наши жизни. Я даже не знаю, почему. Он сказал нам, что в действительности он — великий мятежник Орко, однако, я полагаю, что ты об этом уже знал.

— Знал,— грустно ответил Боб Стар.— Я должен был бы убить его, если возникнет опасность его бегства.— Он всхлипнул, хотя и пытался сдержаться.— Но... я не смог этого сделать.

— Мы с Халом ждали тебя в коридоре снаружи.— По счастью, старик, похоже, не заметил его слез.— Внезапно мои старые нервы были потрясены жуткой тревогой. Зазвучала сирена, и на посты побежали полуодетые люди. Большинство из них не добежало. Они падали, приятель, поражаемые тварями, которых даже не видели. И зеленый туман закрыл мои старые глаза. Я беспомощно упал вместе с остальными. Пожалуй, немного раньше остальных, ради спасения моей драгоценной жизни.

Хотя в то время, когда я цеплялся за свой старый помутневший рассудок, Хал и все остальные, похоже, уже ничего не видели. Я услышал лязганье замка и увидел, как поворачиваются эти огромные двери. Потом я услышал как какие-то жуткие существа проникли внутрь,— я их так и не увидел.

Неожиданно из камеры вышел заключенный Орко — он говорил и жестикулировал, обращаясь, похоже, к пустому пространству. Ответом ему были совиные крики и громыхание, от которых кровь стыла в жилах. И твое тело, парень, плыло за ним следом, несомое кем-то, кого я, по счастью, не видел.

Узник показал на Хала и на меня, и что-то подняло нас — что это было, я не знаю. Однако нас вынесли из тюрьмы и бросили сюда, на эту мерзлую землю — не постелив покрывала или хотя бы куртки и не дав даже жалкого кусочка пищи.

Поблизости находился какой-то гигантский корабль. Ничего подобного я прежде не видел — да и его нельзя было увидеть, так как он был невидим,— но зато слышал гул механизмов и лязг открывающихся воздушных шлюзов. Мое бедное старое сердце едва не остановилось, когда узник заговорил со мной. Голос его звучал прямо напротив, хотя я и не видел его.

— Ты Жиль Хабибула, взломщик замков,— приветствовал он меня.— Поклон твоему знаменитому искусству.— Он засмеялся, однако мне это не очень понравилось.— Я думаю, мы с тобой братья.

Затем его голос почернел от ненависти.

— Я знаю, что вы, двое,— два ничтожных телохранителя того жалкого придурка, который называет себя Бобом Старом,— сказал он.— Я думаю, он вновь придет в сознание. Скажи ему, что я пощадил его еще раз — в награду за то, что он не убил меня.

Он засмеялся, словно это была грязная шутка.

— Скажи ему, что вы, трое,— единственные живые люди на этом континенте,— продолжал он.— Скажи ему, что до моря пять тысяч миль и девять тысяч миль паковых льдов до острова Виляр. Боюсь, ему не хватит жизни, чтобы добраться туда, но вполне хватит времени, чтобы пожалеть, что он не нажал кнопку.

Он не сказал, какую кнопку, парень. Однако он рассмеялся опять — это был страшно-гулкий смех из пустоты. И затем он сказал:

— Передайте Бобу Стару, что я исправлю допущенную оплошность в отношении его матери.

Потом он закрыл люк. Кто-то закричал, заухал — возможно, это были его новые друзья. Завизжал штурвал воздушного шлюза, зеленый туман заклубился, и корабль, который нельзя было увидеть, улетел — даже струи не светились.

Старый солдат задрожал.

— Это потому, что с неба ударил бледно-розовый луч света, я и предположил, что это был корабль. Луч прорезал облака и уперся в форт. Ужасное зрелище! Стены растворились в туман, искры и огненную пыль, и сама земля сгинула, и остался этот жуткий провал, уходящий вглубь планеты.

Жиль Хабибула вздрогнул.

— Ах, я, бедный! Кометчики — страшные враги. Я почти жалею, что этот корабль прилетел спасти нас. Если мы и покинем Нептун, то лишь для того, чтобы увидеть, как человечество будет уничтожено оружием, которого мы не знаем, и врагами, которых мы даже не увидим.

— Не говори так, Жиль!— Хал Самду грозно сжал гигантские кулаки.— Если мы выживем, то будем драться за Систему и за Хранителя Мира. Пошли!— Он нетерпеливо повернулся.— Мы должны отыскать корабль Легиона, прежде чем он улетит и оставит нас здесь.

Неуверенное сияние струй исчезло в облаках, но Боб Стар почувствовал слабый удар, когда корабль коснулся мерзлой равнины.

— Он опустился слишком жестко,— тревожно прошептал он.— Кажется, дюзы не работали временами, судя по свечению. Боюсь, что он рухнул.

Они бежали, спотыкаясь в тяжелой тьме, вдоль кромки бездны, туда, где исчезли отблески дюз. То, что они нашли, уже не было великолепным крейсером Легиона, а только грудой искореженного металла.

— Жизнь моя дорогая!— прохрипел Жиль Хабибула.— Здесь осталось не больше носа от несчастного корабля. Он никого уже не унесет с этой жуткой земли. Мы останемся здесь замерзать и умирать, как задумали Орко и его друзья-чужеземцы.

Боб Стар никого уже не унесет на обломки. Огромные пластины брони были измяты и почернели, а массивные балки выпирали из разорванной плоти корабля, как сломанные кости. Иллюминаторы были выбиты, как ослепшие глаза. Дюзы расплющены. А колоссальная протонная пушка вырвана с турели. Этот погибший корабль только что был боевым кораблем Легиона...

Сердце его подскочило к горлу. Он отвернулся и грустно покачал головой. Он увидел, что Жиль Хабибула и Хал Самду глядят на него.

— "Непобедимый"...

Отчаяние парализовало голос, однако уже ничего не нужно было говорить. Могучий "Непобедимый" превратился в эти исковерканные обломки. Это означало, что жест дружбы не увенчался успехом. Это означало, что кометчики не имеют мирных намерений, и поскольку они освободили Стивена Орко, этот архипредатель сможет защитить их от АККА.

— О, горе!— горько стонал Жиль Хабибула.— Это только ничтожный кусочек великого "Непобедимого". И, несомненно, гроб для бедного Джея...

— Возможно, он остался жив.— Боб Стар слабо вцепился в слабую надежду.— Его каюта была впереди, в этой секции. И кто-то, должно быть, оставался жив, раз эти дюзы работали...

— Перед крушением,— пробормотал старик.— И я не вижу признаков жизни.

Хотя именно он заметил после того, как Боб Стар и Хал Самду не смогли проникнуть в этот фрагмент корабля.

— Парень,— спросил он,— ты видишь, что передний люк не поврежден?

— Да,— сказал Боб Стар.— Но он заперт.

— Так помоги мне добраться до него.

Они подняли его повыше, к механизму огромного входного люка. Он повис возле него на изогнутой балке, вглядываясь во тьму, в замок.

— Ах, я бедный!— прошептал он печально.— Зачем понадобилось запирать боевой корабль, как драгоценный сейф? Неужели не доверяют людям Легиона?

Боб Стар глядел и восхищался быстрой проворной уверенностью пухлых рук старика. Он почти не удивился, когда что-то щелкнуло под почерневшей броней и загудевшие моторы стали открывать наружный люк.

— Знак, дружище,— победно засопел Жиль Хабибула,— что нет человека в Системе, который мог бы открыть такой замок? Дело в том, что вряд ли мне удалось бы это — обратись Джей ко мне, чтобы я помог конструкторам разработать его. Однако давайте поищем его.

В рубке было пусто и темно. Они остановились, чтобы прочитать последнее, аккуратно написанное послание в журнале:

"Падаю в направлении юного полюса Нептуна. Геодины отказали, дюзы повреждены. Пытаюсь сесть возле тюремной базы. Генеральный приказ: кометчики — наши враги, и Легион должен сражаться до конца.

Калам".

— Джей!— озабоченно громыхнул голос Хала Самду.— Где ты?

— У себя в логове, конечно,— прошептал вдруг Боб Стар.— Оно звуконепроницаемо.

Они побежали назад через помещение с картами к задраенной двери, что вела в салон. Боб позвонил и стал ждать. Небольшая дверь открылась. Изнутри заструился золотистый свет, и затем он увидел высокого командира Легиона.

— Я думал, что я один.— Тихий голос Джея Калама звучал с внезапной радостью.— Боб! Хал... и жиль! Я уже совсем было с вами распрощался.

Он провел их в спартанскую роскошь длинного потайного салона и закрыл дверь. Гигантское тело Хала Самду расслабилось в его тепле. Жиль Хабибула поспешил на кухню за горячей пищей, но Боб Стар не чувствовал ни комфорта, ни аппетита.

— Я пытался...— вырвалось вдруг у него.— Я действительно пытался, командор!— Он поставил чашку с парящим супом, не в силах глотать.— Однако я не смог.— Его тонкое лицо исказилось свирепым самоомерзением.— Я всего лишь трус, как и говорил Орко...

— Не говори так.— Джей Калам покачал головой,— я слишком хорошо знаком с последствиями, которые оставляют такие устройства, как Железный Исповедник, чтобы винить тебя в чем-либо. Но я хотел дать тебе шанс проверить себя — отчасти ради тебя же.

— Спасибо, командор,— горько прошептал Боб Стар.— Однако я не оправдал! Я позволил Стивену Орко уйти, чтобы вынашивать замыслы убийства моей матери и вести кометчиков на Систему...

— Нет!— Голос Джея Калама был решителен и хмур.— Если здесь и есть чья-либо вина, то лишь моя — я слишком высоко поднимал знамя

чести. Пожалуй, мне следовало, приказать убить Орко. Я знаю, что мне надо было позволить твоей матери уничтожить кометарный объект.

— Вы уверены?

Командор мрачно кивнул.

— Способ, которым кометчики приняли предложенный нами жест дружбы, доказывает, что они абсолютно лишены высоких качеств, на которые я рассчитывал. Но, позволь, я тебе расскажу.

Не прошло и трех часов после того, как мы покинули Нептун, как экраны курсопрокладчика засветились. Мы ничего не смогли увидеть с помощью телеперископов, однако детекторы гравитации обнаружили присутствие невидимого объекта массой в пятьдесят тысяч тонн, приближающегося к нам сзади, словно он следовал за нами от Нептуна.

В надежде установить мирное общение я приказал гелиографическому отсеку высветить сигнал: МЫ ДРУЗЬЯ. Я был уверен по предварительным докладам о невидимых налетчиках, что кометчики знают о нас достаточно много, чтобы прочесть такое сообщение.

Однако они вовсе нам не друзья. Прежде чем мы смогли повторить сигнал, "Непобедимый" был подхвачен грандиозной невидимой силой. Геодины против нее оказались бессильны. Словно гальку в потоке, нас понесло ко вражескому кораблю.

Ты можешь представить себе невидимый луч энергии, Боб,— тубулярное силовое поле, как могут назвать это математики,— достаточно мощное, чтобы тащить "Непобедимый", несмотря на включенные геодины, пять тысяч миль за пять минут?

Именно это и произошло.

Затем на миг среди звезд мелькнул красный луч — со стороны невидимого корабля. И "Непобедимый" был разрушен, вся кормовая часть была уничтожена.

— Ого!— Жиль Хабибула отложил ложку, чтобы содрогнуться.— Я видел этот страшный свет. Я видел как он испарил тюрьму и оставил этот кошмарный провал.

— Могу себе представить,— командор помял длинный подбородок.— Материя не может быть уничтожена, и оружие твоей матери, Боб, не выводит, не должно выводить вселенную из равновесия, хотя и уничтожает бесследно целые планеты. Я могу догадаться, что случилось с кораблем и тюрьмой. Полагаю, я даже знаю это.

Он задумчиво кивнул, в то время, как остальные придвинулись ближе.

— Материю нельзя уничтожить,— повторил он тихо.— Но ее можно превратить. Я полагаю, что красносвечение — эффект чего-либо, что превращает атомы в нейтрино, крошечные частички массы, которые могут проходить незамеченными сквозь любую материю.

— Должно быть, это и есть ответ,— согласился Боб Стар, с некоторым облегчением найдя какое-то объяснение появлению загадочного

повала и все же покрываясь холодным потом при мысли о неведомой силе кометчиков.

— Как бы там ни было,— заключил вдруг Джей Калам,— вместе со мной остались в живых около сорока человек. Я не предпринимал попыток помешать им эвакуироваться на спасательных ракетах. Вихревая пушка была повреждена, мы не могли драться. Я остался на борту судна.

Шесть маленьких ракет помчались сюда, в направлении форта. Крошечный рой голубых звездочек, быстро мигающих во тьме пространства.— Темные глаза на мгновение прищурились, словно от боли.— Они отошли совсем недалеко,— хрипло прошептал он,— когда вдруг снова появился красный луч. Маленькие голубые звезды покраснели и погасли.

Огромное усталое лицо Хала Самду побагровело от гнева.

— Так они, выходит, перебили уцелевших?— пробормотал он.

Джей Калам мрачно кивнул.

— Вот какова цена кометчикам — и Стивену Орко, потому что, похоже, он теперь их новый союзник.

Боб Стар изумленно посмотрел на него.

— Каким путем они ушли, командор?

— Насколько я смог проследить за ними с помощью детектора, Боб, они возвратились на комету.

— Мы должны идти следом,— прошептал Боб Стар.— Стивен Орко должен быть уничтожен!

— Должно быть,— Джей Калам безрадостно улыбнулся,— он уже не заслуживает неприкосновенности.— Он устало пожал плечами.— Я надеялся получить подмогу в форте.

— Однако теперь здесь для нас нет помощи,— горько пробормотал Боб Стар.— Мы — единственные люди на этом застывшем континенте, и у нас нет корабля...

Вмешался Хал Самду.

— Боб, мы здесь не единственные люди.

— Что?

— Ах, верно, здесь есть и другие... враги,— засопел Жиль Хабибула.— В этом чудовищном смятении у нас не было времени рассказать тебе, парень. Но какой-то чужак выходил на нас из тумана, пока ты лежал без сознания возле провала.

— Почему ты назвал его врагом?

— Он мне не друг!— Старый солдат вздрогнул.— Поначалу я решил, что это случайно уцелевший человек из гарнизона, и позвал его. Ответ пришел из протонного пистолета. Луч прошел мимо — спасибо туману. Затем Хал бросил камень, и чужак убрался, рыча и подвывая, как раненый зверь.

— Вот как?— Казалось, у Джея Калама перехватило дыхание.— Вы уверены, что этот парень вышел не из форта?

— Это ясно как смерть, Джей. Я видел его в свете вспышки и уверен, что прошло много времени с тех пор, когда он мылся и брился для строевой проверки. Бородатый, волосатый, нечесаный, в выцветших тряпках.

— Странно,— сказал командор и тихо присвистнул.— Хотел бы я знать...

СМЕРТЬ НА НЕПТУНЕ

Когда они еще находились в окруженной стенами цвета слоновой кости роскоши салона Джея Калама на разбитом "Непобедимом", Боб Стар спросил:

— Мы можем подать сигнал о помощи?

Командор покачал головой.

— Рубка связи разрушена вместе с запасным оборудованием в складских отсеках.

— Но не можем же мы бездействовать,— прошептал Боб Стар.— Будь у меня еще шанс...— На время он погрузился в горестное молчание, пока у него не мелькнула искорка надежды.— А можем мы построить новый корабль из обломков?

— Я доволен хотя бы тем, что смог спуститься,— сказал тихо Джей Калам.— Лучшие мастера Легиона никогда уже не оживят эту груду металлолома.

— А нельзя ли?..— Бобу Стару пришлось прикусить губу, чтобы не разрыдаться от бессилия.

— Я думаю, мы должны найти чужака из тумана,— сказал спокойно командор.— Если это не солдат гарнизона, то может оказаться, что он имеет возможность связи с внешним миром. Это не очень обнадеживающий план, однако ничего лучшего я не вижу.

Они искали косматого чужака три дня, но Бобу Стару удалось найти кое-что другое. Он остановился в туманной ночи. Фонарик качнулся в его руке, и тонкий луч света на миг покинул то, что он открыл. Жиль Хабибула подобрался поближе и вопросительно произнес:

— Во имя жизни, что это?

Из морозной тьмы вышли Джей Калам и Хал Самду, и все они склонились над находкой Боба Стара: клочками разорванной и заляпанной кровью одежды, небольшой грудой смерзшихся внутренностей, несколькими обглоданными костями и пустым черепом, все еще покрытым скальпом с желтыми волосами.

— Зеленая ткань...— Боб Стар поднял оборванный рукав.— Это форма Легиона.

— Ах, даже так!— Голос Жиля Хабибулы стал тонким стоном ужаса.— Какой-то бедный солдат Легиона был сожран здесь ужасным чудовищем из тьмы, может быть, и с нами...

Джей Калам вдруг склонился, чтобы поднять блестящий, запачканный кровью предмет. Он повернул его под светом. Это была эмалированная заколка из белого металла — фигура птицы, держащей в когтях маленький свиток. Командор изучил ее, склонившись, прерывисто дыша сквозь сжатые губы.

— Нет,— тихо сказал он,— этот человек был не из этого гарнизона. Мне довелось его знать.— Он помолчал и выпрямился, задумчиво глядя в туманный мрак.— У него были бледные робкие голубые глаза под желтыми волосами, а голос — мягкий, как у женщины. Он писал картины — обычно небольшие пейзажи. Он сочинял то, что считал стихами, и читал их вслух друзьям. Кажется странным, что такой человек мог вот так умереть.

— Кто это был?— прошептал Боб Стар.

— Его звали Джустин Малькар — друзья обычно называли его мисс Малькар. Однако только за глаза, потому что на деле он был компетентным офицером. Экипаж любил его достаточно, чтобы подарить ему эту заколку в последний раз, когда он привел корабль на Землю. Хорошо выбранный подарок. К таким безделушкам он тяготел, как женщина.

Командор нагнулся, чтобы положить заколку на камень возле обглоданных костей, и Боб Стар сказал:

— Не понимаю, что привело его сюда?

— Его слабость, я полагаю,— сказал Джей Калам.— И сила Стивена Орко. Он был, по-моему, на несколько лет старше Орко, но они имели одно звание, когда получали назначение в Юпитерианский Патруль. Очень скоро Орко прибрал его к рукам. Насколько я помню, его корабль одним из первых примкнул к смутьянам. Хотя он был неплохим человеком — просто Орко воспользовался его необычными слабостями.

Когда мятежники были разбиты, корабль Малькара исчез. Это была "Птица Зимородок", мощный новый крейсер. Орко сказал, что он был уничтожен нашими атомными выстрелами. Мы, однако, вскоре однако установили, что на нем бежал Марк Лардо — богатый каллистянский промышленник, главный помощник Орко.

Мы заподозрили, что они задумали возвратиться на крейсере и освободить Орко. Два года Легион обшаривал пространство в поисках исчезнувшего корабля, но это первый след...

Он вновь взглянул вниз, на сверкающую на камне яркую заколку.

— Но кто на него напал?

— Я думаю, мы найдем ответ,— тихо сказал Джей Калам,— когда отыщем бородатого бродягу, который стрелял в Жиля и Хала.

Он протянул руку и отстегнул с пояса картограф. Он взял с собой этот небольшой прибор, чтобы отмечать их продвижение. Он открыл крышку и вытащил ленту с записью.

— Мы примерно в семи милях от тюрьмы,— задумчиво сказал он.— Пока мы не располагаем иной информацией, предположим, что Джустин Малькар погиб поблизости от своего корабля. Следующий логичный шаг — обыскать округу, двигаясь по расширяющейся спирали...

— А, верно!— понимающе кивнул Жиль Хабибула.— Давайте уйдем подальше от этих костей, прежде чем за нами не начало охотиться чудовище.

Они пошли опять, дрожа в тумане. Боб Стар держал путь вокруг нагромождений валунов, по замерзшим склонам, через узкие долины вечной ночи. Джей Калам смотрел на светящийся прибор и тихо указывал направление.

Они не нашли других следов и повернули обратно, под кров разбитого корабля. Но вдруг Боб Стар свернул в сторону чего-то, возвышающегося во тьме и похожего на очередной валун. Странная тень по мере приближения приобрела реальные черты.

Блеск металла остановил его. Он различил черные овалы иллюминаторов и купол орудийной турели. Дрожащая надежда перехватила дыхание. Он услышал зов Джея Калама и молча побежал обратно.

— Тихо!— прошептал он.— Это корабль...

Слова его были прерваны лучом слепящего света, который врезался в морозную землю рядом с ним.

— Он услышал нас!— прохрипел он.— Ложись!

Они простерлись на земле на земле и заползли под укрытие скалы. Внезапно в скалу ударил меч фиолетового света, разбросав искрящиеся осколки.

— Боб!— прошептал Джей калам.— Жиль? Хал? Все целы?

Однако застывшая тьма не ответила.

Боб Стар, будучи ближе всех к кораблю, едва избежал палящего луча огромной протонной пушки. Он ощутил шок, когда падал, и увидел, как огненная игла двинулась за ним следом, словно указующий палец смерти.

Он отчаянно пополз прочь, к кораблю. Игла опустилась до предела и вспыхнула снова. За его спиной взорвалась замерзшая скала, но ударная волна едва его коснулась. Он был уже вне пределов досягаемости иглы и побежал к главному входному люку. Мгновенный осмотр дал понять, что он закрыт.

— Парень! Где ты, парень!— Испуганный голос Жиля Хабибулы остановил его.— Ах, какие коварные вещи происходят с бедным старым солдатом Легиона!

Боб Стар вдруг с восхищением увидел, что тот ползет к корпусу, благополучно избежав светящегося луча.

— Первая вспышка меня ослепила,— горько прошептал Жиль Хабибула.— Я побежал не в том направлении, и теперь мы возле корабля, как в ловушке. Если попытаемся уйти, он нас срежет.

— Сюда, Жиль!— Вновь появилась надежда.— Ты можешь открыть этот замок?

— Возможно... если только ты будешь спокоен.— Жиль Хабибула порылся в карманах.— Ах, вот он — тот самый кусочек проволоки, который пропустил нас на "Непобедимый".— Он двинулся к люку, но тут же отпрянул.— Но зачем, дружище? Мне вполне достаточно того, что он благополучно заперт и из него не выскакивают вооруженные люди, чтобы убить нас.

— Открой,— сказал Боб Стар,— если можешь.

— Я могу, если я должен.— Он уже занялся со своей проволокой.— Странная штука — дорога гения,— печально сопел он. Никогда мне не удавалось применить свой великий талант в мире и удобстве: когда кто-нибудь вызывает меня с просьбой проверить замок в целях безопасности закона, он кажется мне совершенно надежным. Мои способности словно спят до тех пор, пока не возникнет опасность. Они совершенно не хотят действовать без тоника спешки и опасности...

Загудели моторы, опуская наружный люк.

— Годится.— Он торопливо отступил.— Твоя очередь, парень.

Боб Стар прыгнул в открытую камеру воздушного шлюза. Прислушавшись, он услышал быстрые осторожные шаги, приближавшиеся по внутренней палубе. Он распластался на изогнутой металлической стене возле внутреннего люка и стал ждать, затаив дыхание. Затем перед ним появилось тупое дуло протонного пистолета.

Он схватил оружие и державшую его руку. Быстрый рывок выдернул коренастого бородатого мужчину из-за внутренней стены в узкое помещение воздушного шлюза. Чужак вдвое превосходил его весом, однако тут сказалась долгая тренировка. Быстрый удар нашел жизненный нерв, и он вытащил бородатого противника из шлюза.

— Жиль,— тихо позвал он.— Вот пленник для тебя.

В захламленном корабле его встретила тишина. Он нашел рубку брошенной, помещение для карт пустующим. Он устало поднялся во тьму, освещая путь лучом фонаря, но орудийная башня тоже была пуста. Бородатый был здесь один. Он вернулся наружу и закричал в морозную ночь:

— Командор, "Птица Зимородок" наша!

Пленный приходил в сознание в ледяном тумане. Жиль Хабибула сидел возле его головы.

— Я — вице-король Каллисто,— глухо прорычал он.— Я Марк Лардо, друг великого Орко. Если вам нужна еда, я покажу, как ее добыть.

Двенадцатью часами позже Боб Стар и Джей Калам находились в рубке. Беспорядок и грязь исчезли, разорванные карты были аккуратно склеены и возвращены на стеллажи. Боб Стар почистил и осмотрел навигационные приборы, в то время как командор хмуро рассматривал загаженный корабельный журнал. Хал Самду, вычищающий грязь с палуб и из жилых отсеков, вошел, чтобы сообщить:

— Джей, пленный в каземате воет, как волк.

— Я думаю, он безумен,— сказал Джей Калам.— Это неудивительно. В любом случае, мы мало что могли для него сделать. Ты закончил?

— Ага, Джей, это уже становится похоже на прежний корабль Легиона. Ты еще не выяснил, как он здесь оказался?

— Здесь изложена часть этой истории.— Командор показал на загаженные измятые страницы журнала.— Из записей можно сделать вывод, что Джустин Малькар хотел сдаться вместе со Стивеном Орко. Он не ожидал особого снисхождения, однако в нем заговорила совесть. Он был готов заплатить за измену.

Ему не дали сдаться. Марк Лардо, первый фаворит Стивена Орко, проник на борт с дюжиной головорезов. С этого момента записи стали неясны. Их тех фактов, которые нам известны, выглядит достаточно ясно, что Лардо действительно замышлял освободить Стивена Орко.

Он опять нахмурился, глядя на изорванные и окровавленные страницы.

— Удивительнее всего для меня, как ему удалось обнаружить местонахождение тюрьмы. Из датированных записей видно, что он знал это еще до того, как тюрьма была построена,— словно Стивен Орко был достаточно умен, чтобы рассчитать, где именно ее построят.

— Возможно даже такое.— Боб Стар не смог сдержать дрожи.— Он всегда казался нечеловечески разумным.

— В любом случае, продолжал Джей калам,— становится достаточно ясно, что Джустин Малькар сознательно саботировал попытки спасения, возможно, сознавая свою вину за другие преступления. План, видимо, состоял в посадке на Тритон, почти необитаемый, чтобы ждать там, пока не появится шанс выручить Орко, когда его будут этапировать в новую тюрьму.

Что Малькар достаточно удачно повел срыв плана, можно прочесть между строк. Несмотря на то, что он был опытным офицером, он ухитрился очень значительно сбиться с курса во время путешествия на Тритон — и неосторожно растратить топливо.

Он до конца держал заговорщиков в уверенности, что он вместе с ними. Он сумел использовать катодные платы до последнего кусочка и топливо до последней капли — и он сел здесь. Хотя форт был не более чем в дюжине миль, запись в журнале говорит о том, что он, якобы, находится в тысяче миль от этого места.

Он оторвал взгляд от последней захватанной страницы.

— Остальное мы узнаем из других следов. Похоже, что Малькар надеялся добраться до форта и выдать своих сподвижников. Ему это не удалось, возможно, открылся саботаж. В любом случае, корабль находится здесь без топлива и почти без продуктов — большинство припасов, видимо, было истрачено во время ожидания на Тритоне.

И Марк Лардо — единственный выживший.

— Останки, которые мы нашли...— Голос Боба Стара содрогнулся от ужаса.

— Этим плотоядным зверем был Марк Лардо.— Командор кивнул, губы его плотно сжались.— Похоже, ему удалось выманить сподвижников наружу, где их убил и сохранил холод. Возможно, он рассказал им сказку о посадке поблизости спасательного корабля, но на самом деле он до налета кометчиков не имел представления о том, что находится возле самого форта.

— Ах, каннибал!— Жиль Хабибула слабо засопел, лицо его позеленело.— Трюм заполнен человеческими костями!

Джей Калам резко улыбнулся.

— Художник в тонкой душе Джустина Малькара должен быть удовлетворен,— прошептал он,— тем возмездием, которое он уготовил Марку Лардо. Послушайте его!

Из дальнего каземата слабо донесся прерывающийся хриплый крик безумца:

— Не выгоняйте меня! Они проголодались — Малькар и остальные! Не выгоняйте меня!

Задрожав, Жиль Хабибула закрыл дверь.

— Ах, Джей, ты подверг меня большому испытанию,— пробормотал он.— Но я вычистил силовые отсеки и проверил все дюзы и геодины.

Все трое вопросительно повернулись к нему, и Джей Калам спросил:

— Они способны работать?

— Насколько я могу видеть.— Старый солдат кивнул.— Однако катодные платы для генераторов отработаны до последней унции. А топлива, что осталось в резервуарах, не хватит, чтобы сдвинуть корабль даже на драгоценный дюйм!

ПОЛЕ КОМЕТЫ

Жиль Хабибула оставался на страже, в то время как остальные брели по замерзшей земле к поврежденному "Непобедимому" и возвращались обратно с носилками, груженными тяжелыми бочками с ракетным топливом. Затем Джей Калам, капитан, включил насосы, и Боб Стар, навигатор, занял пост в рубке.

Дюзы взревели, выпустив синее пламя, и "Птица Зимородок" оторвалась от мерзлой земли и сквозь зеленые сумерки полетела к месту крушения.

Потом они трудились многие часы, перетаскивая катодные платы и оставшиеся бочки с топливом из неповрежденных хранилищ мертвого "Непобедимого". Жиль Хабибула наведался в камбуз, и прежде, чем они были готовы к полету, у них была горячая пища.

— Итак, отправляемся в Зеленый Холл,— довольно засопел он во время еды.— Чтобы собрать все флотилии Легиона против этого предателя и его чудовищных друзей...— Он вопросительно посмотрел на командора и на мгновение замолчал.— Мы будем держаться драгоценной Земли или, по крайней мере, легионерских доков на Марсе, правда, Джей?

Оставаясь мрачно-сосредоточенным, Джей Калам покачал головой.

— Я боюсь возвращаться,— тихо ответил он.— Вообще-то, я даже боюсь давать любые позывные Легиона. Потому что может оказаться, что Легион — это мы.

— Мы?..— Жиль Хабибула поперхнулся.— Во имя сладкой жизни, что ты имеешь в виду?

— Кометчики подбили "Непобедимый" и освободили Стивена Орко,— сказал Джей Калам.— Это означает войну на истребление. Мы ничего больше не выиграем, если будем медлить: все говорит о том, что нам надо улетать немедленно, потому что кометчики собираются разгромить Легион и уничтожить Хранителя Мира.

— Мою мать...— Боб Стар прикусил задрожавшую губу.— Что мы можем сделать?

— Я обдумал наши действия, и принял решение.— Высокий командор выпрямился, задумчиво потирая небритый подбородок.— Мы отправляемся немедленно в направлении кометы.

— Прошу тебя, Джей,— зарыдал Жиль Хабибула,— не надо так жутко шутить!

— Я думаю, что, находясь в полете к комете, мы будем в большей безопасности, чем на Земле.— Джей Калам по-прежнему печально глядел на него.— Если Хранитель Мира получит пат, нашим силам ничего

не остается, только смотреть что это за оружие, которое превратило крепость в провал.

— Ах, не говори таких вещей!— Жиль Хабибула шмыгнул и моргнул.— Неужели мы даже не можем попросить помощи?

— Не можем, не рискуя тем, что враг перехватит наше сообщение и ответит своим аннигилирующим лучом.— Затем Джей Калам сказал:— Может быть, мудрее не пытаться сигналить вовсе, но я решил, что надо попытать счастья и при отправлении вызвать вспомогательную базу Легиона здесь, на Нептуне, возле заводов, вырабатывающих атмосферу.

— А если...— Боб Стар попытался сглотнуть ком в горле.— Если они не ответят?

— Тогда пойдем на дальнейший риск и пошлем весточку в Зеленый Холл.

— Однако на получение ответа уйдет много часов,— возразил Боб Стар.

— Неважно, кто ответит,— Легион или кометчики. Мы не можем ждать,— тихо сказал Джей Калам.— Если даже окажется, что мы — единственная эффективная сила, оставшаяся от Легиона, я намерен действовать. Помни что, если нам удастся убить или хотя бы снова пленить Орко, это может изменить всю ситуацию.

Джей Калам поднялся из-за стола, тихо добавив:

— Пожалуйста, рассчитай курс к комете на полной тяге. Не старайся экономить топливо на возвращение.

— Но ты же уже попытался!— Жиль Хабибула хотел было подняться и вновь утонул в кресле, выкатив бледные глаза.— У тебя был корабль в тысячу раз мощнее этого!— Он задрожал.— Теперь от него остались смертельные обломки!

Однако Боб Стар уже кипел воодушевлением. Несмотря на все предчувствия командора, намерение покинуть черный Нептун подняло его настроение. Он мечтал о чистом пространстве свободного космоса и о будоражащем кровь пении геодинов, и о новом шансе.

— Стыдно, Жиль!— громыхнул Хал Самду.— Если у нас есть хотя бы какой-нибудь шанс уничтожить этого человеко-зверя, прежде чем он сможет причинить вред Аладори, мы должны отправляться.

Его гневный взгляд опустился на вилку, и Боб Стар увидел то, что огромные пальцы бессознательно смяли металл.

Командор послал его в орудийную башню. Жиль Хабибула был отправлен в силовой отсек, а Боб Стар пошел в рубку. И, наконец, они вырвались в открытые просторы космоса. Дюзы выбрасывали струи пламени, и в безмолвствующий корабельный передатчик вернулась жизнь.

Используя узкий луч и ограниченную мощность, тщательно заэкранировав все оборудование, Боб Стар вызвал вспомогательную базу

на атмосферных заводах. Ответа не было. Он увеличил мощность и попытался опять, однако услышал лишь сухое потрескивание статики.

— Достаточно.— Джей Калам остановил его.— Мы не можем рисковать, увеличивая мощность, и не можем терять время.— Он дал Бобу Стару краткую зашифрованную радиограмму.— Это мой генеральный приказ: доклад об уничтожении "Непобедимого" и освобождении Орко и приказ Легиону драться до конца — если только от Легиона что-нибудь осталось. Отправь его на Контр-Сатурн и направляйся к комете на полном ускорении.

Тусклый зеленый сплюснутый шар — Нептун — тонул во тьме, испещренной звездами и оплетенной голубыми туманностями. Боб Стар вырубил дюзы после того, как была отправлена радиограмма, и затем он включил геодины. Чувство движения исчезло, потому что изменилось качество тяги, но зеленоватая планета стала пропадать с волшебной скоростью, уносясь прочь, к меньшему шару, Тритону.

Позади пылало яркое, но крошечное далекое солнце в стылой тьме, едва соперничая с наиболее яркими звездами. Гигантский Юпитер и более мелкий Сатурн казались слабыми искорками на экранах телеперископов. Земли, которая была гораздо меньше их, вовсе не было видно.

Боб Стар, однако, не смотрел назад, взгляд его был прикован к комете. Он был в рубке один. Единственным звуком, помимо его дыхания, являлось высокое гудение нагруженных генераторов. Яркое бледно-зеленое свечение кометы поглощало невеселые мысли. Что это было на самом деле?

Очевидно, они были разумны. Сверхразумны. Они были невидимы или могли становиться такими. Вооружение невидимого разведывательного корабля разрушило лучший боевой корабль Системы и растворило тюрьму-крепость в ничто.

Больше люди ничего о кометчиках не знали, но Боб Стар настойчиво пытался нарисовать их в своем воображении. Человекоподобны ли они? Он пытался поверить, что да, человекоподобны, ибо на эту мысль наводило явление девушки в тюремной стене.

— Парень, парень,— растормошил его Жиль Хабибула.— Ты задремал. Мне кажется, твой отец слишком много держал тебя в Пурпурном Холле, раз уж ты разглядел какую-то девушку. Однако не надо путать любовные сны с правдой.

— Сны!— быстро возразил он.— Девушку, которую я видел, была так же реальна, как и ты, Жиль. И она оказалась в ужасной беде причем из-за Стивена Орко и кометчиков. Я все же верю, что мы найдем ее, если вообще доберемся до кометы.

Джей Калам был, тем не менее, столь же скептичен.

— Если девушка, которая, как тебе кажется, была реальна, то она не может быть жительницей какой-нибудь из планет Системы. Мы не имеем представления о научных принципах проектирования образа,

подобного описанному тобой, без компьютерного оборудования. Ты считаешь, что она — обитательница кометы, возможно, член какой-нибудь дружественной нам фракции. Но существуют миллионы шансов против этого.

— Почему?— прошептал Боб Стар.

— Потому что возможности для разнообразия жизненных форм бесконечны,— рассудительно ответил командор,— и структурная адаптация протоплазмы к влиянию условий настолько удивительно сложна, что на всех планетах всех солнц по всей вселенной, возможно, не было и никогда не будет другой расы, в точности похожей на нашу.

Джей Калам печально и добродушно улыбнулся.

— Я боюсь, что Жиль прав. Я полагаю, тебе следует относиться к этому инциденту, как к полностью субъективному — как к продукту твоих собственных подсознательных страхов и надежд, реагирующих на стимуляцию агента, который, вероятно, лишил тебя сознания. Скорее всего, кометчики не человеческие существа, а нечто, что вообще навряд ли назвал бы жизнью.

Боб Стар стоял, глядя на зеленоватое пятно кометы в телеперископ, пока корабль и весь окружающий мир не прекратили существовать. И остались в космосе он да этот огромный зеленый глаз, и глаз притягивал его к себе, в свою неведомую бездну.

Если кометчики не люди, то кто же они? Монстры со щупальцами? Одушевленные растения? Кристаллическая жизнь призматической формы? А может быть, вся комета — единое древнее существо? Может ли разум существовать не в отдельных индивидуальностях, а быть принадлежностью целого?

В мозгу пустил корни ужас, питаясь его фантастическими умозаключениями. Пытаясь найти путь бегства от этих ужасов собственного соображения, он вернулся к астрономической задаче, которую начал решать в Пурпурном Холле. Глядя на этот забытый астероид, он пытался выяснить, откуда он мог появиться. Ему ничего не удалось обнаружить, однако он открыл кое-что другое.

— Что-то происходит с Плутоном,— сказал он Джею Каламу, когда командор пришел сменить его. В его усталом голосе слышалась хрипота ужаса.— Я проверил десяток раз свои наблюдения, и ответ все тот же. Он покинул орбиту и дрейфует к комете! Я знаю, что это звучит безумно и вряд ли вы поверите...

— Поверю.— Темное лицо командора не выражало скептицизма, лишь сосредоточенность.— Это сходится с секретными сообщениями, которые мы получили от обсерватории на Контр-Сатурне. Множество малых астероидов оттягивается с их орбит к комете — возможно, это та же сила, которая схватила "Непобедимого". Похоже, они похищают планеты...

— Если они могут это...— Боб Стар лишился дара и дрожал в страшных ожиданиях.

Высокий командор пожал плечами, готовый смириться со всем, что бы ни произошло.

— Ты устал, Боб,— сказал он.— Иди в свою каюту и поспи.

Боб Стар побрел прочь как выработавшийся робот.

Не раздеваясь, он упал на койку. Но сон не шел, потому что зеленый глаз кометы все смотрел на него. Он следил за ним даже здесь, в каюте, и рыскал в его мозгу.

Тонкий вой генераторов стал призрачной гипнотической мелодией. Онемевший мозг воспринимал их как расстроенные минорные струны. Когда, наконец, он погрузился в тяжкий полусон, страх его не оставил. Спустя четыре таких же напряженных дня он доложил Джею Каламу с тусклым удовлетворением в голосе:

— Через пять часов при нынешнем торможении мы достигнем поверхности объекта.

— Если только кометчики нас пустят!

Боб Стар покинул рубку. Слишком возбужденный, чтобы заснуть, он прогуливался по крейсеру. В силовом отсеке он нашел Жиля Хабибула, сидящего на полу возле геодинов, раскинув широко толстые ноги. Вокруг валялись пустые бутылки, он сам был очень пьян. Завидев Боба Стара он вопросительно уставился на него.

— Смерть моя!— прохрипел он. Ты меня ужасно напугал, парень. Сначала мне показалось, что это какой-то жуткий монстр подкрался, чтобы меня уничтожить. Ах, что за страшное путешествие!

Он пошуровал среди бутылок и нашел не совсем пустую.

— Садись, парень, прими капельку винца. Его драгоценная теплота немного разгонит холод в твоем сердце. Ах, бедный старый Жиль стал жалким солдатом, Боб, и спасает его только красная храбрость, что вытекает, пенясь, из бутылки.

Это печально, дружище, но век человека закончен. Эти монстры будут отныне править Системой. Возможно, нам посчастливилось быть среди первых, кто встречает кометчиков, и умереть прежде, чем мы узнаем, кто они такие. Однако я намерен встретиться с ними пьяными.— Он снова приложился к бутылке.

Боб Стар вернулся к телеперископам и стал смотреть, как растет комета. Ее острый по краям, зеленоватый овал был размерами с яйцо, а теперь оказался величиной с человеческую голову. Она мчалась в черном космосе. Она глотала звезды, превращаясь в зеленое море, заполняя все небеса...

Он и Джей Калам изучали ее с помощью всех приборов, которыми располагал корабль.

— Я ничего не могу обнаружить.— Командор покачал головой, смущенный и явно испуганный.— Эта зеленая поверхность — идеальный геометрический эллипсоид. Он полностью лишен каких-либо особенностей. С этого расстояния мы должны были бы увидеть любой предмет размером в дом или дерево. Однако ничего подобного.

— Налетчики были невидимы,— заметил Боб Стар.

— И возможно, что они живут на поверхности, которую мы видим.— Но я так не думаю. Более похоже, что эта зеленая поверхность окажется каким-либо покрытием, хотя и из неизвестного нам материала. Корпус, будем говорить так, огромного корабля. Он движется как корабль. Следующая наша проблема — как пробраться внутрь.

А объект все увеличивался. Он уже закрыл половину звезд, когда зазвенела система тревоги. Боб Стар в замешательстве подскочил к приборам. Он быстро считал информацию со светящихся шкал и проанализировал результаты с помощью компьютера.

— Мы встретились с мощным отталкивающим полем,— сказал он Джею Каламу.— Оно уже погасило большую часть нашей скорости.

Он запросил силовой отсек, чтобы приказать отключить генераторы, однако поглощение не прекратилось. Он вновь обратился к Жилю Хабибуле, чтобы встретить поле толчком геодинов. Четверть мощности... половина... полный рывок...

Наконец, он повернулся к командору, ошеломленно качая головой.

— Вся наша скорость погашена,— сказал он.— Мы теперь пятимся прочь от кометы, и это при полной тяге геодинов!

— Выходит, видимо, что зеленая поверхность — действительно защитное покрытие,— медленно сказал Джей Калам.— Это барьер той же энергии, которая притягивает Плутон к комете.

— Как бы там ни было, нам туда не проникнуть.— Боб Стар выпрямился, стараясь не показать своего отчаяния.— Из полученных мною данных ясно, что это отталкивание у зеленой поверхности должно возрастать до бесконечности. Ничто уже не сможет прорваться в...— Дикий крик ужаса прервал его.

— Это сумасшедший,— прошептал он хрипло.— Марк Лардо.

Булькающий визг повторился.

— Они здесь! Они голодны! Не давайте... Не давайте им есть!

Боб Стар повернулся к своим приборам, чтобы опять узнать об интенсивности отталкивания. Пленный время от времени орал с момента его заточения, хотя еще ни разу в его крике не было такого одинокого ужаса. Он почувствовал ладонь Джея Калама на своей руке.

Он хотел возразить, поскольку это было слишком чудовищно, чтобы быть правдой. Собственно говоря, он ничего не слышал. Глаза его не видели ничего. И все же, еще до того, как Джей Калам прикоснулся к его руке, разум его съежился, почувствовав чье-то страшное невидимое присутствие.

— Глядите!— С губ его сорвался крик.— Зеленый...

Зеленый туман затягивал приборы у него на глазах. Тело покрылось мурашками. Все чувства каким-то образом отключились. Он едва услышал шепот Джея Калама:

— Так было в тюрьме Орко?

Он не мог ответить. Тело превратилось в неуклюжую, но повинующуюся машину. Он понял, что падает. Смутно, с далекого расстояния, он услышал тонкие безумные вопли Марка Лардо:

— Не давайте им есть!..

КОМЕТЧИК

Боб Стар, преодолевая боль, поднялся с палубы на узком мостике. Члены онемели, и их неприятно покалывало. Смутное настойчивое звучание системы тревоги медленно стихало в ушах, и корабль погружался в грозную тишину. Крики Марка Лардо прекратились. Он вдруг понял с чувством отчаяния, что не слышит геодинов.

Джей Калам стонал там, где он упал, и Боб Стар склонился над ним. Тело его было скорченным. Кожа покраснела и была холодна от пота. Биение сердца и дыхание — нерегулярны и замедленны.

Боб Стар вернулся к приборам. По оси отклонения — ноль, потенциал поля — ноль. Корабль уплывает прочь от кометы, беспомощный против поля отталкивания.

— Наш посетитель?— слабо произнес Джей Калам с того места, где лежал.— Ушел?

— Думаю, ушел.— Боб Стар помог ему подняться.

— Что это было?

— Я не знаю.— Боб Стар попытался сглотнуть сухой ужас в горле.— Я ничего не видел, кроме зеленого тумана.

— Интересно, действительно ли это был туман?— Джей Калам неуверенно стоял, покачиваясь, однако на его лицо уже вернулась хмурая озабоченность.— Или, быть может, это эффект излучения, который закорачивает нервные волокна. Инженеры Легиона экспериментировали с радиацией, которая способна это сделать.— Он взглянул на хронометр.— Как долго мы были без сознания.

— Пожалуй, минут десять,— сказал Боб Стар.

Джей Калам позвал его посмотреть, что случилось с остальными. Сдавленный стон привел его в орудийную башню.

Хал Самду с трудом поднимался на ноги подле огромной протонной пушки, изо всех сил напрягая мощные руки.

— Эй, Боб!— пробурчал он.— Что с нами стряслось?

— Я еще не знаю. Скажи, Хал, ты что-нибудь слышал? Или чувствовал?

Хал Самду потряс головой.

— Ничего не видел. В корабль заползла чудовищная тень. Потом — зеленый туман перед глазами, и я не смог ничего увидеть. Тело охватил паралич, и я не мог двигаться. Это все, что я знаю.

Боб Стар начал спускаться в силовой отсек, но тут придушенное хлюпанье заставило его пройти в каземат. Он посмотрел сквозь решетку на Марка Лардо. И тут ужас лишил его сил. Хрипя и дрожа, он вцепился в прутья, глядя на тварь, лежащую на полу. Марк Лардо прежде был большим — косматый могучий человеко-зверь. Но это сморщенное существо перед ним было не больше ребенка. Кожа у него была неестественно белой и чудовищно иссохла. Он неподвижно лежал на палубе и жалобно подвывал.

— Лардо!— Голос Боба Стара звучал глухо от ужаса.— Марк Лардо! Ты можешь меня слышать?

Тварь слегка пошевелилась. Сморщенная головка запрокинулась, и Боб Стар попятился от решетки. Он увидел ее глаза. Они были глубоко погружены в крошечный череп и казались странными. Он подумал, что Лардо, должно быть, ослеп. Вокруг глаз лежали длинные желтые тени. В этих глазах не было ничего человеческого. Чувствуя тошноту, Боб Стар поплелся прочь.

Марк Лардо, хоть и безумный, всего лишь час назад был человеком, массивным и мощным, и его сильный дикий голос звучал по всему кораблю. Это иссушенное ужасом существо не было больше человеком. Оно было вдвое меньше Марка Лардо, и очень мало в нем осталось от свирепой животной жизни.

Боб Стар, спотыкаясь, спустился по ступенькам в силовой отсек и остановился, раскачиваясь, на палубе.

— Жиль!— хрипло позвал он.— У тебя есть вино?

Безутешный Жиль Хабибула лежал, привалившись к одному из геодиновых генераторов. Он хныкал и, казалось, не слышал его.

— Жиль,— опять окликнул его Боб Стар,— я хочу выпить.

Тот услышал и медленно побрел по помещению.

— Ах, парень!— Он уже не был пьян, зато горько плакал.— Ты нашел меня в злой час, парень. Мои бедные геодины... будто дорого друга убили! Я думаю, нам обоим нужно выпить!

Он нашел полную бутылку в ящике, в котором следовало хранить инструменты. Боб Стар залпом осушил ее наполовину. Жиль выпил остальное и вытер понурое желтое лицо обратной стороной ладони.

— Я старый генераторщик,— хрипло пробормотал он,— однако никогда я не встречал таких мощных геодинов, как эти, и чтобы они так сладко пели. Когда они были живы, парень, они всегда отвечали на мои прикосновения. Они пели мне. Они любили меня, и посильнее, чем иная женщина.

Но теперь они мертвы, парень. Мертвы. Убиты и искалечены. Каждый виток разрезан на тысячи бесполезных кусочков проволоки. Каждая

сетка, каждый проводок — все раскурочено, разорвано. Даже все платы разбиты, и генераторы уже никогда уже не запоют снова.

— Они выглядят целыми,— возразил Боб Стар.

— Ах, да,— печально засопел старик,— сияющая красота осталась. Однако драгоценная жизнь кончилась. Я сидел здесь, слишком основательно наполненный вином, вином и осторожностью, чтобы остановить тварь, которая их убила.— Он повернулся, чтобы извлечь новую бутылку.— Но давай-ка еще выпьем и не будем больше говорить о страшной твари, которую я видел.

— Ты видел ее?— Боб Стар взял бутылку и потащил его к скамье.— Садись, Жиль, и расскажи, что ты видел.

— Дай мне выпить, парень,— взмолился тот хрипло.— Дай мне залить это чудовищное воспоминание, пока я не спятил, во имя драгоценной жизни!

Боб Стар отобрал у него бутылку.

— Ах, ладно, я расскажу тебе, что я увидел,— пробормотал Жиль наконец.— Если ты считаешь, что это поможет нам защитить твою драгоценную мать. Но не то, что я увидел, заморозило мои бедные старые кости. То, что я чувствовал,— холодное, зловонное дыхание смертельного зла.

— Так что же ты видел?

— Болезненное предчувствие беды угнетало меня еще с тех пор, как мы покинули Нептун,— засопел Жиль Хабибула.— Даже вину было не под силу справиться с ним. Внезапно, совсем недавно, я почувствовал, что какая-то ужасная тварь заползла на корабль. Я услышал, как Марк Лардо завыл громче.

Мне следовало бы убежать, однако бежать было некуда. И вскоре я не мог двигаться, потому что зеленый туман заледенил мое тело. Я не мог пошевелить и пальцем, даже поднять драгоценную каплю вина. Ах, да, парень! Я сидел здесь, на палубе, а бутылка была у меня между коленей. Я никогда не нуждался так в выпивке за сорок лет службы, но я не мог поднести эту жалкую бутылку к губам.

Затем тварь пришла в силовой отсек. Я с трудом мог повернуть свои тусклые старые глаза из-за паралича. Она прошла отчасти по проходу, отчасти прямо через механизмы. Даже защита геодинов не была для нее преградой. Она прошла к нам...

— На что же это было похоже?— хрипло прервал его Боб Стар.— На человека?

— Не спрашивай, как она выглядела,— взмолился старик.— Давай выпьем и забудем этот коварный ужас.

— Прошу тебя,— настаивал Боб Стар,— ради моей матери!

— Эх, ну, если мы должны.— Наполненные ужасом глаза закатились вверх.— Она стояла десяти футов в высоту. Сотворенная из движущегося пламени! Голова фиолетовая, яркая и крошечная как звез-

да, и холодная как лед, окутанная маленьким облаком пурпурного тумана.

Ногами ее была другая звезда, горячая и красная, а посередине маленькая луна красноватого тумана. Между фиолетовой звездой и красной — столб зеленоватого пламени. Веретенообразной формы. Он вращался, он ни на миг не останавливался. Вокруг утолщенной середины веретена было широкое зеленое кольцо. Какой-то кристалл, быть может. Он казался твердым — но все же он был не слишком твердым, чтобы не пройти через механизмы. Вот на что это было похоже, насколько я могу тебе это передать. Однако весь ужас в том, как я при этом чувствовал себя.

— Выходит, гость выглядел именно так?— задумчиво кивнул Боб Стар.— А теперь расскажи мне, что он делал.

— Он вполне достаточно сделал для моих драгоценных геодинов, парень. Заклубился туман — рука протянулась сквозь твердый металл из блоков. И песня геодинов превратилась в ужасный надрывный звук. Это был их смертный крик.

Тварь оставила их на миг и пошла ко мне.— Толстый загривок старика задрожал.— Я думал, что пропал, парень. Тварь была голодна, причем шумным зловонным голодом. Она жаждала моей жизни, парень. И она протянула зеленый палец, чтобы убить меня, как убила геодины.

Но тут сова завизжал Марк Лардо.— Жиль Хабибула вздохнул.— Это-то и спасло меня. Злая тварь увидела, что я старик, ослабевший от многих тягот, и плоть моя отравлена вином. И она покинула меня ради сладкого мяса сильного молодого мужчины.

Она уплыла прочь сквозь металлическую обшивку корабля, даже не подумав воспользоваться дверью. А я остался сидеть, прислушиваясь к визгу. Последний крик превратил кровь в лед в самом сердце у меня, парень. И это было все, что я услышал.

Боб Стар стоял безмолвно, думая о хнычущем сморщенном существе, которое оставалось в камере марка Лардо. Жиль Хабибула взял из его рук бутылку и запрокинул ее. Желтое горло конвульсивно пульсировало, пока не вытекла последняя капля.

Тварь в камере еще не умерла, когда Боб Стар, борясь с дрожью, заставил себя вернуться. Существо, однако, больше самостоятельно двигаться не могло, потому что смертельная дезинтеграция уже сказалась. Видя, что он больше не проявляет признаков жизни, Боб Стар позвал Джея Калама. Они безмолвно вошли в камеру, чтобы вынести его, и заставили себя стянуть с марка Лардо одежду, которая была ему уже слишком велика.

К тому времени, когда они уложили его на койку, сморщенные пальцы рук и ног начали отваливаться. Пытаться оказать медицинскую помощь было бесполезно, хотя последнее болезненное проявление жизни произошло еще более чем через час. Отсутствовали какие-либо признаки

сознания, но выражение на кукольном лице, хнычущие звуки убедили Боба Стара в том, что существо еще чувствует боль.

Наконец, глаза покинул желтоватый оттенок. Они оставили ужасное, белое, явно слепое и сияющее какой-то иризацией, которая охватила уже все тело, существо. Оно уже не двигалось. Останки продолжали съеживаться, пока Боб Стар и Джей Калам не завернули то, что осталось, в покрывало и не выбросили с корабля в космос.

Джей Калам провел после этого два часа, изучая маленький образец, который он взял для анализов. Он вернулся с выражением смутного беспокойства на лице.

— Это не человеческая плоть,— сказал он Бобу Стару.— Несколько элементов, которые должны находиться в теле, полностью отсутствуют. Остальные присутствуют, но в неправильных порциях. Химический состав протоплазмы полностью изменился.

Что-то съело Марка Лардо.,— сдавлено заключил он.— Он потерял девятнадцать фунтов веса. То, что от него осталось, не было ни человеком, ни даже живым существом.

— Командор,— прошептал Боб Стар.— Но... что, по-вашему, это было?

Джей Калам задумчиво нахмурился.

— Мы ожидали найти на этом объекте подобную жизнь. Однако я верю, что тварь, которую видел Жиль, в некотором роде живая. Она проявляет разумность и целенаправленность. Она движется. Она ест.

Голос его перехватило, бледное лицо стало жестким, но он тут же продолжил, почти неслышно:

— Она, должно быть, в некотором роде, материальна. Она потребила девятнадцать фунтов вещества из тела Марка Лардо. Хотя она достаточно свободна от материальных ограничений, чтобы двигаться сквозь прочный металл. Он неуютно пожал плечами.

— Пожалуй, нам чего-нибудь в этом роде следовало ожидать,— добавил он,— потому что кометчики явно далеко обошли нас в науке. Они наверняка способны манипулировать материей и энергией, возможно, даже пространством и временем посредством способов, находящихся вне нашего понимания.

Боб Стар некоторое время молчал, мрачно цепляясь за прежнюю свою веру в человекоподобность существо с кометы, ибо для него это означало реальность девушки в стене тюрьмы Стивена Орко. Однако вера в ее существование угасла под натиском безмолвного ужаса, который до сих пор не покидал корабль.

— Я читал одну старую легенду,— проговорил он вдруг,— о существах, которые считали, что пить кровь живых...

— Вампиры...— Джей Калам покачал темной головой, словно в беспомощном протесте против того, что они увидели.— Давний и неубедительный миф в сравнении с кометчиками.

Он помолчал, затем сделал долгий хриплый вздох.

— Мы догадывались, чего они хотят,— сдавленно пошептал он,— а теперь, я думаю, мы это знаем. Я полагаю, что они явились в Систему ради... еды.

Хал Самду издал хриплый нечленораздельный звук.

— Драться!— всхлипнул он.— Мы должны драться! Жиль, ты должен наладить генераторы.

На щеках старика заблестели слезы.

— Это невозможно,— простонал он.— Мои горделивые красавцы — они убиты кометчиками.

Боб Стар вернулся в рубку вместе с Джеем Каламом.

— Мы уже за пределами поля отталкивания,— сообщил он, когда они провели наблюдения.— Но мы по-прежнему на высокой скорости летим прочь от кометы и не в состоянии ничего сделать.— Он горько засмеялся.— С помощью одних лишь дюз...

В этот момент экраны вспыхнули красным. Зазвучали тревожные сигналы. Он повернулся взглянуть на экран носового телеперископа и, не дыша, произнес:

— Впереди астероид!

АСТЕРОИД

Пальцы Боба Стара носились по клавиатуре управления дюз. "Птица Зимородок" задрожала от рывков. Голубые струи пламени полыхали в вакуум прямо по курсу, освещая экран телеперископа.

— Астероид?— прошептал Джей Калам.— Ты уверен?

— Уверен,— сказал Боб Стар, слишком занятый, чтобы повернуться. Детектор гравитации показывает впереди инертную массу. Миллионы тонн. Поля отражателей не могут сдвинуть ее ни на дюйм. Однако я изменил курс с помощью дюз... Я думаю достаточно...

— Астериод,— задумчиво произнес Джей Калам.— Конденсационные теории космогонии указывают на существование таких крошечных тел на окраинах Системы.— Но я не слышал, что хотя бы одно из них было открыто так далеко от Солнца. Мы ведь в миллиардах миль от орбиты Плутона.

Боб Стар за телеперископом внезапно перестал дышать.

— Я вижу его!— закричал он.— Он еще далеко и, по счастью, левее...

Он склонился над экраном.

— Что это?

— Это всего лишь крошечный неправильной формы камень,— неуверенно ответил Боб Стар.— Возможно, не более полумили в диаметре. Однако, мне кажется...— В голос его закралось сдерживаемое восхищение.— Мне кажется, что он обитаем.

— Боб,— возразил командор,— это почти невозможно. Слишком далеко... отсутствует на картах...

— Диффузия света,— настаивал Боб Стар, глядя на экраны,— говорить о существовании атмосферы. А такое маленькое тело не может удерживать атмосферу без искусственного гравитационного поля. Я уверен...

— Планетарная инженерия — дело дорогостоящее, Боб,— напомнил ему Джей калам,— особенно, если оборудование приходится доставлять так далеко. И построить что-либо на подобном астероиде втайне выглядит делом невозможным.

— Вижу!— прошептал Боб Стар.— Я опять заметил, уже на большом увеличении.

Он оглянулся, лицо его сияло удивлением.

— Да! Он обитаем, командор! Я видел растительность — там есть растительность! И еще я вижу здание — длинное белое здание. Рядом корабль — маленький геодезический крейсер. А позади, на маленьком холме,— башня ультракоротковолновой связи.

Рука Джея Калама твердо сжала его плечо.

— Ты можешь сесть туда, Боб?

— Сесть?— Боб Стар отвернулся от экрана, чтобы взглянуть на другие приборы.— Не знаю,— сказал он медленно.— Наша относительная скорость очень велика. Мне понадобится много ракетного топлива для остановки без геодинов.

— Мы должны, если можем,— сказал Джей Калам.— Потому что на этом калеке мы беспомощны. Если сядем, то, может быть, нам удастся воспользоваться этим кораблем, который ты видел. Или, по крайней мере, дать сигнал о помощи на какую-нибудь базу Легиона.

Боб Стар, занявшийся приборами, казалось, уже не слушал его. Наконец, он снял данные с последнего прибора и быстро повернулся к зажиганию ракетных двигателей.

Встревоженный Джей Калам спросил:

— Что ты решил?

— Я думаю, мы сможем это сделать,— сказал Боб Стар.— При этом топлива, которое останется, вряд ли хватит даже на то, чтобы зажарить яйцо. Мы не сможем покинуть астероид вновь, если не получим другой корабль, или, по крайней мере, новый запас ракетного топлива.

Снова взревели дюзы, повинуясь клавиатуре.

— Я найду Хала Самду,— сказал командор,— и пошлю его к протонной пушке. Будь наготове, Боб, потому что я не думаю, что мы обязательно встретим дружественный прием. Честные люди не устраивают

потайных убежищ в миллиарде миль за пределами Системы. Если честно, меня этот астероид озадачил.

Очевиднейшая догадка — что это укрытие преступников. Однако оно удалено от возможной сцены действий. Пираты вряд ли сочли бы это место удобным для своих рандеву. Никакой выгоды отвозить так далеко синтетические наркотики. Я не знаю, чего ожидать, кроме враждебности.

Но даже в этом командор был разочарован. Боб Стар пристально осмотрел крошечный мир, когда "Птица Зимородок" спускался на него на голубых огненных струях. Хал Самду тем временем дежурил за своей огромной протонной пушкой. Однако из ультракоротковолновой башни не последовало вызова. Не выстрелило и скрытое протонное орудие. Опускающийся чужой корабль не вызвал ни малейшего движения. Крошечная белая пылинка геодезического крейсера неподвижно покоилась на ракетодроме рядом с загадочно застывшим белым зданием.

"Птица Зимородок" затихла, наконец, на выровненной щебенке маленькой площадки возле другого корабля.

— Ну что же,— невесело рассмеялся Боб Стар, показывая на топливный манометр, который стоял на отметке "Пусто".

Джей калам всматривался в иллюминатор с недоумением на лице.

— Странно,— сказал он,— что наше прибытие не произвело никакого впечатления. Чужие корабли не должны бы садиться здесь ежедневно.

Боб Стар огляделся. Возле стройного яркого корпуса неподвижного корабля он увидел белые стены и колонны здания. Оно было огромным, прочно сложенным, и сияющая поверхность его говорила о дорогостоящей художественной простоте. Маленькое искусственное озеро сверкало, словно снежинка белого серебра в пурпурном сумраке звездного неба. И все вокруг было окутано тишиной и окружено экзотической красотой ландшафта.

Такие маленькие планетоиды никогда не бывали круглыми. Поверхность этого представляла собой нагромождение шипов и утесов, выбоин и пропастей. Бледная трава и яркие ровные рощицы покрывали наиболее пологие склоны.

Разноцветные лишайники покрывали выступающие камни зеленым, алым и золотым.

По тонкому лицу Джея Калама поползла медленная улыбка восхищения.

— Да, это волшебная страна,— прошептал он.— Мечта.

Его сияющие глаза перемещались с одной странной перспективы на другую, выделяя красоту покрытых лишайником каменных нагромождений, детский смех мерцающих садов, прохладную улыбку серебристого озера и простое гостеприимство длинного белого здания.

Возле него Боб Стар почувствовал странную, болезненную радость, прокрадывающуюся в сердце. Каждый камень, каждое дерево взывали к нему в тихой мольбе. Вся крошечная планета тянула к нему манящие, ласковые руки волшебства. Они качали его разум, словно в колыбели покоя. Система внезапно оказалась очень далеко, бедствия человечества стали совершенно нереальны. И он знал, что уйти будет очень непросто.

— Ты чувствуешь, Боб?— прошептал вновь Джей Калам.— Ты чувствуешь руку гения в равновесии, ритме и форме каждого камня, каждого растения и каждой травинки? Слышишь ли пение художника в очертаниях, массе и цвете?

Боб Стар молча кивнул.

— Этот мир обжитой, Боб, не иначе,— продолжал он тихо,— он обжит духом человека, который его создал. Он взывает к тебе из любой перспективы, с радостью, с миром, со смехом и с любовью. Или, иногда, с ужасом, когда камни дики и темны, а деревья бледны и скрючены, словно чудовищные карлики.

Что-то заставило его задрожать.

— Но он мертв. Его создатель мертв.— Тихий голос звучал со странной полуотвлеченной убежденностью.— Он мертв, и его дух пытается взывать к нам голосом красоты, которую он создал.

Внезапно он покачал головой.

— Я почему-то чувствую это,— сказал он кратко.— Однако у нас нет времени на болтовню, Боб. Мы должны разобраться, что случилось с этим миром, почему все так недвижимо. И выяснить, сможем ли мы летать на этом корабле.

Они оставили Хала Самду дежурить в орудийной башне. Трое, осторожно сжимая в руках протонные пистолеты, спустились из воздушного шлюза "Птица Зимородок". Синтетический воздух крошечного мира был свеж и прохладен, к нему добавлялся аромат садов. Но над всем давлело неуютное молчание.

Они быстро пересекли пустынное посадочное поле и подошли к другому кораблю. На полированных серебристых боках не было названия. Он был маленький, но зато новее, современнее и совершеннее, чем последние геодезические крейсеры Легиона.

— Хороший корабль,— сказал Джей Калам.— Люки задраены, иллюминаторы закрыты, словно он подготовлен в полету.

— Ах, да,— пробормотал Жиль Хабибула слабым встревоженным голосом. Глаза его испуганно и нервно метались туда-сюда. Казалось, что желтое лицо его побледнело, толстые члены дрожали. Он старался держаться между Бобом Старом и командором.

— Ах, да,— повторил он,— однако это не так.— Он показал на темное маслянистое пятно на щебенке возле корабля.— Заглушки резервуаров открыты,— сказал он.— Драгоценное топливо все вылетело на щебенку.

— Это так,— сказал Джей Калам.

Жиль Хабибула вздрогнул.

— Мне не нравится эта тишина, Джей. Место слишком уж тихое. Ах, видимо какая-то грозная рука коснулась этого мира. Он мертв, Джей! Мертв! И совершенно уж не годится для живых.

Он подошел к задраенному входному люку.

— Он закрыт, Жиль,— сказал Джей Калам.— Откроешь?

— Если пожелаешь.— Старик равнодушно кивнул.— Но ничего хорошего мы там не найдем, кроме прозрачных следов ужаса.

Он раздобыл из огромного кармана кусок проволоки и вперевалку подошел к люку.

Боб Стар тревожно озирался. Молчание давило на нервы. Длинное белое здание позади них было сложено из местного белого камня. Однако его белая манящая роскошь достигалась за счет металла, стекла и тропического дерева, импортированного из далекой Системы,— эти материалы говорили о богатстве и огромных ценах за транспортировку на миллиарды миль. Темные окна приглашающе смотрели на него. Гнетущий дух пустоты и покинутости исходил повсюду и прикасался к его душе холодом угрозы.

— Пока мы ждем, Боб,— сказал Джей калам,— не заглянешь ли ты на ультрокоротковолновую станцию? Посмотри, в рабочем ли состоянии передатчик. И, может быть, автоматические принтеры получили новости. На таком расстоянии понадобится несколько дней, чтобы получить ответ на любое сообщение. Но, возможно, мы узнаем, как обстоят дела в Системе.

Он быстро пошел по маленькому полю туда, где высилась паукообразная башня. Его обступила зловещая тишина. Трудно было идти, не оглядываясь.

Он толкнул дверь-вертушку и вошел в небольшую, облицованную камнем комнату под башней. Ужас вытолкнул его обратно. Каждая деталь оборудования в комнате была бесполезной. Приемники безмолвствовали. Передатчик был испорчен точно также, как геодины на "Птице Зимородке". Каждый проводок был разрезан на множество кусков. Каждая лампа разбита. Платы каждого конденсатора были искарежены и непонятным образом разъедены.

И с того, что лежало на полу, кричал на него безмолвный ужас. Прежде это был человек. Повсюду валялась разбросанная и изорванная одежда. Небольшая горстка серой, похожей на желе массы переливалась бледными неприятными отсветами. До него здесь побывали и кометчики.

Он закрыл дверь и, вздрагивая, побрел обратно по посадочной площади. Жиль Хабибула и Джей Калам стояли у входного люка. Он шепотом сообщил командору о том, что увидел, и спросил Жиля Хабибулу:

— Ты можешь открыть?

— Ах, парень,— старик печально покачал головой.— Неужели ты не веришь в мой драгоценный гений? Я мог бы открыть это в один момент, парень, но я ждал, когда ты вернешься. Старый Жиль слишком стар и слаб, дружище, чтобы безрассудно рисковать головой, открывая этот корабль...

Он опять коснулся замка, и гудящие моторы опустили люк. Боб Стар и Джей калам вошли плечом к плечу. Внутри, на палубе, они нашли скомканную одежду, наполненную иризирующим пеплом и испачканную темным там, где натекла какая-то странная жидкость. Джей Калам отпрянул, вздрогнув.

— Жиль,— хрипло прошептал он,— посмотри, не испорчены ли геодины?

— Пойдем со мной,— взмолился старик.— Старый Жиль не смертельный дурак, чтобы разгуливать здесь в одиночку.

Вторая горстка жутко отсвечивающего пепла остановила их у двери в силовой отсек. Жиль Хабибула посмотрел на сияющие генераторы и с сожалением покачал головой.

— Мертвы!— просопел он.— Уничтожены, как и наши. Это корабль столь же бесполезен, как "Птица Зимородок".

— Корабль, вероятно, был готов к отправлению, когда это случилось,— задумчиво пробормотал Джей Калам.— Люки закрыты, экипаж на местах. Я предполагал, что владельцы этого места пытались бежать. Однако они должны были оставить след для нас...

Длинные пальцы его сжались, словно от неожиданной боли. Мрачная гримаса исказила лицо.

— Это все, что нам осталось!— горько добавил он.— Играть в детективов! Ибо мы выброшены сюда, и у нас нет способа выбраться или позвать на помощь... Нам ничего больше не остается...

ИЗ СТЕНЫ

Некоторое время они стояли молча на безмолвной палубе мертвого корабля. Возле них лежали серые отсвечивающие груды чего-то, что раньше было людьми. Черное отчаяние сковывало их, пока Джей Калам вдруг не расправил плечи.

— Я вижу лишь одно,— сказал он,— обследовать астероид и узнать как можно больше о людях, которые здесь жили. Возможно, мы сможем открыть еще какие-нибудь ресурсы. Возможно, у них есть запас

ракетного топлива или новый комплект геодинов. Мы можем начать с этого корабля. Тут должны быть документы.

Они нашли еще одиннадцать кучек сияющего пепла там, где умирали люди. Две — в маленькой рубке. Боб Стар остановил их, чтобы посмотреть журнал. Координаты, занесенные в него, говорил о том, что корабль сделал много рейсов на Плутон, в экваториальные колонии на Нептуне и на некоторые маленькие астероиды. Однако он не содержал ни малейшего намека на род занятий или личность владельцев. Джей Калам сделал более неожиданное открытие. Он вышел из одной из кают, держа в руках кольцо и маленькую черную книгу.

— Я нашел это,— сказал он,— в пепле, где умер человек. Возможно, он был владельцем корабля: костюм на нем был не таким, как на других, и каюта очень тщательно обставлена. Я не знаю, что с этим делать.

Он показал Бобу Стару свои находки. Кольцо было из обычного золота. Оно было с широкой черной печаткой, глубоко врезанной и с очертаниями скрещенных костей и креста. Тот же символ был оттиснут в красном цвете и на обложке черной книги. Боб Стар увидел, что ее тонкие страницы были заполнены письменами, ничего ему не говорящими.

— Я полагаю,— это дневник,— ответил на его озадаченное выражение Джей Калам.— Разница в цвете чернил говорит о прерывистом характере записей, сделанный в разное время. Это должно быть очень интересно, но похоже на какую-то скоропись, возможно, зашифрованную. Посмотрю, что можно будет с этим сделать.

— Может быть, мы найдем еще какие-нибудь бумаги в здании,— с надеждой предположил Боб Стар.

— Сомневаюсь. Бизнес этих людей, видимо, требовал особой осторожности.— Он снова внимательно посмотрел на кольцо, и на красную эмблему на книге и нахмурился.— Этот символ меня смущает.

Боб Стар склонился, внимательно посмотрев на этот любопытный витой крест и скрещенные кости.

— А это не тот символ?..— У него перехватило голос и он задрожал.

— Он самый,— кивнул командор.— Символ, которым был запечатан маниево-литиевый цилиндр, в котором Эдвард Орко нашел странного младенца, которого он назвал Стивен.— Бледные губы его стали тонкими.— Я думаю, тайна этого астероида будет для нас полезна — если только мы ее узнаем.

Они пошли к огромному широкому белостенному зданию и поднялись на просторную веранду. Боб Стар содрогаясь, переступил через зловещее сияние руды сероватого пепла возле широкой черной лужи. Он постучал в огромную дверь из потемневшего серебра, на которой был символ из красной эмали — скрещенные кости смерти и витой крест жизни.

Молчание служило ему проводником, и он встретил зловещее гостеприимство смерти. Осматривая просторные, тускло освещенные залы и величие покинутых комнат, они вновь и вновь изумлялись доказательствам расточительной роскоши. Одного взгляда на огромную кухню было достаточно, чтобы развеять все тревоги Жиля Хабибулы.

— Ах, дружище.— Его морщинистое лицо засияло.— Вот где настоящее изобилие! Кто бы он ни был, хозяин этого места, он знал тайну жизни. Лучших яств и вин не найти во всей Системе.

Он вздохнул, облизывая толстые синие губы.

— Нам нужно подольше пожить в этом смертельном гробике, Джей, оставив одного из нас на страже. Одна жизнь знает, как долго нам придется оставаться на этом мрачном камне. Очень похоже, что навсегда. Мы сможем заодно поесть, или выпить...

Голос его вдруг замер, когда он наткнулся на сияющий пепел еще одного человека.

В одной огромной длинной тусклой комнате они нашли обширную библиотеку из роскошно изданных томов. Высоченные стены были увешаны работами известных художников. В нишах стояли прекрасные скульптуры. В алькове находился отличный оптифон, и было много тысяч записей, от чего засияли глаза Джея Калама.

— Это тайное королевство,— сказал он тихо.— Это мечта великого разума о рае, воплощенная в реальность некоей необычной силой. Сияющий свет гения отражается здесь во всем: в красоте, что поет в садах, в архитектуре здания, в чудесной этой комнате...

— Ах, да, Джей,— вмешался Жиль Хабибула,— не забудь кухню и драгоценный погреб.

— Подлинный художник,— тихо продолжал командор.— Великий творец и печать его здесь на всем.— Он огляделся, недоумевающе хмурясь.— И его способности требовали анонимности: нам никак не удалось найти ни письма, ни фотографии, ни меморандума, кроме кольца и книги.

Джей калам вернулся на "Птицу Зимородок" в надежде узнать тайну зашифрованного дневника, а тем временем Жиль Хабибула сделал новое открытие. Боб Стар и Жиль Хабибула бродили по библиотеке, и вдруг старик остановился.

— Дружище,— сказал он, и голос его был тих и гулок в просторах комнаты.— В стене алькова есть потайной ход.

Боб Стар спросил со скептическим интересом:

— Откуда ты знаешь?

— А откуда ты знаешь, парень, где верх, а где низ?— Он тяжело вздохнул.— Это чувство, парень, жалкий инстинкт. Подсознательное ощущение, если угодно. Точное восприятие, усиленное долгой тренировкой.

Старый Жиль Хабибула не всегда служил в Легионе, парень. До той ночи, когда его с прямой дорожки столкнула женщина, он был свободным охотником, живущим за счет своего гения.

Люди не умеют прятать свои сокровища от Жиля Хабибулы, парень. Потому что мозги у них действуют так же, как их замки.— Его тонкий голос зазвучал доверительно.— Когда хочется найти что-нибудь, спрятанное человеком, парень, достаточно выяснить, что это за человек, обстоятельства, в которых он находился, и прямиком выйдешь к потайному месту.

— Ты действительно думаешь,— с сомнением спросил Боб Стар,— что здесь есть потайной ход?

— Думаю?— эхом ответил старик.— Я знаю.— Он показал.— Видишь, эта стена достаточно толстая, чтобы скрыть потайной ход.

— Не вижу!— возразил Боб Стар.— Она выглядит достаточно тонкой...

— Это потому, что колонны и занавеси предназначены для того, чтобы скрывать ее толщину — хитроумная оптическая иллюзия.— Он, покачиваясь, пошел к алькову.— Вход, должно быть, в этом углу. Он хорошо скрыт от остальной части комнаты, и здесь удобно входит.

Толстые проворные, странно чувствительные пальцы надавливали и постукивали по роскошной полировке красного дерева.

— Ах, вот она,— выдохнул он.— Вот она, дверь. Видишь, на шве отсутствует пыль.

— Не вижу,— сказал Боб Стар.— Но если ты думаешь, что она действительно есть, я выломаю ее.

— Погоди, парень!— возмущенно запротестовал Жиль Хабибула.— Сломать ее можно. Однако в выламывании дверей не может быть эстетического удовлетворения. Это грубое допущение того, что искусство здесь бессильно. Сама эта мысль — кривой нож в сердце гения.

Эта дверь должна открываться рукой, а поэтому надо лишь положить на нее пальцы. Несомненно, это кнопка, потому что механизм, несомненно, электрический. Хозяин этого дома,— сказал он медленно,— был методичен и трудолюбив, и, вне всякого сомнения, он сам — великий гений.— Тяжелые веки ненадолго опустились на рыбьи глаза.— Ах, да,— просопел он.— Несомненно, оптифон! Какой-то трюк с дисками...

Толстые пальцы прикоснулись к кнопкам. Неожиданно красная панель поднялась вверх, и за ней вспыхнула белая лампа.

— Иди вперед,— парень,— сказал он,— и держи оружие в руках. Возможно, в этом тайнике остался кто-то живой. А жизнь — слишком драгоценная штука, чтобы рисковать ею в схватке с кем-нибудь отчаянным обитателем с протонными пистолетами...

Боб Стар осторожно пошел вперед по узкому длинному пролету из каменных ступеней. Тем не менее, он не нашел внизу никого живого. То, что он нашел, лишь увеличило таинственность астероида. У под-

ножия лестницы, проложенной в самом центре крошечного мира, находилась огромная комната. Она содержала в себе биологическую исследовательскую лабораторию. Там были мощные микроскопы, радиологические и исследовательские аппараты, печи, инкубаторы и чаны с призрачными образцами — по большей части, человеческими. Кометчики, очевидно, нашли этот тайник также легко, как Жиль Хабибула. На полу мерцал пепел от семи человеческих существ.

На борту "Птицы Зимородок" Джей Калам выслушал сообщение Боба Стара о находке, сжав тонкие губы. Он ничего не сказал, и Боб Стар спросил:

— Вы расшифровали дневник?

— Нет,— сказал командор, покачав головой.— Это посложнее, чем я рассчитывал.

На планетоиде шло время, и каждый следующий час вносил каплю горечи в чашу четырех легионеров. Растаяла одна надежда, за ней другая. Они не нашли ни сигнального оборудования, ни запасных геодинов, ни даже лишней бочки ракетного топлива. Тайна одинокой скалы оставалась неразгаданной. Джей Калам не сообщал о прогрессе в расшифровке дневника.

Наконец, с мостика "Птицы Зимородка" Боб Стар заметил, что Плутон по пологому эллипсоиду приближается к кометарному объекту. Вот уже много дней он двигался, сойдя со своей прежней орбиты. Он в тревоге ждал, что его встретит отталкивающее поле, но ничто не остановило его. Он столкнулся с морем светящейся зелени и исчез.

Боб Стар повернул телеперископ на Нептун. На миг он уверился, что эта планета находится на месте, однако потом он увидел, что расстояние между Нептуном и Тритоном увеличилось. Спутник был уже в пути.

— Тритон,— пробормотал он сдавленно.— Потом Нептун и, наконец, Земля.— Он беспомощно сжал кулаки.— Но я ничего не могу сделать...

В ту же ночь он один вошел в безмолвный мрак огромного холла в белом особняке. Бледные лампы холодно светили на высоких стенах, облицованных черным и алым. Белый пол был из твердого металла. Он внезапно остановился, неверяще глядя на панель в стене.

Он видел там движущуюся тень. Она тут же вызвала у него в памяти видение, которое было ему в форте на Нептуне, и лицо, которое не покидало его тяжелые сны. Дрожа от нетерпения, он быстро двинулся к тени. Он прошептал:

— Приди ко мне опять... Прошу тебя, приди...

Тени стали более темными и стали сиять, что-то проявилось под поверхностью черно-алой стены. Теперь между тенями сиял чистый го-

лубой свет, ярче, чем их сияющие края. Сердце его забилось, когда они соединились и стали совершенной светящейся реальностью.

Ему показалось, что в стене внезапно была вырезана глубокая ниша. Форма у нее была спиральная. Она была черной и сияла бесчисленными огнями разбросанных повсюду кристалликов, словно голубых снежинок. Внутри полыхал пламенем многоугольный пьедестал чистого сапфира.

На пьедестале, как и прежде, стояла девушка.

Красота ее вызывала спазмы в горле. Нежное тело светилось белым на фоне тьмы и сапфирового огня спиральной ниши. При первом взгляде на нее возникало удивительное и восхитительное впечатление ее стройности, гибкого совершенства, сгустившейся полночи отливающих красным волос, бледного трагического овала лица и огромных печальных карих с золотыми отблесками глаз.

И тут же он увидел, что она ранена. Белое платье было порвано и в крови. Она покачивалась, стоя на огромном сапфире. В лице была мертвенная бледность боли, и глаза были глубоки и темны от муки. Он видел, что она в отчаянии сопротивляется слабости и боли, и чему-то еще. Боб Стар почувствовал грозный невидимый конфликт, в котором ее разум пытался найти путь к победе.

Он бросился к ней в неудержимом порыве.

В двух ярдах от стены он опомнился. Ее там не было. Это была лишь тень в стене. Она была здесь не больше, чем когда явилась в тюрьме на Нептуне в двух миллиардах миль отсюда. Всего лишь тень...

А может, даже не тень. Может быть, всего лишь галлюцинация, дочь разума, который Стивен Орко сокрушил с помощью Железного Исповедника. Красный молот боли, не утихнув за девять лет, все стучал под шрамом — и ему теперь казалось, что голубое пламя в кристалле под ней пляшет в ритме с этими ударами.

Он вдруг понял, что она не мешает ему, как это было в тот раз. Ее застывшее лицо с трагическим взглядом было испуганным, молящим и обессиленным отчаянными усилиями. Покачиваясь на огромном сапфире, она простирала к нему руки. И ее изображение непонятным образом мерцало. Это было, как он понял после, словно он смотрел на нее сквозь огромную пластину какого-то идеально прозрачного кристаллического вещества, и затем этот барьер оказался убран.

Он был изумлен, услышав ее голос. Это был тихий, без дыхания, вскрик. Но было в нем облегчение и радость. Какая-то странная радость смыла бледность и муку усилий с ее лица. Стройное тело расслабилось, и она упала к нему.

Падающая тень? Борясь с парализующим воздействием невероятного, он бросился вперед. Он покачнулся, совершенно изумленный и восхищенный, когда почувствовал в своих руках эту теплую настоящую тяжесть. Некоторое время она казалась безжизненной. Потом к ней вернулись чувства. Она посмотрела назад, на спиральную комнату,

где сапфировое пламя все продолжало взметаться над опустевшим пьедесталом. Необычный зов, единая текучая, очень чистая нота, сорвался с ее губ.

Немедленно вслед за этим сапфир взорвался, словно огромная бомба света. Нишу заполнило голубое пламя. Оно растаяло в вихрящемся столкновении теней. И тени исчезли с черной с красным стены. Словно от полного изнурения, девушка вновь обмякла у него на руках. Он некоторое время стоял, поддерживая ее и глядя на полированную пустоту стены.

— Тень?— прошептал он и повернулся вместе с ней. Он понес ее обратно по огромному холму, по широкой, с колоннами, галерее, по щебенке посадочного поля, к "Птице Зимородку".

Возле воздушноно шлюза его встретил Жиль Хабибула.

— Ну, что?— обратился он к старику.— Ты и теперь не думаешь, что она реальна?

— Достаточно реальна.— В рыбьих глазах появилась теплота одобрения.— И я рад видеть, что ты забываешь о своих болезненных снах. Это хорошо. И она красивая девочка. Скажи мне, парень, она не лучше, чем то твое видение?

— Нет.— Боб стар засмеялся.— Потому что она и есть видение.

Изумленный Жиль Хабибула прохрипел:

— Откуда она взялась, парень?

— Из стены,— сказал Боб Стар и опять засмеялся, видя его замешательство.

— Не шути над старым бедным Жилем.— Он встал.— Джей тебя звал,— объявил он.— Он в рубке.

— Зачем?

— Я не знаю, парень, однако я видел, что он в замешательстве.

— Я иду,— сказал он,— но сначала я должен найти для нее место.

На борту "Птицы Зимородок" были свободные каюты, и Жиль, колыхаясь, пошел вперед, чтобы открыть дверь и снять покрывало с койки.

— Что случилось с драгоценной девочкой?— просопел он.

Девушка казалась без сознания. Однако золотистые глаза с трепетом распахнулись, когда Боб Стар выпустил ее из рук. Овальное лицо снова напряглось в страхе. Она попыталась сесть, вцепившись в его руку. Он попытался ее уложить.

— Не беспокойтесь,— сказал он.— Не надо волноваться.

Его прервал ее голос. Он был тихим и сдавленным от натуги.

Боб Стар покачал головой. Он смог почувствовать текучую красоту слов ее языка, но он был для него совершенно непонятен. Он не нашел ни одного знакомого слова, да и не ожидал этого. И она обернулась к Жилю Хабибуле, смущенная и разочарованная его непониманием.

Старик наклонил желтую голову набок, прислушиваясь.

— Ах, девочка,— пробормотал он.— Твой голос — сама драгоценная сладость. И, очевидно, ты говоришь что-то, что считаешь

важным. Однако такого языка, как твой, старый Жиль никогда прежде не слышал.

Она преодолела слабость и вновь повернулась к Бобу Стару. Усталый голос настойчиво зачастил. В лице явственно был виден призыв.

— Мне жаль,— покачал он головой.— Но мы не понимаем. Когда вы отдохнете, мы найдем способ...

Ее пальцы сжали его руку с конвульсивной бешеной силой. Голос зазвучал громче, выше, и в нем появились рыдания. В золотистых глазах замерцали слезы отчаяния.

— Что она пытается сказать?— Боб Стар безнадежно уставился на Жиля Хабибулу.— Первый раз она появилась затем, чтобы предупредить меня о кометчиках...

Пальцы ее отпустили его руку. Она упала на койку, бесчувственная.

— Эта рана у нее на плече.— Боб Стар вопросительно склонился над ней.— Она не может быть серьезной?

— Ах, нет, парень. Это всего лишь царапина. Отдых и сон скоро восстановят ее силы. Старый Жиль перевяжет ее ранку, парень. В его старых руках еще осталась известная сноровка. Не забудь, что Джей ждет тебя в рубке.

— Боб,— высокий командор встретил его тихим голосом, который выдавал сдерживаемое волнение,— не проверишь ли ты орбитальное движение этого астероида относительно кометарного объекта?

Джей Калам стоял и смотрел, пока он считывал положение Солнца, Юпитера и Сириуса с калиброванного экрана телеперископа и, склонившись над столом, проводил быстрые расчеты.

— Я вижу ответ на твоем лице.— Командор кивнул, увидев там выражение изумления и тревоги.— Он сходится с моим. Астероид подхвачен тубулярным силовым полем. Очевидно, нас затянет в комету вместе с большими планетами.

ЭНЕРГИЯ КОМЕТЫ

Кометарный объект висел неподалеку.

Чтобы посмотреть на закат, Кай Нимиди взобралась с помощью Боба Стара на вершину высокой голой скалы за посадочным полем. Они сидели бок о бок на подушке алого мха. Ноги их свисали над бездной.

Внизу лежало сложное разнообразие крошечного мира, превращенного мертвым гением его неведомого хозяина в фантастические ландшафты писаной красоты. Травянистые склоны

миролюбиво улыбались, а яркие заросли цветущих лесов весело смеялись. Однако над ними, повсюду, зубчатые пики и гряды высились мрачно и недоступно в лишайниковом одеянии зеленого, золотого и алого цветов.

И пурпурная чернота космоса представляла собой свод непознаваемых тайн. День мог осветить лик астероида, но не небеса. Солнце уже садилось позади Боба Стара и девушки — точка бело-голубого великолепия, сопровождаемая крошечными искорками Юпитера и Сатурна. Оно бросало черные, острые, как нож, тени на двоих людей, сидевших на скале.

Перед ними, над черными тенями и горящими лишайниками, поднималась комета — в последний раз. Ее эллипс возникал как бесформенная маска зеленого цвета, зловеще вглядывающаяся поверх крошечного мира. Злобный лик ее был уже близок и огромен.

Боб Стар схватил девушку за руку; Кай Нимиди в тревоге вцепилась в него.

— Темио ист ноки,— пробормотала она на собственном странном языке. Голос ее звучал глухо и сдавленно то страха.

— Да,— прошептал он,— я думаю, мы скоро окажемся внутри кометы. Но мы ничего не можем сделать...— Он спохватился и заставил себя улыбнуться.— Однако ты не тревожься, дорогая...

Уже почти неделя прошла со времени их непредвиденного появления на астероиде; и сейчас она, похоже, почти оправилась от испытания, которому подверглась. Рана на плече зажила, и прекрасная кожа опять светилась здоровьем.

Несмотря на затруднительность общения, Боб Стар узнал ее имя — Кай Нимиди. Он узнал, что она действительно жила в комете. Он выяснил, что она ненавидит и боится кометчиков, которых она звала Айтрин.

Но это было и все.

Она выглядела разочарованной и удивленной неспособностью легионеров понять ее язык. Она отчаянно пыталась выучить их язык, заставляя Боба Стара показывать разные предметы, обучать ее произношению и производить действия, чтобы объяснить глаголы. Прекрасная и заинтересованная ученица, она уже могла произносить множество простых конкретных фраз. Однако что-либо более абстрактное, чем зелень травы или сладость вина, все еще было за пределами ее понимания.

Широкие золотистые глаза смотрели в его лицо. В меркнущем свете зрачки казались огромными прудами трагической тьмы. Они были полны всепоглощающей печали, горького отчаяния, которого ему не удалось развеять. Но они светились, когда он вглядывался в них, мудрым золотым сиянием. На миг на ее лице расцвела сдержанная улыбка.

Боб Стар порывисто прижал ее к себе.

— Кай,— прошептал он.— Дорогая...

Некоторое время она покоилась, расслабившись, на его груди, однако затем страх сделал ее тело твердым. Испуганные глаза снова обратились к комете, и лицо ее в зеленом свете стало еще более боязливым и странным.

— Махниана...— послышался полный страха голос.— Махниана...

Боб Стар выпустил ее.

— Это верно,— горько прошептал он.— Мы не можем успокоиться ни на мгновение, пока жив Стивен Орко.

— Стивен Ор-рко!

Она, казалось, вцепилась в это имя в изумленном отчаянии. Настойчивый голос повторял его со странным акцентом. Красивая рука взметнулась к жуткому, поднимающемуся лику кометы. А затем она почти яростно что-то втолковывала Бобу Стару на своем текучем, прекрасном, непонятном языке.

Он безнадежно покачал головой.

— Стивен Ор-рко!— Он вновь уловил это имя, однако это было все, что он понял. Голос ее повысился. На глазах замерцали слезы. Она схватила его за плечи, словно пыталась растрясти его, заставить понимать. Но, наконец, сдалась и зарыдала в его руках.

Голубая точка Солнца опустилась и воцарилась комета. Зеленоватый грозный лик заполнял темное небо от горизонта до зенита. Он становился все более различимым, все более ужасным, он рос. Под этим неземным светом огромное здание превратилось в нереальный кошмар. Под его черными стенами корчились деревья, словно темные ползучие монстры. Высокие голые скалы мерцали в этом свете как фантастические ледяные шпили.

"Птица Зимородок" стала зеленым призрачным кораблем, когда Боб Стар помог девушке спуститься. Остальные ждали возле воздушного шлюза, глядя в ужасное небо. Они тоже выглядели призрачно: странное свечение делало их плоть мертвенно-бледной, лица казались масками ужаса.

Что-то в голосе Джея Калама, тихо и спокойно говорившего с Жилем Хабибулой, показалось Бобу Стару несоответствующим обстановке.

— Очевидно,— говорил он,— что кометчики способны генерировать и контролировать некую силу, аналогичную гравитации. Мы имеем родственные возможности — достаточно взять геодины и собственные гравитационные ячейки. Но их турбулентные поля неизмеримо мощнее.

Жиль Хабибула автоматически кивал, однако лицо его было поднято в сторону неуходящей кометы и призрачно светилось в ее жутких лучах.

— Их инженерная наука, должно быть, на миллионы лет старше нашей,— буднично продолжал Джей Калам.— Когда думаешь о грандиозной силе, заставляющей планеты покидать свои орбиты, или о способности кометы премещаться как корабль...

Голос его утонул в бездне тишины.

Зеленые края кометы с завораживающей быстротой расширялись. Словно зеленые занавеси закрывали все горизонты. Бобу Стару пришлось сглотнуть, чтобы обрести голос. Он спросил Джея Калама:

— Не подняться ли нам на борт?

— Если пожелаешь,— тихо товетил командор.— Корабль беспомощен; я не думаю, что он хоть сколько-нибудь может гарантировать безопасность. Я не знаю, в чем заключается опасность. Можешь делать, что хочешь. Что касается меня, то я останусь здесь, на поле, чтобы можно было видеть, все, пока... пока это не случится.

Боб Стар схватил Кай Нимиди за руку и потащил ее к воздушному шлюзу. Она покачала головой и снова подняла лицо в сторону простирающегося лика кометы. Ожидая возле нее, Боб Стар вдруг испытал неприятное ощущение, что астероид падает вместе с их телами, падает в опасную зеленую бездну. Бледные острые края ее мчались к горизонтам, и вскоре все небо превратилось в пылающий зеленый купол.

Он услышал голос Джея Калама:

— Мы вот-вот встретимся с зеленым барьером.

С губ Жиля Хабибулы сорвался тонкий дрожащий стон.

— Жуткое время!— всхлипнул он.— Что толку теперь быть гением!

Боб Стар обнял Кай Нимиди и слегка подтолкнул ее к сияющему кораблю. Что случится, когда они врежутся? Кто может знать?

Он ждал, не дыша. Он слышал быстрое биение сердца девушки. В небе появилось странное мерцание зеленого купола. Однако ничего не происходило. Ждать становилось невозможно. Дрожа, он прошептал:

— Когда, Джей? Когда?..

Он услышал, как Джей Калам сделал глубокий вдох.

— Мы прошли зеленый барьер,— сказал командор.— Мы уже внутри кометы. Ты только погляди на небо!

Боб Стар вместе с Кай Нимиди неуверенно отошел от корпуса "Птицы Зимородок".

Глаза его в замешательстве обегали небо. Оно было зеленым, этот опрокинутый котел неприятного бледного пламени. Но оно уже кишело странными небесными телами.

Он обежал их изумленным взглядом. Это были испещренные пятнами диски, словно темные луны несущиеся в зеленом свете. Они были самых разных размеров, окрашены в тысячи оттенков красного, оранжевого, желтого и коричневого цветов и все были омыты призрачной зеленью. Это были скопившиеся вместе планеты, заполнившие зеленое небо. Пятна имели очертания континентов. Огромные площади зеленого, как показалось ему, должны быть морями, отсвечивающими в небе.

— Солнце!— захрипел Джей Калам.— Пленное солнце!

Глядя туда, куда показывала его рука, Боб Стар увидел огромный шар пурпурного пламени. Его жаркий цвет был фантастически необычен

на зеленом фоне. Он казался в три раза больше Солнца Системы, если смотреть на него с Фобоса.

Кай Нимиди быстро отошла от них. Красивая белая рука ее, дрожа, указывала на одно из множества темных тел, которое не было таким исковерканным, как остальные. Это был гладкий диск цвета индиго. Между этой планетой и пленным солнцем Боб Стар увидел три сияющие пурпурные линии.

— Боб, Джей, Хал, Жиль!— с мягким акцентом звала их по именам девушка. И она по-прежнему показывала на лишенный характерных очертаний диск фиолетово-синего цвета.— Айтрин!— настойчиво крикнула она .— Стивен Ор-рко!

Она подбежала, чтобы дотронуться до отливающего зеленым корпуса "Птицы Зимородок", и затем сделала жест, как если бы корабль поднимался к миру цвета индиго.

— Стивен Ор-рко!— повторила она и потерла ладошки друг о друга, словно растирая что-то.

— Смотрите!— прошептал Боб Стар.— Она хочет, чтобы мы поднялись на эту синюю планету. Там Стивен Орко вместе с кометчиками — она называет их айтрин. Она хочет, чтобы мы отправились туда и убили его.

Девушка тем временем смотрела на них, карие глаза ее сияли. Она схватила его за руку, темпераментно заговорив на своем языке. Она кивала, трясла головой, пожимала плечами, делала гримасы, жестикулировала. Боб Стар, пытаясь ее успокоить, положил обе руки ей на плечи.

— Бесполезно,— сказал он.— Мы не можем понять. И мы не можем летать на "Птице Зимородок", если ты этого хочешь...

— Она хочет сказать нам что-то еще,— сказал командор.— Интересно, не могла бы она нарисовать это?

Он поискал у себя в карманах письменные принадлежности и вложил их в ее руки. Она тут же нарисовала круг и указала на огромный диск цвета индиго. Потом сделала отметку внутри круга и проткнула рисунок, снова быстро заговорив.

— Круг означает планету,— сказал Боб Стар,— но эта отметка внутри...

Ему пришлось, как и остальным, покачать головой. И на ее глазах вдруг появились слезы отчаяния. Она опустила рисунок с гневным безнадежным жестом и зарыдала.

— Это слишком плохо.— Джей Калам с сомнением покачал головой.— Мне приходится предположить, Боб, что она — обитательница кометы, хотя принадлежность ее к человеческой расе, видимо, противоречит ортодоксальной науке. Вполне похоже, что она проишла к нам с какой-то информацией о кометчиках и Стивене Орко.

Однако ничего из того, что она знает, не может помочь нам. Без общих знаний языка и культуры, или даже форм мышления,

потребуются месяцы или годы, как бы она ни была способна, чтобы изучить английский достаточно для того, чтобы оперировать сложными или абстрактными идеями.

Он неожиданно повернулся и прищурился на пурпурное солнце.

— Мы должны подняться на борт, Боб,— сказал он,— и провести все возможные наблюдения. Мы должны выяснить как можно больше о комете и о том, что происходит с нами.— Что-то заставило зазвучать его голос неуверенно.— Хотел бы я,— сказал он,— чтобы для наблюдений у нас оказалось достаточно времени.

— Почему?

— Я считаю, что астероид падает на пленное солнце.

Некоторое время они молча работали на мостике. Боб Стар лишился дара речи под натиском ужаса. Но Джей Калам, по-прежнему мрачно-сосредоточенный, начал преобразовывать их открытия в слова.

— Этот объект, который мы называем кометой,— медленно начал он,— это скопище планет. Мы насчитали сто сорок три. Поскольку мы оказались на передней стороне астероида, мы должны видеть их почти все. Мы уже знаем по ее гравитационному воздействию на Систему, что масса кометы приблизительно в тысячу раз превосходит земную. Масса пленного солнца составляет меньше ее половины. Средняя масса планет, следовательно, должна быть в три раза больше земной. Из них построен корабль. Этот зеленый барьер — корпус, покров отталкивающей силы. Планеты размещаются внутри в виде огромного эллипсоида...

— Чего я не пойму, так это как такая система может оставаться стабильной.— Боб Стар тревожно поглядел вверх.— Такие огромные массы, такое переполненное пространство. Что удерживает их от столкновения?

— Должно быть, они удерживаются в пространстве теми же самыми тубулярными полями — лучами силы, которые предназначены для балансировки гравитации. Каркас, так сказать, корабля.— Командор говорил отвлеченно, отчетливо, словно приводил собственные мысли в порядок.— Пленное солнце — один фокус эллипсоида. Планета, которая беспокоит Кай, должна быть другим...

— Только посмотри на нее!— Боб Стар вглядывался в экран телескопа.— Поверхность ее кажется абсолютно гладкой, однако посмотри на эти машины! Слегка напоминают наши протонные иглы. Но они должны быть огромны, раз видны с такого расстояния. По одной машине стоит под каждым из пурпурных лучей между планетой и пленным солнцем.

— Кажется, я понял!— Тихий голос Джея Калама дрожал от сдерживаемого возбуждения.— Пленное солнце не может быть заурядной звездой — об этом говорит пурпурный цвет. Я считаю, что оно искусственное — это атомная электростанция.

Вероятно, тройной луч — это трансмиссионная система для получения энергии. И если это правда, то синяя планета должна быть рубкой управления корабля. Эти меньшие машины вокруг тех больших, видимо, преобразуют энергию для управления им.

Должна требоваться огромная энергия для удержания и движения этих планет и для защиты их от барьера отталкивания. Атомных реакций должно быть недостаточно. На станции должен осуществляться процесс аннигиляции материи...

У него перехватило дыхание, и длинное лицо вытянулось.

— Я не могу найти Плутон среди этих планет,— прошептал он хрипло.— И, кажется, понимаю, почему.

Боб Стар невидяще глядел на него.

— Мне кажется, что кометчикам он понадобился на топливо,— сказал он.— Я думаю, что они уже ободрали с него все, что хотели сохранить, а остальное бросили в эту атомную печь.

Некоторое время он безмолствовал. Лицо его казалось пустым и жестким, словно посмертная маска.

— Кажется, это дополняет наши представления о кометчиках.— Голос его остался необычайно спокойным.— Это мародеры Вселенной. Они бороздят пространство от солнца к солнцу. Они грабят планеты и питаются жизнью, которую им удается найти. Они захватывают сами планеты, чтобы восполнять этот рой или сжигать их в качестве топлива...

— И это то, для чего им потребовался астероид?— вздрогнул Боб Стар.

— Я думаю, да.— Джей Калам кивнул, совершенно спокойный.— Кометчики уже нападали на астероид. Вероятно, они не имеют в нем больше никакой заинтересованности, разве что как в кусочке топлива...— Он, задумавшись, почесал длинную челюсть. Внезапно он очень тихо произнес: — Сколько нам осталось, Боб?

Боб Стар несколько мгновений оставался в хмурой задумчивости. Он нервно зашевелился и повернулся поспешно к телеперископу, компьютеру и хронометру. Наконец, он выпрямился и вытер со лба холодный пот.

— Три часа,— прошептал он сдавленно.— Всего лишь три часа...

ГОЛОС ОРКО

Дверь в рубку Джей Калам закрывал, чувствуя усталость и бреченность. На миг он тяжело привалился к ней. Затем на подкашивающихся ногах он последовал за Бобом Старом и вышел в открытый шлюз.

Кай Нимиди, Хал Самду и Жиль Хабибула по-прежнему находились снаружи, на щебенке ракетодрома, возле пустынного особняка. Они выглядели призрачно в бледно-зеленом свечении, исходившем с неба.

Хал Самду стоял, запрокинув голову. Огромные узловатые ладони сжимались и опять разжимались. Косматая голова была откинута, взгляд голубых глаз был прикован к индиговому диску главной планеты. Суровое лицо было искажено свирепостью.

— Если Стивен Орко там,— хрипло произнес он,— мы должны отправиться за ним... и убить его. Ради Аладори...

Жиль Хабибула и Кай Нимиди сидели бок о бок на щебенке. Девушка рисовала на земле пальцем маленькие чертежи и настойчиво втолковала что-то старику. Он спокойно слушал, устало качая головой.

— Старому Жилю очень жаль, девочка,— сказал он мягко.— Но это бесполезно...

Они все посмотрели вверх, когда Джей Калам и Боб Стар спустились по трапу.

— Ну что, Джей?— громыхнул Хал Самду.— Вот мы и в комете, и рядом Стивен Орко. Как мы сможем добраться до него и убить?

Джей Калам устало отошел назад, чтобы прислониться к омываемому зеленым светом корпусу "Птицы Зимородок". Темные глаза на миг закрылись, и длинное лицо его в этом неземном свете превратилось в застывшую маску боли.

— По-прежнему, Хал,— сказал он медленно,— мы ничего не можем сделать.

Он с усталой жалостью посмотрел на Жиля Хабибулу и на девушку.

— Через три часа,— сказал он,— астероид упадет в эту атомную печь. Мы по-прежнему не имеем способов покинуть его.

Массивное лицо Хала Самду исказил болезненный спазм. Он надломленно прохрипел:

— Аладори...

Жиль Хабибула встревоженно поднялся на ноги. Лысая голова его запрокинулась, маленькие глазки с ужасом уставились на растущий шар пурпурного огня.

— Только три часа!— прерывисто просипел он.— Ради жизни, Джей, не мог бы ты дать нам побольше времени?— Глаза его на миг остановились на жестком лице командора, и он покачал головой.— Бедный старый Жиль!— всхлипнул он.— Вот награда за все его таланты

и за жизнь, отданную преданной службе Легиону и Системе! Сгореть в печи, в топке чудовищной кометы!

Он заморгал и высморкался.

— Вино!— прошептал он.— В доме есть вино. Драгоценное крепкое древнее вино, отобранное и выдержанное тем, другим гением, который освоил этот камень. Прекрасное старое вино, слишком редкое, чтобы позволить ему сгореть в печи...

Смутная улыбка разгладила беспокойство на его лице, и он тяжело поплелся к огромному белому особняку. Прислушиваясь, Боб Стар различил тихо насвистываемый мотив печальной, но гордой баллады Легиона "Воробей Луны".

Хал Самду по-прежнему стоял, выпрямившись во весь рост и глядя на планету индиго. Мускулы его угловатого обветренного лица напряженно работали: он что-то неразборчиво бормотал. Высокий командор опирался на корпус "Птицы Зимородок", словно его покинула жизнь. Боб Стар повернулся к Кай Нимиди, которая перевела взгляд с него на пурпурное солнце.

— Пошли, Кай,— сказал он сдавленно.— Погуляем.

Она улыбнулась.

— Си,— сказала она медленно.— Ахндар.

Они пересекли посадочное поле и поднялись на груду валунов. Въевшиеся в них лишайники имели необычайный цвет, изменяющийся под зеленым небом, так что дикие пики были фантастичны, как шпили волшебного города.

Боб Стар усадил ее возле покрытого мхом карниза. Он сомкнул вокруг нее руки. Он чувствовал, как она дрожит. Она глядела в зеленое небо, и глаза ее походили на огромные пруды ужаса. Они были потеряны, сбиты с толку, беспомощны на мертвом обреченном мире. И все же он прижал ее к себе и попытался думать только об ее белой красоте.

Внизу, среди камней, показался Жиль Хабибула, задыхающийся от возбуждения.

— Пошли, парень,— пропыхтел он.— Восторги любви — пища и питье юных, это я знаю. Однако это может подождать, пока мы не сделаем самое необходимое. Пошли?

— Что случилось?— Боб Стар не сделал попытки подняться, ибо для него ничто не имело значения.

— Джей просит тебя прийти помочь нам грузить на "Птицу Зимородок" ракетное топливо.

— Ракетное топливо?— изумленно переспросил Боб Стар.— Но его же нет!

— Есть!

Боб Стар помог девушке спуститься, и они пошли за Жилем Хабибулой.

— Где?— прошептал он затаив дыхание.— Где Джей нашел ракетное топливо?

— Ах, дружище.— Старый солдат покачал лысой головой отливающей зеленым отсветом кометы.— Судьба гения всегда одинакова: она ложится безвестным в безымянную могилу. Это не Джей нашел драгоценное топливо. Это старый бедный Жиль Хабибула.

— Где ты его нашел?

— Бедный старый Жиль отправился поискать винца, которое помогло бы ему забыть о жутких клыках смерти. Однако под этим смертельным зеленым небом его старый дух, слабый и вялый, внезапно восстал. Ах, да! Его драгоценный гений пробудился от прикосновения опасности и воспротивился гибели! Он вспомнил теорию Джея о том, что владельцы астероида должны были прятать топливо от космических пиратов. Это позволило понять натуру того, другого гения, который создавал это место.

Ах, и это направило его старый палец на скрытое топливо.

Они шли по посадочному полю. Толстая рука старика показывала на коробку переключателя, встроенного в стену белого дома, с помощью которого можно было контролировать освещение.

— Я просто подошел к этой коробке, дружище, и открыл ее. Мои пальцы еще не покинула ловкость, парень. Я нашел секрет коробки, который был бы вряд ли под силу кому другому. И вот топливо здесь.

Они обогнули омываемый зеленым светом корпус "Птицы Зимородок". За ним, в дюжине ярдов от воздушного шлюза, над щебенкой поднимался небольшой цилиндр. Хал Самду выкатывал из его дверей черные бочки с корабельным топливом.

Боб Стар бросился ему на помощь. Не более чем двумя часами позже Боб Стар вместе с командором и Кай Нимиди поднялись в рубку "Птицы Зимородок". Девушка настойчиво показывала в смотровой иллюминатор на индиговый диск главной планеты.

— Айтрин,— сказала она тихо и серьезно.— Стивен Ор-рко! Мы летим?

— Мы можем отправляться?— спросил командор, повернувшись к Бобу Стару.

— Можно попытаться.

Его пальцы коснулись клавиатуры. Голубые струи омыли щебенку поля, и дюзы взревели над белыми колоннами пустого особняка. "Птица Зимородок" вновь была жива и летела в зеленой бездне кометы. Астероид остался позади, замерцал и исчез на фоне зловещего лика пурпурного солнца.

Боб Стар почувствовал сожаление, что ему предстоит погибнуть. Ибо именно в этой возвышенной экзотической красоте он встретил Кай Нимиди. Любовь к ней каким-то образом распространилась и на смеющиеся заросли и дикое великолепие раскрашенных лишайником скал, и на покой длинного белого здания над улыбающимся озером.

Он огорченно подумал, что эту загадку никогда не удастся решить. Затратив на попытки несколько дней, Джей Калам убедился, что не смо-

жет расшифровать книгу, которая, видимо, была дневником. Анонимность неведомого автора отныне станет вечной. Цель потайной лаборатории, значение витого креста жизни над скрещенными костями смерти, возможная связь между астероидом и Стивеном Орко — на эти вопросы им уже не найти ответа.

— У нас достаточно топлива, чтобы добраться до главной планеты?— спросил командор.

— Резервуары не полны даже наполовину. У нас не было времени на погрузку.— Боб Стар некоторое время молчал, хмуро глядя на калиброванные экраны и проводя подсчеты.— Я думаю, мы сможем...

У него перехватило голос, когда экраны курсопрокладчиков вспыхнули и зазвенели сигналы тревоги. Удивленный он отвернулся от приборов.

— Силовой луч — вот что это! Между планетой и отомной энергостанцией. Мы пойманы ее силовым полем. Это опасность, которой я не предвидел...

Он помолчал, чтобы снова посмотреть данные, и быстро рассчитал новый курс корабля.

— Я думаю, мы сможем высвободиться, но это потребует много топлива.— Вновь проверив свои расчеты он покачал головой и прикусил губу.— Я боюсь, что посадка наша будет не слишком мягкой.

Сосредоточенный, с отвердевшим лицом, он опять повернулся к экранам и компьютеру, вступив в безмолвную борьбу за сохранение каждой драгоценной капли горючего.

Полет длился часы и, пожалуй, был долгим. Однако Бобу Стару казалось, что они едва успели покинуть астероид, прежде чем "Птица Зимородок" стала спускаться в бледном зеленом небе, загроможденном разноцветными мирами, к темной, необычно выровненной поверхности главной планеты.

Этот великий мир выглядел совершенной сферой цвета индиго, не нарушаемой ни горой, ни морем. Он казался совершенно лишенным характерных черт, предназначенным исключительно для ошеломительно колоссальных машин, красным и таинственным под их бледными куполами зеленоватого свечения, разбросанными на дистанции в сотни и тысячи миль.

Когда эта темная, необычно грозная поверхность простерлась перед ними, Кай Нимиди показала сквозь смотровой иллюминатор на возвышающийся купол одной из этих машин.

— Лететь...— сказала она нетерпеливо и поискала подходящее слово.— Туда.

Боб Стар кивнул и направил в указанном направлении нос "Птицы Зимородок".

— Я пытаюсь,— прошептал он.

Однако стрелка указателя топлива неудержимо ползла к нулю. Гул дюз стал прерываться предупреждающим кашлем. Он покачал головой

и перевел "Птицу Зимородок" в пологое пике над миром цвета индиго, и дюзы замолкли еще до того, как корабль прекратил движение.

— Резервуары пусты,— ровно сообщил он.— Корабль больше не будет двигаться.

Кай Нимиди схватила его за плечо и показала на малиновую циклопическую машину впереди, на удивительную и фантастическую загадку красного металла под прозрачным куполом мерцающего зеленого цвета.

— Извини, Кай.— Он снова покачал головой.— Нам до нее не долететь.

Вопросительное выражение в ее карих глазах медленно сменилось испугом и разочарованием.

— Возможно, мы сможем дойти, если нас не обнаружили,— с надеждой предположил Джей Калам.— Кай, похоже, решила провести нас к машине. И она не настолько, видимо, далеко...

— Расстояние обманчиво,— сказал Боб Стар,— из-за огромных размеров планеты, замечательной чистоты атмосферы и отсутствия других объектов для сравнения.

— Какое оно?

Боб Стар взглянул на свои приборы.

— Согласно моим последним наблюдениям,— сказал он наконец,— эта машина примерно в ста двадцати милях от нас.

Враждебный удар чужого мира поверг всех пятерых в замешательство, и прошло пять часов, прежде чем они покинули воздушный шлюз бесполезного корабля. Они провели это время, готовясь к отчаянному походу более чем за сто миль. Боб Стар и Хал Самду тащили носилки, сооруженные из металлических дверей, выломанных на корабле. На носилках была пища, вода и оружие.

Их шаги музыкально звенели над плоской бесконечностью поверхности планеты. Эта удивительная субстанция была совершенно гладкой и твердой, и ноги скользили по ней. Нигде, насколько они видели, она не нарушалась ничем выдающимся. Поначалу им было трудно идти; Жиль Хабибула дважды растянулся. Но было и преимущество: носилки, поставленные на поверхность, скользили при малейшем усилии.

— Целый мир под броней?— удивился Боб Стар.— Это металл?

— Это не металл.— Джей Калам покачал головой.— У меня оставалось время для изучения после того, как я закончил проверку атмосферы, однако я до сих пор не знаю, что это такое.— Он тяжело пожал плечами.— Это тверже алмаза и прочнее стали. Кислоты на него не действуют. Он не поглощает и не выделяет тепла. Возможно, это вовсе не металл, а некое стабильное силовое поле, более или менее похожее на зеленый барьер.

Как это ни удивительно, проверки показали, что атмосфера пригодна для дыхания. Большое содержание кислорода компенсировало низкое атмосферное давление. Поверхностная гравитация, как сообщил Боб Стар, чуть меньше земного стандарта. Поскольку планета была в четыре раза больше Земли в диаметре, это говорило о том, что ее относительная плотность крайне низка.

На небольшом расстоянии от "Птицы Зимородок" Джей Калам остановился, и все они посмотрели назад. Серебрянный крейсер стоял, маленький и одинокий, на синеватой алмазно-ровной поверхности. Это был единственный объект на бесконечном мире, слабо мерцавший под бледно-зеленым небом.

Внезапно у них на глазах из орудийной башни вырвалось голубое пламя. Блестевший корпус быстро раскалился докрасна, из иллюминаторов появилось пламя. Они отправились прочь с сожалением, потому что это был хороший корабль.

— Они наверняка найдут обломки,— сказал Джей Калам,— но я думаю, что они решат, что мы погибли с кораблем.

Они тащились, устало толкая носилки, к красному решету огромной машины, располагавшейся в сотне миль от них. Боб Стар не сводил с нее глаз, апатично удивляясь. Она стояла на квадратной платформе, которая, как он установил, должна быть только около двух миль в высоту и десяти в длину. Машина высилась над платформой, столь огромная, что он не отважился попытаться вычислить ее высоту.

Кроваво-красный материал, из которого она была сооружена, сиял как металл. Это был огромный каркас из колоссальных лучей и балок. Тут были движущиеся части, столь сложные и столь странные, что он не мог найти для них ни названия, ни объяснения. В частности, взгляд его уловил большой белый предмет, имевший форму сплюснутого апельсина, который нерегулярно двигался вверх вниз между двумя очень большими малиновыми пластинами. Все это было заключено в прозрачный зеленоватый купол, который казался в чем-то родственным небу.

Им овладело отчаяние.

— По сравнению с этой машиной,— пробормотал он,— мы — не более чем пять мух.

Они продолжали брести. В идеально чистом воздухе машина всегда выглядела так, будто до нее можно было дотронуться в любую минуту. И она всегда отступала, издеваясь над их жалкими усилиями. Наконец, уступив жалобным стенаниям Жиля Хабибулы, они остановились. "Птица Зимородок" пропала из виду. Они сгрудились в маленький круг возле носилок на необъятном мерцающем пространстве. Они поели, напились, экономно расходуя продукты, и попытались отдохнуть.

Ветра не было. Холодный воздух был гнетуще неподвижен. Зеленое небо менялось. Облака отсутствовали.

— Планета не вращается,— прокомментировал Джей Калам.— Здесь нет ни погоды, ни даже времени. Это неизменный мир.

Над ними нависла грозная тишина. На этой огромной равнине никто не жил, не двигался и не подавал голоса. Зеленые небеса были в равной мере лишены жизни или движения. Холодный диск пурпурного солнца висел неподвижно высоко над ровным горизонтом. Они видели сияющие линии тройного луча, направляющиеся к ним. Множество планет неподвижно застыло в бледно-зеленом вакууме. Они не двигались, не меняли положение.

Жиль Хабибула вытер пот с желтого лба обратной стороной руки.

— Ах, я, несчастный,— застонал он.— Какой неподходящий и жуткий мир для того, чтобы умереть в нем! Однажды, в одном безнадежном походе, Жиль Хабибула пронес бутылочку вина сквозь смертельные преграды континета, гораздо большего, чем драгоценная Земля. Однако потом он встретился с врагами, которых не мог понять. Он никогда не испытывал такой нужды в светлой силе вина.— Он похлопал по мешкам на волокуше и нашел бутылку какого-то редкого разлива с астероида. Поглядев на нее ревнивым взглядом, он предложил ее по очереди всем остальным и затем с благодарностью осушил сам.

Даже Джей Калам был слишком утомлен, чтобы скрывать подавленность.

— Это верно,— сказал он,— что никогда еще дела не обстояли для нас так плохо, даже тогда, на Убегающей Звезде. Хотя твари, с которыми мы тогда встретились, были способными учеными и страшными врагами, они все же были проигравшими и разбитыми беглецами из своей среды обитания.

Но кометчики их превзошли. Существа с Убегающей Звезды были смертны, мы могли их иногда убивать, а кометчики бесплотны.— Он сжал тонкие губы.— Я очень сомневаюсь, что какое-либо из сделанных человеком орудий может уничтожить одного из них.

Вздрогнув, Хал Самду уставился на него.

— Даже Аладори?

Джей Калам покачал головой.

— АККА уничтожает все материальное, однако я не уверен, что кометчики материальны.

— Ах, да, Джей,— прохрипел Жиль Хабибула.— Это всего лишь жест отчаяния. В своей попытке разгромить кометчиков и уничтожить Стивена Орко мы — не более чем пять муравьев, кочующих по всей Системе...

Сопящий голос сменился молчанием. Тусклые глаза, глядящие в зеленое небо, казалось, наполнились влагой. Он тяжело вздохнул.

— Хорошо,— сказал он,— что мы выпили вино.

Боб Стар увидел далекий объект, быстро скользящий к ним в зеленом свете. Он двигался в сторону "Птицы Зимородок". Джей Калам схватил Жиля Хабибулу за руку.

— Не беги,— сказал он,— бежать здесь некуда. Если мы ляжем, возможно, нас не увидят.

Боб Стар рухнул возле Кай Нимиди. Он схватил ее за руку и в отчаянии прижал к себе. Лицо ее было белым от напряжения, измученным. Бледные губы дрожали. В глазах был неодолимый ужас. Жалость вонзилась в его сердце, словно нож.

Раздирающий нервы звук оторвал его от девушки. Он вскочил, ошеломленный и испуганный. Некоторое время он не мог понять, что это за звук. Потом догадался, что это кричит Жиль Хабибула. Старик дрожал, медленно опускаясь на колени. Лунное лицо его было желто-серым, искаженным ужасом. Маленькие круглые глаза — неподвижны, блестящи, выпучены.

— Что такое, Жиль?

— Смерть моя!— всхлипнул старик.— Эта ужасная тварь, или похожая на нее, та, что съела Марка Лардо!

Боб Стар посмотрел и увидел объект, который только что сиял вдалеке, а теперь находился над ними. Впервые его полные ужаса глаза увидели одного из кометчиков.

Он висел в воздухе неподалеку от них.

Внизу медленно плыла крошечная красная звезда, окутанная туманной алой оболочкой. В десяти футах над нею висела фиолетовая звезда, окутанная фиолетовым туманом. Красная казалась раскаленной как солнечная поверхность, а фиолетовая — холодной как космическое пространство.

Между обеими звездами струился туман. В его движении была жизнь — это было похоже на пульсирующую артерию света. Красная и фиолетовая звезда также пульсировали, как огненные сердца. Туман, опоясывающий столб пламени, был широким зеленым кольцом. Это была только часть существа, которое выглядело совершенно материальным,— но, тем не менее, Боб знал, что оно может пройти сквозь прочный сплав корпуса космического корабля.

Его ошеломленный ум вначале воспринял существо как нечто совершенно невозможное. Он моргнул и посмотрел на темную равнину, протер глаза. Однако существо не исчезло, когда он посмотрел вновь. И его чудовищная реальность въедалась в мозг, словно едкий яд. Он сопротивлялся пронзительному, парализующему ужасу, исходящему от существа.

— Всего лишь цветные лампочки,— пробормотал он.— Движение тумана. Не надо бояться...

Но разум-убийца тут же нахлынул на него. Онемевшие чувства угадали ужасную сущность в этих разноцветных лампочках — чужой

мозг, сверхъестественно мощный и совершенно злой. Каждый атом его тела взаимодействовал с ним, автоматически внезапно изменяясь.

И непрекращающееся биение старой странной боли под треугольным шрамом Железного исповедника внезапно усилилось. Каждый импульс становился болезненным, умопомрачительным ударом об обнаженную ткань мозга.

Он боролся со страхом и болью. Быстро, полубессознательно, пальцы его подзарядили два протонных пистолета. Эти два пистолета одновременно поднялись.

Изумрудное кольцо выглядело наиболее материальной частью существа. Он навел на него оружие и нажал одновременно на оба спуска, и не отпускал пистолеты, пока не истощил оба заряда одним-единственным выстрелом. Два этих слепящих фиолетовых луча могли прорезать бронированную сталь футовой толщины и рассечь на расстоянии в милю любое живое существо — насколько в Системе понимают жизнь.

Однако, словно призрачные мечи, они прошли сквозь зеленое кольцо, не причинив ему вреда.

Дрожа от потрясения и ледяного разочарования Боб Стар вспомнил мнение Джея Калама о том, что человеческое оружие не может убить кометчика.

— Кай...— неожиданно вырвалось из его пересохшего горла.— Кай...

Голос его прервался, словно от прикосновения смерти. От столба светящего пламени послышался другой голос, чья беззаботная ироничная легкость была самым поразительным из того, что Бобу Стару приходилось слышать.

— Это совершенно бесполезно, Боб.— Это был голос Стивена Орко.

Боб Стар, зашатавшись, отступил. Легкий звонкий голос был более ужасен, чем весь этот светящийся в воздухе кошмар.

— Ты уже имел шанс, Боб,— сказал голос.— Когда я был в тюрьме на Нептуне, тебе было достаточно коснуться красной кнопочки. Но тебе это не удалось. И боюсь, что никогда не удастся. Отныне, Боб, мое тело невозможно уничтожить.

— Ты...— Ужас поставил его голос на край срыва.— Это... ты?

— Я — то, что ты видишь, Боб. Один из водителей кометы.

Внутри сияющего существа послышалось тихое насмешливое хихиканье. Затем последовала короткая тишина, и чистый голос заговорил опять.

— Возможно, Боб,— весело предположил он,— тебе было бы интересно услышать о своей матери? С того момента, как ты с ней простился, прошло некоторое время.

Дрожа и чувствуя тошноту, Боб Стар наклонился вперед. Ликующая удовлетворенность в этом беззаботном голосе подсекала ему хребет,

словно ледяной топор. Хрипло, жесткими непослушными губами он заставил себя проговорить:

— Что с ней?

— Я побеспокоился насчет твоей матери, Боб.— Текучая ирония не исчезала из голоса Стивена Орко.— Потому что она пропала. Мои новые помощники обыскали в ее поисках всю Систему, но тщетно. Я даже встревожился, потому что ее жизнь — единственная преграда для меня.

Однако мне только что сообщили об ее пленении. Оказалось, что твой отец на своей "Звезде-Фантоме" увез ее из Системы к звезде 61 Сигмы. Мои помощники с ними справились. И я надеюсь, Боб, в ближайшее время встретить твою мать здесь, в комете.

СТАДО И ПАСТУХ

Боб Стар проснулся от необычного сна.

В этом сне он думал, что его тело приняло сияющую форму одного из кометчиков. И эта бестелесная сущность — он сам — плыла сквозь зеленую пустоту кометы. Впереди, такой же сияющий призрак, летел Стивен Орко.

Этот, из сна, Стивен Орко уносил женщину. Он немеревался сожрать ее самым ужасным образом. От нее должна была остаться только сморщенная кожа — окровавленная, ужасная. И даже эта кожа должна была распасться и превратиться в иризирующий пепел и жидкость. Иногда эта женщина была его матерью, иногда — золотоглазой Кай Нимиди.

Иногда, даже в своей бестелесной форме, Боб Стар нес оружие. Он не сознавал его формы, однако это было нечто, способное убить Стивена Орко и спасти зовущую его женщину. Но ужасный страх сбивал его с ног, отправляя в зеленую бездну. Его сияющие черты метались под ударами огромного красного молота боли. Стивен Орко бешено кричал на него, превращал боль в муку, в жестокий механизм Железного Исповедника:

— Ты не можешь! Ты не можешь никого убить!

Он проснулся и понял, что это был испуганный тихий голос Кай Нимиди, которая его разбудила.

— Са деспете!— Она была встревожена.— Са деспете!

Он лежал лицом вниз, головой на ее коленях. Прохладные руки лежали на его лбу, и, казалось, они утоляли старую боль под шрамом. Он посмотрел вверх и увидел ее обеспокоенное лицо, необычно расплывчатое и странное под бледным зеленым небом. Он попытался

подняться и обнаружил немоту во всем теле. Страшное, как сон, воспоминание возвратилось. Он снова услышал звенящий в мозгу насмешливый и презрительный голос Стивена Орко:

— Я не намерен торопить твою гибель, Боб. Корабль был допущен сюда, чтобы доставить тебя и твоих спутников. Ты будешь помещен вместе с партией пленных с Плутона в эту крепость, к моим новым друзьям. И окончательно...

От сияющей твари вновь донеслось хихиканье.

— Ты когда-нибудь видел, как мы питаемся, Боб?— Этот легкий голос звучал еле слышно.— Ну что ж, увидишь. Но, пока ты будешь ждать, я хочу, чтобы ты подумал еще кое о чем.

Я не могу быть убит.

Ты уже доказал это с помощью своих пистолетов. И бесполезно трясти головой и сжимать кулаки — твое лицо все равно выдает невольное восхищение моей физической оболочкой. Действительно, она восхитительна. Космос для меня больше не является преградой, точно также, как и любая материальная стена. Однако лучшая ее черта — это бессмертие.

Мое новое тело воистину вечно, Боб. Оно имеет массу и потенциальную энергию. Но это не та форма материи, которая тебе известна, Боб, и энергия эта за пределами понимания ваших физиков. Его не уничтожит даже оружие твоей матери.

Эта бессмертная обитель для интеллекта — высшее достижение моих новых сподвижников, Боб. Ты не предполагал, что они искусственные? Но водители кометы некогда были существами из плоти. Возможно, они не слишком отличались от людей. Однако они не могли смириться со слабостью, бессилием, смертью. Они призвали науку превратить свои разумы в вечные конструкции специализированной энергии.

Кометчики согласились принять меня в свою среду, чтобы обезопасить себя от оружия твоей матери: АККА способна уничтожить все их тончайшее оборудование и все их владения, хотя и не способна аннигилировать их тела.

— А теперь, Боб,— издевался над ним веселый голос,— я вынужден покинуть тебя. Твои родители, как я тебе говорил, доставлены на комету. Надо пойти поприветствовать твою мать.

Стивен Орко хихикнул в лицо Боба, и лицо того исказилось мукой.

— Я хочу обсудить с нею принцип АККА. Мне не все удалось выяснить во время собственных исследований. И тогда наши обсуждения закончатся, Боб...

Если тебя удивляет, почему мы вынуждены питаться именно так, как мы это делаем, то лишь потому, что даже эти неистребимые устройства для жизни несовершенны. Они предназначены быть вечными носителями интеллекта и они способны бесконечно сохранять наши

разумы, несмотря ни на какие обстоятельства. И все же их совершенство иногда может показаться изъяном.

Потому что это не те тела, к которым мы привыкли. Чувства их превосходны, однако они не те же самые. Механизмы эмоций, в основном, были уничтожены при их конструировании, как бесполезное убежище плоти. Закономерное наказание, которое мы вынуждены нести за свое бессмертное совершенство,— это периодический голод по эмоциям и ощущениям, которых мы лишились.

Будучи, однако, существами способными, мои новые друзья нашли способ удовлетворять этот голод. Жизненная энергия наших бессмертных тел требует регулярного пополнения за счет преобразования обычной материи. Забирая эту материю из тел, к которым мы в свое время привыкли, причем делая это так, что при этом стимулируются наиболее сильные эмоции и ощущения, мы способны удовлетворить оба аппетита — и физический и духовный, так сказать, одновременно.

Поскольку наши разумы — выходцы из множества совершенно различных рас, мы вынуждены держать собственные стада соответствующих созданий. Я намерен создать человеческую колонию, Боб, и ты, и твои друзья в скором времени увидите приготовления.

Тем не менее, я намерен первое свое блюдо сделать из твоей матери. Я узнал от своих новых друзей, что близкая взаимосвязь разума и чувства, установленная за время процесса приема пищи, позволит мне узнать ее мнение обо всем, что мне хочется знать. А потом...

Сияющая тварь тихонько захихикала.

— Ты видел, что остается после того, как один из нас поест, Боб? Сможешь ли ты после этого смотреть на свою мать? Маленькая, как дитя, дрожащая и бесцветная. Когда ты это увидишь, Боб, у меня будет к тебе вопрос. Я намерен спросить, а что, если безымянный отверженный космоса возьмет в жены эту изнеженную милашку из Пурпурного Холла?

Сардонический голос растаял, и зеленый туман затянул кометчика...

Боб Стар вновь неуверенно пошевелился, пытаясь бороться с охватившим его параличем, и Кай Нимиди помогла ему сесть. Моргая, чтобы прочистить глаза, он увидел в зеленом небе не дающее тепла пурпурное солнце и простирающуюся вокруг скользкую синюю поверхность главной планеты. Импровизированная волокуша лежала рядом с ним. Джей Калам, Хал Самду и Жиль Хабибула торопливо разгружали ее, откладывая в сторону запасные протонные пистолеты и заряды к ним.

— Ах, вот как!— жалобно просопел Жиль Хабибула.— Этот монстр все испортил, абсолютно все, точно так же, как мои драгоценные геодины на борту "Птицы Зимородок".— Он увидел Боба Стара и просветлел.— Ах, дружище, старый Жиль рад видеть тебя опять. Мы думали, что ты уже не проснешься...

— Смотрите!— громыхнул Хал Самду.— Похоже, что этот корабль, о котором он говорил, идет за нами.

Быстро поднявшись на ноги, Боб Стар вгляделся в зеленое небо.

Он увидел летящий объект, снижающийся в их направлении. Это было толстое горизонтальное блюдце, красное как эта колоссальная машина, высящаяся над голубым горизонтом. На его верху была площадка, окаймлявшая низкий красный купол. Оно снижалось без рева дюз, без посредства каких-нибудь видимых проявлений работы двигателей.

Боб Стар встревоженно взял Кай Нимиди за руку.

— Что...— хрипло прошептал он.— Что нам делать?

— Ничего, просто попытаемся спастись,— произнес усталый голос командора.— И будем надеяться на счастливый шанс — на какое-нибудь чудо, пока мы живы.

Красный диск медленно опустился неподалеку от них. Обманчивые условия не позволяли точно определить расстояние до него, но он внезапно оказался значительно больше, чем поначалу предположил Боб Стар.

Лязг какого-то металлического приспособления — возможно, механизма люка — заставил Боба Стара напрячься даже в его безнадежной апатии. Он услышал совиный крик и затем что-то, похожее на грохот каменных барабанов. Это были те же звуки, вспомнил он, что он слышал из невидимого корабля, который унес Стивена Орко с Нептуна. Внезапно в малиновом боку диска распахнулось огромное квадратное отверстие. Квадратная дверь распахнулась наружу, образовав наклонный пандус. По этому пандусу спустились чудовищные твари.

Несмотря на нерешенную загадку принадлежности Кай Нимиди к человеческой расе, Боб Стар уже не ожидал, что они будут похожи на людей. И все же он не был готов к тому ощущению потрясения, которое вызвали у него эти твари, спускающиеся по пандусу.

Впереди двигалась десятифутовая сфера из какого-то серебристого металла, окруженная посередине темным обручем. Поначалу Бобу Стару показалось, что она катится, однако затем он увидел, что это катится только обруч, скользя вокруг сферы. Каждый полюс ее представлял собой темный мерцающий выступ, который выглядел похожим на фасеточный глаз. Над каждым из этих выступов помещались по три длинных сияющих щупальца, в настоящий момент свернувшиеся кольцами вблизи полусферы.

Два следующих существа были строго конической формы, примерно двенадцати футов в высоту. Они были ярко-зеленого цвета, кожа у них имела маслянистый отблеск. Основания, видимо, были эластичными уплощенными мембранами, расширяющимися до полусфер, над которыми они суживались удивительно ровно. Темные заостренные органы, которые их увеличивали, поворачивались туда-сюда, словно своеобразные головы. Зеленые конусы парили на воздуш-

ных подушках — они выглядели карикатурными игрушками для младенцев, но в том, как грозно и целенаправленно они двигались, не было ничего игрушечного.

Трое остальных были стройными трехногими гигантами. Их вытянутые тела, отдаленно напоминающие человеческие, были, пожалуй, футов пятнадцать в высоту. Они были покрыты смутно сияющими темно-красными доспехами, как хитином. У каждого было шесть верхних конечностей, образующих нечто вроде бахромы над гроздью стеблевидных органов, там, где должна быть голова. Они несли какие-то приспособления или оружие.

— Смерть моя!— захрипел Жиль Хабибула.— Неужели эти ужасные твари — хозяева кометы? А не просто сияющие чудовища?

— Я так не думаю.— Командор стоял, мрачно глядя на их приближение.— Я полагаю, что это рабы кометчиков. Пастухи, видимо, тех существ, которых они разводят для еды...

Он внезапно замолчал.

Серебристая сфера повернула чуть в сторону на несколько ярдов. Она остановилась, черный обруч перестал вертеться. Из нее послышались грубые совиные крики, похожие на команды. Зеленые конусы ответили со смутной грохочущей вибрацией, которая исходила, похоже, от нижних мембран. Темно-красные трехногие существа не издали ни звука. Однако они двинулись вместе с конусами, растянувшись полукругом, чтобы охватить кольцом пятерых, держа наготове ремень. Боб Стар автоматически потянулся за протонным пистолетом.

— Подожди, Боб,— устало пробормотал Джей Калам.— Наше оружие полностью испорчено. Мы не можем сопротивляться...

— Но, Джей,— возразил Хал Самду,— мы не можем сдаться без боя!

— Мы должны,— тихо настаивал Джей Калам,— мы должны сохранить свои жизни и надеяться на какую-нибудь возможность...

Гигант издал сдавленный горловой звук.

— Сдаваться!— возмущенно прохрипел он.— Легионеры не сдаются!— Схватив бесполезный протонный пистолет, словно дубинку, он бросился навстречу ближайшему зеленому конусу.— Мы не сдадимся!— послышался его голос.— Пока Аладори в опасности!..

Кай Нимиди бросилась за ним, чтобы остановить его, и закричала:

— Пахрати!

Она опоздала. Тонкая эластичная верхняя конечность зеленого конуса захлестнулась вокруг него. Из темного сплюснутого органа на его конце, похожего на заостренный наконечник, ударил тонкий и слепящий луч оранжевого света.

Хал Самду рухнул, застонал от мучительной боли.

— Мы не можем сопротивляться,— безнадежно повторил Джей Калам.— Помоги мне нести его, Боб. Мы пойдем на борт, если это то, чего они хотят. Ничего...

Его тихий голос прервался восклицанием. И Боб Стар был изумлен, когда он повернулся и заговорил с Кай Нимиди такими же странными текучими словами, как и она.

Тюремный трюм занимал весь нижний ярус корабля-диска. Это было обширное помещение диаметром сто футов, часть центра которого было закрыто стеной без дверей, возможно, скрывающей двигательные отсеки. Иллюминаторов не было, и единственным источником освещения было слабое красное свечение, отражавшееся от высокого металлического потолка. Вентиляция была неважной, санитарные условия просто отсутствовали, и воздух был переполнен запахами находившихся внутри.

Вход был закрыт массивной решеткой из красных металлических прутьев на верху длинного трапа. Одна из серебристых сфер оставалась на страже за решеткой, однако ни одно из существ кометы не вошло в трюм.

Пятеро новых узников были загнаны в трюм и остались стоять на трапе. Осматривая Хала Самду, который все еще был не в силах ни говорить, ни сидеть, Боб Стар и Жиль Хабибула обнаружили маленькое круглое пятно ожега у него на виске.

Боб Стар попытался нести его, когда они оказались на борту, но один из стройных красных великанов отобрал у них бесчувственное тело, схватив его бахромчатыми кончностями.

Тысячи жалких заключенных, находившихся в трюме, по большей части сидели или лежали на голом металлическом полу. Они были одеты в причудливые обрывки одеяний, лишь немногие имели странные маленькие узелки со своими пожитками. Неумытые лица, изможденные от отчаяния и обреченности, и звук, который они всем скопом издавали, был усталым шепотом полной апатии, без просвета надежды и смеха.

Возле трапа Боба Стара встретил худой серолицый человек, который брел, словно усталый призрак, по обширной палубе, перешагивая через лежащие тела и вглядываясь в лицо каждого спящего или плачущего ребенка.

— Ты не видел моего сына?— прохрипел усталый незнакомец.— Синеглазого мальчика с вьющимися желтыми волосами. Его зовут Джон — это в честь великого Джона Стара. Ты его не видел?

Боб Стар покачал головой и увидел, как надежда в глазах того сменилась отчаянием.

— Откуда ты?— спросил он.

— С Плутона.— Налитые кровью глаза взглянули на него со смутным любопытством.— Меня зовут Гектор Вальдин. Я работал в Вотанге на платиновых копях.— Узловатые руки сделали тяжелый жест.— Эти люди — мои друзья и соседи. Однако сейчас...

— Как ты попал сюда?

— А ты не знаешь?— Тощий человек уставился на него.— Так вот, говорят, что-то случилось со всеми базами Легиона. Я видел человека,

который наблюдал конец форта Вотанга. Батареи начали стрельбу и прекратили. В стены ударил красный луч, и они рухнули. Осталась только огромная яма.

Усталый человек пожал плечами.

— Я не знаю, что это было. Но затем в небесах стало расти что-то зеленое. Люди сказали, что это была комета. И Плутон каким-то образом затянуло внутрь. Я не знаю...

Внезапно, словно от свирепой боли, его зубы заскрипели.

— А потом пришли эти чудища. Они сожгли наши дома, вытащили наших детей и женщин и схватили их. Они забрали нас куда-то. Я не знаю, куда. Однако мой сын Джон пропал.— Налитые кровью глаза с мольбой взглянули в лицо Боба Стара.— Ты не видел маленького голубоглазого мальчика?..

Вот какова, горько подумал Боб Стар, судьба всего человечества.

— Эти твари заходят сюда?— Этот вопрос был вызван смутным и безнадежным порывом бежать.— Они открывают когда-нибудь эту решетку?

— Они никогда не появляются среди нас.— Гектор Вальдин покачал головой.— Дверь не открывалась с тех пор, как нас загнали на корабль.

— Как они чистят пол и кормят пленных?

— Они не чистят пол,— сказал Гектор Вальдин.— И единственная пища, которую нам дают,— это кислые отходы, которые они бросают через решетку.

Лишенные надежды глаза вновь всмотрелись в Боба Стара с усталым недоумением.

— Где был твой дом?— спросил он.— Мне кажется, я никогда не видел тебя в Вотанге.

Боб Стар отвернулся, слушая безнадежный шепот тысяч сидящих и лежащих на полу, а затем взглянул на массивную запертую решетку на верху трапа.

— Это неважно, если не хочешь говорить,— пожал плечами Гектор Вальдин.— Большинство из нас слишком ошеломлены, чтобы понять, что происходит. Ладно, друг, мне надо идти искать Джона...

Внезапно в глаза Боба Стара ударил синий свет. И на его тонком лице появилась улыбка, призрачная и опасная улыбка.

— Погоди, Гектор Вальдин.— В голосе его звенело нетерпение.— Я скажу, кто мы и как сюда попали.

— Пустяки,— пробормотал худой человек.— Это не имеет значения. Я должен найти Джона.

— Подожди,— настойчиво сказал Боб Стар.— Если ты чтишь имя Джона Стара...

И Гектор Вальдин вернулся, и усталая апатичность отчасти покинула его лицо. И другие, что были поблизости, собрались вокруг них, чтобы послушать. Ибо голос Боба Стара звенел, созывая их. И он произносил магические имена из славной истории человечества.

— Джей Калам, командир легиона... Великан, который сидит здесь,— это Хал Самду, который отправился с моим отцом и остальными к убегающей звезде... Жиль Хабибула — он может открыть дверь, чтобы пропустить нас на корабль.. Моя мать, Хранитель Мира. Она тоже в плену и вот-вот должна погибнуть..

Боб Стар говорил. Он произносил зажигательные слова. Он был слегка удивлен уверенностью, появившейся в его голосе. Потому что в душе он сознавал, что надеяться не на что. Он знал, что они для кометчиков не более, чем стадо.

Он знал, что Стивен Орко не может быть убит.

Вскоре его слушали очень многие. Заинтересованность быстро проникала сквозь отчаяние на лицах усталых людей. И свет надежды зажигал одного за другим...

СЫН ДЖОНА СТАРА

Первый диалог Джея Калама и Кай Нимиди оказалось неожиданно трудно прервать. Он начался на алмазно-гладкой поверхности планеты, когда девушка крикнула Халу Самду, чтобы он остановился, и удивленный командор обратился к ней на ее собственном языке.

Даже в присутствии пленивших их врагов лицо ее засияло от восторга. Она обрадованно бросилась к командору и обхватила его своими маленькими руками. Она поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в обе щеки. Затем, полностью игнорируя существа, которые загоняли их на корабль, она возбужденно говорила с ним. И Джей Калам отвечал, неуклюже, сбивчиво, но так, будто понимал.

Они испуганно остановились, когда конвоиры затолкали их в трюм и закрыли за ними массивную решетку. Внизу, на трапе, они продолжали разговор. Кай Нимиди говорила очень быстро. Лицо ее сияло от возбуждения, улыбалось, хмурилось от усилий сделать слова более понятными; оно светилось надеждой, потом опять покрылось тенью тревоги.

Темное лицо Джея Калама, напротив, было совершенно неподвижно. Он, в основном, лишь слушал, хмурясь от стараний понять. Однако иногда он вмешивался, прося девушку повторить или задавая какой-нибудь вопрос.

Боб Стар не раз подходил к ним и снова уходил, поскольку они не обращали на него внимания. За ним следовали люди, ведомые его словами, будто развевающимися золотистыми знаменами. Это его удивляло, потому что он был всего лишь юношей, испуганным, наполовину

лишенным способностей странной и старой раной. Но они впитывали магию его слов, и он продолжал.

Кай Нимиди, наконец, подбежала к нему. Она что-то воскликнула и была смущена, когда он не понял.

— Она спрашивает,— сказал Джей Калам,— знаешь ли ты испанский.

— Испанский?

— Да. Это ее язык.

— Испанский? Откуда она знает испанский?— Он был изумлен.— Ведь она — обитательница кометы.

— Кай — да,— сказал командор,— но ее раса — нет. Я расскажу тебе, насколько невероятно...

— Как такое случилось? Как ее народ попал в комету?

— Странная история.— Джей Калам погладил смуглую челюсть.— Однако, исходя из того, что мы знаем о кометчиках, вполне объяснимая. Все, что она смогла мне рассказать,— это голые факты. Испанский язык Кай и мой, как видишь,— это два почти совершенно разных языка. Мое знание испанского объясняется интересом к Лопе де Вега, который писал четырнадцать столетий назад. Ее испанский принял такую форму на тысячу лет позже и в дальнейшем изменялся в ходе адаптации к чужому окружению. У нее несколько непонятный акцент, но это просто случайность, что я вообще узнал ее язык — когда она велела Халу Самду остановиться. И ее научные термины, конечно, почти полностью мне незнакомы. В результате ее сообщение необычайно трудно понять.

— Четыреста лет назад?— изумился Боб Стар.— Неужели кометчики были здесь прежде?

Джей Калам покачал головой, объясняя:

— Ты можешь вспомнить, Боб, из книг по истории, что в конце двадцать шестого столетия Андейская республика переживала краткий золотой век. В течение нескольких лет в науке и почти во всех направлениях искусства, равно как и в благосостоянии и военном могуществе, это была ведущая нация Земли.

Периодом угасания этой эры великолепия стала экспедиция "Конкистадора". На самом большом из построенных когда-либо геодезических крейсеров сотня мужчин и женщин покинула Сантьяго — подразумевалось, что это будет самый великий научно-исследовательский полет за всю историю Системы.

"Конкистадор" не вернулся.

Эти сто человек были цветом интеллигенции республики. Их потеря была тем ударом, который прервал золотой век, потому что северные соседи вскоре подчинили их себе, и испанский стал мертвым языком.

— "Конкистадор"...

— Он был взят в плен кометчиками,— сказал Джей Калам.— Очевидно, они постоянно посылали вперед свои корабли на скорости, да-

леко превосходящей световую, в разведывательные экспедиции, я полагаю, на поиски планетных систем, достойных набега.

Такой невидимый разведчик встретил "Конкистадор" где-то за Плутоном. Весь его экипаж был переправлен на комету, которая находилась где-то в сотнях световых лет от него.

Многие узники остались живы, и случайно некоторые из них бежали. С помощью других порабощенных существ они покинули главную планету на захваченном корабле и добрались до одной из внешних планет созвездия.

Два поколения они существовали в жалком состоянии, пока выжившие не нашли вход в огромную пещеру, где их нельзя было немедленно обнаружить. Они узнали о планах кометчиков и решили предупредить и помочь Системе. Кай Нимиди — их дочь, спустя четыреста лет.

Они добились научного прогресса. Проектор, который перенес Кай на астероид,— самое замечательное их достижение. Я не совсем понял ее объяснения, но, очевидно, он искажает пространство — время так, что две удаленные точки сближаются настолько, что свет и, наконец, материальное тело могут преодолеть разрыв.

В общем, машину построил отец Кай. Он использовал ее, чтобы посылать Кай в тайные места кометчиков разузнавать их секреты. Они заметили ее, когда она пыталась предупредить тебя на Нептуне. Они нападали на пещеру. Кай — единственная, кто уцелел. В последний момент отец воспользовался машиной, чтобы отослать ее к тебе, на астероид.

Боб Стар схватил его за руку.

— Что она пыталась нам сказать? — прохрипел он вдруг.— О Стивене Орко и кометчиках?

— Кометчики могут быть уничтожены,— сказал Джей Калам,— но Кай не знает, как. Она лишь знает, что существуют способы. Она говорит, что, в общем, кометчики бессмертны. Однако их правители обладают какой-то секретной силой, которая может их уничтожить, каким-то изобретением древних создателей их искусственных тел. Она не имеет представления, что это такое, но знает, где хранится этот секрет.

— Где?

— В крепости, в глубине этой планеты. Помнишь рисунки Кай?

Боб кивнул, не дыша и дрожа.

— Да, эта планета — действительно мертвый мир, холодный в центре. Она пронизана пещерообразными полостями, как мы могли заподозрить благодаря ее низкой плотности. Главное укрепление кометчиков, место, где они хранят этот секрет,— где-то вблизи центра планеты. Кай может попытаться провести нас туда.

— Это очень полезная информация,— горько пробормотал Боб Стар,— особенно когда мы в плену, безоружны и приговорены. Когда

оружие, способное убить Стивена Орко, скрыто в центре бронированной планеты, в пятнадцати тысячах миль под нами, и охраняется всей наукой кометчиков.

Боб Стар не был удовлетворен свой ролью в восстании пленных. Действительно, план действий — если что-либо столь неясное, столь дикое, столь отчаянно безнадежное можно было назвать планом — был его. И, в конце концов, именно он был тем, кто провел их на прорыв из трюма.

Однако память об этих безумных пяти секундах никогда не доставляла ему удовольствия.

Гектор Вальдин пошел с ним сквозь усталую апатию трюма-тюрьмы. Он представлял Боба Стара своим товарищам-шахтерам, своим старым соседям просто как сына Джона Стара. Он расшевелил их, произнося великие имена Джона Стара и командора Калама, Хала Самду и Жиля Хабибулы, верных Хринительнице Мира, Аладори. Они поднимались, следуя кличу, которым служили эти имена.

И Боб Стар, наконец, подошел к Жилю Хабибуле и потребовал:

— Жиль, ты можешь открыть дверь?

— Зачем, парень? — изумился старик. Желтая луна его лица посерела.— Во время драгоценной жизни, зачем я должен открывать дверь?

— Можешь? — настаивал Боб Стар.

— Этот чудовищный шар смотрит,— прошептал старик,— и эта жуткая орда наверху...

— Можешь или нет?

— Ах, печальная судьба гения! — Он печально покачал головой.— Да, парень, я могу открыть дверь. Я смотрел, как работает замок, когда они нас впускали, и я уже часами слежу за этой тварью и вижу в замке каждую часть. Это замок с комбинацией, с дисками и тумблерами, приводящими в движение скользящие стержни. Хорошее устройство — хотя недостаточно хорошее, чтобы противостоять бедному старому Жилю Хабибуле. Но зачем?

Джей Калам, с которым Боб Стар обсудил самоубийственную авантюру, которую назвал планом, сказал просто:

— Сделай, Жиль.

— Как же! — задрожал старик.— На глазах у этого жуткого шара...

— Мы постараемся отвлечь его,— пообещал Боб Стар.

Он сделал знак худому серолицому шахтеру. Гектор Вальдин повернулся в сторону Кай Нимиди и вцепился в нее, как они и задумали. Она закричала, бросилась к Бобу Стару. Боб Стар рванулся к своему изможденному сопернику. Остальные тут же окружили их. Вверх и вниз по трапу пробежал шумный ропот.

Тем временем Жиль Хабибула, дрожа, подкрадывался к массивному замку на верхнем трапе. Закричав, Джей Калам стал проталкиваться к

центру свалки. И гигант Хал Самду дрался с такой мрачной и безмолвной сосредоточенностью, что забыл о том, что это надо делать не всерьез. Наконец, Жиль Хабибула скатился по трапу и стал прорываться к Бобу Стару. Лицо его было желто-зеленым и блестело от пота.

— Парень! — просопел он.— Парень, дверь открыта. Можешь пройти, если ты такой дурак...

Боб Стар повел вопящую толпу по трапу. Он добрался до массивной красной решетки, и чистый голос его прокричал звонкий приказ. Как по волшебству, толпа превратилась в грозную и отчаянную армию. Хал Самду и Гектор Вальдин помогли ему проскочить через решетку. И он повел остальных на штурм серебристой сферы, и голая человеческая плоть столкнулась с ее металлическим могуществом.

Это было безумие; Боб Стар это видел. Эти тысячи за его спиной были безоружны и однажды уже разбиты. Даже если они захватят корабль, они будут еще очень далеко от тщательно охраняемого секрета, который может погубить Стивена Орко.

Однако Боб Стар повел свою орду безмолвных, безоружных людей на металлическую сферу. Они подняли ее и потащили к красной стене коридора. Она яростно и тревожно ухала, и белые щупальца хватали человеческие тела, сбивали людей, словно цепи.

Другие занимали места павших. Боб Стар сделал смерть победой людей, шедших за ним. А сверхъестественная тварь вырывалась из рук людей, когда они двигались из трюма, с силой, несравнимой с человеческой. Однако это была та неукротимая, неодолимая сила людей, что вышла из дебрей ранней Земли и превратилась в единство, которое дало человечеству славу во всей, отныне далекой Системе.

Это было нечто иное, чем просто человеческая плоть, что бросало ухающую сферу на красную стену, вновь и вновь, пока не разбились фасеточные глаза, пока смертоносные щупальца не застыли, и потом разорвало ее на части, которые должны были послужить оружием.

Та же сила повела разъяренную орду по коридору навстречу стражу — второй такой же сфере, отдающей ухающие приказы. Три высоких зеленых конуса, качаясь на приподнятых над палубой основаниях, со светящимися разными цветами выпирающими органами на месте голов, сжимали в конечностях золотистое оружие.

Это было безнадежно, как и предупреждал Джей Калам. И это было бесполезно, это было глупо...

Но эту сверхъестественную силу уже было не остановить. Боб Стар вел толпу навстречу чужакам, крича, размахивая одним из отчлененных щупальцев, которое уже застыло, превратившись в серебряное копье. За ним гремел единый яростный крик.

Здесь для Боба Стара наступил конец битвы.

Он метнул серебряное копье в один из зеленых покачивающихся конусов. Он увидел, как оно вонзилось в маслянистую блестящую кожу и

ушло вглубь. Он рванулся вперед, чтобы вырвать его и ударить опять. Однако он увидел, как зеленая шея изгибается и голова обращается к нему, он увидел оранжевую вспышку.

Затем красное безжалостное копье боли вонзилось в бледный старый шрам на лбу и глубоко вошло в мозг. В черепе взорвалась красная мука, и он медленно погрузился во тьму.

Смутно, словно слабеющее сознание гасло как пламя, он слышал грохочущий триумфальный крик:

— Захватывай корабль!

ЧЕЛОВЕК — РАКЕТА

Боб Стар снова очнулся из того же странного сна.

Вновь его тело было сияющим невесовым телом одного из кометчиков. И опять он преследовал вечную сверхъестественную фигуру Стивена Орко, который уносил женщину, иногда его мать, иногда Кай Нимиди. Снова он был сбит огромным молотом красной боли, и вновь на него нахлынул старый ужас, кричащий ему:

— Ты не можешь убить... Ты не можешь...

Дрожащая рука прижалась ко лбу, когда он очнулся. Там, над старым шрамом, кожа распухла и болела — как раз в это место угодил луч из органа конуса. Старая мука по-прежнему пульсировала в нем, словно это был трехгранный шип Железного Исповедника.

Очнувшись, он почувствовал странную невесомость, словно еще не вышел из сна. Он обнаружил, что плывет в воздухе, и обратил внимание на отсутствие невесомости — все это доставляло ему неудобства. Ему пришлось проглотить внезапное чувство ужаса, когда он не обнаружил под собой поддержки. Он изумленно оглядывался, пытаясь ухватиться за что-нибудь вещественное.

Вокруг него были твердые, уходящие вглубь стены шахты или колодца, футов сорока площадью и ста в глубину — слишком большое помещение для камеры, подумал он, для части корабля-тюрьмы. Спустя мгновение, в течение которого он изворачивался и вглядывался, он обнаружил своих старых спутников.

Жиль Хабибула спустился на дно шахты, где из полированной стены выходил круг ровных стержней из красного металла. Искусные чувствительные пальцы скользили по стержням, крутили их; желтый шар его головы был склонен набок, словно он прислушивался.

Джей Калам и Кай Нимиди находились возле него, тоже невесомые, занимаясь с каким-то незнакомым прибором. Из прямоугольного ящика из красного металла они доставали провода и кольца странных на вид деталей из алого металла, и маленькие круглые черные ячейки.

Еще мгновение ушло у него на то, чтобы заметить Хала Самду. Местами покрытый шрамами, в окровавленных повязках, он вцепился в край шахты, вглядываясь наружу, словно был на страже. В огромной руке у него был длинный стержень из золотистого металла — оружие, понял Боб Стар, которое он отобрал у одного из высоких, в красных доспехах существ.

За ним, за квадратной пастью шахты, разверзлась огромная пещерообразная бездна. Вдали он увидел отсвечивающие зубчатые стены темных скал и часть машины, которая должно быть, была фантастически велика и была слабо освещена призрачным малиновым светом.

Боба Стара охватила странная слабость, когда он попытался пошевелиться, словно каждая клеточка его тела была лишена уверенности и направленности, которые давал вес. В поисках чего-нибудь, за что можно было зацепиться, он барахтался в воздухе, пока его нога не наткнулась на стену.

Это действие привело к неожиданным результатам. Он помчался, вращаясь, головой вперед к противоположной стене, находившейся примерно в семи футах от него. Встревоженный, он вытянул руки, чтобы защитить голову. Внезапный импульс этого движения помчал его, вращающегося, обратно по шахте. Жиль Хабибула оторвался от кольца стержней и схватил его за лодыжку.

— Лучше вцепись вот в эти перила, дружище,— посоветовал он.— Или ты вышибешь себе мозги, да так, что не сможешь их потом собрать. Потому что ты почти в центре этой ужасной планеты и здесь почти нет тяжести. Один шаг может отправить тебя на милю...

— В центре планеты? — Он изумленно вздрогнул.— Скажи мне, Жиль...

Старик вернулся к своему занятию — стал поглаживать и вращать алые стержни.

— Ах, парень,— просопел он отвлеченно,— ты был без сознания смертельно долгое время — луч этого существа угодил в твою старую рану. Я думал, он тебя убил.

— Корабль? — нетерпеливо спросил Боб Стар.— Вы захватили корабль?

— Ах, да, мы завладели кораблем.— Он задвигал и выдвигал стержни, прислушиваясь к происходящему внутри.— Благодаря безумной отваге, которую ты пробудил в пленных, дружище, они захлестнули стражу как разбушевавшееся море. Не без помощи, конечно, невознагражденного гения старого солдата Легиона. И шахтера Гектора Вальдина. Он вел их, пока не погиб.

Отвлеченный голос умолк, и Боб Стар спросил:

— Если мы в центре планеты, то как мы сюда попали?

— Мы уже находились в пещерообразном пространстве снаружи, когда захватили корабль,— сказал Жиль Хабибула.— Сердцевина планеты — это место обитания кометчиков и их стада.

Он задрожал, но как ни странно, толстые пальцы не замедлились и не вздрогнули.

— Когда корабль оказался нашим,— продолжал он,— Джей и девушка взяли на себя команду. Час назад они высадили нас здесь. Наши товарищи улетели на корабле поискать убежавших в пещере. С тех пор я вожусь с этим замком.

Тут ничего простого, парень. От этого множества возможных комбинаций у тебя голова пошла бы кругом. Чтобы открыть его методом проб и ошибок, нужно столько времени, что успело бы остыть Солнце. Ах, я, несчастный... Кометчики очень умны...

Однако девушка просила меня открыть его, парень. Она сказала, что внутреннее укрытие где-то здесь, а в нем они хранят оружие, которое мы должны забрать.

Боб Стар кивнул и прикусил губу.

— Прости, если моя болтовня помешала тебе.

— Не настолько, парень,— запротестовал старик.— Разговор — это масло, которое смазывает мой драгоценный гений. Но этот замок — жуткий тест для него. Никогда еще из холодного металла не удавалось построить такой головоломки, парень. И никогда старый Жиль так не мучался, чтобы найти разгадку. Потому что он болен, дружище. Грозная рука смерти уже занесена над ним.

Однако пальцы его не прерывали работы. Боб Стар посмотрел на Джея Калама и Кай Нимиди, которые стояли, очень занятые какой-то сложной вещью в красном металлическом ящике.

— Что это?

— Какое-то хитроумное приспособление, которое Джей выломал в рубке корабля, прежде чем мы сошли. Судя по недоумению на его лице, мне кажется, что он сам не знает, что это такое.

Боб Стар готов был отпустить перила, за которые держался, чтобы помочь им, когда его охватила невыносимая внезапная дурнота. Здесь, возле центра планеты, он не имел веса. Направление ничего не значило. То, что его окружало, начало вращаться, путаться. Глубокая шахта стала горизонтальной. В следующий миг она полностью опрокинулась, и он судорожно вцепился в крышу головокружительной бездны.

Жиль Хабибула рядом с ним снова сложился пополам. Его зеленое лицо было покрыто потом.

— Джей! — прохрипел он.— Я болен, смертельно болен! Вино, которое мы нашли на этом астероиде, было отравлено, я думаю! Я умираю, Джей! Умираю!

— Нет, Жиль,— отозвался Джей Калам.— Нам всем не по себе, потому что мы лишены веса. Это то же, что и космическая болезнь, которая случалась с летавшими на старых ракетах до изобретения гравитационных ячеек. Некоторые люди совершенно к ней невосприимчивы, как, например, я. Другие никогда не могут к ней привыкнуть.

В любом случае, Жиль, ты должен открыть замок. Все, что мы сделали,— бесполезно, пока ты не пропустишь нас в эту дверь.

— Я не могу этого сделать, Джей! — Старик задыхался и божился.— Я слишком смертельно болен. Пытка умирающего тела нарушает мою сосредоточенность. Во имя жизни, Джей...

— Ты должен, Жиль. Ради Хранителя Мира!

Жиль Хабибула вздохнул и вновь занялся своим делом.

— Ах,— всхлипнул он,— горька участь гения...

Кай Нимиди тоже возилась с красным металлическим ящиком. Боб Стар внезапно услышал ее удовлетворенный голос. Она подняла темную опаловую призму и стала что-то объяснять Джею Каламу. Тот хмуро кивнул, и она принялась восстанавливать таинственное устройство.

Глухой кашляющий взрыв оторвал взгляд Боба Стара от них. Из трофейного оружия Хала Самду поднимался бледный дым. В стороне он увидел приближающийся белый шар. Он плыл в воздухе, вращая черным обручем, мерцая кристаллическими глазами, протягивая щупальца. Боб Стар, впав в оцепенение, нашел время подумать — машина ли это, как все прочие, или содержит в себе живой мозг.

Он внезапно услышал хриплое тревожное уханье вслед за выстрелом. Хал Самду мгновение не двигался со своим золотистым оружием. Затем он швырнул его в белый шар и полетел вниз, чтобы вытянуться на дне шахты.

— Эй, Джей,— встревоженно пробормотал он,— мы обнаружены. Идет целая орда этих монстров. Я убил одного, однако золотистое оружие больше не работает.

Голос его вызвал жуткую вибрацию, которая грохотала по шахте. Словно бой огромного колокола, глубокий как нота, издаваемая породой под ударами молотка. И внезапно из-за серебристой сферы к шахте подступила орда — огромные зеленые конусы, высокие карикатурные гиганты в красных доспехах. В тылу держалась еще одна сфера.

Они плыли в воздухе.

Боб Стар вдрогнул от рева — хриплого завывания сфер, нестерпимого барабанного боя конусов. И над ними гремел гонг, словно всхлипывал в унисон с ними душераздирающий гул набата.

— Торопись, Жиль,— сказал Джей Калам.

— Ах, Джей,— проговорил Жиль скороговоркой.— Пожалей!

— Надо,— спокойно сказал ему командор,— или мы погибнем.

И спокойно, словно не видя чудовищного нашествия, Джей Калам занимался загадочным механизмом в длинном красном ящике. Кай

Нимиди сосредоточенно помогала ему, обвязав один из проводов вокруг толстой руки Жиля Хабибулы. Она вручила каждому из них по концу провода.

Гонг продолжал тревожно греметь. Боб Стар смотрел, как спускаются чудища, смотрел на ожерелье серебристых сфер, на трехногих безмолвных гигантов.

— Я надеялся,— услышал он тихий голос Джея Калама, звучавший с хмурым сожалением,— что они последуют за кораблем и дадут нам время...

Хал Самду деловито громыхнул:

— Быстрее, Жиль!

— Во имя жизни! — прохрипел Жиль Хабибула.— Когда я уже умираю...

Ближайшая серебристая сфера уже достигла их. Ее белые щупальца захлестнулись вокруг Кай Нимиди. Боб Стар прыгнул к ней в отчаянии, с голыми руками.

— Подожди! — выдохнул Джей Калам.

Он сделал какое-то быстрое последнее движение, что-то подключил в прямоугольном ящике. Из него мгновенно послышалось слабое гудение, поначалу тихо, но быстро возросшее до уровня, когда разрываются барабанные перепонки, затем уже вне восприятия. И Бобу Стару показалось, что свет внезапно изменился, словно его закрыла промелькнувшая тень. Кошмарный гром невыразимо исказился: казалось, он отступил, будто слышный сквозь необъяснимую вуаль.

Кроме этого, он не почувствовал ничего. Однако серебристая сфера отдернула щупальца. Чудовищная орда вдруг замолчала, словно впала в оцепенение. Страшные твари попятились от стен, отступили.

Рядом с ними Жиль Хабибула глубоко вздохнул.

— Ах, я, бедный,— прохрипел он с огромным облегчением.— Готово.

Он устало вытер желтое лицо обратной стороной руки. И Боб Стар обнаружил, что все дно шахты начало ускользать, словно массивная выдвижная дверь. С одной из сторон шахты появилась темная щель и стала расширяться. И внезапно они оказались перед огромным квадратным колодцем со стенами цвета индиго в другой мир, где сияло маленькое зеленое солнце, холодное и тусклое.

Джей Калам заговорил первым, и голос его звучал тихо от изумления.

— Вот она,— сказал он,— скрытая крепость кометчиков.

Боб Стар был ошеломлен открывшимся за этой могучей дверью пространством. Когда они проникли в колодец, Жиль Хабибула дотронулся до чего-то еще, отчего этот обширный барьер закрылся за ними, и все они застыли в изумлении.

Чувства направления Боба Стара снова изменили ему, и теперь казалось, что обширный, тускло освещенный вакуум находится над ними. Должно быть, он пятидесяти миль в диаметре,— подумал он,— а может

быть, и все пятьсот. Он имел грубую сферическую форму. Стены его представляли собой природные утесы скал естественного происхождения. А местами — жуткие ровные поверхности того же твердого сплава.

Вдалеке гудели машины, едва слышные в этих сумрачных просторах, более большие, чем встречались ему на поверхности планеты. Должно быть, это были двигатели, которые, питаясь энергией плененного солнца, двигали скопищем планет внутри кометы как кораблем. Ему казалось, что он может чувствовать поток неограниченной энергии, и это создавало у него ощущение полной бессмысленности всего, предпринимаемого ими.

Ему опять стало дурно. Он вдруг оказался висящим, как муха, под крышей этого полого мира, и его тошнило от непобедимого ужаса перед тем, как он падает в холодное зеленое солнце, которое было его центром. Затем зеленый шар и смутные циклопические машины принялись вращаться над ним и под ним, и он закрыл глаза, восстанавливая самообладание.

Он едва услышал, как говорит Кай Нимиди, с ужасом и тревогой в голосе, и с вдохновением отчаянной отваги.

— Кай говорит, что оружие, которое мы ищем, заперто в этой зеленой сфере,— пояснил Джей Калам.— Она говорит, что двое кометчиков всегда стерегут ее снаружи. Даже эти стражники сами не могут войти в сферу, потому что металл ее окружен силами, которые формируют барьер, непроницаемый для энергетических полей их потенциалов. Только несколько правителей кометы способны пройти через барьер.

Кай и ее отец изучили все это с помощью проектора. Однако они никогда не могли проникнуть сквозь барьер. Кай не знает, как войти и что может быть внутри.

Чувствуя тошноту, дрожа, Боб Стар заставил себя открыть глаза. Он с трудом вгляделся в Кай Нимиди и остальных. Он не мог отважиться взглянуть еще раз на этот головокружительный мир. Джей Калам был мрачен и встревожен. Хал Самду казался равнодушным, но Жиль Хабибула по-прежнему был болезненного зеленого цвета.

— Нельзя терять времени,— продолжал Джей Калам решительно.— Рабы пока еще сбиты с толку. Однако они обратят внимание, что дверь открывали, и доложат о том, что произошло. Кометчиков ввести в замешательство будет не так легко. Мы должны добраться до зеленой сферы.

Боб Стар украдкой бросил на нее беспокойный взгляд — на маленькое тусклое зеленое солнце, находящееся вдали, в головокружительной бездне вращающейся пустоты.

— Как же нам туда добраться? — прошептал он.— До нее мили и мили... свободного падения...

— Не падения,— сказал Джей Калам.— Должно быть, она висит благодаря тем самым тубулярным силовым полям. Но все равно,— добавил он,— нам не на чем спуститься.

— Тогда,— безнадежно прошептал Боб Стар,— как?..

Командор тихо сказал:

— Мы должны прыгнуть.

Боб Стар открыл рот.

— Прыгнуть?

— Конечно. Гравитации, которая могла бы остановить нас, здесь нет. Если мы только не промахнемся по сфере и не пролетим мимо...

Руки Боба Стара инстинктивно вцепились в перила возле огромной двери. Даже идея прыгнуть в этой шахте без верха и низа вызывала тошноту. Однако Джей Калам заставил их образовать круг напротив алмазно-твердой двери, взявшись за руки. Он прикрепил к поясу красный прямоугольный ящик, и все они вцепились в провода, которые выходили из него.

— Когда я скажу,— сказал он,— все прыгаем к зеленой сфере.

Для Боба Стара все начало кружить снова. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы справиться с головокружением. Он смутно услышал счет командора. Он услышал тихое "пошли". Он изо всех сил прыгнул в умопомрачительный круговорот.

Некоторое время ему было слишком дурно, чтобы он чувствовал и соображал что-либо иное. Затем он понял, что они держатся друг подле друга маленькой беспомощной кучкой летящих существ, плывущих сквозь невероятные просторы полого мира. Зеленая сфера казалась очень крошечной и далекой целью. И они совершенно не в силах были ни остановиться, ни повернуть.

— Боюсь,— сказал Джей Калам,— что мы уходим в сторону.

Бобу Стару показалось очень странным слышать этот голос, как всегда холодный и серьезный, и прекрасно поставленный. Испуганный шепот, потрясенный хрип, вопль куда более подошли бы к кошмарному ужасу этого полета. Потому что маленькое зеленое солнце по-прежнему кружилось под и над ними. Все представления о направлении исчезли из гигантских пространств этой пещеры. Боб Стар снова почувствовал дурноту, она стала непереносимой при отсутствии чего-либо вещественного, во что можно было бы вцепиться. В безмолвной муке он с силой сжал челюсти.

— Проклятые кометчики, они на страже? — услышал он громогласный вопрос Хала Самду.— Они не видят нас?

— Не видят, пока мы держимся за эти провода,— ответил Джей Калам.— Хотя, конечно, есть возможность, что они в состоянии обнаружить нас не только с помощью зрения.

Борясь с тошнотой, Боб Стар взглянул вдоль блестящей красной проволоки, за которую держался, на прибор на поясе у Джея Калама.

— Мы что...— прохрипел он.— Мы что, невидимы?

Сидя в пустом пространстве так же спокойно, как если бы он отдыхал в кресле, командор кивнул.

— Мы с Кай взяли механизм для невидимости из захваченного корабля,— сказал он.— В спешке, снимая, я повредил его. Было довольно трудно понять принцип его действия, и в том, что это удалось, заслуга Кай.

Похоже, он создает особое энергетическое поле вокруг предметов, электрически соединенных с ним,— пояснил он.— Лучи света, встречаясь с краем поля, поглощаются и мгновенно излучаются с другой стороны — как будто они прошли сквозь тело.

— Но как же мы можем видеть,— спросил Боб Стар,— если внутри нет света?

— Это поле, по словам Кай, имеет иной эффект. Оно поглощает посторонние колебания, очевидно, ближе к ультракрасному краю спектра, и излучает их как видимый свет сюда, внутрь поля, специально для удобства пользователя.

Есть одна опасность,— мягко добавил командор.— Сквозь эти поля рабы нас не могут видеть. Однако Кай считает, что сами кометчики чувствительны к ультракрасному. Если так, они смогут увидеть на нашем месте тени...

Новая волна тошноты рассеяла внимание Боба Стара. В течение этого падения, ибо для него это было падение в жуткую шахту в какой-то непонятной преисподней, время потеряло свой смысл. Он погрузился в пассивное мучительное беспамятство. Поворачиваясь, он открывал и закрывал глаза. Он видел бестолковое вращение далекого солнца среди чудовищных механизмов, которые заставляли комету двигаться. Он закрывал глаза и висел в вечном безмолвном грохоте ее мощи. И дурнота не проходила.

Одной рукой он держался за Жиля Хабибулу, которого по-прежнему тошнило, у которого было зеленое лицо и который стонал. И он вцепился в руку Кай Нимиди. Она была бледной и безмолвной, но иногда, когда он мог видеть ее лицо, она слегка улыбалась. Время, казалось, остановилось. Но наконец Боб Стар понял, что зеленый шар подплывает ближе, однако одновременно и уходит в сторону. Джей Калам сказал:

— Мы вот-вот промахнемся.

— Ах, да,— вздохнул Жиль Хабибула.— И в этом моя вина, Джей. Я был слишком медлителен, когда мы прыгали. Я слишком ослаб от этой смертельной болезни. Я всех оттащил в сторону.

Боб Стар закрыл глаза.

— Пролетаем мимо,— безнадежно проговорил он,— и нет способа повернуть.

Он был изумлен, услышав, как Джей Калам сказал:

— Но способ есть — ценой одного из нас.

— Как? — прошептал он.

— Один из нас,— сказал командор,— должен отпустить провод и оттолкнуться прочь, так, чтобы противодействием нас подтолкнуло к сфере. Мы летим как корабль в космосе, и один из нас должен быть ракетой.

— Это сработает! — серьезно воскликнул Боб Стар. Затем разочарование заставило его перейти на шепот: — Однако он не сможет держаться за провод и выйдет из поля. Он вновь станет видимым. И кометчики...

— Эй, Джей,— громыхнул Хал Самду,— ты только скажи мне, что делать.

— Нет,— быстро возразил Боб Стар,— я сам...

— Боб,— быстро ответил командор,— ты должен остаться с нами.

Он дал Халу Самду краткие указания. И гигант сжался, а затем мощно рванулся прочь. Его тело пронеслось от них в тусклой пустоте. Оно необычно замерцало, проходя сквозь пелену видимости. Оно стало маленьким, оно уносилось, вращаясь, в зеленые сумерки.

Жиль Хабибула вдруг шумно захныкал. Боб Стар почувствовал соленое пощипывание слез на собственных глазах и боль в горле. Однако затем он снова увидел бледный зеленоватый шар почти над ними. И прохрипел:

— Смотрите сюда!

Ибо он увидел одного из сияющих стражников шара. Магнит живого света с красной звездой и фиолетовыми полюсами, и туманностью между ними, словно магнитное поле превратилось в живое пламя. Он был более чем живой. Он был удивительный, прекрасный и бесконечно опасный.

Они подплыли ближе, и он вдруг прекратился медленный полет над сферой. Дыхание Боба Стара остановилось. Он почувствовал, как кожу захолодило от внезапного пота и тело стало напряженным. Он беспомощно повис в воздухе: он ни до чего не мог дотянуться и ничего не мог сделать.

В течение мига существо было неподвижно. Пульсация ярких звезд прекратилась. А туманное веретено, казалось, застыло столбом зеленоватого льда. Затем огненная жизнь вернулась. Кометчик метнулся прочь, в ту сторону, куда улетел Хал Самду.

— Он увидел Хала,— прошептал он,— однако вскоре он будет искать нас.

Мгновением позже они ударились о холодный твердый металл слабо светящейся сферы. Они съежились на ней, удерживаясь слабым трением. Бобу Стару подумалось, что она больше похожа на астероид, чем на зеленое солнце, как им это поначалу показалось. Вероятно, она была диаметром в полмили.

Кай Нимиди что-то быстро шептала Джею Каламу.

— Она говорит, что оружие внутри,— быстро пояснил он.— Этот шар — что-то вроде сейфа.

— Ах, да,— прохрипел Жиль Хабибула.— И какого сейфа!

ПУСТОЙ СЕЙФ

Каждый сейф, считал Джей Калам, должен иметь дверь. Они искали, очень осторожно, пробираясь по холодному сияющему металлу, передвигаясь с помощью очень слабой гравитации. Наконец, они наткнулись на квадратное, со стороной в двадцать футов, углубление, окруженное низким металлическим барьером.

Жиль Хабибула забрался в углубление и осмотрел тройной круг выступающих металлических стержней.

— Ах, я, несчастный! — разочарованно простонал он.— Если тот замок был сложным, то этот просто невозможно открыть. Хозяева кометы сами не смогут открыть его при всей своей драгоценной науке, если забудут комбинацию. Что за замок! Можно подбирать комбинацию до тех пор, пока вся вселенная не пойдет прахом, но и тогда один против тысячи, что дверь не останется закрытой.

Его толстые пальцы, столь необычно чувствительные, столь изумительно проворные, уже были в работе, быстро выдвигая и задвигая стержни, крутя их. Он внимательно прислушивался, хотя Боб Стар не мог услышать ни малейшего звука.

Остальные вцепились в барьер над ним. Время от времени Боба Стара начинало безжалостно тошнить. И он постоянно ожидал увидеть, что над ним материализуется один из кометчиков, возможно, для того, чтобы заговорить триумфальным голосом Стивена Орко.

— Ты сможешь, Жиль? — тревожно спросил, наконец, Джей Калам.

Старик посмотрел вверх, вытер лоб болезненного желтого лица обратной стороной ладони. Он покачал головой.

— Это страшное испытание для моего гения, Джей. Никогда в Системе не создавали такого замка. Должно быть, правители кометы не доверяют собственной страже.

Он устало нагнулся опять.

— Открывание замков,— отсутствующе пробормотал он.— Это, в основном, вопрос точки зрения. Для любого из вас замок — это нечто для предотвращения открывания двери, и он эту задачу выполняет. Однако старый Жиль видит в замке способы открыть дверь и делает это.

Он застонал и сплюнул.

— Или, по крайней мере,— добавил он,— пытается это делать. Но старый Жиль еще никогда не встречал такого замка, как этот.

Кай Нимиди схватила Джея Калама за руку и тревожно зашептала.

— Торопись, Жиль,— взмолился он.— Кай говорит, что они, наверняка, скоро нас найдут. Помни, наша невидимость — это их собственный фокус. Она не может надолго сбить их с толку.

Старик снова поднял глаза, которые горели неожиданным гневом.

— Ради жизни! — взорвался он.— Имей терпение!

Жиль Хабибула, слабый старый солдат, измученный и снедаемый последней своей болезнью, умирает вдали от дома. Однако этот умирающий человек тратит свой гений до последней унции, чтобы решить задачу, перед которой отступили бы все ученые математики и искушенные философы на целую тысячу лет. Во имя драгоценной жизни, не можешь ли ты позволить ему работать спокойно, не крича над ухом...

— Прости меня, Жиль,— поспешно взмолился командор.— Я виноват. Продолжай.

Старик покачал головой, бормоча, и вновь склонился над тройным кругом выпирающих стержней. Его проворные руки, наконец, остановились, и сквозь слабо отсвечивающий металл послышался шепот легкой вибрации. Пол углубления стал скользить в сторону, и Жиль Хабибула принялся поспешно карабкаться к барьеру.

— Отчаянное предприятие,— прохрипел он,— однако дверь открыта...

Боб Стар пополз вперед, чтобы взглянуть в расширяющуюся щель, открывавшую глубокий квадратный колодец со стенами из холодно отливающего металла. Путь был открыт — к оружию, которое могло убить Стивена Орко. Эта победная мысль заставила его рвануться вперед и затем остановила его, обдав болью.

Ибо он не мог убить Стивена Орко. Он никого не мог убить. Он пытался думать, что он постепенно справляется с этим наваждением — с тех пор, как бился за захват тюремного корабля, когда органический луч конического существа ударил ему в голову. Но тогда этот безжалостный удар вернул всю мучительную боль от Железного Исповедника. Он подумал, не содержал ли тогда оранжевый луч ультразвукового компонента, воздействовавшего на болевые центры в мозгу. Каков бы ни был эффект, он усилил безжалостное биение старой боли и увеличил эту горькую уверенность.

Он не может убить...

— Пошли,— потребовал Джей Калам.— У нас нет лишнего времени.

Они погрузились в квадратную шахту. Они падали сотню футов с помощью слабой гравитации металлической сферы и наткнулись на другую дверь, из которой тремя рядами выступали стержни.

— Второй замок,— пробормотал Жиль Хабибула.— Однако теперь я знаю принцип.

Он к чему-то прикоснулся, и первая дверь тут же задвинулась за ними. Он склонился над вторым замком.

— Никогда,— отвлеченно просопел он,— не подвергался еще мой гений такому испытанию. И никогда не подогревался такой опасностью.

Ах, я, несчастный! Этот день будет днем смерти Жиля Хабибулы! Этот чудовищный сейф может стать его склепом.

Сияющий металл опять зашептал, и огромная масса внутренней двери скользнула в сторону. Они прошли в квадратный проход, затем оказались в маленькой квадратной комнате, которая находилась, должно быть, поблизости от центра сферы. Она была заполнена зеленоватым свечением от стен, и коридор за их спинами был единственным входом.

Маленькая комната была пуста, если не считать массивного прямоугольного ящика из алого металла трех футов в длину, прикрепленного к внутренней стене. Его стенки были покрыты загадочными иероглифами серебряного и черного цветов. Над его верхом был еще один тройной круг выступающих стержней.

Тихонько постанывая, Жиль Хабибула что-то заговорил про себя.

Как только внутренняя дверь закрылась за ними, Боб Стар приник к сияющей стене, глядя на ящик с благоговейным изумлением. Его смутные ожидания предполагали нечто более внушительное, чем этот красный ящик, такой маленький, что его мог бы, пожалуй, поднять один человек.

— Это бесполезно,— прошептал он.— Бесполезно.

Ибо каким образом оружие, спрятанное в таком маленьком ящике, могло сражаться с чудовищной наукой, ужасающее проявление которой окружало их столь долго?

Он похолодел и застыл от напряжения, когда от бледно сияющего металла послышался вибрирующий шепот. Кай Нимиди задрожала. С ее белых изможденных губ сорвался сдавленный, бессознательный вскрик.

— Наружная дверь,— прошептал Джей Калам.— Они идут.

— Ах! — прохрипел Жиль Хабибула.— Готово! Открыто!

Боб Стар нетерпеливо бросился к ящику, чтобы помочь откинуть крышку. Он едва представлял, что именно ожидает найти. Он не мог сообразить, что именно может уничтожить эту сияющую тварь, которая сейчас содержала в себе разум Стивена Орко. Он тревожно вгляделся в ящик, и челюсть его тут же отвисла в безголосом крике разочарования.

Ибо ящик был пуст.

Некоторое время он был не в состоянии шевелиться. Невыносимое головокружение вернулось. Его трясло в болезненной жестокой лихорадке. Зеленые стены маленькой комнаты ходили кругом. Покрывшись холодным потом, он вцепился в край пустого ящика.

— Джей, все напрасно,— услышал он усталый шепот Жиля Хабибулы.— Здесь ничего...— У старика перехватило дыхание, и он безнадежно вздохнул.— Ах, я, несчастный! — засопел он.— Никогда еще судьба не устраивала надо мной такой ужасной шутки! Никогда еще люди так не боролись, не получая награды.— Его лысая голова печально качнулась.— Всю морозную ночь мы рыскали по пустыне Нептуна, чтобы

найти корабль, и дрались за него с каннибалом. Мы пронеслись сквозь грозные просторы космоса, пока не встретились с сияющим монстром. Мы прошли сквозь ужас, завладевший астероидом, и проникли в кошмар кометы над ним. Мы были на краю гибели в атомной топке. Мы захватили корабль, когда нас пытались превратить в скот, и летели на нем пятнадцать тысяч миль к ядру бронированной планеты. Мы открыли замки, которые были ужасно сложными, и превратили свои тела в живые корабли пространства — ах, бедный Хал, который отдал жизнь на нас! А теперь старый Жиль Хабибула истощил запасы своего драгоценного гения, взломав самый надежный сейф во вселенной.

Но все тщетно. Он пуст...

В его голосе послышались рыдания.

Движимый мыслью, что оружие может действительно находиться в ящике, однако скрыто неведомым устройством, Боб пошарил в нем. Но пальцы не обнаружили ничего, кроме голого металла. Беспомощно пожав плечами, он взглянул на Джея Калама и Кай Нимиди.

Призрачно-белая девушка смотрела в пустой ящик. Бескровное лицо было искажено отчаянием. Глаза были широко раскрыты, потускневшие со смертью надежды. Тело выглядело безвольным, бесчувственным — он был уверен, что, если бы не отсутствие, почти полностью, силы тяжести, она бы упала.

Джей Калам молчал, лицо у него было пепельно-серое. Хотя он сохранил каким-то образом сосредоточенное и хмурое выражение, это не имело значения. Глаза его превратились в пустые окна в ожидающий голос, и в них не было света. Длинные красивые пальцы были сцеплены вместе.

Тусклые глаза девушки скользнули по Бобу Стару, словно не узнав его. Она заговорила, словно сама с собой, глухим хриплым шепотом. Джей Калам переводил ее слова, однако Бобу Стару казалось, что он делает это как автомат, сам при этом ничего не понимая.

— Я — последняя из моего народа. В течение двадцати поколений мы жили внутри кометы. Мы пережили времена, когда смерть едва не одолевала нас, только для того, чтобы остановить кометчиков прежде, чем они уничтожат человечество. Мой отец жил и умер ради этого, как и весь мой народ. Теперь я думала, что у нас появится шанс. Но мы проиграли...

Голос ее звучал все медленнее и затих, словно перестал работать механизм. Жиль Хабибула, по-прежнему сгорбившись, стоял над пустым ящиком. Он громко плакал, сморкаясь. Толстые пальцы его бесцельно обшаривали гладкий красный металл.

Конвульсивно выпрямившись, Боб Стар прошептал:

— Мы ничего... не можем сделать?

Джей Калам покачал головой. Он прикусил губу, и длинная челюсть его покраснела от крови. Хмурое напряжение в лице создавало странный

контраст с этой алой струйкой. Он покачал головой и облизал губу, и, казалось, слегка удивился вкусу крови.

— Мы можем только ждать... когда они...

Безнадежно, в замешательстве, Боб Стар глядел в пустой ящик. Они проиграли, они обречены. В мозгу все сильнее и нестерпимее стучала старая боль. И его охватил древний ужас: он так и не покидал его никогда.

Вернулась тошнота. Он присел возле хнычущего Жиля Хабибулы в мучительном отчаянии, потрясенный от случившегося. Он едва слышал отдаленный звук открывающейся внутренней двери, но его внимание привлек сухой сдавленный крик Кай Нимиди.

Он увидел кометчиков.

Двое кометчиков спускались в маленькую зеленую комнату. От ближайшего столба яркого тумана донесся низкий торжествующий смешок. Это был ироничный смех развеселившегося бога. Тупо вслушиваясь, Боб Стар услышал знакомый звонкий баритон Стивена Орко.

— Приветствую, Боб, и поздравляю. Позволь представить моего коллегу, законного правителя кометы.

Фиолетовая звезда слегка качнулась, словно сделала насмешливый кивок.

Боб Стар с некоторым тусклым летаргическим интересом глядел на сияющего властелина кометы. Это он, видимо, был ответственен за чудовищную шутку с пустым ящиком. Неужели кометчики действительно неуничтожимы? Неужели этот жуткий охраняемый склеп — всего лишь фантастическая подделка для того, чтобы поддерживать авторитет этого сияющего императора?

— Ваше замечательное мероприятие,— продолжал легкий голос Стивена Орко,— встревожило моих коллег, которые намерены предпринять шаги к его немедленному прекращению. Я сожалею о том, что преждевременно прерываю тебя, но твоя возмутительная нескромность делает твое дальнейшее существование просто непрактичным.

Если бы голос звучал невнятно, шептал или кричал, подумал Боб Стар, то этот ужас было бы гораздо легче переносить. Ибо существовало жуткое несоответствие между ужасающим пламенем, горевшим перед его глазами, и беззаботным легким смехом.

— Прежде, чем ты умрешь, Боб, не хочешь ли ты узнать о своих родителях? Они совсем близко, настолько близко, что твой невезучий спутник, Хал Самду, был отправлен к ним на корабль. Вот так я узнал о вашей необычной деятельности.

Твоя мать — это тебе, наверное, покажется невозможным — пока еще невредима. Однако она проявляет глупость и упрямство, избегая вступать в обсуждение принципов АККА,— упрямство, которому вскорости придет закономерный конец. Я планировал пригласить тебя

и твоих спутников на банкет. Но обеспокоенность моих августейших коллег снимает этот вопрос с повестки.

Последовала небольшая пауза, и Боб Стар заметил встревоженное постоянное движение туманного столба, вращающегося внутри твари, которая была правителем кометы.

— Это огромное удовольствие,— послышался бодрый сардонический голос Стивена Орко,— присутствовать при кризисе вселенской истории. И, насколько я могу интерпретировать встревоженное поведение моего коллеги, это действительно кризис. Я думаю, ваше дерзкое и нескромное проникновение в камеру генератора должно послужить поводом для немедленного и полного искоренения человечества. Какая досадная случайность, не правда ли?

Снова колонна живого пламени разразилась беззаботным смехом.

— Не то чтобы я испытывал особое желание присутствовать при экзекуции...

Сияющая фигура правителя кометы вновь пошевелилась, словно была раздражена. Протянулась туманная рука, и Боб Стар ощутил покалывание на коже. Зеленый туман начал воздействовать на зрение. Это, подумал он, его последний миг.

— Подожди, Орко!

Смутно, сквозь неожиданный хруст в ушах, Боб Стар услышал сдерживаемый хриплый голос Джея Калама.

— Подожди, если хочешь узнать, почему ты можешь столь спокойно помогать искоренить человечество. Потому что я теперь могу тебе это рассказать, Стивен Орко. Я знаю, кто ты или что ты на самом деле.

Боб Стар понял, что получил отсрочку. Покалывающая немота оставила его члены. Он опять мог видеть и рев покинул его уши. Он услышал насмешливый вызов в голосе Стивена Орко:

— Итак, командор Калам?

Джей Калам сделал паузу, словно подбирал слова, и вдруг заговорил с неожиданно холодным спокойствием.

— Стивен Орко,— сказал он,— вначале мы пытались попасть на комету на маленьком геодезическом крейсере. На борт проникло светящееся чудовище; оно повредило генераторы и убило твоего старого помощника, некоего Марка Лардо.

— Я осведомлен об этом инцеденте — ничего существенного,— раздраженно оборвал его Стивен Орко.

Прислушиваясь, Боб Стар стал смутно догадываться о цели командора. Он тянул время, не иначе. Хотя что при этом окончательном поражении могло значить время? Однако он тут же позабыл о своих догадках, поглощенный объяснением Джея Калама.

— Мы посадили изувеченный корабль на незакартированный трансплутонический астероид. На нем были следы обитания. Люди на нем были уничтожены кометчиками. Они оставили нам удивительную загадку. Тысячи следов говорили нам, что владелец астероида был спо-

собным ученым и одаренным художником. Все в этом крошечном мире подтверждало его гениальность и его изумительное богатство. Нам было трудно представить, зачем такому человеку пришлось прятаться на этом удаленном камне за пределами Системы.

— Но почему я должен испытывать интерес к вашей проблеме? — снова раздраженно прервал его Орко.

— Потому что это объясняет твое отличие от иных людей,— сказал Джей Калам.— Твои необычайную одаренность, честолюбие и враждебность к человечеству.

— Продолжай,— сказал голос Орко,— однако будь краток.

И Бобу Стару показалось, что ближайшая к ним сияющая тварь сделала сдерживающий жест, чтобы остановить некое действие правителя кометы.

— Одной из замечательных черт этой тайны,— продолжал командор,— было присутствие биологической лаборатории, тщательно скрытой под поверхностью. Вторая черта — эмблема, которой этот странный изгой помечал принадлежащее ему,— крукс инзата и скрещенные кости, красные на черном фоне. Ты можешь припомнить, что тот же символ — эмблема жизни над эмблемой смерти — связан с загадкой твоего происхождения.

Сияющая тварь слегка приблизилась, постоянное кружение зеленосеребристого столба, казалось, замедлилось. Боб Стар почувствовал, как в ней нарастает заинтересованность.

— Когда астероид затянуло в комету...

— Благодарю,— хихикнула светящаяся тварь.— Ваше проникновение через внешний барьер сбило с толку моих новых помощников. Но продолжай.

— Астероид попал в эту силовую установку,— продолжал Джей Калам,— однако незадолго до этого я решил эту задачу. Изгнанник,— пояснил он,— вел дневник при помощи тайнописи, которую мне удалось прочесть.— Он сделал паузу, чтобы покачать головой, когда Боб Стар подавил вскрик недоверия.— Прочитанное,— сказал он,— я держал при себе до сего момента по причине некоторых неприятных аспектов.

— Выкладывай,— рявкнул голос со стороны светящегося столба.— Мой коллега не намерен больше сдерживаться.

— Этот фантастический беглец,— продолжал командор, не теряя спокойствия,— был человеком по имени Эльдо Арруни. Выходец с Земли, он получил там и на Марсе биологическое образование. Эльдо Арруни проявлял исключительные способности как в живописи, так и в научных дисциплинах. Он делал прекрасную карьеру, рано начатую, прежде чем попал в марсианскую тюрьму за проведение незаконных биологических экспериментов.

Джей Калам помолчал, набирая воздух в легкие, стараясь, подумал Боб Стар, выиграть время.

— Спустя год после помещения подстражу он был амнистирован — в награду за блестяще проведенную операцию, во время которой он спас жизнь жене начальника тюрьмы. Он исчез. И Легиону уже не удалось обнаружить его вновь, хотя он имел на руках достаточно следов его дьявольской деятельности.

Что же он сделал? Конечно, нашел себе убежище на этом неизвестном астероиде. В тюрьме, видимо, он наладил связи с могущественным сообществом космических пиратов и межпланетных контрабандистов, которые и стали использовать астероид в качестве базы. Вскоре он стал лидером сообщества, по всей видимости, и повернул его преступную деятельность на новую, ужасную дорогу.

На этом астероиде он стал источником самого скрытого экспорта, который когда-либо отравлял существование Системе, и один лишь Легион тщетно пытался с ним бороться. На прибыли, полученные от этого чудовищного экспорта, он превратил голый камень в тайный рай...

— Будь краток,— предупредил голос Стивена Орко,— или умрешь.

— Незаконные эксперименты Эльдо Арруни,— продолжал Джей Калам хмуро и неспешно,— сводились к синтезу жизни. Очень давно ужасные последствия этих попыток заставили Совет объявить их вне закона. На своем астероиде Эльдо Арруни довел эту проклятую работу до победоносного завершения. Бизнес, что принес ему такое грандиозное богатство, заключался в производстве и продаже андроидов.

На миг ближайшая к ним тварь, казалась, застыла. Красная и фиолетовая звезды прекратили свое регулярное биение. А дымчатое веретено между ними превратилось в столб бело-зеленого хрусталя. Затем она задрожала, и послушался один-единственный изумленный вскрик:

— Андроидов?

— Эльдо Арруни,— громко заговорил Джей Калам,— открыл секрет синтетической жизни. Он производил искусственные клетки, размножал их в питательной среде и научился контролировать их развитие посредством радиологических и биологических способов.

Он был художником в той же мере, что и ученым. Он обладал гением творения. Достижением его великого искусства была живая синтетическая плоть. Он добился чудес — дьявольских чудес...

Вытянутое лицо командора стало темным и жестким, словно он преодолевал боль воспоминаний.

— Печальным комментарием к человеческой цивилизации,— сказал он мрачно,— является то, что богатый человек готов был отдать половину своего состояния за сотню фунтов синтетической протоплазмы. Однако многие шли на это, и этого было достаточно, чтобы Эльдо Арруни получил желанное состояние.

Его твердые челюсти вдруг добела сжались.

— Я не могу их винить,— прошептал он. Казалось, его темные глаза всматриваются в ужасное окно прошлого.— Дело в том, что была одна, арестованная за убийство владельца. Это был дух красоты, обретший

реальность, это была подлинная мечта художника о прекрасном. На первый взгляд она была воплощением женской невинности. Если прислушаться к ее золотистому голоску...

Он сглотнул.

— Уничтожить ее должен был я. Но...— темные глаза его с благодарностью взглянули на Боба Стара — но благодаря твоей матери, Боб, я не навлек позора на Легион...

Он заставил себя собраться, и взгляд его вернулся к сияющим, постоянно движущимся фигурам.

— Преступная деятельность сообщества не ограничивалась одной лишь продажей андроидов. Потому что безукоризненно идеальное совершенство их тел часто скрывало в себе абсолютно невыразимое зло. Те, кто неудачно польщался на их невиданную красоту, часто обнаруживали, что ценой является все состояние, а то и сама жизнь.

Эльдо Арруни вписал черные строки в книги Легиона...

Но,— продолжал командор,— если Эльдо Арруни не удавалось обеспечивать свои творения моральными ограничителями, то в предоставлении им необычных способностей он не встречал затруднений. А может даже, это можно было назвать исключительным интеллектом.

Джей Калам замолчал на миг и продолжал почти буднично:

— Ты, возможно, уже догадался, о чем я тебе рассказываю, Стивен Орко. Ты не человек. Ты — синтетический монстр из лаборатории Эльдо Арруни.

Застывшая фиолетовая звезда присела, словно поклонилась. Туманный столб вновь заговорил сардоническим голосом Стивена Орко. И в нем звучало беззаботное веселье:

— Благодарю, командор.

— Тот случай,— продолжал Джей Калам,— полностью отражен в дневнике. Эльдо Арруни приложил к твоему созданию исключительные усилия. Его недюжинный художественный гений был наилучшим образом дополнен в то время практическими деловыми инстинктами. Он предполагал создать нечто совершенное, подлинного супермена.

Однако вскоре после того, как ты покинул его колбы и инкубаторы, он обнаружил в тебе фатальный изъян — холодного дьявола, спящего. Он увидел, что его усилия грозят закончиться близким концом человечества, причем самым неотвратимым.

В дневнике отражена занятная борьба. Одни записи восхваляют твое физическое совершенство и замечательный интеллект: он вложил в тебя всю свою любовь. Ибо он действительно любил тебя, как любит художник свой шедевр. Как человек любит своего сына.

Следующая запись — мрачное изложение сомнений и предложений, полное свидетельств дьявольской холодности, которую он не смог изъять из тебя, несмотря на весь свой талант... Она заканчивается решением уничтожить тебя.

К несчастью, этот странный беглец не мог заставить себя решиться. Наконец, любовь и вполне оправданный страх привели его к печальному компромиссу. Он запечатал тебя в магниево-литиевый цилиндр, предприняв все необходимое для твоего жизнеобеспечения, и пустил дрейфовать в космос вдали от астероида.

Скрыв от тебя твое происхождение,— сказал командор мрачно,— он надеялся избежать последствий своего провала. Но все равно ты уничтожил своего создателя, Стивен Орко, когда напустил кометчиков на Систему.

Возможно, что длительное беспомощное пребывание в цилиндре оказало дальнейшее воздействие на формирование твоего характера, который и до этого был не из хороших. Должно быть, отчасти твой неутолимый аппетит во всем, что касается власти и превосходства,— это компенсация за то заключение.

Однако ты никогда не был человеком...

— Благодарю тебя, командор,— вмешался голос Орко, по-прежнему беззаботный и насмешливый.— Но я не могу вознаградить вас за то, что вы открыли мне тайну моего происхождения. И, в сущности, я не могу быть милосердным к скоту, которым питаюсь, зная, что никогда не был одним из них.

Яркий туман хихикнул.

— Если ты ожидал благодарности...

Голос вдруг замолчал, когда сияющий правитель кометчиков сделал властное движение, и быстро добавил:

— А теперь можете приготовиться к смерти...

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Прислушиваясь к тихому повествованию командора, глядя на светящуюся и прекрасную тварь, которой был теперь Стивен Орко, Боб Стар был раздираем вступившими в свирепый конфликт странными эмоциями.

Ибо его великий враг никогда не был более человеком, как это существо из застывшего огня. Этот факт отчасти объяснял страх и ненависть, которые душили и мучили его с той страшной ночи в Академии. Не человек вонзил тупое лезвие Железного Исповедника в его череп, а эта негуманоидная тварь.

Осознание этого заставило боль под старым шрамом ослабеть и утихнуть впервые за все годы. Он опять обрел смелость и почувствовал,

что может найти в себе силы противостоять калечащим приказам, которые отдавал в мозгу измененный голос Орко. Кулаки его сжались, тоскуя по оружию.

Он сел на корточки возле пустого ящика. Жиль Хабибула по-прежнему склонялся над ним, содрогаясь от приступов горя, вцепившись в края, громко хныча и часто шмыгая.

— Можете приготовиться к смерти.— Торопливые последние слова Орко эхом отозвались в его мозгу.— Потому что мой августейший коллега, похоже, крайне недоволен вашим присутствием в камере генератора...

Боб Стар почувствовал на боку слабое, едва заметное давление дрожащей руки старика, а затем холодное прикосновение маленького предмета, который вложил в его руку Жиль Хабибула. В мозгу сверкнула вспышка озарения: он понял, зачем командор тянул время.

Повернувшись, чтобы прикрыть предмет телом, он украдкой бросил на него взгляд. Странное оружие, если это оружие. Полированный кубик из какого-то черного твердого материала со стороной не более двух дюймов. Его поверхность была слегка скользкой, мыльной как шлифованный драгоценный камень. Он чувствовал необычную тяжесть — хотя и кубик, и сам он были сейчас невесомы, он мог ощущать энергию его массы. С одной стороны выступала какая-то красная шишкообразная выпуклость.

Вцепившись в кубик, Боб Стар пытался не выдать внезапного, перехватившего дыхания напряжения. Должно быть, это было оружие — и он знал, что должен воспользоваться им немедленно. Внимание Стивена Орко и властелина кометчиков все еще было обращено на командора. Это могло дать ему шанс для удара.

Но он не мог убить...

Или мог? Один холодный миг, когда дрожащие пальцы сомкнулись на этом безобидном на вид приборе, ему казалось, что он снова оказался в темном подвале музея Академии, дквять лет назад. Вновь на его голове было ржавое металлическое кольцо Железного Исповедника, и вновь впивалось в его череп трехгранное лезвие, и вновь вибрирующий голос Стивена Орко превращался в вибрирующие волны невыразимой боли.

— Что, не нравится, щенок? Не нравится ржавая корона твоих предков? Но это неважно, нравится или нет, тебе уже ничего с ней не сделать. Потому что это гениальное маленькое устройство предназначено для того, чтобы ломать людей. Ты можешь отрицать свои убеждения или закон, можешь даже забыть о чести офицера Легиона, однако ты никогда не сможешь отказаться повиноваться Железному Исповеднику.

И ты не сможешь убить меня, Боб. Не сможешь убить...

Его пальцы уже разжались, чтобы выронить черный кубик, потому что он не мог им воспользоваться. Но тут, должно быть, это заметила

Кай Нимиди, потому что он услышал, как у нее перехватило дыхание. Ее светлый образ вспыхнул в мозгу, и мучительное воспоминание опять бросило его в темную комнату.

Он чувствовал липкую струйку собственной крови, текущую по лицу, и солоновато-сладкий привкус на губах. Снова он увидел дикую ярость на красивом лице Орко. Он услышал шаги ночного патрульного наверху и шепчущие голоса друзей Орко.

Это все было забыто, похоронено под страхом и болью. Шаги и эти протестующие голоса, испуганные и спорящие, слышны были теперь как наяву. Дедовщина была традицией Академии, однако на этот раз они зашли слишком далеко. Если Боб Стар умрет, правда наверняка выйдет наружу. Убийство! И всей хитрости Стивена Орко будет недостаточно для того, чтобы спасти их от судебного разбирательства.

Но Орко был слишком разъярен, чтобы слушать их.

— Скажи, щенок! — Этот страшный голос вновь наполнил мозг Боба Стара, превращаясь в красную муку посредством вибраций трехгранного лезвия. Опять он повторял всю ту неслыханную ложь клятвенного подтверждения, которой добивался от Боба Стара...

Однако он не сказал.

— Он тебя положил на обе лопатки, Орко.— Теперь он слышал другие голоса, с нотками усиливающегося ужаса, когда шаги патрульного замерли в коридоре.— Ты не сможешь его сломать даже с помощью Железного Исповедника. Ты что, не знал, что он сын Джона Стара?

Погребенная правда выходила наружу.

— Я сдаюсь.— Давно забытые слова выходили наружу и принадлежали Стивену Орко.— Он крепче, чем я ожидал. Давайте вытащим его отсюда и приготовим ему легенду. Помните, он сын Джона Стара. Он слишком горд, чтобы рассказывать небылицы.

Правда, щенок? — Стивен Орко повернулся и снова заговорил в жестокое устройство, прежде чем снял его.— Ты не забудешь об этом, правда, щенок?

Он забыл, на девять лет.

И теперь все это горело в его мозгу, пока он держал в кулаке холодный маленький кубик. Он был сыном Джона Стара, и Стивен Орко был тем, кто ломал. Внезапно пальцы его стали совершенно твердыми. Он поднял кубик, повернул крошечный алый выступ.

Из противоположной стороны кубика вырвался бледный луч серебристого света. Он повернул маленький прибор, наводя луч на светящихся тварей.

— Боб! Ты не можешь!..

Но он мог. Изумленный встревоженный крик перешел в хриплый вопль. Он растаял на булькающей ноте невыразимой муки — такой же крик могла испустить умирающая жертва Железного Исповедника.

Потом, когда все было кончено, он осторожно положил в ящик ненужный теперь кубик.

— Где ты его взял? — спросил он Жиля Хабибулу.— Мы думали, что ящик пуст.

— Ах, так оно и было — Старый солдат высморкался. Толстые руки его все еще держались за край ящика, пухлые пальцы ласково ощупывали загадочные рисунки на его стенке. Болезненная полнота исчезла с его лица.

— Так,— прошептал Боб Стар,— как же?..

— Этот рисунок был ключом,— просопел Жиль Хабибула.— Я с самого начала заподозрил, что создатели этого сейфа не стали бы тратить свое умение на бесполезный арнамент. Эти фигуры привели мои пальцы к потайному замку.

— Так где же оно было? — спросил Боб Стар.— Под ложным дном?

— Не так просто.— Жиль Хабибула покачал головой.— Я умею видеть сквозь ложное дно внутренним зрением. Оружие могло быть укрыто где-то вдали от нашей вселенной, связанное с полем, которое могло доставить его обратно, когда срабатывал замок. Или, может быть, оно находилось за пределами нашего пространства и времени — такое не выглядит для них невозможным.

Они были прерваны громоздким снарядом, который пронесся через квадратный колодец входа и тяжело врезался в холодно сияющий металл. Он судорожно вздохнул, выпрямился и оказался Халом Самду.

— Эй, Боб! — громыхнул великан.— Я сказал твоей матери, что ты должен быть здесь.

— Моей матери? — прошептал Боб Стар.— Она цела?

— Ага,— сказал Хал Самду.— Мы перебили всех кометчиков, а их рабы стали теперь нашими друзьями. Пошли, Боб, к твоей матери.

Она вышла им навстречу легкой быстрой походкой. Боб Стар бросился вперед и обнял ее.

— Сынок! — Она поцеловала его, смеясь.— Ты отрастил ужасную бороду.

Боб Стар представил Кай Нимиди, обняв ее за талию.

— Мама, это чужеземка. Она одна. Весь ее народ убит кометчиками. Она плохо говорит по-английски, но скоро научится. Я хочу, чтобы ты приняла ее. Потому что это она показала нам, где найти оружие, которое уничтожило кометчиков. И еще... потому что я люблю ее.

Кай что-то тихонько прошептала, улыбаясь его матери. Мать взяла их за руки, соединила. Кай тихо рассмеялась, сжала его пальцы, и неожиданно ему захотелось оказаться с нею в мирной красоте садов Фобоса, которые уже не были для него тюрьмой.

— Я рада, Боб,— прошептала мать.— Рада...— Она замолчала, прислушиваясь к резкому голосу его отца.

— ...Тогда, Джей, как мы поступим с кометой?

— Я считаю, что существуют три возможности,— задумчиво ответил командор.— Хранитель Мира может уничтожить всю комету — иррациональная акция, которой я буду противостоять. Или она может быть управляема, как постоянная часть Системы. Или мы позволим освобожденным рабам, если они способны с ней управиться, уйти на ней. Я предпочитаю третий вариант, однако окончательное решение за Советом.

— В любом случае, комета представляет нам грандиозный запас знаний.

Словно с огромного расстояния послышался жалобный голос Жиля Хабибулы:

— Пошли, Хал, поглядим, не удастся ли нам найти какой-нибудь человеческой еды и выпивки...

ТРЕТЬЯ ВОЙНА ЖИЛЯ ХАБИБУЛА

СМЕРТОНОСНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

— Необычно. Важно. Несомненно опасно.— Тихий голос командора Калама, даже сейчас не утратив отчетливо-спокойного звучания, подчеркивал ударением каждое слово.— Вас, капитан Деррон, избрали для выполнения этой задачи, потому что Легион полностью доверяет вам.

Спустя четыре мрачных года эта сцена жила в памяти Чана Деррона столь же ясно, будто ее выжег раскаленный докрасна пуансон. Ибо это странное назначение изменило всю его жизнь, оторвало его от многообещающей карьеры и бросило в пучину тайн, ужаса и отчаяния.

— Да, сэр.

Чан Деррон четко отдал честь. Он стоял в напряжении — весь внимание,— дожидаясь, когда в этой огромной, скромно обставленной зале в Зеленом Холле, кабинете командира Легиона Пространства, прозвучит приказ.

Человек Крупный, подтянутый, стройный, в зеленой форме Легиона, он походил на бронзовую статую. Волосы, неподвластные расческе, словно проволока из красной меди. Кожу основательно покрывал космический загар. Даже в глазах было сияние немеркнущей бронзы. Вся его выправка говорила о несокрушимой силе, отчего сердце командора согрелось.

Тем не менее, за этой военной готовностью сердце Чана Деррона стало как барабан. Он гордился формой, которую носил меньше года, он чрезвычайно гордился знаками отличия, а также наградами, которые он уже получил в войне с кометчиками. И ему отчаянно хотелось узнать, что последует за этим вступлением. У него перехватило дыхание, и он пристально посмотрел на длинное смуглое лицо Джея Калама.

— Я отдал приказ помогать в выполнении этой задачи всему флоту Адмирала-Генерала Самду,— сказал командор.— Однако сама задача такова, что ее можно доверить только одному человеку на одном корабле, капитан Деррон.

Капитан Деррон попытался сглотнуть комок. Бывалый капитан — ему не пристало трепетать, как большеглазому кадету. Ведь ему, в конце концов, двадцать два. Но заданный тихим голосом вопрос ошеломил его.

— Вы знаете доктора Макса Элероида?

— О... конечно,— поспешно ответил он.— Если вы говорите об инженере — геодезисте. Это тот человек, который видоизменил геодин и изобрел геопеллер. Мы в Академии изучали по нему геодезию.

— Так вы были инженером? — Командор слегка улыбнулся.— Доктор Элероид,— сказал он,— вероятно, один из величайших ныне живущих физиков, хотя предубеждение против общественное славы удерживает его от того, чтобы стать широко известным. И он только что создал нечто совершенно новое.

Чан Деррон ждал, теряясь в догадках.

— Сегодня утром,— сказал Джей Калам,— Элероид пришел в этот кабинет, и следом за ним помощник втащил целый ящик с оборудованием. Он был напуган. Он упрашивал принять его вместе с его изобретением под защиту Легиона.

И это изобретение очень важно, говорил он, и очень опасно. Он решил не доводить работу над ним до конца в то время, когда Земле угрожала опасность от кометчиков.

Затем он решил усовершенствовать его, превратив в оружие. Он слегка опоздал — война кончилась. Однако он решил доверить его Легиону, чтобы, вкупе с АККА, оно могло оборонять Землю.

Но вчера он получил доказательства тому, что в его лаборатории побывал кто-то чужой. Она расположена на западе, в Красочной Пустыне. Этот неизвестный шпион очень напугал его. В подробности его работы были посвящены всего лишь двое людей — его дочь и ассистент Джонас Твейн. Ничто не говорит о том, что он и шпион — одно и то же лицо. Однако это может навести на мысль, что он — не очень умный человек.

Командор выпрямился.

— Такова подоплека вопроса, капитан Деррон. А здесь ваши инструкции?

— Да, сэр.

— Мы намерены помочь доктору Элероиду с полевым испытанием этого изобретения; оно никогда не проверялось, по его словам, разве что на самую малую мощность. Затем, если испытания закончатся успешно, оно останется в наших руках.

Вы немедленно должны вернуться на крейсер и лететь на базу в Скалистых Горах. Там вас уже ожидают двадцать рабочих с землеройными машинами на атомных двигателях, взрывчаткой и строительными материалами. Вы возьмете их на борт и безотлагательно отправитесь на Новую Луну. Вы следите за моими словами, капитан?

— Да, сэр.

— Когда вы достигнете скорости в две тысячи миль,— продолжал Джей Калам,— вы откроете этот конверт и посчитаете координаты места посадки.

Чан Деррон принял маленький зеленый конверт, запечатанный крылышками Легиона по темно-зеленому сургучу, и положил его во внутренний карман кителя.

— Вы опуститесь в указанном месте и выгрузите рабочих и оборудование. В месте, которое вы выберете по собственному усмотрению, они должны выкопать шурф двадцати футов в ширину и двадцати в глубину. Там, работая под вашим руководством, они построят помещение, армированное двумя футами пердьюрита, оснащенное лестницей и скрытой дверью со специальным замком. Детали будут вам предоставлены.

Выполнение этой задачи должно быть закончено к двенадцати завтрашнего дня по времени Легиона. Вы опять посадите людей и погрузите оборудование на борт "Корсара". Крейсер немедленно вернется под командованием вашего первого помощника на базу в Скалистых Горах. Вы же, капитан Деррон...

У Чана Деррона перехватило дыхание, когда командор внезапно поднялся.

— Вы останетесь на страже возле этой потайной двери. При себе оставите свой ультракоротковолновый коммуникатор, сухой паек, протонное ружье-иглу и штык. Будете охранять доктора Элероида и его ассистента, пока они не закончат испытания.

Потом, если эксперимент пройдет успешно, доктор Элероид передаст аппаратуру и записи под вашу ответственность. Вы вызовете крейсер, подниметесь на борт вместе с Элероидом, помощником и устройством и немедленно вернетесь на базу в Скалистых Горах. Все ясно, капитан Деррон?

— Ясно, сэр,— сказал Чан Деррон.

— Флот Самду будет следить за тем, чтобы не было вмешательства извне,— заверил его хмурый командор.— Во всем остальном мы полагаемся на секретность, точность в действиях и звания. Окончательная ответственность, капитан Деррон, лежит на вас.— Темные глаза пристально глядели в глаза Чана.— Это одна из величайших задач, которые когда-либо давал Легион одному человеку, но я верю, что вы годитесь для нее.

Чан сглотнул.

— Я сделаю все, что смогу, сэр.

— Легион ни о чем больше не просит.

Вопрос казался достаточно серьезным, однако Чан Деррон был не из тех, у кого вызывали депрессию подробности его миссии. Тайна, окружающая это поручение, действовала на его достаточно возбуждающе, а слабый намек на опасность был для него словно тоник.

Возвращаясь на "Корсар" — стройный геодезический крейсер, первый корабль под его командованием, чем он чрезвычайно гордился,— он насвистывал песенку. Он еще никогда не был на Новой Луне. Однако он часто видел этот искусственный спутник, плывущий по небу Земли. И вскоре, несомненно, после того, как он выполнит поручение командора Калама, он получит — от этой мысли у него даже сердце подпрыгнуло — заслуженный отпуск, который проведет на веселой Новой Луне.

Шагая в направлении огромного космопорта, на котором в отдалении от других кораблей высился стройный шпиль "Корсара", он напевал, чтобы скоротать время, популярную песенку, сочиненную давным давно какими-то сентиментальными людьми:

Когда мы впервые танцевали
На яркой Новой Луне,
Когда мы влюбились
На далекой Новой Луне,
Я потерял миллион долларов,
Но я нашел тебя, дорогая.

Он взошел на борт стройного серебристого "Корсара". Он ожидал, что эта странная задача направит его на какую-нибудь удаленную планету. Однако, когда он достиг скорости в две тысячи миль по направлению к Новой Луне и вскрыл конверт, оказалось, что надо возвращаться на Землю, на пустынный островок в хмуром Атлантическом океане.

"Корсар" спускался среди кричащих птиц. Чан выбрал ровный участок на самом высоком гранитном уступе в ста футах над серым неугомонным морем. Двадцать рабочих спустились по трапу. Гудящие атомные буры вгрызлись в обнаженную породу. Шурф заполнила паутина строительного материала. Расплавленные каменные осколки превратились в массивные стены и крышу из непроницаемого пердьюрита.

На следующий день крейсер отбыл при первых же лучах рассвета. Оставшись в одиночестве среди усаживающихся птиц, которые вскоре покрыли собой даже потайной люк, Чан Деррон дрожал от чего-то, более холодного, чем пронизывающий южный ветер.

Под черным утесом, за зелено-белым хаосом, который бушевал у его основания, лежало пустое и безграничное полярное море. Низкое желтое солнце висело в сером северном небе и блестело на снежных покровах немногочисленных айсбергов. Ему казалось, что он — единственный человек на всей планете. И вдруг в нем родился смутный страх — опасение, что предосторожностей Джея Калама в отношении таинственного шпиона было недостаточно.

Он еще раз тщательно проверил протонный бластер. Усовершенствованный со времени войны с кометчиками и заменивший более маломощные протонные пистолеты, которые служили так долго, он

посылал разрушительные пучки ядерных разрядов быстрее и дальше, чем любой стационарный излучатель старых моделей. Кобура для более точной стрельбы становилась прикладом. Для ближнего боя присоединялся складной штык.

Чан пытался успокоиться, возясь с этим безмолвным механизмом, с его хромированной прелестью и идеальной балансировкой. Однако непрекращающийся вой пронизывающего ветра, пустая враждебность холодного неба и покрытого редкими айсбергами моря будили в его сердце тревогу.

Он вскрикнул от облегчения, когда "Беллатрикс", длинный и яркий флагман Адмирала-Генерала Хала Самду, прорвался сквозь облака кричащих птиц. По трапу спустились два человека и вынесли тяжелый деревянный ящик. "Беллатрикс" взмыл вверх и через несколько секунд исчез.

Чан Деррон никогда не видел прежде доктора Элероида, но он узнал ученого, чей портрет имелся в учебниках по геодезии. Элероид был высоким, несколько неуклюжим, медлительным человеком с красным нервным лицом гения. Но что до глаз — они были бы, скорее, к лицу булочнику или бармену. Однако эти глаза, широко посаженные и глядящие сквозь толстые стекла очков, обладали магнетической силой гения.

Элероид по-прежнему боялся. Это было очевидно из того, как он встревоженно озирался на острове, из того, как он вздрогнул, когда помощник в белом облачении дотронулся до него, из облегчения, проявившегося на широком лице, когда Чан подошел к нему.

— Рад вас видеть, капитан.— Голос оказался густым, но шепелявым.— Где склеп? Мы должны спешить!

Чан указал на дверь, замаскированную под каменную плиту, и вернулся, чтобы помочь маленькому, тяжело дышащему помощнику с ящиком. Доктор Элероид очень встревоженно посмотрел на них и затем помог им спустить ящик по узкой лестнице. Чан заметил на руках ассистента красную сыпь. Внезапно тот начал чихать и закрыл лицо носовым платком. Макс Элероид властно указал на лестницу.

— Вы останетесь на страже, капитан.— Голос его дрожал от напряжения.— Мы запрем помещение. Я позову вас, когда все будет закончено.— Затем он коснулся руки Чана Деррона.— Несите караул бдительно, капитан,— взмолился он,— потому что на карту, возможно, поставлена безопасность самой Системы.

Массивная дверь захлопнулась. Чан отодвинулся, и птицы уселись снова. Море, скалы и небо были пустынны, как и прежде. Южный ветер пронизывал до костей, северное солнце грело слабо. Он дрожал, шагая взад-вперед.

Он пытался уверить себя, что мрачные предчувствия не имеют под собой оснований, и тут что-то коснулось его. Вначале он подумал, что его задела крылом птица. Затем почувствовал странную легкость на

поясе, и его натренированная рука быстро метнулась к кобуре. Бластер исчез! Он изумленно озирался. Скалы, море и небо по-прежнему были зловеще пусты. Где оружие? Он не мог найти ответа. Птицы кричали, словно издеваясь над ним. Это означало опасность — враждебное действие неизвестного агента. Но как ему это удалось? Сторожевой флот Самду, должно быть, где-то неподалеку в этом сером небе. Он может связаться с Адмиралом-Генералом...

Однако из маленького черного диска коммуникатора, висевшего на шее, уже доносился гудок вызова. Он нашел кнопку приема и прижал прибор к уху.

— На помощь! — Это был Макс Элероид.— Этот человек... он не...

Послышался странный шум, и затем коммуникатор замолк.

АДЕКВАТНАЯ УЛИКА

То же самое тревожное сообщение было получено флотом. Когда "Беллатрикс" приземлился менее чем час спустя, Чан Деррон был найден бесцельно бродящим среди скал.

— Мой бластер исчез! — прохрипел он, обращаясь к Адмиралу-Генералу.— Если бы он не пропал, я смог бы прорезать себе путь и прийти на помощь!

— Где ваше подземелье? — спросил старый бывалый космонавт. Его громадное некрасивое лицо было пепельно-серым, а встревоженные движения больших, покрытых шрамами рук уже растормошили уставшую прическу белых волос.— Мы посмотрим.

Чан показал на едва видимый шов.

— Заперто.— Голос его дрожал — это было следствием того страшного часа, который он провел в ожидании.— Элероид запер дверь изнутри. Придется резать пердьюрит.

— Если удастся...— Хал Самду стиснул покрытые шрамами кулаки, мучительно размышляя, какое принять решение.— Если бы только здесь был старый Жиль Хабибула! Это был для нас просто подарок во все, что касалось замков. Но сейчас он на Фобосе, отделен от нас Солнцем и он сидит за столом Джона Стара и пьет вволю.— Он покачал головой.— Я даже не знаю точно, что он делает.

— Мы не можем ждать, сэр,— поторопил его Чан Деррон.— Я боюсь даже подумать о том, что могло случиться в этом помещении. У вас на корабле есть оборудование, которое могло бы вскрыть этот подвал?

Голос его утонул в спазме отчаяния...

Огромный легионер наклонился и ухватился за выступающий угол плиты, который служил замаскированной ручкой двери, уперся каблуками в камень, словно намереваясь взломать ее силой одних лишь мускулов, и потянул на себя. И дверь легко открылась.

Хал Самду выпрямился и мрачно посмотрел на Чана.

— Заперто, говорите?

Чан Деррон изумленно попятился, и черный ветер ужаса холодком тронул его сердце.

— Она была заперта! — прохрипел он.— Я проверял!

Однако в синих глазах Адмирала-Генерала уже поселилось сомнение. Большая ладонь осторожно опустилась на рукоять протонной иглы, и он указал на безоружного Чана.

— Взять его! — скомандовал он своим людям.— Я посмотрю, что там внутри.— Хал Самду и его офицеры спустились в маленькую квадратную комнату. Там все еще горели лампы дневного света. Они обнаружили доктора Элероида и человека в белом. Оба были неподвижны, и лицо помощника уже покрылось смертельной белизной.

Пол из нового пердьюритового покрытия был залит лужами и ручьями крови. Оба были заколоты. И оружие, которое все еще торчало из спины доктора Макса Элероида, было служебным бластером нового образца, с примкнутым штыком и кобурой-прикладом. Больше ничего в этой пустой, ярко освещенной комнате не было. Длинный деревянный ящик вместе с содержимым исчез.

Шатаясь и хватая ртом воздух, словно он тоже получил удар штыком, Хал Самду вскарабкался по лестнице, держа в огромной трясущейся руке бластер с примкнутым штыком, на острие которого все еще дрожала красная капля. Он поднес его к лицу ошарашенного капитана.

— Капитан, вы узнаете это оружие?

Чан внимательно осмотрел его.

— Да.— Он с трудом глотнул.— Я узнаю его по серийному номеру и по инициалам на рукоятке. Он мой.

Хам Самду издал потрясенный яростный звук.

— В таком случае, Деррон,— прохрипел он, когда вновь смог говорить,— вы арестованы. Вы обвиняетесь в неповиновении, пренебрежении обязанностями, предательстве по отношению к Зеленому Холлу и убийстве доктора Макса Элероида и его ассистента Джонаса Твейна. Вы будете содержаться в наручниках без права освобождения под залог или поручительство, вплодь до суда военного трибунала в составе офицеров командования Легиона. Да поможет вам господь, Деррон.

Чан качался, парализованный. В ушах у него ревел далекий ветер. Его окружали черные скалы, сияющий крейсер и грозные люди в зеленом, все туманное и расплывающееся. Он шатался, держась за ускользающее сознание.

— Но это сделал не я...— прохрипел он.— Говорю вам, сэр, что не...

Однако ледяные металлические челюсти уже сомкнулись на его запястьях, и гулкий безжалостный голос Хала Самду проревел:

— А теперь, Деррон, что вы сделали с изобретением Элероида?

Что он сделал с изобретением Элероида? ЧТО ОН СДЕЛАЛ С ИЗОБРЕТЕНИЕМ ЭЛЕРОИДА?.. ЧТО ОН СДЕЛАЛ...

Чан Деррон услышал этот вопрос миллион раз. Он был адресован ему шепотом, ревом, визгом. Он ел его с пищей заключенного, он вдыхал его с влажным тюремным воздухом. Он вбивался в него жесткими людскими кулаками и жег мозг лезвиями жестоких лазерных лучей.

Ему приказывали ответить на этот вопрос, умоляли, его подлавливали, накачивали наркотиками, взывали к разуму, пытали голодом, обещали свободу и богатство, подвергали исследованиям врачей и психиатров, обещали любые блага — и опять угрожали.

Конечно, он не мог ответить.

Только поэтому его оставили в живых, хотя и приговорили к пожизненному заключению.

Суд трибунала состоялся, когда закончилась последняя следственная пытка. Его обвиняли в двойном убийстве и измене. Однако командор Калам в этот день, когда он высадился с огромной экспедицией на зеленой комете, распорядился смягчить наказание, заменив пожизненное заключение на тяжелую работу в тюрьме Легиона на Эброне.

Чан узнал эту новость в тюрьме, и она вызвала у него приступ болезненного отчаяния. Он понял, что теперь ему не позволят умереть, точно так же, как и жить, пока на этот проклятый вопрос не будет найден ответ. А огромная мрачная тюрьма на астероиде, как он и предвидел, не позволит ему бежать от разгневанных и страшных приказывающих голосов.

Личность — даже личность, обвинения в преступлении,— имеет гарантию безопасности со стороны Зеленого Холла. И традиции Легиона против жестоких и необычных методов. Безопасность человечества, однако, перевешивала букву закона, и Легион существовал именно для того, чтобы охранять эту безопасность.

Трибунал счел убедительной улику, доказывающую, что Чан Деррон убил Макса Элероида и его помощника и потом, не сумев бежать с новым устройством, каким-то образом избавился от него. Дело выглядело до абсурдного простым. Вопрос был лишь один. Вся организация Легиона неустанно пыталась добиться ответа от Чана, выжать его, как сок из винограда. Но Легион не добился успеха, всего лишь потому, что он не располагал ответом.

Чан прожил два года в тюрьме на Броне. Потом он бежал.

Еще два года Легион охотился за ним.

ЗНАК ВАСИЛИСКА

— Нет.— Джей Калам оторвал усталый взгляд от документов, разложенных перед ним на длинном столе в башне Зеленого Холла.— Скажи Гаспару Ханнасу, что я не могу с ним поговорить.— Голос его был вялым от утомления.— Сегодня вечером — не могу.

Он просто смертельно устал. Командуя огромной исследовательской экспедицией, занятой изучением наук и искусств полузавоеванной кометы, он провел три небывалых, изнурительных года среди этого множества изумительных миров за зеленым барьером.

Спустя несколько месяцев на постоянной базе экспедиции на станции Контр-Сатурн он направил первый предварительный анализ и классификацию результатов экспедиции — записи о сотнях невиданных открытий, совершенных на этих древних плененных мирах.

Затем иные, более безотлагательные задачи заставили его вернуться на Землю. Несколько встревоженных деятелей Зеленого Холла развязали кампанию с целью уничтожения удаляющейся кометы посредством АККА. Командор, взамен за полное сотрудничество освобожденных обитателей кометы, пообещавший им беспрепятственный уход, оставил юного Роберта Стара руководить наполовину засекреченной, тяжело укрепленной базой и вернулся в Зеленый Холл бороться за жизнь кометы.

Наконец, он одержал победу. Новые кометчики ушли за пределы наблюдения самых огромных телескопов, дав клятву, что никогда не возвратятся. И Джей Калам чувствовал слабость и вялость от изнурения. Осталось еще несколько докладов — секретных документов, касающихся смертоносного, аннигилирующего материю оружия кометчиков, и он должен направиться в резиденцию Джона Стара на Фобосе на отдых.

— Но, командор...— Огорченный настойчивый голос деловито гудел в переговорном устройстве.— Гаспар Ханнас — владелец Новой луны. И он говорит, что это безотлагательно...

Вытянутое лицо командора стало жестким.

— Я переговорю с ним, когда вернусь из Пурпурного Холла,— сказал он.— Мы уже отправили Адмирала-Генерала Самду с десятью крейсерами, чтобы он помог Хансу поймать вора.

— Однако это им не удалось, сэр,— запротестовал адъютант.— В срочном докладе Адмирала-Генерала Самду сообщается...

— Самду командует этим,— голос Джея Калама был хриплым от усталости,— он не должен докладывать.— Он вздохнул и пригладил пальцами белую прядку, которую вывез с кометы.— Если вор —

действительно Чан Деррон,— пробормотал он,— им это снова может не удасться.

Безвольно откинувшись в кресле за столом, заваленным бумагами, он позволил усталым глазам смотреть в окно. Там было темно. За пятью низкими конусами потухших вулканов на черном горизонте на фоне тающего зеленоватого заката поднималась Новая Луна.

Не тот древний спутник, чье исковерканное лицо смотрело на Землю с момента зарождения жизни, а тот, что был сооружен взамен предыдущего своим секретным унаследованным оружием вместе с форпостом пришельцев медузиан.

Новая Луна действительно была новой — сверкающее творение современной науки и огромных средств, горделивый триумф инженерии тридцатого столетия. Центром ее была огромная гексагональная структура, сваренная из металла, десяти миль в ширину и восьмидесяти кубических миль в объеме.

Гораздо ближе к Земле, чем прежняя Луна, новый спутник имел период обращения всего лишь шесть часов. С Земли его движение казалось более быстрым и тем более замечательным, что происходило по той же орбите, что и прежде. Она поднималась на западе, двигалась против перемещения звезд и опускалась там, где прежде поднималась Луна.

Новую Луну замышляли построить замечательной. Вращающаяся паутина стальных нитей, натянутых центробежной силой, простиралась на тысячу миль от нее. Они удерживали сложную систему вращающихся зеркал из натриевой фольги и скользящих цветных фильтров из целлулита. Отражаемый солнечный свет применялся для освещения величайшей из существовавших когда-либо реклам.

Тонкая рука командора устало потянулась к толстой папке страниц с зеленым шифром, озаглавленных: "ДОКЛАДЫ КОМЕТАРНОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, ДЖ. КАЛАМ, ДИРЕКТОР. ДОКЛАД CXLVIII: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ МЕТОДОВ И ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ НЕОБРАТИМОЙ РЕДУКЦИИ МАТЕРИИ В НЕЙТРОННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ".

Но поднимающаяся надпись, как и было предназначено, притягивала его взгляд. Это был круг алых звезд, лежащих на зеленоватом диске. Звезды быстро вращались, появлялись и исчезали, неожиданно меняя цвет на бледно-желтый. Синевато-оранжевые буквы сливались в текст:

"Устали, мистер? Скучно, сестрица? Тогда пойдем со мной!" Диск превратился в оконтуренную красным живую картинку стройной девушки в белом, идущей по проходу салона лайнера на Новую Луну. Она повернулась, и веселая приглашающая улыбка сменилась огненными словами: "Летите на Новую Луну и скажите только, что вам нужно. У Гаспара Ханнаса есть для вас все".

— Все,— улыбнулся Джей Калам мрачно.— Даже лучшие в Системе преступники.

"Обретите здоровье в нашем санатории! Сыграйте в наши спортивные игры при нулевой тяжести! Отдохните в наших клубах и театрах! Побывайте в наших музеях и обсерваториях! Неожиданности и красота — везде! Вам может улыбнуться фортуна в наших игровых салонах! Даже избавление, если вы жаждете его, можно найти в нашей Клинике Эфтаназии!"

— Но то же самое,— прошептал Джей Калам,— я могу найти в спокойной обстановке в доме Джона Стара на Фобосе.

Командор вдруг напрягся за своим столом.

Потому что огромная надпись — начатое чьей-то рукой очередное приглашение — неожиданно замерцала. И погасла. Миг она отсутствовала. Затем появились красные чудовищные буквы, слившиеся в его собственное имя!

"КАЛАМ!" Вновь тьма. Затем огненные алые символы:

"Г-39". Затем взрыв красно-белой пиротехники стер эту надпись. Одна голубая искра превратилась в огромную голубую звезду. Звезда опять стала Лунной Девушкой. Она смеялась, она снова приглашала.

Однако Джей Калам больше не смотрел на рекламу. Ибо Г-39 было его собственным кодом для вызова в чрезвычайно важных случаях. По руке поползли мурашки холодного предчувствия, когда он касался диска коммуникатора.

— Хорошо, Ландо,— сказал он адъютанту.— Дай мне Ханнаса по видеоволновой связи.

Создатель и хозяин роскошнейшего, великолепнейшего из всех курортов, Гаспар Ханнас появился на сцене неведомо откуда. Слухи о его прошлом — что он был космическим пиратом, торговцем наркотиками, агентом-андроидом, нечестным игроком, боссом гангстеров и рэкетиром — были многочисленны и порой противоречивы.

Первоначально Новая Луна была устарелым космическим лайнером, выведенным на орбиту Земли двадцать лет назад. Синдикат Новой Луны, владевший чартером на судно, во время суматохи, последовавшей после начала Первой Межзвездной войны, получил для этого корабля статус полунезависимой планеты, что позволило превратить его в убежище от наиболее строгих законов Земли и остальных планет Системы. Гаспар Ханнас, глава синдиката, не поддавался разгневанным реформаторам и уверенно процветал.

Диковинный искусственный спутник, впервые открытый для публики десятилетие назад, заменил целый флот роскошных лайнеров, курсировавших прежде вокруг Земли. Финансовые дела синдиката были малопонятны — Ханнаса называли, помимо прочих имен, бесчувственным коммерческим спрутом,— но новый курорт был явно выгодным предприятием, эффектно управляемым Ханнасом и его специальной полицией.

Его враги — недостатка в них не было — предпочитали называть этого человека пауком. И, действительно, его реклама в небе напоминала паучью сеть. Действительно, в нее попадали миллионы и оставляли там свое состояние — или даже, если они принимали мертвенно-черный жетон, который выдавали крупье по первой просьбе любого игрока, и жизнь.

Самому Ханнасу, должно быть, было около шестидесяти. Однако, когда он сидел, огромный и неспокойный, за странным круглым столом в своем офисе, глядя на мотающуюся ленту с записью выигрышей в залах, потягивая темное марсианское пиво, от которого никогда не хмелел, ни один сторонний наблюдатель не мог угадать его возраста за коростой, оставленной годами, или угадать что-либо в движении его лица.

Ибо лицо Гаспара Ханнаса, говорили люди, менялось с его удачей. Они говорили, что его старое лицо слишком хорошо отражало его подлинную сущность. Оно было покрыто шрамами слишком многих битв. И, как шептали люди, на нем был отпечаток слишком многих наград. Нынче лицо Гаспара Ханнаса, словно плоть его огромных безобразных рук, было белым как смерть — даже более, как мог установить внимательный наблюдатель, чем крошечные шрамы, оставленные хирургами. Бледность эта была непонятна. Единственное, проглядывающееся выражение — улыбка, которая делала эту белую поверхность похожей на лицо чудовищно выросшего ребенка-идиота.

Глаза его, посаженные далеко друг от друга и глубоко погруженные в белый лысый череп, были острыми и черными как ночь. За этой идиотской улыбкой они хранили непонятную проницательность. Однако их темная пристальная неподвижность никогда не открывала того, что происходило в мозгу Гаспара Ханнаса.

Такое лицо, признавали люди, было чрезвычайно подходящим для человека с подобным родом занятий. Вот почему Джей Калам ждал, глядя в сияющий овал видеоволнового аппарата (одно из первых полезных приобретений Земли с завоеванной кометы, этот аппарат использовал мгновенные ахронные силовые поля, которыми прекрасная беженка, Кай Нимиди, пользовалась, чтобы спастись с кометы).

Пластина замерцала, и Джей Калам увидел огромные ровные черты хозяина Новой Луны. Но теперь даже бесчувственная улыбка не могла скрыть пожирающей его тревоги. Белизна превратилась в призрачную бледность.

Он хрипло дышал, и все его огромное тело трепетало.

— Командор... командор...— Сильный голос был сухим и переполненным ужасом.— Вы должны мне помочь!

— Что вы хотите, Ханнас? — бесстрастно спросил Джей Калам.— И почему вы сочли возможным воспользоваться моим чрезвычайным ко-

дом для вызова — когда у вас уже есть флот Легиона, охраняющий ваши владения?

Гаспар Ханнас по-прежнему улыбался глупой улыбкой младенца, однако его ровный белый лоб был покрыт крупными каплями пота.

— Но Адмирал-Генерал дал добро,— прохрипел он.— Он согласился, что ситуация чрезвычайная. Он сейчас здесь, у меня, командор.

— В чем же дело?

— Этот человек... этот монстр... который называет себя Василиском! — Голос звучал хрипло и дико.— Он разрушает меня, командор! Разрушает Новую Луну! Одно время знает, когда он остановится!

— Что он сделал?

— Минувшей ночью он забрал еще одного патрона. Это был человек, получивший крупнейший выигрыш в баккара, плантатор с астероидов Гловио Филд. Моя полиция сопровождала его вместе с выигрышем к его яхте. Они доставили его туда в целости и сохранности. Однако его выкрали из задраенного шлюза, командор, вместе со всем его выигрышем.

Джей Калам пригладил белую прядку.

— Еще одно ограбление игрока? — Его усталые глаза прищурились.— Такое на Новой Луне случается часто, но зачем же вам, Ханнас, потребовалось вызывать Легион?

Напряженность и тревога сделали белую глупую улыбку жестокой.

— Ограбление — это еще не все, командор. Гловио Филд мертв. Его тело только что найдено в морге возле крематория, в Клинике Эфтаназии. И в одной руке он сжимал маленькую глиняную змейку из тех, которыми Василиск отмечает свои преступления.

— Что его убило?

— Его удушили! — громыхнул Гаспар Ханнас.— Зеленым шелковым шарфом.— В этих глубоких черных глазах за бессмысленной маской Джей Калам видел мерцание жуткого света. Света обвинения или торжества — непонятно. Он с золотой каймой, командор,— произнес Ханнас гулко,— и с крылышками Легиона Пространства.

Вытянутое лицо Джея Калама напряглось.

— Если в этом преступлении виновен человек из Легиона, он будет наказан,— сказал он.— Однако я по-прежнему не вижу, зачем меня понадобилось так срочно вызывать. В чем дело, вам что, собственной полиции недостаточно? У вас девять тысяч самых крепких в Системе людей. Заставьте их вести расследование.

В черных глазах появилось тоскливое выражение.

— Командор, вы не поняли. Это... это бесполезно! Воздушный шлюз был задраен. Морг был заперт и остался заперт. Никто ничего не понимает. Никто...

— Я советую,— сказал Джей Калам,— чтобы вы проверили собственных людей. Вы сказали, что Адмирал-Генерал Самду с вами?

Гладкое белое лицо заменило грубое некрасивое красное, но столь же огромное. Черты Самду под снежно-белыми волосами были жестки и искажены непониманием и изумлением.

Командор *приветливо улыбнулся.*

— Ну что ж, Хал, в чем дело?

Исковерканное красное лицо исказилось, голубые глаза потемнели словно от боли.

— Я не знаю, что и сказать, Джей.— Голос звучал тревожно.— Тут комар носа не подточит.— Его пальцы сжались в огромные кулаки.— Однако это очень важно, Джей! Я знаю это! Я чувствую! Это начало чего-то ужасного. Это может обернуться так же худо, как и с кометчиками!

Джей Калам покачал усталой темной головой.

— Я не вижу ничего столь мрачного.

Хал Самду подался вперед и стукнул по экрану бессильными кулаками.

— Ну что же, Джей,— громыхнул он,— может быть, ты прислушаешься вот к чему.— Голос его понизился, в нем было бессознательное опасение.— Я, как тебе известно, занимался делом Деррона с того времени, как мы вернулись с кометы. Да, я его не схватил, этого человека просто не оказалось там. Но я нашел следы И...

Голос его еще больше понизился.

— Командор, у меня есть улики, что Василиск — это Чан Деррон.

— Весьма возможно,— кивнул Джей Калам.

— Не было никакого Василиска, пока Чан Деррон не покинул место заключения,— подтвердил Хал Самду.— И вскоре после этого он появился. Он начал с мелочей. Экспериментировал. Проверял свою силу — то оружие, ради которого он убил Макса Элероида! Одно время знает, как ему удалось спрятать оружие среди тех скал, где мы прочесали каждый квадратный дюйм,— если только он не воспользовался геопеллером. Однако теперь у него есть эта неведомая и грозная вещь.

Огромные ладони сцепились вместе, побелев от боли.

— И он с нею становится все более уверенным. Наглеет! Каждое дело, которое он затевает, рискованнее предыдущего. Говорю тебе, Джей, что человек, который ограбил и убил Гловио Филда, способен на все, НА ВСЕ!

Голос Хала Самду опять понизился. Он ломался и содрогался от тревоги.

— Мне не хотелось бы говорить об этом, Джей, по волновой связи. Но если этот человек, Василиск, или Деррон, способен на такое, что он сделал минувшей ночью, то она не в безопасности! Или... оно!

Джей Калам напрягся. Он не мог не понять, что означали эти "она" и "оно". Он и великан, и Хиль Хабибула слишком долго были стражниками Ладори Антар и бесценной тайны, которую она берегла:

загадочного оружия под символом АККА, само существование которого было щитом для человечества.

Если Хранитель Мира в опасности...

— Хорошо, Хал,— сказал он.— Я отправляюсь на Новую Луну...

— И еще одно, Джей...— Грубое лицо было напряженым и встревоженным.— Возьми с собой Жиля Хабибулу.

— Но он на Фобосе,— возразил командор,— и Марс сейчас в ста градусах от меня. Мне понадобится полдня, чтобы до него добраться. И я не вижу...

— Вызови Джона Стара,— взмолился огромный легионер,— и пусть он пошлет Жиля к тебе навстречу. Трезвого или пьяного. Потому что нам Жиль понадобится прежде, чем что-то случится. Я знаю, что он состарился и потолстел. Однако у него есть дар — талант, который нам нужен...

— Хорошо, Хал,— кивнул Джей Калам.— Я доставлю Жиля Хабибулу.

— Спасибо, командор.— Это был мощный хриплый голос Гаспара Ханнаса. Теперь на видеоволновом экране возле непричесанной головы Хала Самду появилось огромное, идиотски улыбающееся лицо Ханнаса.— И торопитесь, ради бога!

Джей Калам послал вызов на Фобос по ультракоротковолновой связи — более быстродействующее видеоволновое оборудование, находящееся пока что в стадии эксперимента, там еще не было установлено. Он приказал "Непреклонному" — мощному кораблю, однотипному с погибшим "Непобедимым",— быть готовым к отправлению. Он уже поднялся и выходил из офиса, когда увидел маленькую глиняную змейку.

Она лежала на толстой зеленой папке рапорта, над которым он работал несколько минут назад. А под змейкой находился квадрат плотной ярко-красной бумаги.

— Ха! — У него перехватило дыхание.— Как это сюда попало?

Он быстро осмотрел комнату. Массивная дверь была закрыта, адъютант сидел, как ни в чем не бывало, за витрилитовой панелью и бдительно нес службу. Окна были закрыты, вентиляционные решетки — невредимы...

— Не может быть...

Определенно, он не слышал движения, звука шагов. Кометчики обладали невидимостью, однако даже невидимке необходимо открыть окно или дверь. В смятении, чувствуя холодное касание страха, он потряс головой и поднял змейку...

Она была достаточно грубой. Наспех слепленная статуэтка, обожженная дочерна. Она лежала двойным кольцом, положив голову на хвост так, что образовывала букву В.

Откуда она появилась?

Затем его тонкие, слегка дрожащие руки распечатали плотный красный конверт. На верху листа был другой отпечаток змеи в форме буквы В. Под нею аккуратный текст, словно нанесенный рукой гравера. Чернила были достаточно свежими, чтобы пачкать пальцы.

"Мой дорогой Калам!

Посольку вы собираетесь на Новую Луну, не будете ли вы так любезны передать Гаспару Ханнасу от меня послание? Прошу сказать ему, что ничто, даже защита Легиона Пространства, не спасет его самых удачливых патронов от судьбы Гловио Филда.

Василиск."

ИСТОЧНИК ЗЛА

Как ни странно, солнечная система плоска. Два измерения плоскости эклиптики загромождены мирами и их спутниками, различными обломками метеоров и кометами. Но третье измерение пустует.

Внешний межпланетный транспорт, в соответствии с древними законами космического движения, идет по дуге к северу плоскости эклиптики, затем несколько к югу, чтобы избежать обломков Системы и встречных столкновений. За пределами области этих установленных рейсов нельзя встретить ничего.

Однако на этот раз крошечный корабль двигался прочь от солнца, параллельно эклиптике и в двухстах миллионах миль за пределами области космических рейсов. Его корпус был покрыт крошечными фотоэлектронными ячейками, способными впитывать любую случайную радиацию, что делало корабль, когда они были задействованы, совершенно невидимым в пространстве.

Менее тридцати футов в длину, имея вес в какие-то несколько тонн, что делало его незаметным для детектора массы на крейсере Легиона в пределах десяти миллионов миль, корабль обладал скоростью, позволяющей ему уйти от самого быстрого из кораблей Легиона.

Его геодины были нового типа, разработанные Максом Элероидом. Гораздо более мощные, чем прежние, они были так точно подогнаны и сбалансированы, что корабль мог приземляться на планету или даже маневрировать с их помощью при угрозе столкновения, не пользуясь вспомогательными дюзами.

"Атом-Фантом" был предназначен для экипажа из четырех человек. Но сейчас на борту был только один, и он мрачно смотрел на собственный портрет, прикрепленный рядом с другим на металлической выпуклости напротив витрилитового обзорного окна пилота.

"СТО ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ НАГРАДЫ!"

Это был заголовок, набранный округлыми малиновыми буквами, помещенный над цветным изображением. Под ним помещался более мелкий текст:

"Эта сумма будет выплачена Легионом Пространства за помощь и информацию, которые дадут возможность арестовать или уничтожить Чана Деррона, беглого преступника, известного также под кличкой "Василиск".

Приметы: рост — шесть футов три дюйма. Земной вес — двести десять. Волосы бронзового цвета. Сложение мощное, сильный космический загар. Глаза серые. Небольшие шрамы на лице, шее, спине, поскольку он подвергался особым формам допроса.

Этот человек силен физически, образован и безрассудно смел. Бывший капитан Легиона, он был обвинен в убийстве и измене. Два года назад он бежал из тюрьмы Легиона на Эброне. Его следы были найдены на нескольких планетах.

Власти всех планет предупреждены, что Деррон опасен. Он прошел подготовку в Академии Легиона. Предполагается, что он вооружен таинственным и очень опасным оружием. Рекомендуется обезвредить его, прежде чем приступить к задержанию.

Джей Калам,
командир Легиона Пространства."

За четыре года человек и портрет приобрели много отличий. Портрет, сделанный после ареста, выглядел достаточно тусклым и мрачным. Однако за эти горькие четыре года Чан Деррон стал крепче, выше и сильнее. Прежняя откровенная ребячливая простота покинула загорелое лицо, и на ее месте появилось что-то свирепое.

Он повернулся от своего портрета к другому, помещенному рядом. Огромная коричневая рука отдала честь, и короткая сардоническая ухмылка появилась на лице с квадратной челюстью.

— Что, Леруа, теперь мы товарищи? — пробормотал он.— Вместе против Легиона?

Второе объявление он взял там же, где нашел свой портрет,— в старом, с глиняными стенами, Икархеньюме на Марсе. Оба объявления были помещены друг подле друга на верхней части доски — они предлагали две самые крупные награды. И он был поражен изысканной, поразительной красотой этого лица.

Женское лицо — красота уже за пределами совершенства. Под темными, с рыжим отливом волосами черты правильные и белые. Глаза —

чистый изумруд, широко поставленные, со слабым намеком на косоглазие. Рот, красный, полногубый, улыбался со скрытой иронией.

И текст под портретом гласил:

"Зеленый Холл, Легион Пространства и различные планетарные правительства обещают награду в двести пятьдесят тысяч долларов за существо по имени Леруа, изображенное выше, живое или мертвое.

Это не человеческое существо, а женщина — андроид.

История появления андроидов не очень хорошо известна. Однако в течение многих лет в своей лаборатории, укрытой на удаленном планетоиде, одаренный преступный биолог Эльдо Арруни занимался производством этих незаконных существ. Он руководил организацией преступников и сколотил огромное состояние на контрабандной торговле этими опасными существами, сбывая их богатым покупателям по всей Системе.

Стивен Орко, мужской андроид, чьи беспринципность и коварство едва не привели к уничтожению Системы во время войны с кометчиками, типичный из этих безнравственных существ: совершенный телом, непревзойденный интеллектом, но абсолютно бесчеловечный.

Леруа была последним созданием Эльдо Арруни, и считается, что она — последний из существующих андроидов. Ученый отказался продать ее. Он держал ее при себе до самого нападения кометчиков. Однако она бежала, когда все остальные на планетоиде были убиты. С тех пор она — одаренная и безжалостная руководительница остатков этой межпланетной банды.

Кроме этого портрета, обнаруженного в документах на планетоиде, других описаний андроида Леруа нет.

Власти предупреждены, что это безжалостное существо обладает феноменальным мозгом, совершенно свободно от всех человеческих нравственных норм и что ее красота — наиболее смертоносное ее оружие. Она полностью обучена многим научным дисциплинам, физически более сильна и быстра, чем большинство мужчин, и прекрасно владеет большинством видов оружия.

Рекомендуется уничтожить ее по опознанию.

Джей Калам,
Командир Легиона Пространства."

— Четверть миллиона, милочка! — прошептал Чан Деррон.— И, я думаю, ты их стоишь.— На немном лице снова появилась жестокая ухмылка.— Надеюсь, они знают сейчас о твоем местонахождении не больше, чем о моем.

Он послал улыбающемуся портрету воздушный поцелуй большой коричневой рукой и вновь склонился над покрытой колпаком пластиной курсопрокладчика. Мили микрофильмов, крохотные винтики, гаечки и шестеренки, немыслимых форм призмы и линзы давали полную стереоскопическую картину Системы в любой момент

из тысячи лет. Интеграторы могли быстро рассчитать скорейший, безопаснейший и экономически выгоднейший маршрут из одной точки в любую другую.

Он нашел крошечную светлую искорку Оберона, внешнего спутника затянутого зеленым облаком Урана. Большие руки проворно двигались по дискам, ловя искорку в тройное перекрестье на смотровом экране. Он считал местоположение с индикаторов и набрал его на клавиатуре. А потом, пока гудящий механизм анализировал и опять интегрировал многие гармоничные факторы, вовлеченные в движение "Атома-Фантома" через биллионы миль пространства к безопасной посадке на холодном и безжизненном спутнике, сияющие бронзой глаза снова обратились к портрету на стенке.

— Ну что же, Леруа,— произнес он медленно.— Я полагаю, нам надо попращаться.— Он грустно покачал рукой, прощаясь с белой и ироничной красотой.— Видишь ли, из нас могла бы получиться отличная парочка, будь у меня то, ради чего за мной гоняется Легион.

Бронзовая голова качалась, коричневое лицо было задумчивым.

— Но у меня этого нет, миледи. Я не безрассудный пират космоса — если в этом не возникает необходимости. Я — всего лишь обычный солдат Легиона, которому невероятно, немыслимо не везет. И у меня нет "таинственного и очень опасного оружия".

Голова его чуть приподнялась. Голос смягчился, стал проникновенным.

— Однако у меня есть один секрет, Леруа.

Вновь улыбнувшись, он показал на ряд цифр на странице журнала возле пластины под колпаком.

— Это не секретное оружие,— прошептал он.— И ничего похожего на тайну твоей жизни, Леруа. Но этого достаточно, чтобы дать мне новую надежду.— Большая голова резко поднялась, и в этом движении была горделивость.— Это означает еще один шанс.

Некоторое время он молча глядел на улыбающийся портрет зеленоглазой красавицы Леруа, смотревшей в ответ, как ему показалось, чуть ли не с ироничным сочувствием.

— Дело было так, моя дорогая,— сказал он.— В последний раз, когда за мной гнался Хал Самду, я оторвался на сто миллионов миль от его флота, забираясь к северу. Я ушел далеко за пределы видимости. Я осуществлял хитрый маневр, пытаясь выяснить, сидит ли у меня на хвосте старик Хал Самду, когда кое-что обнаружил.

Он погрозил ей пальцем.

— Не спрашивай, что именно, Леруа. Это слишком далеко, какое бы там ни было альбедо, чтобы можно увидеть в лучший телескоп. Однако масса объекта порядка двадцати миллионов тонн, а расстояние до него приблизительно десять миллиардов миль, как я установил методом триангуляции.

Неважно, что это. Глыба камня или обломок, прилетевший из созвездия Андромеды. Я направляюсь туда. Еще одна посадка для начала, на какой-нибудь удаленной станции, чтобы запастись едой и катодными платами. А после этого я отчалю. Я узнаю, что там. Я проведу кое-какие исследования, как и задумал. И... ну что ж, прощай.

Вдруг легкомысленное настроение Чана Деррона стало исчезать. В голосе появилась хрипотца.

— Подожди,— прошептал он медленно.— С помощью оборудования, размещенного на маленьком "Атоме-Фантоме" для производства воды, пищи и воздуха, я могу прожить длительное время. Я могу ждать и слушать. Даже на таком расстоянии я должен улавливать что-нибудь вроде радиоволн — этого будет достаточно для того, чтобы знать, что Чан Деррон сможет когда-нибудь вернуться.— Он опять попытался ухмыльнуться и помахал рукой портрету Леруа.

— Прощай, моя дорогая,— сказал он осипшим голосом.— Точнее, я надеюсь, до свидания. Тебе, Легиону и Системе. Всем мужчинам и женщинам, которых я когда-либо знал. Каждой улице, по которой я ходил. Каждой птице и каждому дереву. Каждому живому существу, которое я когда-либо видел.

До свидания...

Внезапно Чан Деррон сглотнул. Он быстро отвернулся от портретов и уставился в пустынную даль космоса. Глаза моргнули раз-другой. А большие загорелые руки напряглись, стали как железо, застыв на ручке верньера "Атома-Фантома".

Геодины тихо музыкально гудели. Автопилот чуть слышно и медленно пощелкивал. Чан Деррон смотрел на север, вглядываясь во тьму в пятнах звезд. Там, где-то в созвездии Дракона, находился неведомый объект, единственная оставленная ему возможность.

Так и должно быть, подумал он. Молчание и темнота. Он должен был слышать шепот машин и собственный скрипучий голас, и ничего больше. Он слишком много разговаривал сам с собой!

Тчлинк!

Это был тихий короткий звук. Но Чан Деррон напрягся, словно услышал треск при ударе метеора. Он повернулся, и рука потянулась к бластеру, висящему в кобуре на стенке. Затем он увидел предмет, который произвел этот звук,— он лежал на смотровой пластине курсопрокладчика.

Дыхание покинуло его. Рука соскользнула с оружия. Огромные плечи слегка поникли. Он долгое время смотрел на него, и сила и надежда уходили из него, словно кровь из раны.

— Даже здесь.— Бронзовая голова устало качнулась.— Даже сюда добрались!

Наконец, он медленно поднял конверт из плотной красной бумаги, лежащий под грубой черной змейкой из обожженной глины. Он прочитал черные буквы текста:

"Мой дорогой капитан Деррон!

Поздравляю в связи с вашим великолепным и отважным бегством. Самду давно повернул назад, чтобы попытаться защитить Новую Луну — от меня! Сейчас вы в безопасности. Однако я считаю своим долгом предупредить вас о двух опасностях.

Вам следует соблюдать осторожность, когда вы приблизитесь к спутникам Урана. Потому что база Легиона предупреждена о том, что вы можете туда наведаться.

И боюсь, капитан, что на вас ляжет ответственность за то, что будет происходить каждую полночь на Новой Луне,— несмотря на то, что вы от нее в миллионах миль.

Ваша преданная тень,
Василиск."

Холодный ужас вонзился в позвоночник Чана Деррона, словно парализующая игла. Он стоял, недвижимый, ошеломленный. Издевательское послание — казалось, насмешка так и течет с красной бумаги. И холодный страх медленно полз по парализованному телу.

Было более чем страшно знать, что за каждым его шагом следит зловещая и неизбежная сила. Страшно знать, что безжалостная рука Василиска сможет дотянуться до него даже здесь. Всемогущество! Вездесущность! Власть, поистине божественная, в руках... чьих?

Он почти ощущал это страшное присутствие. Он осмотрел крошечную пилотскую рубку. Она была едва освещена лампочками приборов, прикрытыми колпачками, и слабым светом звезд через иллюминаторы. Он включил более яркое освещение. Захотелось обыскать корабль. Но, конечно, это было бесполезно. Здесь ничего не было. Детекторы массы, установленные им загодя, предупредили бы о приближении массы человеческого тела за миллионы миль до корабля.

Он затаил дыхание, пытаясь стряхнуть этот тряский холод, и заставил себя заговорить.

— Зачем тебе следить за мной? — взмолился он в пустоту.— Я полагал, что нужен тебе, чтобы взвалить на меня вину, потому что я был рядом, когда ты убил доктора Элероида. Но разве я недостаточно страдал ни за что?

Он поднял к груди огромные сжатые кулаки. Он заставил себя произносить слова и пытался при этом не дать страху и одиночеству сломать его мозг. Однако не мог справиться с потоком горьких воспоминаний. С того момента, когда он бежал на легком крейсере, который впоследствии переделал в "Атом-Фантом", он пытался уйти от бесжалостного и всемогущего мучителя. Все, что он хотел,— шанс или половину шанса, чтобы начать новую жизнь под новой личиной. Где угодно!

Но этот человек, если это был человек, известный под именем знаменитого дракона и оставлявший на месте преступления следы, которые наводили на мысль об ответственности Чана Деррона,— этот Василиск не давал ему уйти.

Так было в тот раз, когда он приземлился на одинокой плантации на Церере, надеясь купить припасы на несколько фунтов платины, которую добыл, случайно оказавшись в метеорном потоке. Он нашел плантатора и его жену убитыми, их добро разграбленным, а крейсер Легиона — приближающимся. Ему едва удалось оторваться, вовремя вскочив в рубку "Атома-Фантома".

Бронзово-серые глаза заморгали, когда он подумал о старом Икархеньюме, где он спрятал в пустыне свой маленький корабль и занялся честной лабораторной работой. В первый же его рабочий день в офисе его работодателя был взломан сейф, а наворованное нашли в столе Чана.

— И это — меньше половины! — Он пытался сдержаться, однако свирепое чувство вновь заставило его взорваться речью: — Был еще случай, когда я оставил "Атом-Фантом" на смещенной орбите вокруг Венеры и спустился в джунгли на геопеллере. Зарыл в лесу скафандр и проскользнул в Новый Чикаго. В тот раз ты позволил мне думать, что я ушел...

Он попытался засмеяться, но вместо этого всхлипнул.

— И вдруг я увидел мое лицо на всех телеэкранах! Разыскивается за очередное убийство...— Он тяжело поежился.— Убийство охранника в Земном Банке, и мое лицо на кинопленке во время преступления. Не знаю, как тебе удалось это подстроить.

Разве всего этого недостаточно?

Выталкивая изо рта бесполезные слова, он опять обвел взглядом пилотскую рубку. Он был один. Лишь автопилот тихонько пощелкивал, возвращая крейсер на курс, и безмолвная глиняная змейка лежала на плотном красном листке, и над ними — холодный взгляд насмешливых глаз.

— Что ж, мистер Василиск!..

Он вдруг схватил змейку и вдребезги разбил ее о палубу. Свирепый гнев охватил его, перехватил дыхание, потряс члены, заревел в ушах.

— Гляди,— прохрипел он.— Я все равно уйду. Не знаю, как я смогу отвязаться от тебя и от Легиона! Но... смотри!

Он остановил геодины и мрачно повернулся к курсопрокладчику. Зеленоватая панель показала ему пятнышко Земли, а рядом с ней — серебристый атом Новой Луны. Он считал координаты с калиброванного экрана и повернулся к компьютеру, чтобы набрать данные для первой безнадежной попытки сопротивления неведомому мучителю.

ГОЛУБОЙ ЕДИНОРОГ

Могущественный "Непреклонный" плавно скользнул на стоянку возле одного из шести огромных трубчатых рукавов структуры Новой Луны. Мощные краны поставили эту тысячетонную массу на причал. Люки открылись для связи с искусственным спутником.

Трое в штатском сидели за столом в длинном, роскошно-простом салоне, находящемся на корме флагмана. Стройный мужчина предпочитал консервативный темный цвет — на нем был пошитый высокооплачиваемым портным штатский наряд. Беловолосый, с грубым лицом великан был наряжен в просторные шелка, отражавшие все возможные оттенки зеркал Новой Луны. Он с явным сожалением расстался с иконостасом медалей. На третьем был безвкусно подобранный серый костюм; владелец его, человек с короткой, но массивной фигурой, держал в рыхлой желтой руке тяжелую трость.

— Во имя жизни, Джей, что за смертельная спешка? — Круглый, в голубых прожилках нос Жиля Хабибулы вопросительно нацелился на высокого командора.— Мы только что присели, чтобы перевести дух после ужасной гонки в пространстве. Нам следовало бы хоть пообедать. Джей! А ты уже говоришь, что мы должны отправляться.

Огромный Хал Самду мрачно посмотрел на него.

— Эта спешка повредила бы тебе, Жиль,— сказал он,— не засни ты пьяным сном. И ты уже перекусил из запасов Джея — таким количеством еды можно было бы накормить венерианского горокса.

Джей Калам мрачно кивнул.

— Мы на Новой Луне, Жиль. Нас ждет у люка Гаспар Ханнас. У нас впереди работа.

Жиль Хабибула покачал морщинистым желтым шаром головы и обратил взгляд молящих рыбьих глаз на командора.

— Мне не вынести этого, Джей,— захныкал он.— Такое мне не по силам.— Он показал большим пальцем на выпирающее брюхо.— Взгляни на бедного старого Жиля Хабибулу. Он стар, он очень стар. Он должен получить свою порцию вина. У него должна быть трость, чтобы поддерживать его неуклюжую походку. Он скоро умрет, бедный Жиль.

Бледные глаза моргнули.

— Да-да, умрет, если ученые не откроют секрет омоложения. И как можно быстрее. На этой самой Новой Луне есть специалист, который обещает это устроить. Однако Джон Стар меня не отпускал.

Он печально вздохнул.

— Ах, весь мир в смертельном заговоре против Жиля Хабибулы. Он сидел в Пурпурном Холле и выпивал свою драгоценную каплю счастья. Ибо Фобос — приятный мир, Джей. Солнышко в саду ласково к больным

старым костям. Джон Стар — гостеприимный хозяин, он никогда не прогоняет своих гостей из-за стола, Джей!

Ах, и как приятно видеть каждый день Аладори, видеть, как она счастлива с Джоном Старом, Джей, после всех тех опасностей, которые выпали на нашу долю. Как приятно быть рядом, оберегать ее на тот случай, если снова придет беда.

Казалось, его лицо стало чуть улыбчивей.

— Это доставляет старому одинокому, никому не нужному солдату крошечное время счастья, Джей, когда он нянчит на колене крошечную дочурку Боба Стара. И когда он видит Кай, по-прежнему такую же прекрасную, несмотря на все те ужасы, которые приключились с ней на комете, и с таким нетерпением ждущую возвращения Боба домой. Доктора говорят, что следующим будет мальчик. Но это секрет, Джей!

Тяжело откинувшись в кресле, старик вновь вздохнул.

— Старый Жиль был счастлив на Фобосе, Джей, настолько счастлив, насколько это возможно для старого разбитого умирающего легионера. Он получал свой ужин среди дорогих знакомых лиц. Он потягивал свою драгоценную капельку вина. Он тихонько дремал где-нибудь в уголке, и скажи, разве старый бедный солдат этого не заслужил? Однако — нет!

Взгляд бледных глаз стал обвиняющим.

— Это ужасно плохо, Джей, так пугать старых людей. Ах, ты заставил меня подумать о медузианах. И о том злодее Орко и об ужасных кометчиках.— Он наклонился вперед, и на лице его было нетерпение.— Скажи старому Жилю, что все в порядке, Джей! Скажи, что это всего лишь чудовищная шутка!

Глазки его постоянно бегали туда-сюда, от мрачного лица Джея Калама к хмурому грубому лицу Хала Самду. Морщинистое лицо медленно покрылось бледной болезненной желтизной.

— Во имя жизни! — воскликнул он.— Неужели это столь смертельно серьезно? Говори, Джей. Скажи старому Жилю, прежде чем его старый мозг даст трещину.

Поднявшись возле стола, Джей Калам покачал головой.

— Я мало что могу сказать, Жиль,— произнес он.— Мы имеем дело с преступником, который именует себя Василиском. Он приобрел какую-то нечистую власть над пространством: расстояние и вещественные преграды, похоже, для него — ничто.

Он начал с мелочей года два назад. Совершал кражи из охраняемых мест. Подсовывал письма и глиняных змеек в самые невероятные места. Недавно я получил такое послание в своем офисе в Зеленом Холле.

Затем он начал действовать смелее, с большим размахом. Начались убийства. Сейчас он послал записку, что намерен ограбить и убить одного из патронов Новой Луны и будет это делать ежедневно. Если он это сделает, а Хал боится...

— Боится?

Хал Самду обрушил огромный кулак на раскрытую ладонь и вскочил.

— Боится? — громыхнул он.— Да, Джей, я вот-вот в штаны наложу от страха. Потому что если так будет продолжаться, то Василиск сможет добраться до Хранителя Мира так же легко, как до любого злосчастного игрока.

— До Хранителя? — В свою очередь, поднявшись, опершись на стол и на трость, Жиль Хабибула заморгал, глядя на Джея Калама.— Тогда почему она не воспользуется... АККА?

Голос его упал, когда он произносил эти символические буквы.

— И не покончит с опасностью?

Командор покачал темной головой.

— Потому что мы не знаем, кто такой Василиск, Жиль,— сказал он.— И где он. Аладори не может использовать свое оружие, не зная цели. Если мы не откроем точного местонахождения в космосе Василиска, прежде чем он до нее доберется, то я не знаю, что может случиться.

— Да, Жиль,— подтвердил Хал Самду.— И вот почему мы послали за тобой. Потому что у тебя дар открывать замки и находить спрятанное.

Жиль Хабибула воодушевился.

— Ах, это так, Хал,— засопел он.— Старый Жиль некогда имел искорку гения — драгоценное сияние таланта, который дважды спасал Систему. И за то, что сделал это, он получил мало благодарности. Да, когда-то это было, однако теперь этот дар покрылся ржавчиной. Он умирает. Ах, Джей, лучше бы ты оставил Жиля мирно досыпать на Фобосе.

Но маленькие глазки быстро перебегали с одного из них на другого.

— Однако мы должны установить личность этого мастера преступлений. У тебя есть след, Джей? Неужели ни одного драгоценного следа?

— Да, Жиль,— опять вмешался Хал Самду.— Следов сколько угодно. Даже слишком много. И все говорят об одном: Василиск — это изменник, Деррон.

— Деррон? — засопел Жиль Хабибула.— Я слышал это имя.

— Он был капитаном в Легионе,— сказал Джей Калам.— Чан Деррон был осужден за убийство доктора Макса Элероида и заподозрен в похищении таинственного устройства, разработанного в военных целях для использования против кометчиков. Деррон два года назад бежал из тюрьмы на Эброне. Деятельность Василиска началась вскоре после этого.

Над дверью замигала зеленая лампочка.

— Адъютант,— сказал Джей Калам.— Мы должны идти. Нас ждет Гаспар Ханнас, и у нас всего лишь два часа.

— Два часа? — хрипло произнес Жиль Хабибула.— Джей, ты говоришь так, будто мы осуждены и ждем казни.

— Два часа до полуночи по времени Новолй Луны,— объяснил Джей Калам.— Преступник обещал появиться в это время — и у нас, возможно, появится шанс его поймать.

Жиль Хабибула поморщился.

— Как ты думаешь это сделать?

— Мы предприняли меры,— сказал Джей Калам.— Во-первых, десять крейсеров Хала находятся в готовности встретить любой приближающийся корабль. Во-вторых, Гаспар Ханнас пообещал полное сотрудничество с его полицией в пределах Новой Луны — они повсеместно расставлены на посты. В-третьих, мы сами будем ждать на Новой Луне вместе с подразделением легионеров в штатском.

— Несомненно, что это Деррон,— мрачно добавил Хал Самду.— Достаточно очевидно, что это он — тот, кто нам нужен. Гаспар Ханнас поднял награду за него до четверти миллиона. Мы украсили всю Новую Луну его портретами. Стража и игроки будут начеку. Если он придет ночью, мы его поймаем.

— Ах, да, Хал,— засопел Жиль Хабибула.— Но если вы говорили мне правду, что расстояние и стены ничего не значат для его необычного могущества, то, возможно, Василиск нанесет бедному игроку смертельный удар, даже не появляясь здесь.

— Как бы там ни было...— и Джей Калам направился к двери, где мигала зеленая лампочка,— мы должны идти. Если он придет, мы можем его схватить. Если нет — мы, может быть, найдем какой-нибудь след. Что-нибудь...

Он поджал длинную челюсть.

— Что-нибудь да скажет нам, где он и как его можно уничтожить.

Великан Хал Самду пошел вперед, Жиль Хабибула спотыкался и переваливался с ноги на ногу, опираясь на трость, позади. Он вышли из апартаментов командора, прошли через навигационный отсек и огромный армированный люк "Непрсклонного" на Новую Луну.

Их встретил Гаспар Ханнас. Огромный, как Хал Самду, он был одет в просторный черный наряд. Черный цвет оттенял белизну чудовищных рыхлых рук и огромного лоснящегося лица. Черные, глубоко посаженные глаза не знали покоя от ужаса, постоянно метались в глазницах. На лбу блестел пот, и на белой лысине тоже. Но пустое лицо встретило их медленной идиотской ухмылкой.

— Джентльмены,— прохрипел он.— Командор! Мы должны спешить. Время поджимает. Стража расставлена, и я жду...

Голос его вдруг прервался, и он отшатнулся от Жиля Хабибулы. Тяжело опираясь на трость, старик пристально смотрел на него. На желтом лице старого солдата появилась улыбка.

— Во имя жизни! — засопел он.— Это же Педро Шар...

Бессмысленная улыбка покинула белое пустое лицо Гаспара Ханнаса, и огромные руки сделали испуганный жест, призывая его молчать.

Глаза обежали старика, покачивающегося, опершись на трость, и он прошептал:

— Хабибула. Прошло пятьдесят лет. Однако я тебя помню. Ты — Жиль г...

— Стоп! — рявкнул Жиль Хабибула.— Я узнал тебя, Гаспар, несмотря на то, что у тебя поддельное лицо. И у меня к тебе счет побольше, чем ты думаешь! Так что лучше придержи свой смертельный язык.

Он встал устойчивее, опершись обеими руками на трость, и бледные глаза заморгали, глядя на великана в черном.

— Гаспар Ханнас,— засопел он,— великий Гаспар Ханнас, владелец Новой Луны. Да, ты прошел длинный путь со времени Голубого Единорога. Ты ускользнул от полицейского отряда в джунглях...

Великан опять испуганно поднял огромные руки.

— Погоди, Хабибула,— прохрипел он.— И прости!..

— Ах, это так, старый Жиль может забыть, но не бесплатно.— Старик вздохнул.— Жизнь обслужила нас совершенно по-разному. Ты стал могущественным человеком. Говорят, что Новая Луна сделала тебя самым богатым в Системе. А твой старый товарищ — всего лишь жалкий ветеран Легиона, голодающий, одинокий и больной.— Он всхлипнул.— Бедный старый Жиль Хабибула...

Внезапно желтое лицо засияло.

— Ах, мистер Ханнас, ты можешь заслужить прощение Жиля Хабибулы. Всем известно о твоих роскошных запасах, мистер Ханнас! О твоих отборных винах. Об изысканной еде.

Гаспар Ханнас улыбнулся бесчувственной улыбкой.

— Вы — гости Новой Луны,— сказал он.— Ты и твои товарищи по Легиону. Вы получите все самое лучшее.

Рыбьи глаза Жиля Хабибулы победоносно заморгали, глядя на своих спутников.

— Ах, спасибо тебе, мистер Ханнас,— засопел он.— И я считаю, что наши обязанности вынуждают нас немедленно посетить твои салоны удачи. Прошло очень много лет, мистер Ханнас, с тех пор, как старый Жиль рисковал поставить доллар на кон. Однако эта встреча заставила меня припомнить старые дни, когда колеса удачи иногда приносили мясо и выпивку, драгоценная кровь жизни...

Гаспар Ханнас кивнул, и улыбка его, казалось, снова стала напряженной.

— Я помню, Жиль,— сказал он.— Очень хорошо помню. Но пошли. У нас нет времени на азартные игры.— Он вновь посмотрел на старого солдата и вдруг добавил: — Однако, если ты действительно хочешь сыграть главный крупье в холле, где не делают ограничений, выдаст тебе сто синих жетонов.

— Я тоже помню,— вздохнул Жиль Хабибула.— Голубой Единорог...

— Пятьсот! — торопливо вскричал Гаспар Ханнас.— И пойдем скорее!

Джей Калам кивнул, и Хал Самду, встревоженный, зашагал вперед.

— Ах, да,— заговорил Жиль Хабибула.— Расставляйте стражу. И устанавливайте ловушки. И идем за столы. Пусть крутятся яркие колеса, пусть драгоценная кровь бежит быстрее, когда выпадают номера. Пусть мозг встречает мозг в битве, где побеждает сильнейший. Ах, легкие мои полны воздухом старых дней! — Он нетерпеливо переваливался, продвигаясь вперед.

— Чан Деррон не угрожает нам,— сопел он с надеждой.— Ни одно человеческое существо, кроме, конечно, старого Жиля, не проскочит мимо флота Хала сквозь стены Новой Луны, мимо всех этих стражников.

А что касается Василиска, я не сомневаюсь, что это какая-то мистификация... Во имя жизни, что это?

Перед ним из воздуха выпал маленький предмет. И разбился. По осколкам, тем не менее, он смог определить, что это была маленькая фигурка змеи, грубо вылепленная из глины и обожженная дочерна.

"ТЫ — ЧАН ДЕРРОН!"

Два-три раза в год старая Луна пересекала эклиптику, когда орбита ее проходила через острие конуса земной тени. Новая Луна, находившаяся ближе к планете, проходила через эклиптику каждые шесть часов. Основываясь на этом факте, Чан Деррон оставил свой план.

В те годы, когда он напряженно обучался в Академии Легиона, Чан иногда находил время для занятий сценическим искусством. В эти два года изгнания театральное искусство достаточно часто служило ему. И сейчас он опять обратился к нему для создания новой личности.

Он стал доктором Чарльзом Даррелом, морским биологом, только что вернувшимся из экспедиции по исследованию бентосферы полярных морей Венеры, чтобы теперь отдохнуть на Новой Луне. Его бронзовые волосы были выкрашены в черный цвет, бронзовато-серые глаза потемнели под действием химического средства, загорелая кожа приняла венерианскую бледность. Лицо исказил голубой шрам — он был оставлен клыками морского чудовища. Он припадал на ногу, поврежденную закрывшимся люком. Коричневые глаза щурились от незнакомого солнца.

— Все будет в порядке,— сказал он, кивнув незнакомцу в зеркале.— Если ты пройдешь мимо стражников и флота.

Следующее, что он сделал,— взял геопеллер, извлек его из скафандра и привязал к плечам под одеждой. Геопеллер, изобретенный Максом Элероидом, был деликатным миниатюрным геодезическим отражателем, с собственным атомным источником энергии. Чуть больше, чем ладонь человека, управляемый посредством регулятора на коротком кабеле, он превращал обычный космический скафандр в настоящий геодезический корабль. Эта крошечная вещица уже помогла тысячи потерпевших крушение добраться через сотни миллионов миль до населенных миров.

"Атом-Фантом" дрейфовал в конусе тени Земли, за пределами орбиты старой Луны. Он уходил по инерции к востоку. Патрульные крейсера Хала Самду посылали во все стороны импульсы, но они не могли так легко обнаружить Чана, потому что несколько тонн его крейсера были почти ничем по сравнению с этими тысячетонными громадами. И мощное всепроникающее гравитационное, магнитное и электрическое поля надежно снижали шансы его обнаружения.

Внизу росла Земля. Огромный диск плотной тьмы, окаймленный сверхъестественным пламенем,— это атмосфера отражала солнечные лучи, образуя чернеющий круг, пылающий красным великолепием всех возможных закатов. Серебристая паутина вращающихся символов кружилась в этом кольце и исчезала во тьме.

Осторожно вращая верньер-штурвал, напряженно всматриваясь в смутный красный диск, Чан Деррон вел "Атом-Фантом" к силовой установке, которая управляла движением огромного зеркала из натриевой фольги, находившегося за пределами гигантского колеса, и поставил корабль на магнитный якорь.

Облачившись в белый, тщательно подогнанный скафандр, Чан пристегнул к поясу бластер и вышел в люк. Один заряд из бластера перерезал силовые кабели. И он стал ждать, стоя на краю зеркала, когда вернется солнце. Огромный щит пылал белым огнем, и маленький корабль находился под ним, скрытый кромешной тьмой. Но если бы зеркало повернулось...

Наконец, появился техник, скользя на страховочном лине со стороны металлической звезды — сердца Новой Луны — и держа в руках ящик с инструментами. Вцепившись в рычажок управления геопеллером, Чан бросился ему навстречу. Они встретились в космосе. Техник, оправившись от удивления, проявил неожиданное проворство. Он выхватил атомный факел, который мог сжечь скафандр Чана как бумагу.

— У меня бластер.— Вибрация металла во время яростной схватки передавала слова Чана.— Однако мне не нужна твоя жизнь. Давай ключи и номер!

— Деррон! — Лицо человека побелело под шлемом.— Каторжник... нас предупреждали! — Чан вцепился в факел. Но противник уже прекратил сопротивление. Лишившись сил от страха, он захрипел:

— Ради бога, Деррон, не убивай меня! Я все сделаю, как скажешь!

Чан заметил, что его имя здесь имеет большую силу, чем тело. И оно опаснее, чем любой враг. Он быстро забрал у техника инструменты, ключи, номерную пластину со шлема — желтый светящийся полумесяц. Атомным факелом он приварил рукав его скафандра к силовой установке.

— Через три часа,— пообещал Чан,— я вернусь и отпущу тебя.

Он схватил скользящий провод страховочного линя, и геопеллер помчал его к Новой Луне, до которой было пятьсот миль. Провод привел его к огромной платформе на одном из гигантстких трубчатых рукавов центральной звезды. Он опустился среди группы людей, у каждого из которых были инструменты, и вместе с ними поспешил к огромному воздушному шлюзу.

Со стенки шлюза на него уставилось собственное лицо.

"Двести пятьдесят тысяч награды! — кричали малиновые буквы.— Будьте бдительны! Этот человек может быть среди вас!"

По пути, двигаясь вместе с остальными к люку, он повернул захваченный у техника табель. "Осмотр и ремонт зеркала 17-Б-285",— было на нем задание. Он нацарапал внизу: "Дефектный переключатель исправлен".

Сколько у него времени, думал он, прежде чем другой ремонтник, посланный, чтобы выполнить работу получше, найдет первого, приваренного к силовой установке рядом с "Атомом-Фантомом"? Но если он выиграл эти три часа...

Во внутренних помещениях, где люди освобождались от металла и спешили под душ, с наслаждением снимая одежду, он снова увидел зловещий плакат. И все разговоры, которые он слышал, были о Чане Дерроне и Василиске, и о том, что оба они — одно и то же лицо, и об обещании ограбления и убийства сегодня ночью.

Чан Деррон нашел кабинку с тем же номером, что он взял у техника. Он повесил скафандр, быстро натянул тесное белье и просторную одежду, найденные там, и влился в группу усталых людей, идущих к себе на ужин.

— Держи ушки на макушке,— посоветовал идущий рядом маленький механик.— Любой рослый человек, которого ты встретишь сегодня ночью, может стоить четверть миллиона. Ты даже не заподозришь, что...

— Верно, не заподозришь,— согласился Чан Деррон.

Он покинул группу рабочих и вошел в просторное шумное помещение под палубами, где было много пассажиров с космических лайнеров. Он закрыл дверь и облегченно вздохнул. Ибо он прошел мимо флота, сквозь стены Новой Луны, он миновал внимательных сыщиков, которые осматривали каждого, кто входил в люк. Он был в безопасности...

— Ваш билет, сэр...

Это был предусмотрительный темнокожий портье-марсианин. Из кармана его формы торчал портрет с объявлением о награде. Нахмурясь, Чан Деррон похлопал по своим карманам.

— Ох, вспомнил! — Он замигал.— Забыл, понимаете ли, в багаже. Может, дадите дубликат?

Внимательные глаза изучили шрам. Он слегка расслабился.

— Да, сэр, я дам вам временную контрамарку. Ваше имя, сэр?

— Доктор Чарльз Даррел. Морской биолог. Я с Венеры, проездом к Земле. Буду здесь денька два.— Он поморщился, словно от боли.

— У вас нет темных очков? Не привык к свету, а на Венере облака, знаете ли...

Так он обзавелся билетом, служившим на Новой Луне паспортом. Чан посоветовал портье не беспокоиться, когда тот предложил позаботиться об его багаже (несуществующем), и поспешил дальше. Ленточные транспортеры, по которым скользили подносы с кофе, привели его сквозь огромные залы, роскошные магазины в Зал Эфтаназии. Однако Чан ни на что не обращал внимания, пока не увидел Казино — это было то место, где он надеялся встретить в полночь Василиска.

Прозрачные и подсвеченные изнутри столбы у входа казались колоннами живых алмазов. Здесь были рубины и изумруды в тонкой золотой оправе. В этом ослепительном сиянии стояла женщина, выглядевшая миниатюрной.

Вблизи она оказалась высокой девушкой, с такой грациозностью в осанке, какой он никогда не встречал. У нее были платиновые волосы, прекрасная кожа была белой. Она была одета в манто из каллистянского меха. А глаза — черно-фиолетового цвета.

Он двинулся к ней навстречу.

Она была невероятно красива. От такой красоты у него болезненно перехватило горло. Он не мог справиться с горечью при мысли о двойной преграде, разделяющей их,— ее богатство и его отчаянное положение. Будь он каким-нибудь безобразным миллиардером, вяло подумал он, вернувшимся с колониальных шахт и плантаций, она могла бы его ждать...

Сердце его подскочило к горлу.

Девушка быстро подошла к нему. Белое великолепие ее лица было освещено улыбкой. Глаза потемнели. Голосом радостным, но очень тихим, чтобы не услышал никто посторонний, она приветствовала его по имени:

— Эй, Чан! Ты — Чан Деррон!

Чан пошатнулся, услышав эти слова, благодаря которым его тело, живое или мертвое, стоило четверть миллиона долларов. Затем на его лице появилось восхищение. Легкая, как пламя, девушка приблизилась и ласково взяла его за бесчувственную руку.

СЧАСТЬЕ ЖИЛЯ ХАБИБУЛЫ

Игорные салоны занимали шесть просторных залов вокруг частного офиса Гаспара Ханнаса, расположенного на оси вращения Новой Луны. Стены офиса были прозрачны изнутри, и Ханнас, со своего огромного вращающегося кресла за круглым столом, мог видеть любой из своих холлов.

Это были огромные и роскошно обставленные помещения. в нишах — дорогие статуи, на полированных полах — тысячи игорных столиков.

К каждому холлу подходил туннель, о котором большинство игроков не подозревало. В туннелях их проигрыш быстро подсчитывался и переправлялся в надежный бункер под офисом Гаспара Ханнаса. Из щели в круглом столе постоянно шла лента с подсчетом проигрышей и выигрышей. Потери были показаны красным цветом, однако увидеть их можно было очень редко.

— Законы вероятности,— всегда утверждал Гаспар Ханнас, улыбаясь, свой неподвижной бессмысленной улыбкой,— это все, что мне нужно. Каждая игра — беспроигрышна.

Сегодня шесть холлов были заполнены сверх обычного. По Новой Луне бродил слух о Василиске, и великое множество любителей острых ощущений в шелках и драгоценностях с нетерпением ждало, что произойдет ночью.

В этот вечер Гаспар Ханнас не следил за лентой. Он прошел вместе с тремя легионерами в Алмазную Комнату, где ставки не ограничивались. В узловатой руке Хала Самду был помятый плакат с объявлением о награде.

— Деррон, подозреваемый, и есть ваш Василиск.

Время от времени он освежал воспоминания, бросая взгляд на бронзоволосое покрытое космическим загаром лицо Чана Деррона на портрете.

— Деррон — человек рослый,— сказал задумчиво Джей Калам.— Этот тоже великан.

Они проследили за взглядом его серьезных темных глаз.

— Ах, действительно! — засопел Жиль Хабибула, стараясь не отстать от Хала Самду.— Величественная фигура, что и говорить. А рядом с ним красивая девушка.

Человек возвышался, как башня, над неугомонными, ярко наряженными игроками. Волосы у него были темными, кожа имела характерный бледный оттенок. На лице — длинный шрам.

Блондинка рядом с ним была столь же экстравагантна. На ней было роскошное манто из бесценного каллистянского меха, которое она носила

с королевской грацией. На шее у нее находилась алмазная заколка в форме звезды — Джею Каламу показалось, что она похожа на увеличенную снежинку.

— Шесть футов три дюйма,— сказал Хал Самду сдавленным голосом.— Этого ему не скрыть, а бледность и темные волосы — маскировка.— Он поманил одного из солдат в штатском, который незаметно следовал за ним.— Мы его арестуем и разберемся, кто он.

Джей Калам резко покачал головой.

— Следите за ним,— прошептал он.— Если это Деррон, и Василиск, мы выясним кое-что об его методах. Тем временем...

Он что-то прошептал Жилю Хабибуле.

— Во имя жизни, Джей! — Рыбьи глазки Жиля выпучились, изумленно уставясь на него.— Не требуй от меня этого! Не приказывай старому солдату идти на такой риск!

— Жиль! — Хал Самду схватил его за плечи.— Это надо сделать ради Хранителя Мира!

Жиль Хабибула вздрогнул и покачнулся.

— Не надо, Хал! — прохрипел он.— Ради жалкой жизни! Я, конечно, сделаю все, что просит Джей. Да, ради Хранителя...

Он повернулся к белому великану в черном.

— Ах, мистер Ханнас,— засопел он.— Я вынужден просить вас одолжить мне тысячу синих жетонов.

— Тысячу? На миллион долларов? — Идиотская улыбка стала напряженной, и Ханнас возмущенно взглянул на Джея Калама.— Командор, да он просто грабитель!

— Я не больше грабитель, чем кровожадный Педро Акула.

— Я дам!

Сжимая в кулаке листок с запиской от Ханнаса, Жиль Хабибула побрел к столику. Короткий толчок тростью по ребрам женщины в пурпурном наряде, столь же тучной, как и он сам,— возле гиганта в зеленом и девушкой в белом освободилось место.

— Тысячу синих фишек, мистер, или сотню этих ваших смертельных алмазных.

Он повернулся к бледному высокому незнакомцу.

— Прошу прощения, сэр,— засопел он,— но мне не удержать жетоны в моих старых дрожащих руках. А вам должно везти — это я потому решил, что с вами рядом сидит такая чудесная девушка. Не могли бы вы сделать для меня ставки, сэр?

— Как угодно.— Великан расслабился.— Сколько хотите поставить?

Жиль Хабибула обвел рукой стопки фишек.

— Миллион,— сказал он,— на тридцать девять.

Даже здесь, в Алмазном Зале, такая игра не могла не вызвать переполоха. Зрители столпились возле рулетки. Полузакрыв глаза,

Жиль Хабибула следил за тем, как крупье бросил шарик на колесо. Затем он драматически поднял руку.

— Эх,— сказал он едва слышно.— Старого Жиля вам не провести.

Он повернулся к мужчине и девушке.

— Спасибо, сэр,— пропыхтел он.— А теперь нам осталось лишь ждать, что принесет зигзаг удачи или искусства.— Глаза его засветились восхищением, когда он взглянул на горделивую осанку девушки.— Какая красота,— сказал он.— Он столь же красив, как и вы, моя милочка, этот синий гобелен с Титана.

Внезапно его трость указала через стол — причем рука, державшая ее, оказалась неожиданно твердой,— и зеленый набалдашник оказался точно напротив все еще поднятой руки крупье над колесом.

Крупье сглотнул и побелел. Рука его безвольно упала. Он испуганно следил за бегущим шариком.

— Ах, эта золотая нимфа! — Трость опустилась одновременно с рукой крупье и теперь указывала на статую в нише. А быстрые глаза Жиля Хабибулы опять смотрели на девушку в белом.— Она танцует там, как могли бы танцевать вы, милочка.

Крупье стоял и дрожал. На бледном лице появились капельки пота. Наконец, шарик выскочил в паз. Пустые ошеломленные испуганные глаза крупье взглянули в желтое лицо Жиля Хабибулы.

— Вы выиграли, сэр,— прохрипел он.— Сорок к одному.

— Именно,— подтвердил Жиль Хабибула.— И никаких жетонов или чеков — дайте мне сорок миллионов новыми сертификатами Зеленого Холла.

Трясущиеся пальцы крупье пробежались по клавиатуре, и внезапно из магнитной трубы вывалился толстый пакет с деньгами. На глазах у потрясенных зрителей Жиль пересчитал сорок миллионов долларов.

Внезапно, задрожав столь же явно, как и крупье, Жиль Хабибула взмахнул пачкой кредиток и, поспешно повернувшись, ударил толстой рукой бледного человека в зеленом, отчего деньги вылетели из его пальцев и рассыпались по полу.

— Ох, жизнь моя! — прохрипел он.— Мои сорок миллионов! Ради сладкой жизни Земли, помогите старому бедняку собрать его жалкое достояние.

После секундного замешательства последовала оживленная возня. Жиль Хабибула, стеная и хныча, привалился к высокому мужчине. Незнакомец подхватил его и помог удержаться на ногах.

— Ах, спасибо, сэр.— Он торопливо схватил и пересчитал деньги.— Спасибо! Благодарю вас, мадам! — Он облегченно вздохнул.— Ах, я вижу, все на месте. Спасибо!

Он триумфально поплелся к трем спутникам, которые делали вид, что следят за другим столиком. Игнорируя необычно бледное и болез-

ненное лицо Гаспара Ханнаса, он что-то уронил в подставленную ладонь Джея Калама.

— Ах, Джей,— пропыхтел он,— мне это далось очень недешево — смертельная угроза и мучительное напряжение моего стареющего мозга... но вот ключи подозреваемого, а также его билет.

— Смертельная угроза? — эхом отозвался Гаспар Ханнас.— Это стоило мне сорок миллионов долларов!

Командор разглядывал продолговатую желтую карточку.

— Чарльз Даррел,— пробормотал он.— Морской биолог с Венеры.— Темные глаза сощурились.— Это лишь временная контрамарка. А инициалы — Чарльз Даррел и Чан Деррон.

Хал Самду сжал огромные кулаки.

— Ого, Джей,— прошептал он.— Арестовать его?

— Пока не надо,— сказал командор.— Жди меня здесь.

Он быстро подошел к столу и дотронулся до руки долговязого. Незнакомец очень быстро повернулся к нему. И едва уловимое движение его руки дало понять командору, что под одеждой у него какое-то оружие.

— Вы уронили это, когда подбирали деньги.— Джей Калам протянул ключи и желтую карточку.— Если вы назовете имя и фамилию, указанные в билете, я верну...

Незнакомец безмолвно смотрел сквозь темные стекла очков. Однако девушка шагнула вперед. Ее грациозная рука скользнула под локоть незнакомцу, и от улыбки, которой она одарила Джея Калама, у того перехватило дыхание.

— Разумеется, назовет.— Голос ее, богатый оттенками как у певицы, был быстр и убедителен.— Или я могу его представить. Сэр, это доктор Чарльз Даррел. Он только что прибыл с Венеры. Он мой жених.

— Благодарю.— Напрягая память, Джей Калам рассматривал девушку.— А могу я узнать ваше имя?

Он встретил ее гордый бесстрастный взгляд.

— Ваня Злоян.— Она сказала его так, как могла бы сказать "Я принцесса".— С Джуно.

Командор поклонился и вручил незнакомцу ключи и карточку. Девушка улыбнулась, поблагодарила, взяла спутника под локоть и быстро отвела его к столу.

Задумчиво потирая длинный темный подбородок, Джей Калам вернулся к друзьям, сидевшим за другим столом, где ставки были один к пятистам. Жиль Хабибула, с напряженным выражением на желтом, как луна, лице, указывал тростью, протянутой над вращающимся колесом, на величественную картину, изображающую конец старой луны, на гобелене.

Крупье за столом смотрел с отчаянием в глазах, с отвисшей челюстью, на Жиля Хабибулу. Рука его двигалась в конвульсивном жесте, вытирая лоб. И трость старика тоже двигалась, указывая.

— А здесь,— сопел он,— стоит прекрасная Аладори!

— Угомонись, Хабибула,— прохрипел Гаспар Ханнас.— Или ты уничтожишь Новую Луну так же легко, как она уничтожила старую. Ради чести...

Выпал номер. Рот крупье открылся, он издал придушенный крик. Сглотнул и беспомощно пожал плечами, глядя на Гаспара Ханнаса.

— Вы выиграли, сэр,— произнес он, наконец, причем его голос сорвался на визг.— Двадцать миллиардов. Мы немедленно доставим вам их из бункера.

Огромная лапа Гаспара Ханнаса ухватилась за одежду Жиля Хабибулы.

— Хабибула! — прохрипел он.— Неужели ты такой жестокий? Ради чести!..

Рыбьи глаза Жиля Хабибулы неодобрительно заморгали.

— Ах вот как? Странно слышать от тебя это слово, Гаспар Ханнас! Сорок лет назад, когда я знал тебя, ты не вспоминал о чести, когда касался чего-нибудь своими грязными руками.— Он повернулся к столу.— Мне нужны мои двадцать миллиардов.

Выигрыш был доставлен к нему — в стомиллионных банковских билетах, которые его рыбьи глаза никогда еще не видели. Пальцы его с удивительным проворством пересчитали деньги.

— Эх, Педро,— просопел он печально,— не тебе меня укорять — тем более, что все твое могущество держится на плодах усилий моего старого мозга. Ибо я вижу, что ты используешь мои простенькие изобретения, которые я применял еще для столов Голубого Единорога.

Он похлопал себя по оттопыренному карману.

— Они неплохо помогали бы мне, если бы я хотел играть всю ночь. Если бы я разорил тебя и заставил клянчить об единственной черной фишке — пропуске в твою Клинику Эфтаназии.

Однако я не хочу этого делать, Ханнас.— Он покачивался, упершись в пол тростью.— Это потому, что я честнее тебя, Педро,— да, для меня существуют границы. Ладно, еще одна партия, и с меня хватит. Всего один миллиард. Сто к одному.

Гаспар Ханнас зашатался, челюсть его отвисла.

— Хабибула! — прошипел он.— Во имя Этиры-Коран...

— Не произноси ее имени! — прорычал Жиль Хабибула.— А поскольку ты уже сделал это, я ставлю два миллиарда.

— Не надо! — заперхал Ханнас.— Я... по-моему, столик не в порядке. Мы закрываемся... Этот столик больше не работает...

— Тогда я найду другой,— засопел Жиль Хабибула.

Но Джей Калам прикоснулся к его руке.

— Тебе лучше держаться рядом с нами, Жиль,— прошептал командор.— Двигайся медленно, чтобы люди в штатском могли окружить тебя. И не своди глаз с доктора Даррела, потому что у тебя осталось всего лишь двадцать минут.

— У меня? — Жиль Хабибула заморгал, глядя на него. Он похлопал себя по карману снова, искоса взглянул на Гаспара Ханнаса.— Не думаю, что он успеет перерезать мне горло за одну секунду, Джей. Вообще-то вас здесь так много, что он вряд ли отважится. Дело в том, что Педро — трус с белой печенкой...

— Жиль,— сказал Джей Калам хмуро,— я говорю об опасности, которая будет грозить тебе, когда Василиск попытается нанести удар.

— В-В-Василиск? — губы Жиля стали пепельными, затрепетали.— Ай! Этот смертельный Василиск! Ты говорил, что он грозил ограбить и убить какого-то игрока. Но зачем ему я?

Гаспар Ханнас затаил дух, и его белая детская улыбка вдруг стала почти умиротворенной.

— Разве мы не сказали тебе, Жиль? — спросил Джей Калам удивленно.— Разве мы не сказали тебе, что Василиск обещал убить того, у кого будет наивысший выигрыш?

— А твои двадцать миллиардов, Хабибула,— это наивысший выигрыш за всю историю Новой Луны.— В могучем голосе Гаспара Ханнаса звучала свирепая радость.— Однако я соглашусь принять эти деньги обратно — за черный жетон.

СВЕТЯЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

Жиль Хабибула задрожал. Его отвислый живот затрясся. На перепуганном желтом лице выступили капли пота. Маленькие глазки затуманились. Зубы неудержимо стучали и затем они упали на пол.

— Ах-ах! — всхлипнул он.— Аах... ах...

Он стал яростно вырывать из кармана свой выигрыш.

Джей Калам поднял с пола и вернул ему искусственные челюсти. Он с лязгом вставил их в свой рот и злобно вскричал:

— Джей! Ах, Джей! Почему ты мне не сказал? Бедный старый слепец, убогий беззубый калека, которому и так осталось жить немного! Джей, зачем ты вынудил старого Жиля сунуть голову в петлю?

— Тебя стережет весь флот Хала,— попытался убедить его командор,— и девять тысяч местных полицейских. Мы защитим тебя, Жиль.

— Ага! — В глазах Хала Самду был нетерпеливый блеск.— Мы установили ловушку для Василиска, а твои двадцать миллиардов, Жиль,— очень неплохая приманка.

— О нет! — всхлипнул Жиль Хабибула.— Старый Жиль — не приманка для капканов, не для того предназначена его бедная старая

шкура.— Шатаясь, он вернулся к столику, который незадолго до этого покинул так триумфально.— Сколько осталось, Джей? — прохрипел он.— Восемнадцать минут, чтобы лишиться двадцати миллиардов?

Крупье вновь побелел, увидев, что он возвращается.

— Поспеши! — поторопил его старый солдат.— Проси делать ставки, крути шарик. Во имя смертельной жизни, если это место — зал удачи, а не черная Клиника Эфтаназии.

Крупье сглотнул и хрипло прошептал:

— Делайте ваши ставки, джентльмены! Ставки на стол!

Выпуклые глаза Жиля Хабибулы всматривались в ряд игроков.

— Какому-то смертельному дураку повезет,— прохрипел он. Взгляд его упал на низенького русоволосого человека напротив — отрыжка общества, бледные возбужденные глазки за толстыми стеклами очков напряженно всматривались в бесконечные строчки в записной книжке. Тонкие нервные пальцы бегали по клавиатуре маленького бесшумного калькулятора. Перед ним на столе оставалось три жетона. Жиль Хабибула окликнул его:

— Братец, хочешь выиграть?

Маленький незнакомец заморгал, взглянув на него.

— Сэр,— послышался его визгливый голос,— хочу. Я много лет трудился над совершенствованием моей системы, произвел двадцать миллионов вычислений. У меня осталось три жетона.

— Забудь о своей смертельной системе,— засопел Жиль Хабибула,— и ставь свои жетоны на сто один.

Человек неуверенно поскреб русую макушку, с сомнением глядя в свою записную книжку.

— Однако моя система, сэр, основана на перестановке чисел и гравитационном воздействии планет... Моя система...

— Дурак! — прошипела женщина с лицом мышеловки, сидевшая рядом с ним.— Играй! Старый пройдоха что-то замышляет! Он только что урвал двадцать миллиардов.

Она поставила столбик собственных жетонов на сто один.

Жиль моргнул, и крупье завертел рулетку.

Маленький человечек глянул на свой калькулятор, затем поставил жетон на сорок один. Толстая рука Жиля Хабибулы, державшая кредитки так, словно это был радиоактивный металл, положила выигрыш на дубль-зеро.

— Два биллиона и несколько миллионов,— сказал он белому, как мел, крупье. В голосе его звучала откровенная угроза.— И не шевелиться, пока шарик не остановится! Не дышать!

Он посмотрел на русоволосого коротышку.

— Ты прав, братец,— сказал он.— Твой номер выиграет. Это зависит от гравитационного воздействия.— Он ткнул ручкой трости в лицо крупье.— Не двигаться!

Трость приподнялась, и шарик выскочил в паз.

— Выиграл сорок первый! — Всхлипнув от облегчения, белый, как мел, крупье забрал пачку кредиток с дубль-зеро. Дрожащей рукой он смахнул остальные ставки. Затем придвинул к коротышке стопку и сотни жетонов.

Женщина с невыразительным лицом издала какой-то звук.

— Моя система! — прогудел возбужденный коротышка.— Наконец-то!

Тонкие пальцы сделали пометку в черной записной книжке. Пробежались по безмолвным клавишам калькулятора. Он взглянул на табло, потом поместил жетоны опять на сорок один.

Бесцветные глаза Жиля Хабибулы снова обратились к крупье.

— Сорок первый,— сказал он,— вновь выиграет.

Крупье облизал сухие губы. Блестящие глаза в отчаянии взглянули на Гаспара Ханнаса. Он хрипло продолжал делать ставки, раскрутил колесо и с ужасом на лице смотрел на прыгающий шарик.

И выиграл сорок первый номер!

— Моя система! — Русоволосый коротышка сгреб жетоны дрожащими руками.— За двадцать лет впервые! Дурак, дурак этот доктор Дэвиан — говорили все. Однако теперь...— Толстые линзы уставились на стол.— Теперь те, кто считал его дураком, признают его математическим гением!

— Да нет, он и теперь дурак,— обратился Гаспар Ханнас к Джею Каламу, не тревожась о том, услышат его или нет за столом.— Патологический игрок. Я перевидал таких тысячи — они достаточно эгоистичны, чтобы верить, будто законы вероятности способна свергнуть их полоумная система. Они никогда не умеют вовремя остановиться, пока не приходится, в конце концов, клянчить бесплатную черную фишку. Дэвиан, видимо, будет просить ее завтра, когда спустит к утру все, что выиграл сейчас.

Командор сочувственно взглянул на коротышку, чьи беспокойные пальцы опять вдавливали клавиши калькулятора. Он снова повернулся к хозяину Новой Луны.

— Старый клиент?

— Он уже двадцать лет пытается разорить меня.— Невинно моргая, Ханнас стоял и смотрел, как Дэвиан заносит результаты своей игры в записную книжку.— Я хорошо знаю его, он часто прилетает ко мне, чтобы спустить свои жалкие гроши. Я даже встречал его жену, когда они впервые появились на моем старом корабле,— очаровательная девушка, она много лет пыталась спасти его после того, как он промотал все, что имел. Однако потом поняла, что Эфтаназия — единственное лекарство для таких типов. Ему доводилось даже занимать ответственную должность в одной исследовательской фирме, в статистическом отделе. Посмотрите на него сейчас — это же ничтожество.

Ханнас презрительно хихикнул.

— Все они одинаковы,— сказал он.— Проигрываются до нитки, а Синдикату приходится оплачивать им обратную дорогу. Но им же этого мало! Они не способны ничему научиться. Они не успокаиваются. Продают дома. Предают родственников. Отталкивают друзей, если у них есть друзья. Живут в нищете, клянчат милостыню, воруют и вновь возвращаются сюда, чтобы попытаться сорвать банк.

— Печальный случай,— сказал Джей Калам, сочувственно взглянув на бледного игрока, на идиотскую улыбку Ханнаса.— Вы даже не испытываете ответственности?

— Не я изобрел человеческую натуру.— Ханнас пожал плечами.— И Синдикат таких, как он, не поощряет. Дело в том, что практической выгоды от них мы не получаем, они создают только неприятные инциденты, когда совершают самоубийства за столами на глазах у публики, а то и нападая на наших людей вместо того, чтобы благопристойно попросить черный жетон.

Он фыркнул.

— Все они одинаковы,— повторил он.— Этот Дэвиан — всего лишь чуть настойчивее остальных.

Джей Калам взглянул на хронометр и взял великана за руку.

— Двенадцать минут до полуночи,— сказал он тихо.— Я думаю, нам лучше пройтись. Но дайте людям сигнал не сводить глаз с доктора Даррела.

Они пошли через широкий зал. Хал Самду шагал впереди. Тяжело дыша и переваливаясь, Жиль Хабибула плелся следом. Лицо его было в крупных каплях пота.

— Во имя жизни! — всхлипывал он.— Джей, Хал, неужели вы не подождете бедного старого Жиля? Неужели вы оставите его одного в лапах ужасного Василиска? Неужели вы не чувствуете угрозы в воздухе и не видите страха на лицах каждого смертного из присутствующих?

Джей Калам остановился, и старик вцепился в его руку.

— Джей, пойдем! — прохрипел он.— Ради жизни, давай приготовимся. Давай встанем у стены, и пусть нас окружат все наши люди с бластерами наготове...

— Заткнись, Жиль! — оборвал его Хал Самду.— Опасность грозит только победителю. Я думаю, что если мы окружим этого доктора Даррела...

— Моя смертельная жизнь!

Дрожащей рукой Жиль Хабибула показывал на стол, где остановилась игра. Высокий человек в белом устанавливал на столе некий выпуклый предмет, завернутый в коричневую ткань.

Жиль Хабибула изумленно глядел, как он разворачивает ткань. Глазам зрителей предстала черная коробка с полированными медными стержнями, выходящими из боков и верха. К коробке была присоединена маленькая панель управления; кроме того, человек снял с головы наушники.

— Кто это? — Жиль Хабибула вцепился в руку Ханнаса.— Во имя драгоценной жизни, скажи, что это за прибор? — Тонкий его голос дрожал.— Мне не нравится этот странный аппарат, особенно в тот момент, когда нам предстоит иметь дело с таким чудовищем, как Василиск.

— Это всего лишь Джон Комэйн,— ржавым голосом произнес Гаспар Ханнас.— Мы поговорим с ним.

Он подвел их к человеку, придумавшему Новую Луну. Комэйн в своем белом лабораторном халате выглядел атлетом. Светлые волосы его были жетскими и непокорными. Лицо — словно квадратная строгая маска, невыразительные синие глаза — слегка выпуклы. Он кивнул Гаспару Ханнасу, однако кивок получился жестким, неприветливым.

— Комэйн,— сказал Ханнас.— Это командор Калам и его помощники. Они ловят Василиска.

Стеклянные глаза бросили на них холодный взгляд.

— Джентльмены,— произнес сухой металлический голос,— я тоже, по-своему, пытаюсь разрешить эту проблему. Я построил Новую Луну. Я хочу защитить ее.

Жиль Хабибула показал на черную коробку.

— Да-да, доктор Комэйн. А что это?

— Действия Василиска,— кратко сказал Комэйн,— показывают, что он использовал незнакомые нам технические средства. Таким образом, первый шаг, который мы должны предпринять,— обнаружить и проанализировать используемые им силы.

И он резко повернулся к приборной панели.

— Ах, верно,— сказал Жиль Хабибула.— Вы правы. Что верно, то верно.

И они пошли вдоль столиков, внимательно рассматривая тысячи игроков. Игра почти везде остановилась. Повсюду слышался нервный шепот, время от времени прерываемый чьим-нибудь слишком громким смехом, выдающим страх. Многие из тех, кто пришел сюда посмотреть на Василиска, похоже, сожалели о своей храбрости и теснились к дверям.

— Моя смертельная жизнь! — опять изумленно закричал Жиль Хабибула. Его трясущаяся рука указывала на столик, за которым прекратилась игра.

— Я знаю этого человека! — Он показал на одного из игроков.— Сорок лет назад мы были знакомы на Голубом Единороге! Это Амо Брелекко!

— Естественно, ты знаешь его,— прохрипел Гаспар Ханнас.— Таких, как мы трое, в те далекие времена не было.

— Ах вот как! — Жиль Хабибула раздраженно выпрямился.— Во имя жизни, Ханнас, я не давал тебе права зачислять меня в это общество.— Он издал резкий неприятный звук, словно хотел сплюнуть.— И ты, и Зел ни разу в жизни палец о палец не ударили, чтобы сделать что-нибудь хорошее. К тому же, Жиль был гораздо ловчее и делал все лучше, чем вы.

К ним направлялся высокий человек с совершенно лысой огромной головой. Длинный, похожий на лезвие ножа нос придавал его лицу топорную резкость. На нем были просторная пурпурная пижама и пламенно-желтого цвета халат. На груди блестел огромный бриллиант, а длинные желтые когтеобразные пальцы сверкали бриллиантами колец.

— Амо Зел! — прошептал Жиль Хабибула.— Словно и не было этих сорока лет. Он не изменился. У него были самые быстрые руки на свете, кроме моих собственных! — Его бледные глаза заморгали.

— Что он здесь делает, Ханнас? Тебе не следовало его сюда пускать. Он знает твои штучки не хуже меня.

Тот улыбнулся.

— Брелекко был здесь еще до того, как построили Новую Луну,— сказал Ханнас.— Я предлагал ему десять тысяч долларов в день, чтобы он играл на заведение. Он отказался, сказав, что предпочитает брать эти деньги со стола.

Так он и делает — но он гораздо скромнее тебя, Хабибула. Он скрупулезно ограничивает свой выигрыш десятью тысячами долларов в день. Я не жалуюсь на его присутствие. Он хорошо действует на публику.

— Ты прав. Он, должно быть, неплох,— кивнул Жиль Хабибула.— Хотя, когда я его узнал, он был совсем мальчишкой, однако весьма многообещающим.

— Брелекко — одаренный человек,— согласился Гаспар Ханнас. Он просто волшебник, и это восхищает наших гостей. Он изобрел сверхшахматы, и никто не может его обыграть.

— Я никогда не пытался,— пробормотал Жиль Хабибула.

— Его квартира оборудована как астрофизическая лаборатория,— продолжал Ханнас.— Снаружи — купол обсерватории, кроме того, он талантливый ученый, а не только величайший игрок в Системе.

Глаза Хабибулы замерцали.

— Не считая, конечно, тебя,— торопливо добавил Ханнас.

Он сделал приглашающий жест белой рукой, и Амо Брелекко подошел к ним. Взглянув на старика в сером, он застыл на месте. Сверкающие драгоценности совершили дугу в воздухе вместе с его рукой, выскочившей из рукава.

Но толстая трость была уже направлена на него упершись в тощее тело Брелекко. Пухлая ладонь сжала ручку.

— Не двигаться, Брелекко! — угрожающе зазвенел тонкий голос.— Или я развалю тебя надвое!

Рука в драгоценностях опустилась.

— Ах, Брелекко,— просопел Жиль.— За сорок лет ты меня не забыл.

— И никогда не забуду, Хабибула.— Речь Брелекко напоминала скрежет металла.— Даже за сорок столетий.

— В таком случае, Амо, тебе следует держать себя в руках,— мрачно посоветовал Жиль Хабибула.— По крайней мере, до полуночи.

Бесплотное, как у кадавра, лицо игрока исказилось неприятной гримасой.

— Выходит, ты охотишься на Василиска, Хабибула? — спросил он скрежещущим шепотом.— Есть древняя земная поговорка. Посылай вора ловить вора.— Его смех слегка менялся, как и его голос.— Однако я думаю, что даже это не поможет. Василиск — лучший вор, чем даже ты, Хабибула.

У Жиля перехватило дыхание, и трость взлетела. Но Амо Брелекко, насмешливо махнув тонкой рукой, повернулся к дальнему столу, за которым возникла суета.

— Мы скоро узнаем,— прошептал он.— Похоже, выигравший в опасности. И полночь вот-вот наступит.— Он пошел, словно желтый скелет, к столику. Трое легионеров и Гаспар Ханнас поспешили следом. Большинство игроков, когда они приблизились к столику, расступилось. Очевидно, они испытывали боязнь перед зловещим Василиском, так что за столиком оставались лишь несколько человек. Вокруг них сомкнулся круг перешептывающихся зрителей.

Большинство из тех немногих, что остались, были легионерами в штатском. Однако рослый бледный человек, представившийся как Чарльз Даррел, протолкался и подошел к столику вместе с высокой блондинкой. Брелекко стал возле крупье, глядя сквозь монокль на рулетку. Инженер Джон Комэйн двигал через стол свое загадочное устройство; на голове у него были наушники, и он чем-то щелкал на приборной панели. За столиком остался лишь один игрок, и, очевидно, фокус внимания был направлен на него, маленького потрепанного человечка, Абеля Дэвиана. Его жетоны значительно увеличились в количестве, и он дрожал от возбуждения. Толстые стекла очков запотели, сморщенная кожа была покрыта потом. Поношенный пиджак расстегнут. Он с лихорадочной торопливостью выставлял последние жетоны и щелкал калькулятором. Жиль Хабибула остановился, озабоченно сопя. Но трое его спутников протолкались к столику, и маленький игрок посмотрел на них. Его блестящие от возбуждения глаза заморгали. Он узнал их.

— Спасибо, мистер Ханнас,— насмешливо протянул он.— Моя система дала мне двадцать миллионов долларов. По-моему, неплохая награда за годы мытья посуды, за то время, когда я перебивался с хлеба на воду и берег каждую копейку, чтобы проиграть за вашим столом. Однако сейчас я хочу вас удивить.— Он нервно и алчно стал сгребать выигрыш.

— Вы издевались, мистер Ханнас, когда я приходил и просил у вас немного денег в долг. Вы говорили, что я пристрастился и что такие, как я, не выигрывают. Но сейчас я намерен увезти выигрыш домой.— Пронзительный голос задрожал.— Прощайте, мистер Ханнас.— Он

попросил у крупье пустой мешок для денег. Синие жетоны, синтетические банкноты, сертификаты Зеленого Холла — все перекочевало туда.

Джей Калам бросил взгляд на Хала Самду и сделал властный жест столпившимся вокруг легионерам.

— Стерегите этого человека!

Маленький Абель Дэвиан взял мешок, калькулятор и записную книжку и устало поплелся прочь от стола. Он остановился, нервно оглянулся.

— Нет, мистер Ханнас,— пробормотал он.— Я не вернусь.

Джей Калам напрягся и затаил дыхание. Он услышал необычный звук. Глубокий, вибрирующий гул, похожий на урчание огромного тигра, зловещий и безжалостный, однако механический по ритму.

Звук был пронизывающим. Кости заныли, в голове стал стучать молот, зубы задрожали. Абель Дэвиан замерцал, словно его отгородил прозрачный занавес. Маленькое сутулое тельце, казалось, застыло на мгновение, как кадр киноленты при остановке проектора. Затем Абель Дэвиан исчез.

В эту самую минуту Джей Калам услышал треск электрических зарядов и ощутил покалывание на коже. Он понимал, что какая-то сила тянет его к тому месту, где только что был Абель Дэвиан, а потом его оттолкнуло назад. Джей Калам чувствовал головокружение, тошноту и не верил собственным глазам, ибо в том месте, откуда только что столь загадочно исчез маленький человек, стояло нечно чудовищное.

ТВАРЬ НИОТКУДА

Когда блондинка приветствовала Чана Деррона по имени в Казино, он остановился, пораженный и испуганный, затем, глядя в ее сияющие фиолетовые глаза, заставил себя ответить на улыбку и пожал ее теплую ладонь.

— Не могли бы мы поговорить? — спросила она и кивнула, указывая в сторону.— Пойдемте со мной,— сказала она. Голос ее напоминал золотистую песню, звучавшую в его сердце.— Я заказала столик на двоих в ресторане возле Алмазного Зала. Мы сможем поговорить за обедом. А потом...

Голос ее звучал как музыка, и в фиолетовой глубине глаз светилось нечто черное и холодное, как межгалактическое пространство.

— Потом,— тихо сказала она, и снова ее лучистая улыбка заставила его сердце болезненно сжаться,— мы будем играть.

— Подождите, пожалуйста.— У Чана Деррона перехватило дыхание, и он попытался справиться с собой. Он отвел глаза и попытался придать своему лицу спокойное выражение. Затем вновь повернулся к ней.

— Извините,— сказал он.— Вы — самая красивая женщина на свете. Однако, я думаю, вы обознались. Я доктор Чарльз Даррел. Я прибыл сюда с Венеры по пути на Землю. Очень сожалею, но прежде мы никогда не встречались. И я не знаю этого...— как вы сказали? — Чана Деррона.

Красивая гордая голова качнулась из стороны в сторону, и роскошные платиновые волосы сверкнули в свете огромных алмазоподобных колонн Казино. В фиолетовых глазах была насмешка, и Чан впервые заметил, что они слегка косят.

— Я не обозналась,— тихо сказала она.— А если вы не знаете Чана Деррона, я освежу вашу память.— Она быстро открыла сумочку, и он бросил взгляд на собственный портрет, над которым кричащий заголовок предлагал четверть миллиона долларов. Сумочка защелкнулась.— Итак, Чарльз, будете обедать?

В ее голосе, в светлой приглашающей музыке речи было что-то твердое, как огромный белый алмаз на ее шее, холодное, как планета с погасшим солнцем. Чан Деррон попытался сдержать дрожь.

— Как скажете, дорогая,— сказал он.

Возле массивного, окаймленного золотом портала они предъявили свои билеты. Чан бросил украдкой взгляд на билет девушки. На нем было имя Вани Злоян. Резиденция на Джуно. Но это был такой же временный пропуск, как и у него.

В ресторане, занимавшем треугольное пространство между тремя круглыми залами, Чан усадил девушку за укромный столик среди папоротников. Она заказала шампанское, он тоже.

— Ваня Злоян,— тихо сказал он.— С Джуно,— он взглянул на нее,— однако я думаю, Ваня, что на самом деле вы — землянка. Я никогда не встречал каллистянку с вашими манерами, хотя акцент позволяет предположить, что вы обучались в университете на Марсе. Думаю, что вы занимались наукой и музыкой. Я прав?

Белое лицо вдруг застыло, и выражение на нем было серьезным, почти трагическим. У Чана в горле появился комок.

— Предпочитаю не говорить о себе.— Голос ее при всей музыкальности был холоден, как солнце на Нептуне.— Я пришла, чтобы встретиться здесь с вами, Чан Деррон, и задать вопрос.— Она наклонилась вперед, и ее красивое тело напряглось. Фиолетовые глаза осветили его ярким и страшным огнем.— Что вы сделали с изобретением доктора Элероида?

Кровь отхлынула от лица Чана, оставив только серо-зеленую краску грима. Ледяные пальцы сжали сердце. Силы покинули его.

В тюрьме на Эброне он слышал этот вопрос десять тысяч раз, и сейчас один лишь этот звук вернул назад годы мучений. Два года он пытался совершить побег. Прежде, чем он смог заговорить, прошло некоторое время.

— Я не убивал доктора Элероида,— сказал он.— Я не похищал его изобретение. Обвинения лживы. Я — жертва чудовищного заговора. Поверьте мне, Ваня...

Глаза ее сверкали холодом полярной шапки.

— Я вам не верю, Чан Деррон.— Ее голос звучал со смертоносной решительностью.— И вы не сможете бежать, пока я не узнаю, что вы сделали и что собираетесь делать с секретом доктора Элероида.

Отчаянная безжалостная сила ее голоса и внимательные глаза заставили Чана испытать страх. И вдруг он заметил в этом лице, в этих глазах что-то знакомое.

— Вспомните, Чан Деррон,— предупредил его холодный голос.— Достаточно двух слов, чтобы оборвалась ваша жизнь, а также замечательная карьера Василиска.

Чан Деррон тяжело вздохнул и уселся в кресле поудобнее. Он смотрел, не отрываясь, на белокурую красавицу.

Он смотрел так, пока безмолвный официант не принес обед и не удалился. И то, что он увидел в ней, было гораздо более опасным, чем ее ледяной голос.

Ибо грим на ее лице, казалось, исчез. Платиновое сияние волос сменилось огненным блеском красного дерева. Он узнал это лицо!

Он изучал каждую черточку его в течение одиноких часов, рассматривая портрет, прикрепленный на стенке рубки "Атома-Фантома" рядом с его собственным портретом. Это прекрасное и смертельное опасное существо не было женщиной! Это была Леруа — последнее из синтетических чудовищ-андроидов Эльдо Арруни. Цена ее жизни была сравнима с наградой за его голову.

Чан Деррон вежливо улыбнулся и надел темные очки.

— Вы знаете два слова,— проептал он.— А я знаю одно. Леруа.

В лице ее мелькнуло напряженное выражение, и в глазах было что-то темное и гибельное, однако в следующую секунду она тепло улыбнулась.

— Стол накрыт, доктор Чарльз,— сказала она.— И блюда слишком хороши, чтобы их не попробовать. Кроме того, до полуночи мы должны оказаться в Алмазном Зале.

Когда они очутились в помещении для игры, девушка купила стопку жетонов, выложив пачку зеленых кредиток, говорящих, казалось, о зловещем искусстве Леруа. Они сыграли. Он поставил жетоны напротив ее жетонов, и оба выиграли.

Возможно, подумал он, не следует питать иллюзий о роли судьбы за столиком Новой Луны, поскольку магнит ее красоты уже собрал толпу вокруг их столика.

Ее фиолетовые глаза внимательно рассматривали его и видели все, что происходило вокруг, отмеряя уходящие минуты. Она ждала, подумал он, полуночи. Когда он выдаст себя.

— Ваня,— прошептал он однажды, когда они оказались на какое-то время наедине,— я здесь лишь для того, чтобы поймать этого преступника. Если вы позволите мне...

— Подождите до полуночи,— равнодушно ответила она.

Когда подошли трое легионеров, Чан Деррон сразу узнал командора и Хала Самду. Даже в штатском ветеранов Легиона было видать за версту. Ему тут же захотелось оказаться футов на шесть пониже ростом.

Когда ему возвращали билет и ключи, он понял, что его узнали. А замечательный маневр коротышки был не более чем тщательно разработанным трюком. Он удивился, когда девушка столь смело выступила в его защиту. Чувства, вызываемые у него ее красотой, были сильнее страха, сильнее того ужаса, который он испытывал перед андроидами. Когда командор ушел, он повернулся к ней с улыбкой облегчения и благодарности.

— Спасибо, Ваня.— От ее ответной улыбки у него перехватило дух, но она, понял он, предназначалась зрителям.

Голос ее перешел на шепот, безжалостно-холодный, он зловеще прошелестел:

— Не следует меня благодарить, Чан Деррон. Калам, Самду и старый Хабибула узнали вас так же, как и я, и мое вмешательство ничего для них не значит. Они, как и я, ждут полуночи.

И полночь наступила.

Девушка схватила Чана под руку. Тонкие пальцы отчаянно вцепились в его плоть. Сильные, как и полагалось андроиду. Пронзительные фиолетовые глаза следили за каждым его движением, точно так же, как и он следил, не выдаст ли себя каким-нибудь движением Василиск. Вторая рука, заметил он, постоянно играла большим белым алмазом на шее. Что это за бриллиант, спросил он себя в этот последний момент. Огромный драгоценный камень, похожий на большую снежинку.

Чан Деррон услышал зловещее урчание. Он увидел, как замерцал маленький Дэвиан, как застыл и исчез. Он глотнул сырого холодного воздуха. Его потянуло к тому месту, где только что стоял Дэвиан, затем оттолкнуло назад. И тут, едва понимая, что его душит облако едкого газа, он с изумлением уставился в чудовищные глаза ужасной твари, появившейся на месте Дэвиана. Ничего подобного в Системе еще не видели.

Стоя на трех тонких подгибающихся, похожих на резиновые, лапах, монстр достигал двенадцати футов в высоту. Тело в форме капли было покрыто зеленовато-черными чешуйками. Три огромных глаза, мутных, алых, глядели с бронированной головы. Огромный черный, как смоль,

клюв разверзся, открыв множество зубов-сабель. Жуткая бахрома длинных змееподобных щупальцев свисала с клюва.

С ужасного тела на полированный пол капала зеленоватая слизь, в точности, подумал Чан, как будто чудовище было только что выхвачено из трясины неких первобытных джунглей. За слизью темнели чешуйки и проглядывал странный металлический блеск. Ощущался удушающий ядовитый запах, в котором Чан немедленно узнал запах хлора. Некоторое время чудовище стояло совершенно неподвижно, покачивая головой, жуткой, клювастой, и три огромных красных глаза, смотревших в трех разных направлениях, озирали весь круг столпившихся испуганных зрителей. Тихий сдавленный гул кочевал по Алмазному Залу. Никто не кричал. Затем те, кто стоял ближе, ослепленные дыханием твари, начали неуверенно пятиться назад. Вначале кто-то истерично рассмеялся, потом послышался пронзительный всхлипывающий визг. И ропот перешел в безумный рев.

Однако тварь уже двигалась. Три крыла внезапно распрямились над бронированной спиной. Они были прозрачно-зелеными и отливали изумрудом. Два крыла с боков и третье, похожее на хвост, сзади — они поднимались и опускались одно за другим, словно пробовали делать это в первый раз. И затем их стало не видно, как раскрутившийся пропеллер. Огромный клюв раскрылся, и послышался жуткий рев. Отразившись от сводов Алмазного Зала, дикое эхо неведомых джунглей полетело по всем коридорам. И само существо с неожиданной, удивительной резвостью помчалось на трех подгибающихся конечностях. Крылья издавали громоподобный гул и поднимали ветер, наполненный аммиаком.

— Назад, Ваня! — прохрипел Чан. Он бросился к ней, но огромное крыло ударило его по голове, и он упал. Падая, он заметил, что девушка стоит на пути монстра. Обе ее ладони были поднесены к странному белому бриллианту. Затем зеленоватые щупальца, корчась под клювом, словно змеи, подхватили ее. Тварь вместе с девушкой взлетела над перепуганными зрителями и помчалась через холл.

— Ловите его! — послышался громкий голос.— Ловите Чана Деррона!

Ослепший задыхающийся от аммиака, гигант Самду шатался, тер глаза и размахивал длинным ярким бластером. Рядом с ним Джей Калам, лишившийся голоса и задыхающийся, пытался созвать людей в штатском.

— Ловите его,— сопел Жиль Хабибула из-под стола.— Ловите смертельного монстра!

— Полмиллиона! — грохотал голос Гаспара Ханнаса.— Полмиллиона тому, кто поймает Чана Деррона!

Парализованный страхом и ядовитым газом, Чан понял, что у него осталось всего лишь несколько секунд. Затем, сунув руку за пазуху, под зеленую ткань, он нащупал небольшой геопеллер, снятый со скафандра.

Кабель управления проходил через рукав, и он вцепился в рукоять. Быстрое нажатие пальцев, и он мгновенно взмыл над головами стражников. Поднявшись к самому центру потолка, он понесся за монстром и девушкой.

Внизу засверкали вспышки выстрелов. Пластик разлетался на куски, осыпая тех, кто в панике метался по полу. Он вдыхал запах озона и чувствовал, что слабеет. Однако геопеллер при всей своей небольшой величине развивал немалую скорость. Чан сделал зигзаг. Не прошло и нескольких секунд, как он добрался до конца обширного зеленого зала, но монстр исчез, унося девушку. Куда теперь двигаться, было ясно. Чужое существо, должно быть, проглядело широкий дверной проем, так как в потолке зияло рваное огромное отверстие. Чан повернул рукоять. Геопеллер понес его в отверстие.

И мозг его, возбужденный скоростью полета, быстро принял решение. Сейчас, когда он был свободен и находился в воздухе, он понимал, что это — его шанс на спасение. Опасность подгоняла его, и ужасы, перенесенные на Скале Дьявола, казалось, гнались за ним по пятам. Однако он не стал убегать. Он охотился на Василиска, а чудовище было единственной нитью к тому, чтобы установить личность и методы этого преступника. Он понимал, что должен гнаться за монстром. Он пытался уверить себя, что девушка не играет роли. Безжалостный синтетический мозг Леруа представлял для него большую опасность, чем весь Легион. Было бы лучше, если бы монстр уничтожил ее. Но все же мысль о Ване Злоян тоже подгоняла его, хотя он сам того не осознавал. За отверстием в массивной стене, которое могло быть образованео лишь каким-нибудь более внушительным оружием, чем щупальца и клыки,— за этим отверстием он оказался в переплетении коридоров, в музее Новой Луны. Чудовища и девушки не было видно. В одном из залов впереди металось несколько человек. Возле стеклянного ящика стоял один из служителей с желтым полумесяцем на форме. Чан опустился рядом с ним.

— Куда? — требовательно спросил он.

Человек стоял, одеревенев, с остекленевшим взглядом. Он поднял руку. Хотя геопеллер использовался преимущественно в спорте и для спасения в космосе, вид летящего человека здесь был, видимо, достаточно необычен. Так же необычен, как и вид чудовища. Чан потряс его за плечо.

— Куда оно ее утащило?

— Этого не может быть,— захныкал человек.— Таких тварей не бывает.— Глаза его снова стали осмысленными, и он с сомнением вгляделся в лицо Чана.— Тварь, несущая женщину? — прошептал он.— Она улетела вверх, в недостроенные помещения. Туда! — Он показал, а затем вдруг согнулся. Видимо, его затошнило.

Поворачивая рукоять, Чан вновь метнулся вверх. Ветер завизжал в ушах, вцепился в одежду. Он нашел в потолке еще одну дыру и помчался

туда, где находилась недостроенная часть Новой Луны. Над пустыми полами переплетались провода и тросы, уходя вверх, в мрак. Атомное пламя горело тут и там, словно звезды в металлической вселенной. Оно отбрасывало синие фантастические тени. Несколько мгновений Чан Деррон вглядывался, обескураженный, в синюю таинственную бездну зловещих теней и металлической паутины. Вытащив бластер из-под одежды, он услышал монстра. Жуткий рев разразился сквозь стальную путаницу, отразился от корпуса, но зато он указал направление. Геопеллер опять помчал Чана вверх. Наконец, на огромной платформе, которой пользовались строители, он настиг тварь и девушку. Далекое синее пламя освещало гротескную сеть черных теней. Девушка лежала без движения. Над ней скорчился огромный кошмар, разинув ужасный клюв. Щупальцы-змеи извивались вокруг шеи.

Геопеллер понес Чана вперед. Вспыхнул бластер. Первый белый разряд ударил в темное чешуйчатое тело. Похоже, никакого вреда монстру он не причинил. А в зеленых щупальцах мелькнуло оружие. Такой же служебный бластер нового типа, принятый на вооружении в Легионе.

Малейшей доли энергии разряда было достаточно, чтобы вызвать медленную смерть от лучевой болезни. Чуть большая доза — и он погибнет мгновенно от ионизации ткани мозга. Однако второй заряд угодил в красный глаз монстра и вызвал немедленный эффект. Бластер упал. Закоченев, чудовище стало валиться на девушку.

Не обращая внимания на крик протеста в глубине души, он рванулся вперед. Та же рука, что держала бластер, обняла девушку. Геопеллер поднял их обоих. Монстр рухнул позади. Огромные зеленые крылья, ударившись о платформу, распрямились. Тело вытянулось и уже не шевелилось. Чан опустился рядом с чудовищем и помог девушке встать на ноги. Ее стройное тело задвигалось, и она прошептала:

— Спасибо, Чан.— Она глядела на него и испуганно улыбалась.

Голос ее был волшебным. Фиолетовые глаза приблизились, и затем, с неожиданной быстротой пантеры, она выскользнула из его рук. Внезапный парализующий удар локтем пришелся в нервный узел на его шее. Яростная свирепая сила выкрутила бластер из его руки... Потрясенный, он пошатнулся. Здесь, вдалеке от гравитационных пластин на дне корпуса Новой Луны, притяжение было весьма слабым, и ему потребовалось некоторое время, чтобы выпрямиться. Когда он восстановил равновесие, она стояла напротив, держа его на мушке собственного оружия.

— Ну что ж, мистер Василиск,— послышался тихий насмешливый голос.— Посмотрим, как вы уйдете на этот раз.

У Чана перехватило дыхание. Вокруг вращались синеватая тьма и тени от стальных тросов. Он заранее знал, что девушка опасна, и все же красота ее сбила его с толку.

Рука потянулась к рукояти управления геопеллера. Он не особенно надеялся, что может избежать выстрела, однако тяги маленького устройства могло быть достаточно, чтобы сбить ее с ног своим телом.

— Ни с места, Чан Деррон! Убери руку!

Бластер в ее руке вздрогнул.

Он расслабил пальцы.

— Ваня, не можешь же ты всерьез считать, что я — Василиск. До сих пор ты была на моей стороне...

— Молчать! — Сверкающее оружие властно поднялось.— Я была достаточно близко от вас, чтобы почувствовать механизм на вашем теле, Деррон, кабель в рукаве.— Прищуренные фиолетовые глаза светились гибельным блеском.— На этот раз вы попали в западню. Вам не уйти.

Он снова увидел, как пальцы ее потянулись к странному белому алмазу на шее.

— Но все же я хочу дать вам еще один шанс.

Он увидел, как рука ее напряглась и лицо превратилось в безжалостную белую маску. Голос ее, холодный как льдина, хлестнул его:

— Что вы сделали с изобретением доктора Элероида?

Он беспомощно покачал головой.

— Где машина, которой вы управляете с помощью приборов, что находятся на вашем теле?

Он знал, что она выстрелит, однако не отвечал. Он не мог заставить себя броситься на нее. Две смерти вместо одной. Но ее безжалостная красота...

И вдруг он услышал чудовищное урчание. Девушка и все, что было за ее спиной, вдруг замерцало, как будто между ними опустилась витрилитовая стена. Он увидел, как рука ее застыла в рукоятке бластера, увидел белую вспышку. Последнее, что он видел,— ее напряженное лицо с мрачным подозрительным выражением, которое сменилось изумлением и горьким пониманием. Она растворилась в бездне тьмы, усеянной звездами, а Чан Деррон провалился в черный и безвоздушный холод.

НИТЬ НА КОНТР-САТУРНЕ

— Говорите, оно мертвое? — дрожа, спросил Жиль Хабибула.— Джей, ты уверен, что эта жуткая тварь мертва?

В вышине, в тенистой путанице синеватых металлических тросов, под куполом Новой Луны, на голой платформе растянулось уродливое чудовище. Джей Калам, Хал Самду и Гаспар Ханнас стояли возле лифта на платформе... Жиль Хабибула прятался за их спинами.

— Совершенно мертва,— заверил его Джей Калам.— Очевидно, с ней разделался Чан Деррон. Кто бы мог подумать, что под одеждой у него геопеллер! А потом он унесся вместе с девушкой.

— Унесся! — Это был сдавленный стон. Они обернулись и посмотрели на огромного, одетого во все черное владельца Новой Луны.— И все наши гости знают, что он натворил! Там, на палубах, паника! Каждый корабль, который должен отчалить, уже забит до предела беженцами. Через двадцать четыре часа на Новой Луне не будет ни одного посетителя, а также многих наших работников.

Огромные белые кулаки Ханнаса сжались.

— Меня разорил Василиск, командор,— прохрипел он.— Или Чан Деррон.

Пошлите за ним погоню.

Рука Джея Калама указала на тусклый лабиринт из стальной арматуры.

— Должно быть, он где-то здесь вместе с этой женщиной,— сказал он, нахмурив темный лоб.

— Да, Джей,— ответил Хал Самду.— Она была прекрасна, прекрасна сверх всякой меры. Эта та же злая красота, которая отличала андроидов Эльдо Арруни.

— Андроид! — воскликнул Джей Калам.— Видимо, так. Должно быть, это Леруа, злобная сестренка Стивена Орко.— Он добавил: — Для такого существа Новая Луна — лакомый кусок. А Чан Деррон для нее — идеальный сообщник. Однако она не была похожа на...

— Похожа, Джей. Похожа,— возразил Жиль Хабибула.— Это смертельно очевидно. Цвет волос и глаз изменен, и косметика изменила форму ее лица. Но, все равно, это была она.

Джей Калам повернулся к нему.

— Почему ты не сказал?

Подняв трость, словно собираясь защищаться, Жиль Хабибула попятился.

— Джей, Джей,— жалобно засопел он.— Не будь так строг с бедным солдатом.— Он тяжело вздохнул и прижал к сердцу толстую желтую ладонь.— Жиль уже очень стар. Глаза у него совсем слабые. Но он все же

не чужд восприятию красоты. Джей, а эта девушка была слишком красива, чтобы стоять перед строем твоих солдат с бластерами. Ах, это была просто мечта.

— Будь на твоем месте другой, он бы сам встал перед строем солдат с бластерами.

Командор решительно повернулся к Гаспару Ханнасу.

— Напомните вашей полиции,— сказал он,— что эта женщина-андроид стоит двести пятьдесят тысяч долларов. Что означает три четверти миллиона за двоих.

— Я не пожалел бы и миллиона, командор,— прохрипел гигант,— чтобы спасти Новую Луну.

Он побрел к лифту.

Джей Калам почесал подбородок.

— Возможно, надо поставить Леруа рядом с Дерроном в нашем списке подозреваемых,— сказал он медленно.— Мы знаем, что Василиск умен, беспощаден и весьма сведущ в науке, а это описание подходит к андроиду. Или она Василиск, или она его сообщник. Либо она пришла сюда, чтобы перехватить его добычу.

Он повернулся к закоченевшей твари, убитой Чаном Дерроном. Хал Самду уже осматривал ее с помощью фонарика, а Жиль Хабибула тыкал в ее бронированное тело тростью.

— Ах, какой ужас! — засопел старик.— И оно появилось ниоткуда.

— Оно пришло откуда-то,— хмуро вмешался Джей Калам.— И усложнило ситуацию. Таких тварей в Системе нет, и ничего подобного мы не встречали на комете. Это означает...

— Джей,— изумленно прохрипел Жиль Хабибула.— Джей, взгляни!

В его руке дрожала поднятая трость.

— Эта смертельная тварь никогда не была живой.

— Что ты сказал?

— Смотри! — засопел старик.— Чешуя металлическая, на заклепках. В крыльях нет плоти, это же жалкий целлулит! И машут они не за счет мускулов, а за счет тросов. Змееподобные щупальца, что схватили бедную девочку,— они сделаны из металлических дисков, проволоки и резины, а жуткие глаза — витрилитовые линзы.

Джей, эта тварь — смертельный робот!

— Верно, Жиль.— Джей Калам склонился над роботом.— Хал, дай мне твой фонарик.

Он заглянул в один из трех огромных стеклянных глаз, пощупал эластичный материал, из которого были сделаны крылья, осмотрел клюв, щупальца и конечности, оглядел металлическую чешую и прожженную дыру там, где должен был находиться центральный глаз. Наконец, он решительно встал и возвратил Халу фонарик.

— Ах, Джей,— нетерпеливо произнес Жиль Хабибула.— Что ты обнаружил?

— Кое-что обнаружил,— сказал командор.— Кое-что, очевидно, нам пригодится уже сейчас. Тщательное расследование позволит выяснить остальное.— Он повернулся к Халу Самду.— Хал, этот механизм поручается тебе. Немедленно отправь на базу в Скалистых Горах группу ученых, включи в нее как можно больше людей, которые были с нами на комете. Пусть они разберут робота, проведут микроскопическое, химическое, бактериологическое исследования образцов покрова и внутренних частей. Сфотографируйте каждую деталь в ультрафиолетовом свете. Впрочем, твоя команда сама знает, что делать. Вели им не упускать ни малейшей крупицы информации, ибо эта тварь — единственная наша ниточка к методам и местонахождению Василиска. Пусть твои люди составят полный отчет о том, что они выяснят, и выскажут все предположения о том, где могла быть простроена эта машина, кем, с какой целью, и как ее доставили на Новую луну. И еще — как можно бдительнее охраняйте робота и результаты своих исследований.

— Есть, командор.— Хал Самду отдал честь, и веселая улабка осветила его большое некрасивое лицо.— Наконец-то, Джей, мне удастся заняться чем-нибудь стоящим.

И он пошел вслед за Ханнасом к кабине лифта.

— А теперь, Жиль,— продолжал командор,— я бы хотел узнать побольше о трех людях. Я знаю, что вес улик говорит о том, что Василиск — Чан Деррон. Возможно, здесь не обошлось без андроида. Но в таком серьезном деле мы не должны исключать и другую возможность. Предположим, Василиск должен быть блестящим, с безжалостным умом, ученым. В Алмазном Зале находились трое таких людей, которые могут быть заподозрены.

— Да, Джей.— Маленькие рыбьи глазки Жиля Хабибулы заморгали.— Кто же это?

— Инженер Джон Комэйн,— начал Джей Калам.

— Ах, да,— согласился Жиль Хабибула.— Мне не понравился вид этой таинственной коробки.— А кто остальные?

— Игрок Брелекко,— сказал командор.— И сам Ханнас.

— Ханнас! И Брелекко. Ах, да, я вижу, все трое подходят к твоей классификации. Я мало знаю об этом Комэйне. Но если и были среди людей когда-либо два ненавидящих друг друга волка, то это Ханнас и Брелекко.

— Ты знаешь их, Жиль. Они всегда были такими друзьями, как сейчас?

— Друзьями?! — Выпученные глаза уставились на Джея.— Ах, Джей, они ненавидели друг друга всю жизнь. Мы все трое ненавидели друг друга. Ах, да! И если бы один из нас был слабее остальных, то они растерзали бы его в клочья.

— Расскажите мне об этом, Жиль.

— Это было сорок лет назад, Джей, даже больше.— Опершись на трость, Жиль Хабибула покачивался.— Тогда Жиль был настоящим

мужчиной, воином, а не жалким старым солдатом, как сейчас. Он возвращался на Венеру, получив отпуск в Легионе...

— Отпуск, Жиль? — удивился хмурый командор.— На пять лет?

Жиль Хабибула сердито засопел.

— Обвинения в дезертирстве не подтвердились, Джей. Ах, все это было коварным замыслом моих врагов, чтобы испортить карьеру верного легионера.

— Не подтвердились,— многозначительно вставил Джей Калам,— потому что все документы следствия загадочно исчезли.

— Мне ничего не известно об этом.— Рыбьи глазки заморгали.— Если тебе больше нечего делать, кроме как повторять злобные измышления демонов вроде Ханнаса или Брелекко, если ты хочешь зла старому солдату, смелейшему из солдат, которые когда-либо рисковали жизнью, чтобы спасти Систему...— Жалобный голос надломился.

— Прости, Жиль.— В темных глазах Джея Калама засветился крошечный огонек.— Расскажи, что произошло на Венере.

— Ах, Джей, спасибо,— благодарно засопел старик.— Ты никогда не стремился раскопать тех собак, которых пытались навесить на бедного старого солдата.— Он покачивался, опершись на трость.— Я возвратился на Голубой Единорог. Это маленький скалистый островок возле Нового Чикаго. Очень дикое место и очень богатое — одно из богатейших в Системе. Туда меня привела женщина, Джей.— Он вздохнул, и его бесцветные глаза уставились вдаль.

— Ах, Джей, такой женщины тебе не найти во всей Системе. С ней могла сравниться лишь андроид Леруа. Ах... не было другой такой прекрасной, быстрой и смелой. Ее звали Этира Коран.— Он сглотнул. Тонкий голос дрожал.— Мы все трое были в нее влюблены. Джей, ах, Джей, любой человек в Системе мог свихнуться от ее красоты, однако мы трое во всем превосходили остальных. Мы знали, что лежит между нами. И ради нее мы заключили нечто вроде союза. Амо Брелекко незадолго до того действовал на юпитерианских лайнерах. В то время у него было другое имя. Но он им не пользовался. Во время его деятельности на лайнерах один человек кончил жизнь самоубийством, другой погиб. Он делал деньги. Он был молод, однако весьма искусен. Никто, кроме меня, не мог обыграть его в карты. В то время у него был голос, а не этот призрачный шепот. И, как тогда, так и сейчас, он питал пристрастие к причудливой одежде и блеску драгоценностей. С женщинами он обходился нежно, трепетно — да, Джей, много бедных девочек отдали ему свою душу и погибли.

Откуда пришел Гаспар Ханнас — никто не знал. Его звали и Педро Акула. Ходило множество слухов об его прошлом, но лицо у него тогда было другим. Откуда бы он ни явился, он принес с собой удачу, и еще большая удача ждала его на Голубом Единороге. Деньги и кровь... Ах, Джей, я повидал такое, чего никогда не забуду. Такому человеку, как Гаспар Ханнас, могла отказать редкая женщина, однако Этира Коран

была достаточно смелой, чтобы защитить свои красоту и честь, и крайне мало мужчин могли потягаться с Педро Акулой.

Но в те давние дни, Джей, старик Жиль был еще мужчиной.— Глаза старика опять обратились на чудовищного робота, лежащего на платформе, и он удивленно оглянулся, как будто впервые его увидел.

— Ах, какая жуткая машина! Я мог бы долго рассказывать, Джей. Ах, я мог бы рассказать о таких страсти, коварстве и гибели, что у тебя замерло бы сердце. Ибо Акула и Зел были безжалостными хитрыми зверями, а я... ты знаешь, что Жиль всегда был честен, прямолинеен и прост, как драгоценное дитя. Я должен был обезоружить их, чтобы самому не пропасть. Короче, Джей...— Он помолчал, и на его желтом круглом лице появилась счастливая улыбка.— Короче, девушка досталась мне. Ах, до чего же это был прекрасный трофей! А что касается Ханнаса и Брелекко, то они обратили свой гнев друг против друг. Это мне удалось столкнуть их лбами. И с тех пор они — настоящие враги. Быстрота и искусство Брелекко столкнулись с грубой силой и безжалостной храбростью Ханнаса, и ни одному из них не удалось погубить другого.

— И ты думаешь, что они все еще враги? — спросил командор.

— Смертельные враги,— подтвердил Жиль Хабибула.— А с чего им было стать друзьями? Ведь Брелекко, должно быть, безумно завидует богатству и власти, которые Ханнас приобрел на Новой Луне, а Ханнас — и поделом — ненавидит Брелекко за то, что тот знает его прошлое и его трюки, держит его на крючке и выигрывает за его столом. Ах, Джей, любому из них достало бы мозгов и смертельной злобы, чтобы стать твоим Василиском.

— Возможно,— с сомнением произнес Джей Калам,— хотя это не позволяет нам с очевидностью заподозрить кого-либо, кроме Чана Деррона. Надо встретиться с ними еще раз.

Когда возвратился Хал Самду со свитой легионеров и занялся роботом, они спустились в роскошные апартаменты, выделенные им Гаспаром Ханнасом. Командор послал за Амо Брелекко.

Желтый, очень похожий на скелет, облаченный в просторные шелка, искрящийся огромными бриллиантами, игрок представлял собой внушительную фигуру. Темные глаза с ненавистью уставились на Жиля Хабибулу.

— Брелекко,— спросил мрачный командор,— вы умный человек, скажите мне, что вы думаете насчет Василиска?

На ястребином лице сохранялось мрачное тревожное выражение.

— Очевидно, преступник — способный ученый,— едва слышно ответил игрок.— Очевидно, он в малейших деталях знает Новую Луну. Очевидно также, что он недолюбливает Гаспара Ханнаса. Мне известен один человек, командор, который соответствует этим пунктам.

— И кто это, кроме вас?

Темные немигающие глаза яростно впились в него.

— Кто это? — повторил Джей Калам.

— Человек, построивший Новую Луну,— прохрипел Брелекко,— Джон Комэйн.

— Но разве он не работает на Ханнаса?

— Джон Комэйн — раб Гаспара Ханнаса,— прохрипел Брелекко.— Я знаю всю подноготную, я один, если не считать нас обоих. Будучи молодым человеком, замечательным ученым, обезумевшим от жажды богатства, Комэйн явился в разбитый корпус списанного космического корабля, который первоначально являлся Новой Луной. Он потерял много денег, которые ему не принадлежали. Ханнас позволил ему расплатиться своими способностями ученого и потом вынудил его ввязаться в новое преступление. Комэйн поначалу пытался сбежать, однако каждая попытка все больше ввергала его во власть Ханнаса, и все же я думаю, что он сохранил душу и гордость ученого. Я знаю, что вначале он мечтал о Новой Луне не как об игорном заведении, а как о сверхобсерватории и лаборатории для всех отраслей науки. Ее, по его замыслам, должны были установить на орбите Нептуна. Однако безжалостный Гаспар Ханнас внес свои коррективы. Разве это странно, командор, если ученый, возмущенный тем, что полжизни провел в рабстве, совершает ответный удар?

— Возможно, нет,— медленно кивнул Джей Калам.— Благодарю вас, Брелекко.

Он велел двум людям в штатском следить за игроком и послал за Джоном Комэйном. Когда инженер появился, неуклюжий, с лицом, похожим на квадратную строгую маску, со слегка выпученным глазами, не выражавшими никаких чувств, командор задал ему тот же вопрос о Василиске.

Комэйн покачал большой белой головой, бесстрастный как статуя.

— Василиск — ученый,— произнес он бесстрастным ровным хриплым голосом.— Я знаю, командор, что это так, потому что пытаюсь противодействовать ему собственными знаниями и это мне не удается. Лишь одного человека, способного с ним сравниться, мне доводилось встретить в жизни. Это был доктор Макс Элероид.

— Но Элероид мертв.

— Это лишь мое предположение, командор,— ровно произнес инженер.— Возможно, труп был опознан неправильно.

За Комэйном стали следить еще два оперативных сотрудника.

Появился посыльный в зеленой форме Легиона.

— Командор Джей Калам,— сказал он, отдав честь.— Мы получили сообщение со всех бирж на всех планетах. Как вы и предполагали, сэр, акции и облигации Синдиката Новой Луны немедленно упали в цене, как только появились сведения о том, что здесь произошло. Приблизительно на три процента. Сообщения о финансовом состоянии Новой Луны подтверждают ваше предположение о кулуарной борьбе за

контроль над деятельностью Синдиката. Одна из групп уже капитулировала, так что вторая способна перекупить все предприятия.

Джей Калам мрачно кивнул.

— Покупателя выследили?

— Всегда очень сложно что-либо узнать, когда дело касается Синдиката Новой Луны, сэр. Нам пришлось оказать давление на некоторых людей. Судя по всему, покупатель — Гаспар Ханнас.

— Вот как? — Жиль Хабибула выпрямился.— Однако Ханнас и так владеет Новой Луной.

— Он — глава Синдиката,— сказал Джей Калам.— Первоначально он был единственным владельцем предприятия, но строительство Новой Луны было очень затратным, и сумма, в которую она обошлась, видимо, была очень велика, хотя ее и не объявляли. Он был вынужден продать большое количество акций, и Синдикат связан по рукам и ногам различными обязательствами. Это — одна из главных причин, почему можно подозревать Гаспара Ханнаса.

— Вот как, Джей! — Жиль Хабибула побледнел и покрылся потом.— И мы находимся на Новой Луне, в самом логове этого смертельного негодяя! Но почему Ханнас, Джей?

— Хотя все, что касается деятельности Синдиката, тайна за семью печатями, ясно, что Гаспар Ханнас может вот-вот потерять Новую Луну. Однако сейчас деятельность Василиска позволяет ему снова приобрести контрольный пакет акций собственного предприятия. Я считаю, что это весьма сильный мотив.

— Да,— согласился жиль Хабибула.— Но ты говоришь, что Василиск — ученый, а Гаспар Ханнас — не ученый.

— Однако под каблуком у него, если Брелекко говорил правду, есть очень способный ученый Джон Комэйн.— Джей Калам рассеянно почесал подбородок, и взгляд его темных глаз вновь остановился на Жиле Хабибуле.— И все же, явные улики говорят о том, что Василиск — Чан Деррон. Ибо Чан Деррон захватил изобретение доктора Элероида. Возможно, именно оно является источником силы Василиска. Чан Деррон связан с каждым преступлением, и он был здесь, имея на себе скрытые приборы, когда исчез Дэвиан. И ему опять удалось загадочным образом скрыться.

Я долгое время отказывался верить, что такой отличный легионер, каким был капитан Деррон, мог превратиться в монстра, подобного Василиску. Но присутствие женщины-андроида подтверждает это. Возможно, Леруа была тем загадочным шпионом, который напугал доктора Элероида, а потом она встретила Чана Деррона.— Он смотрел вдаль, хмурясь.— Это был не первый человек, развращенный и сломленный фатальной подлостью этих нечеловеческих тварей.

— Да, Джей,— вздохнул Жиль Хабибула.— Некоторые из них были смертельно прекрасны.

Взгляд Джея Калама снова обратился на старика.

— Жиль,— тихо произнес он.— У меня есть идея.

— Да, Джей? — Рыбьи глаза заморгали.— Не слишком ли много идей у тебя для бедного никчемного героя Легиона?

— Я приказываю тебе, Жиль, найти Чана Деррона.

— Но мы все ищем Деррона.

— Да.— Губы Джея Калама сжались.— Однако я боюсь, что ты не проявляешь полностью своих способностей.— Голос его зазвучал чуть громче.— Жиль, я, командир Легиона, приказываю тебе найти Деррона и женщину, которая была с ним. Любыми средствами.

Ты будешь работать в одиночку, но можешь связываться со мной по ультракоротковолновой связи и просить любую помощь.

— Найти Василиска? — Жиль Хабибула побледнел и съежился.— Почему ты думаешь?..

— Пользуйся собственными методами,— сказал Джей Калам,— но тебе придется раскрыть многое из твоего туманного прошлого. Ты должен притвориться преступником. Что бы ты ни делал, ты должен узнать все. Определи местонахождение Василиска, его резиденции — найди мишень для Хранителя Мира. Поймай Деррона и андроида.

Жиль Хабибула облизал пухлые синие губы и сглотнул. Потное лицо стало зеленовато-желтым. Судорожно вздохнув, он вытер лысину дрожащей рукой.

— Джей,— прохрипел он.— Что ты задумал? Разве мало сделал Жиль для Системы за все эти годы? Разве не отдал он ей свой драгоценный гений? За что ты бросаешь его в эту ужасную паутину?

Толстые пальцы, дрожа, впились в руку Джея Калама.

— Во имя жизни, Джей, отмени свой жестокий приказ, Джей, может быть, бедного старого Жиля похитят сию же минуту, а найдут в черном склепе Клиники Эфтаназии, с ножом Василиска в бедной мертвой спине.

— Вспомни о Хранителе Мира,— хмуро произнес Джей Калам.

Жиль Хабибула всхлипнул.

— Ради Хранителя ,— печально произнес он.— Ради нее я пойду на это, Джей.

Затем командир Легиона напрягся, и его длинное вытянутое лицо слегка побледнело.

Крр! Крр! Крр!

Тихий звук, необычайно настойчивый, доносился из коммуникатора, висевшего на цепочке у него на шее. Командор вытащил из-под своего штатского одеяния маленький черный диск.

— Экстренный вызов,— сказал он Жилю Хабибуле.

Жиль Хабибула внимательно следил за тем, как Джей Калам крутит верньер, шепчет кодовый пароль и подносит устройство к уху. Как ни напрягал слух старый легионер, он ничего не услышал.

И хмурое сосредоточенное выражение не покидало лица Джея Калама. Однако жесткая, напряженная поза выдавала многое.

— Что, Джей, плохие новости? — прошептал Жиль Хабибула, когда командор отпустил диск. Джей Калам медленно кивнул.

— Я говорил с одним из офицеров кометарной экспедиции на Контр-Сатурне,— тихо произнес он.— Экспедицию ограбили, Жиль. Исчезли все наши материалы, образцы.

— Вот как, Джей! — заморгал Жиль Хабибула.— Секреты кометчиков? Все наиболее ценные и наиболее опасные записи?

— Да, все это исчезло, Жиль. Оружие и приборы, с помощью которых мы намеревались охранять границы нашей цивилизации,— все исчезло.

— Неужели это Василиск?

— На столе Боба Стара найдена глиняная змейка. Стол Боба Стара стоял в одном из бункеров. Кстати, ни один из замков бункера не поврежден. Как обычно, там осталась улика. На стол упала желтая контрамарка с Новой Луны, датированная вчерашним днем, и на ней имя доктора Чарльза Даррела.

— Даррел! — прохрипел Жиль Хабибула.— Но, Джей, Не прошло и шести часов с того момента, когда я вытащил эту контрамарку из кармана Чана Деррона, а до Контр-Сатурна на самом быстром крейсере три дня пути.

— Это лучшее доказательство тому,— мрачно сказал Джей Калам,— что Василиск — это Чан Деррон.— Он махнул длинной рукой.— Найди его, Жиль.

— Но...— просопел испуганный Жиль Хабибула,— ты говорил, что с тобой разговаривал офицер. Где же сам Боб Стар?

Лицо Джея Калама напряглось.

— Офицер сказал, что капитан, Боб Стар загадочным образом исчез из бункера. Жиль, я боюсь, что Боб Стар уже в руках Василиска. Живой или нет — боюсь даже предположить.

Жиль Хабибула с усилием встал, опираясь на трость.

— Боб, бедный парень,— всхлипнул он.— Теперь мне достаточно ясен мой долг. Но как я найду Василиска? — Он безнадежно покачал головой.— Как может бедный старик выследить монстра, который в полночь оказался здесь, а к рассвету — в миллиарде миль отсюда?

Бледные глаза закатились.

— О, во имя драгоценной жизни, как я смогу его найти? А этого смертельного андроида? Как может один бедный солдат противостоять двум самым страшным преступникам в Системе? Как он может противостоять злобной власти Василиска? И этой женщине, чья красота — ложный мираж, огонь грез и отравленный клинок? Он заморгал и судорожно вздохнул.

— Однако долг есть долг. Прощай, Джей, прощай! Прошу тебя, скажи Хранителю, что бедный старый Жиль был верен до конца...— Он протянул дрожащую руку, и командор пожал ее.— Очень похоже, Джей, что Жиль Хабибула никогда тебя больше не увидит.— Он медленно вышел в коридор.

НЕЗЕМНОЙ РОБОТ

В роскошной и, вместе с тем, простой обстановке своего салона на могучем "Непреклонном", опять облаченный в зеленую с золотом форму, Джей Калам сидел и ждал в нетерпении. Глухое ровное пение геодинов ворвалось в каюту. Хал Самду вошел в дверь. Вид у него был встревоженный.

— Ну что, Хал? — выражение лица командора не скрывало тревоги.— Что скажешь о роботе?

Огромные узловатые руки Адмирала-Генерала положили на стол пухлый зеленый конверт. Он поднял свирепо сжатые кулаки.

— Если бы только я мог вот так стиснуть глотку Деррона! — В его голосе звучало бешенство.— Подумай, Джей, весь Легион не может обещать Хранителю безопасности.

— Я знаю, каково тебе,— кивнул командор. Губы его были белыми.— Что скажешь?

— Все в конверте,— сказал Хал Самду.— Я собрал двадцать человек, половина из них — ветераны экспедиции на комету, каждый из них — специалист в какой-нибудь области науки. Они разобрали робота на части, изучили каждую деталь всеми возможными способами. Лабораторная работа была закончена на базе двенадцать часов назад. За это время они обсудили все, что нам удалось узнать, и написали доклад.

Джей Калам нетерпеливо наклонился к столу.

— Что они обнаружили?

Хал Самду покачал седой головой.

— Джей, я не ученый. Ты это знаешь. Все в конверте.

— Но,— сказал командор,— вкратце...

— Как ты и предполагал, Джей, этот робот изготовлен незаконно. В нем заложены принципы, запрещенные в статусе Зеленого Холла, в том самом, по которому андроиды объявлены вне закона. Наиболее похожая модель была изъята из музея вскорости после войны с медузианами. Она была построена молодым доктором Еносом Клаггом, который был захвачен Легионом и провел три года на Эброне.

— Подробности?

Наморщась от мучительных попыток говорить более ясно, Хал Самду разминал огромные узловатые пальцы.

— Первое, Джей,— громыхнул он.— Они пришли к выводу, что тварь была построена земным инженером, обученным на Земле или на Марсе.

Джей Калам кивнул.

— Почему?

— Потому что в нем использовано очень много знакомых конструкторских принципов. Ничего похожего на те странные штуки, непонятные для нас, которые мы находили в машинах кометчиков. Тварь эта двигалась на атомной тяге. Там есть все — рычаги, тросы, шестеренки, маховики; все связано друг с другом так, как это бы сделал хороший земной инженер. Если ему приказать соорудить механическую имитацию того монстра.

Джей Калам рассеянно почесывал челюсть.

— Это очень подходит к Деррону,— сказал он.— Ему всегда ставили высокие оценки за инженерные разработки. Однако с таким же успехом это подходит и к женщине-андроиду, и к Ханнасу, и к Брелекко, и к Комэйну. Что еще, Хал?

Огромный Адмирал-Генерал загнул второй узловатый палец.

— Они согласились, что эту тварь смонтировали за пределами Системы.

Джей Калам снова кивнул.

— Где?

— На планете несколько большей, чем Земля, относительно близкой к гаснущему красному солнцу, звезде типа К9е. Поверхностная гравитация на планете приблизительно одна целая двадцать пять сотых "же". Примерно на четверть больше земного тяготения. Атмосфера плотнее, чем земная. Она содержит достаточно чистого кислорода, чтобы человек мог дышать, но и много свободного хлора, чтобы дышать этим воздухом было очень неприятно.

Командор внимательно слушал.

— Основа этих заключений?

— Во-первых, металлы, из которых изготовлен робот. Это алюминий, а также бериллиевые сплавы. Они соответствуют стандартным металлургическим формулам. Однако спектральный анализ указывает, что металлы добыты не из земных руд. Примесей достаточно мало, но все же металлурги стоят на своем.

Во-вторых, коррозионные пятна на теле твари. В них обнаружены хлориды, что является свидетельством взаимодействия с чистым хлором. И помнишь, как пахло хлором, когда появилась тварь.

Джей Калам кивнул, нахмурясь.

— В-третьих, Джей, в зеленом иле, прилипшем к телу твари, обнаружена жизнь. Микроорганизмы, неизвестные в Системе. Я не бактериолог, и ты найдешь подробности в докладе. Однако все и так достаточно ясно. Микроорганизмы погибли в условиях Системы из-за отсутствия хлора. И на их месте обильно размножились наши обычные бактерии. Некоторые разновидности поглощают хлориды и выделяют чистый хлор. Если бы подобные организмы развились в океанах Земли...— Лицо Хала Самду помрачнело.— Я надеюсь, Деррон не додумался до этого...

— Что еще? — спросил командор.

— Они рассмотрели проблему под другим углом,— продолжал Хал Самду.— Очивидно, робот — механическая репродукция живого оригинала. Он имеет очень много характерных черт, таких как чешуя, зубы, клюв, ноздри: будучи бесполезны для машины, они подтверждают этот вывод. А подобные вещи очень много говорят о природной среде, в которой жил прототип.

Джей Калам поднял длинную руку.

— Один вопрос, Хал. Зачем понадобилось копировать робота с такого прототипа?

— Ученые это тоже обсудили, Джей. Если исключить возможные намерения обмануть других существ того мира или напугать людей...— Лицо Адмирала-Генерала покрылось морщинами. Он пытался поточнее выразить мысль.— Если исключить это, Джей, то остается вывод, что машина эта была предназначена для того, чтобы действовать в любых заданных условиях. Она должна следовать тем же принципам, которые обнаруживает при этих условиях жизнь. Так говорится в докладе. Почему бы тебе не почитать его, Джей?

Но командор сделал ему жест продолжать.

— Судя по размерам твари и запасу прочности ее конечностей и крыльев,— заключил Хал Самду,— учитывая размеры, силу, вес и размах крыльев в сравнении с полным весом, обобщив все это, ученые определили точную плотность атмосферы и поверхностную гравитацию.

Определив оптимальные температурные условия для жизни хлоролюбивых растений, они установили температуру планеты. Фотоячейки, служившие твари глазами, многое нам открыли. Их чувствительность, пропускная способность диафрагм и природа световых фильтров позволили очень точно установить интенсивность света и его спектр, а также цвет солнца K9e...

Один дедуктивный вывод следовал за другим, подтверждая его и внося поправки. Я лишь вкратце способен рассказать тебе, Джей. Да, наука Системы стала прекрасным и мощным инструментом.

— Слишком мощным,— сказал Джей Калам,— особенно в руках Василиска. Что еще, Хал? Есть ли какие-нибудь догадки о том, как робот появился на Новой Луне или как исчез Дэвиан?

Хал покачал косматой головой.

— Реальных доказательств нет, однако один из гравитационных физиков высказал предположение. Он считает, что Василиск, возможно, использует прибор на принципе ахронных сил. Подобные искажения в метрике вселенной позволили Кай Нимиди покинуть комету. Ты все прочтешь в докладе. Кстати, он утверждает, что идея слишком туманна, чтобы иметь практическую ценность. Будь у нас данные кометарной экспедиции, мы, возможно, добились бы чего-нибудь. Но они исчезли.

— В таком случае,— сказал Джей Калам,— можешь ли ты что-нибудь сказать о местонахождении звезды?

— Это тоже в конверте, Джей,— устало продолжал Хал Самду.— Это еще одно достижение наших астрофизиков. Они пересмотрели все звезды К9е в пределах радиуса действия телескопов. Они не очень яркие — поверхностная температура немногим больше трех тысяч,— и все же их количество относительно невелико. Они исключили почти половину звезд, которые являлись двойными, и те, которые не имели планет. Большинство остальных были исключены потому, что спектральные обследования не установили свободного хлора в атмосферах. Когда они сделали все это, Джей, осталась лишь одна звезда.

Командор встал.

— Что это за звезда?

— Они показали ее мне в телескоп и продемонстрировали слабые темные линии свободного хлора в спектрограммах. Это тусклая красная звезда в созвездии Дракона, известная под названием Ульнар-XVI. Она находится в восьмидесяти световых годах от нас.

— Восемьдесят световых лет! — Джей Калам пожевал тонкую губу.— Никто не может так далеко забраться. Никто, за исключением Василиска. Нам потребуется два года, чтобы добраться туда на полной тяге "Непреклонного" и у нас не останется топлива для возвращения. Он медленно покачал темной головой. Пальцы погладили белую прядку на лбу. Глаза напряженно смотрели на Хала Самду.— Хал,— прошептал он.— Хал, я вижу лишь одну возможность. Это ужасно, это ужасно... когда люди уничтожают звезду. И мы не уверены, что это погубит Василиска. Мы можем зайти слишком далеко.

Тем не менее, я намерен отдать приказ уничтожить звезду Ульнар-XVI,— темные глаза на секунду закрылись, словно перед ними стояла какая-то ужасная картина,— с другой стороны, я слишком долго ждал, не требуя от Хранителя Мира, чтобы она аннигилировала зеленую комету. Как бы ни была велика звезда, но жизнь Системы значит для нас гораздо больше.

— Да! — зловеще громыхнул Хал Самду.— Бей!

Командир Легиона нашел маленький черный диск коммуникатора. Тонкие дрожащие пальцы повернули крошечнеый верньер, он набрал кодовый сигнал. Хал Самду сидел и смотрел. Лицо у него было жестким, как у статуи. Наконец, Джейк Калам опустил прибор.

— К сожалению,— сказал он,— видеоволновое оборудование на Фобосе еще не установлено. Я связываюсь напрямую через ультракоротковолновую связь. Марс от нас более чем в ста миллионах миль. Сообщение придет к Хранителю не раньше, чем через девять минут. Через десять минут звезда Ульнар-XVI прекратит существование в реальной вселенной, хотя земные астрономы, естественно, в течение восьмидесяти лет не смогут зарегистрировать ее исчезновение.

Он нервно прошел из конца в конец огромного салона.

— Двадцать минут,— пробормотал он,— прежде чем мы получим ответ. Что это было?

Хал Самду внезапно уставился в пустоту с бластером в узловатой ладони.

— Ты не слышал, Джей? Глухое урчание! Ты не почувствовал пронизывающего холода?

— Я ничего не почувствовал, Хал,— устало вздохнул Джей Калам.— Мы слишком утомились. Я велю принести чего-нибудь выпить. А пока посмотрим доклад.

Он взломал печать на большом зеленом конверте.

— Э? — У него отвисла челюсть.— Это не доклад.

— Как не доклад? — удивился Хал.— Я глаз с него не спускал.

Командор вытряхнул на стол пачку аккуратных желтых полосок.

— Это деньги Синдиката Новой Луны! Должно быть, они взяты из сейфов Гаспара Ханнаса. А это... это...

Его дрожащие пальцы нашли знакомый листок жесткой красной бумаги. На нем была оттиснута змейка. Над змейкой четким знакомым почерком было написано:

"Мой дорогой командор, не сомневайтесь, что группа Адмирала-Генерала Самду сделала все от нее зависящее и провела блестящее расследование. Однако я полагаю, что обстоятельства очень скоро убедят вас в том, что документ не представляет для вас ценности.

Василиск."

— Деррон! — Размахивая бластером, Хал Самду озирал салон диким взглядом.— Нам не скрыться от него даже здесь! Если бы только Жиль мог до него дотянуться!

Джей Калам по-прежнему смотрел на листок безжизненными глазами.

"Крр! Крр! Крр!" — заурчал коммутатор.

Он достал непослушными пальцами черный диск и прижал его к уху.

Хал Самду видел, как его лицо стало белым. Прибор выпал из пальцев, и он покачнулся, вцепившись в край стола.

— Что случилось, Джей?

Джей Калам невидяще посмотрел на него.

— Худшее, Хал,— пробормотал он.— Это был телохранитель с Фобоса. Василиск вновь нанес удар. На сей раз он забрал их всех. Джона Стара. Жену Боба и его ребенка. И...— Он пожал плечами в отчаянии.— И Хранителя Мира.

ОГРАБЛЕННЫЙ ТАЙНИК

Жуткое урчание стихло. Исчез ледяной холод. Чан Деррон опять мог дышать. Он стоял, еле держась на ногах, и пытался понять, где находится. Но его окутывала туманная мгла. Сердце стучало как молот. Он часто и хрипло дышал. По туловищу бегали мурашки. Он избежал выстрела Вани Злоян исключительно благодаря Василиску. И самим своим исчезновением девушка доказала, что была преступницей. Но где она сейчас? В каком замкнутом пространстве. Под ногами гудел металлический пол, и, судя по эху, стены были рядом. Он побрел вперед, и вскоре пальцы наткнулись на холодный металл. Неужели это Клиника Эфтаназии? Мысль была как клинок, вонзившийся в сердце. Неужели здесь нашли свою смерть остальные жертвы Василиска? Неужели его ждет смерть в этой мгле? Где он? Он поворачивался и озирался. Он внимательно прислушивался, однако не слышал никаких других звуков, кроме эха. Глаза тщетно вглядывались в тьму. Он сунул руку под одежду к кобуре. Затем он вспомнил, и ему стало тошно от страха, что девушка его разоружила. Что-то скользнуло по плечу. Он поднял руку, защищаясь, и что-то снова задело по ней. Он попытался умерить сердцебиение, протянул руку и схватил что-то висящее, он потянул на себя, и бело-голубое сияние атомного света ослепило его.

На секунду пришлось прикрыть глаза. Затем, осмотревшись, он вновь заморгал. На сей раз от удивления. Это был бункер. Перед ним находился огромный механический замок бронированной двери, весившей, вероятно, тонн двести.

Длинные стеллажи, которые шли вдоль расходящихся узких коридоров, были завалены тяжелыми мешками, свертками и пакетами. В них были аккуратно рассортированные фишки, сертификаты, монеты. Каждый мешок, сверток или пакет был помечен желтым полумесяцем — эмблемой Новой Луны. Это же — понял вдруг ошеломленный Чан Деррон — бункер с сокровищами Новой Луны. Затем он заметил еще одну любопытную вещь: полоски Синдиката Новой Луны, жетоны, используемые для оплаты, и мешки с монетами — все были невредимы. Но на некоторых полках, где были ярлыки, указывающие на то, что здесь хранились сертификаты Зеленого Холла, валялись лишь грубые желтые кирпичи. Бункер был ограблен! То, что оставалось, имело очень небольшую ценность. Все настоящие деньги исчезли, и на их место кто-то в насмешку оставил лишь глину.

И тут его тело застыло от ужаса. Наверняка бункер откроют. Вероятно, его закрыли на всякий случай, потому что Василиск обещал налет. Когда легионеры откроют его, на Новой Луне найдут в ловушке человека, которого они ищут.

В тишине бункера Чану показалось, что человек, который его запер, по-прежнему следит за ним. Он чувствовал напряженными нервами недружелюбный взгляд. Воображение рисовало веселящегося Василиска. Густой кудахтающий смех, холодный, дьявольский, нечеловеческий.

— Ну что же, мистер Василиск? — Он не мог сдержаться и не нарушить собственным затравленным голосом насмешливой тишины.— Что мне делать теперь? Сидеть и плакать? Царапать ногтями стену? Повеситься на подтяжках? Или просто отдаться в их руки?

Трудно было удержаться и не закричать. Он бродил вперед-назад по металлическому полу, подгоняемый злобной энергией.

— Ты слышишь меня? — кашлянул он.— Каково чувствовать себя богом, Василиск? Следить за каждым человеком в Системе? Следить за тем, кто пытается бежать от твоей власти, куда бы он ни пошел? И убивать любого, кого пожелаешь? — Он потряс кулаком.

— Должно быть, ты чувствуешь себя великим, кто бы ты ни был, но это не будет продолжаться вечно. Кто-нибудь до тебя доберется. Кто-нибудь, над кем ты издевался, кого ты пытал и мучил и кто живет одной лишь мыслью — убить тебя! Убить тебя!

Кто-нибудь, вроде меня, Василиск!

Потом, бродя по бункеру, он наткнулся на листок бумаги, лежащий на полу, и, разобрав символы, изображенные на нем, широко раскрыл глаза. Вскрикнув от удивления, он поднял листок, расправил и пристально изучил.

Маленький продолговатый листок, надорванный на конце. На нем карандашом были написаны три гелиоцентрические координаты пространства — времени. Далее следовали цифры, в которых Чан не мог найти смысла.

Первая координата указывала положение Новой Луны. То положение, которое занимала Новая Луна в полночь, когда Василиск захватил маленького игрока, Дэвиана. Вторая координата — и эта цифра попалась ему на глаза прежде всего — указывала на созвездие Дракона, на расстояние около десяти миллиардов миль от Солнца. Это было местонахождение неизвестного объекта, открытого Чаном, когда он улетел к северу от флота Легиона, объекта, с которым он связывал свои планы на бегство, когда Василиск вынудил его вернуться. Третьи координаты тоже относились к созвездию Дракона. Однако Чан быстро подсчитал, что обе эти точки разделяют восемьдесят световых лет.

Чан Деррон спрятал полоску бумаги в карман и подумал о том, что ему очень бы не хотелось, чтобы Василиск подглядывал за ним. В конце концов, сказал он себе, хоть мозг человеческий, быть может, недоступен для него.

Прежде объект весом в много миллионов тонн был окутан для него полной тайной. Этот обрывок бумаги, похоже, был уликой, что объект связан с Василиском. Это, возможно, давало ему шанс.

— Если бы только я смог выбраться,— пробормотал он,— и вернуться на "Атом-Фантом", если только он по-прежнему там, где я его оставил... Если бы я смог оказаться на борту, уйти от флота Легиона и проникнуть на этот объект...— Голос его перешел в шепот.— Если бы только я смог сделать все это, мистер Василиск... Тогда бы...

Расправив широкие плечи, он подошел к двери. Задвижки и запоры были на виду. Яркая металлическая решетка весила много тонн. Он ничего не мог поделать с замком. Как бы ни надрывался, сколько бы сил ни тратил...

— Если бы здесь был Жиль Хабибула...— пробормотал он. Он с завистью вспомнил ту ловкость, с которой старый легионер вскрывал замки медузиан и проникал в охраняемые хранилища каметчиков. Несомненно, Хабибула открыл бы перед ним и эту дверь. Но Чан Деррон был перед ним совершенно бессилен. Он отошел назад, тяжело дыша и обливаясь потом. Вдруг что-то щелкнуло, загудели скрытые моторы, и огромные засовы стали медленно отходить. Возможно, это люди Гаспара Ханнаса открывали дверь в бункер.

Рука его автоматически метнулась к кобуре и не нашла, разумеется, бластера, наткнувшись на ремни, которыми был пристегнут к телу геопеллер. Безоружный, он мог лишь ждать, глядя на движение хорошо смазанных засовов. Геопеллер, который мог бы унести его на сотню миллионов миль отсюда, был бесполезен. Наконец, засовы отошли, и громоздкий диск двери медленно приоткрылся.

Быстрее, идиоты! — донесся хриплый голос.— Я должен убедиться, что все в порядке.

Должно быть, это был сам Гаспар Ханнас, ведомый страхом, и весьма обоснованным, за свои сокровища.

— Если Василиск способен сделать все что он сделал, то эти замки ничего не стоят.

— Ага, он здесь! — торжествующе закричал человек в желтой форме полиции Новой Луны.— Попался!

Из расширяющегося отверстия метнулось фиолетовое пламя, и Гаспар Харрас заревел:

— Вперед, ребята! Он попался! Помните, живой или мертвый, он стоит полмиллиона. А женщина, если она с ним, еще полмиллиона.

Чан Деррон при первой же вспышке отошел в сторону. Судя по топоту шагов, голосам и бряцанию оружия, снаружи было много людей. Он схватил свисающий шнур и оборвал его, погасив лампы в бункере.

— Василиск, выходи! — заревел Гаспар Ханнас.— С поднятыми руками! Или мы войдем и прикончим тебя!

Съежившись во мраке, Чан Деррон закричал в отчаянии:

— Ханнас, я не Василиск! — Голос его дрожал.— Я Чан Деррон. Я — такая же жертва, как и все остальные. Если ты послушаешь меня, Ханнас...

— Вперед, ребята! — громыхнул Ханнас.— Он признался, что он — Деррон, и мы захватили его в бункере. Испепелите его!

Дверь открылась шире. Чан увидел крадущихся людей. Прищуренные глаза внимательно вглядывались в мрак, протонные пистолеты были наготове. Он сглотнул и попытался подавить дрожь.

— Вы меня боитесь! — крикнул он.— Каждый из вас меня боится. Я вижу пот ужаса на ваших лицах. Я вижу страх, заползший в ваши глаза. Да, вам надо меня бояться! Однако Василиска вам надо бояться еще больше. Я тоже охочусь на Василиска, и у меня есть информация. Я могу вам помочь.

Ханнас прервал его:

— Ты получил слишком много информации. Деррон, и ты унесешь ее в могилу. Взять его, ребята!

И люди в желтом опять двинулись вперед. Чан Деррон задержал дыхание и схватил один из желтых глиняных кирпичей со стеллажа. Пальцы вцепились в маленькую черную рукоять геопеллера.

— Если сможете! — закричал он.— Но вы не спасете свои сокровища, мистер Ханнас. Бункер уже очищен. Василиск уже ушел!

Он бросил кирпич, и тот разлетелся, ударяясь о дверь. Осколки осыпали людей, стоявших за ней. Тут же ударили десятки ярких лучей; один человек всхлипнул от ужаса, выронил оружие и побежал, однако офицер быстро срезал его лучом.

— Очищен? — послышался голос изумленного Ханнаса.— Очищен?..

Наступил подходящий момент. Чан глубоко вздохнул. Когда геопеллер понесет его, дышать будет почти невозможно. Он крутанул рукоять. Крошечный прибор за плечами поднял его и понес на стену стражников. На встречу ударили заряды протонных пистолетов, но их смертоносные фиолетовые лезвия миновали его. Он уже летел, как пуля, по одному из длинных коридоров в направлении игорных залов.

— За ним, трусы! — Рев Гаспара Ханнаса утих вдали. Однако лучи еще могли настигнуть его. Тонкие струи огня били в бронированные стены. Один луч прошипел совсем близко, и ионизированный воздух вызвал парализующий шок.

Сжав зубы, изгоняя сумрак из сознания, он вращал рукоять. Геопеллер бросал его из стороны в сторону со свирепой силой. В конце длинного холла его ожидала большая опасность. Если он остановится, чтобы оглядеться в поисках выхода, он станет прекрасной мишенью для стрелков, находящихся позади. А первый выстрел в цель будет стоить полмиллиона долларов.

Он направился к двери и прикрыл ослепленные ветром глаза. Он успел заметить, как впереди отворяется маленькая дверь. Проем был почти заполнен огромным человеком в белом, несущим сумку с картофелем. Чан слегка сбросил скорость и направил свой полет прямо

на толстого повара. Он увидел, как расширились его зрачки, и врезался в него всем телом.

Гравитационное поле слегка ослабило удар, однако, тем не менее, он был очень силен. Повар растянулся в проходе. Чан влетел в невероятно огромную кухню. Гигантские пространства были заняты печами. Бесконечный белый конвейер был загружен блюдами и продуктами. Сейчас здесь было пусто, потому что персонал Новой Луны, опасаясь Василиска, разбежался. За кухней, в узких помещениях для слуг, он понял, что сбился с курса. Позади была только опасность. Половина тех людей, что заметили его полет, кричала, бежала и пряталась. Но вторая половина, знающая о награде в полмиллиона, указывала на него преследователям или хваталась за оружие. Однако геопеллер уносил его от погони. Чан опустился на ноги, обогнул угол коридора и встретил носильщика с чемоданом.

— Где палубы? — прохрипел он.

— Сюда, сэр,— указал носильщик.— Налево, мимо бассейнов. Но боюсь, сэр, что на кораблях не осталось места...

У него отвисла челюсть, когда Чан взмыл в воздух и пронесся над его головой.

— Василиск! — заорал он.— Туда! На палубы!

Преследователи изменили направление. Чан лавировал среди висящих бассейнов — одного из аттракционов Новой Луны. Огромных шаров, заполненных водой, поддерживаемых собственными гравитационными полями и освещенных цветными лампами, которые делали их похожими на шары разгорающегося и угасающего огня. Пловцы засуетились. Чан услышал, как за спиной ревет сирена. Внезапно гравитационные контуры отключились, и искрящиеся шары с водой стали разлетаться. Однако геопеллер уже перенес его через балюстраду высокого балкона. Он врезался в дверь и оказался на обширном пространстве палуб.

На огромной платформе теснились тысячи разряженных людей, подгоняемых ужасом к отправляющимся кораблям. На секунду прислонясь к двери балкона, Чан перевел дух. Ему нужен был скафандр, а скафандры находились в запертых отсеках за этими перепуганными толпами, возле одного из огромных люков, сквозь который он проник на Новую Луну. Он мог пролететь над толпой за считанные секунды и при минимальном риске. Но вид его наверняка ввергнет толпу в панику. Очень многих, без сомнения, задавят и покалечат. Несколько секунд спустя он спускался пешком и, оказавшись на палубе, смешался с дерущейся толпой. Это был долгий путь. Это могло кончиться тем, что у люка его будет подстерегать предупрежденная команда. И все же, иного пути он избрать не мог.

Он не знал, сколько времени он проталкивался сквозь толпу. Он слышал отдаленный вой сирен. Грохот динамиков, соперничающих с шумом

толпы. Он знал, что охотники рыщут повсюду, и очень опасался за свою голову, возвышающуюся над толпой. Наконец, он нашел маленькую дверь с надписью: "Посторонним вход воспрещен". За нею не было такого переполоха, как везде. Обслуга огромной рекламной надписи привыкла к опасности. Он направился к шкафчику, в котором оставил свои доспехи, сбросил с себя одежду и зашагал прямиком к воздушному шлюзу. Внутренний был открыт. Группа техников в серебристых скафандрах как раз направлялась на выход. Чан пристроился к последнему из них и нетерпеливо подозвал человека, стоявшего возле панели управления. Этот человек уже напрягся, прислушиваясь.

— Внимание! — протрещал магнитный громкоговоритель.— Закрыть все шлюзы вплоть до поимки Деррона. Этот человек пытается покинуть Новую Луну. Награда за его голову — полмиллиона. Деррон шести футов ростом...

Чан увидел, как подозрение в глазах охранника люка сменилось уверенностью. Он услышал его крик, увидел блеск оружия. Однако геопеллер уже поднял его к люку. Крепкий кулак расколол стекло, за которым находился рычаг экстренного открытия люка. Считалось, что им можно пользоваться лишь в том случае, если люк защемил человека. Он рванул рычаг. Врата перед ним распахнулись, а люк, находящийся позади, автоматически захлопнулся перед преследователем. Порыв воздуха вынес его наружу. Он выровнял полет с помощью геопеллера и пронесся на платформу. Он нашел линь, помеченный надписью "Сектор ФБ", пристегнул карабин скафандра и крутанул рукоять. Геопеллер понес его вдоль провода. Лететь предстояло пятьдесят миль. Огромная надпись простирала вокруг него паутину, серебристые провода ярко светили в черном пространстве. Огромное зеркало отражало лучи солнца. Фильтры сияли красным, синим и зеленым. Он увидел шар Земли — огромный, туманно-блестящий, такой близкий, что хотелось прикоснуться к облаку циклона, нависшего над Европой.

Пятьсот миль он не считался с риском, выкручивая рукоять геопеллера, зная, что предупреждение летит по проводам, окружающим его. Через четыре минуты, не более, он отцепился от провода возле серебристой кабины управления. Он нашел "Атом-Фантом". Крошечный корабль по-прежнему скрывался за огромным стальным зеркалом. Геопеллер понес его к люку, и он проник внутрь.

Первое ощущение беды пришло, когда он увидел, что пленник, которого он оставил здесь, приварив скафандр к арматуре, исчез. Неужели это новый трюк Василиска? Он открыл внутренний люк и встретился лицом к лицу с человеком, ожидающим его в коридоре. Это был очень низкий и толстый человек с выпирающим животом и лысой шаровидной головой, с морщинистой желтой кожей. Тот самый человек, никакой ошибки, которого Джей Калам посылал вытрясти его карманы в Алмазном Зале. Незванный гость грозно смотрел на него выпученными глаз-

ками. В толстых руках его была трость, нацеленная на тело Чана. А в наконечнике ее виднелось зловещее черное отверстие.

— Входите, мистер Василиск! — торжественно прохрипел человек.— И померяйтесь силами с Жилем Хабибулой.

СОТЫЙ

Вместе с первым сообщением от Жиля Хабибулы в Легион вернулась надежда. Послание было необычно лаконичным:

"Я на "Атоме-Фантоме". Движемся к таинственному объекту в созвездии Дракона. Во имя жизни, идите следом."

И Легион двинулся следом. Во главе флота Хала Самду из десяти геодезических крейсеров шел могущественный "Непреклонный" Джея Калама. Они шли на полной тяге к Альфа Дракона, которая некогда была Полярной звездой Земли.

Каждый офицер во флоте пытался ответить на вопрос, куда они летят. Каждый электронный телескоп и масс-детектор был направлен в сторону Дракона, и операторы пытались найти таинственный объект. Когда они оказались в одном дне полета от Новой Луны, вопрос этот отчасти был решен. Джей Калам, усталый и бледный, не зная отдыха, расхаживал по звуконепроницаемым, защищенным от космических лучей апартаментам и вдруг остановился, поднеся к уху черный диск переговорного устройства.

— Он найден, командор! — донесся радостный голос с мостика.— Сорок четыре дуговые минуты от Альфа Дракона. Он по-прежнему невидим, альбедо, должно быть, очень низкое. Однако детекторы массы указывают, что объект этот приблизительно двадцати миллионов тонн массой.

Удивительное дело, командор. Чем бы ни был этот объект, он, видимо, недавно появился в Системе. Мы установили его расстояние от Солнца. Меньше десяти миллиардов миль. Любой объект этих размеров был бы, несомненно, обнаружен пять лет назад картографической экспедицией Легиона.

Джей Калам поднес коммутатор к губам.

— Можете сказать точно, что это за объект?

— Пока нет. Пока мы не увидим его на экранах, мы не можем сказать, камень это или что-нибудь еще.

— Держите его в поле зрения телеперископов,— сказал Джей Калам.— И пользуйтесь всеми приборами для сканирования пространства

перед ним, пока мы не подгоним корабль Деррона. Пусть радисты ждут очередных сообщений от Жиля Хабибулы и пусть вихревая пушка будет готова к действию.

Расчет пушки находился наготове возле грозного оружия. На всех кораблях, во всех отсеках наблюдения, люди внимательно смотрели в черный вакуум созвездия Дракона. А связисты ждали сообщения от Жиля Хабибулы.

Однако усталый командир Легиона, бродящий по роскошным апартаментам флагмана, приглаживая белую прядку тонкими руками, не получил сообщения от Жиля Хабибулы. Сообщения пришли по видео-волновой связи из Системы, оставшейся позади. Флот, несущийся на полной скорости, уже вышел за пределы ультракоротковолновой связи. Донесения были тревожны. Первое поступило от капитана, командовавшего людьми в штатском, следящими за тремя подозреваемыми на Новой Луне — Амо Брелекко, Джоном Комэйном и Гаспаром Ханнасом.

— Джон Комэйн загадочно исчез из своей лаборатории. Вместе с ним исчезли двое наших людей, дежуривших у входа,— докладывал капитан.— Гаспар Ханнас заперся в пустом бункере, где хранились его сокровища. Мы слышали, как он кричал, требуя помощи. Когда помощники открыли бункер, он исчез. Амо Брелекко похитили из Алмазного Зала, как и Дэвиана, а на его месте на глазах у нескольких изумленных зрителей, оставшихся на Новой Луне, неведомо откуда появился гниющий человеческий скелет. Установлено, что он принадлежал женщине-андроиду.

На Джея Калама это произвело впечатление. Справясь с замешательством, он затребовал дополнительную информацию. Ответ, поступивший с базы в Скалистых Горах, сообщал о том, что офицер этот уже исчез.

Кррр! Кррр! Кррр!

Пронизывающее урчание сигнала тревоги сопровождало третье донесение, и он услышал, как встревоженный шероховатый голос офицера разведки Легиона прочел письмо от Ларса Эккара, Председателя Совета Зеленого Холла. Всем шестидесяти членам Совета Василиск угрожал похищением. Ни выкупа, ни каких-либо уступок он не требовал.

— На этом сообщение Эккарда прерывалось,— продолжал испуганный голос.— Его сотрудники вбежали в комнату и обнаружили, что он пропал. По словам наших надежных офицеров, подтверждаются слухи, что весь Совет уже исчез.

Весь Совет Зеленого Холла похищен? Это было настоящим ударом. Джей Калам тяжело опустился в кресло, стоящее за столом. Эти шестьдесят мужчин и женщины были верховным правительством Системы. Избранные представители местных планетарных парламентов, ученые и политики, капиталисты и рабочие — все они исчезли. Почему? Усталые красные глаза командора смотрели на черный коммуникатор, ле-

жащий на поверхности стола. Зачем их понадобилось похищать? Ответом был урчащий сигнал экстренной связи.

Поднеся коммуникатор к уху, он услышал хриплый шепот, искаженный во время передачи.

— Я скажу вам, зачем, командор,— насмешливо прозвучал голос.— Я захватил их потому, что хочу править Системой. Я хочу, чтобы на каждой планете каждый человек дрожал и бледнел при мысли о Василиске. Я хочу, чтобы люди смотрели на меня как на гневного бога, которому они когда-то поклонялись. Ибо я подвергся оскорблениям, за которые должен отомстить. Чтобы установить свое самодержавие, я забираю из Системы сто мужчин и женщин. Это те руководители, которые замешаны в глупых попытках устранить меня, и потому я уничтожу их без особых сожалений. Они будут использованы для того, чтобы преподать человечеству урок. Одному из ста будет позволено выжить и возвратиться, чтобы довести урок до сведения человечества.

Из крошечного динамика раздался неприятный смех.

— Сто человек, командор! — прохрипел тонкий безумный голос.— Большинство из них вы уже знаете. Аладори, Хранитель Мира. Джон Стар. Боб Стар, его жена и их ребенок. Несколько легионеров из самых подозрительных. Две дюжины одиночек, среди них три человека с Новой Луны — Ханнас, Брелекко и Комэйн. Шестьдесят — из Зеленого Холла, чтобы отомстить им за все, что они сделали с Пурпурными.

Шепот снова сменился саркастическим хихиканьем. Руки Джея Калама дрожали, сжимая маленький черный диск, он обливался холодным потом.

— Их сейчас девяносто девять,— продолжал хриплый шепот.— Мне нужен еще один для полного счета. Вы теперь знаете, кто эти девяносто девять, командор Калам. Я хочу, чтобы вы сказали, кто должен быть сотым.

Джей Калам выронил переговорное устройство. Рука его метнулась к бластеру, висящему на поясе. Он осмотрел пустую комнату, зная, что эти предосторожности тщетны. За этот долгий миг, что он стоял, не дыша, ничего, однако, не случилось. Он убрал оружие в кобуру и взял коммуникатор, запросив базу в Скалистых Горах.

— Перехватили передачу? — спросил он.— Возможна триангуляция?

Мгновенно пришел ответ:

— Мы слышали, командор. Но триангуляция невозможна, потому что передача шла с нашей станции. Мы еще не разобрались, как удалось подключить наш передатчик, однако будьте бдительны, командор Калам, Вы приняли меры предосторожности?

— Принял,— сказал джей Калам.— Если меня похитят, мое место займет Хал Самду.

Он отключился, вызвал Хала Самду с "Беллатрикса" и посвятил командующего флотом в содержание страшных донесений.

— Держитесь рядом с "Непреклонным", Хал, и, если со мной что-нибудь случится, переходи на борт. Если я стану сотым, ты примешь командование.

— Ладно, Джей.— Голос Хала Самду на этот раз звучал тише.— Но что слышно от Жиля?

— Пока ничего.

— Я боюсь за Жиля, Джей.— Голос, казалось, был чуть хрипловатым.— Он стар и не так умен, как прежде. Этот Деррон силен и отчаян. Кроме того, с момента, когда мы слышали Жиля в последний раз, прошли целые сутки.

Джей Калам опустил переговорное устройство, беспомощно пожав плечами, и тут же прозвучал новый сигнал вызов. Он набрал код и поднес устройство к уху.

— Джей, ты слышишь меня? — Это был долгожданный голос Жиля Хабибулы, искаженный при передаче и хриплый от страха.

— Слышу, Жиль,— произнес он в маленький диск.— В чем дело?

— Поворачивай, Джей,— запинаясь, произнес Жиль.— Во имя жизни, возвращайся в Систему. Отзови своих гончих псов и оставь нас.

— Поворачивать? — воскликнул Джей Калам.— Почему?

— Ах, Джей, это была чудовищная ошибка. Я поймал не Василиска. Мой спутник — бедный несчастный парень, а ваша погоня — еще одна ужасная ошибка, Джей. Вы ушли в космос и оставили Систему беззащитой. Во имя Земли, умоляю тебя, возвращайся!

— Жиль! — воскликнул командор.— Если ты говоришь под пыткой...

Механический щелчок. Прибор Жиля был отключен. Он попытался вызвать его вновь, когда услышал более низкий звук корабельного сигнала. Послышался возбужденный голос дежурного офицера.

— Мы видим его, командор! — крикнул он.— Корабль Деррона. Он движется впереди к созвездию Дракона. Всего лишь сорок тонн. Вот почему мы так долго не могли его обнаружить. Однако у него, видимо, достаточно мощные двигатели. Он в зоне поражения. Что прикажете делать?

Джей Калам сжал в кулаке переговорное устройство. Вокруг, казалось, дул холодный ветер, унося вдаль корабль, унося годы жизни. Он представил Жиля Хабибулу, стойкого маленького человечка, улыбчивого, неунывающего. Он знал, что Хабибула находится на корабле, летящем впереди. Но в порывах ветра слышался издевательский шепот Василиска.

Никакой человек, даже друг, не мог перевесить долг перед Легионом.

— Вы слышите меня, командор? — беспокоился дежурный офицер.— Каков будет приказ?

Джей Калам медленно закрыл и открыл глаза. Отдал честь тонкой рукой. Затем заставил себя произнести:

— Немедленно дайте залп из вихревой пушки. Уничтожьте корабль.

Когда вихревая пушка выстрелила в первый раз, возле борта могучего флагмана появился "Беллатрикс", коробль Самду. Глядя в иллюминатор воздушного шлюза, Адмирал-Генерал увидел, как огромный слепящий клубок атомного огня, вращаясь, рванулся вперед, расширяясь по мере того, как поле нестабильности поглощало всю встречающуюся ему материю.

— Ну что ж, мистер Деррон,— пробормотал огромный Хал Самду с мрачным удовлетворением.— Или мистер Василиск. Посмотрим, как вам удастся выкрутиться.

Геодины несли оба колоссальных корабля сквозь пространство, или, точнее, вокруг него, и скорость их намного превышала скорость света. Однако они набирали скорость так плавно, что экипажи не испытывали перегрузок. Они соединились шлюзами. Взволнованный Хал Самду перешел на борт "Непреклонного".

— Быстрее,— сказал он встретившему его офицеру.— Проводите меня к командиру.

Но, когда быстрые лифты и движущиеся дорожки доставили их к двери возле навигационного отсека, каомандир Легиона не ответил на их сигнал.

Встревоженный дежурный офицер открыл бронированную дверь. Хал Самду вошел в мягко освещенные роскошные опартаменты Джейя Калама. Командор исчез.

— Бедный старый джей,— пробормотал Хал Самду.— Сотый!

Он повернулся к офицеру.

— Корабль Деррона по-прежнему в зоне поражения? Тогда продолжайте стрелять, пока не уничтожите его.

ЧЕЛОВЕК И АНДРОИД

Стоя в узком пространстве шлюза "Атома-Фантома", Чан Деррон затаил дыхание. Он был безоружен, а черное крошечное отверстие в трости старика смотрело на него словно смертоносное око.

— Хабибула? — наконец произнес он.— Тот самый великий Жиль Хабибула?

Чан был безоружен, зато тяжелый геопеллер по-прежнему находился за плечами, а рукоять управления находилась в руке. Можно было попытать счастья. Ладонь начала сжиматься.

— Погоди, парень.— Старик опустил трость. Рыбьи глаза выпучились, а в голосе звучала хрипота.

— Во имя жизни, парень, оставь свои смертельные трюки. Тебе нет смысла превращать Жиля в кровавое месиво своим жалким геопеллером. Я тебе не враг, парень! Я пришел сюда как драгоценный друг.

Чан смотрел на старика с мрачной подозрительностью. Затем он увидел деньги, вываленные на стол. Толстые пачки сертификатов Зеленого Холла, сложенные огромными грудами. На обертке каждой из них был отпечатан желтый полумесяц. Вот где оказались сокровища Ханнаса, похищенные из бункера Новой Луны. Он сжал руку на рукояти.

— Ты не...— хрипло произнес он.— Ты не Василиск?

Жиль Хабибула задрожал. Сморщенная луна его лица позеленела. Он хрипло астматически вздохнул.

— Нет, парень! Нет, клянусь жизнью! Я — всего лишь бедный старый солдат. К тому же и загнанный беглец, дезертир из Легиона.

— Дезертир? — Темные глаза Чана Деррона сузились.— Если ты действительно знаменитый Жиль Хабибула, зачем тебе понадобилось дезертировать и что ты здесь делаешь?

Жиль Хабибула заморгал.

— Спасибо, парень.— Голос его дрожал.— Ах, дружище, в глубине своей старой души я благодарю тебя, что ты называешь меня знаменитым. Ибо Легион забыл обо мне, парень.— Он вытер пухлой ладонью глаза.— Когда-то Жиль Хабибула был героем Легиона,— он вздохнул,— а также всей драгоценной Системы. Так как его благородная смелость, а также его замечательный гений дважды спасли жизнь человечеству: однажды — от ненавистных медузиан, а в другой раз — от жутких кометчиков. И какую же награду он получил? — Он всхлипнул и судорожно вздохнул.— Нищенскую, дружище. Старый Жиль забыт. Его драгоценные медали тускнеют в футляре. Несколько жалких долларов, которые ему достались, давно пропиты. Несчастный старый солдат, умирающий по вине тех неблагодарных, которых он считал друзьями. Ах, парень, какая все-таки ужасная штука — жизнь...

И вдруг однажды я слышу о твоих приключениях! — Желтое лицо его прояснилось.— Да-да, парень, ты — человек того сорта, к которому относился старый Жиль, когда был совсем молодым. Отважный парень, да-да, смелый и безрассудный. С кем бы ты ни тягался, ты всегда одерживаешь верх. Пьешь вино, берешь золото, завоевываешь любовь женщин везде, где их находишь. Ах, парень, старый Жиль пришел к тебе, чтобы ты помог ему вернуть давно ушедшую юность...

Рука Чана Деррона опять сжала рукоять.

— Не надо, парень! — прохрипел Жиль Хабибула.— Ради жизни, не надо. Всему Легиону известно, что ты Василиск, и этим ты должен по праву гордиться. Ты стоишь против законов всех планет и дурачишь Легион Пространства.

Чан Деррон покачал головой.

— Я не Василиск,— проворчал он.— Я всего лишь его жертва. Он повсюду разбросал сотни улик, чтобы на меня пало подозрение. Взгляни хотя бы на эти деньги, которые он похитил из бункера Ханнаса.

Жиль Хабибула кивнул, и на его желтом лице появилась счастливая улыбка.

— Ах, да, парень,— засопел он.— Взгляни на них — миллионы, миллионы долларов. Достаточно, чтобы не испытывать недостатка в вине, золоте и женщинах всю жизнь. Хватит даже на двоих, если жизнь одного из них подходит к концу. Так что же, давай бежать вместе с добычей? Как в добрые старые дни — жить в бегах от Легиона?

Глаза Чана Деррона сузились.

— Ты признаешь, что когда-то был преступником,— пробормотал он.— Ты знаменит тем, как справляешься с замками. Ты знаешь все трюки медузиан и кометчиков. Мне кажется, Жиль Хабибула, что Василиск — ты.

— Клянусь жизнью, парень, ты не прав! — Старик побледнел.— Не думай так!

— Если ты не Василиск,— рявкнул Чан Деррон,— скажи мне одно: как ты обнаружил "Атом-Фантом", когда всему Легиону это не удалось?

— Очень просто, парень,— засопел Жиль Хабибула.— На одном из ключей, найденных мною в кармане Чарльза Даррела в Алмазном Зале, был штамп "Контрольный отсек 17Б285". Я задал один вопрос и узнал, что это зеркало, у которого вышел из строя мотор. Так я понял, где смогу с тобой встретиться. Но, парень, действительно, не думаешь же ты...

Чан Деррон покачал головой.

— Я верю, что ты охотишься за Василиском,— сказал он.— Я тоже. А у меня есть нить. Я думаю, что Легион о ней не подозревает. Можешь лететь со мной, если хочешь.

Маленькие набрякшие глаза заморгали.

— Я же сказал тебе, парень, что пришел повидать Василиска,— просопел, наконец, Хабибула.— Если ты не этот монстр и если ты отвезешь меня к нему, то я полечу с тобой.

Чан махнул рукой в сторону тесной каюты на корме.

— Располагайся,— сказал он.— Я буду вести корабль. Нам нужно выбраться из рекламной надписи, уйти от флота, добраться до объекта возле Тубана в созвездии Дракона. У нас достаточно катодных плат, чтобы туда добраться, однако на возвращение не хватит. Я хотел бы, чтобы потом ты сменил меня на вахте.

— Конечно, парень. Можешь положиться на Жиля Хабибулу.

Чан Деррон прошел в пилотскую рубку, а Жиль Хабибула отправился на камбуз. Там он приготовил изысканное блюдо из найденных продуктов и устроил настоящую какофонию, лязгая тарелками и кастрюлями.

Внезапно его проворные толстые пальцы извлекли из-за пазухи ультракоротковолновую рацию. Продолжая шуметь, чтобы скрыть звуки собственного голоса, он поднес диск переговорного устройства к губам и передал первое сообщение командору Каламу.

Приготовив несколько блюд и отведав каждого из них, он отнес нагруженный поднос в пилотскую рубку. В крошечном помещении Чан Деррон возвышался как башня. Внимание его было поглощено приборами. Он махнул рукой, заметив приближение Жиля Хабибулы.

— В чем дело, дружище? — спросил старик.

— За нами гонятся.— Внимательные глаза не отрывались от панели управления.— Флот Самду гонится за нами по пятам. Если хватит топлива, мы оторвемся. Впрочем, оставь меня.

Жиль Хабибула пожал плечами и отнес поднос на камбуз. Расправившись со своими блюдами, потянувшись и зевнув, он с надеждой осмотрел полки.

— Как жаль,— вздохнул он,— что Василиск не воспользовался своим жутким волшебством и не запасся несколькими бутылками вина. Если он позволил мне лететь... я знаю несколько очень хороших, тщательно охраняемых погребов с винами пятисотлетней выдержки.

Опершись на трость, он поднялся, покинул корму и забрался в один из крошечных отсеков. Вскоре к ровному гулу геодинов, нагруженных на полную мощность, добавился посторонний шум — хрип, храп, свист, стон — Жиль Хабибула спал.

Когда храп установился окончательно, из одной из крошечных кают, находившихся на корме, выскользнула женщина. Быстрая грация стройного высокого тела говорила о необычной силе. Волосы цвета платины обрамляли лицо невиданной красоты. У нее были фиолетовые глаза.

Двигаясь бесшумно, она быстро прошла вперед. Одна изящная рука находилась возле кристалла, похожего на огромную белую снежинку, покоявшегося на шее, в другой был протонный бластер новейшего образца.

Она подошла к небольшой двери в пилотскую рубку и остановилась, глядя на Чана Деррона. Она навела бластер на его сердце. Он сидел спиной к ней. Казалось, он был погружен в созерцание приборов. Огромные руки быстро двигались над панелью. Он пытался выжать из геодинов всю энергию до последнего кванта. Вспыхнул экран. Чан Деррон вздрогнул. Он еще быстрее задвигал руками, и гудение геодинов резко усилилось.

— Еще бы тонну катодных плат...— пробормотал он.

В ее глазах появился блеск. Она гневно откинула голову. Затем, затаив дыхание, подняла бластер.

Однако Василиск заслужил открытой кары за все свои преступления. Он должен почувствовать страх смерти. Она опустила бластер. Взглянув на экраны и детекторы, она увидела, что флот гонится за ним по пятам. Она посмотрела на панель компьютера и увидела координаты места назначения — точка в десяти миллиардах миль от Солнца в созвездии Дракона. И каждое движение Чана Деррона говорило о том, что он сознает опасность.

Что находится в том месте? Зачем он так торопится добраться туда? Одного нажатия на спуск бластера было достаточно, чтобы уничтожить надежду на ответ. Девушка сказала себе: это единственная причина для того, чтобы ждать. Она повернулась и быстро и бесшумно стала возвращаться в каюту, где находилось ее убежище.

Сопение, поскуливание и храп Жиля Хабибулы звучали как и прежде. Но в то мгновение, когда девушка вошла в дверь своей каюты, Жиль Хабибула перестал храпеть, и сопящий голос посоветовал:

— Девочка, стой, где стоишь.

Девушка мгновенно повернулась. Протонный бластер был у нее в руке. Она увидела в коридоре Жиля Хабибулу. Толстая трость была нацелена на нее, и она опустила оружие под взглядом бесцветных глаз.

— Спасибо, девочка. Было бы ужасно жаль убить такое чудесное существо. Прошу тебя, не подталкивай мою руку. Я тебя знаю, девочка. Старому Жилю никогда не забыть смертельной красоты Леруа.

В фиолетовых глаза вспыхнуло что-то быстрое, холодное и смертоносное. В изящной руке девушки вновь вздрогнул бластер. Однако Жиль Хабибула не замедлил угрожающе вскинуть трость. Она ответила улыбкой, столь чудесной, что старик заморгал.

— И я вас знаю,— произнесла она.— Вы — Жиль Хабибула. Не знаю другого человека, который смог бы устроить мне такую ловушку.

На желтом лице появилась улыбка.

— Да-да, я Жиль Хабибула. Ах, сорок лет назад вы могли услышать мое имя — десятки моих имен на каждой планете. Ибо, в былые дни Жиль Хабибула был ловким, смелым, умным и удачным, как вы, Леруа.

Девушка по-прежнему улыбалась.

— Однако теперь, кажется, нас обоих перещеголял третий преступник. Он гораздо ловчее нас, если мы не докажем обратное, поймав его.

Он заморгал.

— Не заключить ли нам союз, девушка? Союз, чтобы уничтожить Василиска? — Он мотнул головой в сторону узкой рубки.— Мой драгоценный гений, ваши смертельное коварство, грозная сила и красота, которые вам дал Эльдо Арруни,— ах, девушка, с такими помощниками мы не пропадем.

Он вопросительно уставился на нее.

— Так что, девочка? Согласитесь вы, человек или андроид, помочь мне справиться с Василиском?

На мгновение черты девушки застыли, и улыбка ее казалась нарисованной, бесплотной. Затем лицо ее смягчилось. Она спрятала бластер в кобуру, находящуюся у нее под шубкой, и протянула сильную красивую руку Жилю Хабибуле.

— Я с вами, Жиль, до смерти Василиска.

Старый легионер почувствовал, что голос ее изменился. Было в нем что-то наивное, пугливое, удивленное, как в голосе ребенка.

— Пойдемте, Жиль,— сказала она и указала на каюту, в которой пряталась.— Я должна вам кое-что рассказать.

СТРАШНАЯ СКАЛА

Скала, черная и нагая, поднималась над пустынным морем. Море было грязное, черно-зеленое, и в нем можно было различить длинные полосы желто-красных водорослей. Поверхность имела маслянистый блеск. Небо над морем было дымчатое, зеленовато-синее. Светило, которое очень медленно поднималось в небе, заливало скалу безжалостными лучами и выглядело в размере больше Солнца. Это был огромный малиновый диск, испещренный темными пятнами. В спектре доминировали инфракрасные линии, так что тусклый свет нес невыносимый жар.

На вершине скалы, на природном уступе футов пятидесяти в длину, столпились сто мужчин и женщин. Они медленно поджаривались в невыносимых лучах неспешно поднимающегося светила. Их мучила жажда — вода в океане была непригодная для питья. Все кашляли, задыхались, обливались слезами, потому что зеленый цвет атмосферы был обусловлен свободным хлором. Это были те сто человек, которых похитил Василиск.

Последний из прибывших, Джей Калам, помнил внезапный пронизывающий урчащий звук. Только что он находился в своем салоне на "Непреклонном", а вот теперь неудержимая сила несет его в пугающую бездну безвоздушного холода. Но еще до того, как он смог дышать, он увидел свет — мрачное зловещее излучение гаснущей звезды. Сверхъестественное урчание прекратилось, и он обнаружил, что лежит, распростертый, на голой скале. Хлор обжигал легкие. Свирепая гравитация тянула вниз.

От безнадежности отчаяния у него кружилась голова.

— Командор Калам! — прокашлял кто-то.— Это вы?

Это был Ларс Эккард, похищенный глава Зеленого Холла. Он задыхался, глаза его были красными. Он помог Джею Каламу подняться на ноги. Глядя вокруг воспаленными глазами, он увидел многих знакомых — он узнал их, несмотря на то, что лица у всех были полускрыты влажными повязками.

Он увидел Боба Стара и нескольких других легионеров, которые стояли с бластерами наготове на самой высочайшей точке скалы.

Над ними, паря и спускаясь в ядовитом желто-зеленом тумане, кружили несколько дюжин живых оригиналов чудовищного робота, который появился в Алмазном Зале Новой Луны.

— Они уже много раз нападали, командор,— прохрипел Ларс Эккард.— Пока что мы отбивали все их атаки, однако у нас вышли почти все заряды.

— У меня есть бластер.— Джей Калам дотронулся до оружия, и худой старый парламентарий покачал головой.

— Он пригодится, командор.— Он откашлялся.— Но ненадолго. Начинается прилив. С рассвета вода поднялась на сто футов. Еще сто футов, и скала окажется под водой. А те твари, что живут в воде, гораздо страшнее тех, что летают в небе.

Джей Калам поднялся чуть повыше. Все лица под белыми масками были ему знакомы, потому что это были сто наиболее известных граждан Системы. На небольшой каменной плите лежала женщина. Руки и плечи ее были покрыты импровизированными бинтами. Рядом с ней стояла, плача, на коленях маленькая золотоволосая девочка. Забинтованная рука гладила девочку по голове.

— Это жена Роберта Стара,— сказал Ларс Эккард.— Ее схватил один из крылатых монстров. Боб Стар вовремя убил его. Чудовище выпустило ее и сорвалось в море. Твари, которые утащили его под воду, были действительно ужасны.

На Джея Калама напал кашель, и когда отпустил, командор едва дышал и дрожал, ничего не видя. Легкие пылали огнем. Ларс Эккард оторвал лоскут от своей одежды и вручил ему.

— Намочи, командор,— сказал он.— Обвяжи вокруг лица. Вода поглощает хлор.

На верхней площадке стояли на коленях несколько десятков мужчин и женщин. У всех были грубые маски, и кто-нибудь из них постоянно кашлял. Однако они, казалось, не обращали внимания на разъедавшую плоть смерть, которую вдыхали, на чернокрылую смерть, которая кружила и орала над головами, на малиновую смерть жара, которую обрушивало на них огромное и тусклое светило, на неведомую смерть под поверхностью едкого, населенного монстрами моря, которое неудержимо поднималось к вершине скалы. Но перед каждым человеком

лежала груда камешков, а красные полуослепшие глаза не отрывались от пары прыгающих костей.

Ларс Эккард взглянул на них и произнес:

— Если это помогает им забыть...

Банкиром был Гаспар Ханнас. Широкое лицо под заляпанной желтым маской было искажено бесчувственной улыбкой. И руки его так алчно сгребали выигранные камешки, словно это были алмазные фишки на столах Новой Луны.

Джон Комэйн, огромный беловолосый инженер, не играл. Он сидел напротив Ханнаса на корточках. Вытянутое лицо его было бесстрастным, одеревенелым, стеклянные выпуклые глаза застыли на хозяине с нескрываемой враждебностью. Рядом лежал прибор, похожий на коробку, которым он пользовался на Новой Луне, надеясь обнаружить таинственную силу Василиска.

Амо Брелекко метал кости. Половина его лица была скрыта белым носовым платком, вторая половина, казалось, ничуть не изменилась с того момента, как его похитили из Алмазного Зала. Одежда его выглядела безупречно. Лучи низкого солнца отражались от драгоценностей. Длинные желтые пальцы манипулировали кубиками с неподражаемым проворством.

Рядом сидел, быстро сгребая выигранные камешки, низенький человечек с землистым лицом. Сутулая потрепанная фигура казалась смутно знакомой. Он делал записи в черной записной книжке, затем быстро набирал цифры на клавиатуре бесшумного калькулятора. Джей Калам узнал его. Это был Абель Дэвиан, маленький игрок, которого Василиск похитил из Алмазного Зала Новой Луны. Денежный мешок с желтым полумесяцем, в котором, видимо, находились двадцать миллионов его выигрыша, лежал на скале рядом. Он не обращал на мешок внимания, сгребая пригоршни черных камешков и выхватывая из рук Брелекко кости. По морщинистой коже бежали капли пота. Он тряс стакан и бросал кости. Проиграв, он хмуро склонялся к калькулятору.

— Люди,— странные животные,— пробормотал Ларс Эккард.

В стороне Джей Калам обнаружил неглубокую нишу, возле которой стоял на посту Джон Стар. В нише стояла на коленях его жена Аладори. Перед ней были разложены детали какого-то устройства. Она подняла голову и, увидев Джея Калама, устало улыбнулась. Однако он не увидел в ее глазах надежды.

— Мы знали, что ты появишься здесь, Джей,— сказал Джон Стар.— Но думали, что ты прибудешь на "Непреклонном".

Джей Калам посмотрел на недоделанный прибор. Эта безвредная на вид игрушка была самым главным оружием человечества, способным уничтожить любую мишень. Он прошептал символы могущества:

— АККА.

Женщина, задыхающаяся от кашля, была хранительницей этого оружия.

— Прибор не доделан,— сказала она.— Детали, которые я носила с собой под видом бриллиантов, исчезли. Мы не смогли собрать достаточно материалов.

Джей Калам вытащил маленький черный диск ультракоротковолнового коммуникатора.

— Может быть, это подойдет.

— Может быть.— Стойкая женщина взяла у него диск.— Но, даже если я закончу аппарат, я не знаю, как он сможет нам помочь. Я не знаю, кто такой Василиск и где находится его укрытие. Мы не знаем даже, где находимся сами.

— Однако можем предположить,— сказал Джей Калам.— Мы провели тщательные поиски звезды, с планеты которой появился необычный робот Василиска. Судя по обилию свободного хлора и солнцу над нами, совершенно очевидно, что это та самая планета. Это означает, что наше Солнце находится в восьмидесяти световых годах отсюда.

Когда наступит ночь и мы увидим созвездия и Млечный Путь...

— Когда наступит ночь,— вмешался Джон Стар,— нас здесь не будет. Скалу затопит прилив.

— В таком случае...— Джей Калам закашлялся. Прошло много времени, прежде чем он снова мог дышать и видеть. Он взглянул на измученных мужчину и женщину, стоявших перед ним.— В таком случае, я вижу один выход. Отчаянный выход, однако это наша единственная надежда.

— Джей,— произнес Джон Стар.— Что ты задумал?

Мрачные темные глаза командора встретились со взглядом печальных глаз Хранителя Мира, Аладори.

— Если ты сможешь доделать прибор,— медленно произнес он,— мы должны будем уничтожить это солнце, планету и все в этой звездной системе. Даже себя.

Женщина хмуро кивнула красивой гловой.

— Я сделаю это,— сказала она.

Быстрые руки ее стали разбирать диск коммуникатора.

— А детали эти,— сказала она,— это все, что мне нужно.

— Подожди,— прокашлял Джон Стар.— Прежде всего, не можем ли мы с помощью коммуникатора сообщить о нашем положении и нашем замысле? Легион, возможно...

Командор покачал головой.

— Это ультракоротковолновая рация,— сказал он.— Нам потребуется восемьдесят лет, чтобы наше сообщение пришло в Систему, и столько же лет на то, чтобы получить ответ. Даже если бы у нас был видеоволновой передатчик, который занимает целый отсек на "Непреклонном", нам потребовалась бы половина светового года.

— Нет, Джон. Я думаю, есть лишь одна надежда.

Кррр! Кррр! Кррр!

Услышав урчание сигнала экстренного вызова, Джей Калам вздрогнул. Аладори удивленно протянула ему рацию.

Поднеся переговорное устройство к уху, он услышал искаженный и приглушенный шепот Василиска.

— Мой дорогой командор,— сказал он.— Я вынужден вмешаться в ваши самоубийственные планы. Дело в том, что быстрая аннигиляция от руки Хранителя Мира — не то, что я задумал для девяносто девяти из вас. Я хочу, чтобы вы прожили достаточно долго, чтобы испытать на своей шкуре все, что выпало на мою долю. Я хочу дать вам время, чтобы вы поняли, что человек, который страдал столь долго, будучи ничтожнейшим и самым жалким из людей, стал теперь величайшим. Когда вы узнаете правду, я уничтожу вас так, как мне нравится.

Что же касается сотого,— продолжал зловещий голос,— то его смерть от АККА умалит мою победу. Ибо я намереваюсь вернуть его живым в Систему, чтобы он рассказал о моей мести. Можете заверить своих друзей, если вам хочется вернуть им надежду, что один из них останется жив.

Шепот утих. Джей Калам выронил крошечный прибор и уставился на голую черную скалу. Он увидел маленький круг стоящих на коленях мужчин и женщин, погруженных в игру. Он увидел жену Боба Стара, Кай Нимиди, прижимающую к груди маленькую рыдающую девочку. Он увидел самого Боба Стара, стройного мужчину на краю скалы, стоящего на страже своих жены и ребенка.

— Я думаю...— Он закашлялся.— Я думаю, что Василиск где-то поблизости. Где-то здесь его база и оборудование, которым он пользуется. Мы слышали его по ультракоротковолновой связи...

Аладори вскрикнула. Взглянув на ее изумленное испуганное лицо, Джей Калам увидел, что она показывает на то место, где только что лежало наполовину собранное оружие. Теперь там находилась маленькая черная змейка из глины.

ГЕОФРАКТОР

— Но я не Леруа.

Девушка с фиолетовыми глазами закрыла дверь в крошечную каюту, и гул задыхающихся геодинов стал почти неслышным.

— Вот как, девочка? — старик заморгал.— В таком случае, кто вы?

Усевшись на краешек узкой койки, девушка пригладила роскошные платиновые волосы и взглянула в лицо старого солдата.

— Я не андроид, Жиль,— сказала она.— Я такой же человек, как и вы. Я — Стелла Элероид, дочь Макса Элероида, убитого Василиском.

В фиолетовых глазах горело холодное пламя. Лицо ее было жестким.

— Когда я узнала, что Легион потерпел неудачу,— продолжала она холодным тихим голосом,— я решила сама выследить убийцу и найти геофрактор — новейшее и величайшее изобретение, ради которого Василиск убил отца.

— Геофрактор? — спросил Жиль Хабибула.— Что это значит? — Он подался вперед. Крошечные глазки пристально смотрели ей в лицо.— Нет, девочка, ты Леруа,— настаивал он.— Я видел твой портрет. Глаза и волосы твои другого цвета, и я восхищен твоим артистизмом, однако тебе никогда не обмануть старого Жиля.

Девушка положила руку на пухлое плечо старика. Он долго смотрел на белое напряженное лицо и, наконец, улыбнулся.

— Видите ли, Жиль, мой отец и доктор Арруни были друзьями детства. Они вместе жили в Икархеньюме. Каждый с большим уважением относился к способностям другого. Мой отец часто говаривал, что, и если бы Арруни ладил с законом, он был бы величайшим ученым Системы. Иногда во время своего изгнания Арруни тайком посещал Землю, и отец всегда поддерживал с ним связь. Я думаю, он до самого конца надеялся убедить Арруни прекратить кощунственные исследования и обратить талант на что-нибудь другое, более законное.— Она помолчала, покусывая пухлую губку.

— Когда я была девочкой, я им восхищалась,— продолжала она.— И во время его последнего визита он, наконец, меня разглядел. Раньше он тоже видел меня, однако не обращал внимания, но на этот раз я была старше, мне было семнадцать. Он влюбился в меня. Романтика жизни вне закона меня всегда интриговала. Он рассказал мне о красотах неизвестного астероида, где находилось его убежище, и умолял меня отправиться с ним. И я согласилась. Я была очень молодая, достаточно сумасбродная, и казалось, что я его люблю.— Глаза ее смотрели в сторону, она помолчала.— Кажется, я кое-что потеряла в жизни. Несмотря на то, что он делал, Эльдо был самым великим из людей, которых я когда-либо знала. За исключением отца.

Я сообщила отцу о дне нашего отлета. Он был ужасно расстроен. Он стал рассказывать такое, о чем я раньше только догадывалась: о нелегальных исследованиях, о производстве наркотиков, о преступной группе, которую он сколотил и возглавил.

Несмотря на все это, я была достаточно молодой и сумасбродной, чтобы не уступить, но тут отец рассказал мне об андроидах, об этих тварях наподобие Стивена Орко. Большинство из них были женщинами, которых Арруни изготавливал на продажу. Это были красивые и преступные распутницы-рабыни, которые обычно грабили и убивали своих сладострастных покупателей и возвращались к Арруни, который продавал их очередной жертве.

Я отказала Арруни. Отец говорил с ним еще раз. Не знаю, что он ему сказал, однако это послужило концом старой дружбы. Арруни возвратился на астероид. Я знаю, что он там делал.— В глазах девушки был страх.— Он создал тварь, обладающую сверхчеловеческой силой андроида. Мозг ее был нечеловеческим, безжалостным мозгом преступника, таким же, какой был у Стивена Орко. Я послужила для него моделью. Он воссоздал по фотографиям и памяти почти точное подобие.

— Ах! — вздохнул Жиль Хабибула.— Вот как! Но девочка, как случилось, что тебе пришлось играть роль этого смертельного андроида?

— Арруни держал Леруа при себе,— сказала девушка.— Пока кометчики, ведомые чудовищем, которое он сам же и создал, не напали на маленький мир. Арруни погиб, но Леруа сбежала. Умная, смелая и безжалостная, она возглавила межпланетную банду своего создателя. Вскоре Легион напал на ее след, и тогда она разработала самый дьявольский из своих планов.

Глаза девушки стали почти черными, и она помолчала, дрожа. Рука ее прикоснулась к огромному белому алмазу на ее шее, как к драгоценному талисману.

— Леруа знала, что во всем похожа на меня. Она решила прикрыться моим именем. Она задумала похитить меня из лаборатории, где я продолжала работу отца. Она надеялась погубить мой разум наркотиками и через подставных лиц выдать меня Легиону, и получить награду. После чего жить моей жизнью.

— Ах, какой жуткий замысел! — Жиль Хабибула наклонился вперед.— И что произошло дальше?

— Отец предупреждал меня, что такое может случиться,— произнесла девушка.— После его смерти я сделала приготовления. Когда Леруа пришла, я ждала ее. Победила не она, я.

Жиль Хабибула поднялся и, обняв девушку, с энтузиазмом чмокнул ее в губы.

— Молодец, девочка! — воскликнул он.— Выходит, ты победила андроида ее же оружием. Но почему ты ничего не сообщила Легиону, не получила заслуженную награду?

Лицо девушки стало очень серьезным.

— Мне было бы трудно доказать, что я не Леруа. Кроме того, в тот же день я узнала, что убийцы отца бежал со Скалы Дьявола. А кража документов из лаборатории, случившаяся несколькими днями позже, убедила меня в том, что он пользовался геофрактором отца. Я знала, что Легион потерпел неудачу и что он не сможет ничего сделать и в дальнейшем против столь страшного изобретения.

Но Леруа, подумала я, не проигрывает. Я стала Леруа.

— Хорошая игра,— похлопал в ладоши Жиль Хабибула.— Однако расскажи мне, девочка, об этом украденном изобретении.

Девушка вновь уселась на край койки. Наклонив голову, она прислушивалась к надрывному гулу геодинов. Изящная рука машинально коснулась спускового крючка протонного бластера, а затем огромного белого кристалла на шее.

— Не беспокойся, девочка,— сказал Жиль Хабибула.— Я сообщил командору Каламу наше местонахождение и курс. Деррону не скрыться от флота. Так что же это за смертельное изобретение?

— Вы знаете,— спросила она,— что мой отец был инженером-гравитационщиком?

— Да еще каким! — засопел Жиль Хабибула.— Благодаря его усовершенствованиям, геодины развились несказанно. Он изобрел геопеллер, которым так ловко научился владеть Чан Деррон...

— Деррон умеет пользоваться краденными изобретениями,— сказала она, сжав белые кулачки и медленно расслабляясь.— Однако геофрактор,— продолжала она,— основал на использовании ахронных силовых полей. Мой отец самостоятельно разработал новую отрасль геодезии, совершенно неизвестную раньше на Земле. Лишь командору Каламу и его экспедиции удалось найти некоторые основы ее в науке кометчиков.

— Ах, да,— кивнул Жиль Хабибула.— Что-то подобное использовала Кай Нимиди, чтобы бежать с кометы.

— Но, геофрактор, усовершенствованный моим отцом,— продолжала девушка,— обладал энергией, достаточной для того, чтобы помешать кометчикам появиться здесь. Его ахронные поля могли искривить гравитационные линии вокруг планеты в радиусе нескольких световых лет.

— Вот как девочка! — Жиль Хабибула улыбнулся.— Однако в других мирах...

— Геофрактор проецирует два гравитационных поля. Каждый прибор способен исказить гравитационные линии вокруг любого объекта и свести их вместе по другую его сторону. И это означает,— улыбнулась она,— что объект исчезает из нашей четырехмерной вселенной.

Он сделал спаренную установку из двух синхронизированных блоков, так что каждый из них создает идеальный вакуум, чтобы один объект мог проникнуть сквозь другой. Это предотвращает атомный катаклизм,

который может случиться, если два предмета окажутся в одном и том же месте. Это объясняет, почему Василиск...— у нее перехватило дыхание,— почему Деррон на место того, что забирает, подбрасывает глиняных змеек, кирпичи или роботов. Это балансирует работу передатчика и экономит энергию.

Жиль Хабибула вздохнул.

— Так вот что такое геофрактор,— засопел он.— Ах, какая страшная штука.

— Выходит, таким его сделал Деррон,— горько прошептала девушка.— Отец построил его в мирных целях. Он хотел сделать возможным освоение звезд в широких масштабах, чтобы люди могли расселиться по всем галактикам. Он понимал крайнюю опасность этого открытия. Я сомневаюсь даже, что он вообще закончил бы его, если бы не война с кометчиками.

Он считал, что это оружие можно применять только в крайнем случае, и разработал защиту против него.

— Вот как? — Жиль Хабибула посмотрел на нее.

Девушка прикоснулась к белому алмазу.

— Здесь находится атомная батарейка, образующая крохотное ахронное спиральное поле,— сказала она.— Оно создает сферическую зону защиты, сквозь которую не проникают поисковый луч и искривленные поля геофрактора. Это все, что покуда защищало меня от Деррона. А он не раз пытался отобрать это у меня: послал, например, робота на Новую Луну, чтобы тот напал на меня. Хотя тут он сделал промашку, убив этого монстра слишком рано.

Жиль Хабибула моргнул и прищурился.

— Итак, девочка, теперь, когда мы это знаем, что мы будем делать? Деррон увозит нас к какому-то неведомому объекту в созвездии Дракона. А флот гонится за нами по пятам.

— Этот объект, видимо, и есть геофрактор.

— Вот как? Однако Джей Калам говорил, что это очень маленький прибор, его мог переносить один человек...

— Это была модель, похищенная Дерроном. Ее мощности было достаточно, чтобы перенести одного человека и саму модель с острова, на котором отец ее испытывал. Непонятно только, почему сам Деррон не бежал тогда вместо того, чтобы пытаться доказать свою невиновность. Но для более масштабных действий модель не годилась. Видимо, в дальнейшем была построена машина большей величины. Вероятно, на какой-нибудь далекой планете, с помощью роботов вроде того, которого Василиск послал на Новую Луну. Кража, как вы помните, произошла четыре года назад, а модель вполне способна решить все проблемы транспортировки.

— Но, девушка,— Жиль Хабибула с сомнением покачал головой,— если Деррон находился на Новой Луне, а эта злобная машина — в десяти миллиардах миль от него, то как он может быть Василиском?

— Обратная связь,— сказала девушка.— Отец усовершенствовал устройство. С помощью прибора, который человек может нести в одной руке, он способен оперировать геофрактором с любого расстояния посредством тубулярных полей ахронных сил. Поскольку эти поля способны накапливать энергию и передавать ее, ее можно использовать не только для команд, но и для наблюдения, без потери времени и без промежуточных трансляторов.

Жиль Хабибула нахмурился.

— Это значит, что Деррон может управлять геофрактором откуда угодно. У него аппарат, осуществляющий обратную связь. Я нащупала провода у него в рукаве.— Бледное лицо девушки стало напряженным.— Должно быть, на Новой Луне он чувствовал себя богом, путешествующим инкогнито, способным шпионить за кем угодно без всякой видимой опасности для себя, способным похитить с помощью геофрактора любого, кто отважится противостоять его безумной силе.— Она испуганно коснулась белого алмаза.

— В таком случае, девочка, неужели мы будем ждать и прятаться? — спросил Жиль Хабибула.— Ждать, пока Деррон доставит нас к своей страшной машине?

В этот миг дверь в каюту разлетелась. Обломки раскидало в стороны, а в проеме появился Чан Деррон. В руке он держал рукоять управления геопеллером, а в другой — яркую иглу протонного бластера.

Рука девушки метнулась к оружию. Однако пальцы Чана сжались на рукояти, и огромное тело, словно тень, метнулась к ней. Наконечник его бластера выбил оружие из руки девушки, а пинок вышиб трость из рук Жиля Хабибулы. Геопеллер отнес Чана обратно к разбитой двери.

— Некоторые люди любят расхаживать с бластерами по кораблю,— сказал он.— А я не совсем глухой.— Он не сводил с них оружия. Прищуренные глаза Чана Деррона осмотрели девушку, и он улыбнулся.— Я рад, мисс Стелла Элероид, что вы не Леруа. А вы Жиль Хабибула... мне кажется, вы слишком долго были преданным легионером, чтобы на старости лет дезертировать. Послушайте...— Он махнул бластером.— Я слушал все, что вы сказали. Теперь нас трое против Василиска. Я намерен убедить вас в том, что не я убил доктора Элероида.

По телу девушки пробежала дрожь. Увидев ненависть в ее глазах, Чан сделал шаг назад.

— Ты так думаешь? — спросила она едко.— Я сомневаюсь.

— Ах, девочка, подожди.— Маленькие глазки Жиля Хабибулы неодобрительно выпучились в ее сторону.— Давай послушаем. То, что ты рассказала о геофракторе,— объяснил он дрожащей и рассерженной девушке,— объясняет обстоятельства гибели твоего отца.

— В таком случае, скажи, как это произошло? — холодно бросила она.— Ты должен знать.

— Я подготовил бронированное помещение. Ваш отец и его помощник доставили действующую модель, которую собирались проверять, и заперлись изнутри. Я стоял снаружи, на посту. Адмирал-Генерал Самду, появившийся часом позже, обнаружил дверь открытой. На основании чего и обвинил меня.

Он обнаружил тело помощника рядом с трупом доктора Элероида, однако машина исчезла. Тело помощника уже подверглось трупному окоченению. Этого никто не смог объяснить, когда проводилось следствие. Этот факт попросту остался без внимания. Но трупное окоченение наступает не раньше, чем через два-три часа после смерти. Тело, найденное в одном помещении с доктором Элероидом, было мертвым часов десять-двенадцать.— Он опять с пристальным вниманием посмотрел в лицо девушки.

— Вам не мешало бы объяснить, как такое могло случиться,— сказал он.— Преступник уже убил помощника вашего отца. Спрятав труп, он занял его место. Этот убийца спустился в помещение вместе с вашим отцом. Вы не считаете, что такое возможно?

Платиновая головка Стеллы Элероид очень медленно, словно против воли, кивнула. Фиолетовые глаза, очень темные, смотрели в лицо Чана Деррона чуть ли не с гипнотической силой.

— Такое возможно,— прошептала она.— Мой отец страдал крайнею степенью миопии. Он никого не мог бы узнать в двенадцати футах. А в тот день он был очень рассеян, поглощен экспериментом.— Она кивнула снова.— Продолжай.

— Убийца, видимо, очень хитрый человек. Мы знаем, что он давно следил за вашим отцом. Должно быть, он продумал каждый ход. Он очень рисковал, но ставка была огромной. Находясь в запертом помещении, он проследил за действиями вашего отца и узнал, как работает устройство. Затем убил изобретателя. С помощью геофрактора он переместил труп настоящего помощника из укрытия. Он вытащил бластер из моей кобуры, вонзил штык в тело вашего отца, открыл дверь и исчез вместе с действующей моделью, устроив все так, чтобы никто не сомневался в моей вине.

Он смотрел в застывшее бледное лицо девушки.

— Вы мне верите? — хрипло прошептал он.— А, Стелла?

— Я... я не знаю.— Она покачала головой.— Хочу верить. Но кто тогда Василиск?

— Ах, этот смертельный вопрос! — засопел Хабибула.— Возможно, вы рассказали правду, капитан Деррон. А в этом случае преступник — страшный человек и поступил с вами ужасно. Однако против вас масса улик.

— Вы мне не верите,— безнадежным тоном сказал Чан Деррон.— И не поверите, пока мы не доберемся до геофрактора. Я думаю, там нам удастся узнать, кто же наш враг.

— Мне приказано вернуть вас,— уныло сказало старый солдат,— а флот гонится за вами по пятам. Но, если вам угодно сопротивляться, я сообщу командору Каламу...

Чан Деррон нахмурился.

— Я не мятежник,— сказал он.— Я знаю, что флот очень близко. К тому же, у нас нет катодных плат, чтобы идти на прежней скорости. Скоро мы окажемся в зоне поражения вихревых пушек. Однако я все равно намерен добраться до геофрактора. Если вы мне не поможете...— Он угрожающе вскинул бластер. На одном из пальцев, сжимавших рукоятку, мелькнуло что-то зеленое. Жиль Хабибула заморгал.

— Эй, дружище,— засопел он.— Что это за кольцо? Где ты его взял?

— Это кольцо моей матери,— сказал Чан Деррон.— Она подарила мне его.

— Можно взглянуть? — Старик протянул дрожащую руку.— Это венерианский малахит в форме игральной кости? Три и четыре точки на гранях? — Он внимательно осмотрел Чана с головы до ног.— Скажи мне, кто была твоя мать? Откуда она взяла это кольцо?

— Кольцо принадлежало бабушке,— непонимающе глядя на него, сказал Чан.— Она была певицей на Венере. Ее звали Этира Коран.

— Этира Коран!

Глаза Жиля Хабибулы вдруг наполнились слезами. Выскочив из кресла, он бесцеремонно оттолкнул бластер и обнял Чана.

— В чем дело?

— Ты не понимаешь? — произнес Жиль Хабибула.— Твоя мать — моя драгоценная дочь. Ты внук Жиля Хабибулы.

— В таком случае...— Чан высвободился и внимательно посмотрел на сияющее желтое лицо.— В таком случае, ты поможешь мне?

— Ах, конечно! — воскликнул старик.— И с радостью. Ибо внук Жиля Хабибулы не может быть Василиском.

Затем глаза Чана Деррона серьезно и вопросительно посмотрели на девушку. Она встретилась с ним взглядом фиолетовых глаз, в которых светился вопрос. Наконец, она медленно кивнула.

— Мы дадим тебе шанс,— сказала она.— Если ты способен найти Василиска.

ПОСЛЕДНЕЕ СОСТЯЗАНИЕ

Несмотря на отчаянные призывы Жиля Хабибулы, преследующий флот настигал убегающий корабль. Первый залп вихревой пушки не поразил цель. Огромное расширяющееся поле яростно встряхнуло "Атом-Фантом", опалив корпус смертоносной радиацией.

— Пусти меня к геодинам! — прохрипел Жиль Хабибула, когда крошечный корабль рухнул в головокружительный мальстрим.— Я был при двигателях пять драгоценных лет и лучше любого другого знаю, как надо обращаться с генераторами.

И действительно, как только его проворные руки настроили геодины, крошечный корабль быстро полетел вперед. Второе кружащееся облако атомного огня вцепилось в них слабеющими щупальцами и отпустило. Третий выстрел расцвел и погас далеко позади.

"Атом-Фантом" на много часов опередил флот, когда они приблизились к геофрактору.

Чан Деррон был просто поражен размерами этой машины, ее непривычными чертами. На фоне испещренной звездами мглы пространства висели огромные сферы. Три огромных кольца, расположенные под углом друг к другу, между ними — небольшой цилиндр из тускло сияющего металла.

— Это похоже на маленький орешек весом в двадцать миллионов тонн,— пробормотал он.— Но я никогда не видел ничего чернее этих огромных шаров.

— Это не шары,— сказала Стелла Элероид.— Это просто дыры в континууме. На самом деле это тьма гиперпространства.

Через эти дыры происходит искажение метрики пространства. В них раскрываются спирали огромных полей, создаваемых кольцами. Вокруг каждого шара находятся четыре кольца — три ты видишь, а четвертое вращается в гиперпространстве. Если не считать размеров, а они довольно велики, эта машина полностью идентична модели отца. Управление, несомненно, и батарея атомных реакторов, питающих спираль, расположены в цилиндре в центре?

— Вот как? — прошептал Жиль Хабибула.— А можем мы найти там Василиска?

— Можем,— сказала девушка.— Однако я думаю, что не найдем. Ему не обязательно находиться здесь, в его распоряжении обратная связь. Но, несомненно, в машину проникнуть можно. Мы встретим там, скорее всего, роботов.

— А как насчет этой страшной силы? — Глаза Жиля Хабибулы испуганно выкатились.— Той силы, что уносит прочь людей?

— Она нам не страшна.— Девушка опять коснуласькристалла.— Пока это устройство с нами и мы вместе, можно ничего не бояться. Но если мы разделимся или устройство исчезнет, то...

— Ах, девочка, мы будем держаться тебя! — воскликнул Жиль Хабибула.— И защищать до последней капли крови.

Обогнув темный корпус геофрактора, они обнаружили люк в торце огромного цилиндра. Никакого оружия они не заметили. "Атом-Фантом" встал возле люка на магнитные якоря, и три человека в серебристых скафандрах вышли, держась друг за друга.

На наружном люке красовался массивный и сложный комбинаторный замок.

— Ах, вот преграда, которая могла бы остановить весь Легион...— пробормотал Жиль Хабибула, в то время как пальцы его в металлических перчатках уже ощупывали замок. Он прижался шлемом к люку.— Весь Легион,— засопел он.— Однако не драгоценный угасающий гений старого Жиля Хабибулы.

Колоссальная бронированная дверь скользнула в сторону, и они вошли в огромное помещение шлюза. На внутренних вратах красовался другой замок, но он тоже был вынужден уступить, и они попали в загадочные недра машины.

Чану бросилось в глаза величие механизмов, которые они встретили на пути. Тусклый фиолетовый свет огромных куполов энергореакторов слабо освещал квадратные трансформаторы, темные тросы, изогнувшиеся как невиданные змеи, путаницу растяжек, соединяющих механизмы. Рука в перчатке схватилась за рукоятку бластера, однако никакого движения они не обнаружили.

Ни одной живой твари. Ни единого звука, кроме глубокого могучего рева генераторов, трансформаторов и других механизмов.

Стелла Элероид повела их по узкой дорожке из лабиринта, где таились неведомые силы. Жиль Хабибула открыл еще одну дверь, и они вошли в длинную, слабо освещенную комнату, которая, судя по всему, была рубкой управления. Светились бесчисленные ряды приборов, сверкали сигнальные лампочки, гудели зуммеры, щелкали автоматические переключатели. Как ни странно, эта комната была совершенно пуста. Держа перед собой бластер, Чан Деррон вздрогнул. В этой массе сложных механизмов было что-то грозное, словно они жили сами по себе.

— Василиска здесь нет,— сказала Стелла Элероид.— Я и не предполагала, что он здесь окажется. Думаю, я смогу управлять геофрактором. Отец научил меня делать это, хотя и предполагал, что эта работа слишком опасна для меня. Надо разъединить обратную связь и включить поисковый луч.

— Хорошо,— сказал Чан.— Думаю, мне известно, где его искать. Поищем в окрестностях звезды Ульнар XVI, примерно в восьмидесяти световых годах к югу. Здесь есть гелиоцентрические координаты.— Он

вручил ей клочек бумаги, найденный в бункере Ханнаса. Она повернулась к панели.

Проведя короткое совещание с Жилем Хабибулой, она кивнула, и старик занялся приборами. Пальцы его шныряли по переключателям и тумблерам с таким проворством, словно он сам создал все, чего касался. Взявшись за бластер и оглядываясь по сторонам, Чан нес бдительную вахту. Ему казалось, что гудящая пустота этого помещения гораздо страшнее орды роботов Василиска, пока не услышал знакомое неестественное урчание и не увидел зеленокрылый ужас, хлопающий крыльями в дальнем углу.

На этот раз он знал, что малиновый глаз — уязвимая точка. Полыхнула вспышка. Монстр упал, неуклюже распростершись на панелях и не успев поднять бластер, который держал в зеленых щупальцах.

— Не беспокойтесь,— сказал Чан Жилю и девушке. Но фиолетовые глаза Стеллы Элероид были напуганы и серьезны.

— Я отключала обратную связь,— сказала она.— У него, видимо, есть второй геофрактор.

Она вздрогнула.

— Он может переправить нас куда-нибудь еще.

Чан Деррон снова стал наблюдать.

— Мы нашли, Чан,— услышал он голос девушки часом позже. Она смотрела на крошечный экран.— Это место, где, видимо, изготовляют геофракторы. Это планета, вращающаяся вокруг красной звезды. В джунглях, в центре плато, есть громадная поляна, там шахты, печи, металлические крыши фабрик, ангар во много миль длиной, где, видимо, конструируют геофракторы. Что-то вроде города роботов. Я вижу множество роботов. Должно быть, Василиск сначала создавал роботов, а потом они строили других.

— Но где же Василиск? — спросил Чан Деррон.— Где этот чудовищный монстр?

Стелла Элероид пакачала головой.

Чан вдруг подумал, какие ее волосы и глаза были бы настоящими — эти или зеленые глаза и волосы цвета красного дерева, которые он видел на плантациях с изображением Леруа.

— Я не вижу ни одного человека,— сказала она.— Только роботов.

— Ищи, девочка,— прохрипел Жиль Хабибула.— Преступник где-то поблизости. И вместе с ним те люди, которых он похитил.

Чан Деррон стоял на посту. Время, казалось, тянулось бесконечно. Девушка осторожно работала со сложными аппаратами, и смотрела на экран.

— Вот,— прошептала она наконец.— Это место в десяти тысячах миль от города роботов, в центре океана. Там тень, в которую едва проникает поисковый луч. Я полагаю, что это барьерное поле, как у меня.

Она прикоснулась к белому алмазу.

— Однако я прорвалась. Устройство не такое совершенное, как то, что сделал мне отец. Там маленькая скала, а на ней — сражающиеся люди.

Она сокрушенно покачала головой.

— Люди? — спросил Чан Деррон.— Кто именно?

— Я не вижу,— сказала она.— У них маски. Там, по-видимому, какой-то газ. Они все кашляют, изранены, оборваны. Похоже, вода поднимается, и они дерутся за место на скале. Над ними летают твари, похожие на робота, а из воды высовываетя огромное чудище, и не одно.

Жиль Хабибула моргал, заглядывая ей через плечо.

— Ах, да,— вздохнул он.— Это несчастные жертвы Василиска. Вот Кай, бедная девочка, вся в бинтах. Вот ее ребенок, вот Джон Стар...— Он чуть не застонал.— А вот Хранитель Мира, она без сознания. Джон Стар несет ее повыше. Ах, какая ужасная смерть грозит им.

Он всхлипнул.

— А теперь я вижу трех негодяев с Новой Луны. Это Ханнос, Брелекко и Джон Комэйн. Кажется, они играют в кости — все, кроме Комэйна. А коротышка Абель Дэвиан тоже с ними, у него записная книжка и калькулятор. Ставки у них — жизнь против черных камешков. А снизу к ним подкрадывается черная смерть.

Дрожащие пальцы вцепились в плечо девушки.

— Ты должна отправить их на Землю, и быстро, пока они не погибли.

— Я не могу,— безнадежным тоном сказала она.— Защитное поле почти такое же, как и у меня. Оно поглощает почти всю энергию поискового луча. Мы не можем взять ни одного из них.

Чан Деррон оказался рядом с ней.

— В таком случае, Стелла,— сказал он,— ты можешь отправить меня на скалу?

— Нет,— сказала она.— Их невозможно унести. Но зачем тебе?

Его темные глаза были сощурены от ярости.

— Я думаю, Василиск на скале. Он прячется под защитным полем и смотрит, как погибают его жертвы. Я доберусь до него. Если не можешь высадить меня на скалу, сбрось в море как можно ближе к ней.

— В это ужасное море? — В глазах у нее было сострадание.— Чан, тебя убьют эти твари.

— Спасибо, Стелла.— Он улыбнулся.— Но я думаю, что Василиск среди этих людей на скале. У меня есть способ установить его личность. Если хватит времени. Ты поможешь?

— Помогу.

В глазах ее светился огонек, и они были печальны.

— Иди в другой конец комнаты, за пределы действия защитного поля,— голос ее прервался,— удачи, Чан!

Он ушел прочь.

— Прощай! — крикнул ему вслед Жиль Хабибула.— Прощай, внучок!

Стоя в конце длинной, тускло освещенной комнаты, Чан Деррон остановился и поднял руку. Девушка взглянула на него, затем медленно склонилась над небольшой коробкой, находившейся рядом с ней. Все тело Чана охватила яростная пронизывающая вибрация. Девушка, старый Жиль Хабибула и тускло освещенная комната тут же исчезли. Он летел в стылой мгле навстречу желто-зеленому туману. Рядом захлопал крыльями и завизжал монстр. Чан падал сквозь туман в темное гладкое море, где на поверхности появлялись существа еще больших размеров. Геопеллер мог спасти его, но он по-прежнему не применял аппарат, опасаясь, что Василиск может смотреть в эту сторону со скалы.

Из-под воды навстречу ему метнулась темная бронированная туша. Выстрел бластера поднял в том месте облако пара. Он пролетел мимо и добрался до скалы. Весь серебристый скафандр его был заляпан зеленым илом.

Вершина скалы находилась в каких-то пяти футах от воды, и ее уровень постоянно повышался. Сто человек, находившихся на скале, были на грани гибели. Он знал большинство этих задыхающихся, измученных кашлем людей в масках, однако они не обращали на него внимания. Но одно дикое существо бросилось к нему, держа бластер в нетвердой руке, и попыталось открыть лицевую пластину шлема.

— Василиск! — послышался гневный голос.— Пришел поиздеваться над нами! Убейте его!

Однако этот слабый крик не был никем услышан, и бластер, разряженный стрельбой по крылатым тварям, лишь жалобно щелкнул.

— Ошибаетесь, командор,— быстро прошептал Чан Деррон.— Я не Василиск. Но у меня есть доказательства, что он прячется здесь, среди вас. Вы позволите мне его разыскать?

В красных от хлора глазах появилось осмысленное выражение.

— Если мы ошиблись...— Джей Калам закашлялся и кивнул.— Попробуйте, Деррон. Что бы вы ни нашли, мы мало что потеряем. Берегите Хранителя.

— Я думаю, что Василиск здесь, и хочу провести проверку.

Чан вручил командору собственный бластер. Отстегнув металлические перчатки, он бросил их вниз и набрал пригоршню черных камешков. Он прошел к вершине, едва поднимавшейся над водой, где несколько десятков человек, в том числе Ханнас, Брелекко и маленький Абель Дэвиан, стояли на коленях и играли в кости. Джон Комэйн смотрел на них с нескрываемой враждебностью в загадочных глазах, держа в руках черную коробку.

Чан Деррон помедлил секунду, глядя на коробку. Устройство управления геофрактором, видимо, было такого же размера, не больше. Он вдруг пожалел, что расстался с бластером.

Он опустился на колени возле тощего Брелекко и высыпал камешки.

— Я хочу сыграть с вами.

Желтая, сверкающая золотом кисть Брелекко встряхнула кости и высыпала их. Он ничего не заметил, однако Гаспар Ханнас, улыбнувшись под маской, прохрипел:

— Приветствую тебя, незнакомец. Хотя наша игра скоро кончится, это настоящая игра, потому что Василиск обещал, что один из нас вернется в Систему живым.

— Один из вас,— кивнул Чан.— Но это не игра, потому что в ней нет элемента случайности. Тот, кто будет спасен,— сам Василиск.

— Что? — Гаспар Ханнас вскочил и уставился на него.— Не может быть!

— Есть доказательство,— сказал Чан.— Он труслив, и это побудило его прикинуться собственной невинной жертвой, оказавшейся здесь. Я думаю, что он также получает садистское удовольствие, глядя, как вы погибаете.— Он помолчал и взглянул в широкое лицо Ханнаса. Идиотское выражение его было неизменным.

— Давайте сыграем,— сказал он.— И попросите мистера Комэйна составить нам компанию.

Ханнас проворчал что-то в сторону Комэйна. Огромный инженер молча кивнул, неуклюже приблизился, оставив свой прибор, и встал в кругу на колени. Чан взял кости из когтей Брелекко и выбросил семерку. Сгребая камешки, которые он выиграл, он зацепил пальцы Ханнаса и Брелекко. Затем проиграл, вложил кости в ладонь Абеля Дэвиана и посмотрел на дряннyю серую ладонь, прищурив глаза.

Маленький игрок вновь нажимал на кнопки бесшумного калькулятора, и Чан увидел на его пальцах красную сыпь. Чан наклонился, чтобы разглядеть калькулятор, и вдруг сдавленные крики привлекли его внимание. Он взглянул вверх.

Солнце стояло в зените, и на фоне его тусклого красного лика светились черные очертания геофрактора или похожей на него машины. Видимо, это была та машина, которая послала к ним робота, уничтоженного Чаном. Черная тень быстро заслоняла диск светила.

Геофрактор падал! Похолодев от страха, он понял последний и отчаянный гамбит Василиска. Преступник защитил скалу от полей геофрактора. Но если поле не могло проникнуть сквозь барьер, то сама машина могла попросту влететь в него. Она быстро росла в небе. Глядя на нее, слушая крики и плач тех, кто ждал, что миллионы тонн металла вот-вот вдавят их в ядовитое море, Чан не услышал урчания неподалеку от него. Когда же он услышал его, то понял, что барьер снят, и он стал действовать очень быстро. Он выхватил маленький калькулятор из скрюченных пальцев Дэвиана, схватил камень и разбил его.

— В чем дело, сэр? — Маленький игрок изумленно заморгал сквозь толстые линзы очков.— Что вы сделали? — произнес он.

— Провожу проверку на аллергию! — рявкнул Чан.

— Не понимаю, сэр!

Чан взглянул на огромный падающий геофрактор, на безмолвных изгнанников, прижимающихся к скале. Они ожидали смерти чуть ли не с благодарностью.

— У нас около трех минут.— Он улыбнулся Абелю Дэвиану.— И вы должны быть заинтересованы в проверке. Положительная реакция только у вас.

— У меня? Что вы хотите этим сказать?

— Четыре года назад,— сказал Чан Деррон,— когда я помогал псевдоассистенту доктора Элероида перенести модель геофрактора в бронированную комнату, где был убит доктор Элероид, псевдоассистент не хотел, чтобы я видел его лицо, и всячески пытался помешать этому. Он высоко поднял воротник, словно кутался от холода, сделал так, чтобы я шел впереди, а сам прятался за ящиком. Однако я случайно коснулся его руки. Я помню, как на пальцах у него появилась сыпь, и обратил внимание, что он чихнул.— Чан твердо смотрел на маленького игрока.— Впоследствии у меня было время подумать о том, как могло быть осуществлено убийство, и я вспомнил, как вы начали чихать при моем появлении в Алмазном Зале, перед самым вашим исчезновением. И я заинтересовался, как это вам ни с того, ни с сего начало везти именно в ту ночь. Этого было достаточно, чтобы догадаться о подлинной сущности вашего калькулятора.

Бледный напряженный Абель Дэвиан стоял и качал головой.

— Только что я коснулся вашей ладони,— хриплым голосом продолжал Чан,— и опять заметил симптомы ярко выраженной аллергии к моему телу. Это редкий, но хорошо известный феномен — протеиды одного человека действуют на другого как аллергенты. Такой редкий случай делает опознание возможным, хотя я и раньше предполагал, что ваш калькулятор — на самом деле устройство для управления геофактором.

Серый, как пепел, коротышка попятился от него. Загнанные глаза обратились на падающий геофрактор. Затем он снова взглянул на Чана. Глаза его, увеличенные огромными линзами, горели ненавистью.

— Ну и что, что я Василиск? — завизжал он.— Я все равно в выигрыше! Я отомстил вам всем. Никто не сбежит отсюда. Если у вас было три минуты, то теперь их две, а то и меньше.

— Это несущественно.— Рассеянно кивнув, Чан посмотрел на людей, ожидавших падения огромной машины.— Но вот что я хотел бы узнать,— сказал он, ухмыляясь.— Зачем вам понадобилось мстить всем нам?

— Потому что мои предки были Пурпурными! Семья моей матери была в фаворе императоров. Мой отец — Эрик Претендент, и я уверен в этом! Проклятый Зеленый Холл сокрушил Империю и изгнал всех нас.— Узкие плечи выпрямились.— Однако для всех вас, для Легиона, для Совета Зеленого Холла, я — последний принц!

— Ясненько.— Чан Деррон взглянул на бесчувственное тело Хранителей Мира и на стоящего рядом с ней Джона Стара.

— Но это не все, что вы натворили,— горько продолжал Дэвиан.— Всю жизнь я пытался вернуть хоть часть причитавшихся мне богатств и почестей, однако вы постоянно втаптывали меня в грязь, голод, стыд и нищету!

— Да? — Чан пристально посмотрел на него.— Это как же?

— Я занимался наукой,— прохрипел коротышка.— Я взял имя Еноса Клагга, потому что вы все ненавидели моего отца.

— Енос Клагг? — Чан понимающе кивнул.— И вы незаконно строили роботов?

— Военных роботов,— кивнул Дэвиан.— Я надеялся восстановить Империю. Но Зеленый Холл узнал обо мне. Легион выследил меня. Я провел три года на Эброне и все это время искал способ отомстить.

Внимательно прислушиваясь к его словам, Чан поглядел на падающую машину. Сейчас все небо было заполнено ее корпусом. На скалу опустились зеленоватые сумерки. Отравленный хлором ветер внезапно утих.

— После амнистии я покинул Эброн,— горько продолжал Дэвиан,— я понимал, что должен быть осторожным. Я прибыл на Землюб, имея в кармане немного денег, сбереженных матерью, и взял нынешнее имя. Я встретил девушку, полюбил ее и женился на ней. Она потребовала, чтобы я позабыл о своих планах, и я так и сделал. На некоторое время.

Свирепые глаза сверкнули в сторону Ханнаса.

— Пока мы не посетили этот проклятый игорный корабль! — воскликнул он.— В камере на Эброне я изучал математику вероятности. Я надеялся отыграть утраченное богатство Пурпурного Холла. Однако Ханнас ограбил меня. Ханнас, Брелекко и Комэйн. Они вновь и вновь грабили меня каждый раз, когда я наскребал денег и возвращался. Они издевались надо мной, говорили, будто я пристастился к игре. Вот почему они оказались здесь — чтобы смотреть, как я выиграю на этот раз.

— Но вы уже проиграли.— Голос Чана зазвучал громче, перекрывая вибрацию воздуха.— Потому что дочь доктора Элероида находится в рубке управления другого геофрактора, и, очевидно, скала эта уже не защищена от нее, поскольку я разбил ваш пульт управления. Оглянитесь! Хранитель Мира и многие другие уже вернулись в Систему!

Скала дрожала и вибрировала. По двое, по трое, маленькими группками, измученные жертвы Василиска исчезали. Знакомые предметы мебели, осколки земной черепицы, куски дерева, необходимые для равновесия, указывали на то, что люди вернулись на родную планету.

Через несколько секунд остались лишь Чан и Абель Дэвиан. Сверху на них падала огромная машина.

— Я не думаю, что вы тоже вернетесь, мистер Василиск.— Он помахал рукой, прощаясь.— Дело в том, что Стелла Элероид теперь точно знает, что вы, а не я, убили ее отца.

Затем тело Чана оказалось захваченным вибрацией. Вокруг словно опустилась полупрозрачная ширка, заслонив собой испуганное лицо Дэвиана. Он понял, что Стелла Элероид уносит его со скалы.

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЙНА ЖИЛЯ ХАБИБУЛА

КРАЙ СВЕТА

Край Света — точка в пространстве в пяти черных световых годах от базы Легиона и в шестидесяти световых годах от звезды по имени Солнце. Помечена эта точка лазерным бакеном и ничем больше. Раз в год прибывает корабль, когда может пройти Аномалию. Последний корабль Легиона не пришел, и половина нашего персонала не дождалась смены. Это были ветераны, завербовавшиеся в надежде насладиться одиночеством, тайнами и опасностями. Здесь всего было в избытке, однако они очень скоро поняли, что все же просчитались.

Припасы пришли позже на частном фрахтере "Эревон", невзрачном, но мощном гравитационном флайере, который выглядел потрепанным ветераном незаконных экспедиций. Капитаном его был коренастый неуклюжий человек с твердым взглядом, не особенно разговорчивый, из тех штатских, которым, похоже, только и остается держаться таких богом забытых мест, как Край Света.

Вместо мужчин и женщин, необходимых для пополнения нашего поредевшего экипажа, корабль доставил только двух пассажиров — старого солдата и девушку. Вместе с ними пришла весьма загадочная история. История, или та часть ее, в которую я был посвящен, была рассказана мне капитаном Скаббардом, когда он появился на станции с запечатанным пакетом приказов от базы нашего сектора.

По его словам, старый солдат и девушка появились на флайере в дикой спешке; при них был странный груз. Вместе с ним пришли неприятности. Капитан Скаббард признавал, что астронавты у него не лучшего класса. Они не привыкли к дисциплине, и он подозревал, что некоторые из них скрашивали томительное путешествие к Краю Света с помощью контрабандных наркотиков. Они издевались над старым солдатом и пытались принудить девушку заниматься с ними любовью. Капитан сказал, что они привыкли иметь дело с уступчивыми вольнонаемными, и гордость девушки их только воспламенила. Даже помощник

капитана вступил в игру. Во время его вахты они напоили солдата, заперли его в трюме и набросились на девушку в ее каюте.

Капитан Скаббард был смущен, рассказывая, чем это кончилось. С помощью какого-то неизвестного приема или оружия девушка вырубила двух насильников. Остальные еще больше разъярились. Она стала звать на помощь солдата. Солдат, менее пьяный, чем это казалось, открыл замок и вступил в драку. Хотя он был безоружен, он и девушка уложили пятерых астронавтов. Двое ускользнули из каюты, остальные трое, по мнению капитана, были убиты.

— Но мы не смогли найти трупов.— Глаза его с тревогой уставились на люк шлюза, за которым его пассажиры дожидались разрешения перейти на станцию.— Не знаю даже, что и делать. Солдат попросту предложил мне забыть об этом инциденте, однако помощник и двое рядовых исчезли, и мы не можем найти их тел.

Вы даже не предполагаете, наверное, как трудно избавиться от трупа в закупоренном космическом корабле. Это не просто трудно, это невозможно. В жизни я повидал много занятных вещей, но никогда не видел ничего подобного.

Поблагодарив капитана Скаббарда, сказав, что я расспрошу пассажиров, прежде чем пущу их на станцию, я понял, что он их боится. Я понял, что он хочет, чтобы они как можно скорее покинули его корабль, однако я стоял на своем. Хлопот у нас и без того хватало. Край Света на плохом счету у Легиона, и небеспричинно. Работа на станции скучна и опасна. Треть нашего экипажа сменяется ежегодно, но остальные остаются на этом затерянном в пространстве астероиде. Иной расспорядок может стоить нам жизни всего экипажа. Начальник станции, не выдержав нервного напряжения, совершил необычное самоубийство, умчавшись на спасательной ракете в самый центр пространства, называемого Край Света. После его смерти мне пришлось взять на себя руководство, хотя назначение только сейчас пришло с пакетом капитана Скаббарда. Я был очень молод, очень щепетильно относился к своим обязанностям. С шестьюдесятью сотрудниками и двумя вольнонаемными я противостоял опасности, которой никто из нас не понимал. Достаточно пожилые, чтобы быть циниками, большинство моих людей не сомневалось, что Легион забыл о Крае Света. Они были жестоко разочарованы, узнав, что "Эревон" не привез нам пополнения, а также смены тем, кто уже давно отслужил свой срок. Я готовился к неприятностям, но не нарывался на них.

— У вас контракт с Легионом,— напомнил я капитану Скаббарду.— Это означает, что вы обязаны исполнять мои приказы. Край Света — не место для туристов, и мне не нужны проблемы вроде тех, о которых вы мне сообщили. Ваши туристы должны убедить меня, что их привело сюда не праздное любопытство.

Он мрачно согласился. Когда он позвал их в шлюз станции, первое, что бросилось в глаза,— поразительная неряшливость старого солдата.

Кроме формы, на нем был желтый цивильный свитер и бесформенные штаны. Одна штанина была заправлена в голенище башмака, другая выпростана. Он был низок, толст, и в рассказ капитана Скаббарда было трудно поверить. Тем не менее, он с такой уверенностью пошел вразвалку через огромный стальной люк, словно готов был принять командование станцией.

За ним шла медсестра в белой одежде. Красивая бронзовоглазая девушка. Казалось странным, как она могла очутиться в такой дали от мест, освоенных землянами. Сержант, стоявший рядом со мной, восхищенно вздохнул. У меня тоже участилось сердцебиение, однако тут я увидел ее перстень. Это было тусклое платиновое кольцо с черным камнем в виде черепа. В череп с большим искусством были врезаны яркие рубиновые глаза, светившиеся словно угли в жаровне. Страшная мертвая голова шокировала меня. Я не мог ощутить мощной гипнотической силы, исходящей от нее.

— Капитан Ульмар? — Забыв отдать честь, старый солдат остановился и уставился на меня. Глаза его были как два морских камешка.— Капитан Ларс Ульмар, вы хотели поговорить с нами?

— Да, если вы хотите оказаться на борту станции.

— А зачем еще, по-вашему, мы пролетели сорок миллиардов миль на ужасной лохани Скаббарда? — Лицо его было круглое, мягкое, как у ребенка, и он краснел как рассерженное дитя.— Мы ожидали более теплого приветствия. Я Жиль Хабибула. Капрал Жиль Хабибула. Это сестра Лилит Адамс.— Он кивнул в сторону девушки.— Мы прибыли сюда как гости жалкого Легиона. Вам был отослан приказ об обеспечении нас довольствием и помещениями для жилья.

— Я не получал подобных приказов.

— Вам должны были сообщить о нашем визите по каналам Легиона.— Раздраженный голос был насморочным и тонким и странным образом действовал на нервы.— Еще год назад.

— Корабль, который должен был прибыть в прошлом году, исчез.

— Нам об этом хорошо известно.— Он скривился.— Мы целый месяц гостили в жалкой штаб-квартире вашего сектора, дожидаясь, когда эта стоеросовая дубина доставит нас сюда на "Эревоне". Нас предупредили, что приказ пропал вместе с кораблем. Совсем недавно командор Стар отправил вам дубликат приказа.

— Командор Стар?

— Кен Стар, командир разведывательного корабля Легиона "Искатель Квазара".— В голосе его звучало негодование.— Корабль стартовал с базы перед тем, как мы добрались до базы сектора. Видимо, он оставил приказы там.

— Командор Стар не прибыл сюда.— Мое первоначальное удивление сменилось недоверием и раздражением.— Его не было здесь уже много лет. Я встречал его имя в журналах станции. Он был первым офицером за много лет до того, как я прибыл сюда. Я никогда его не видел.

— О, драгоценная жизнь! — Глаза цвета грязи вопросительно уставились на девушку.— Боюсь, бедный Кен попал в смертельную передрягу.— Он наклонился вперед, словно собирался пройти мимо меня.— Ну что же, капитан, думаю, вам надо удовольствоваться моим словом.

— Остановитесь, солдат! — История становилась все более загадочной. Никакой разведывательный корабль здесь не ожидался. Рассказ старого солдата о потерянных приказах — явная липа. Кроме того, неряшливая одежда, раздражение в голосе — все это возбудило во мне подозрения.— Если вы действительно солдат. Вы что, забыли о чести Легиона и дисциплине?

— Вы правы, капитан.— Он остановился.— Чуть ли не целый век я отдавал честь тем офицерам Легиона, которые этого заслуживали. Я с удовольствием отдавал честь командору Каламу, Адмиралу-Генералу Самду и великому Джону Стару. Но вам я чести не отдам.— Он заморгал, глядя на меня.

— Жиль,— впервые заговорила девушка. Голос ее был таким же красивым, как и лицо, и неодобрительным.— Не будь дураком.

— Я не потерплю неуважения, сэр,— сказал старик.— Если бы вы прочитали приказ, вы бы поняли, что такого обращения я не заслуживаю. Вы — особые гости Легиона, гражданские гости.

— Станция у Края Света выполняет определенные задачи.— Я говорил более раздраженно, чем удивленно.— Первая ваша задача — просто предупреждать корабли о том, что здесь, в космосе, существует опасная и таинственная Аномалия. Вторая — брать на заметку и сообщать о каждом факте о природе и причинах возникновения этой Аномалии, который нам станет известен. Мы отнюдь не обязаны принимать гражданских гостей.

— Капитан, прошу вас! — Девушка шагнула вперед.— Я уверена, командор Стар скоро появится с подтверждением приказа. Вы должны оставить нас на станции до его появления.

Я помолчал. Что-то в этой девушке меня смущало. Жить бы ей где-нибудь во дворце, вроде Пурпурного Холла, среди старых полотен, слоновой кости и гениальных творений человеческих рук. Она выглядела слишком жизнелюбивой для этого мрачного, далекого Края Света.

— Вам придется ответить на несколько вопросов,— сказал я.— Капитан Скаббард вкратце сообщил мне об инциденте на "Эревоне". Он сказал, что вы убили троих сильных астронавтов. Он не знает, куда могли исчезнуть их трупы.

Глаза старого Хабибулы опустились. Девушка слегка напряглась?

— Что случилось? — повторил я.— Что произошло с этими людьми?

— С этими пиратами,— поправил Жиль Хабибула.— Они получили то, что заслужили.

— Возможно,— согласился я.— Однако я отвечаю за безопасность станции. Я должен знать в точности, как именно они это получили. Сестра Адамс, что скажете вы?

— Это было ужасно.— Она горделиво подняла голову.— Я не могу об этом говорить.

Отчаяние, прозвучавшее в ее голосе, тронуло меня, но я был достаточно молод, чтобы не забывать о своих обязанностях. Я взглянул на старого Хабибулу.

— Вам следует рассказать об этом,— сказал я,— если вы хотите попасть на станцию.

Молчание.

— В таком случае, я считаю, что разговор окончен.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Погодите,— гневно засопел Хабибула.— Хоть мы и гражданские, однако мы не какие-нибудь бесправные существа. Зеленый Холл гарантирует нам человеческие свободы. Вы ничего не можете поставить нам в вину.

— Действительно,— согласился я.— Но я не имею права пускать подозрительных на станцию.

— Подозрительных! — Он поперхнулся от гнева.— Капитан, вы что, не знаете историю драгоценного Легиона? Вы что, не слышали о бедном старом Жиле Хабибуле, который восвал против коварных медузиан, невидимых кометчиков и ужасного человеческого монстра, который называл себя Василиском?

— Даже если я знаю, что тогда? — Я вспомнил кое-что из лекций по истории Земли, которые нам читали в Академии Легиона, и быстро произвел в уме подсчеты.— Не говорите мне, что вы — Жиль Хабибула. Он уже давно умер.

— Я умер? — задохнулся он.— Знает жизнь, я смертельно стар и вынужден вести войну, чтобы спасти свою драгоценную жизнь! — Он печально покачал розовой безволосой детской головой.— Возможно, это правда, что на моем прошлом лежит пятнышко. Когда-то мне приходилось взламывать замки, чтобы добыть себе на пропитание. Однако я все искупил, связав свою судьбу с Легионом, искупил своими драгоценными потом, кровью и мозгами!

Он замолчал, чтобы глотнуть воздуха. Тусклые глаза с упрком уставились на меня.

— Когда сюда прилетит Кен Стар, он расскажет, кто мы,— засопел он.— Кен Стар подтвердит, что мы — не какие-нибудь жалкие злоумышленники.

— Пожалуйста, капитан.— В голове девушки тоже чувствовалось раздражение. Я взглянул на нее. При виде этой красоты в горле у меня возник комок, а воображение невероятно разыгралось.

— Командор Стар — наш друг! Я знаю, скоро он прибудет сюда и подтвердит, что мы никакие не преступники, а сюда прибыли вполне законным путем.

Бронзовые глаза были большими и теплыми, и наполненными слезами.

— Капитан, вы не должны отправлять нас обратно на корабле гангстера Скаббарда.— Дрожь в ее голосе смутила меня.— По крайней мере, вы должны позволить Жилю рассказать, почему мы здесь оказались. Вы позволите, капитан?

Стараясь подавить несвойственные солдату чувства, я медленно приблизился к ним. Я чувствовал нарастающее любопытство. Я знал, что Жиль Хабибула дерзит, но не мог понять, почему. По-прежнему я был убежден, что не желаю видеть их на станции, но все же девушка зажгла в моей душе уголек.

— Ладно.— Я холодно повернулся к старому Хабибуле.— Почему вы оказались здесь?

— Потому что я люблю машины.

СЕВЕРНЕЕ КРАЯ СВЕТА

Старый солдат двинулся ко мне навстречу. Осторожкая плавная походка при низкой гравитации убедила меня в том, что он — бывалый астронавт. Бледные глаза озирали блестящие стальные люки, ласкали полированные поршни, пересчитывали мигающие лампочки внутреннего монитора.

— Какие машины! — Гундосый голос звучал с оттенком счастья.— Какие восхитительные машины! — Он улыбнулся девушке.— Такие машины — счастье моей жизни.

Я тоже любил красивые машины. Я провел несколько лет, надраивая огромное количество станционных механизмов и налаживая их. В эту секунду Жиль Хабибула мне нравился. Я постарался, чтобы голос мой звучал хмуро:

— Это не музей машин. Если у вас есть причина для посещения станции, в чем она заключается?

— Мы задумали провести эксперимент.— Рыбьи глаза смотрели то на меня, то на девушку.— Смертельно важный эксперимент. Хотя я и говорил, что нахожусь в отставке, Легион в срочном порядке попросил меня об очередной услуге. Врачи Легиона по самое горло накачали меня лекарствами, чтобы я выполнил последнее в жизни поручение.

— Наконец-то мы сдвинулись с места!

— Что это за поручение?

— Вы знаете, я очень стар.— Детская голова печально качнулась.— Я чувствую приближение страшной смерти — какая жалкая награда за все опасности, которым я подвергался, защищая драгоценную человеческую расу! Однако я все же не утратил духа Легиона. Я добровольно предложил отдать свои последние годы этому небывалому отчаянному эксперименту.

— Вот как?

— Лилит Адамс — моя сестра-сиделка.— Он ласково посмотрел на нее и улыбнулся.— Я — морская свинка для испытания новой сыворотки, которую создали в Легионе. Результат ее воздействия неизвестен, потому что никогда раньше она не проверялась. Я чувствую, что проверка закончится моей смертью.

Он поежился и вздрогнул.

— Вот почему я прибыл на Край Света,— засопел он,— чтобы провести эти последние страшные годы среди любимых машин. Чтобы погибнуть здесь, быть может,— драгоценная жертва славе Легиона и будущему человечества.

— Для чего предназначена сыворотка?

— Возраст! Предполагается, что она даст мне иммунитет от кумулятивного биохимического старения. Мы будем жить здесь, пока не обнаружим, что она действует так, как это говорили врачи. В таком случае меня ждет бессмертие. Это очень рискованная игра.

— Вы что, хотите жить вечно?

— Я делаю для этого все, что от меня зависит, сэр! — Он сумрачно взглянул на меня.— Я — ветеран Легиона и не забыл наших величественных традиций. Я решил отдаться этому отчаянному эксперименту, не боясь самой смерти. Пусть даже мне придется участвовать в нем тысячу жалких лет!

Секунду я стоял молча, восхищаясь этим блефом. Лилит Адамс мрачно взглянула на него и серьезно — на меня. Я готов был улыбнуться, однако на ее красивом лице не было и тени юмора.

— Боюсь, что вы избрали не самое удачное место для этого. Никакая мифическая сыворотка не защитит вас от тех случайностей, которыми знаменит Край Света. Я выполню приказ, разумеется, если командор Сарт привезет его подтверждение до того, как отчалит "Эревон". Но вы и сами увидите, что станция — не богадельня. Среди нас нет человека, который не отдал бы месячного жалованья за полчаса солнца, ветра, моря и воды на Земле. Почему бы вам не проверить эту сыворотку там?

— Я слишком устал от Земли,— покачал он розовой головой.— Хватит с меня людей. Надоело. Они кричат, толпятся, врут, скандалят, убивают, воняют. Именно поэтому я прилетел сюда.

— На свете много новых планет,— настаивал я,— если вам действительно не нравится Земля. Это девственные миры, где вы могли

бы жить на лоне природы. Моря, по которым не плавали люди, равнины, не знающие первопроходцев, существа, не видящие охотников, горы, не покоренные никем. Когда Край Света слишком действует мне на нервы, я мечтаю об этих мирах...

— Я видел новые планеты,— заморгал старик.— Хватит с меня дикой природы, которую я встретил на страшной планете Убегающей Звезды. Чудища в небе, чудища в море, чудища на земле — сплошная смерть с каждым глотком воздуха! — Он скривился и посмотрел на меня.

— Я ищу свои утраченные годы. Если я найду их здесь с помощью драгоценной Лилит, я буду должен компьютерам, которые разработали новую сыворотку, автоматическим фабрикам, которые изготовили ее, и ничего не буду должен природе. Естественная смерть убила бы меня много лет назад.— Он вздохнул.— Я не верю природе, я не верю людям.— Глаза цвета глины затуманились.— Посмотрите на эту жуткую тайну природы, которую вы зовете Краем Света, взгляните на капитана Скаббарда — страшная природа, страшные люди.

Позвольте мне заниматься машинами. Это все, что мне нужно.

Машины я понимаю. Возьмем природу. Это природное явление — пространство, называемое Краем Света, насколько я узнал от жалких людей,— это страшная загадка, которую не смогли разгадать лучшие умы Легиона, хотя пытались сделать это много лет назад. Возьмем людей. Я видел, как драгоценная невинность Лилит Адамс пробуждала зло в худших и лучших из людей. Возьмите природу и людей, а мне оставьте машины.

Он прислонился розовой головой к гладкой поверхности монитора.

— Я их люблю, я им доверяю. Я знаю, как они работают, и я умею чинить их. Я люблю машины, потому что они существуют для того, чтобы работать на человека. Предоставленная самой себе, природа всегда убивает, если только наш хитроумный друг-приятель человек не ухитряется укрыться от смерти. Однако, я думаю, машины способны спасти мою бедную старую жизнь при помощи драгоценной сыворотки Лиль.

Глядя на них, я покачал гловой. Я по-прежнему ничего не понимал. Хотя старый Хабибула меня позабавил, я не мог поверить в его историю. Розовое сияние его кожи и рассказ о драке на "Эревоне" выглядели явно противоречием.

И все же он выглядел слишком умным, слишком смелым, слишком красноречивым. Я не мог поверить, что нормальный человек способен ненавидеть свое естественное окружение так, как утверждал он, или до такой степени любить машины. Конечно, я не мог поверить, что ветеран Легиона в здравом уме и трезвой памяти способен удалиться на Край Света. Еще больше меня смущала Лилит Адамс. Хотя медсестры бывают красивы, иногда среди них встречаются и девственницы, я никогда не встречал медсестру, или вообще девушку, которая выглядела бы такой восхитительной, такой нетронутой и неприкосновенной, которая излу-

чала бы такую привычку к полному повиновению окружающих. Я не мог справиться с мыслью, что она куда красивее любой машины. И все же, как и капитан Скаббард, я боялся ее. Я взглянул на Жиля Хабибулу.

— И все же, если вы не любите природу, зачем вы прибыли на Край Света, ведь он, вероятно, самая великая природная опасность во вселенной?

— Потому что я люблю машины,— занудно повторил он.— Если здесь и существует какая-нибудь смертельная угроза, жалкая природа нам ничем не поможет. Люди нас не защитят. Но драгоценные машины — единственные наши друзья. Я не знаю лучшей машины, чем эта станция, предназначенная для того, чтобы мы жили в тепле и уюте среди космоса, в миллиардах миль от человеческих толп, непогоды и грязи.

Зажужжал зуммер телефона. Меня вызвал вахтенный офицер. Капитан Скаббард закончил погрузку за исключением багажа двух пассажиров. Торопясь убраться с Края Света, он требовал полетных распоряжений. Одну из наших вольнонаемных и троих членов экипажа я мог отпустить и разрешил им лететь на "Эревоне". Магнитометры указывали на новую магнитную аномалию вокруг скалы возле центра Края Света. К тому же десятки других пробем тревожили мое внимание, и мне хотелось прекратить беседу.

— Прошу прощения.

Когда я увидел отчаяние на прекрасном лице девушки, я почувствовал сожаление, но заставил себя говорить твердым голосом.

— Я отвечаю за безопасность станции,— сказал я.— Вы не смогли объяснить, что произошло с астронавтами из команды "Эревона". Вы не смогли объяснить причину вашего прибытия на станцию. Вы не показали мне никаких документов. Я не могу пропустить вас на борт.

Старый Хабибула налился кровью и что-то забормотал. В глазах ее была угроза.

— Капитан Ульмар,— спросила она вдруг.— Почему вы здесь?

Мне не хотелось говорить ей об этом. Я знал, что не хочу этого говорить. И все же что-то в ее пронзительных глазах заставило меня выложить правду.

— Причина в моем имени,— запинаясь, стал рассказывать я.— Ларс Ульмар — не то имя, с которым можно сделать карьеру в Легионе. Когда-то это была великая фамилия. Ее сделали великой поколения космических пионеров. Однако злые люди опорочили ее. Я добровольно попросил назначения на Край Света, потому что хочу доказать, что я лучше, чем моя фамилия,

Пронизывающие глаза были безжалостными.

— Так вы родственник командору Кену Стару?

— Дальний. Он младший сын командора Джона Стара. Джон Стар раньше был Ульмаром, но затем Зеленый Холл наградил его за героизм лучшей фамилией. Однако я никогда не встречал командора Кена Стара, и у меня нет причин ожидать его здесь.

— Клянусь драгоценной жизнью! — вскричал Жиль Хабибула.— Мы только что сказали, что он в пути.

— Я принадлежу к другой ветви родового дерева,— сказал я, не обратив на слова старика внимания.— Мы внесли собственный вклад в покорение пространства, но великими никогда не были и никогда никого не предавали. Мы никогда не разделяли славу Пурпурного Холла, однако не смогли избежать его позора.

— Возможно,— сказала девушка.

— Я помолчал, в душе надеясь, что она предоставит мне повод позволить им остаться. Казалось, она собирается заговорить, но она промолчала, вздохнула и отвернулась. Я оставил их в шлюзе. Старик поскуливал, как домашнее животное, которому дали взбучку. Капитан Скаббард разозлился, когда я сказал, что ему придется везти пассажиров назад, однако не стал спорить. Наши приборы показывали новое нарушение стабильности в Аномалии. Если он и боялся своих пассажиров, то Края Света боялся еще больше.

Я отпустил с ним одну из вольнонаемных. Срок ее контракта уже закончился, и я не смог убедить ее остаться. Дерзкая брюнетка Гэй Каваи была душой станции, но теперь, когда я увидел Лилит Адамс, она стала старой, толстой и заурядной. Я с сожалением отказал троим людям, которые просились лететь с ней. Они должны были служить еще год, и у меня не было для них замены. Вместе с полудюжиной других расстроенных безмолвных мужчин они проводили Гэй Каваи к люку. Теперь мне надо было опасаться еще и за нравственный облик этих людей.

Капитан Скаббард получил указания и пробормотал, что надеется никогда больше со мной не увидеться. Люки были задраены. "Эревон" ушел вместе с солдатом и девушкой. Вначале я был даже рад, что Аномалия опять ожила, потому что это позволило несчастным друзьям Гэй Каваи отвлечься, однако, с другой стороны, у нас появилось слишком много проблем. Магнитомеры сошли с ума, дрейфующие датчики указывали на наличие беспорядочных, но интенсивных магнитных полей. Звезды за Краем Света на глазах краснели. При первом же проявлении нестабильности наш поисковый лазерный луч обнаружил два неизвестных объекта. Один появился к северу от Края Света на расстоянии полумиллиона миль. Он был неправильной формы, в зазубринах, трех миль в длину. Судя по массе, цвету и магнитным эффектам, мы определили его как железный астероид. Второй объект вызывал большее опасение, потому что Аномалия воздействовала на все наши приборы. Вначале мы обнаружили струю ионизированного газа, затем — крошечное твердое ядро, движущееся в нашем направлении. Когда газ вспыхнул снова, повернув ядро в направлении станции, я понял, что это пилотируемый корабль. Мы попытались дать сигнал по ультракоротковолновой и лазерной связи, однако не получили ответа. Станция была вооружена — это необходимо, исходя из того, что нас посещают люди вроде капитана Скаббарда. Мы сделали предупредитель-

ный выстрел из протонного орудия. Ответом был мерцающий красноватый лазерный луч.

"Вызываем Край Света."

Аномалия искажала слова.

"Капрал Хабиб... Сестра лилит Адамс... Ради сладкой жизни, не стреляйте в нас... в спасательной капсуле... со смертельного "Эревона"... теперь придется нас пустить!"

КОНЕЦ АНОМАЛИИ

Мы прекратили огонь и дали сигнал сбежавшей капсуле причалить к северной части станции. Когда она пристыковалась, сержант быстро отправился в шлюз, поговорил с беглецами через открытый люк и сообщил мне по переговорному устройству:

— Это тот самый солдат с той самой леди, медсестрой. Как всегда, хитрит. Не выходит из капсулы и не пускает меня туда. Даже не разговаривает со мной, хочет говорить с вами.

Увидев меня в нижнем помещении, старый Хабибула адресовал мне невинную детскую улыбку.

Выбравшись из капсулы, тяжело сопя даже при нашей низкой силе тяжести, он выкатился мне навстречу.

— Наглый щенок! — Он гневно мотнул головой в сторону сержанта.— Мой багаж — это мое частное дело. Я не хочу, чтобы его растащили всякие проходимцы! Я не верю людям!

— Жиль хочет сказать, что он не верит большинству людей. Но мы согласны довериться вам, капитан Ульмар.

— Вы решили рассказать, что случилось с помощником капитана Скаббарда и двумя астронавтами?

Она посмотрела на меня. Бронзовые глаза были холодны и неприступны, как светящиеся Магеллановы Облака. Когда я повернулся к старому Хабибуле, он вздрогнул и заморгал, однако не сказал ни слова.

— Здесь у вас нет никаких прав,— сказал я,— даже как у оказавшихся в бедственном положении космонавтов. Предположим, я не оставлю вас умирать на Краю Света, зато буду держать вас в тюрьме станции.— Я попытался ухмыльнуться девушке.— Пока вы не скажете, зачем вы здесь.

— О, сладкая жизнь! — Старик покраснел от злости.— Лиль слишком юная и красивая для любого трюма, да и мне заточение всегда было не по душе. Поэтому-то я и научился обращаться с замками. Если

вы — жалкий военный бюрократ, я думаю, мы вам скажем, почему мы вернулись. Я думаю, что жалкая правда убедит вас, что на Край Света нас привел вполне законный бизнес.

— Я слушаю.

— Мы прибыли сюда на ужасной лохани Скаббарда и оказались, благодаря вашему специфическому чувству долга, незванными гостями.— Он возбужденно засопел.— Троглодиты из экипажа Скаббарда хором проклинают Край Света, чем бы он ни являлся. У них вырубились геодины и отказала половина приборов. Мы находились в астронавигационном отсеке корабля и получили сигнал по лазерофону.

— В самом деле? — Взглянув на девушку, я увидел, что она пристально и серьезно смотрит на меня. Лазерофоны в Аномалии действуют плохо.

— Это был запрос от командора Кена Стара. Говорили мы вам, что он летит сюда! — Он торжествующе вытаращил серовато-коричневые глаза.— Вы еще спасибо скажете, что мы вернулись и предупредили вас о том, что Кену нужна помощь.

— Посмотрим,— сказал я.— Итак, что это за сообщение?

— Я не верю людям,— просопел старый Хабибула.— Вот почему я пошел на смертельный риск, подложив подслушивающее устройство в каюту Скаббарда и лазерный отсек. Я подслушал вызов, полученный оператором корабля.— Он посмотрел на меня.— Вызов пришел по экстренному каналу. Он был едва слышен, едва понятен, но оператор ухитрился принять передачу. Командор Стар сам сидел за лазерофоном. Он сказал, что летит сюда на "Искателе Квазара", как мы и говорили вам.

Он сделал паузу, чтобы отдышаться, и с упреком посмотрел на меня.

— Однако разведывательный корабль в опасности. Он попал в расширяющуюся Аномалию. Геодины отказали, дюзы тоже. Командир Стар просит помощи, но от Скаббарда он ее не получит.

Старый Хабибула видел мое недоверие, потому что гладкое и круглое лицо его стало еще более красным.

— Мы сказали вам жалкую правду. Скаббард испугался. Быть может, он не такой крепкий мужик, как кажется. Он был пьян, однако все равно сел за лазерофон. Он ответил, что мы уже слишком близко к Краю Света. У нас, мол, у самих отказали геодины и нет топлива для дюз. Он обещал сообщить об аварии "Искателя Квараза", когда доберется до базы сектора, но оказать непосредственную помощь отказался.

Вот почему мы удрали с этого вонючего корабля. Я посоветовался с Лиль. Мы знаем, что вы рады будете помочь командору Стару, и потому решили передать вам это сообщение.

Глаза цвета пыли с тревогой уставились на меня.

— Этого вам достаточно? Теперь вы пустите нас на вашу драгоценную станцию?

— Пока нет.— Я стоял и хмуро смотрел на него.— Как Скаббард позволил вам уйти с корабля?

— А он и не позволял,— ухмыльнулся старый Хабибула.— Он был слишком пьян. Я же говорил вам, что умею обращаться с замками. Мы уложили багаж, забрались в спасательную капсулу и оставили Скаббарда ждать снаружи. Теперь вы пошлете помощь Кену Стару?

— Если все это — ложь, то очень грязная,— взорвался я.— Я не знаю, верить вам или нет, однако, в любом случае, мы не можем терять корабли и людей в рискованных попытках.

— Прошу вас, капитан Ульмар! — Девушка говорила из капсулы, ее дрожащий голос был очень устойчив и печален.— Если вы не хотите заслужить позор Пурпурного Холла, вы должны это сделать. Вы должны впустить нас!

Секунду я глядел на нее. Она была обаятельной, но вместе с тем неприступной и холодной. В другое время и в другом месте она свела бы меня с ума. Однако на Краю Света, в сетях Аномалии, я не мог позволить себе взвалить на плечи еще одну проблему, для которой, видимо, не было решения.

— Я вас приму,— сказал я.— Но я обязан провести досмотр вашего багажа на предмет оружия или контрабанды. Выходите из капсулы.

— У нас нет никакого смертельного оружия или контрабанды! — пропыхтел Жиль Хабибула. Он посмотрел на сержанта, стоящего у меня за спиной.— Я уже сказал этому щенку, что мой багаж — мое собственное дело.

— Успокойся, Жиль,— тихо произнесла девушка.

Погрузившись в хмурое молчание, Жиль Хабибула поднял руки. Я похлопал его по яркому свитеру и обвислым штанам. Округлый предмет в кармане оказался кожаным бумажником. В левом кармане были кольцо с ключами, ржавый гвоздь, моток медной проволоки, пара бронзовых шарниров, однако ничего опасного.

Когда я взглянул на девушку, она выскочила из капсулы. Пролетев несколько метров над палубой, она остановилась и повернулась ко мне, подняв изящные руки.

На пальце ее сверкало белое платиновое кольцо с меленьким черным черепом. Я почему-то не отважился дотронуться до нее, но, бегло осмотрев, не заметил никаких выпуклостей, кроме естественных. Оставив сержанта охранять их, я прошел в капсулу. За спиной послышался жалобный голос Жиля Хабибулы:

— Когда доберетесь до нашего жалкого багажа, не забудьте о нашем эксперименте и драгоценной сыворотке Лилит. Вспомните о тех годах, которые нужны нам для того, чтобы доказать мое бессмертие. Нам нужны кое-какие припасы.

Стоя в узкой капсуле, я осмотрел его багаж. Я готовился найти следы преступления, столь же фантастичные, как и его сказка о бессмертии. Я готов был найти контрабандное оружие, быть может, предназначенное

для того, чтобы захватить станцию и сделать из нее базу для пиратов Скаббарда. Я был готов даже найти медицинское оборудование и лекарства для эксперимента по долголетию. Все, что я нашел,— это икру и вино.

— Да, это смертельно малая награда за все годы моей верной службы Легиону.— Хныча, он ходил за мной следом.— Однако не сомневайтесь, что все это настоящее! Лучшая черная икра, расфасованная для межзвездных перевозок. Каждая баночка стоит целое состояние! Отборные вина старой Земли, лучшие лозы прошлого столетия. Не вздумайте что-нибудь повредить, пока ищете свои краденые драгоценности или ядерные бомбы!

Именно этот странный груз, а не неправдоподобная сказка Хабибулы об экстренном вызове с "Искателя Квазара", а также отчаянные глаза красивой девушки заставили меня принять решение. Хотя немногие капралы могут баловаться в отставке икрой и вином, эти тяжелые банки не выглядели опасными.

— Я приму вас как гостей, а не как арестантов,— сказал я,— но только временно. Ваш статус будет зависеть от того, как вы будете себя вести, от того, скажете ли вы правду, и от того, что будет происходить на Краю Света.

— Спасибо, Ларс Ульмар.— Услышав тихий голос девушки, я сглотнул.— Я рада, что вы нам поверили.

Я отвел им помещение в кольце полной гравитации, запрограммировал стационарный компьютер на выдачу им довольствия и попросил сержанта позаботиться об их багаже. К тому времени вахтенный офицер уже вызвал меня.

Он сообщил, что Аномалия по-прежнему распространяется вокруг нас. Нарушения стабильности в ее центре никогда еще не были столь интенсивными. Сильное магнитное поле вывело из строя наш лучший магнитометр. Сообщения об усиливающихся гравитационных потоках напугали экипаж.

Кетцлер был безбородым и подтянутым парнем еще моложе меня. Преданный своему делу младший офицер, он спокойно воспринимал то, что ему пришлось волей случая занять мое место. Однако сейчас этот кризис начал подрывать мой, незаслуженный в общем, авторитет. Даже в переговорном устройстве я слышал дрожь в его голосе.

— Опасаюсь беспорядков, сэр, особенно от тех людей, кому мы были вынуждены отказать в отправке. Я слышал нехорошие разговоры.

— Я знаю, они недовольны,— согласился я,— но я их не боюсь.

Я провел остаток вахты, следя за показаниями приборов и делая все возможное, чтобы повысить настроение команды. Затем я сказал Кетцлеру, что он может не бояться мятежа. "Эревон" ушел. Наш собственный корабль, который могли бы захватить смутьяны, никто не способен довести до обитаемой планеты. Даже если станцию затягивает в Край Света, то внутри мы в большей безопасности, чем снаружи.

Из головы у меня не выходил рассказ старого Хабибулы о вызове командора Стара. Я велел дежурному экипажу прощупать район к северу от Края Света с помощью всех возможных приборов. Они ничего не обнаружили, и все же я знал, что таких поисков недостаточно. Помехи были очень сильны и могли исказить любой лазерный или радиосигнал до неузнаваемости. Поскольку мне нужна была внутренняя уверенность, я попросил Лилит Адамс о встрече с ней и старым Хабибулой в столовой.

— Восхитительно! — Ее холодный голос был сейчас странно спокойным и теплым.— Капитан, вы не могли бы нам заодно показать станцию? И не расскажете ли вы побольше об Аномалии и новых нарушениях? Мы тут слышим тревожные разговоры.

Правда могла оказаться еще более тревожной, чем любые слухи, но я ей этого не сказал. Я согласился устроить им прогулку по станции перед обедом, по крайней мере, по двум причинам. Я хотел устроить команде что-то вроде смотра, чтобы повысить ее дух, а заодно и поглядеть, не выдадут ли чем-нибудь себя гости. К тому же, хотелось сделать приятное девушке.

Методично наводя порядок в отсеках станции, я успел принять душ и побриться. Страхнув пыль с лучшей формы, я поймал себя на том, что насвистываю от нетерпения. Когда я шел к ним, то заглянул в центр управления. Там царило страшное напряжение. Кетцлер не уходил с дежурства, хотя ему давно следовало лежать в постели и отсыпаться. Центр был большой комнатой в форме цилиндра в недрах ледяного астероида. Он медленно вращался вокруг своей оси, так что внутренняя поверхность цилиндра представляла собой бесконечный пол. Одна плоскость была проекционным экраном для наших телескопов, на второй находилась электронная карта, созданная по суммарным показаниям всех наших приборов. Кетцлер сидел за пультом компьютера, глядя на карту. Там, на карте, было изображено уродливое чернобрюхое существо, скорчившееся в центре огромной паутины из сияющих нитей, расползшихся во все стороны. Черное брюхо существа было центром Аномалии, районом, куда не могли проникнуть никакие приборы. Существо раскинуло пурпурные ноги — закартированные нами гравитационные силовые линии Аномалии. Яркие линии паутины — линии магнитных полей, разошедшиеся далеко за пределы крошечного ярко-зеленого круга, отмечавшего нахождение станции. Кетцлер вскочил, когда я коснулся его плеча.

— Как дела?

Я не обращал внимания на испуганное выражение его лица.

— Думаешь, она успокаивается?

— Пока нет, сэр.

Линзы очков увеличивали покрасневшие глаза.

— Я никогда такого не видел. И становится все хуже и хуже. Меня беспокоит гравитационный дрейф.

Он нажал на кнопку, осветившую кривой ряд желтых ярких точек на экране. Точки были пронумерованы. Каждая указывала положение станции в недавнем прошлом. Станция приближалась к брюху существа.

— Она просто-таки засасывает нас! — Он взглянул на меня поверх запотевших очков.— Даже дюзы не помогают, сэр. Мы не справляемся с дрейфом даже на полной тяге.

— Мы делаем все, что можем,— заверил я его.— Если что случится, я в столовой.

Он облизал пересохшие губы.

— Прежде, чем вы уйдете, я кое-что вам сообщу,— сказал он.— Тот новый астероид, который мы обнаружили севернее Края Света, он снова исчез!

Он показал на красную точку на экране.

— И еще одно, сэр.— Я услышал в его голосе эхо неодобрения.— Лазерные мониторы только что поймали сигнал, похожий на сигнал бедствия, с того же направления. Мы ничего не могли разобрать, кроме одного слова; мне кажется, это название корабля. Что-то вроде "Искателя"...

ВРАЖДЕБНАЯ МАШИНА

Несмотря на столь обескураживающее развитие событий, я попытался выглядеть спокойным и уверенным. Конечно, Аномалия весьма опасна, напомнил я Кетцлеру, однако именно этим мы и занимаемся на Краю Света — изучаем ее опасности и приспосабливаемся к ним.

Устав от напряжения и изнурительных дежурств, экипаж по-прежнему занимался работой. Уцелевшие приборы следили за Аномалией, компьютер производил расчеты. Дюзы выстреливали в пространство струи огня, пытаясь противостоять гравитационному дрейфу. Ничего другого мы сделать не могли. Даже если история Жиля Хабибулы — правда, даже если "Искатель Квазара" борется с неизвестными силами Аномалии, мы ничего не могли сделать, чтобы помочь ему. Если мы проигнорируем угрозу Аномалии или недооценим ее, если мы не учтем собственных нужд, то ошибку исправить уже не сможем. Наши резервы были на пределе.

Даже в мыслях я не признавался себе, что нам грозит отчаянное положение. Я посоветовал Кетцлеру отдохнуть и отправился к Лилит Адамс и Жилю Хабибуле.

Она уже сменила строгую белую форму на нечто голубое, хотя и оставила на пальце страшный красноглазый череп. Даже при неполной силе тяжести ее движения были плавны и грациозны. Она взяла меня за руку, и от этого прикосновения во мне, казалось, включились дюзы.

— Капитан Ульмар, вы очень добры.

Услышав это, я почувствовал себя так, как будто меня уже поглотила страшная Аномалия. Она шла рядом, невыразимо притагательная в своем голубом платье и вместе с тем недостижимая.

— Жиль отправился в кают-компанию закусить перед нашей экскурсией.

Я почувствовал укол ревности. Если эта странная история хоть отчасти правдива, если старый Хабибула действительно пытается возвратить себе утраченную юность, то такая девушка, как Лилит Адамс, может быть гораздо более важной частью эксперимента, чем все его драгоценные вина и икра. Мы нашли его в кают-компании. По-прежнему разительно невоенный в ярком желтом свитере и бесформенных штанах, он сидел за столом в компании последней из оставшихся у нас вольнонаемных, рыжеволосой толстушкой по имени Джина Лорд. Они распивали бутылку его вина. Он обхаживал ее, как заправский юноша.

— Ты готов, Жиль?

Лилит говорила так, будто не замечала вольнонаемной; таким холодным тоном говорят люди, привыкшие к безоговорочному повиновению и сами того не сознающие. Жиль Хабибула вскочил, весьма расстроив удивленную рыжеволосую дамочку. Он был совершенно трезв. То благоговейное уважение, которое он оказывал Лилит, убедило меня в том, что загадочная роль девушки весьма и весьма важна.

— Клянусь сладкой жизнью,— засопел он.— Не надо меня так пугать.

— Пойдем, Жиль. Капитан Ульмар хочет показать нам станцию.

Бросив печальный взгляд на вино, оставшееся в бутылке, он поплелся за нами.

— Драгоценная сыворотка Лиль! — Он взглянул на меня.— Она возвращает мне юность, но какой ужасной ценой! Постоянный голод и отчаянная жажда! И желание, которого я не чувствовал вот уже пятьдесят лет!

Я повел их по станции. Она походила на длинный земляной орех из пластика и стали. Толщины ореха как раз хватало, чтобы в нем поместились комнаты по обе стороны двухъярусного коридора. Снаружи была тысячефутовая корка межзвездного льда — замерзших воды, метана и аммиака, которая могла бы превратиться в хвост кометы, если бы станция прошла достаточно близко к звезде. Этот вращающийся земляной орех был осью колеса диаметром в полмили. Спицами были пластиковые трубы, по которым проходили кабели энергопитания, всевозможные трубопроводы и лифты. Ступицы представляли собой толстые цилиндры, выступающие с полюсов ледяного астероида. На

внутренней части каждого цилиндра, вращающегося медленнее, чем спицы, были люки для стыковки с кораблями. С наружного края каждой ступицы, вращавшейся в противоположном направлении, благодаря чему достигалось нулевое тяготение, находились телескопы и лазерный купол, недвижимый по отношению к звездам.

Старый Хабибула, похоже, был рад прогулке. Он восхищался машинами. Он остался в восторге от атомного реактора, скрытого глубоко в толще льда. Он пожелал осмотреть биосинтезные батареи, которые обеспечивали нас водой, восстанавливали воздух и производили большую часть пищи.

Он был весьма доволен нашим исследовательским отсеком. Кое-что, к моему удивлению, он даже понимал.

— Один вопрос, капитан,— сказал он.— Вы показали нам множество прекрасных машин, новых как завтрашний день. Но отчего, я не могу понять, станция так доисторически устроена? Зачем эта грубая имитация гравитации, когда вы могли воспользоваться гравитационными индукторами?

— Из-за Аномалии,— сказал я.— Пространство здесь иное, а какое, никто точно не знает. Гравитационные, электронные и оптические устройства работают плохо — вы же помните, что случилось с навигационными приборами на корабле Скаббарда?

Глаза цвета глины понимающе заморгали.

— А что это за Аномалия?

— Точка в пространстве, в которой не действуют законы природы. Если вы хотите знать ее историю...

— Пусть она подождет до обеда, Жиль,— вежливо вмешалась Лилит.— Я бы хотела сначала осмотреть станцию.

Она меня по-прежнему удивляла. Хотя она не утверждала, что любит машины, она была к ним, видимо, привычна. Вопросы, которые она задавала, выдавали в ней знатока и компетентного человека.

Мы вошли в наблюдательный купол на северной ступице станции, где станция соприкасалась с ночью пространства и слабые красные искорки приборных лампочек меркли в космической мгле. Здесь была нулевая гравитация, и я вручил старому Хабибуле и девушке небольшие ракетки. Оба знали, как ими пользоваться. Оставив Хабибулу восхищаться тусклым сиянием приборов, расположенных на внутренней стене, Лилит полетела к огромной невидимой стене купола, простиравшегося в направлении Края Света.

— Капитан Ульмар,— позвала она тихим голосом.— Пойдемте со мной.

Удивляясь собственному послушанию, я безмолвно полетел за ней следом.

Она остановилась возле нависающих приборов, стройная, маленькая и беззащитная перед огромной паутиной Аномалии.

Несколько мгновений она плавала там, глядя в туман звезд. Посмотрев в ту сторону, где находился север галактики, я увидел, что несколько звезд слегка потускнели и покраснели. Даже такая мелочь не ускользнула от натренированного взгляда. Страшноватая фигура Края Света открывала себя только немногим из наших приборов. И все же я почувствовал, что девушка знает об этом больше, чем я.

— Скажите, капитан.— Она повернулась ко мне. Лицо ее в холодном свете звезд было серьезным и красивым.— Каков молекулярный состав этого купола?

Когда я объяснил, что это одна цельная молекула, выяснилось, что она знает не только формулу полимера, но и то, что производственный процесс изменялся три раза с тех пор, как был изобретен этот замечательный синтетик.

Она начала расспрашивать о технических характеристиках — о данных производства изотопного анализа, индексе рефракции, кривизне и толщине... Хотя такие вопросы казались мне тривиальными, она вела себя очень серьезно. Хотя я был молод, у меня была хорошая память на цифры. Я тщательно готовился к несению своих обязанностей и мог рассказать ей все, что она хотела узнать.

— Спасибо, капитан.— Она улыбнулась, и голова у меня пошла кругом.— А теперь мне бы хотелось послушать о самой Аномалии.

Когда ручные ракетки унесли нас к слабому свечению приборов и плавающему в сумраке старому Хабибуле, я почувствовал острую тревогу. Я знал о своих гостях кое-что, немногим больше, чем в начале знакомства, однако они по-прежнему были мне непонятны.

— До нас доходили слухи об этой Аномалии,— сказала Лилит.— Кажется, это страшная вещь.

— А я ее не боюсь,— просопел Жиль Хабибула.— Не боюсь с тех пор, как посмотрел на эти прекрасные машины. Я обычно чувствую опасность, но сейчас ничуть не боюсь Края Света.

Оставив ручные ракетки на стеллаже, мы ухватились за скобы движущегося троса. Он отнес нас сквозь пещерообразную пасть прохода, под тускло освещенными резервуарами, над переплетением труб каталической установки, превращавшей застывшие газы астероида в топливо для ракет и питьевую воду для нас, к массивной металлической выпуклости контрольного барабана.

— Что ни говори, а я — самый старый ветеран Легиона,— похвалялся Жиль Хабибула.— Того зла, что я повидал, хватило бы, чтобы ослепли ваши жалкие глаза. Я сражался со смертельными медузианами, со злобными кометчиками и с чудовищем Василиском. Однако сейчас в драгоценную Систему пришел мир. Я не чувствую никакой опасности. Я готов положиться на эти машины.

В это время на колене у меня заурчало переговорное устройство.

— Капитан Ульмар.— В голосе Кетцлера слышалась откровенная тревога.— Мы только что получили обрывки передачи с терпящего

бедствие корабля. "Искатель Квазара". Командор Кен Стар. Послушайте...

Старый Хабибула и Лилит Адамс двигались передо мной, вцепившись в скобы троса. Когда послышался голос офицера, девушка затаила дыхание, а старый солдат вскрикнул.

— Они подверглись нападению, сэр!

Голос Кетцлера был испуганным.

— Что-то мчится за ними со стороны Аномалии. Нечто, похожее на вражескую машину. Она в сто раз больше корабля. Стар утверждает, что ничего не может сделать. Говорит, машина его нагоняет. Последние слова неразборчивы, сэр, но, насколько я понял, Стар поставлен перед необходимостью покинуть корабль.

Кетцлер вот-вот готов был сорваться на крик.

— Я подумал, сэр, что вам нужно об этом знать. Что нам делать, сэр? — Что нам делать?

СТРАННЫЕ КАМНИ

Некоторое время я вынужден был заниматься Кетцлером. Первым побуждением было наказать его. Передав это сообщение по внутренней связи, он явно подорвал дух экипажа станции. Однако потом, осознав, что ситуация сложилась явно экстремальная, я решил с этим подождать.

— Возможно, это мистификация.— В голосе моем было больше уверенности, чем я испытывал на самом деле.— В любом случае, мы должны это проверить. Ведите непрерывное наблюдение. Подготовьте пушки. Держите меня в курсе.

— Да, сэр.— Его голос звучал очень подавленно.— Слушаюсь, сэр.

Лилит Адамс летела вверх в двух ярдах от меня сквозь сумрачное пространство внутри ледяного астероида. Вцепившись в скобу троса, она оглянулась. Лицо ее, тускло освещенное снизу, было напряженным и красивым.

— Капитан Ульмар, вы должны что-то сделать.— Голос ее, однако, был спокоен и холоден.— Мы должны помочь командору Стару.

— Мы сделаем все, что сможем,— сказал я.— Кроме того, станция — не боевой корабль. Мы не можем убежать. У нас всего лишь два маломощных протонных орудия, и мы немного навоюем. Связи у нас никакой, и мы не можем попросить о помощи. Если командор Стар действительно подвергся нападению враждебной машины...

Старый Хабибула вдруг испуганно завопил, рука его соскользнула со скобы. Конвульсивно вцепившись в ткань огненно-желтого свитера, он полетел сквозь тусклую пещеру, кружась, как живой спутник, вокруг находящейся в отдалении серебряной сферы резервуара с ракетным топливом.

— Помогите ему, капитан! — воскликнула девушка.— Он не привык к враждебным машинам.

Я включил ракету, настиг его и подтащил к тросу. Кожа его была мертвенно-бледной, и он дрожал всем телом. Он судорожно вцепился в скобу.

— Не говорите о таких машинах! — Голос у него был пронзительным, как трубный рев.— Но не думайте, что я испугался. Я встречал и преодолевал опасности куда более смертельные, чем любая космическая аномалия. Это просто... просто... просто...— Вцепившись в скобу, он задыхался и дрожал.

— Просто я немножко ослабел от смертельного голода и жажды. Я — несчастная морская свинка в отчаянном эксперименте. Драгоценная сыворотка Лилит вернула мне драгоценные годы, но и вернула ужасный аппетит.

— Мы и летим обедать.

Лифт поднял нас к кольцу полной гравитации. Мы вошли в пустой и темный зал кают-компании, однако Жиль Хабибула с болезненной улыбкой обнаружил, что его верные машины готовы нас обслужить. Он алчно набрал на клавиатуре компьютера наименования трех блюд.

Лилит отозвала меня в сторонку.

— Капитан,— медленно произнесла она.— Не следует ли вам заняться более важным делом? В таком случае, как сейчас, не будет ли лучше, если вы примете командование станцией?

— Я не мог сказать ей, что она и старый Хабибула представляют для меня такую же проблему, как сама Аномалия.

— Возможно, вы не понимаете, в каком отчаянном кризисе мы находимся,— попытался объяснить ей я.— Одно неправильное действие вызовет панику. Пока что мои люди занимаются делом. Кетцлер — хороший молодой офицер. Ему нужен шанс показать себя.

Она не сводила с меня глаз.

— Понятно.

Она двинулась к столу, где уже сидел Жиль Хабибула, дожидаясь заказанных блюд.

— Если вы сейчас действительно не заняты, расскажите нам об Аномалии.

На лице ее было странное выражение.

— Обо всем, что сможете.

— Первые пионеры добрались сюда тридцать лет назад,— начал я.— Они нашли этот "снежок" и небольшой рой камней. Куски железа двух-трех миль в поперечнике. Причем не просто железо, а сплав, да пот-

верже, чем железо-никелевый сплав, характерный для состава обычных метеоритов. К тому же, в них обильно встречались прожилки более ценных металлов.

— Я читала статьи.— Она наклонилась над столом, и свет ламп превратил ее рыжеватые волосы в золото. Она внимательно слушала, словно эти несчастные астероиды представляли какую-то первостепенную важность.— Сколько их?

— Вот это как раз необычно,— сказал я.— Даже их количество — аномалия. Разведывательный корабль Легиона нашел здесь пять железных астероидов и три "снежка" вроде нашего. Когда сюда через пять лет прибыли шахтеры, они нашли только два "снежка", но зато шесть железных астероидов.

— Выходит, разведка допустила ошибку?

— Непохоже. Просто шахтеры натолкнулись на Аномалию. Они не остались, чтобы наблюдать за ней. Железные сплавы были слишком твердыми для их техники, а затем что-то произошло с груженным рудой кораблем.

Жиль Хабибула вздрогнул.

— Что? — Глаза цвета глины выпучились в мою сторону.— Что случилось с этим жалким кораблем?

— Это не совсем ясно. Это был мощный корабль, стартовавший с одного из камней с грузом металла и семьей шахтера на борту. Он успел отправить странное сообщение по лазерной связи — что-то насчет того, что звезды становятся красными. Он не прибыл в порт, и не обнаружено было никаких его следов.

— Смерть моя! — Его хриплый голос был прерван тремя дымящимися чашками с бульоном из водорослей и тремя коричневыми пирожками из дрожжевого теста.

Он набросился на еду так жадно, как будто машина предложила ему его драгоценную икру.

— Продолжайте, пожалуйста, капитан,— попросила Лилит.— Вы говорили о количестве астероидов.

— Прошло еще пять лет, прежде чем здесь высадилась еще одна колония рудокопов. Они обнаружили только один ледяной астероид — тот, на котором мы сейчас находимся. Однако на этот раз железных астероидов было девять.

Жиль Хабибула вопросительно посмотрел на меня, затем вновь занялся едой.

— Эти рудокопы располагали мощными атомными бурами. Они углубились в твердые сплавы, и некоторые из них нашли глубокие карманы с платиной и золотом. Потом сюда прибыли космические торговцы. Даже те, кто не добывал руду, а продавал воду, сколотили состояние. Они-то и построили станцию. Маленький метрополис.

Жиль Хабибула оторвался от еды. Он сидел, глядя на меня, с болезненной бледностью на круглом детском лице и тусклым сиянием в глазах цвета ржавчины.

— Вот как? — прошептала Лилит.— И...

— Они построили индустриальный комплекс на Магнетите. Так они назвали самый большой железный астероид — порт погрузки руды. Огромную атомную плавильню. Магазины для продажи и ремонта шахтных механизмов. Лазерофонный центр для связи со всеми рудниками и с обитаемыми планетами.

Затем случилось неожиданное...

— Что? — Жиль Хабибула произнес это невнятно, рот у него был полон.— Как?

— Лазерные лучи перестали доходить. Связь между астероидами оказалась прерванной. К посадочной площадке возле плавильни как раз приближался танкер с кислородом. Экипаж сообщил, что астероид покраснел, замерцал и исчез.

Жиль Хабибула съежился, поперхнувшись бульоном. Бульон разлился по столу и стал капать на его колени.

— На этом разработки прекратились,— сказал я.— Половина людей и почти вся колония исчезли. Уцелевшие разбежались. Даже этот астероид был покинут, пока здесь не появился Легион. Командор Кен Стар установил бакен.

— Я знаю Кена Стара.— На круглом лице Жиля Хабибулы появилась розовая улыбка.— Это младший сын Джона. Помню, как много лет назад он приносил мне игрушки для починки. Я тогда нес службу в Пурпурном Холле на Фобосе. У меня мурашки бегут по коже, когда я думаю, что Кен находится в этой жуткой Аномалии и сражается с враждебной машиной. Я люблю Кена Стара.

— Капитан, продолжайте, пожалуйста,— вмешалась встревоженная Лилит.— Расскажите нам об Аномалии все, что знаете.

— В штабе Легиона получили сведения об исчезновении камней. Командор Кен Стар отправился туда на разведывательном корабле. Как раз по их курсу из Края Света выскочил новый железный астероид. Кен Стар опустился на него и нашел обломки исчезнувшего грузового корабля.

Старый Хабибула вытирал пролитый бульон бумажной салфеткой. Он не шевелился, и маленькие глазки глядели на меня как два мокрых камешка.

— Во имя жизни? — прохрипел он.— Где побывал этот несчастный грузовой корабль?

— Это никому неизвестно. Кен Стар высадился на астероид. Его доклад находится в архивах станции, но он не решил ни одной загадки. Он нашел тела членов исчезнувшей семьи, замерзшие и твердые как железо. Он обнаружил дневник жены шахтера, однако тот ничего не дал.

— Что там было написано?

— Ничего интересного. Начинается он с истории семьи — у нее были предчувствия смерти и она хотела, чтобы дети знали, кем они были. Муж у нее пострадал в аварии на шахте, она пыталась вылечить его. Затем краткие сведения о полете — скорость, местонахождение, тоннаж груза, расход воды, еды и кислорода. Лишь последние записи не совсем обычны. Что-то происходило со звездами. Они гасли.

Старый Хабибула вздохнул.

— Какой смертельный ужас мог погасить звезды?

— Этого жена шахтера не знала. У нее и так хватало забот. Она боролась за жизнь своей семьи. Однако она записала, что грузовой корабль сбился с курса и дрейфует во тьме. Она записала, что они ведут наблюдения с помощью радара и обнаружили впереди объект. Объект приближался к ним. Они попытались дать сигнал, но не получили ответа. На этом записи в дневнике кончаются. Грузовой корабль не имел дюз.

Комментируя дневник в докладе, Кен Стар пришел к заключению, что объект был железным астероидом. Женщина и ее семья погибли в столкновении. Однако Кен Стар даже не мог предположить, где это произошло и что случилось со звездами.

Собственные его гравитационные двигатели отказали после того, как он покинул этот железный астероид. С помощью посадочных дюз он доплелся до нашего "снежка". Аномалию он назвал Краем Света и остался для наблюдения за камнями. Спустя некоторое время его первому помощнику удалось отвести поврежденный корабль в такое место, откуда можно было послать сигнал бедствия. Когда пришла помощь, Стар отправился добывать оборудование для бакенов и обсерватории. Заинтересовать кого-нибудь оказалось трудно. Эти странные камни — не более чем крупинки пыли во вселенной, а у людей всегда хватало проблем. Но, прибегнув к помощи Легиона, он добыл оборудование. К тому времени, когда он вернулся, камень, на котором погиб грузовой корабль, исчез, а его место заняли два других. Он вытянул этот астероид из центра Аномалии, хотя не так далеко, чтобы можно было жить на нем и не думать об опасности. Установив бакен, он провел на астероиде год, после чего отправился по другим делам.

С тех пор мы здесь. Я служу здесь четвертый год. Мы обслуживаем бакен. Мы наносим на карты камни, когда они появляются и исчезают. Сейчас их девятнадцать. Мы следим за приборами. Такова история Края Света.

Жиль проглотил последний кусочек пирожка и заморгал, глядя на меня.

— И что показывают ваши приборы сейчас?

— Приборы регистрируют всевозможные явления,— сказал я,— оптические, магнитные, гравитационные. Мы держим постоянную связь с приходящими и уходящими камнями. Мы следим за звездами под определенными углами через Аномалию и видим, как их изображения меркнут, а линии спектра смещаются к красному. Когда камни появля-

ются и исчезают, наши магнитометры отмечают сильные магнитны бури. Движение камней и станции показывает существование гравитационных полей, гораздо более мощных, чем они могут создать своей массой. Эти гравитационные поля не дают каменному рою разлететься. Ни одного из этих эффектов я объяснить не могу.

Жиль Хабибула допил последнюю каплю бульона из последней чашки. Мгновение он сидел, глядя на зеленоватый след пролитого бульона.

— Вот он, ужасный облик природы,— засопел он вдруг.— Вот почему я люблю машины. Я не верю людям, однако смертельная природа — еще более опасный враг, чем люди. Она хуже неверной женщины. Как только вам кажется, что вы узнали правила игры, она меняет их. Те, кто считает, что природа добра,— просто романтичные дураки.

Он слизнул с угла рта коричневые крошки.

— Живые существа в сговоре против нас. Им нужны пища, пространство и власть. Чем ближе они к нам, тем более жестоким бывает конфликт. Знает жизнь, что даже наши драгоценные родственники достаточно опасны. Люди могут быть опаснее самой природы, если они постигнут чудовищные тайны этой коварной Аномалии...

Как бы там ни было, каждый из нас — между природой и человечеством, как между молотом и наковальней. Вот почему я предпочитаю машины. Они предназначены для того, чтобы служить нам. Они не участвуют в смертельном соревновании с нами, как живые существа. Они ничего не таят, как это делает природа. Они делают то, для чего построены, только и всего.

— Жиль, ты ошибаешься.— Лилит Адамс сидела, выпрямившись, за столом, глядя на тусклый черный череп на своем пальце. Красивая голова ее была слегка запрокинута, а белое лицо хранило рассеянное выражение. Мне казалось, что она слышала голос Кена Стара, ведущего битву с Аномалией вдали от нас.— Я люблю природу.— Она взглянула на нас. Бронзовые глаза были темны.— Я люблю моря и поля Земли. Я люблю пыльные кратеры Марса и метановые ледники Титана. Я люблю бесконечную мглу пространства, даже если она глядит на нас из Края Света. Я не могу поверить, что это природная Аномалия.

— Мы уже думали над тем, что она может быть Артефактом,— согласился я.— Но за двадцать лет наблюдения мы не смогли установить, природная она или нет.

— Я думаю, теперь у нас появилась такая возможность. Я имею в виду враждебную машину.

— Смерть моя! — прохрипел старый Жиль Хабибула.— Не говорите об этой страшной машине!

— Думаю, без этого нам не обойтись. Не все машины сделаны человеком или придуманы человеком. Если враждебная машина является причиной Аномалии, она может быть хуже, чем люди или природа.

Мы вздрогнули, когда загудело переговорное устройство.

— К-к-к-капитан Ульмар! — Голос Кетцлера дрожал от усталости и напряжения.— Мы получили новое сообщение от командора Стара, сэр. С-с-с-стар говорит, что машина опять атакует. Она повредила "Искатель Квазара". Он пытается покинуть корабль, сэр.

— Спасибо, Кетцлер. Стар еще на борту?

— Думаю, что да, сэр, хотя сигнал внезапно прервался. Большинство его людей покинуло корабль на спасательной капсуле. Стар и несколько других остались прикрывать их. Однако капсула была разнесена на кусочки выстрелом из машины.— Я услышал, как он хрипит.— Ч-ч-что будем делать, сэр?

— Нести дежурство,— сказал я.— Обслуживать станцию.

Он помолчал, и я чувствовал раздирающие его сомнения.

— С-с-слушаюсь, сэр.

Я услышал гул встревоженных голосов, донесшихся из динамика. Хотя слова были невнятны, голоса звучали резко и возбужденно.

— Свет, сэр! — послышался голос Кетцлера.— Ясный свет в пространстве! Мы видим враждебную машину! — Ужас, звучавший в его словах, отразился в моем мозгу. Хотя мы с Жилем были уже на ногах, Лилит сидела, бледная и напряженная, глядя в тусклый череп на кольце, который мерцал рубиновыми глазами, словно гипнотизируя ее.

ТЕМНЫЙ ПУЗЫРЬ

Старый Хабибула и Лилит отправились со мной в северную обсерваторию. Хотя Хабибула был полупарализован страхом, она выглядела неплохо и спешила увидеть странный свет и враждебную машину. Я позволил им идти, потому что загадка их посещения еще не была решена. Я ощущал непонятную связь между принесенной ими проблемой и угрозой снаружи, между исчезающими в черном брюхе Аномалии астероидами и сильными астронавтами, исчезнувшими из флайера Скаббарда.

Дежурная команда в куполе при нулевой гравитации выглядела перепуганной. Они, казалось, приняли нас за механических захватчиков.

— Капитан, вы меня напугали,— неестественно рассмеялся руководитель команды. Там свет! Не знаю, что это такое.

Худой, похожий на привидение в кровавом свечении лампочек, он поднял малиновую руку, указывая на небо. Я тут же увидел свет,

похожий на сияние желтой звезды, висевшей в черном колодце Края Света.

— Установленная величина — 2,3,— хрипло произнес он.— Сейчас она увеличилась до 3,6, но она достаточно яркая, чтобы мы могли видеть эту... вещь...

Ручные ракетки подняли нас к зеленоватому сиянию проекционного экрана. Мы прицепились к холодному хромированному рельсу и стали глядеть на светящийся экран, увеличивающий полученное электронным телескопом изображение.

Здесь пятнышко света превратилось в крошечный ярко-зеленый диск. Сам экран был заполнен чуть зеленоватой тьмой. Руководитель команды наладил изображение. Замерцали и рассосались туманные тени, и мы увидели враждебную машину.

Жиль Хабибула глухо застонал. Я почувствовал, как Лилит вздрогнула и напряглась. По моей спине побежали мурашки.

— Машина! — Даже сейчас напряженный сдержанный голос казался спокойным.— Человек такую никогда бы не смог сделать!

— Ужасная машина! — прошептал Жиль Хабибула.— Чудовищная машина! Не уверен, что она мне нравится!

Величина машины была огромна. Я видел выступающие из ее корпуса части, однако не мог назвать их мачтами, щупальцами или башнями. Они не вызывали никаких ассоциаций. Зеленоватые тени, отбрасываемые ими, закрывали то, из чего они выпирали.

— Машины всегда для чего-то предназначены.— Голос мой, хотя я и старался держать себя в руках, звучал хрипло.— Для чего предназначена эта?

— Для какой-нибудь гадости,— прохрипел жиль Хабибула.— Сразу ясно, что ее творцы преследовали злобные цели.

— Почему ты так считаешь? — произнесла Лилит.— Что ты можешь о ней сказать?

— Смертельно много! — Вцепившись в холодный поручень, Жиль дрожал.— Можно сказать, что машина была построена, так, чтобы она могла маневрировать в пространстве, даже в этой ужасной Аномалии. Можно сказать, что она предназначена для нападения и преследования других космических кораблей. Можно сказать, что ее неизвестного оружия хватило на то, чтобы разделаться с "Искателем Квазара". Мы еще много сможем сказать, когда увидим ее в действии.

— Ради сладкой жизни, взгляните! — Голос его превратился в дрожащий стон. Взглянув на экран, мы увидели, что машина метнулась к угасающей звезде. Мы увидели длинный выступ — ни руку, ни кран, ни кабель, который, казалось, вознамерился схватить звезду. Звезда потускнела и угасла. Экран стал зеленовато-черным.

— Что случилось? — прошептала Лилит.— Куда она исчезла?

— Теперь там смертельно темно,— просопел Жиль Хабибула.— Ближайшая звезда была в тридцати миллиардах миль. Теперь коварная

машина ее погасила, и она черна, как само пространство. Но, во всяком случае, мы видели, как она действует.

— Что теперь ты скажешь, Жиль?

— Беда! — простонал он.— Ужасная беда!

Смотреть больше было не на что, и мы покинули купол. Я проводил Лилит и Хабибулу обратно в кольцо полной гравитации, а затем обошел дежурные посты. Мои люди были напуганы.

Неведомый свет угас. Приборы уже не обнаруживали враждебную машину. Сообщений от командора Стара не поступало. Только огромная электронная карта на стене цилиндра показывала, что Аномалия по-прежнему растет. Чернобрюхое существо становилось толще, пурпурные ноги вытягивались, яркая магнитная паутина распространялась вокруг нас.

Кроме карты, ничего больше не могло показать нам Аномалию, и это, пожалуй, было самым страшным. Только расчеты нашего дрейфа показывали, что мощные гравитационные поля затягивают нас все глубже в смертоносную паутину, невзирая на полную тягу наших дюз. На станции царил страх. Все ощущали невидимую опасность, против которой у нас не было никакой мысленной защиты. Напряжение ожидания, перспектива встретить неизвестного врага были невыносимыми.

Когда командор Стар добрался до станции, моя вахта уже кончилась. Он бежал с "Искателя Квазара" на маленькой спасательной шлюпке с двумя людьми из своего экипажа. Чтобы их не обнаружила машина, они весь путь прошли с выключенными дюзами, соблюдая радиолазерное молчание. Мы не видели их приближения, пока пятнадцать минут назад они не включили дюзы. Я поспешил в шлюз, чтобы встретить Кена Стара.

Он вышел из шлюпки с рукой на перевязи и повязкой на голове. Лицо у него было вымазано сажей. И все же он хорошо держался. У одного из его людей были сломаны обе ноги, другой умирал от болезни похожей на лучевую. Он не позволил врачам прикоснуться к себе, пока они не сделали все возможное для его подчиненных. Хотя врачи настаивали, чтобы он отдохнул, он отказался лечь в постель. Раны были поверхностными, и он настоял на том, чтобы ему позволили спать в шлюпке. Переодевшись в форму Кетцлера, сменив повязку, он позволил мне накормить его в кают-компании. Красивый спокойный человек, немного сутулый, он был более похож на ученого, чем на солдата. Хотя врачи смыли кровь и грязь, лицо у него было изможденным. Вначале я был слегка разочарован, увидев, что сын легендарного Джона Стара столь хрупкий, невынословый человек, но вскоре стал им восхищаться.

— Я отпустил экипаж,— сказал он, когда мы выходили из лифта.— Они погрузились в большую капсулу. С ними был мой помощник. Мы втроем пытались удержать нападающую машину, пока команда спасалась.— Он покачал головой и вздрогнул, словно от боли.— Однако ничего не вышло. Что-то похожее на микроракету разнесло капсулу в куски. Этот снаряд летел с фантастической скоростью.— Он пошатнул-

ся, и я взял его за руку и помог вступить на движущуюся дорожку.— Точно такая же ракета превратила "Искателя Квазара" в металлолом.— Голос его звучал хрипло, устало и горько.— У нас не было ни одного шанса. Да, честно говоря, лучший крейсер Легиона на нашем месте сделал бы немногое.

Мы увидели слабую вспышку во многих тысячах миль от нас. Выстрел настиг нас мгновенно. Он сопровождался жестким гамма-излучением. Я думаю, эти снаряды весили миллиграммы, однако они неотразимы. Их не может остановить никакое поле, никакому кораблю от них не уйти. Если бы вы видели эту машину...

— Мы видели,— сказал я.— Она была освещена какой-то вспышкой.

— Это была вспышка "Искателя Квазара".— Усталое лицо исказилось болью.— Мы едва успели покинуть корабль, когда его поразил снаряд другого типа. Какого — мы не смогли установить. Но корпус мгновенно раскалился. Возможно, враг стерилизовал его, прежде чем захватить. Еще одно оружие, которому нет равных!

— Командор!— Я старался говорить ровным голосом.— Что это за враг?

— Если вы его видели, капитан, то вы знаете не меньше меня.— У кают-компании он сошел с дорожки без моей помощи. Хотя обедать было еще рано, мы встретили там старого Хабибулу и Лилит. Перед Хабибулой стояли открытая банка с икрой и две бутылки его драгоценного вина. Когда командор увидел их, то застыл на месте.

— Лиль! Жиль!— Он был удивлен и немного огорчен.— Я думал, вы ждете меня на базе сектора!

Они с таким же удивлением уставились на него.— Кен Стар!— закричал старый Хабибула.— Мы думали, ты уже погиб в пространстве, уничтоженный враждебной машиной.

Лицо девушки покрыл румянец, бронзовые глаза засияли. Лилит с такой радостью заключила его в объятия, что он поморщился от боли. Я почувствовал острый укол ревности.

"Неплохо для медсестры,— подумал я,— целоваться с братом Боба Стара!"

— Кен, мы боялись ждать!— сказала она.— Ни с тобой, ни со станцией было не связаться. Мы не знали, что происходит. Мы получили сообщение о том, что сюда направляется фрахтовый корабль, и, прибыв сюда, убедили капитана Ульмара взять нас на станцию.— Она посмотрела на меня и заговорщицки улыбнулась. Старый Хабибула подошел к Кену Стару. Он с сердечной теплотой пожал ему руку и шагнул назад, прищурив глаза винного цвета.

— Где ты был?— просопел он.— Какие чудовищные опасности ты пережил, пока мы тебя не видели?

Послышался гудок моего переговорного устройства.— Капитан Ульмар!— Это снова был Кетцлер.— Мы только что обнаружили некую

вещь.— В голосе его была неуверенность.— Что-то в самом центре Аномалии. Увидеть ничего нельзя, сэр, за исключением того, что она затмевает находящиеся за ней звезды. Она похожа на пузырь, сэр. Пузырь тьмы! Будут какие-нибудь указания, сэр?

— Следи за этим пузырем,— сказал я.— Докладывай о любых изменениях.

— Он растет, сэр. Он уже больше градуса в диаметре. И...— Он помедлил и добавил:— Вы знаете, что мы движемся к нему?

— Знаю. Продолжай меня информировать.

— Слушаю, сэр.

Переговорное устройство щелкнуло, отключаясь. Чувствуя в глубине души тревогу и беспокойство, я взглянул на Кена Стара. Он подошел к столу и сел в кресло. Он сидел, глядя на Лилит. На лице его, измученном и грустном, была бледность.

— Боюсь, что я знаю, что это за пузырь,— хрипло прошептал он.— У меня есть теория и эта теория меня пугает.

Я рад, что ты и Жиль не стали ждать на базе сектора,— сказал он, взяв ладонь девушк и бескровной рукой.— Я подозреваю, что ваши способности потребуются легиону именно здесь и очень скоро.

СТАРШЕ САМОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Мы сидели за столом в маленькой скромной кают-компании. Я протянул руку, чтобы набрать заказ на клавиатуре компьютера, но Кен Стар покачал перевязанной головой.

— Позже,— хрипло произнес он.— Это подождет.

Старый Хабибула, чего я от не никак него ожидал, взял четыре бокала и разлил вино. Это было светлое сухое вино пятидесятилетней выдержки, однако и словом не обмолвился об его букете или о том замечательном факте, что солнечный свет, на котором поспел этот виноград, еще не достиг Края Света. Лилит сидела, поглядывая на Стара, Хабибулу и меня, а иногда на тусклый черный череп на своем пальце. Мне вновь показалось, что она прислушивается, словно боясь, что из пузыря тьмы, растущего в центре Края Света, появится какая-то опасность.

— Расскажи, Кен,— прохрипел старый Хабибула.Что это за жуткая теория, которая тебя так тревожит?

Стар с рассеянным видом глотнул вина. Я увидел, что бокал дрожит в его ладони.

Аккуратно откинувшись на спинку кресла, словно на теле его было больше ран, чем он сообщал врачам, он сказал, обращаясь к Лилит и полностью игнорируя меня и старого Хабибулу:

— Я устал.— Голос его звучал слабо, но отчетливо.— Вымотался. Однако попытаюсь рассказать все, что вам нужно знать, и как можно понятней. Вы знаете, что я провел всю жизнь, занимаясь этой Аномалией. Я возглавлял первую экспедицию и помогал построить эту станцию. Большую часть времени с тех пор я провел в большой космической обсерватории на Контр-Сатурне. Именно там я разработал эту теорию.— Он помолчал, словно собираясь с силами.

— Так что же такого страшного в этой теории?— спросил Жиль Хабибула.— Зачем ты послал за нами?

— Я всегда ожидал, что появится нечто похожее на эту враждебную машину,— сказал Кен Стар. Некий продукт технологии, далеко опередившей нашу. Я был готов встретить трудности, но не так скоро.— Он покачал перевязанной головой.— Целью полета "Искателя Квазара" была предварительная проверка. Я не ожидал, что вы последуете за мной, хотя это оказалось очень удачным. Я намеревался возвратиться на базу сектора и забрать вас. Если бы мы обнаружили, что в ваших необычных талантах есть необходимость...

Я смотрел на безволосую розовую голову Жиля Хабибулы, на красивые грустные черты Лилит и пытался понять, о каких талантах идет речь.

— Чтобы проверить теорию,— продолжал Стар,— мы измерили возраст камней в Аномалии.

— И каков он?— старый Хабибула уставился на него рыбьими глазами.— Как вам это удалось?

— В этом случае с помощью спектрального анализа.— Усталый голос Кена Стара звучал отчетливо.— История имеет свой возраст, который можно установить. Новая планетарная материя — ее элементы созданы, видимо, во время взрыва сверхновой — имеет весьма специфичный атомный состав. Она имеет весьма характерную пропорцию элементов, распадающихся со временем.

— Недолговечная вселенная,— пробормотал старый Хабибула,— в которой стареет сама материя!

— С помощью соответствующих тестов,— продолжал Стар,— мы проверили серию изотопов тория. Элемент торий имеет период полураспада около тринадцати миллиардов лет. Это означает, что через тринадцать миллиардов лет примерно половина любого заданного количества тория-232 распадется на изотопы свинца-238.

Стар помолчал.

— Выпей вина, Кен,— сказал старый Хабибула.— Оно вольет в твои жилы драгоценное тепло.— Он придвинул бокал к Стару.— Так каков же возраст камней?

— Они старые.— Он отодвинул вино, благодарно кивнув старому Хабибуле. Бросил взгляд в мою сторону. Словно нас здесь не было, он опять заговорил, обращаясь к Лилит:— Невероятно старые.

Жиль Хабибула нервно отпил вина. Стар поднял перевязанную голову. Сделав долгий вдох, словно стараясь успокоить нервы, Лилит протянула руку и схватила его за ладонь. Несколько минут он сидел безмолвно и ласково улыбался ей.

— Мы не знаем точно, каков возраст нашей вселенной. Наше солнце и его планеты имеют возраст около трех миллиардов лет. Старейшие звезды галактики всего на миллиард лет старше. Расчеты показывают, что вселенная образовалась шесть миллиардов лет назад, не раньше. Ничего более старого не существует за исключением этих камней.

Медленно покачав головой, он устало посмотрел на Лилит.

— Никто не хочет нам верить,— сказал он.— Мы провели дополнительные проверки, эксперимент с ураном-238. Он образует другой изотоп, свинец-237, с периодом полураспада четыре с половиной миллиарда лет. Наш ответ поддерживает эту теорию.

У него были красные усталые глаза.

— Результаты нашего эксперимента показывают, что эти аномальные астероиды содержат меньше процента первоначального урана-238 и не больше 25% первоначального тория-232. Это означает, что возраст этих скал, по меньшей мере, двадцать пять миллиардов лет. Они в четыре раза старше нашей вселенной!

Лицо старого Хабибулы побледнело. Он испуганно откинулся на спинку кресла, словно возраст этих камней был смертельной болезнью, которой он боялся заразиться от Стара.

— Командор,— вмешался я,— можно задать один вопрос?

Он наклонил голову.

— Я несколько лет слежу за этими камнями,— сказал я.— Они во многом кажутся необычными! Почему вы считаете, что это остатки первичной материи? Может быть, торий и уран были привнесены в результате процессов?

— Спасибо, капитан,— ответил он с болезненной улыбкой.— Я знаю, что эти камни необычны не только своим возрастом, но также размерами, формой и составом. Однако, я думаю, следует учитывать любую возможность ошибки. Дело в том, что мы измерили не общий состав тория и урана, а точное соотношение их с изотопами свинца. И проанализировали мы не только сплавы, их которых состоят астероиды, но также образцы пыли на поверхности.— Словно забыв обо мне и о моем вмешательстве, он повернулся к Лилит. Их пальцы сцепились на поверхности стола.— Даже эта пыль в четыре раза старше, чем самое старое вещество известное за пределами Аномалии. Даже эта пыль подтверждает теорию, которая привела меня сюда.

Лицо Лилит было бледным и напряженным, как у него.

— Что это за теория, Кен?

Помолчав, собираясь с мыслями, он глотнул вина.

— Эта идея пришла мне в голову на Контр-Сатурне. Я изучал объекты, которые раньше назывались квазарами. Это объекты звездного типа, однако способные превращаться в галактики. Самые большие бомбы во вселенной! Один-единственный взрыв квазара заключает в себе энергию ста миллионов звезд.

— Какой ужас,— заморгал Жиль Хабибула.— По сравнению с этими чудовищными бомбами наше лучшее оружие — детские игрушки. Надеюсь,что ты не потребуешь от меня и от Лиль тягаться с таким страшным оружием?

— Я надеюсь, что мы сможем вести борьбу в других рамках,— хмуро улыбнулся Стар.— Но враг наш достаточно опасен.

— Кен, я не понимаю.— Глаза Лилит потемнели.Что общего взрывающие галактики имеют с этой Аномалией или со враждебной машиной?

Усевшись по удобнее, Стар поднял ладони и потер виски под повязкой.

— У таких взрывов может быть только один источник.— Голос его звучал слабее, в нем чувствовалась боль.— Сто миллионов сверхновых, собранных воедино и то не хватит. Единственный возможный источник — точка расширения пространства.

Вздрогнув Жиль Хабибула залпом выпил вино.

— Вам известно, что масса искривляет пространство,— сказал Кен Стар.— Когда кривизна достигает так называемого Радиуса Шварцшильда, пространство сжимается. Это замкнутое пространство, обладающее массой, достаточной, чтобы оно было замкнутым, существует отдельно от нашего пространства-времени. Однако энергии, заключенной в нем, достаточно, чтобы уничтожить любую галактику — учитывая, что масса здесь умножается на скорость света.

— Ты считаешь, что эти камни были заброшены из другой вселенной?

— Такое возможно.— Стар осторожно отодвинул повязку, словно движение причиняло ему боль, и кивнул.— Моя теория — новая точка зрения на вселенную. Она предполагает, что все наши миры родились в результате расширения шварцшильдова пространства, заброшенного из более древнего пространства-времени около шести миллиардов лет назад. Можно допустить, что мы являемся свидетелями рождения новой пространственно-временной вселенной каждый раз, кода наблюдаем взрыв галактики.

— О, смерть моя!— вздохнул старый Хабибула.Мир, в котором я жил достаточно велик и коварен. Не думаю, что мне нужны твои подтверждения. Если природа столь сложна, то я предпочитаю машины — машины, построенные человеком.

— Поначалу эта космогония сбила меня с толку, но боюсь, что нам придется ее принять.— В глазах Кена Стара светился испуг.— Если

каждая взрывающаяся галактика представляет собой новую пространственно-временную вселенную, то настоящая вселенная в целом бесконечна, не только во времени и в пространстве, но также и во множестве!

Он взглянул на меня, словно дал ответ на незаданный мною скептический вопрос.

— Капитан, я посвятил этому годы,— сказал он.— Мои анализы показывают, что каждая изверженная вселенная становится нестабильной и расширяется снова. Дегенеративная материя ее ядра взрывается и разлетается на части. Расширение генерирует атомы водорода, которые собираются в галактические облака вокруг разделяющихся фрагментов. Когда эти новые галактики стареют, они сжимаются, взрываются, и так возникают новые пространственно-временные вселенные. Цикл творения никогда не прекращается.

— Новая идея о возникновении вселенной!— Я сидел, пристально глядя на него.— Я и не думал возражать — это просто слишком много для меня.

— Я в замешательстве.— Лилит быстро улыбнулась мне. Она повернулась к Кену Стару, глаза ее были темны.— Однако я все же не понимаю природу аномалии.

— Поначалу я думал, что это всего лишь шрам — то есть пуп нашей вселенной. Я заподозрил, что наша пространственно-временная система не полностью отделилась от материнской вселенной. Я предположил, что эти древние камни каким-то образом выходят из раны в пространстве которая еще не до конца затянулась.

— А как соотносятся с этими вещами ваши расчеты, сер?— спросил я.— Может ли такая рана миллиарды лет оставаться открытой? Или она закрываться мгновенно?

— Честно говоря, не знаю.— Стар помолчал, массируя виски.— Вы должны понять тот факт, что каждая субвселенная может иметь собственную систему координат пространства и времени. Возможно, то, Что здесь является временем, там — пространство, так что наши шесть миллиардов лет по материнской вселенной — один миг.

— Я об этом не подумал.

— Есть и другие факторы,— добавил он.— Кроме воздействий массы, предсказанных уравнениями Энштейна—Шварцшильда, существуют магнитные и радиационные эффекты, которые с трудом поддаются анализу.

Потемневшие глаза Лилит смотрели на стены за спиной Стара, словно она видела что-то далекое и опасное.

— Кен, означает ли твоя теория, что Аномалия — природная?

— Поначалу я надеялся, надеялся отчаянно. Сейчас я сомневаюсь, что она исключительно природная. Теория предполагает, что Аномалия может сжиматься, если ей вообще свойственны изменения. Боюсь, что расширение, которое мы сейчас наблюдаем, имеет искусственное происхождение.

Старый Хабибула собрался налить себе вина. Он поставил бутылку обратно и с ужасом уставился на Стара.

— Во имя сладкой жизни!— простонал он.— Что это значит?

— Я боюсь, что Аномалия — нечто вроде ворот, соединяющих нас с материнским миром,— хрипло сказал Стар.— Я считаю, что она природная по происхождению, однако боюсь, что она увеличена, точнее говоря, открыта посредством разумной технологии.

— Ты хочешь сказать...— Старый Хабибула остановился, чтобы подрожать вцепившись в бутылку, словно это был некий талисман. Ты хочешь сказать, что коварная машина... и этот пузырь ужасной тьмы...

— Я очень боюсь, что машина-агрессор,— тихо сказал Стар.— Я боюсь, что пузырь — видимый аспект открываемых интерпространственных ворот, через которые она пришла. Я боюсь, что нам предстоит иметь дело с враждебной технологией, которая развивалась в четыре раза дольше, чем существует наша вселенная...

Дверь в кают-кампанию распахнулась. Вбежал Кетцлер. Бледное лицо его было залито кровью. Руку он прижимал к боку, между пальцами сочилась кровь.

— Мятеж, сэр...— всхлипывая пробормотал он.Большая часть команды... Даже Джина Лорд. Они захватили... цилиндр управления... палубы... Я полагаю... я полагаю, сэр, что они... не останутся на станции!

Покачнувшись, он вцепился в стол.

— Хуже того... Сэр...— Голос его слабел.— Этот черный пузырь... Новые боевые машины... Я как раз собирался сообщить, что они на меня напали...

Он заморгал и выпучил на меня глаза, словно я расплывался перед ним.

— Что... нам делать, сэр?

И рухнул на пол.

АБСОЛЮТНЫЙ НУЛЬ

Сопротивление мятежников прекратилось, когда Кетцлер добрался до кают-компании. Вожаками мятежа были недовольные ветераны, которые хотели улететь с капитаном Скаббартом. Им противостояли только Кетцлер и сержант Вралик из обслуги шлюза. Вралик погиб в шлюзе.

Нападение на Кетцлера в центре управления предназначалось только для того, чтобы прикрыть побег восставших. К тому времени, когда я добрался в центр от кольца полной гравитации, они уже убрались. Они

взорвали маневренные дюзы, разбили управление протонных пушек и взломали станционный сейф. Уничтожили пилот-компьютер на одной из наших спасательных ракет, а сами сбежали на другой.

Мятеж был вызван сообщением о вторжении агрессоров, потому что в действиях смутьянов было больше паники, чем здравого смысла. Они взяли на борт ракеты, предназначенной на двенадцать человек, слишком много народу. Они забыли припасы и резервное топливо на складе. Они без необходимости убили Вралика — из письма найденного в его кармане, я узнал, что он был намерен присоединиться к нам.

Хотя я не думал, что они спасутся, я не мог не пожелать удачи в душе. Воспоминания о Джине Лорд вызвали в сердце болезненный укол. Когда-то я был в нее влюблен. Мы прибыли на станцию на корабле обеспечения, оба совсем молодые, жаждущие приключений и верящие в Легион. Уже тогда она была нетерпима к любым проявлениям власти. Я был ее другом, пока первое мое повышение по службе не оттолкнуло ее от меня. Я с тоской вспомнил ее и пожалел, что она улетела.

Нас осталось на станции семеро. Семеро, включая Кетцлера и двух раненых людей из экипажа "Искателя Квазара". Спокойная проворная Лилит помогла нам перевязать Кетцлера. Позже, в медицинском отсеке, она сделала ему инъекцию.

— Это сыворотка Жиля,— сказала она.— Легиону это стоит пять миллионов. Она вылечит его и добавит ему пять лет жизни.

В северной обсерватории ничего не было повреждено.Я нашел там Кена Стара — высокий безмолвный призрак передвигал в красном сумраке электронный телескоп. Однако я и без телескопа знал, что пузырь тьмы растет. Аккуратное черное пятно двух градусов в диаметре было как раз перед нами.

Вначале он выглядел бесформенным, этот крохотный оранжевый огонек в центре Аномалии. Огонек становился ярче, желтел, белел. Внезапно пузырь изменился — полагаю, благодаря какому-то оптическому или физическому эффекту.

Это было уже не пятно, а широкая черная воронка. Белая звезда быстро летела в полуночную мглу Края Света. Мы провожали ее взглядом. Мы сами летели за ней. Чувствуя головокружение, я сжал кулаки.

— Смотрите, капитан!

Голос Кена Стара послышался как будто из далека. Я закрыл глаза и задержал дыхание, чтобы справиться с собой.

— Видите свет?— доносился голос командора.— Это наши мятежники. Они получили снаряд и угодили в стерилизующее поле. Я видел вспышку газа, когда взорвалось их топливо. А теперь обломки попали в интенсивное гравитационное поле...

Внезапно он вскрикнул:

— Смотрите! Вон там!

Я посмотрел туда, куда он показывал. Черный круг заполнял половину экрана — черная воронка, такая темная и глубокая, что я

поежился. Остатки ракеты представляли собой раскаленную красную точку, летящую в бездонную глотку. Но сейчас я видел кое-что другое — несколько менее ярких точек, размещенных по периметру круга.

— Что это?..

— Можете навести телескоп на одну из них?

Дыша глубже, чтобы уменьшить дрожь в ладонях, я вывел одну из этих точек на центр экрана. Покрутил тумблер увеличения. Точка стала расти, превратилась в зеленоватое пятно. Это была еще одна машина, точная копия той, что напала на Кена Стара.

— Четверо пришельцев,— прохрипел Стар.— Размешены вокруг пузыря в вершинах тетраэдра. Сторожат проход, а может быть, помогают его расширить. Я уверен, что они пришли из древней вселенной, чтобы захватить плацдарм для атаки на нас.

— Эге!— прервал я его.— Она исчезла?

Экран вновь был пуст. Повернувшись к прозрачному куполу, я увидел, что движущаяся звезда покинула черный круг.

— Светящаяся ракета прошла через ворота,— сказал Стар.— Теперь она не светится, и мы не можем видеть пришельцев. Однако они там.

— А станция по прежнему падает к ним,— сказал я.— Пятно достигло в первый раз одного градуса в диаметре, а теперь, спустя пять часов,— двух. Это значит, что мы прошли полпути. Полагаю, нам осталось три, в лучшем случае четыре часа.

Беспомощный, как Кетцлер, я посмотрел на его изможденное лицо.

— Командор, что нам делать?

Он вгляделся в малиновый мрак.

— У нас есть оружие,— прошептал он.— Оно совершенно секретно, это абсолютное оружие человечества, но вы о нем узнаете. Потому что мы вынуждены его применить. Где Лилит?

— В госпитале,— сказал я.— С ранеными.

Я прицепился к серебристому рельсу и полетел в пространство при нулевой гравитации. Мне было плохо, голова кружилась. Девушка и старый солдат безумно вертелись в моем мозгу.

— Она... Кто она?— прохрипел я.

— Моя племянница,— сказал он.— Младшая дочь Боба. Ее зовут Лилиан Стар, а Лилит Адамс — это она сама придумала. Она и две ее сестры — Хранители Мира. Они избраны стражницами абсолютного оружия.

Я почувствовал страх, холодный как черное пространство за прозрачным куполом.

— Я чувствовал в ней что-то необычное,— сказал я.— Так она не медсестра?

— Медсестра,— сказал Стар.— Она говорит, что должна испытывать интерес к людям, чтобы уравновесить тяжесть этого разрушитель-

ного оружия. Она занимается медициной и ведет исследования с группой, которая разработала сыворотку. Она испытывает ее на Жиле Хабибуле.

Меня захлестнул стыд.

— А я им дал от ворот поворот!— горько вздохнул я.— Когда они прилетели на корабле Скаббарда, я не пустил их, потому что не поверил в слова Хабибулы, что он любит машины.

— Это легенда,— сказал Стар,— однако Хабибула и впрямь неравнодушен к машинам.

— Почему они не сказали мне правду? Люди Скаббарда могли их убить!

— Они гораздо более компетентны, чем выглядят внешне,— ухмыльнулся Стар.— Они неплохо сумели проникнуть на борт станции, никого не скомпрометировав.

— А что это за оружие, сэр?

— Кодовое название — АККА. Это все, что вам нужно о нем знать.

Держась за холодный хромированный рельс, я взглянул в сторону купола. Нечто чужое, как само пространство, заставило меня затаить дыхание.

— Оно... оно достаточно надежно?

— Оно абсолютно, во всяком случае, в нормальном пространстве. Одной угрозы применения его триста лет назад было достаточно, чтобы свергнуть Империю Ульмаров и Пурпурный Холл. Одного удара в прошлом веке хватило, чтобы уничтожить спутник Земли и окопавшихся там медузиан. Но я не знаю, что случится, когда мы попробуем применить его здесь.

Он с тревогой посмотрел в сторону купола.

— Вы можете позвать Лилит отсюда?

Я попытался вызвать ее, однако смутьяны, видимо, повредили интерком.

— Доставьте ее сюда. Хотя Зеленый Холл против любых попыток неспровоцированного использования этого оружия, я думаю, что пришло время собрать его.

Станционный госпиталь вращался в секции при половинной тяжести, чуть ли не в самой верхней коре астероида. Запыхавшись от бега, я влетел в лифт. Старый Хабибула встретил меня с протонным пистолетом. Я и не подозревал, что он носит его при себе.

— Простите, капитан,— сказал он, ощупывая меня взглядом.— Что вам угодно?

— Командор Стар вызывает сестру Адамс в северный купол,— пробормотал я.— Настало время, говорит он, собрать оружие.

— Выходит, Кен посвятил вас!— прошептал он.— Ну что ж, прекратим играть в глупые игры. Я уже сказал Лиль, что мы слишком долго ждали, когда эти ужасные пришельцы сделают дружественный жест. Погодите, я приведу ее.

Он поплелся в госпиталь и вернулся вместе с Лилит. Она повернулась, чтобы улыбнуться своим пациентам.

— Все уснули,— прошептала она.— Думаю, они поправятся...

— Если эта ужасная машина даст им время!— пропыхтело старый Хабибула..— Кен говорит, пришло время нанести удар. Ради сладкой жизни, не будем терять время!

Она не стала спешить и предложила мне первому идти к лифту. Войдя в кабину, я повернулся и взглянул на нее. У меня даже в горле заныло — настолько она была красива. Словно богиня космического правосудия, серьезная и непреступная.

— Прошу...прошу простить меня,— запинаясь произнес я.— За то, что отослал вас вместе со Скаббардом. Я... я не знаю, зачем это сделал.

Она смотрела на меня и глаза ее улыбались.

— Вам и не полагалось ничего знать.

— Вы... вы будете мне доверять?

— Я спросила, как вас зовут.— Огонек погас в ее глазах.— Я узнала, что вы — Ларс Ульмар. Я вспомнила, что дважды Хранитель Мира была похищена предателями из Ульмаров. Я не хочу быть третьей.

Я ничего не сказал, но покраснел до корней волос.

— Прости, Ларс.— Лицо ее потеплело.— Мы будем доверять тебе.

Мы вышли из лифта. Я помог ей ухватиться за скобы троса, и мы понеслись по темному пространству полого астероида.

— А как же помощник Скаббарда и два астронавта?— Я повернулся и взглянул на Лилит. Она летела, глядя на купол, словно видела наших неведомых противников, ожидавших своего часа на Краю Света.

— Ты разделалась с ними с помощью секретного оружия?

Она молча кивнула.

— И чертовски хорошо это сделала!— прошептал старый Хабибула.— Лиль имеет все права на самозащиту. Даже теперь, когда тайну разделили с ней ее сестры, быть Хранителем Мира, очень непросто.

В красном освещении купола я вручил Лилит и старому Хабибуле ракетки. Она остановилась у входа, глядя на черную воронку Аномалии, лицо ее было напряженным, суровым и бледным. Кен Стар подлетел к нам.

— Ты совершенно уверен, Кен?— встретила она его вопросом.— Это же страшное решение — ставить на кон целые миры. Ты знаешь, что они могут сделать с нами? Ты уверен, что другого выхода нет? Ты уверен, что или мы, или они должны умереть?

— Можешь заверить Зеленый Холл, что мы исчерпали все попытки,— хрипло ответил он.— Мы не получили ответа на наши сигналы. Они совершили неспровцированные нападения. Их оружию мы не можем противостоять ничем более мощным, чем АККА.

— Но радио и лазерофон в условиях Аномалии ненадежны,— сказала она.— Почему ты уверен, что они не знают о наших попытках связаться с ними?

— Не уверен,— хрипло сказал он.— Однако мне кажется, что мы в достаточной мере продемонстрировали терпимость. В конце концов, мы еще хотим выжить...

Но тут его прервал тревожный сигнал компьютера.

— Смерть моя,— пропыхтел Жиль Хабибула.— Что это?

Взглянув на пузырь тьмы, я увидел еще одну светлую искорку, ползущую в него тем же путем, что и мятежники. Мы взмыли к электронному телескопу и я вывел его изображение на экран — неровная зубчатая поверхность, выступающие края тускло сияли. Я узнал форму гроба.

— Это один из этих странных железных астероидов,— сказал я.— Последний. На электронной карте он был между нами и пузырем. Я думаю, что его затянет раньше нас.

— Он дает достаточно света,— сказал Кен Стар, требовательно взглянув на Лилит.

— Мы можем видеть четыре боевые машины, размещенные на вершинах тетраэдра вокруг пузыря. Я думаю, это не пузырь, а ворота, через которые они пришли. Думаю, ты можешь с ними справиться.

— Пока нет.— Передвигаясь с недюжинной сноровкой при нулевой гравитации, она снова посмотрела на темное пятно. В глазах ее не было испуга.— Я еще не уверена. Дело в том, что станция — явный артефакт. Судьба мятежников говорит о том, что мы находимся в пределах действия их оружия. Они на нас не нападают.

— Во имя жизни, Лиль!— прохрипел старый Хабибула.— Они затягивают нас в этот ужасный туннель, возможно в другую вселенную! У нас осталось несколько жалких часов. Разве этого недостаточно, чтобы нанести им удар? Неужели ты не видишь, что нам грозит смертельная опасность?

— Ты знал, что эта работа опасна, Жиль.— Она улыбнулась.— И все-же согласился на нее.

— Чтобы спасти мою смертную жизнь!— засопел он.— Меня убивает старость!

Она повернулась ко мне.

— Капитан, надо попытаться дать им сигнал.— Голос ее, привыкший к абсолютному повиновению, делал ее еще более похожей на богиню.— Попробуйте послать самый простой сигнал самым мощным лазерным лучом. Начните с серии квадратов. Одна вспышка. Четыре. Девять. И так далее. С помощью любых приборов, какие есть, следите, не ответят ли они.

— Лиль, не надо!— прохрипел старый Хабибула.— Ты напрашиваешься на страшную смерть!

Но ее властный приказ не оставил мне другого выбора. Свечение астероида, проваливающегося в пузырь, усиливалось, и я включил главный

лазер. Переключив компьютер на ручное управление, я дал ему одну вспышку.

Глядя на угловатую тень пришельца, я увидел бледное зеленоватое мерцание. Затем экран опустел. Красные приборные лампочки погасли. Хромированный поручень задрожал под моей рукой. По станции прокатился тихий гул.

— Ну как, Лиль?— спросил тихим голосом Жиль Хабибула.— Получила ответ?

— Этого достаточно,— сказала она.— У нас нет выбора.

Этот выстрел — десять миллиграмм материи, выпущенные, быть может, со скоростью в одну десятую световой, разорвали бронированную скорлупу ледяного астероида и вывели из строя нашу силовую установку. Станция несколько секунд была мертва. Лишь свет далеких звезд проникал сквозь прозрачный купол. Слышался только далекий рев вырывающегося наружу воздуха.

— Поспеши, Лиль!— пыхтел старый Хабибула.— Они могут выстрелить еще раз! Зачем ты обещала мне это драгоценное бессмертие? Чтобы меня убили, как загнанную крысу?

— Спокойно, Жиль,— прошептал Кен Стар.— Не мешай ей!

Однако Лилит, казалось, не обращала на нас внимания. Она действовала очень быстро и проворно. Детали ее оружия были очень маленькими и простыми на вид. Она соединила железный гвоздь с мотком проволоки — их достал из кармана старый Хабибула,— две-три булавки из прически, платиновое кольцо — красноглазая ухмылка тусклого черного черепа заставила меня содрогнуться.

Через несколько секунд оружие было собрано.

Держа его в вытянутой руке, она направила его на пятно среди звезд и двинула большим пальцем, прижимая конец заколки к платиновому кольцу. Мертвая голова уставилась на меня. Задрожав, я отвернулся и посмотрел на железный астероид, превратившийся в крошечную желтую звезду. Я и сам не знал чего жду — быть может, какого-нибудь необычного взрыва, и повернулся к электронному телескопу. Зеленоватое свечение пришельца было ярче, но ничто больше не изменилось.

Старый Хабибула тихонько застонал.

— Не действует...

Голос Лилит звучал надломлено. Она была разбита, властность исчезла. Она плакала как обиженное дитя.

— Я... я не знаю, почему...

ЗАПАСНАЯ ДВЕРЬ НА КРАЮ СВЕТЕ

Я почувствовал холодный страх. Один миг мне казалось, что прозрачный купол раскалился и вытягивает нашу жизнь. В призрачном сиянии приборов старый Хабибула, Лилит и Кен Стар казались тусклыми привидениями, плавающими вокруг меня.

Сквозь стену купола на нас глядела сама враждебность. Естественная вселенная, туман, стужа и звездная пыль внезапно стали такими же страшными, как и эта Чудовищная воронка в Аномалии. Вцепившись в блестящий хромированный поручень, я вжал голову в плечи, Глядя в таинственную и бездонную бесконечность пространства.

Мы были совершенно одни.

— О!— вздохнула Лилит рядом со мной.— Нет...

Пытаясь обеими руками навести на цель абсурдно маленькое оружие, она поплыла в пространстве при нулевой гравитации. Затем она испугано вцепилась в поручень.

Я подлетел поближе и взял ее за руку.

— Спасибо, Ларс...— Она схватила мою руку.— Ты мне нужен.

Несколько секунд мы держались за холодный поручень, глядя на чудовищный образ враждебной машины. Я все еще надеялся, что оружие ее каким-то чудом сработает, все еще гнал от себя мрачные предчувствия. Однако ничто не могло изменить эту сияющую тень.

— Они даже не стреляют в ответ.— Лилит развернулась в воздухе лицом к Кену Стару.— Я не понимаю,— горько произнесла она.— Почему у меня ничего не получилось?

— Вероятно, тут виновата Аномалия,— тихо ответил он, сломленный отчаянием.— Пространство здесь иное. Здесь иные воздействия света, другие радиоволны и гравитация. Возможно, это повлияло на твое оружие.

— Возможно.— Она безнадежно кивнула, ее ладонь была ледяной.— АККА осуществляет искажение пространства, в котором не может существовать материя. Если Аномалия способна противодействовать...

Она замолчала. Двигаясь как машина, она разобрала на части бесполезное оружие и надела кольцо на палец. Уродливый череп сверкнул красным, зловеще подмигнув ей.

Я почувствовал как она дрожит.

Мы держались за поручень, глядя, как воронка глотает северные звезды. Хотя я и не видел, как она растет, с каждым взглядом она казалась все больше и больше. Белая точка светящегося железного астероида плыла в ее центр, опережая нас.

Старый Хабибула жалобно застонал.

— Жиль, ты знаешь машины,— произнес вдруг Кен Стар.— Скажи, как остановить эти машины?

— Моя драгоценная жизнь!— Жиль дрожал в красноватом сумраке.— Допустим, я знаю машины, но это совсем не те машины! Я уважаю машины, которые построены с какой-то целью, которую я способен понять. Однако эти машины — подлые, злые!

Их неведомые мастера ничего хорошего для нас не замышляли.

Рука девушки задрожала в моей ладони.

— Никакой надежды,— прошептала она.— Мы ничего не можем сделать...

— Быть может... что-нибудь и удастся!— Меня охватило возбуждение.— Командор... командор Стар.— Я попытался сдержать дрожь в голосе.— Я думаю можно попытаться кое-что сделать. Это почти безнадежно, но все же лучше, чем ждать, когда нас, как этот булыжник, затянет в Край Света.

Его жесткие глаза посмотрели в мою сторону.

— В чем дело, капитан Ульмар?

— Я производил расчет курсов этих астероидов несколько месяцев назад. Результаты до сегодняшнего дня почти ни о чем не говорили. Однако сейчас мне кажется, что ваша теория их объясняет. Мне кажется, я знаю о черном ходе на... Край Света.

Отцепившись от холодного поручня, он направился ко мне.

— Интересно!

— Мы следили за этими камнями,— сказал я,— с момента их появления. И до момента исчезновения. Я вводил данные в компьютер для поиска общих элементов. Появление камней ни о чем не говорило — они выходили с разными скоростями и с разных направлений. Но курсы исчезающих камней образуют конус менее градуса в поперечнике, и движутся они примерно с одинаковой скоростью.

Лилит вцепилась в мою руку.

— Я хочу влететь на ракете в этот конус,— сказал я.— Если наша теория верна, я думаю мы сможем проникнуть в этот пузырь, не подвергнувшись стерилизации. А там — кто знает, может быть предоставиться шанс нанести удар. Слабый шанс, однако все же лучше, чем просто ждать смерти.

Он парил, глядя на меня. Глубоко запавшие глаза светились красноватыми огнями, как у черепа на кольце Лилит. Мне пришлось отвернуться.

— Я не вижу никакого шанса. Разве смутьяны не вывели из строя спасательную ракету?

— Я имею ввиду капсулу, на которой прибыли сюда Лилит и Хабибула.

— А что удержит пришельцев от расправы с вами, как со смутьянами?

— Я буду маневрировать за ледяным астероидом,— сказал я.— Наберу скорость и включу дюзы перед самым рывком. Они меня не заметят.

— Или заметят.— Он безжалостно ухмыльнулся.— Какое оружие вы возьмете с собой?

— Это проблема,— сказал я.— Мятежники повредили наши протонные орудия. Лучшее, что приходит в голову,— пара тонн катодных плат из атомной установки станции, импровизированный детонатор...

— Чтобы превратить капсулу в ядерную бомбу?— Он медленно кивнул.— Вы вызываетесь пилотировать такой снаряд?

— Попытаюсь,— сказал я, повернувшись к куполу. Астероид светится ярче и ближе к центру.— У нас осталось не больше трех часов.

— Ларс!— Лилит судорожно вцепилась в меня — Ларс...

Я пожал ее руку и отстранился от нее.

— Пошлите Хабибула.— Я направился прочь из купола.— Если вы так хорошо разбираетесь в машинах, вы поможете мне соорудить детонатор для катодных плат...

— Погодите, Ульмар.— Голос Кена Стара остановил меня.— Я одобряю общее направление вашего плана, но только потому, что это лучше, чем вообще ничего. Однако некоторые детали мне не нравятся.

— Да, Сэр?— Я послушно остановился и повис во тьме над сияющими, как вишни лампочками.— Рад выслушать ваши предложения, сэр.

— Предлагаю изменить план в двух местах,— сказал Стар.— Во-первых, капсулу поведу я...

— Сэр!

— Слушайте, капитан!— рявкнул Кен Стар.— Вспомните о своих обязанностях. Может быть, станция и повреждена, но она находится под вашим командованием. Вас никто не освобождал...

— Сэр, вы можете освободить меня...

— Могу, однако не сделаю этого.

— Но, сэр, вы не пригодны для столь отчаянного мероприятия. Вы уже истощены...

— Лилит сделала мне укол. Учитывая сущность этой миссии, я более пригоден, чем вы. Я провел большую часть жизни, изучая эту Аномалию.И я с радостью воспользуюсь возможностью посмотреть что находится по ту сторону.

— Сэр, это... это самоубийство!

— Это ваша собственная идея, капитан. Я старше вас по званию. Я поведу капсулу. И я внесу еще одно изменение в ваш план.

— Да, сэр,— пробормотал я.— Какое же?

— Я не уверен, что самодельная атомная бомба способна хоть сколько-нибудь повредить технологии, которая открывает ворота. Я намерен взять более надежное оружие. Со мной полетит Жиль Хабибула...

— Ва-а-а-а-а-х!— Надрывный крик отразился жалобным эхом от призрачного купола.— Я не хочу быть смертельным оружием! Я мирный

ветеран! Я сейчас даже не состою в легионе! Я прилетел на Край Света, чтобы обрести бессмертие и юность, а не для того, чтобы умирать в чужой вселенной.

— Жиль, я слышал твои заявления.— Кен Стар ухмыльнулся, словно маленький черный череп.— Ты говорил, что ты более надежен, чем любая другая машина. Жду тебя на борту через пятнадцать минут.

— Ради драгоценной жизни, я... я...— Жиль Хабибула неуверенно поплыл в воздухе, моргая в сторону Кена Стара.— Да, сэр,— засопел он.— Я буду на борту.

Лилит взяла Кена Стара за руку.

— А можно мне с тобой?— прошептала она.— Может быть пространство за Аномалией будет другим, и там мое оружие будет действовать?

— Оставайся здесь,— сказал он, покачав головой.— Мы не знаем, есть ли на той стороне мишень, и не уверены, что сможем применить там АККА . Твоя обязанность бдительно охранять оружие.

Я услышал, как у нее перехватило дыхание.

— Я буду охранять его.— Я заметил краем глаза красно-черно-платиновую вспышку, когда она взглянула на смертоносное кольцо.— Я буду охранять его бдительно.

Кен Стар повернулся ко мне.

— Капитан, капсула готова?

— Она будет готова через пятнадцать минут, сэр,— пообещал я.

Транспортный трос теперь, после выстрела с корабля-пришельца, был для нас бесполезен. Пришлось покинуть купол по аварийным трубам, и мы обнаружили, что автоматика перекрыла большинство из них.

Станция была основательно искалечена. Микроснаряд взорвался словно маленькая сверхновая. Взрыв оставил огромный кратер на поверхности астероида. Ударная волна разбила повсюду оборудование. Половина кольца полной гравитации была превращена в обломки. Добрая четверть станции была заражена радиацией.

Однако капсула осталась невредимой. Оборванные трубы для снабжения можно было восстановить, и в отчаянной спешке, за какие-нибудь четверть часа, мы загрузили капсулу топливом, воздухом и водой, а также провиантом из неприкосновенного запаса. Старый Хабибула, жалобно кряхтя, принес такой груз вина и икры, который раздавил бы его при полной силе тяжести.

Лилит вместе с Кеном Старом пришла в шлюз. Стоя возле шлюзового монитора, я смотрел, как они прощаются. Он быстро поцеловал ее. Она что-то прошептала. Он шагнул в шлюз и остановился, крикнув ей:

— Стереги оружие как следует. Попробуй еще раз. В плен не сдавайся!

— Верь мне, Кен.— На ее лице осунувшемся и бескровном, появилась чуть ли не ребяческая улыбка.— Я этого не допущу.

— Берегите ее, капитан,— кратко обратился он ко мне.— В прошлом, случалось, Хранителей Мира теряли. Этого больше не должно случиться. Безопасность АККА — это ваша новая обязанность.

— Да, сэр!— Я отдал честь.— Понял, сэр.

Двигаясь быстро, чуть ли не в спешке, он прошел в люк капсулы и задраил его изнутри.

— Жаль...— прошептала Лилит,— жаль, что мы не с ними.

Я ничего не сказал. По крайней мере, у них была возможность узнать, что находится по ту сторону Аномалии. У нас подумал я, вообще нет никаких шансов, однако не было нужды говорить об этом. Я молча взял Лилит за руку. Ладонь ее была холодна и безжизненна.

Внутренний люк захлопнулся. Взревели насосы. Наружный люк открылся менее чем наполовину и быстро захлопнулся.

— Подожди,— сказал я Лилит,— пойду посмотрю, что можно сделать.

Я забрался в спасательный скафандр и вылетел через вспомогательный люк. Я обогнул капсулу и обнаружил, что наружный люк придавлен куском пластиковой искореженной трубы — спицы от кольца полной гравитации.

В отчаянной спешке, используя инструменты, предназначенные для неторопливого осторожного ремонта тонкого оборудования, я разрезал пластиковую трубу. Осталось перерезать оголенные стальные тросы. Они оказались слишком толсты для моего резака, даже для горелки. Прошли драгоценные минуты, прежде чем я смог их перерезать.

Оказавшись снаружи, я увидел, что от пришельцев нас заслоняет только изуродованное кольцо полной гравитации. Не включая лазерофона из опасений вызвать еще один выстрел, я прижался шлемом к капсуле и криком предупредил Кена Стара, что пришельцы могут увидеть огонь из его дюз.

Он дал мне отвести капсулу за ледяной астероид и там включил двигатель. При этом я потратил слишком много топлива из своего ранца. Когда он включил лазерофон и сообщил, что включает дюзы, я едва-едва толкал капсулу.

Рвущие струи двигателя зацепили меня и понесли к станции. Летя во тьме я заметил жуткую тень Аномалии.

Машины-пришельцы были слишком далеко, и я не видел их, но зловещая воронка тьмы поглотила уже много покрасневших звезд. Железный астероид, попавший в ловушку, светился еще ярче, он был еще ближе к жадной глотке и летел впереди станции.

Хотя этот взгляд на Край Света заставил меня похолодеть, я понимал, что окружающий меня вакуум не менее смертоносен. Управлять полетом я был не в силах и поэтому пролетел мимо ледяного астероида. Летя в пространстве, у меня было время подумать, совпадают ли мое направление и скорость с теми, которые необходимы, чтобы попасть в конус Края Света, или нет?

Затем меня яростно захлестнуло металлическое щупальце.

АНОМАЛИЯ ВО ВРЕМЕНИ

Потрясенный и изумленный, я схватился за щупальце. В следующий миг я понял, что это трос с разбитого кольца полной гравитации. Хотя половина кольца была оторвана разрывом микроснаряда, вторая половина по прежнему вращалась вокруг астероида.

Трос вырывался, выскальзывал из перчаток. Я держался изо всех сил — собственно, сейчас я пытался удержать в руках собственную жизнь. Держался до тех пор, пока не прекратился мой неуправляемый полет. Потом, преодолевая центробежную силу, действующую как тяготение наоборот, я медленно стал подтягиваться к оси разбитого колеса.

На это ушло очень много времени.

Хотя мне удалось зацепиться относительно недалеко от точки половинного тяготения, сам костюм был не менее тяжел, чем мое тело. Я полз и останавливался, полз и останавливался.

За все годы, проведенные в космосе, я не смог преодолеть страшной иллюзии, оставшейся с того момента. Астероид висел над моей головой словно тускло освещенная глыба. Извивающийся трос уходил, казалось в недра черного колодца. Звезды вертелись, вертелись, вертелись вокруг меня, пока меня не стало тошнить.

На севере единственным стационарным полюсом вращающейся вселенной была Аномалия. Черная глотка охраняемого прохода каждый раз, когда я глядел на нее, казалась крупнее, желтая глыба плененного астероида ярко светилась, провалившись в нее.

Южнее Кен Стар маневрировал капсулой под прикрытием ледяного астероида. Один-два раза я видел голубую вспышку дюз на фоне звездного пространства. Затем потерял их из виду. Потом увидел, что они возвращаются — слабый голубоватый огонек, а в центре его — черная точка капсулы.

Она пролетела мимо, когда я полз по тросу. Голубое сияние погасло. Среди мигающих звезд промелькнула тень — как раз подо мной. Дюзы были выключены, капсула стала невидимой.

Вцепившись в трос, я посмотрел ей вслед, на Аномалию. Я ждал, дрожа от страха, когда воронка осветится вспышкой выстрела. Я ждал, когда, попав в поле стерилизации, капсула превратиться в новую звездочку.

Однако ничего подобного не случилось.

Мускулы мои дрожали от напряжения. Я лез преодолевая усталость. Хотя силы, мои таяли, свирепая центробежная сила уменьшалась по мере моего приближения к центру вращения. Мои ранцевые дюзы не работали, и мне пришлось совершить рискованный прыжок со сломанного колеса на одну из ступиц, по которой можно было добраться к люку.

Я ухватился руками за край изуродованной пластиковой шахты и держался за него, пока не сумел подтянуться и забраться внутрь. Дополз до люка, открыл его, закрыл и упал на палубу, едва не потеряв сознание от изнеможения.

Некоторое время я лежал, собираясь с силами, затем проник во внутреннее помещение станции, снял скафандр и отправился искать Лилит. Я звал ее, но она не откликнулась.

В разрушенной станции царила грозная тишина. Я слышал, как в висках пульсирует кровь. Меня охватила тревога. Схватив ручную ракетку, я понесся по ступице, хрипло выкрикивая ее имя.

Она не отвечала, однако приглушенный плач привел меня в ближайший шлюз, тот, через который бежали мятежники. Она лежала лицом вниз на груде космических инструментов, которые смутьяны оставили на палубе.

— Лилит!

Дрожа и плача, она, казалось, не слышала меня. Но я заметил порывистое движение, вспышку красного, черного и платинового цветов. Мне показалось, что она пытается испробовать на мне свое оружие. Затем я все понял и онемел от страха.

— Лилит! Не надо!

Оттолкнувшись от стенки отсека, я бросился на палубу. Я растянулся на ней, вцепился в кисть и оторвал ее ладонь от зубов.

Она сопротивлялась с яростью тигра и едва не одержала верх. Я еще не оправился от приключений в космосе, а ее учителя-легионеры неплохо ее натаскали. Она почти поднесла ладонь к губам. Чтобы остановить, я поцеловал ее.

— Ларс?

Она произнесла мое имя с невыразимым изумлением. В следующую минуту она поникла в моих объятиях и вновь расплакалась. Она не дотянулась зубами до черного черепа. Красные глаза его насмешливо и неподвижно смотрели на меня.

— Лилит...— Тяжело дыша, я поборол импульс бросить кольцо в воздухопровод.— Это всего лишь я. И все не так...— Я не договорил.

— Тебя так долго не было.— Глаза ее, широко раскрытые и темные от пережитого, смотрели на меня.Я думала ты пропал в пространстве. Когда я услышала, как кто-то движется, я испугалась... Я думала, это пришелец пришел за мной...

Она вцепилась в меня, дрожа и плача.

— Ларс! Ларс! я ужасно рада, что это ты!

Я опять поцеловал ее, на этот раз не для того, чтобы остановить ее. Вскоре она тихонько смеялась в моих объятиях.

— Капитан Ульмар, главная ваша обязанность — обеспечить безопасность АККА.— В голосе ее звучала насмешка — она передразнивала приказ Кена Стара.— Мне нравится, как ты это делаешь. Ты спас мне жизнь и снова сделал меня человеком.

Я держал ее, живую и чудесную, в своих объятиях.

— Никогда... не смей себя убивать!— Слова давались мне столь болезненно, что я произносил их шепотом.— Об этом позаботятся пришельцы,— печально сказал я.— И очень скоро, если Кен и Жиль не превзойдут самих себя.

— Не говори об этом. Давай забудем.

Мы пытались забыть об этом. И почти забыли ненадолго. Однако тишина станции звучала громче любой сирены, а наши стучащие сердца напоминали шаги рока. Властный страх загнал нас обратно в купол обсерватории.

Мы находились в глубине Аномалии. Черная воронка закрывала половину северных звезд. Я осмотрел ее с помощью электронного телескопа, но машин-пришельцев не обнаружил. Я знал, что они близко, однако у нас не было возможности их увидеть. Когда они будут стерилизовать астероид, уныло подумал я, они вновь станут видны, но не для нас.

— Ларс! Они стреляют!

Съежившись за моей спиной в мрачном красном сумраке купола, Лилит указывала вверх. За прозрачной стеной, в огромном и бесформенном дне пространства, я увидел внезапную голубую вспышку.

— Это стерилизующий выстрел!

— Я... я так не думаю.— У меня перехватило голос от облегчения.— Я думаю, это тормозные дюзы капсулы.

— Жиль и Кен?— Она смотрела на меня — призрачная и обожаемая тень в безжизненной ночи.— Неужели они возвращаются?

— Ты можешь их вызвать? Узнать, как у них дела?

— Я не хочу рисковать,— сказал я.— Любой наш сигнал может навлечь новый выстрел. Однако это капсула. Она тормозит, чтобы причалить к нам.

Мы ждали в ступице, пока капсула пристыкуется. Мотор, отодвигающий внешний люк, молчал, но я был готов проникнуть через дополнительный шлюз и отворить люк вручную.

В отсек заревел воздух. Расстегнув скафандр, я обогнул капсулу и помог открыть люк. Тот откинулся с ржавым скрипом. Из капсулы высунулась голова — морщинистая, белобородая, старая. Глубоко запавшие глаза с тревогой взирали на меня.

— Ларс Ульмар,— прохрипел Кен Стар, невероятно худой, невероятно древний.— Вы все еще ждете?

— Конечно.— Я схватил его за пергаментную кисть.— Позвольте, я помогу вам, сэр.

Он позволил мне вывести его из капсулы. За ним прошел старый Хабибула, и его кожа была гладкой и розовой, как у Лилит. Глаза цвета гальки дико выпучились, когда он увидел ее и меня.

— Ларс!— просопел он.— Лиль! Мы смертельно рады найти вас здесь... живых! Когда мы увидели, что станция не отремонтирована, мы

подумали, что ее покинули. Прищурясь, он поглядел на нас и покачал безволосой головой.

— Неужели вас здесь оставили?— прохрипел он.Одних на этом несчастном обломке? Или не пришел корабль обеспечения? Неужели все это смертельное время вы находились здесь, как в ловушке?

Опершись на руку Лилит, словно нуждаясь в поддержке даже при нулевой гравитации, Кен Стар глядел запавшими яркими глазами то на нее, то на меня.

— Сколько времени... сколько времени мы отсутствовали?

— Два часа.— Я взглянул на часы.— Может, немногим больше.

— Два смертельных часа!— повторил изумленный Хабибула.— Ты смеешься над нами! Мы столько страдали, столько бед перенесли, так долго ждали,— а ты смеешься над нами!

Вспыхнув от негодования, он замолчал.

— Мы только что выбрались из Аномалии. Мы перенесли столько опасностей, что у тебя могла бы кровь застыть в жилах. Эти отчаянные годы мы жили на синтетической пище и железном упорстве. Против всего коварства этой зловещей вселенной мы могли противопоставить только наши драгоценные мозги.

Он вновь засопел.

— А теперь ты встречаешь нас глупыми шутками!

— Я не понимаю... но это не шутка, Жиль.— Я взглянул на сгорбленного старика, Кена Стара.— Мы следили за временем, потому, что у нас его осталось слишком мало. Станция по прежнему падает на Аномалию. Я не думаю, что у нас остался хотя бы один час.

Старик по птичьи кивнул. Повязка, которую носил более молодой Кен Стар, исчезла, однако я видел тонкую сероватую линию зигзагообразного шрама, пересекающего пергаментный лоб. Старый шрам, оставшийся с очень давних пор.

— Там, где мы побывали, время течет по-другому,— сказал он.— Я не могу понять, насколько по-другому, но моя теория это объясняет. В смещенных пространственно-временных координатах мгновения здесь соответствуют столетиям там. Большую часть времени мы не располагали часами, лучшими, чем наши собственные тела, однако, видимо, за пределами Аномалии прошли многие месяцы...

— Смертельные годы!— взвыл старый Хабибула.— И сколько этих лет я не знал драгоценного вкуса вина и икры!

— Если вы проникли за Аномалию,— в голосе моем звучала тревога,— нашли вы способ защиты? Обнаружили вы способ остановить пришельцев?

— Мы узнали страшные вещи!— Старик угрюмо кивнул.— То, что мы узнали, указывает путь к спасению — возможно, даже для нас. Но я считал, что этот черный проход уже давно закрыт.

В его запавших глазах был страх.

— До тех пор, пока он открыт, нам грозит отчаянная опасность!— Он схватил меня за руку проворной желтой клешней.— Проведите нас в центр управления, и быстро. Нужно взглянуть... если еще осталось время. Мне казалось, эта Аномалия во времени нас перехитрила.

ЧУДОВИЩНАЯ МАШИНА

Мы вернулись в цилиндр управления, укрытый в ядра ледяного астероида. Я помогал Стару идти и остановился, печально вздохнув, когда увидел проекцию электронной карты на круглой южной стене.

Это чудовищное существо уже пожрало почти половину карты. Зигзагообразные пурпурные ноги дотягивались до нас и уходили дальше. В глубине его выпученного брюха находился зеленый яркий круг.

— Она ужасна!— Лилит вцепилась в мою руку.— Что это означает?

— Компьютер преобразует данные наших приборов в эту картину Аномалии,— сказал я.— Паутина — на самом деле силовые линии магнитных полей. Ноги — гравитационные вихри, один из которых подхватил нас. Брюхо — участок, где наши приборы не действуют. Именно там пришельцы открыли ворота...

— Капитан,— резко вмешался Кен,— давайте попробуем настроить телескоп. Мы летели вслепую — не астронавигация, а удача вывела нас на станцию. Мне бы хотелось узнать, что там творится.

— Можно попытаться,— сказал я.— Однако наши лазеры и радары не действуют, а телескопу требуется источник света...

— Попробуйте,— сказал настойчиво старик.— Думаю, свет там будет.

Я приблизился к панели управления телескопом. Мы стояли и смотрели на северную стену. Свет — туманные, размытые контуры звезд — был явно недостаточным. А центр Аномалии оставался черным.

— Там воронка, сэр,— сказал я Кену Стару.— Пока нет света, мы не увидим машин.

— Погодите.— Кен Стар затаил дыхание.— Там будет свет.

И свет появился. Тонкое бледное перышко выплыло из-за края воронки и понеслось к центру. За ним второе. Метеоры росли, увеличивались в числе.

— Это осколки, которые отбили от станции их микроснаряды,— сказал Стар. По пути туда вы встретили метеоритное облако. Они дадут достаточно света, чтобы мы могли заметить эти машины.

Секунду я стоял, не дыша. Воображение мое слишком разыгралось. Эти точки и перышки — частицы нашего собственного астероида, летящие перед нами в невообразимую бездну. Мы слишком близко от них.

— Капитан!— произнес Стар громче.— Прежде чем их свет погаснет...

Хотя пальцы не слушались меня, я нашел зеленоватый образ пришельца, находящегося к северу от Аномалии. Он двигался, дрейфовал к югу. Когда стало светлей, мы увидели три другие зеленоватые тени, стоящие на страже этой черной бездны.

— Этот объект,— сказал Стар еще громче.— Мы движемся навстречу. Можно улучшить изображение?

— Нельзя, пока не станет светлей.

При этом скудном освещении огромные вражеские машины казались крошечными зеленоватыми пятнышками. Поначалу ничего другого я не видел. Затем я увидел смутно пятно, появившееся перед нами из тьмы. Вспыхнула новая искра, и это понятно стало отчетливым.

Я слышал, как вздохнула Лилит.

— Машина,— произнесла она.— Корабль!

— Мать всех машин!— прохрипел со стороны дверного проема Жиль Хабибула.— Она преследовала нас, когда мы пробирались из этой вселенной.

Машина состояла из восьми подобных шаров, соединенных вместе. Веретенообразная, она суживалась к концам. Три изогнутые трубы представляли собой обойму для шаров. Я вздрогнул, какой она показалась мне чужой и огромной.

— Должно быть, она очень велика!

Я пытался представить, насколько велика. Если те серозеленые мотыльки, летящие ей навстречу, в сотни раз превосходили крейсер Легиона, то она, видимо, в сотни раз превосходила их самих.

— Она смертельно велика!— Прохрипел старый Хабибула.— Это чудовищная мать кораблей!

Я недоверчиво повернулся к Кену Стару.

— Это действительно корабль?

— Скорее, космическая крепость,— сказал он.— Не меньше десяти миль от носа до кормы, если можно так выразится. Средний шар мили две в диаметре, и вы даже вообразить не в силах, чем он заполнен.

— Вы хотите сказать?..

Он кивнул.

— Мы были на борту.— Он вцепился в белую бороду.— И достаточно долго, чтобы она успела отрасти.

— Годы!— просопел старый Хабибула.— Смертельные годы страха и печали!

Он отстал, когда мы направились в цилиндр, и теперь я понял, что он проверил целостность своего багажа. Карманы его куртки

оттопыривались, а в детской ладошке он держал открытую бутылку редкого земного вина.

— Что вы хотите сказать?— Глядя на растущее изображение огромного чужого веретенообразного корабля, я повернулся к Кену Стару.— Что вы там открыли?

— Погодите капитан.— Он поднял желтую кисть.— Я хочу посмотреть.

Осторожно продвигаясь, как заправский космонавт, старый Хабибула приблизился к столу. Аккуратно поставил бутылку вина. Вытащил из карманов банки с икрой. Мы тем временем стояли и смотрели на увеличивающийся объект.

Мы увидели, как в центральном шаре открылся люк — тусклая темная дырочка. Мы увидели, как четыре искорки приблизились к нему и одна за другой исчезли в нем. Мы увидели, как отверстие закрылось.

— Люк достигает полутора тысяч футов в диаметре,— сказал Стар.— Среди приборов, окружающих его, есть труба, по моим представлениям,— антенна для получения радиосигналов. Этот вход нашел Жиль.

Я с уважением посмотрел на старого Хабибулу. Он открывал банку с икрой. С помощью маленького карманного приспособления, которое можно было использовать как открывалку и как ложку, он отправил черные шарики в рот. Он сглотнул.

— Это было отчаянное предприятие.— Глаза цвета ржавчины сверкнули.— Находясь на службе у Легиона, я десятки раз рисковал драгоценной жизнью. Однако никогда мне не бывало так страшно, как в этот раз!

— Если бы не особый талант Жиля, мы туда не попали бы,— признал Стар.

— Но никогда еще мой гений не встречался с такой опасностью!— простонал старый Хабибула.— Вы знаете, что с помощью моего искусства я сослужил немалую службу человечеству. Я проник в черный город злобных медузиан! Я открыл путь в мир чудовищных кометчиков! Я разгадал подлый замысел Василиска! Однако никогда еще я не подвергался такому испытанию.

Он помолчал, глотнув из бутылки.

— Там, за черной Аномалией, мы попали в жуткую вселенную, которую вы себе представить не можете. Если бы не мой драгоценный гений, мы бы погибли там.

— Даже несмотря на способности Жиля, мы едва не погибли.

Кен Стар стоял, глядя на смутное изображение отвратительной машины. Когда я начал нервно расспрашивать, что он встретил за Аномалией, он оборвал меня раздраженным жестом.

— Мы были слишком долго,— пробормотал он.— Я слишком устал, и слишком многое случилось. Когда я увидел станцию, я надеялся,

что мы оказались в безопасности. Но сейчас, поскольку мы попали в Аномалию во времени, я полагаю, нет смысла вдаваться в подробности.

— Но... Кен!— В голосе Лилит звучал страх.— Неужели нет способа спастись?

— Никакого.— В голосе его звучало глухое отчаяние.— Мы ничего не можем сделать.

— Ваша теория подтвердилась?— настаивал я.— Вы попали в иное пространство-время?

— Я расскажу вам, что смогу,— сказал он.— Однако в другое время.

— Садись, Кен.— Старый Хабибула помахал бутылкой своего драгоценного вина.— Если мы обречены на смерть в стерилизационном луче, словно жалкие вши, давайте не будем умирать от голода!

Мы сели за стол, как в тот раз, в кают-компании. Хабибула пустил по кругу бутылку вина, ревниво следя за нею выпученными глазами. Лилит и я не притронулись к ней. Мы все смотрели не Кена Стара.

— Капитан, мы пошли по предложенному вами пути.— Кен Стар встряхнул бутылку и глотнул.— Выключив дюзы, мы летели со скоростью и в направлении, заданными вами. Через десять минут пришельцы заметили нас.

Наши передние иллюминаторы засияли мерцающим синим свечением. Мы поняли что они облучают нас какой-то черной радиацией — чем-то, что действует в Аномалии. Мы стали ждать микроснаряда или теплового луча.

Я не могу понять, почему они не выстрелили. Может быть, они стреляли — просто мы вылетели в пространство, где их снаряды уже не могли достичь нас. Как бы там ни было, когда мы оказались на полпути к центру Аномалии, погасли звезды. Я тут же вспомнил последние слова в дневнике жены шахтера.

Мы ничего не почувствовали,— продолжал Кен Стар хрустящим, как бумага, голосом, который он, тем не менее, отлично контролировал.—Ни шока, ни удара, ни боли. Но внезапно мы оказались в другой пространственно-временной вселенной...

— Коварное пространство!— просопел старый Хабибула.— Темная страшная вселенная!

Глаза Кена Стара затуманил страх.

— Вначале все было совершенно темно,— сказал он.— Кругом — тьма и пустота. Однако потом с помощью оптики мы увидели две-три далекие галактики — ближайшая была в десятки раз дальше от нас, чем Андромеда от станции. Я думал, мы попали в пустую вселенную...

— И что вы там нашли?

— Смертельную опасность!— Старый Хабибула оторвал взгляд от очередной банки с икрой и взглянул на меня.— Ужасные вещи, способные заледенить душу. Чудовищное зло, более старое, чем все сущее. Ах, это было хуже, чем мир кометчиков!

Кен Стар прервался, чтобы взглянуть на экран телескопа. Он стал темнее. Поток метиоритов, видимо, иссяк — мы не увидели светящихся точек и перышек, летящих впереди нас в бездну. Постепенно невероятная космическая крепость погрузилась во тьму. Экран опустел, погас.

— Но этот ужасный объект еще там!— хрипло закричал старый Хабибула.— Поджидает нас во тьме!

Даже в нашем ярко освещенном цилиндре я почувствовал мурашки на спине.

— И что же вы там нашли?— Я повернулся к Кену Стару.— В этом другом пространстве?

Долгое время мы ничего не находили,— сказал он.Так было темно. Наш радар и лазер поначалу не работали. Позже, отдалившись за пределы Аномалии, мы начали находить объекты.

— Мое оружие!— воскликнула Лилит, побледнев.Могло оно там действовать?

— Я не знаю.— Кен Стар сидел, опустив плечи, выдавая своей осанкой полнейшее отчаяние.— В данном случае, сейчас они находятся по ту сторону.

— Что это были за объекты?

— Железные астероиды,— ответил он.— Наподобие тех, капитан, которые вы наблюдали. Там их великое множество. Включив лазер, мы насчитали их тысячу сто.

Позже мы высаживались на некоторые из них. Это те самые необычные камни. Тот же твердый сплав. Тот же размер — несколько миль в длину. Покрыты той же древней космической пылью.

Он невидяще взглянул на меня.

— Странные камни,— пробормотал он.— Однако один из них вам известен.Несколько лет назад, в ваше время, он прошел через Аномалию. Шахтеры построили на нем город. Потом он улетел снова.

— Вы имеете в виду Магнетит?

— Так они его называли.

— Вы нашли старателей?

Лицо его потускнело.

— Мы высадились там,— сказал он.— Мы провели недели, а может быть и месяцы в поисках следов. Мы нашли пустые здания. Брошенные машины. Даже замерзшие припасы, благодаря которым мы не умерли. Находили записки и дневники, даже кладбище. Это очень мрачная история. Они пытались узнать, куда они попали, и как вернуться назад. Они высаживались на некоторых камнях. Они разрабатывали теории, но никто из них не додумался до истины. У них не было Хабибулы.

— Во имя жизни, Кен!— Старый Хабибула неуютно заморгал.— Не шути со стариком!

— В общем колония обезлюдела много тысячелетий назад,— сказал Кен Стар.— Я не шучу, Жиль. Гибель Магнетита — это не шутка. Он погиб от недостатка энергии. Он не имел солнца. Радиевые и ториевые

запасы давно истощились. Последние выжившие оставили часть этих запасов, чтобы напоследок поискать родную вселенную. Вместо этого они нашли корабль-матку. Она расстреляла их микроснарядами. Последние из них оставили фрагментарные записи на камнях.

Он замолчал. Впавшие глаза смотрели на пустой зеленоватый экран.

— Что за камни?— Я пытался говорить спокойно, однако в голосе звучала хрипота.— Они такие же странные, как Аномалия, как машина. Вы не узнали?...

— Мы узнали, что это за камни.— Яркие запавшие глаза взглянули на меня и обратились обратно на экран, как глаза загнанного зверя.— Когда-то... я думаю, задолго до рождения нашего пространства и времени — они были кораблями!

ЛИЦА ВСЕЛЕННОЙ

В цилиндре управления застыла напряженная тишина. Она прокатилась по разрушенной станции. Обратив невидящий взгляд на карту с изображением создания, готового проглотить нас, я услышал сдавленный возглас Лилит. Я вздрогнул от стука донышка бутылки об стол.

— Не могут они быть кораблями!— Я повернулся и посмотрел на Кена Стара.— Почему вы так считаете?

— Мы изучили очень многие из них,— сказал Кен Стар.— Мы нашли записи сообщений на Магнетите — доклады тех отчаянных людей, которые обследовали остальные камни. Несколько из них имеют форму кораблей — невероятно больших кораблей.

— Неужели это корабли?— не верил я.— Они же в мили длиной.

Он кивнул, глядя на пустой экран.

— Такова истина.

— Что...— мне пришлось перевести дух,— что с ними случилось?

— Время.— В вибрирующей тишине цилиндра его старческий голос звучал как колокол рока.— Время и катастрофа. Я думаю, последний их вояж начался гораздо раньше, чем родилось наше пространство и время.

— Вы знаете, откуда они появились?

Он раскрыл рот, чтобы ответить, однако ничего не сказал и вновь стал смотреть на пустой экран. Старый Хабибула поставил пустую банку из-под икры, и та звякнула, заставив нас вздрогнуть. Взглянув на Лилит, я увидел, что она смотрит в насмешливые рубиновые глаза маленького

черепа. Лицо у нее было отчаянным и бескровным. Она медленно повернулась к Кену Стару. Ладошка ее лежала в моей руке.

— Я думаю, мы знаем это,— сказала она.— Кажется, ты нам когда-то рассказывал...

— Я вам рассказывал о своей теории пространственно-временной вселенной — нашей вселенной, родившейся при взрыве галактики в этой материнской вселенной. Я думаю на этих кораблях спасались беженцы из той галактики.

Величественная и трагическая сага! Героями ее, я полагаю, были существа, немного походившие на нас. Мы находили двери не слишком высокие для людей, а на тех местах, где они, видимо, погибали, фосфорную и кальцисвую пыль. Мы не в силах воссоздать их биохимию, но корабли показывают, что технология у них была развита очень высоко.

Взрываются только старые галактики. Их раса, должно быть, была могущественной и сильной. Остались следы отчаянной борьбы за существование. Вероятно они добрались до пределов своей галактики, опережая взрыв.

Вся галактика разлетелась за ними словно сто миллионов сверхновых, а они сумели построить флот. Очевидно в условиях расширения вселенной их галактика оказалась в изоляции, и они пошли на отчаянную попытку межпространственного перелета.

Он опять сделал паузу, глядя на черный круг зеленоватой тьмы, окруженный туманными звездами.

— По иронии судьбы, единственный уцелевший корабль управлялся роботами,— сказал Кен Стар.— Беженцы построили его для того, чтобы он открыл проход из пространства в пространство, чтобы они могли скрыться от взрыва. Когда проход был открыт, он прошел первым, чтобы разведать новый космос и обеспечить плацдарм для вторжения.

Холодная ладонь Лилит сжала мою руку.

— Я не уверен, что все у них пошло плохо,— сказал Кен Стар.— Мы не нашли записей, которые могли бы прочитать. Ничего не нашли, за исключением тех машин. Однако, я полагаю, часть флота была захвачена галактическим взрывом. Ничто другое не могло бы так смять и оплавить корабли, чтобы мы приняли их потом за природные астероиды.

Я думаю, еще больше их было изувечено, когда они проникли в новую вселенную на слишком большой скорости — дело в том, что их расширяющаяся масса была также опасна, как и взрывающаяся галактика. Быть может имели место и другие фатальные случайности — мы можем на этот счет только догадываться. Но самым неприятным сюрпризом для них, видимо, явилась Аномалия во времени.

— Ах, какой ужас!— вздохнул старый Хабибула.Однако ради драгоценной сыворотки Лиль я согласился бы провести тысячу лет замороженным в чужой вселенной .

Задрожав, он допил вино.

— Должно быть, флоту пришлось ждать, когда роботы подготовят все необходимое для их вторжения,— сказал Кен Стар.— Из-за разницы во времени им пришлось прождать миллионы или сотни миллионов лет, прежде чем роботы смогли послать им сигнал следовать за ними.

К тому времени вся раса, подготовившаяся к вторжению, погибла...

— Выходит нам противостоят только машины?— прошептал я.— Живых существ там нет?

— Только машины,— кивнул Кен Стар.— Такие как эти четыре робота.

— Смертельно большие машины!— прохрипел старый Хабибула.— По их жутким меркам пространства и времени, мы какие-то жалкие насекомые...

— Но все же, они машины.— Кен Стар улыбнулся ему.— И прекрасные машины. Они делают то, для чего их создали, только и всего. Я цитирую Жиля. Он исследовал их. Он разобрался в их назначении. Вот почему нам удалось уйти живыми...

— Я думал, что мы ушли.— Старый Хабибула сидел, печально глядя на пустую бутылку.— Пока не узнал, что мы играем в эту игру, в которую нас втянули роботы.

— Игру?— Держа Лилит за руку, я пытался сдержать дрожь.— С роботами?

— Я полагаю, мы играем в нее по их вине. А они играют с того момента, как родилась наша вселенная. Они совершают рейды. Они готовят базу. Они сигнализируют флоту. Конечно, флот не придет, за исключением нескольких камней, которые кочуют взад — вперед, влекомые силами Аномалии.

— И что же будет дальше?

Сидя в напряжении, Кен Стар глядел на экран.

— Будем надеяться, что нам удастся разобраться,— сказал он.— Может быть, роботы придут к выводу, что в план вторжения вкралась ошибка. Надеюсь, они отступят, чтобы попробовать еще раз в другом месте — может быть, в какой-нибудь другой вселенной.

— Думаете, это случится?

— Судя по всему, в прошлом они пытались это сделать.— Он кивнул высохшей головой.— Возможно, сотни или тысячи раз. Корабль-матка достаточно стар, хотя время в Аномалии почти остановилось, а поврежденные корабли проходили ее миллионы раз...

— Смотрите!— воскликнул он.— Еще один рой обломков. Видимо, оставшихся после выстрела по нашему астероиду.

Экран снова засиял. Искры и перья света плыли сквозь Аномалию, подбираясь к воронке, словно несомые тем же течением, что и мы, в полуночной вселенной. Они осветили корабль-матку.

Она стала отчетливо видна, ужасно огромная, ужасно необычная и близкая. Бросились в глаза отдельные части — выступы, которые не

были дюзами, плоскостями или антеннами. Она быстро вращалась — так быстро, что восемь шаров сливались воедино.

— Она нацелена прямо на нас!— Встревоженный, я повернулся к Кену Стару.— Что это значит?

— Скоро узнаем.

Я повернулся в сторону карты. Зеленая точка станции находилась в глубине брюха Аномалии. Машина представляла собой ярко красную точку. Мы ползли навстречу друг другу.

— Идем на столкновение,— прохрипел я.— Именно это показывает компьютер. Мы врежемся в нее.

— Не думаю.— Старческий голос Кена Стара был необычно спокойным.— Они не допустят этого.— Он взглянул запавшими глазами на старого Хабибулу.— Жиль, а ты что скажешь?

— Это машины.— Хабибула медленно заморгал.— Они делают то, для чего их построили. Они не питают к нам зла. Они лишены людского коварства. Но если они сочтут, что движение астероида представляет для них угрозу, то они уничтожат нас в тот же миг.

— Следует ли нам покинуть станцию?— я вопросительно посмотрел на Кена Стара.— Мы могли бы бежать на спасательной ракете под прикрытием станции.

— Слишком поздно об этом думать.— Он печально покачал головой.— Станция недолго будет нас прикрывать. Роботы заметят огонь наших дюз, а они запрограммированы на уничтожение любого неопознанного корабля.

Он взглянул на черную воронку, готовую поглотить нас, на огромный корабль, поджидающий нас у входа. Корабль был похож теперь на один шар в кольце зеленоватого сияния.

— Придется ждать,— хрипло пробормотал он.— Посмотрим.

Старый Хабибула сидел и смотрел на экран, зажав бутылку, словно в ней содержался какой-нибудь способ бежать.

— Расскажи, как мы нашли этот ужасный корабль,— пробормотал он хрипло.— Расскажи как он сигналит лазерным лучом, красным как кровь, вызывая флот и не получая ответа. Расскажи, как мы шли на этот сигнал, держась в драгоценной тени мертвого дрейфующего корабля.

Твердый взгляд командора не отрывался от черного колодца перед нами, от ярко-зеленого изображения чудовищной машины в кольце огня. Кен Стар ничего не сказал.

— Расскажи им, как мы проникли на борт,— прохрипел старый Хабибула.— Расскажи, как я нашел волновод. Как я открыл его. Расскажи, как мы покинули ракету и проникли в холодное стальное чрево.

Сияющее кольцо, окружавшее огромную воронку, стало расширяться, пропуская нас. Яркий шар корабля-робота быстро приближался.

— Расскажи им, как мы прятались и пытались узнать смертельную тайну корабля,— продолжал Хабибула.— Расскажи им, как мы попали

в каюты, где жили исчезнувшие хозяева. Расскажи,как на нас охотились кровавые роботы, как мы пробрались в этот жуткий главный компьютер.

Освещенная круглым обручем мерцающего зеленоватого огня, каждая часть чужого корабля выглядела яркой и холодной, невероятно огромной, ледяняще-непривычной. Крепко держа Лилит за холодную ладошку, я старался держаться — не зная толком, зачем.

— Расскажи им, как мы выбрались оттуда,— прошептал старый Хабибула.— Расскажи, как нам это удалось. Как мы ждали, пока этот смертельный робот принесет нас обратно,— а ведь он тем временем пролетел половину вселенной. Расскажи, как мы пролетели через этот огненный обруч.

Глядя на ярко-зеленый диск чужого корабля, увеличивающийся на экране, я произвел быстрые подсчеты. За последние сорок секунд его диаметр удвоился. Это означало, что наша станция за те же сорок секунд прошла половину расстояния. Нам осталось сорок секунд жизни, если ничего не произойдет.

— Расскажи им, как мы вернулись,— хрипел старый Хабибула.— Расскажи, как ты рассчитал угол стерилизующего луча. Расскажи, как мы набрали скорость в тени корабля и проскользнули сквозь обруч с выключенными дюзами, и причалили к драгоценной станции...

Он всхлипнул и замолчал.

— Ларс!— Рука Лилит отчаянно вцепилась в мою руку.— О, Ларс! Аномалия исчезла.

Черная воронка и зеленая машина замерцали и пропали с экрана. Северные звезды сияли там, где они были раньше, в полную силу. Край Света прекратил существование.

Не веря своим глазам, я взглянул на другую стену цилиндра. Прожорливая тварь превратилась в прозрачного серого призрака, тающего на электронной карте.

Яркая магнитная паутина растворилась. Вскоре вся карта опустела, и на ней остались лишь зеленая крапинка станции.

— Они закрыли ворота,— тихо сказал потрясенный Кен Стар.— Я знал... почти точно знал, что они это сделают. Жиль говорил, что они не позволят нам столкнуться с ними.

— Они — машины,— засопел старый Хабибула.— Они делают, что могут. Не дождавшись флота, они вынуждены были вернуться.

— Я думал...— У меня перехватило дыхание.— Я думал, они выстрелят в нас.

— Мы проникли в главный компьютер,— пробыхтел старый Хабибула.— И разбили немалую толику транзисторов.

— Жиль!— Лилит обняла его, в глазах ее горел веселый огонек.— Я никогда не верила в твои похвальбы...

— Однако теперь ты знаешь, что я — бессмертный герой.— Он поцеловал ее в губы.— И смертельно голодный герой! В той мертвой все

ленной мы встретили достаточно загадок, опасностей и тайн, но не нашли там ни крошки еды и питья. Давайте же принесем еще икры и вина!

— Пойдем в станционный госпиталь, Кен.— Лилит взяла морщинистую руку Кена Стара.— Я хочу взглянуть на наших пациентов, а тебе не мешает сделать укол сыворотки Жиля.

Я остался один в цилиндре. Торжество непонятным образом улетучилось. Станция вновь была в безопасности, под моим командованием — хотя сама задача исчезла. Теперь можно было связаться с базой сектора и попросить помощи.

Я стоял и с тяжелым сердцем ждал Лилит. Здесь, в нашем пространстве и времени, ее оружие опять могло действовать. Она снова стала богиней, и ей можно было не бояться тусклого холодного черепа на пальце. Она покинула меня — привычная к полному повиновению, властная над жизнью и смертью.

Я сделал шаг ей вслед, однако я не из тех, кто может преследовать богинь. Я отпустил ее, стараясь не слышать ее веселых шуток по адресу Жиля Хабибулы, не видеть ее ладони в руке Кена Стара. Одеревенев, я повернулся к компьютеру.

И тут я услышал изумленный голос Лилит:

— Ларс, не думаешь ли ты... не думаешь ли ты, что ты мне больше не нужен?

Я повернулся и увидел, как она возвращается, мчась в малой гравитации как белая и прекрасная птица. Я схватил ее дрожащими руками, теплую, стремительную и чудесную. В больших бронзовых глазах сияли слезы. Она отчаянно вцепилась в меня — не столько богиня, сколько просто девушка. Я крепко обнял ее и поцеловал, сняв отчаяние со своего лица, зная, что я действительно нужен ей.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Первая война Жиля Хабибула 3
2. Вторая война Жиля Хабибула 153
3. Третья война Жиля Хабибула 283
4. Четвертая война Жиля Хабибула 385

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН.

"Десятые звездные войны". /"Библиотека зарубежного крим. и прикл. романа". Выпуск 18/.

Художественный редактор А.САЯПИН
Технический редактор Л.ЗАИЧКИНА, И.ТЫРВА

"МЕЛОР". ЕЕ0601. Эстония, г.Таллинн, а/я 3515.

ЛР № 062693, выдана 7.06.93 г. Сдано в набор 10.02.94 г. Подписано в печать 4.03.94 г. Формат бумаги $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 29,7. Заказ № 4321. Тираж 20 000 экз. Заказное.

Качество печати соответствует качеству диапозитивов, представленных издательством.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Министерства печати и информации Российской Федерации. 214020, г.Смоленск, ул.Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА